

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ТРИЛЛЕР

В СТИЛЕ
НУАР

**Константин
ОБРАЗЦОВ**

МОЛОТ ВЕДЬМ

Annotation

Одним холодным петербургским вечером уже немолодой интеллигентный человек, обладающий привлекательной внешностью и изящными манерами внезапно начинает убивать женщин. Молодых и старых. Красивых и не очень. Убивать изощренно, продуманно, осмысленно и планомерно. Убивать с нечеловеческими пытками, от которых у людей вмиг ломается воля и сколь-нибудь заметное желание сопротивляться. Он делает это с ледяным спокойствием, с абсолютным убеждением в острой необходимости своей миссии. Паспорта казненных женщин мужчина оставляет рядом с их полу сожженными останками — чтобы полиции легче было опознать тела убитых. А так же табличку с лаконичной надписью «Ведьма». Следователи сбилась с ног, отыскивая жуткого «серийника», прозванного Инквизитором. Они отметают одну версию за другой, пытаются разгадать мотивы жестоких убийств. Все тщетно. Так кто же он — этот жестокий убийца? Очередной маньяк — шизофреник или новый герой нашего времени, вынужденно взваливший на себя неблагоприятное бремя палача? Хладнокровное чудовище или несчастный человек, просто не нашедший иного, менее кровавого способа спасти мир?

- [Константин Образцов](#)

-
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)

- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [ЭПИЛОГ.](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)

- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)

Константин Образцов

Молот ведьм

«Ведьмы существовали за счет наиболее грязных чувств и эмоций своей эпохи».

Август Монтегю Саммерс.

«Следует видеть причину испорченности не в чёрте, а в человеческой воле».

Якоб Шпренгер, Генрих Инститорис.

«Задача писателя — показать людям мир, в котором они живут. Мы держим для них зеркала».

Нил Гейман.

Глава 1

22 марта 20... г.

В купе темно, жарко и пахнет старым вагоном: разогретым железом, бельевой пылью и холодной едой. Свой пиджак я давно снял и пристроил поверх пальто на вешалке у двери, рядом с висящей на крючке шляпой. Моя попутчица стянула свитер — не раньше, впрочем, чем мы привыкли друг к другу — и сейчас на ней только черные тонкие брюки и белая футболка с глубоким вырезом на полной груди. Когда редкие синеватые вспышки фонарей за окном освещают купе, широкие мягкие тени скользят по ее телу, как ласковые ладони. Сапоги она тоже сняла и сидит, поджав ноги. У нее прекрасные изящные стопы и темный лак на ногтях. Я думаю о том, какого цвета он может быть: черный? Темно-вишневый? Может быть, синий?

Я подсел к ней в Бологое. В купе кроме нее никого не было — повезло. Мне вообще в последнее время очень везет. Она сидела на нижней полке слева от двери: светловолосая молодая женщина, с пышной зрелой фигурой и большими голубыми глазами. Я вошел и поздоровался; она оторвала взгляд от смартфона, глянула на меня настороженно и немного недовольно, ответила на приветствие и снова стала смотреть в экран.

Сейчас почти все так проводят свободное время: смотрят в какой-нибудь экран.

Сначала мы молчали, как всегда в начале пути молчат незнакомцы в поезде, только изредка посматривали друг на друга, так, чтобы другой этого не заметил. Потом понемногу разговорились: ужасный поезд, такой древний, просто мало кто ездит сейчас на поездах с дальнего Юга России в Петербург, все пользуются самолетами, но что делать, если нужно уехать из Москвы, а билеты есть только на транзитный, все-таки выходные, ну ладно, доедем, главное ведь хорошая компания — и все в таком роде. Она сказала, что занимается пошивом одежды, разных необычных сценических костюмов, и ездила в Москву по работе: была у крупного заказчика, а теперь возвращается обратно, и ей нужно обязательно быть дома до завтрашнего утра, потому что у нее маленькая дочь, с которой сейчас сидит мама.

Упоминание дочки — хороший знак того, что все идет так, как надо, и можно делать следующий шаг.

— Давайте познакомимся, — предложил я и назвал свое имя.

— Очень приятно, — ответила она. — А я Оксана.

Немного замешкавшись, она протянула мне руку, и я слегка пожал теплые нежные пальцы.

Оксана улыбнулась, глядя на меня, и я точно знал, кого она видит: интеллигентного мужчину средних лет, аккуратного, неплохо одетого, с располагающей внешностью и обаятельной улыбкой.

— А чем Вы занимаетесь? — поинтересовалась Оксана.

— Историк-медиевист, — ответил я и пояснил. — Изучаю Средние века.

— Это, наверное, очень интересно, — заметила она. — Такой таинственный и мрачный период истории: замки, крестовые походы, инквизиция, пытки... Ужас.

Мне хотелось ответить, что я считаю Средневековье одной из самых достойных страниц в неблагоприятной биографии человеческого рода, которому как раз сейчас бы не повредили и Крестовые походы, и Святая Инквизиция, какой она была в годы своей силы и славы, но это не лучшая тема для продолжения разговора.

— Да, — сказал я. — Совершенно согласен. Захватывающие времена.

Я рассказал, что ездил к своему научному руководителю в Бологое, консультировался по вопросам докторской диссертации. А еще советовался по поводу издания книги, исторической монографии, которая скоро выйдет в свет.

— Книга! Как здорово! — восхитилась Оксана. — Я обязательно куплю! Дадите мне автограф?

— Конечно, — улыбнулся я. — С удовольствием.

— Наверное, тоже торопитесь домой? — спросила она.

Я понимаю, что она хочет услышать, и ответил, несколько не погрешив против правды:

— Не очень. Меня ведь никто не ждет.

Мимо окна мелькает пустынная платформа, низкое деревянное строение с темными окнами, и яркий рыжий фонарь, на мгновение заливающий купе волной золотистого света. Безлюдный полустанок похож на брошенную декорацию к несостоявшейся жизни. Он появился и тут же исчез в ночи, как ненужное воспоминание, и через несколько мгновений поезд уже снова мчится в ненастном мраке сквозь дождь и мокрый снег.

— Это какая станция была?

— Не знаю, — ответил я. — Не успел разглядеть.

Колеса выстукивали угрюмый ритм, вагон вздрагивал и чуть

покачивался на стыках рельс, черный рваный силуэт леса извивался вдоль дороги, и мимо порой проносились желтоватые огоньки деревень, похожих на иные миры. Когда до города оставалось чуть больше двух часов пути, Оксана начала рассказывать о себе. Кажется, я спросил что-то о ее работе, о том, много ли заказов, и она, сначала чуть сбивчиво, медленно, подбирая слова, а потом все больше увлекаясь, принялась рассказывать свою историю.

Я сидел, слушал, и думал, что человеческие жизни будто пишут разные авторы: кому-то достается мастер детективной интриги, кому-то любитель авантурных сюжетов, но гораздо чаще по клавишам пишущей машинки людских судеб колотит убогий бытописатель серых офисных будней или стареющая авторесса однообразно унылых женских романов.

Мать-одиночка, так и не вышедшая замуж за человека, с которым прожила три года и который в один прекрасный день пропал вместе с ее немногочисленными сбережениями. Жизнь в квартире у пожилой мамы, в трудные времена помогавшей деньгами из собственной небогатой зарплаты и принявшей к себе вместе с ребенком, несмотря на прошлые обиды и ссоры. Попытка создать швейное ателье вместе с подругой по колледжу: та, едва лишь появились первые признаки успеха, воспользовалась доверием, бывшим основой их скромного совместного бизнеса, и выбросила свою партнёршу из дела. Безденежье, особенно ощутимое при растущей дочери, которой на следующий год предстоит идти в школу, доходы от редких заказов, почти полностью уходящие на выплаты по старым долгам...

Я сочувственно кивал и думал, что жизни Оксаны срочно требуется сменить автора.

— Но сейчас ведь все налаживается? — спросил я. — Вот, в столице получили хороший заказ.

— Да, — почему-то безрадостно отозвалась она. — Начало налаживаться.

И отвела взгляд.

Дальше мы едем в молчании. Вместо леса вдоль дороги потянулись низкие стальные ангары, заброшенные заводские корпуса из раскрошившегося кирпича, с разбитыми окнами и провалившимися крышами, поросшими сорной травой, почерневшие металлические конструкции, тускло блестящие от воды, покореженный трактор, дырявые железные бочки — словно сцены из фильма, в котором технократическая цивилизация уничтожила себя, изуродовав мир вокруг ржавчиной, бензином и машинным маслом.

— Скоро город, — говорю я и встаю. — Через полчаса уже прибудем.

Вам куда ехать?

Оксана садится, спустив ноги с полки, и смотрит на меня снизу вверх.

— Мне далеко вообще-то, — неуверенно говорит она. — На Богатырский проспект, почти у кольцевой.

— Давайте я Вас подвезу, — предлагаю я. — У меня машина рядом с вокзалом.

Теперь фонари уже не проносятся, а проплывают один за одним, свет и тени кружатся по купе в медленном танце. Оксана чуть нагибается вперед, глубокий вырез футболки, натягиваясь под тяжестью груди, сползает ниже, но я стараюсь смотреть ей в глаза: они большие и широко распахнутые, как у ребенка, которого незнакомый взрослый дядя зовет посмотреть щенка. Я понимаю, что ей нужно немного помочь, и делаю это.

— Сейчас уже поздно, метро закрыто, — подсказываю я. — И погода ужасная. Вам все равно придется на такси ехать или машину ловить, а я не хочу, чтобы Вы промокли или Вас украли.

Я улыбаюсь, и она тоже улыбается в ответ.

— Спасибо большое! А Вам точно не сложно?..

Я знал, что она согласится. Мать-одиночка автоматически примеряет любого мужчину, с которым пообщалась дольше минуты, на роль мужа и отца своего ребенка, и нельзя сказать, что в моем случае эта примерка была неудачной.

Поезд медленно втягивается под навес вокзала, как старый усталый змей, возвращающийся в родную нору. Мы протискиваемся по узкому коридору вагона, я впереди, она следом, проходим мимо сонного тощего проводника в поношенном форменном пиджаке, и ступаем на мокрый асфальт платформы. Я помогаю ей вытащить большой красный чемодан на колесиках. У меня из вещей только потертый портфель с книжкой и блокнотом внутри.

— Оксана, — говорю я, — Вы можете одна выйти на улицу? У меня машина стоит на Гончарной, я пойду вперед, прогрее немного и встану у тротуара, хорошо?

Она немного растеряна, но не задает вопросов и соглашается. Мы обмениваемся номерами телефонов на случай, если что-то пойдет не так, и я быстро иду к зданию вокзала мимо патрульных полицейских и редкой цепочки похожих друг на друга угрюмых мужчин, монотонно бормочущих, словно заклятие: «Такси, такси, такси недорого, такси...».

Я вхожу в большие стеклянные двери и сразу сворачиваю направо, в один из боковых выходов. Узкий переулок, ряды торговых ларьков, грязь, смрадные тени слоняющихся бродяг, промозглый ветер, злой дождь

пополам с липким снегом. Я натягиваю тонкие кожаные перчатки, надвигаю шляпу на глаза, поднимаю повыше воротник пальто и быстро иду, оскальзываясь в слякоти и забрызгивая брюки водой из глубоких холодных луж.

Моя серая «Волга», вся в неряшливых разводах от талого снега, стоит там же, где я оставил ее вчера: в тесном узком дворе, метрах в ста от вокзала. Никто не проколол колеса, не разбил стекло, на бортах и крыльях не нацарапано нецензурных слов.

Да, мне везет. В последнее время особенно.

Я осторожно выбираюсь на улицу задним ходом через низкую темную арку, не разворачиваясь, еще немного сдаю назад, и останавливаюсь, включив аварийный сигнал. Уже час, как наступило воскресенье, и, несмотря на глубокую ночь, на вокзальной площади и двух пересекающих ее проспектах движение еще оживленное; впрочем, на Гончарной машин сейчас нет.

Я замечаю Оксану в зеркале заднего вида: она выходит из вокзала, оглядывается, качает головой в ответ на слова подошедших к ней таксистов и идет в мою сторону. Одной рукой она тащит за собой чемодан, другой пытается достать телефон из висящей на плече сумочки. Я вылезаю из машины и сам набираю ее номер.

— Оксана, я Вас вижу! Да, идите прямо, вот я стою здесь, большая серая «Волга»-универсал, видите?

Что бы я сделал, если бы она передумала? Если бы вызвала такси или вышла с другой стороны и просто поймала первую попавшуюся машину? Если бы сочла странным предложение самой прогуляться с багажом и под дождем до боковой улицы? Позвонил бы я ей или нет?

Но она не передумала, не вызвала, не поймала: стоит здесь, рядом со мной, капли дождя сверкают на ворсинках пальто и в чуть растрепавшихся светлых волосах, на полных губах улыбка, голубые глаза сияют — может быть, отраженным светом уличных огней, а может быть, от чего-то другого. Я открываю багажник и наконец забираю у нее чемодан.

— Осторожнее, — говорит она, — он тяжелый!

— А я сильный, — и улыбаюсь ей в ответ.

Мы садимся в салон и захлопываем дверцы. Я смотрю сначала вперед, потом в зеркало заднего вида: машин на улице по-прежнему нет, редкие прохожие спешат, низко нагнув головы, защищаясь от ветра с дождем.

— Извините, — говорю я, — машина не представительского класса. Наверное, нужно было предупредить.

— Ничего, — весело отвечает она, — главное — это хороший

водитель.

— Вы, наверное, замерзли, пока дошли. Сейчас я включу печку, согреетесь.

Оксана улыбается — ей приятна моя забота. Я вижу, что она расслабляется: в машине уютно, тепло, а впереди дом, дочка, мама и отдых.

— Ну вот, можем ехать. Осталось только пристегнуться.

Она кивает и берется за ремень безопасности.

— Там механизм немного тугой, потяните посильнее, двумя руками, — подсказываю я.

Оксана послушно тянется к пряжке ремня второй рукой, разворачиваясь ко мне спиной.

Я быстро достаю из кармана пальто электрошокер, прижимаю к ее шее и нажимаю на кнопку.

Электрический разряд бьет с такой силой, что я чувствую, как шокер вздрагивает у меня в руке. Короткий треск в тишине салона кажется оглушительным, и к запаху бензина примешивается легкий аромат озона. Удар током бросает Оксану на дверцу, она с громким стуком бьется головой о стойку, а потом заваливается вперед и замирает. Сумочка, которую она так и не застегнула после того, как доставала мобильный, соскальзывает с колен и падает, рассыпая содержимое.

Это плохо. Потом нужно будет проверить, чтобы ничего не осталось в машине.

Я еще раз оглядываюсь. Всего в сотне метров на ярко освещенной площади перед вокзалом снуют силуэты десятков людей, у стоянки такси переминаются с ноги на ногу водители в ожидании припозднившихся пассажиров, машины редеющим ночным потоком проносятся одна за одной по проспектам. Но улица, на которой стоит мой автомобиль, пустынна. Никто не проехал, не выглянул из темных подворотен, не прошел мимо и не постучался в окно.

Женщина рядом со мной лежит головой на передней панели, неловко вывернув шею. Она неподвижна, только левая рука слегка подрагивает от пробегающих по телу электрических разрядов. Мой шокер специально подготовленный, с увеличенной мощностью, и сознание к ней вернется не раньше, чем через четверть часа, но медлить не стоит.

Я трогаюсь с места и медленно заезжаю обратно во двор. Выхожу из машины. Серые стены узкого каменного колодца уходят высоко вверх, к неровному четырехугольнику темного неба. Пахнет холодом, сырým камнем, грязным снегом и вонючей талой водой, прошедшей через фильтры гниющего содержимого мусорных баков. В окнах домов чернота,

и только в некоторых мерцают гипнотические голубоватые сполохи телевизионных экранов.

Ожившие призраки развлекают живых мертвецов.

Теперь действовать нужно быстро, но без спешки: суета мешает сосредоточиться и дезорганизует. Я открываю багажник, откидываю крышку, отделяющую багажный отсек от верхней части салона, вынимаю ее чемодан, свой ящик с инструментами, и ставлю рядом на мокрый булыжник двора. Из ящика достаю большую катушку широкого скотча, охотничий нож, и иду к пассажирской двери. Оксана по-прежнему без сознания. Разумеется.

Я приподнимаю и слегка толкаю ее. Она мягко падает на бок, головой на водительское сидение. Снимаю с нее сапоги, задираю брючины и тщательно, плотно обматываю скотчем лодыжки чуть выше тонких капроновых носков. Теперь я могу разглядеть цвет лака у нее на ногтях: он темно-красный.

С руками немного сложнее: снимать в машине пальто с неподвижного тела неудобно, поэтому я засучиваю ей рукава и старательно заматываю заведенные за спину кисти, а потом для верности еще и прикручиваю руки несколькими оборотами скотча к телу на уровне локтей поверх пальто. Затем заклеиваю рот, намотав клейкую ленту вокруг головы.

Теперь нужно оттащить ее в багажник. На данном этапе это самое трудное и опасное: мои манипуляции в темном салоне автомобиля вряд ли можно было бы рассмотреть, случайно выглянув в окно или даже выйдя во двор, чего не скажешь о перетаскивании безжизненного тела.

Быстро, но без суеты.

Сначала я тяну ее за ноги, наполовину вытаскивая из салона. Пальто задирается вверх, босые стопы свешиваются на землю и светлые носки намокают черными грязными пятнами. Я нагибаюсь в салон, крепко обхватываю ее вокруг груди, прижимая к себе, и тяну. Расслабленное тело повисает на руках неподвижной тяжестью, семьдесят килограмм живого веса словно превратились в тонну вялой растекшейся плоти. Мышцы сводит от нагрузки, пальцы рук, которые я сцепил в стальной замок у нее за спиной, немеют и готовы разжаться. Я выволакиваю ее из салона и, пятясь, тащу к открытому багажнику. Ноги скребут по асфальту. Я чувствую, как мои спина и затылок будто становятся мишенями, в которые упираются невидимые взгляды из всех темных окон разом; краем глаза смотрю на арку и уверен, практически абсолютно уверен, что сейчас кто-то войдет во двор и остановится, глядя на то, как я, тяжело дыша и отдуваясь, волоку связанную женщину к багажнику автомобиля.

Но нет ни криков из окон, ни случайных прохожих, и никто не выходит из плотно закрытых железных дверей. Все тихо, только слышно, как с протяжным вздохом пронесся по пустынной улице одинокий автомобиль.

Мне везет. Я уже говорил об этом?

Я отодвигаю в сторону две канистры с бензином и заталкиваю тело в багажник как можно дальше, до самой спинки сдвинутого вперед заднего сидения, туда, где лежит длинный полотняный чехол с двуствольным ружьем. Руки гудят, мускулы слегка подрагивают, как будто я тоже получил разряд из шокера. Я забираю из салона сапоги, заталкиваю в сумочку выпавший кошелек, ключи, собираю с грязного резинового коврика рассыпавшуюся мелочь. Ее мобильный телефон я выключаю и кладу в нагрудный карман пиджака. Потом закидываю сапоги и сумочку в багажник, туда же засовываю чемодан и инструменты, отхожу на пару шагов и смотрю: снаружи заметна светлая ткань пальто, перемотанного скотчем, и босые грязные стопы. Увидеть лицо мешает красный чемодан. Я сдвигаю инструментальный ящик так, чтобы он хоть как-то заслонил ноги. Остается надеяться, что никто не станет интересоваться моим грузом.

Я сажусь за руль, медленно выезжаю из двора и отправляюсь в путь.

«Qui habitat in protectione Altissimi, sub umbra Omnipotentis commorabitur. Dicit Domino: refugium meum et fortitudo mea, Deus meus, sperabo in eum...» ^[1]

Через сорок минут город с его шумными тревожными улицами наконец остается позади. Узкое темное шоссе извивается крутыми изгибами среди лесистых холмов; в потоках дождя становится все больше крупных хлопьев мокрого снега, и щетки на лобовом стекле сгребают их вместе с водой, утрамбовывая в белую полосу и оставляя дрожащие мутные тени. Я не разгоняюсь быстрее восьмидесяти километров в час и дисциплинированно снижаю скорость, когда проезжаю светящийся большими окнами пост дорожной полиции. Постовой в длинном мокром дождевике с капюшоном едва смотрит в мою сторону и равнодушно отворачивается: водитель за рулем старой «двадцать четвертой» «Волги» не может быть ни опасен, ни платежеспособен.

После очередного подъема шоссе выпрямляется, упираясь в непроглядный мрак впереди. Небо на севере от горизонта до самой высокой точки своей сферы совершенно черное и клубится огромными тучами, словно древней неизбывной угрозой. Я вспоминаю слова из псалма: *«мрак сделал покровом Своим, сению вокруг Себя мрак вод, облаков воздушных»* ^[2]. Не нужно думать, что, взывая к небесам, вы обращаетесь

к Богу. В книге Иова сказано: «Облака — завеса Его, так что Он не видит, а ходит только по небесному кругу»^[3]. Создатель остался за кулисами земного спектакля, за завесой тьмы, ограждающей божественный взор от непотребства, в которое порочные арлекины превратили Его прекрасный и полный гармонии замысел. Здесь, под плотным пологом туч, небеса — обитель воздушных духов злобы, которые поджидают меня сейчас впереди, в черной пустоте адской бездны. И груз в моем автомобиле предназначен для доставки именно туда.

Через полтора часа я прибываю в пункт назначения. Дачный поселок темен и пуст: электричества нет, и ни сезон, ни погода не располагают жителей города к посещению своих летних резиденций. Я неторопливо пробираюсь по узким песчаным улицам меж деревянных оград, молчаливых домов, голых зарослей кустарника и высоких сосен и елей. Нужный мне дом стоит у подножия небольшого холма рядом с пересечением двух дорог: одна идет вверх и прямо, мимо дачных участков, а другая уходит правее и ниже, к густому лесу метрах в пятидесяти от перекрестка. Я сворачиваю направо. Дорога, ведущая в лес, вся изрыта промоинами, ямами и сосновыми корнями, выступающими из плотного песка, как щупальца подземных чудовищ. Машина раскачивается и подпрыгивает, мощный свет фар освещает лес впереди, и в пронзающих тьму ярких лучах он похож на сказочную пещеру, теряющиеся во мраке своды которой подпирают толстые колонны деревьев, образующие причудливый лабиринт.

Ливень устал и как будто бы постарел, яростные потоки сменились унылым и ровным дождем, шуршащим в тишине по прошлогодней палой листве, которую снег безуспешно пытался прикрыть тонким грязно-белым покровом. Кроме этого тихого шороха больше ни звука, ни движения. Некоторое время я стою, слушая тишину, потом открываю крышку багажника и вынимаю ящик с инструментами. Следом вытаскиваю чемодан, и вижу широко открытые, полные страха и слез голубые глаза. На лбу над правой бровью расплылся припухший синяк. Я захопываю багажник и запираю его на ключ. Чемодан оставляю рядом с машиной, достаю ручной фонарь и с ящиком в руках бреду по короткому пологому склону, поросшему редкими невысокими елями и осинами.

Все три окна заднего фасада дома — два на первом этаже и одно на втором — непроницаемо темные, как и крыльцо, забранное хлипкими деревянными переплетами. Дом старый и дряхлый: на крыше комья мертвого бурого мха, обветшавшие дощатые стены покрыты чешуей выцветшей и облупившейся краски, оконные рамы рассохлись и еле держат

чудом уцелевшие тонкие стекла; балкон на втором этаже угрожающе навис над задним двором. Ржавая проволочная сетка забора провисла до самой земли на невысоких замшелых столбах. Собственно, поэтому я и выбрал это место: мне нужен был не просто пустой дом в уснувшем до лета дачном поселке, а такой, куда с наименьшей вероятностью могут неожиданно наведаться на выходные хозяева. То, что я делаю, и так довольно опасно, так что незачем множить ненужные риски. Дверь, ведущая на крыльцо, приоткрыта. Десять дней назад я сам выломал замок, расковыряв топором прогнившую древесину. Потемневшие от дождя и снега щепки так и остались валяться у порога. Значит, за это время в доме никто не побывал и даже не подходил близко: ни хозяева, ни соседи, никто.

Я вхожу внутрь, делаю пару шагов по крыльцу, стараясь не споткнуться о старые мятые ведра и жестяное корыто, на дне которого плавают в лужице грязной воды желтые сосновые иглы, и открываю внутреннюю дверь. Густая темнота пахнет сыростью, мокрой бумагой и промозглым холодом. Тусклый желтоватый луч фонаря освещает тесную комнату: небольшой деревянный стол в углу, распухшая от влаги кровать, накрытая заплесневевшим покрывалом, шаткий стул, гнутую спинку которого в свой прошлый визит я прибил гвоздями к стене. Окно, выходящее к лесу, занавешено плотной тканью. Слева чернеет дверной проем, ведущий в другую комнату. Десять дней назад я обошел весь дом, от первого до второго этажа, и во всех комнатах было одно и то же: темнота, сырость, плесень, испуганный писк разбегающихся мышей, и старая мебель, брошенная умирать в этом мрачном приюте ненужных забытых вещей.

Инструменты я оставляю в доме, с фонарем в руке возвращаюсь к машине и отпираю багажник. Когда я хватаю Оксану за пальто и пытаюсь вытащить наружу, она начинает отчаянно извиваться, мотать головой и пытается ударить меня связанными ногами, издавая громкое мычание, которое стало бы воплем, если бы не заклеенный рот. Рукой в перчатке я беру ее за волосы и тяну на себя. Она снова мычит, из зажмуренных глаз сочатся слезы, боль заставляет перестать сопротивляться, и она ползет к краю багажника. Я нагибаюсь и говорю:

— Если ты не прекратишь дергаться, я снова ударю шокером.

Она отрицательно мотает головой и пытается что-то сказать сквозь клейкую ленту.

— Послушай внимательно. Сейчас я освобожу тебе ноги. Ты встанешь и пойдешь сама, куда я поведу. Пожалуйста, не заставляй бить тебя электричеством. Мне этого совсем не хочется.

Оксана кивает. Я помогаю ей сесть и разрезаю ножом скотч на ногах. Потом вытаскиваю чехол с ружьем, вешаю его за лямку на шею, выключаю фары, запираю машину, и мы идем к дому. Осклизлые листья, еловая хвоя и мокрый снег расползаются под ногами, ружье при каждом шаге бьет меня в грудь, в левой руке фонарь, и, хоть я и стараюсь поддерживать Оксану под локоть, она все же падает, когда незаметная в темноте острая проволока провисшей ограды впивается в босую ногу. Мне приходится помогать ей подняться, я теряю равновесие и чуть не падаю сам, роняя фонарь.

Дело еще даже не началось, а я уже чувствую себя до смерти уставшим.

Я ввожу ее в комнату, как полагается, спиной вперед, и усаживаю на прибитый к стене стул; потом как можно плотнее прикрываю дверь крыльца и ставлю рядом пустое ведро. Если даже я не услышу, как кто-то подходит к дому, бесшумно войти сюда не удастся. Дверь в комнату я подпираю изнутри доской, которую нашел на втором этаже. Оксана смиренно сидит на стуле, не сводя с меня влажного взгляда.

Снова берусь за скотч и приматываю ей ноги за щиколотки к ножкам стула, а заведенные назад запястья — к спинке. Стул не внушает доверия: он древний и шаткий, а привязанная к нему молодая женщина рослая и крупная, но я надеюсь, что он выдержит. Я ставлю фонарь на стол, регулирую луч так, чтобы он светил Оксане в лицо, потом открываю ящик и раскладываю содержимое на покрытом бурыми пятнами покрывале кровати: молоток с резиновой рукоятью, пассатижи, большие портновские ножницы, литровую бутылку с водой, нашатырный спирт, упаковку валидола, бритвенный станок и гель для бритья, блокнот и ручку; рядом кладу свой нож и электрошокер. Арсенал скудный, но приходится обойтись тем, что есть. Потом извлекаю большой защитный костюм с капюшоном для малярных работ, снимаю пальто и шляпу. Влажный холод пробирает до костей, дом выстужен и отсырел насквозь, но придется терпеть. Я влезая в защитный костюм, застегиваю его, затягиваю капюшон, и меняю свои кожаные перчатки на другие, резиновые, с длинными раструбами почти до локтей. В ящике остается моток толстой стальной проволоки.

Я беру ножницы, показываю ей и говорю:

— Я сниму с тебя одежду. Прошу, сиди спокойно и не препятствуй мне.

В голубых глазах страх и облегчение одновременно: ей кажется, она понимает, что я хочу с ней сделать, и это пугает меньше, чем неизвестность.

Я старательно разрезаю пальто, свитер, футболку, брюки. Наверное, у

нее самой это получилось бы лучше, но я не портной, и мне приходится кроить и кромсать довольно долго, пока вся одежда не превращается в ворох изрезанных тряпок, лежащих на грязном полу. Потом снимаю с нее изорванные грязные носки, обнажая босые стопы. Тщательно исследую каждый кусок ткани — ничего не вшито, не прикреплено изнутри, никаких знаков, кроме фабричных меток. Хорошо.

Когда я принимаюсь за нижнее белье, она начинает дрожать. Разрезанный бюстгальтер раскрывается, и большие груди мягко выпадают наружу. Ее соски затвердели от холода, налились темно-красным, и я с трудом отвожу от них взгляд. Когда я разрезаю трусы, она рефлекторно пытается свести бедра, но я кладу ладони ей на колени, раздвигаю и смотрю между, на розовую полоску плоти среди нежных складок, чувствуя отчетливый, горячий, волнующий запах. На лобке заметна легкая тень от чуть отросших волосков, и я думаю, что если провести по ним рукой, то они будут приятно покалывать подушечки пальцев.

Значит, бритва и гель мне не понадобятся.

Осталось избавить Оксану от скотча на лице. Я встаю, осторожно разрезаю слои клейкой ленты у нее на губах и отдираю рывком. На затылке скотч запутался в волосах, и на ленте остаются длинные светлые пряди.

Она вскрикивает и некоторое время часто и прерывисто дышит ртом. Потом поднимает на меня глаза, и мы молча смотрим друг на друга.

— Что Вам нужно? — наконец произносит она.

— Поговорить, — отвечаю я, и это чистая правда.

— Послушайте, у меня есть деньги, там, в сумочке, конверт, в нем сто семьдесят тысяч, предоплата за заказ, возьмите...

Я качаю головой, и она замолкает.

Пора начинать.

Конечно, полностью исполнить предписанный законный порядок возможности нет. Я не могу пригласить епископа или его заместителя, не могу ждать восемь дней, чтобы получить их письменное согласие, которое мне все равно никто не даст, рядом со мной нет судьи и утвержденного судьей палача, да и у меня самого — ни сана, ни благословения. Но на войне не до бюрократических процедур. *«В религиозных процессах должно быть сокращённое судопроизводство, лишённое излишних формальностей»*^[4], — и эти слова подходят как нельзя лучше к той ситуации, в которой оказался мир почти через шесть с половиной веков после того, как Шпренгер и Инститорис создали свой прославленный труд.

Тем не менее, хотя бы минимальные правила должны быть соблюдены. Я встаю перед привязанной к стулу женщиной и говорю:

— Во имя Господне, аминь. В год от рождества Христова 20..., пятого дня, а потом двадцать пятого дня месяца февраля до моего слуха дошло, что ты, Оксана Титова, из города Санкт-Петербурга, вошла в союз с дьяволом, вступив в еретическое сообщество ведъм, с целью околдования, наведения порчи и прочего, что идёт против веры и служит во вред обществу. Понятно ли тебе данное обвинение и признаешь ли ты его?

В ее глазах ужас.

— Вы сумасшедший, — шепчет она, — Вы самый настоящий сумасшедший, псих...

И вдруг начинает смеяться, все сильнее и сильнее, запрокидывая лицо, измазанное мокрой землей и черной растекшейся тушью.

— Сумасшедший! Сумасшедший...

— Пожалуйста, ответь на вопрос, — негромко говорю я, но Оксана продолжает смеяться, и здесь, в темноте пустого дома, среди молчаливых холодных стен и могильной сырости смех этот звучит по-настоящему жутко.

Я продолжаю: говорю об основаниях для обвинения и внимательно смотрю на нее, когда называю имена и перечисляю свидетельства, а она только хохочет все громче, пока смех не переходит в истерические рыдания. Я мог бы вынести ей приговор прямо сейчас, на основании двух свидетельств, согласно утверждению Бернарда, в ординарной глоссе к канону «*Ad abolendam, praesenti*», но у меня еще есть вопросы, которые требуют ответов, и ответы эти я получу. Я повышаю голос, перекрывая исторгаемые ее хохот и рыдания, и еще раз спрашиваю:

— Признаешь ли ты оглашенное обвинение в ереси и колдовстве, подкрепленное свидетельствами, и готова ли принести покаяние в совершенных тобой беззакониях?

Слезы грязно-серыми дорожками стекают по ее лицу, она мотает головой, а потом кричит мне в лицо:

— Нет! Нет! Псих! Отпусти меня! Ненормальный!

— Ты не оставляешь мне выбора, — говорю я и произношу полагающуюся в таком случае формулировку. — Принимая во внимание результаты процесса, ведомого против тебя, Оксана Титова, я пришел к заключению, что ты в своих показаниях лжешь и упорствуешь. Имеющихся против тебя улик достаточно для того, чтобы подвергнуть тебя допросу под пытками. Поэтому я объявляю, что ты должна быть пытаема сегодня же и немедленно. Приговор произнесён.

Я достаю из бокового отделения ящика несколько небольших мешочков на длинной тесьме: в них освященная соль, травы и воск. Такие

же точно висят сейчас у меня под одеждой. Она отчаянно мотает головой, но я надеваю все это ей на шею. Зашитые в ткань святыни болтаются на голой груди. Я беру в правую руку молоток, присаживаюсь на корточки у ее ног и смотрю на прекрасные стопы, на испачканные разводами талой грязи красивые пальцы с темно-красным лаком, и мне хочется прикоснуться к ним губами. Или провести языком.

Она перестает хохотать и сейчас слышно только хриплое, прерывистое дыхание. Я зажмуриваюсь и стискиваю святыни под водолазкой. Потом открываю глаза и заносу молоток.

— Нет, нет, нет, нет... — раздается шепот, но в тот же момент я бью что есть силы.

Удар выходит неудачным: железо скользит по мизинцу, срывая кожу и мясо и обнажая ярко-белую кость. Раздается пронзительный вопль, темная, как лак на ногтях, темно-красная кровь мгновенно наполняет рану, и тут я бью второй раз. Глухой стук и треск, как будто раздавили крупный орех. Молоток дробит кость, расплющивая мизинец так, что тот вытягивается вперед, превратившись в красно-белую мешанину, из которой вверх торчит маленький вишневый ноготь.

Оксана кричит и с силой откидывается назад на трещащем стуле. Грудь подпрыгивают, мускулы ног напрягаются под белой кожей, затылок ударяется в стену. Крик глохнет среди рыхлых стен, сырых обоев и тряпок. Снаружи его можно было бы услышать, только проходя рядом с домом, но я уверен, что никто сейчас не пройдет мимо и не станет прислушиваться к звукам в глубокой ненастной ночи.

— Признаешь ли ты себя виновной в отречении от Бога, в попрании веры и союзе с дьяволом?

Она не отвечает, только извивается на шатающемся стуле и кричит. Я вновь размахиваюсь молотком, и на этот раз удар получается точным с первого раза: второй палец с хрустом ломается, неестественно изогнувшись. Кровь летит брызгами, а потом проливается на пол густой тягучей волной. Оксана вопит и на этот раз подается вперед, так сильно, что едва не выдирает из стены гвозди, которыми приколочена спинка. Я бью третий раз.

Когда я заканчиваю с левой ногой, двумя последними ударами не без труда раздробив сустав большого пальца, она уже не кричит, а только издает какое-то хриплое карканье. Голова болтается, длинная тягучая нитка кровавой слюны свешивается на грудь. Пальцы страшно изувеченной стопы слиплись и похожи на кусок фарша, перемолотый нерадивой хозяйкой вместе с костями. Весь пол залит кровью, но в пальцах

конечностей человека проходят только малые сосуды, поэтому умереть от кровопотери ей не грозит. В тяжелой влажной духоте комнаты раздается запах мочи: прозрачная лужица собирается у нее между ног и тонкой струйкой стекает на пол. Оксана по-прежнему ничего не говорит, и я прерываюсь, не желая, чтобы от боли она окончательно впала в беспомощность. Я подношу к ее ноздрям пузырек с нашатырным спиртом, она дергается, но не поднимает головы.

Нужен отдых.

Мне становится жарко. Я делаю несколько глотков воды из бутылки. Тело под защитным костюмом кажется раскаленным, по спине стекают капли пота, холодный влажный воздух касается разгоряченного лица, как ледяная вода после парной. Я смотрю на мягкие изгибы полного, зрелого женского тела, на широкие бедра, большие мягкие груди, на белую кожу, покрытую испариной, поблескивающей в свете фонаря, и думаю, что еще могу с ней сделать. В низу живота разливается жидкое пламя, член набухает и ноет, подсказывая невыносимые ответы. Мне хочется встать у нее перед лицом и расстегнуть ставшие тесными брюки, стиснуть грудь или отвязать ее руки от спинки стула, поставить на колени, повалив лицом на кровать, раздвинуть крупные ягодицы, и...

Я провожу рукой по лицу, прогоняя наваждение. С двумя страстями приходится бороться во время дознания — гневом и похотью, и нельзя позволять им взять верх над собой. Пытка должна быть функциональной и эффективной, и служить достижению целей допроса, а ни в коем случае не услаждению страстей палача.

Переведя дух, я снова сажусь на колени и кладу ладони на ее бедра. Даже сквозь перчатки я чувствую, что они холодные и влажные, как лед.

— Оксана, — зову я.

Она смотрит на меня мутным взглядом и кривит рот, желая заплакать.

— Оксана, я прошу тебя во имя братской любви и грядущего спасения души сказать все, что мне нужно. Это ведь не сложно, правда?

Оксана прикусывает губу, в ее глазах страх, и она отчаянно мотает головой. Ее лицо рядом с моим, и мне хочется поцеловать ее покрасневшие припухлые губы.

— Послушай, — снова увещаю я. — Мне придется пытаться тебя до тех пор, пока ты не признаешься. Видит Бог, я не хочу этого делать. Правда, не хочу.

Она отводит глаза и молчит.

— Признаешь ли ты себя виновной в попрании веры и союзе с дьяволом?

Только хриплое дыхание в ответ. Я со вздохом беру молоток, заносу его для удара, и тут она вдруг кричит:

— Да! Да! Да! Да...

Я встаю, беру бутылку с водой и прикладываю к ее губам. Оксана делает несколько жадных глотков, вода течет у нее по лицу и груди. Я стараюсь не смотреть. Голова ее запрокидывается, глаза закатываются, и я едва успеваю убрать бутылку, чтобы вода не залила горло. Мне приходится снова давать наштабь, а потом вылить почти всю воду ей на голову.

Через несколько минут она начинает говорить. Речь путается от боли и страха, и мне приходится подсказывать ответы, иногда помогая себе молотком.

— Признаешь ли ты себя виновной в союзе с дьяволом?

— Да!

— Признаешь ли ты, что топтала и попирала крест в знак отречения от веры?

— Да!

— Признаешь ли, что попирала Святые Дары и богохульствовала?

— Да!

— Признаешь ли, что давала клятву дьяволу слушаться его, служить ему и во всем подчиняться?

— Да!

— Признаешь, что участвовала в шабашах, черных мессах и сатанинских ритуалах?

— Да!

— Есть ли на тебе отметина, оставленная дьяволом в знак того, что ты принадлежишь ему не только душой, но и телом?

— У меня есть татуировка...

Я замахиваюсь.

— Это отметина дьявола?

— Да!

— Где?

Она резко наклоняет голову, откидывая волосы вперед. Я беру фонарь и свечу: сзади на шее, под самыми волосами, виден небольшой синеватый рисунок, схематичное изображение перевернутого трезубца. Во всяком случае, не пришлось искать самому.

— Признаешь ли, что на шабашах приносила в жертву некрещеных младенцев и пила их кровь?

Оксана не отвечает, плачет, трясется, и я без замаха, но с силой бью молотком по изувеченной левой стопе.

Она воеет.

— Да! Да! Да!!!

Она подтверждает все, что касается деталей проведения дьявольских ассамблей и есбатов, известных мне по книгам. Признается в святотатстве, похищении детей, в кошмарных жертвоприношениях и разнузданных оргиях. Она рыдает, срываясь на крик, захлебывается словами и плачем, и я решаю сделать еще один перерыв. Сейчас, когда тело ее истерзано, а дух сломлен и подчинен моей воле, между нами устанавливается особая близость, сродни интимной. Все ее существо в моей власти, и она чувствует это. Я сажусь на пол, прислонившись спиной к кровати, прикрываю глаза, как вдруг слышу дрожащий голос:

— Я раскаиваюсь...

Она смотрит на меня: глаза покраснели от боли и слез, и я думаю о распространенном мнении, что ведьма не может плакать. С другой стороны, *«свойство женщин — это плакать, ткать и обманывать. Нет ничего удивительного в том, что вследствие лукавых происков дьявола, с божьего попущения, даже и ведьма заплачет»*^[5].

— Что ты сказала?

— Я раскаиваюсь...

— В чем же?

— Во всем...в чем нужно...про что говорила... Пожалуйста, можно мне еще попить?

Я даю ей остатки воды и строго говорю:

— Покаяние должно быть деятельным. Расскажи то, что мне нужно знать, и я приму его.

— Что еще мне надо рассказать?

— Расскажи все, что знаешь про других ведьм.

Лицо ее искривляется совсем как у ребенка, и она снова начинает плакать, тихо, жалобно и обреченно.

— Но я ничего не знаю...ничего...

— Оксана, — говорю я мягко, — есть правила, понимаешь? Раскаяние нужно доказать. И если ты сможешь сообщить мне что-то, что угодно, что поможет найти остальных, я оставлю тебя в живых.

В ее глазах недоверие и надежда.

— Обещаете?

Я нежно провожу рукой по ее волосам, убираю свисающие мокрые пряди.

— Разумеется, обещаю. Зачем мне тебя убивать? Я даже отвезу тебя в больницу, которая сейчас будет весьма кстати. Попробуй вспомнить все с

самого начала, а там посмотрим, может быть, что-то окажется полезным.

Я глажу ее по голове, целую в лоб. Она прерывисто вздыхает и начинает говорить, время от времени посматривая на меня, словно ожидая подсказки или одобрения, совсем как примерная школьница, отвечающая урок строгому учителю.

Три месяца назад Оксана пошла к одной колдунье — гадалке, ворожее — чтобы сделать заговор на богатство. Нашла ее по объявлению в газете. Отчаянное материальное положение довело несчастную женщину до мысли о том, что иного средства для поправки дел уже не осталось. Колдунья несколько раз что-то ворожила, благополучно забрав за свои сомнительные услуги немногие последние деньги, а потом предложила более сильное и по-настоящему действенное средство, если, конечно, Оксана решится. И та решилась. Во время посвящения на первом шабаше, когда дело дошло до принесения жертвы, она едва не сбежала, но осталась. Ради дочери. Потом ей вручили талисман, старинную монетку, которую она с тех пор постоянно носит с собой, в сумочке: гадалка сказала, что так надо, и что теперь все будет хорошо. И действительно: почти сразу она получила два отличных заказа от стрип-клубов на пошив платьев, а потом позвонили и из Москвы — тоже клуб, и тоже солидные деньги. Все происходящее казалось ей счастьем и чудом. Все, кроме необходимости каждый месяц участвовать в ассамблее ковена и чудовищных ритуалах шабаша.

Монотонный дождь тихо шуршит по старой шиферной крыше, в комнате становится как будто теплее и даже уютнее, а я сижу на полу, рядом с растекшейся лужей мочи и крови, и думаю, что пользы от ее откровений немного. Где проходили ассамблеи ковена, она не знает: та самая старуха, гадалка, заезжала за ней и отвозила с завязанными глазами в какой-то заброшенный дом, в подвале которого были организованы сборища, а потом точно так же увозила обратно. Имен она тоже не знает, точнее, настоящих имен, только те, которыми они называли друг друга на шабаше: Прима, Княгиня Ковена; Альтера и Терция, старшие ведьмы; Кера, Лисса... Ее саму при посвящении называли Шанель — наверное, из-за профессии. Она не может описать даже лица, потому что на тех двух есбатах, где пришлось побывать, все были в масках — но она, наверное, смогла бы узнать голоса. Конечно, она может рассказать про старуху-гадалку: есть и номер телефона, и адрес, и имя...

— Нет, — говорю я. — Про нее я и так все знаю. Может быть, что-то еще?..

Она делает вид, что задумалась. Я тянусь к молотку, Оксана замечает

это и кричит:

— Я вспомнила, вспомнила!

Одна из ведьм, которую называли Белладонна, узнав о ремесле Шанель, попросила сшить ей костюм несколько специфического свойства: платье из полупрозрачной ткани, очень короткое и полностью открытое на груди.

— Понимаете, не просто вырез, а чтобы грудь совсем была открыта. Я спросила, зачем, а она засмеялась и сказала, что это профессиональная одежда...

— Она тоже танцует стриптиз?

— Я спросила об этом, а она сказала, что нет, но больше ничего...

— Можешь описать эту Белладонну? Если не лицо, то, может быть, рост, фигура? Оксана, ты же швея, я верю, ты сможешь! — подбадриваю я.

Оксана задумывается, а потом выдает: светлые волосы, рост примерно 168 сантиметров, размер одежды 44-й, высокая талия...ну, и все, наверное.

— А возраст?

— Чуть младше меня...может быть, лет двадцать пять...но не старше, чем я, это точно.

— А какие-то особые приметы? Татуировки, шрамы? Тип внешности какой-то особый?

Она снова думает и говорит:

— Не помню...глаза, кажется, зеленые... — и жалобно смотрит на меня.

Под такое описание подходят сотни, если не тысячи женщин в городе. Я думаю, не продолжить ли пытку, но останавливаюсь. Известно, что *«некоторые из пытаемых обладают столь слабым характером, что они подтверждают все, что им говорят; и даже ложные сведения подтверждаются ими»*^[6]. А мне не нужно, чтобы она начала фантазировать.

Пора заканчивать. Я поднимаюсь и говорю:

— Оксана, спасибо тебе, ты все сделала правильно. Мы закончили.

Она смотрит на меня и лепечет:

— Вы же обещали отпустить, помните? Вы обещали... у меня мама с дочкой сидит...я должна...дочка...

Лицо ее опять кривится в гримасе плача. Я снова глажу ее по голове, прижимаю к себе и шепчу на ухо:

— Конечно, конечно, все будет хорошо. Подожди минуту, пожалуйста.

С ножом и фонарем я иду вглубь дома. В одной из комнат нахожу старинный приемник: огромный деревянный сундук на ножках, с

проигрывателем под верхней откидной крышкой. Отрезаю от него электрический шнур, засовываю в карман и возвращаюсь обратно. Все авторитетные ученые сходятся во мнении, что обещание сохранить жизнь нужно держать только до окончания процесса, и некоторые полагают, что потом сознавшуюся ведьму все же следует сжечь живой. Но я считаю, что кроме правосудия есть еще и традиции милосердия в отношении тех, кто принес покаяние.

— Сейчас я разверну стул, чтобы развязать руки. Сиди спокойно.

Клещами вытаскиваю вбитые в стену гвозди, с усилием разворачиваю Оксану на стуле спиной к себе и достаю из кармана провод.

— Прости меня. Мне правда очень жаль.

Я быстро накидываю удавку ей на шею и с силой затягиваю. Оксана дергается и отталкивается ногами так, что стул подпрыгивает, врезается спинкой мне в живот и едва не опрокидывается, из ее груди вырывается сдавленный судорожный звук, так и не ставший криком, а я быстро делаю еще одну петлю и тяну сильнее. Она хрипит. Внезапно пальцы ее рук, связанных за спиной, впиваются ногтями мне в ногу повыше колена. От резкой боли я чуть не выпускаю провод, но продолжаю тянуть, чувствуя, как ее ногти рвут защитный костюм, вонзаются в кожу сквозь ткань брюк, а кисти рук, невероятно выгибаясь, подбираются к паху. Я наваливаюсь вперед, чтобы подключить мышцы груди, как при упражнении с эспандером, и растягиваю провод, словно хочу его разорвать. Удавка впивается ей в шею так глубоко, что исчезает в складках побагровевшей кожи. Хрип прерывается, отчаянная хватка пальцев на моем бедре слабеет, но я продолжаю тянуть что есть сил, и стою, вцепившись в концы провода, еще минуты две после того, как ее тело расслабилось и обвисло на стуле.

«Ворожей не оставляй в живых»^[7].

Выпускаю удавку из онемевших пальцев, устало присаживаюсь на кровать, стараясь не смотреть на лицо. Я чувствую себя совершенно измотанным и усталым, но все же нахожу в себе силы, чтобы прочитать отходную молитву.

«*Requiem aeternam dona eis, Domine, et lux perpetua luceat eis...*»^[8]

Ночь уже прошла, утро еще не наступило. Мир как будто застыл вне времени и вне пространства. Только мрак вокруг, и небесная влага с недобрым шепотом оседает во тьме на невидимый лес, дремлющий в ожидании настоящей весны.

Я ставлю ящик с инструментами рядом с машиной, прислоняю ружье к багажнику, и с ножом в руках снова возвращаюсь в дом. Разрезаю скотч,

удерживающий недвижимое тело на стуле, и оно грузно валится на пол. Потом беру труп за ледяные лодыжки и выволакиваю наружу. Голова с глухим стуком бьется о деревянные пороги и низкую ступеньку крыльца. Я тащу тяжелое тело за ноги, слышу шорох, с которым оно скользит по гниющей мокрой листве и чувствую, как еще теплая кожа цепляется, а потом рвется об острую проволоку поникшей изгороди. Когда я кое-как усаживаю ее, прислонив спиной к замшелому бетонному столбу, мне все-таки приходится взглянуть ей в лицо: оно сине-багровое, все в темных отметинах полопавшихся сосудов, безобразно одутловатое, как будто покойница обиженно надула щеки перед смертью. Ниже впившейся в шею удавки тело белое, как бумага, и округлившаяся темная голова с чудовищным колтуном спутавшихся длинных и грязных волос, в которых застряли листья и мелкий сор, кажется головой огородного пугала, приставленной к женскому телу.

Крепко привязывать труп нет смысла, но я все же для порядка прихватываю тело к столбу проволокой за шею и под грудь и последний раз возвращаюсь в пустой дом, чтобы забрать пальто, шляпу и разрезанные тряпки.

Вытряхиваю на колени покойнице содержимое большого красного чемодана: туфли, одежда, большая косметичка, флакон с шампунем, куски каких-то тканей вываливаются бесформенным ворохом. Последней выпадает кукла «Monster High» в картонной упаковке: гротескная большеголовая девица с тонкими ручками и ножками, выглядящая, как проститутка, накрашившаяся к Хэллоуину.

Какое время, такие и игрушки. Сейчас весь мир похож на размалеванную для Хэллоуина шлюху.

Бросаю на куклу пустой чемодан, на него летят сапоги, которые я достал из багажника, и куски искромсанной одежды. Потом при свете фонаря изучаю содержимое сумочки: вынимаю из внутреннего кармашка на «молнии» паспорт в яркой обложке, конверт с небольшой пачкой пятитысячных купюр, который прячу во внутренний карман пиджака; в него же засовываю еще один конверт, маленький, из плотной желтой бумаги, в котором лежит старинная медная монета. Остальное добавляю к куче других вещей. Последними туда отправляются мой разобранный мобильный телефон, испачканный защитный костюм и резиновые перчатки. Святыни на шее покойницы я не трогаю: хотя на этот счет и нет никаких прямых указаний, мне почему-то кажется, что так будет правильно.

Я завожу двигатель, зажигаю фары, разворачиваю машину и выхожу

для свершения последнего акта. В мертвом электрическом свете, среди тьмы молчаливого леса, засыпанное пестрыми тряпками мертвое белое тело с темно-багровой головой и истрепанной паклей грязно-светлых волос, выглядит, как работа сумасшедшего бутафора.

«Книга, как здорово! Я обязательно куплю! Дадите мне автограф?»

Я вытаскиваю из багажника канистру с бензином и короткую деревянную рейку с прибитой фанерной табличкой. На табличке краской по трафарету выведено: «ВЕДЬМА». Я втыкаю табличку в песок на дороге, кладу рядом найденный в сумочке паспорт, а потом поливаю бензином рассыпанные вещи, одежду, лью на голову и голые плечи. Убираю канистру обратно, вынимаю из кармана спички, потом случайно бросаю взгляд в сторону и вздрагиваю так, что роняю коробок. На фоне темного силуэта дома чернеет, как провал в непроглядную потустороннюю тьму, нечеткое очертание высокой человеческой фигуры. Я отворачиваюсь, медленно поднимаю упавший коробок, а когда снова поднимаю глаза на дом, фантом уже исчез. Я перевожу дыхание и чиркаю спичкой.

Огонь вспыхивает мгновенно, с ровным, опасным гудением. Пламя такое яркое, что резью бьет по глазам. Я вижу, как вспыхивают волосы, как быстро чернеет и лопается кожа, и тело едва заметно ерзает в пламени, словно пытаюсь встать. Когда большая грудь чуть поднимается, сжимаясь, обугливаясь, и покрывается трещинами, из которых сочится наружу моментально закипающий в пламени жир, я отворачиваюсь и иду к машине.

«Ведьмы заслуживают наказаний, превышающих все существующие наказания. Поэтому, если даже они расскаются и обратятся к вере, они не заточаются в пожизненную тюрьму, а предаются смерти»^[9].

Я долго кружу по проселочным дорогам, вдали от трасс с их постами полиции и камерами видеонаблюдения, пока не выезжаю на шоссе по направлению в город. Дождь перестал, и темно-серое небо начинает нехотя светлеть на востоке. Справа меж редких деревьев сначала мелькает, а потом раскрывается вдаль и вширь гладь огромного озера. Я останавливаю машину на обочине и выхожу.

Вокруг ни души. Над озером купол торжественной предутренней тишины. Наступает Лэтаре — четвертое воскресенье Великого Поста. Я глубоко вдыхаю холодный чистый воздух и смотрю в небо. Там пусто.

«Laetare Jerusalem: et conventum facite, omnes qui diligitis eam...»^[10]

У берега еще держится грязный лед, но уже в нескольких метрах за ним неподвижно чернеет маслянистая поверхность воды. Я лезу в карман,

достаю оттуда конверт с медной монеткой и некоторое время смотрю на нее, держа на ладони: старая копейка, с полустертым изображением царского герба и двумя различными цифрами: 18... Я широко размахиваюсь и с силой бросаю ее в озеро. Монета описывает широкую дугу и с едва заметным плеском исчезает в темной воде.

Из нагрудного кармана пиджака вытаскиваю мобильник Оксаны, включаю его и набираю короткий номер полиции.

— Я хочу сообщить о местонахождении трупа с признаками насильственной смерти.

Меня не перебивают, пока я рассказываю, где они могут найти тело, но потом обязательно начнутся вопросы, на которые я не буду отвечать. Поэтому я просто говорю на прощание:

— Я снова сделал вашу работу.

Глава 2

— Вам еще повторить?

Бармен Дэн, большой добродушный парень в бейсболке и черной футболке с изображением какого-то персонажа комиксов. Дэн — настоящий бармен, и прекрасно чувствует, каким должен быть для каждого гостя за стойкой в любой момент времени: молчаливой тенью или веселым шутником, другом для разговора по душам или просто собутыльником, рассказчиком или внимательным слушателем. С Алиной он всегда безупречно вежлив, предупредителен и держит почтительную дистанцию, что лишний раз подтверждает: Дэн — настоящий бармен.

— Да, повторить то же самое. И посчитать.

Дэн аккуратно наливает порцию виски, ловко бросает туда два кубика льда, несколько церемонно кивает и идет за счетом. Алина поднимает бокал, вдыхая праздничный карамельный аромат «Джек Дэниэлс». Если прикрыть глаза, то можно представить, что за окном все тот же ноябрь: та же хмарь из снега с дождем, угрюмое небо, холодный ветер, мокрые крыши, тот же город, похожий на ветшающий склеп, та же работа — жизнь застыла в сером промозглом безвременье. Даже тот же паб — «Френсис Дрейк», в котором осенью Алина переступила порог, навсегда разделивший ее жизнь на до и после. Наверное, потому она и бывает тут так часто: люди всегда приходят туда, где чувствуют связь с прошлым, до тех пор, пока это прошлое им дорого.

Из колонок звучит разудалый кельтский рок, и ирландские парни хрипло поют про пушки и барабаны, барабаны и пушки. Алина делает глоток, и добрый друг Джек согревает мысли и чувства ласковым жидким огнем. Она встряхивает золотисто-рыжими волосами, ставит стакан на темное дерево стойки и смотрит вокруг. Сейчас суббота, но людей меньше, чем можно было бы ожидать в ненастную ночь, когда многие стремятся укрыться от тревожной тоски в желтоватом теплом сумраке паба. Несколько пар расположились за длинными высокими столами у окон, на низком кожаном диване у дальней стены пристроился маленький индус, из второго зала временами доносится многоголосый густой мужской смех.

Может быть, они пьют как раз за тем столиком у окна, думает Алина. И ставят пивные кружки туда, где полгода назад лежали папки с фотографиями растерзанных девичьих трупов.

Вдоль длинной барной стойки, блестящей в полумраке полированным

деревом и латунными поручнями, на высоких табуретах чинно сидят постоянные гости, почетные члены клуба полуночных пьяниц. Перед каждым стакан с любимым напитком; иногда они перебрасываются репликами друг с другом или вступают в беседу с барменом, но чаще просто сидят и молча пьют, глядя перед собой, как будто ожидая чего-то. Некоторых Алина знает по именам, но большинство просто в лицо. Они ее тоже знают, и когда Алина приходит и садится на свое место у правого края стойки, ей кивают, и она кивает в ответ. За те три месяца, что Алина появляется здесь, все уже выучили, что к ней не нужно приставать с разговорами, не говоря уже о том, чтобы просто приставать. У Алины свои привилегии этого сообщества ночных одиночек, и остальные его члены воспринимают ее как часть здешнего мира: невысокая молчаливая молодая женщина с золотистыми волосами и строгим лицом, заглядывающая на пару часов вечерами и скрашивающая пустоту пьяной ночи возможностью строить предположения о загадке ее одиночества. Интересно было бы послушать их версии, думает Алина и усмехается. Насколько близко они оказались бы к истине? Хотя, если опустить некоторые обстоятельства ее жизни, истина очень проста: ей, как и всем остальным, просто некуда идти и не хочется возвращаться в то место, которое, за неимением более точного слова, называется домом. И, как и все, она ждет, только в отличие от других, знает, чего именно.

Иногда, обычно перед тем, как наступает пора уходить, ей кажется, что сейчас откроется дверь, и вместе с дуновением холода сюда войдет Гронский, в черном костюме, пальто, в белой рубашке, по обыкновению бледный, небритый, высокий и прямой, как палка. Он сядет рядом, закурит, возьмет себе виски и снова позовет за собой, туда, за порог, который она переступила когда-то. В такие минуты Алина с радостью согласилась бы снова терпеть его раздражающую манеру общаться, привычку скрывать и недоговаривать, высокомерие и категоричность, была готова простить ему то, что он показал ей другую, яркую и насыщенную жизнь, а потом пропал, оставив ее здесь, в омуте остановившегося времени. Конечно, она знала, что он не придет и не позовет, но думать об этом было и больно, и приятно одновременно, словно сами мысли позволяли ей сохранить связь с теми шестью неделями, изменившими все.

Кадровые потрясения, которое испытало в ноябре Бюро судебно-медицинской экспертизы, обернулись для Алины во благо: она заняла должность начальника отдела экспертизы трупов, что давало больше возможностей для ее излюбленной формы эскапизма — полного погружения в работу. Закончился ледяными дождями темный ноябрь, под

стенания жителей города о так и не наступившей толком зиме прошел и невразумительный декабрь. За три дня до Нового года Алина отметила свой тридцатый день рождения. Вдвоем с отцом они посидели в гостиной его загородного дома, помолчали о разном, а потом папа сделал ей неожиданный подарок — маленький золотой крестик на цепочке, точную копию того, что был у ее мамы. Годом раньше Алину такой подарок тронул бы до глубины души; впрочем, он тронул и сейчас, но несколько иным образом, вызвав воспоминания об эксгумации, потемневших останках, а еще о тех обстоятельствах, которые привели к гибели мамы много лет назад. Крестик Алина с благодарностью приняла, надела его на шею и засобиравшись домой.

Новый год она встретила в одиночестве.

К счастью, ее работа позволяла игнорировать Рождественские каникулы с их изнуряющим бездельем и какой-то ритуальной раблезианской невоздержанностью. Алина каждый день приезжала в Бюро, сама проводила экспертизы, писала заключения и с удовольствием подменяла своих счастливых коллег, которые уезжали в отпуск и на страницах Социальной сети радостно выставляли напоказ голые ноги на фоне пляжей и моря. Но работа не приносила былого удовлетворения. Все чаще Алиной овладевало странное беспокойство, словно все, чем она занималась, не имело никакого смысла, будто жизнь мелькнула на миг, и прошла стороной. Алине не хватало ощущения настоящего дела, и то, что когда-то пугало и вызывало у нее отторжение, сейчас казалось захватывающим и ярким приключением. Ей стали сниться тревожные сны: в них она пробиралась по сумрачным подвалам, карабкалась по крышам, стреляла из дробовика по неясным теням в лабиринтах дворов, перескакивала на машине через разводящийся мост, и постоянно то ли гналась за кем-то, то ли пыталась убежать.

Ее состояние начали замечать на работе. Коллеги и подчиненные уважали и даже любили ее, несмотря на подчеркнuto отстраненный деловой стиль общения, и теперь все как один пытались завести разговоры. Хуже всего были беседы о личном: Алине зачем-то рассказывали о перипетиях любовных историй, семейных проблемах и всякий раз ей казалось, что от нее ждут ответных откровений. Что она могла им сказать? «Знаете, мне уже тридцать, а лучшие воспоминания жизни связаны с событиями, которые вам показались бы сущим кошмаром?» Или все ждали, что она наконец откроет им тайну, почему красивая, успешная, умная женщина до сих пор не устроила свою личную жизнь?

Дэн принес счет. Алина сделала еще один глоток, и взялась за

увесистую сумочку — увесистую потому, что в ней рядом с бумажником лежал небольшой травматический пистолет. Его она тоже купила тогда, в ноябре, после исчезновения Гронского. Купила не потому, что стала бояться чего-то, нет — наоборот, ей казалось, что уже ничто в жизни не сможет напугать ее по-настоящему. Просто ей нравилось ощущать вес пистолета. Чувствовать себя вооруженной. И знать, что в любой момент может пустить оружие в ход.

В пабе становилось душно и громко. Хриплых ирландских ребят сменили гитарные аккорды хард-рока, утробный хохот во втором зале разбавили пьяные бравые выкрики, и оттуда мимо барной стойки периодически стали ходить в сторону туалета и обратно осоловелые красноглазые мужчины. Один из них, пузатый крепыш в туго натянутой на животе полосатой рубашке, проходя мимо, взглянул на Алину и попытался улыбнуться. Расслабленные алкоголем мимические мышцы провалили эту попытку, и смогли только растянуть вкривь и вкось лоснящиеся красные губы. Алина посмотрела ему в глаза. Мужчина отвернулся и поспешно скрылся в сортире. Она внезапно поймала себя на чувстве, что хотела бы, чтобы этот пузатый тип попытался завязать с ней знакомство, и чем навязчивее и бесцеремоннее, тем лучше. Потому что это дало бы ей основания тоже с ним не церемониться.

«Вот поэтому у меня нет личной жизни».

Конечно, как и у каждой женщины у нее было какое-то подспудное желание детей, семейного счастья, существующее где-то глубоко внутри, на уровне биологического кода. Но реально Алина никогда об этом не думала, не стремилась, и спокойно прожила всю жизнь, занимаясь тем, что было для нее действительно важным и интересным: учебой в Медицинской Академии и интернатуре, кандидатской диссертацией, преподаванием, спортом, чтением, любимой работой, в которой находилось множество возможностей и для приложения интеллектуальных способностей и для профессионального роста. Семья и дети должны были случиться когда-то потом, в будущем. И вот теперь ей тридцать, и она незаметно попала в то самое будущее, которое оказалось совсем не таким, как она себе представляла.

Да и представляла ли вообще? Какое оно, семейное счастье? Картинка из телевизионной рекламы? Улыбающиеся отбеленными зубами муж, жена, двое детей, и такая же белозубая собака? От этого веяло столь невыразимой тоской, что Алина скорее готова была согласиться прожить всю оставшуюся жизнь в одиночестве, чем увидеть себя на зеленой лужайке в окружении глянцевого домочадцев или на кухне, непременно огромной и

светлой, в процессе приготовления обеда с использованием «Магги на второе». Немногочисленные случавшиеся у нее романы и унылые повести о семейной жизни коллег по работе убедили Алину в простой истине: если ты что-то из себя представляешь, одной быть лучше, проще и комфортнее. Единственный пример счастливой семьи, который она знала — ее собственной семьи — научил двум вещам: она никогда не сможет стать такой, какой была ее мама, а главное, если даже у нее это получится, то даже идеальная и счастливая по всем принятым меркам жизнь не гарантирует того, что муж не увлечется неожиданно какой-то девицей, случайно встреченной в ночном баре. Маниакальное женское желание выйти замуж и родить казалось просто навязанной кем-то обязанностью, причем навязанной настолько давно, что выполнение ее уже потеряло свой смысл. Единственное, что пугало в картине одиночества, так это альтернатива обнаружить себя через десять лет здесь же, в пабе, со стаканом виски в руке. Перспектива так себе, но уж точно лучше, чем прожить жизнь с по сути чужим человеком и еще нарожать детей лишь потому, что так надо. Но с такой перспективой, видимо, придется смириться, потому что единственный человек в жизни Алины, который был ей интересен, о котором она хотела заботиться, помогать, быть ему напарником и партнером, просто исчез, потому что у него нашлись дела поважнее.

Она встряхнула волосами, прогоняя ненужные воспоминания, и посмотрела на часы. Длинная стрелка на циферблате с изображением капитана Френсиса Дрейка указывала вертикально вниз: полчаса назад наступило воскресенье.

Алина положила поверх счета деньги и вызвала такси.

— ... зомби.

Она повернулась.

Слева от нее один из постоянных гостей разговаривал с Дэном. Алина вспомнила, что у него странное имя — Пауль, а еще что первое время смотрела на него, пытаясь определить возраст: у Пауля был тот тип внешности, обладатели которого пожизненно обречены на обращение «молодой человек». Сейчас Пауль был уже изрядно навеселе и что-то рассказывал вежливо улыбающемуся Дэну. Сквозь грохот музыки до Алины доносились обрывки фраз:

— На фольклорную практику когда ездили, студентами еще...нас восемь человек, отделились от остальных, добрались до этой деревни по узкоколейке...бабка...точно тебе говорю, я сам видел...мертвецы из могил...зомби...

Алина улыбнулась и покачала головой. Зомби. Ей стало весело.

На телефон одновременно позвонили и прислали сообщение: такси ждало у входа. Алина надела пальто, кивком попрощалась с Дэном и Паулем и вышла на улицу.

С темного неба сыпалось и летело все подряд: крупный ледяной дождь, мокрый снег, мелкая морось, а ветер, как разбушевавшийся пьяница, швырял все это яростными порывами то в лицо, то за воротник пальто.

Алина быстро нырнула на заднее сидение автомобиля. Немолодой водитель, поглядывая на нее в зеркало, сначала молчал, а потом все-таки не выдержал, откашлялся и произнес:

— Что ж, когда же весна настанет?

— Никогда, — ответила Алина и закрыла глаза.

Водитель отвел взгляд и включил радио.

В убаюкивающем тепле салона машины Алина расслабилась, откинувшись на спинку сидения, и вдруг, сильно и неожиданно вздрогнув, широко распахнула глаза.

Она будто уснула на мгновение и увидела, как где-то далеко, среди темных пустых пространств, дряхлый поезд преодолевал последние километры до города, одышливо выстукивая чугунные ритмы. Потом оказалась в полумраке купе, ощутила запахи, звуки, а напротив нее сидел незнакомец, лицо которого было скрыто в тени. В нем не было ничего необычного или страшного, но Алина очнулась от этого короткого видения с бьющимся от ужаса сердцем.

«Дьявольщина какая-то».

Некоторое время она ехала с открытыми глазами, но потом мерное качание автомобиля, негромкая музыка и уютное тепло сделали свое дело. К дому Алина приехала совершенно раскисшей. Она выбралась из машины, расплатилась, и поднялась на одиннадцатый этаж. В лифте она снова чуть не уснула, а когда вошла в квартиру, то споткнулась, снимая сапоги, и едва не упала на том самом месте, где несколько месяцев назад получила жестокий удар в лицо от ворвавшихся головорезов. Впрочем, призраки погибших здесь людей ее не тревожили, а после ремонта, когда заменили разбитую мебель в прихожей и заделали дырки от пуль, перестали тревожить и воспоминания. Здесь снова был ее дом.

Квартира встретила тишиной, спокойствием, и вульгарным, приторным запахом роз.

— О Господи, — простонала Алина, — забыла совсем...

Ведь действительно, даже и не вспомнила, когда час назад думала за барной стойкой о несостоявшейся личной жизни. Наверное, потому, что

источник происхождения ста и одной розы в ее квартире, занявших единственную вазу и два пластиковых ведра, никак с личной жизнью не ассоциировался. И пара вечеров в ресторане вкупе с настойчивыми знаками внимания ничего не меняли: уважение, вежливость и нежелание обидеть не имеют ничего общего с чувствами или даже с мыслями о возможности отношений. Семен Чекан, красивый мужик, спортсмен, тридцать пять лет, разведен, детей нет, оперативник — «убойщик» уголовного розыска городского ГУВД. Мастер рукопашного боя и эффектного ухаживания. Многие незамужние коллеги женского пола, наверное, назвали бы ее дурой. Да что там, она и сама иногда называла себя дурой, но поделаться ничего не могла: все равно что убеждать себя съесть что-то невкусное, только потому, что это очень полезно.

Значит, дура. Ну и прекрасно. Ей так нравится.

За два дня розы пропитали тошнотворным сладковатым запахом все квартиру и жадно высосали почти всю воду из ведер, но менять ее и заново переставлять цветы сил уже не было. Видимо, он считает, что это круто — подарить сотню роз. Хорошо еще, что на асфальте под окнами ничего не пишет. Хотя нет, это слишком мелко: скорее, он составит ей признание в любви из полицейских автомобилей. И попросит включить сирены и мигалки.

Уже проваливаясь в сон и снова ощутив липкий розовый аромат из другой комнаты, она подумала: вот Гронский никогда бы такого не сделал. Не стал бы дарить ей цветы целыми клумбами. Ну да, он ведь и не дарил, и вообще не делал ничего такого.

И не собирался.

* * *

Огромная фигура в плаще с капюшоном неподвижно застыла в арке двора, освещенная сзади бледным уличным фонарем. В руке тускло блестит изогнутое лезвие огромного ножа. Алина узнает его сразу. Она понимает, что он давно уже мертв, но здесь, в ее сне, по-прежнему жив и опасен. Алина разворачивается и бежит.

Город во сне оживает, сбросив потертую маску, едва прикрывающую его истинный лик, изъеденный проказой кошмара: высокие дома обступают со всех сторон, вытягиваются кверху, нависают кривыми, пропитанными сыростью стенами, почти закрывая черное небо, в котором яростно клубятся серые тучи, источающие стлую морось. Алина петляет в тесном

сумрачном лабиринте дворов, пробегает через темные изогнутые арки, но куда бы она не бежала, куда бы ни сворачивала, впереди раз за разом появляется исполинская тень в капюшоне.

С треском ломается каблук. Алина сбрасывает туфли и бежит босиком через холодные осклизлые лужи, растекающиеся под ногами, словно inferнальные медузы, поднявшиеся из бесконечных зловонных болот, погребенных под городом. Алина бросается к неровной узкой щели между двух домов и начинает протискиваться, чувствуя, как сжимает грудь влажный камень, а в ноги впивается колючий сор, скопившийся тут за многие, многие годы. Ей удается выбраться с другой стороны, и она оказывается в следующем дворе, к стене которого прислонился дощатый сарай с железной заржавленной крышей. Алина тянет на себя ветхую дверь, изнутри несет густой кислой вонью гниющей помойки. Она отшатывается, но из арки напротив доносятся тяжелые шаги, отдаваясь гулким эхом. Медлить нельзя; Алина знает, что это западня, но все же прячется в теплом зловонии, плотно прикрыв за собой скрипучую дверь. В темноте она видит огромную гору мусора и нечистот: размокший картон, какие-то тряпки, остатки еды, пустые консервные банки — они заполняют все пространство от стены дома, к которому пристроен сарай, почти до самой двери, возвышаясь в человеческий рост и едва не касаясь крыши. Отвратительные миазмы заставляют Алину задержать дыхание; она стоит босиком в вонючей гнилостной жиже, и слышит, как ее преследователь входит во двор, бродит подле сарая, и с шумом сопит, пытаясь учуять сбежавшую жертву. Алина замирает, и в этот момент гряда мусора приходит в движение.

Осыпается мелкий сор, пивные жестянки раскатываются в стороны, гора нечистот словно дышит, колыхаясь боками, вздувается, а потом разваливается надвое, когда из нее вырываются наружу руки с корявыми пальцами, а за ними высовывается по пояс кошмарная старуха в истлевших лохмотьях. Старуха раскачивается, подобно жуткому клоуну из адской шкатулки с сюрпризом, хрипло причитая и бормоча; красные глаза вцепляются в Алину острым взглядом, из-под толстого лохматого платка выбиваются жирные космы. Она протягивает вперед свои руки, все в чешуе омертвевшей разлагающейся кожи, Алина кричит от ужаса и, не помня себя, выскакивает наружу, прямо навстречу гигантской фигуре с кривым тесаком в кулаке...

Телефон звонил долго и настойчиво, как судебный пристав, стучащийся в дверь. Алина лежала с закрытыми глазами и ждала. Звонок умолк, но через секунду снова завел свои настырные громкие трели. Когда он сделал передышку и зазвонил в третий раз, сердито жужжа и ерзая по тумбочке, Алина застонала и открыла глаза.

На табло электронных часов светились зеленые цифры: 8.30 утра. Ничего доброго от звонка в такое время в воскресенье ждать нельзя. Алина протянула руку, с третьей попытки нащупала телефон и, щурясь от тусклого серого света из окна, посмотрела на экран. «Семен Опер». Тот самый, который предпочел бы быть записанным как «Любимый». Алина чертыхнулась и, не поднимая головы, приложила телефон к уху.

— Алё!

— Привет, ты не спишь? — голос звучал сквозь уличный шум. Удивительно, каким оживленным может быть город ранним утром выходного дня.

— Сплю. У меня выходной.

— Слушай, ну прости, что разбудил, доброе утро, — было слышно, как хлопнула дверца машины, и шум улицы стих.

Алина молчала.

— Ты можешь за полчаса собраться? Я за тобой заеду.

Алина подумала, что он вдруг решил устроить ей какой-то нелепый сюрприз, типа неожиданной поездки за город ранним утром. А то и за границу: «Дорогая, собирайся, мы летим в Париж!». Это бы хорошо рифмовалось с сотней роз, превративших квартиру в пахучую оранжерею. Предположение было так ужасно, что Алина даже проснулась.

— А что случилось? — осторожно поинтересовалась она.

— Ребята из области позвонили, попросили приехать на труп. И мне очень нужна твоя помощь.

Слава Богу, не Париж. В голове мелькнула мысль о том, что она все-таки дура, если перспектива осмотра криминального трупа где-то в лесу для нее предпочтительнее поездки за границу, но додумывать ее Алина не стала.

— Не понимаю, — сказала она. — У них же в области свои эксперты есть? Да и оперативники тоже, зачем нам ехать?

Чекан как-то скорбно вздохнул.

— Долго объяснять, давай я тебе по дороге расскажу, ладно?

Теперь сон прошел окончательно. Видимо, ситуация действительно была нетривиальная, если сотрудники областной полиции вызвали оперативника из питерского ГУВД, а тому понадобилась помощь

начальника отдела экспертизы трупов из центрального Бюро.

— Ну хорошо, если надо...

— Спасибо огромное! Значит, через полчаса я у тебя.

— Через сорок минут. Я реально спала, когда ты позвонил.

— Договорились, когда подъеду, наберу тебя. И прости еще раз, что разбудил, — сказал он, и Алина повесила трубку.

Собралась она все-таки за полчаса. Приняла душ, высушила и расчесала волосы, немного накрасилась, оделась, посмотрелась в зеркало и подумала, что ей бы не помешал «Визин». А еще, наверное, «антиполицай». Впрочем, подойдет и кофе: она успела выпить одну чашку и как раз заканчивала вторую, когда снова зазвонил телефон. Ровно сорок минут. Наверное, последние четверть часа Чекан сидел и ждал в машине с секундомером в руках.

— Я внизу.

— Да, сейчас спущусь.

Немолодая, но все еще бодрая черная «Мазда» стояла рядом с подъездом. Чекан сидел в машине с телефоном в руке, но, увидев выходящую Алину, тут же прервал разговор и выскочил навстречу. Высокий, атлетичный, светлые волосы коротко стрижены, на мужественном, красивом лице немного смущенная улыбка.

— Привет, извини, что пришлось разбудить, я не стал бы, если...

— Привет. Все в порядке, хватит уже извиняться.

Алина обошла машину и увернулась от неловкой попытки то ли обнять себя, то ли поцеловать в щеку. Чекан быстро забежал вперед и открыл перед ней дверцу. Алина слегка улыбнулась и села, закинув рабочий чемодан на заднее сидение.

— Рассказывай, что там стряслось.

Но сразу рассказать не получилось. Первые десять минут телефон Чекана постоянно звонил, раз за разом повторяя первые ноты мелодии из «Крестного отца». Алина сначала пыталась прислушиваться к разговорам, а потом бросила это занятие, откинулась на сидении и стала смотреть в окно.

Они ехали в сторону северной окраины города и почти миновали его границу. По обе стороны от широкого проспекта высились неправдоподобно огромные, серые и безрадостные новые дома, образующие беспорядочные кварталы, выстроенные на плоских, как доска, пустырях. Лохматые тучи низко проплывали над крышами, как чудовища из воинства небесного Ктулху, и тусклое небо было словно неподвижная поверхность воды, скрывающая молчаливый город, спящий на дне

сумрачного водоема. Сколько хватало взгляда, кругом были только исполинские бетонные коробки домов, ветер и промозглая пустота; редкие чахлые деревца растерянно торчали из мокрой земли узких газонов, как заблудившиеся дети. Алина подумала, сколько лет должно пройти, чтобы эти мелкие саженцы хоть как-то оживили здешний пейзаж, но потом решила, что вряд ли у них получится: в этих местах никогда не было лесов, ни триста, ни четыреста лет назад — лишь бескрайние болотистые пустоши, изрезанные поймами молчаливых медленных рек с темной водой.

Чекан наконец убрал телефон в карман и сказал:

— В общем, дело такое. У нас, похоже, серия. Помнишь труп месяц назад?

Алина покачала головой.

— Я помню разные трупы. Давай с самого начала, ладно? А то я туго соображаю сегодня. И мы можем остановиться где-нибудь? Хочу воды купить.

Семен покосился на Алину, собирался что-то ответить, но промолчал.

Они остановились на заправке за кольцевой дорогой, купили воды, жевательную резинку, и долили бензин в бак. Потом сели в машину и выехали на трассу, ведущую дальше на север. Алина пила воду маленькими глотками и слушала.

Ранним утром в полицию позвонили. Неизвестный сообщил об убийстве и подробно рассказал, как найти труп. Звонивший не представился, попытки связаться с ним по номеру, с которого был сделан звонок, не принесли результата — телефон был уже выключен. Наряд патрульно-постовой службы прибыл в указанное место и подтвердил обнаружение тела с внешними признаками насильственной смерти. Туда немедленно выехали оперативники из районного отдела полиции и следственная группа областного ГСУ. Старшему группы хватило одного взгляда на труп, чтобы позвонить в Городское управление уголовного розыска, откуда потом связались с Чеканом, а потом и в следственное управление.

— Заинтриговал, — призналась Алина. — Не томи, говори, что они нашли?

— Ну, ты же сама просила с самого начала. Так вот, возвращаемся к моему вопросу про труп месяц назад. Вспоминаешь?

Алина выразительно взглянула на Чекана.

— Ведьма, — подсказал он.

Алина вспомнила.

— О Господи, — сказала она, и добавила — Вот черт.

— В самую точку, — прокомментировал Чекан.

Труп шестидесятилетней женщины, который лег на прозекторский стол почти месяц назад, был не случаем тривиальным. Детальное описание зафиксированных прижизненных повреждений заняло шестнадцать страниц. Переломы и раздробления пальцев ног и костей обеих стоп; перелом коленных чашечек со смещением; переломы лицевых костей черепа и носа; травматическое удаление третьего пальца правой руки. Причина смерти — ожоговый шок. Бензин, которым облили жертву, вспыхнул, когда та еще была жива. Да, Алина не забыла этот случай. При всем том количестве трупов, которые город каждую ночь выбрасывает на свои улицы и дворы, при всем пугающем многообразии того, что совершается ежедневно в квартирах, домах, парках, на заброшенных автостоянках или в темных лабиринтах гаражей на окраинах, следы таких пыток и истязаний встречаются нечасто. Алина помнила и кое-что еще: по данным протокола осмотра места происшествия, рядом с истерзанным обгоревшим телом была обнаружена фанерная доска с надписью «ВЕДЬМА».

— Хотя труп тогда обнаружили в области, в дачном поселке, дело передали нам, на том основании, что жертва была похищена на территории города, и только потом вывезена за его пределы. По месту совершения более тяжкого преступления должна была, конечно, заниматься область, но там своя история... в общем, мы взяли. Дело попало ко мне и Макс — ты ведь знаешь Макса?

Алина кивнула. Конечно, она знала Макса, как и многих других оперов — «убойщиков» Главного управления. Невысокий, жилистый, темноволосый, всегда собранный и внимательный. Приятель и напарник Семена. Рядом с ним Макс смотрелся, как пинчер возле бульмастифа, но если бы Алине пришлось решать, с кем иметь дело, то она выбрала бы Чекана: от него скорее можно было ожидать снисхождения, а во взгляде Максима Штольца читалась только спокойная и темная неизбежность. Прекрасное качество для оперативника.

— Так вот, от Главка ведем дело мы, — продолжал Чекан. — Деталей в сводках по факту обнаружения тела не было, но проходила информация между нами и областью: короче, эта тема с надписью и сгоревшим трупом так или иначе на слуху. Поэтому, когда сегодня областные опера и следователь увидели то же самое, то сразу позвонили в город, а оттуда уже сообщили мне и Макс. Вот так.

— Сочувствую, — сказала Алина. — И первое убийство совсем не подарок, а если это серия, то резонанс обеспечен.

— Еще какой, — Чекан нервно кусал губы. — Возбудятся все: и наше руководство, и Прокуратура, и Следственный комитет, а то и Москва поучаствует. Повезло, если еще никто не слил подробности на «Геникеевку», потому что если туда попадет — все. Месяц назад у них проскочила заметка, но этим ограничилось. А сейчас материал горячий... во всех смыслах слова, подхватят остальные — и мы потом будем не дело расследовать, а на совещания ходить три раза в день и выслушивать.

Крупнейший городской новостной портал «Геникеевка. ру» носил имя ныне несуществующей петербургской речки, замурованной в подземных тоннелях при застройке центральных кварталов еще в позапрошлом веке. Вероятно, создатели портала видели в этом глубокий смысл: «мы находим то, что надежно скрыто». Или, например, «сюда стекает грязь со всего города». Алина знала, что отношения полиции и Следственного комитета с «Геникеевкой» были специфическими и паритетными. Интернет-издание зависело от новостей, которые получало всеми правдами и неправдами из сводок и от своих информаторов: они обеспечивали контент и возможность первыми размещать репортажи о происшествиях. Полицейское руководство информаторов не преследовало, источниками у журналистов не интересовалось, охотно участвовало в экспертных интервью, но оставляло за собой право в случае необходимости влиять на то, какие материалы должны появиться в новостях, а какие нет. Однако тут все зависело от скорости реакции: иногда информация публиковалась раньше, чем ее успевали остановить, и тогда процесс становился неуправляемым. Новость мгновенно расходилась по всем интернет-изданиям, а оттуда, если была достаточно шокирующей и скандальной, попадала в печатные СМИ и, в конце концов, на телевидение, обеспечивая тот самый резонанс. Конечно, это случалось, только если новость могла успешно выдержать конкуренцию с политическими скандалами, войнами, катастрофами и подробностями запутанной интимной жизни телевизионных кумиров, но Алина была уверена, что серия жестоких убийств с пикантным нюансом в виде зловещей надписи «ВЕДЬМА» легко выйдет в лидеры общественного интереса.

— Понимаю. Но ты же знаешь, мое дело дать ответы на вопросы следствия в экспертизе. Все равно тело к нам привезут вместе с протоколами по месту, сейчас я чем могу помочь?

— Вот как раз с точки зрения серии. Ты видела первый труп, проводила исследование, читала протоколы с места происшествия. Я бы хотел, чтобы ты сама сейчас взглянула и сказала, до всякой экспертизы, это серия или нет. Есть же какие-то характерные повреждения... не знаю,

почерк индивидуальный у злодея, который это делает.

— Семен, — мягко сказала Алина, — ты не хуже меня понимаешь, что так не делается. Есть запрос от следствия, формулировка вопросов для исследования, наверняка еще понадобится гистология, токсикология. Я, конечно, могу просто посмотреть и высказать свое мнение, но это будет мнение и не больше, понимаешь? И не факт, что его потом подтвердят результаты экспертизы.

— Я все понимаю, но для нас это вопрос времени. У следствия свои задачи, а у нас — злодея найти, и чем быстрее мы этим займемся, тем больше шансов. И потом, — Чекан широко улыбнулся и посмотрел на Алину. — Твои слова для меня важнее любой экспертизы, ты же знаешь. Я тебе верю.

— Грубая лесть засчитана, — Алина чуть улыбнулась в ответ. — И пожалуйста, следи за дорогой, я хочу живой доехать.

Она откинулась на спинку сидения и стала смотреть в окно. Вдоль узкого шоссе мелькали пустые поля в неряшливых пятнах грязного снега, их сменили редящие серые перелески, потом высокие тонкие сосны прозрачного леса, сквозь которые виднелись пустыри и недостроенные коттеджные поселки с домами, похожими на кирпичные мавзолеи местечковых вождей. Низкое небо набухло сумрачной влагой, и застыло, как будто решая, пролиться дождем или осыпаться снегом.

Машина свернула с шоссе, и некоторое время они тряслись по ямам грунтового проселка, спускавшегося к железной дороге. Затем миновали переезд, проехали еще пару километров по сравнительно ровному асфальту и въехали в поселок. Узкие улицы с огромными грязными лужами петляли между заборами из штакетника и проволочными оградами. Поселок был старый и тихий: не разграфленное на шахматные квадраты плоское поле с сараями и вагончиками на шести сотках, а настоящее уважаемое селение, с соснами и елями на песчаных холмах, зарослями дикого кустарника вдоль обширных участков, на которых стояли большие дома, построенные еще дедами и прадедами тех, кто сейчас приезжал сюда в дачный сезон.

— Хорошее место, — сказала Алина. — Летом, наверное, очень красиво.

Чекан свернул направо, проехал по короткому проселку, уходящему в лес, и остановился.

— Все, мы на месте.

Лес был окутан серым влажным туманом. Воздух густой и влажный, пах прелой хвоей и талой водой. Тревожная резкая вонь бензина, горелого

пластика и плоти висела в нем, словно дым. Впереди на дороге стояло несколько автомобилей: два невнятных седана, выдавшая виды просевшая зеленая «шестерка», и серый джип «Прада» Штольца. Вокруг возвышались неподвижные деревья, слева на невысоком пологом склоне стоял обветшавший дом. Облупившаяся краска была когда-то зеленой, а сейчас стала цвета дождя и леса. То, ради чего приехала Алина, находилось рядом с невысоким бетонным столбом на половине расстояния от дороги до дома: бесформенная почерневшая масса, вытянутая кверху и увенчанная обугленным шаром. Рядом топтался и мерз, как часовой, высокий пожилой мужчина в сизом коротком плаще. Между машинами и домом в утренней дымке бродили люди: входили и выходили из покосившейся задней двери, что-то рассматривали в грязи и талом снегу, негромко переговаривались.

Сюрреалистичный пикник по случаю насильственной смерти.

Два человека, стоявших возле джипа, подошли к ним.

— Привет, Семен! Заждались. Алина, доброе утро.

Штолец был в черной водолазке под кожаной курткой, блестящих черных ботинках, подтянутый, собранный, бодрый. Он окинул Чекана и Алину быстрым внимательным взглядом, и ей почему-то захотелось начать оправдываться.

— Привет, Макс, — сказала она.

Штолец представил второго, молодого человека с всклокоченными светлыми волосами и одетого так, словно собирался он наспех и в темноте.

— Никита Соловейчик, следователь из областного управления. Это он нам звонил.

Приветствия, обмен рукопожатиями. Алина отошла к машине, достала из салона свой чемоданчик и пару резиновых перчаток, а когда вернулась, Штолец говорил:

— Когда «пэпсы» приехали, то даже в дом не сунулись: стояли и ждали оперов. Те осмотрели дом, там пусто, только в первой комнате следы: кровь, мебель сдвинута. А потом уже Никита подъехал со своей группой и увидел вот это.

Трое мужчин развернулись в сторону, куда показывал Штолец. Алина тоже взглянула. В мокрый песок проселка был криво воткнут деревянный неструканный брусок с прибитым листом фанеры.

Несколько секунд все молча смотрели на надпись. Потом Чекан отвернулся и спросил:

— Уже есть что-нибудь?

— Не очень много, — Макс покачал головой. — «Пэпсы» с местными операми поехали в поселок на обход и поиск свидетелей, только они вряд

ли кого найдут: здесь до лета все вымерло. Следы автомобиля или людей снять не получится: снег, дождь, все, что не смыло, то растаяло. В доме криминалисты работают, но пока ничего. Владельца дома устанавливаем. Но есть и хорошие новости.

Он достал из кармана свернутый прозрачный пакет и протянул Чекану. Там был паспорт в яркой обложке и веселой надписью: «Паспорт блондинки».

— Вот, лежал рядом с табличкой. Осторожнее только, лучше перчатками.

Алина натянула перчатки и подошла к Чекану. Он раскрыл пакет, а она осторожно достала паспорт. С фотографии на нее смотрела серьезная большеглазая блондинка с пухлыми губами.

Титова Оксана Валерьевна. Судя по году рождения, двадцать восемь лет. Судя по отметкам в паспорте, одинокая мама шестилетней дочки.

Где-то недалеко зазвонил телефон. Скрипнула и хлопнула задняя дверь. С низкой ветки сосны сорвалась тяжелая капля.

— Сейчас, конечно, на свою фотографию Оксана Валерьевна мало похожа, — продолжал Штольц, — но если это она, то вот, смотри еще.

На экране смартфона Штольца была открыта страница Социальной сети. С нее томно улыбалась, стоя в длинном платье на фоне стены с черно-белым узором, та же блондинка, только теперь она называлась Oksana «Chanel» Titova. Над именем было написано: «заходила вчера в 20.37».

— Сколько времени нужно, чтобы подготовить опознание?

— Стандартно, после всех экспертиз, — ответила Алина. — Сутки минимум. Лучше двое, я еще труп не видела. Может быть, там сутки только туалет займет. Сейчас посмотрю и скажу.

Каблуки мягко вдавливались в слой прелых листьев. Сразу стало казаться, что ноги промокли.

Высокий мужчина в сизом плаще услышал ее шаги и обернулся. На нем были большие очки в толстой старомодной оправе. Седые короткие волосы торчали, как сапожная щетка.

— Здравствуйте, я Назарова Алина Сергеевна, руководитель отдела экспертизы трупов городского Бюро.

Пожилый мужчина посмотрел на нее сверху вниз с выражением безразличия и пожевал губами.

— Знаю, слышан. А я Осадчий Федор Федорович. Районный судебно-медицинский эксперт.

Он кивнул и переступил ногами в неуклюжих ботинках. Алина поставила чемоданчик на землю, присела на корточки и взглянула на тело.

Стало ясно, почему издали труп показался бесформенным: полностью скрывая бедра, низ живота и ноги до колен, на теле расплылась обгоревшая куча оплавленных слоев ткани и пластика, из которой торчал почерневший изогнутый металл.

— Синтетика, — бесцветным голосом сообщил Федор Федорович. — Это она так горит. А железки от чемодана: ребята рядом пластмассовое колесико нашли.

Алина подняла голову: старый эксперт нависал над ней и смотрел через очки. Она пожала плечами и отвернулась.

Кроме бедер, слипшихся с оплавленной массой, пострадали голова, плечи, груди сморщились, как сушеные ягоды, остатки волос на голове запеклись и порыжели, распухшее, будто шар, лицо покрылось слоем копоти, обгоревшие веки запали. Обуглившаяся кожа полопалась, покрывшись длинными тонкими трещинами, сочащимися желтой сукровицей. Между грудей чернел какой-то пригоревший ошметок.

— Сожгли уже мертвую, — опять подал голос Осадчий. — Складок нет на лице. И кожа без волдырей.

Алина снова посмотрела вверх.

— Вы это в протокол осмотра тела занесли? — спросила она.

— Не успел, — ответил старик, и Алине показалось, что слышит в его голосе оскорбленные нотки.

— Что значит, не успели? Вы уже почти два часа здесь.

— Так я начал. А потом сказали, что начальство из города приедет. Вы, то есть. Ну я и решил подождать, не заполнять ничего. Вам ведь виднее.

Тон, каким это было сказано, предполагал, что Алине немедленно должно было стать стыдно за все: работу в городе, кандидатскую степень, должность, зарплату, а более всего — за внешность, возраст и пол. Она хотела было ответить, но подумала про стоящую рядом с джипом Штольца изнуренную жизнью «шестерку», взглянула на топчущиеся по талой грязи башмаки, на нитки, торчащие из полы плаща, вздохнула и сказала:

— Отсутствие складок и морщин без копоти еще ничего не значит. Но я с Вами согласна, сжигали труп.

Алина прикоснулась кончиками пальцев в перчатках к обугленным складкам кожи на шее.

— Посмотрите, видели это?

Осадчий, кряхтя, согнулся, расставив скрипнувшие суставами ноги.

— Видел, проволока. Прикрутили к столбу, когда усаживали. Вокруг груди такая же.

— Нет, кроме нее. Вот здесь, блестит.

Старик прищурился и всмотрелся в тонкую медную полосу, утопленную глубоко в черной коже.

— Удавка как будто.

— Провод. Пластик сгорел и оплавился, а медные жилы остались.

Алина заглянула за спину покойницы: руки согнулись в локтях от жара, на запястьях оплавилась широкая клейкая лента. Все пальцы были на месте.

Алина встала, взглянула на белые ноги, торчащие из обугленной груды, и вздрогнула. Одна стопа была целой, темно-вишневый лак на ногтях краснел, как поздние ягоды на снегу. Пальцы левой были раздроблены и торчали осколками костей из толстой корки запекшейся крови.

— Можете продолжать составление протокола, — сказала Алина. — Начальство разрешает. Потом передадите его мне. За доставку тела в город не беспокойтесь: я сама все организую.

Она отошла на несколько шагов в сторону и остановилась. Тусклый мир вокруг будто качнулся.

...За тонкими стенами старого дома люди в защитных костюмах собирают кровь и мочу, ищут мельчайшие следы происшедшего — археологи новейшей истории, изучающие очередной ее эпизод. Один из них выходит наружу, стоит, вдыхая влажный, с холодной испариной воздух, и возвращается в тьму, скрывающую комнату, ставшую камерой пыток. На пологом склоне глубокая борозда, вспаханный след среди влажных листьев и талого снега — здесь волокли труп к месту последней сцены рокового спектакля. В конце борозды сидит, свесив голову, обгоревшее тело женщины, носившей паспорт в веселой обложке «Блондинка»: оно в черных пятнах обугленной кожи, а там, где нет черноты, зияет багровый и желтый. Три сыщика ходят по кромке спящего леса, как гончие, которые чувствуют зверя, но не могут взять его след. Рядом с ними на короткой доске надпись «ВЕДЬМА», вбитая в мокрый песок чужой неизвестной рукой, а над ними деревья — высокие, старые, тянутся вверх, как струны, до самого неба. Оно словно призрак нависло над миром, охватив туманным саваном от края до края, и кажется, будто небо смотрит на все холодным бесстрастным взглядом никогда не мигающих глаз...

Алина помотала головой, прогоняя накативший морок. От всего этого веяло какой-то запредельной, стылой жутью, как будто здесь произошло что-то большее, чем просто истязания и убийство; и ей показалось, что все, кто тут есть сейчас, ощущают прикосновение к этой пугающей тайне, но стараются не думать об этом и не подавать вида. Алина уже испытывала

однажды подобное чувство, когда в октябре вместе с Гронским раскладывала на столе жуткий пасьянс из фотографий жертв зловещего ночного охотника. Сейчас это чувство вернулось предвестьем грядущих кошмаров.

Чекан разговаривал с возвратившимися патрульными и оперативниками: кажется, они кого-то нашли, с кем-то поговорили и даже решали сейчас вопрос о задержании для выяснения...

— Семен, — позвала Алина. — Можно тебя на минутку?

Они отошли в сторону и встали рядом с его машиной.

— Давай так. Я просто перечислю тебе факты, а ты сам решишь, что с ними делать дальше. Потому что есть сходства, а есть и различия. Во-первых, прошлый раз жертву сжигали живой. Сейчас жгли мертвое тело. Скорее всего, что ее удавили каким-то проводом. Во-вторых, тело первой жертвы было изувечено гораздо сильнее. В этот раз ограничились пальцами на левой ноге. Но если ты хочешь мое субъективное мнение, то да, это серия. Это тот же злодей. И вот еще что: я считаю, он делает это не ради удовольствия. Или во всяком случае, думает так.

— Почему?

— Потому что в этом случае он изувечил бы и вторую, так же, как первую. И сжег бы живьем.

Было тихо. Голоса полицейских доносились будто сквозь вату. Где-то рядом падали в талую лужицу капли воды с ветки сумрачной ели.

— Мне кажется, он нам хочет что-то сказать.

— Знать бы, что, — заметил Чекан.

— Он будет стараться нам объяснить, — негромко сказала Алина. — Снова и снова. До тех пор, пока мы не поймем.

Глава 3

22 марта 20... года.

До дома, где живут ее мать и дочь, я еду на общественном транспорте. На самом деле, я не очень люблю машину, вернее сказать, совсем не люблю: вождение меня утомляет, уличное движение нервирует. Так что автомобиль я использую только для дела, а обычно езжу на метро. Людей я не замечаю, давно выработав в себе навык публичного одиночества, и могу спокойно почитать в дороге. Или подумать.

Путь оказался не близкий: на подземке всего две остановки, но потом я трясусь минут двадцать в маршрутном такси, водитель которого яростно дергает рулем влево и вправо, и то что-то злобно кричит в окно, то громко говорит по телефону на незнакомом гортанном наречии. Я еду и думаю, что если бы древние ящеры не вымерли, а эволюционировали, то говорили бы так же.

Я доезжаю почти до конца широкого и пустого проспекта. В этом районе все широкое и пустое: улицы, тротуары, газоны и пространства между домами, похожими на гигантское домино. Вдалеке чернеет лес, один из заказников северных окраин, до которого пока не добрались строительные компании.

Нужный мне дом возвышается посреди пустыря как исполинская цитадель с тремя стенами высотой в двадцать два этажа. Внутри небольшого двора детская площадка с одинокой горкой и крыша подземной парковки. Четвертой стены у цитадели нет: на ее месте помойка, чуть дальше школа, а за ней стройплощадка с еще одним недостроенным каменным монстром. Я сажусь на лавочку у подъезда и смотрю на часы. Почти полдень.

Интересно, тело уже увезли? Наверное, нет: первые полицейские прибыли на место в лучшем случае часов пять назад, и сейчас вокруг трупа собрался настоящий консилиум из экспертов и следователей. За это время я успел приехать домой, переодеться и сделать звонок матери Оксаны, найдя номер в записной книжке телефона перед тем, как отправить его в озеро вслед за монетой. Я представился заказчиком, сказал, что номер дала мне Оксана на случай, если сама она не сможет ответить. Голос в трубке был немного тревожным, и я думаю, что мысли о том, куда же пропала ее дочь, не дали говорившей со мной женщине подумать над слабыми сторонами

моей легенды, поэтому мне удалось договориться о том, что я скоро заеду. Я уверен, что ей еще ничего не сообщили. Хотя я и оставил им паспорт, никто не будет беспокоить родственников раньше, чем тело подготовят к опознанию. А случится это не скоро. Риск связанный с появлением в этом доме, я оцениваю, как минимальный. Конечно, рано или поздно меня найдут. С каждым новым эпизодом машина полицейского сыска будет увеличивать обороты, пока, наконец, не сработает, как надо. Но это будет уж точно не сегодня, если только я не допустил где-то ошибку.

Я сижу и прокручиваю в памяти события последних суток. Подержанный телефон, с которого я звонил, был куплен на рынке «Аврора». Наверняка краденый, но это и к лучшему. Сим-карту я приобрел рядом с метро у полусонного распространителя, которому назвал первые пришедшие в голову имя и цифры в качестве номера паспорта. Свой телефон я оставил у себя в квартире. Если вдруг дойдет до проверки, скажу, что провел дома все выходные. Когда я звонил Оксане, представившись потенциальным клиентом, она была в Москве: сказала, что уехала на три дня и придет только в ночь на воскресенье. «Наверное, «Сапсаном» поедете?», — спросил я ее. «Нет, какой-то транзитный».

До Москвы я доехал за двенадцать часов, с пересадками на электричках. «На собаках», — так это называлось во времена моей студенческой юности. На вокзале нашел нужный поезд и стал ждать. Как она выглядит, я уже знал: посмотрел фотографии со страницы в Социальной сети, этом удивительном сервисе, позволяющем рассказать почти все о себе миллионам незнакомых людей — и узнать все, что нужно, о любом из этих миллионов. Я увидел, в какой вагон она вошла, потом подошел к проводнику другого и попросился сесть без билета. Сказал, что нужно срочно доехать до Бологое, а билетов уже не достать. Моя интеллигентная внешность и тысяча рублей сделали свое дело: проводник впустил меня в вагон перед самым отправлением, воровато озираясь и наказав, если что, прятаться у него в каморке. В любом фирменном поезде «Москва — Петербург» такой номер бы уже не прошел, но в этом старом составе, идущем не первые сутки, еще действовали старые обычаи. Я проехал половину пути до Петербурга в купе, провонявшем вареными яйцами, курой и преющими телами семьи из трех человек. Всю дорогу они пребывали в летаргическом сне, лежа на своих полках, только изредка ворочаясь и кряхтя. В Бологое я вышел из купе и, не покидая поезда, прошел в нужный вагон. Если полиции удастся разговорить проводника, в чем лично я сомневаюсь, он признается только в том, что за мелкую взятку позволил проехать человеку без билета от Москвы до Бологое.

Проводник в вагоне Оксаны остаток пути не выходил из своего купе, а когда открыл двери по прибытии, то был такой сонный, что вряд ли заметил и тем более запомнил меня. Да и что мог он запомнить? Шляпу, пальто и портфель?

Конечно, оставались еще камеры на вокзалах и на шоссе, но этого риска было не избежать. Впрочем, он был не больше, чем риск какой-нибудь нелепой случайности, которая окажется сильнее моей осторожности и эффективней методичности следователей.

Мои размышления прерывает звонкий собачий лай. Вокруг горки на детской площадке три девочки лет десяти играют с маленьким пёсиком: тот заливисто лает, гоняясь за красным мячом, а они бегают следом, и их смех эхом звенит во дворе. Я смотрю на них и улыбаюсь. Собаки и дети — лучшее, что есть в этом мире. Вы замечали, что в наших воспоминаниях детства всегда светит солнце? Там настоящие снежные зимы, пушистые новогодние елки, теплые дожди жарким летом, но самое главное — солнце. Я готов спорить, что когда эти девочки будут вспоминать, как в детстве бегали и играли с веселым псом на площадке, то там тоже будет светить солнце, и не будет унылого серого неба и туч, грозящих дождем.

Красный мячик подпрыгивает, катится и останавливается у моего ботинка. Девочки подбегают и замирают в растерянности в нескольких шагах от меня. Все правильно, думаю я, вас верно воспитали родители. Не нужно близко подходить к чужакам, особенно к мужчинам. Да и к женщинам тоже не следует. Даже маленький пес не бежит за игрушкой, а сидит рядом с ними, часто дыша и высунув розовый мокрый язык.

Не разговаривай с незнакомцами — все маленькие девочки в большом городе твердо знают это правило. А вот взрослые девочки его забывают.

Я нагибаюсь, беру обмусоленный мяч, размахиваюсь и бросаю его на площадку. Пес мчится за ним с веселым лаем. Девочки смеются, кричат: «Чапик! Чапик!» и уносятся следом. Я вздыхаю и поднимаюсь со скамейки. У меня сегодня есть еще дело.

В ответ на нажатые кнопки из домофона доносится слабый женский голос: «Кто там?» Я уже его слышал сегодня, когда звонил с еще одного подержанного телефона с сим-картой на фальшивое имя.

— Я от Оксаны, — говорю я в динамик. — Мы разговаривали с Вами сегодня.

Щелкает замок, и я вхожу.

В подъезде я натягиваю перчатки, надвигаю пониже шляпу и поправляю очки: контактные линзы я снял, когда приехал домой. Потом достаю из кармана красный шарф и наматываю поверх воротника пальто —

маскировка простая, но неизменно эффективная. На десятый этаж я поднимаюсь на лифте. Дом новый, а лифт уже будто пережил апокалипсис. Он скрипит, скрежещет, и вздрагивает так, что воображение рисует изможденных, покрытых потом невольников на крыше кабины, с натугой проворачивающих лебедку с заржавленной цепью и понуждаемых к действию ударами гальванического тока при нажатии кнопки нужного этажа. Наконец лифт вздрагивает последний раз, останавливается, двери расползаются в стороны, и я поспешно выхожу, чувствуя себя так, словно избежал верной гибели.

Двери квартир выходят в общий коридор, отделенный от лифта и лестницы. На звонок мне открывает пожилая полная женщина в домашнем платье в мелкий цветочек. Она кивает и неуверенно смотрит тревожным и почему-то испуганным взглядом.

— Добрый день, — говорю я.

— Здравствуйте, — отвечает она, секунду-другую думает, а потом отступает на шаг. — Проходите.

Я вижу короткую прихожую с линолеумом под древесину, блеклыми дешевыми обоями, доставшимися от застройщика, и вешалкой, явно переехавшей сюда из старой квартиры.

— Нет, спасибо, я минутку, — отказываюсь я, и тут из комнаты в коридор выбегает девочка лет шести с игрушечным розовым зайцем в руках. У нее светлые волосы и большие голубые глаза. На мгновение я встречаюсь с ней взглядом.

— Наташенька, поздоровайся с дядей, — говорит женщина.

— Здравсти, — шепелявит Наташа, улыбается беззубым ртом и убегает обратно в комнату. Женщина провожает ее глазами, а я быстро опускаю руку в карман.

Когда она оборачивается, я протягиваю ей конверт.

— Вот, хотел передать. Это деньги за заказ, мы должны были встретиться сегодня с Оксаной, но у нее почему-то телефон не отвечает. Мне нужно уехать из города, так что решил отдать деньги Вам. Чтобы не откладывать.

Она берет конверт, держит его, словно взвешивая в руке, а потом смотрит мне прямо в лицо. Становится не по себе.

— Что ж, пойду, всего доброго, — поспешно бормочу я, пятясь назад, а потом иду к лифту, стараясь не оборачиваться.

— А Вы не знаете, что с Оксаной?

Обернуться все же приходится. Женщина так и стоит в дверях с конвертом в руке.

— Я очень переживаю, — говорит она. — Оксана звонила с вокзала в Москве, говорила, что ночью приедет, а все нет... И телефон у нее выключен. Вы не знаете?..

— Уверен, что с ней все в порядке, — выдавливаю я и почти выскакиваю в двери, ведущие к лестнице.

Обратно я спускаюсь пешком. Желтоватые стены лестницы грязные, все в черных неразборчивых каракулях граффити. На ступенях банки из-под пива и слабоалкогольной отравы. Между шестым и пятым этажом валяется использованный презерватив. Я думаю о девочках во дворе, о том, что с ними будет через несколько лет и об их будущих кавалерах. А еще о другой девочке и ее больших голубых глазах, которые так похожи на глаза ее матери. Если бы она посмотрела на меня снова, я бы не отвел взгляд.

Глава 4

Утром в понедельник Алина безжалостно вытащила из вазы и ведер еще не увядшие розы, собрала их в огромную охапку и вынесла из квартиры. Жирные багровые лепестки раскрытых бутонов назойливо лезли в лицо, забивая ноздри сладковатым липким ароматом, шипы злобно цеплялись за пальто. Алина ждала лифт и изо всех сил прижимала к себе цветочный сноп так, что трещали стебли.

— Доброе утро! Ой, какие цветы красивые! Вы их выбрасывать несете?

Из-за ярко-алой одуряюще пахнущей массы она не сразу заметила свою соседку из квартиры напротив, приветливую девушку лет двадцати пяти, светловолосую, милую. Она жила вместе с подружкой, похожей на большеглазую мышку: сейчас многие снимают жилье на двоих. Алина пыталась вспомнить их имена, но не смогла.

— Доброе утро, — отозвалась Алина. — Да, запах от них невыносимый. И подвяли уже, кажется.

— Ну что Вы, — девушка изобразила жалостливую гримаску. — Они еще могут долго стоять, если их подрезать, а в воду добавить...

— Ну так забирайте.

На лице соседки отразилось мгновенное колебание, но потом она рассмеялась и покачала головой.

— Нет, я на работу еду, на двое суток, и подруга тоже на сутках, некому будет ухаживать. Да и это же Вам подарили. А так, конечно, жалко. Очень красивые цветы.

Ворох роз поверх мусорного бака превратил помойку в подобие арт-инсталляции. Красные цветы припорошивал мелкий снег, и Алине казалось, что розы с ненавистью смотрят ей вслед.

На работу Алина поехала на отцовском BMW, так и оставшегося у нее после осенних событий. Она всегда ездила за рулем, когда твердо решала обойтись вечером без визита в «Дрейк».

Днем она нашла немного свободного времени, закрылась в кабинете, села за стол и положила перед собой телефон.

Конечно, за эти четыре месяца Алина пробовала найти Гронского. Не так, чтобы очень настойчиво, но все же пыталась.

Его квартира была закрыта и, судя по всему, пустовала. Алина приезжала сюда в конце ноября, примерно через неделю после того, как в

последний раз попрощалась со своим странным напарником — казалось, что попрощалась навсегда. Во дворе у подъезда все еще стоял его «Рэнглер», одинокий, печальный, покинутый, постепенно покрывающийся характерной серой пылью, как и любая машина, на которой больше никто не ездит. Алина слегка погладила автомобиль по крылу, и на перчатке остались белесые пятна. Она вошла в подъезд, поднялась на третий этаж, немного постояла у запертой двери, а потом нажала на кнопку звонка, просто, без всякой надежды. Дребезжащая трель была приглушенной, и звучала так, что сразу становилось ясно: никто не откроет. Алина позвонила еще раз и прислушалась. За дверью квартиры была только вязкая, плотная тишина.

Телефон Гронского был выключен, на электронные письма он не отвечал, страницу в Социальной сети удалил.

В январе, на пике обострившихся переживаний, тревожных снов и все более продолжительных посиделок в «Дрейке», Алина приехала к дому Гронского еще раз. Автомобиля у подъезда уже не было. Алина не стала подниматься к квартире, просто походила вокруг, посмотрела на темные окна, на террасу, занесенную снегом, на темнеющие под белым покровом стол и старые стулья, а потом, уже поздно вечером, решила и позвонила Кардиналу. Бывший опекун и наставник Гронского говорил с ней холодно, но вежливо, терпеливо, и сказал, что понятия не имеет, где сейчас находится его воспитанник.

— Дорогая Алина Сергеевна, я, конечно, предпринял определенные меры, чтобы его найти, но они не увенчались успехом, а тратить на эти поиски слишком значительные силы и средства я счел неразумным, — сообщил Кардинал. Голос его был немного усталым. — Я не знаю, где сейчас Родион и что с ним, но, если Вам повезет больше, передайте, что он может перестать играть в глупые прятки. Он мне больше неинтересен: ни как подопечный, ни как друг, ни как человек, который выставил меня идиотом, нарушив данное слово. Пусть живет спокойно, потому что для решения вопроса, на помощь в котором я когда-то рассчитывал, нашлись другие способы. И кстати, его машину мои люди поставили на надежную стоянку, мало ли что. Если объявится, пусть забирает.

Было очевидно, что это конец. Даже Кардинал, пусть и не используя все свои ресурсы, искал и не нашел Гронского, а значит, ей можно было даже не пытаться отыскать человека, специально обученного исчезать без следа в больших городах — если, конечно, он еще оставался в городе. И Алина смирилась, но, как оказалось, только на время.

«ВЕДЬМА». Надпись на фанерной доске была как предупреждающий

знак. Алина почувствовала, что перед ней открывается дверь, ведущая в другой мир, который, как ей казалось, был навсегда для нее потерян, но, чтобы войти в него, ей требовался напарник — тот, кто однажды уже провел ее туда.

Она думала об этом, когда в воскресенье проводила исследование обгоревшего искалеченного тела, доставленного в Бюро во второй половине дня; когда писала отчет о вскрытии, отвечала на составленные с ее же помощью вопросы следствия, назначала дополнительные экспертизы; когда поехала на такси прямо домой, не заезжая в паб.

И сегодня она снова набрала номер Кардинала.

— Алина Сергеевна, разве я не сказал Вам все в прошлую нашу беседу? Я действительно не имею никаких версий насчет того, где находится Родион. Да и с чего Вы взяли, что он вообще в Петербурге? Может, уехал куда-нибудь.

— Ну, а если предположить, что он остался в городе, где его можно искать?

Кардинал молчал.

— Послушайте, — почти взмолилась Алина, — Вы же его учили, знаете, как он думает, как действует... Если предположить чисто гипотетически?

— Ну, только если гипотетически, — Кардинал на секунду задумался. — Кроме Вас и меня друзей и знакомых у него нет, во всяком случае, таких, у которых он мог бы остановиться. В заброшенных домах, на чердаках и подвалах Родион точно не будет скрываться, во всяком случае, так долго — это не функционально, да и не безопасно со всех точек зрения. Скорее всего, он просто нашел способ снять квартиру, без лишних формальностей, агентов и договоров. Это не сложно, хотя всегда остаются риски того, что придется срочно искать другое жилье, если у хозяев изменятся планы. В идеале подошел бы дом или квартира без владельцев — живых, во всяком случае — и без жильцов, не приобретенные в собственность и не взятые в аренду, место, про которое никто не знает и куда гарантированно никто не придет: ни наследники, ни бывшие квартиранты, ни их знакомые. Петербург — это очень большой город, Алина Сергеевна, и, если знать, куда свернуть, тут можно найти, что угодно. И Родион, видимо, знает, куда надо сворачивать, лучше, чем Вы и я.

Алине оставалось только извиниться за беспокойство и попрощаться.

Она убрала телефон и открыла нижний ящик стола — тот, в котором обычно скапливаются ненужные бумаги, сломанные ручки и рассыпавшиеся скрепки. Приподняла пустые папки и посмотрела на

оскаленную морду зверя из темной стали — наверху рукоятки большого изогнутого ножа. Оружие ночного потрошителя, старое, недоброе, тяжелое, все еще лежало в ее столе, завернутое в прозрачную пленку. Она прикоснулась пальцами к рукоятке, взялась за нее и с усилием вытащила кинжал наружу. Грозное лезвие тускло блеснуло в электрическом свете, как будто оскалился сквозь сон дремлющий хищник. Одно из немногих материальных свидетельств ее приключений: этот нож, телефонный номер Кардинала, едва заметные следы когда-то глубоких царапин на щеке, скрытые под тональным кремом. И несколько мест в городе: бывший бар «Винчестер», на месте которого сейчас открылась кондитерская; двор, где она впервые встретила Гронского; паб «Френсис Дрейк»; закрытый и обнесенный забором медицинский центр «Данко»; затянутые зеленой строительной сеткой руины сгоревшего дома в трущобах Коломны; дом Кристины на Кирочной...

Алина откинулась на спинку кресла. Сердце заколотилось от внезапной догадки.

Место, про которое никто не знает и куда гарантированно не придут ни наследники, ни бывшие квартиранты. Квартира без живых владельцев.

Впервые за четыре месяца Алина ушла с работы вовремя. Вечерний город встретил ее мокрым сумраком, тревожной лихорадкой огней, нервными пробками, тенями на тротуарах. Она с трудом нашла свободное место шагах в тридцати от нужного дома, припарковалась и вышла под ветер и дождь.

Огромный дом в центре похож был на дремлющий замок. Гигантские двустворчатые входные двери, позеленевший лик мёртвого ангела над входом, широкая пологая лестница с тусклой лампочкой на лохматом от пыли шнуре, замурованный камин, лабиринт гулких коридоров, распухшие от старости двери квартир с гирляндами грязных звонков, оскверненные граффити стены, чудом уцелевшие витражи в мутных окнах — ничего не изменилось с той памятной ночи четыре месяца назад, но Алине показалось, что дом как будто бы странно опустел. Не слышно было ни шагов, ни звуков из-за дверей, застыли в молчании лифты; только светящиеся желтым и красным окна, которые она видела, идя через длинную галерею высоко над двором, свидетельствовали о таинственной жизни.

Алина перешла в другую часть дома, поднялась на последний этаж, а потом еще чуть выше, по короткому лестничному маршу, который заканчивался маленькой площадкой с единственной деревянной дверью. Звонка на ней не было. Алина подошла к двери и прислушалась. Пустая

тишина, как и во всем доме. Ни шороха, ни скрипа. Она осторожно взялась за ручку и подергала: дверь чуть подалась вперед и назад, но была закрыта; язычок замка тихо лязгнул в пазах. Алина подумала, подняла руку и постучала. Негромкий стук отозвался звонким эхом; где-то внизу хлопнула дверь и послышались шаги. Алина вздрогнула, отступила назад и замерла. Потом спустилась ниже, открыла сумочку, достала ручку, маленький ежедневник, вырвала оттуда лист и, пристроившись на потрескавшемся подоконнике, стала писать, щурясь в тусклом ночном свете. Нацарапав несколько слов, она снова подошла к двери и плотно засунула сложенный вчетверо листок в щель у замка.

В глубине дома с лязгом и грохотом заработал механизм лифта. Снова хлопнула дверь, зазвучали шаги. Алина посмотрела на торчащую из двери записку, кивнула, и стала спускаться к выходу.

Следующий день прошел в ожидании. Алина увеличила громкость сигнала на телефоне до максимума и каждый раз едва не подскакивала, когда аппарат надрывался мелодичным ревом. Как это обычно бывает в таких случаях, позвонили все: беспокойные следователи задавали вопросы о сроках готовности результатов исследований, настырные оперативники просили предварительных выводов, ассистентка Лера предупредила, что заболела, папа поинтересовался, как у нее дела, и в своей обычной неторопливой манере пытался что-то рассказать о своих, с кафедры Академии просили срочно посмотреть и согласовать новое расписание семинаров, а полузабытая знакомая по спортклубу интересовалась, нельзя ли помочь ее племяннице с поступлением в Медицинскую Академию. «Как сговорились», — думала Алина. Во второй половине дня позвонил Чекан: Алина чуть не уронила в умывальник совсем уж не вовремя заголосивший телефон, схватив его мокрыми руками, и на предложение встретиться вечером и «где-нибудь посидеть» ответила так, что самой стало стыдно.

В среду звонков было уже не так много, но громогласный сигнал по-прежнему заставлял Алину выхватывать телефон со скоростью, которой могли бы позавидовать бывалые стрелки Дикого Запада. За весь день она практически ни разу ни присела, а когда сгустились ночные сумерки и крупный дождь злорадно застучал в окна, как будто издевательски приглашая выйти на улицу, напряженное ожидание сменилось усталостью и раздражением. Может быть, она что-то не так написала в своей короткой записке, которую оставила в дверях? «Привет! Нужна твоя помощь. Позвони мне, пожалуйста, это важно. Алина».

Ну конечно! Она не написала номер! Вот дура!

Вообще-то, Алина специально не стала напоминать номер своего

телефона на случай, если записка попадет в посторонние руки, но ведь Гронский мог потерять ее контакт: выбросить вместе с сим-картой, оставить в старом аппарате, да мало ли, что еще могло случиться! О том, что она ошиблась в выводах о месте нахождения своего бывшего напарника, Алина думать не хотела. И уж тем более о том, что он просто не считал нужным ей позвонить.

Она решительно собралась, надела пальто и вышла из Бюро. Мокрый холодный ветер зло резанул по лицу, но Алина его не замечала: она думала о том, что ей нужно срочно еще раз съездить туда, где осталось ее короткое послание — по крайней мере проверить, на месте ли записка. А еще потому, что она не могла больше ждать.

Большой старый дом встретил ее надменной тишиной. Алина стремительно прошла по лестницам и коридорам, миновала галерею, в разбитые окна которой с низким порывистым воем дул ветер, и почти бегом поднялась к скрытой сумраком двери.

Краешек сложенного листа бумаги белел в щели у замка.

Алина подошла ближе и присмотрелась. Да, ничего не изменилось: записка все так же плотно всунута ровно на том же месте, где была два дня назад. Алина вытянула листок из щели: никаких следов того, что бумагу разворачивали, а потом сложили обратно — ни лишних складок, ни заломов. Написанные от руки слова неразборчиво темнели во мраке.

Алина немного постояла в безмолвной темноте, держа в руке листок и думая, стоит ли дописывать номер своего телефона. Потом посмотрела на дверь и несколько раз сильно, отчетливо постучала костяшками пальцев по деревянному полотну. Стук гулко отозвался в пустынных пространствах закрытой квартиры. Алина скомкала записку, сжала кулак и ударила снова, еще и еще. Эхо как грохот больших барабанов покатило по лестнице вниз. Дверь затряслась, протестующе лязгнув замком. Алина опустила загудевший от боли кулак и врезала ногой так, что дрогнули старые стены и стекла в расшатанных рамах.

— Никого нет дома.

Алина резко развернулась. У подножия лестницы, в синеватом ночном свете, стояла старуха, ветхая и древняя, как здешние оконные переплеты. Казалось, что с нее даже осыпалась чешуйками краска, оставляя пятна, похожие на следы разложения. Жидкие седые космы сухими водорослями свисали с желтого, как сыр, черепа. Старуха уставилась на Алину тусклыми бельмами глаз и повторила:

— Никого нет дома.

Голос был дребезжащим и мертвым, как если бы его записали на

жестяной пластинке и проигрывали на патефоне с медной иглой.

— Спасибо, — ответила Алина и почти не услышала собственных слов за гулкими ударами сердца. — Я так и поняла. Уже ухожу.

Она осторожно спустилась на несколько ступеней и остановилась: проходить мимо старухи почему-то очень не хотелось. Та стояла неподвижно и не сводила с Алины мертвенно-голубого взгляда. Пахло лекарствами и застарелой мочой.

Алина ступила еще несколько шагов, быстро, как школьница, проскользнула мимо старухи и торопливо, почти бегом, стала спускаться ниже.

— Никого нет дома! — проскрежетала ей вслед жестяная пластинка. — Никого нет дома!

Алина выскочила из дома, с облегчением вдохнув влажный воздух. Она подошла к своей машине, постояла минуту, переводя дыхание, потом села за руль, вынула телефон и набрала номер.

— Семен, привет! Можешь завтра найти для меня немного времени?

Глава 5

25 февраля 20... г.

Обычно рядом с очередной записью в дневнике ставят и соответствующую ей дату. Но месяц назад я еще не вел дневник, а если уж взялся сейчас рассказывать все по порядку, то нужно написать и о предшествующих событиях, правдиво и без прикрас. Это очень важно: я не хочу, чтобы в моей истории оставалось место умалчиванию и не буду кривить душой перед теми, кто, возможно, когда-нибудь прочитает эти строки.

Итак, 25 февраля. Первый акт инквизиции. Первый настоящий бой в войне, на которую я был призван.

Про обстоятельства самого призвания я расскажу чуть позже. Мне еще нужно привыкнуть к Вам, как к собеседнику, пусть даже Вы и существуете пока в весьма гипотетическом будущем. Знаете, при начале знакомства ведь не каждый готов сразу выворачивать душу наизнанку, доверие — это процесс. Но расскажу обязательно.

За три недели до этого у меня были только второпях записанный на клочке бумаги номер телефона, имя — скорее всего, вымышленное, и твердая уверенность, нет, больше — знание, что носительница этого имени является ведьмой. Кроме того, мне был известен род ее занятий. Удивительно, но она и работала — если это можно назвать работой — то ли ведуньей, то ли знахаркой, то ли, как принято сейчас это называть, специалистом по белой магии и биоэнергетике. Воистину, такое возможно только в нынешнее безумное время: открыто признаться в колдовстве и не получить вилами в бок или не отправиться на костер. Огромное достижение просвещенного техническим прогрессом человечества.

А еще у меня были вопросы, много, много вопросов. Попробуйте как-нибудь на досуге спланировать похищение и казнь человека, да так, чтобы потом не попасться в руки тех самых властей — и вы увидите, как список требующих разрешения затруднений будет расти с быстротой скороспелых романов нынешних беллетристов.

В частности, нужно было решить проблему со связью. Я хотел сначала позвонить и удостовериться в справедливости имеющихся у меня сведений — в том, что номер телефона действительно принадлежит ведунье, называющей себя «госпожой Стефанией». В таком тонком деле, как

свершение правосудия в отношении ведьм, нужно быть уверенным во всем до конца, чтобы не пострадали невинные. Разумеется, звонить с собственного телефона было немыслимо. При нынешнем уровне развития систем коммуникации личный мобильный телефон является универсальным приспособлением для слежения и прослушивания в гораздо большей степени, чем средством общения или передачи информации. Поэтому я отправился на «Аврору»: огромный рынок на юго-востоке города, место, куда стекается большинство краденых мобильных телефонов, которые там можно купить открыто и не опасаясь последствий. Я приобрел сразу шесть, самых простых: цены на подержанные аппараты были умеренные, а широкий выбор позволял совершить покупки в разных концах рынка без риска запомниться продавцу в качестве оптового клиента. С телефонным номером, который ни в коем случае нельзя было бы связать со мной, тоже не возникло трудностей: я без проблем купил несколько новых сим-карт у распространителя рядом с разными станциями метро, называя каждый раз придуманные на ходу имена и паспортные данные. «Забыл дома документы», — объяснял я. Продавцы только кивали, брали деньги и выдавали товар. Думаю, что я мог бы и не утруждать себя вымыслом: в конце дня эти юные ребята, подрабатывающие на продаже сим-карт, просто сочинили бы все сами, вписав требуемую информацию в договор, который никто не будет проверять. Да и как проверить поступающие каждый день сотни договоров от десятков распространителей? Главное, чтобы исправно сдавали выручку.

Я вернулся домой, чувствуя себя новобранцем, с блеском выполнившим первое, пусть даже и самое легкое задание.

Тут я подумал вот о чем. У меня не было уверенности, что номер телефона ведьмы, которым я располагал, использовался в рабочих целях. Что, если он предназначался только для своих, посвященных в дела ведьмовского ковена, и мой звонок вызвал бы настороженность и обоснованные подозрения? Это нужно было проверить.

Вам опускают в почтовый ящик рекламные газеты? Такие, знаете, толстые, цветные, с отвратительным качеством печати? Наверняка вы почти ежедневно выбрасываете очередную порцию этой низкопробной макулатуры, в которую превратились деревья тропических лесов. Я вот тоже обычно их выкидывал, но в тот раз принес в квартиру и взялся за изучение. Рекламные объявления колдунов, целителей, магов, ясновидящих, знахарей и биоэнергетиков занимали четыре больших разворота. Все, как один, обещали излечить, предсказать, вернуть мужей, спасти от запоев, снять порчу, очистить карму, обогатить и гарантированно

приворожить. В глазах рябило от продолжателей традиций зороастризма, потомственных ведунов, академиков всевозможных эзотерических академий, гадалок на картах Таро, учеников тибетских мудрецов и адептов магий всех цветов радуги. Современные люди готовы сунуть пальцы во все оккультные розетки, пойти куда угодно за любым незнакомцем, если тот угостит конфетами, на ярких обертках которых написано «духовность», «очищение» или «просветление». Больное животное ищет растения и травы, которые могут его исцелить. Человек в ситуации духовной болезни тоже инстинктивно ищет то, что может успокоить его смятенную душу, но вот только за века пребывания в каменном мешке светской цивилизации инстинкты эти притупились, и он потребляет все подряд, без разбора, готовый одновременно ходить к колдунам, ставить свечи в церкви, возжигать благовония в буддийском дацане или внимать пустословию «духовных учителей», возглавляющих ими же созданные учения.

Суеверия всегда следуют за верой, как шакалы за львом, питаюсь тем, что вера отвергла.

Я задумался, сколько среди этих персонажей, физиономии которых взирали на меня с цветных и черно-белых фотографий, являются откровенными шарлатанами и жуликами, а сколько действительно принадлежат к числу последователей дьявольских культов? Кто из них просто паразитирует на дремучем невежестве просвещенных любителей современных технологий, а кто и в самом деле в состоянии призвать на помощь темные силы, которые за исполнение скороспелых желаний возьмут плату неизмеримо более весомую и страшную, чем деньги?

В первых двух газетах найти Стефанию не удалось. Однако во мне заговорил азарт исследователя. В киоске у метро я купил сразу несколько газет с подобными объявлениями, и в конце концов нашел нужное мне в одном из ежедневных толстых изданий, которые обычно читают женщины в возрасте, чуть более, чем зрелом. Рекламный модуль «госпожи Стефании» красовался на странице, находящейся между статьей об очередном адюльтере какой-то эстрадной звезды и пафосным медоточивым репортажем об освящении храма.

«Потомственная колдунья госпожа Стефания. Быстро, с гарантией, навсегда: диагностика по телефону, снятие порчи, сглаза и венца безбрачия, возвращение любимых, безопасный приворот, чары любовного притяжения, заговор на успех в бизнесе. Эффективность 100%! Тридцать лет успеха! Помогаю даже в самых трудных случаях!»

С фотографии на меня смотрела благообразная женщина средних лет с многозначительным выражением лица. Сразу становилось ясно, что

госпоже Стефании и ее гарантиям можно доверять. Номер телефона в объявлении совпадал с тем, что был у меня.

Теперь, когда цель была найдена и опознана, предстояло решить наиболее трудные задачи. Но как известно, даже с самыми масштабными проблемами можно справиться, если разбить их на составляющие.

Первым, с чем предстояло определиться, было похищение, а точнее захват и транспортировка. Очевидно, что, куда бы я не повез многогранно одаренную госпожу Стефанию, использовать для этого я буду собственный автомобиль. «Двадцать четвертая» «Волга» — универсал принадлежала когда-то моему тестю и была зарегистрирована на бывшую супругу, отдавшую мне автомобиль за ненадобностью. Я и сам редко ездил на нем, но сейчас настало время для старой машины сослужить настоящую службу. Но как посадить туда ведьму, да еще и сделать так, чтобы она смиренно ехала рядом со мной к месту допроса? Конечно, можно было применить угрозы. У меня имелись двуствольное ружье и охотничий нож, купленные в далеких девяностых годах и оставшиеся с тех незапамятных времен, когда я раз или два выбирался с потерявшимися ныне друзьями на утиную охоту. Билет охотничьего клуба и разрешение на оружие были, разумеется, безнадежно просрочены, но тем не менее, оружие приобреталось легально, что давало возможность в случае необходимости сослаться на досадную неаккуратность в продлении разрешения. При помощи оружия можно было заставить колдунью сесть в машину, возможно, даже принудить ее к повиновению, но только я не верил в эффективность угроз, когда человек понимает, что речь идет о его жизни и смерти. А в том, что Стефания догадается о том, что ее ожидает в конце поездки, я не сомневался. Еще более я не верил в собственную убедительность в качестве человека, угрожающего кому-то оружием. У меня для этого нет ни подходящей внешности, ни опыта. Следовательно, нужно было лишить сознания или обездвижить ведьму, а потом вывезти ее в багажнике «Волги». Но как это сделать?

Удар по голове я отмел сразу. Я человек мирный, даже в школе никогда не дрался, не говоря уже о зрелом возрасте, но всегда был от природы очень сильным физически. В ситуации стресса и от отсутствия навыка я запросто мог не рассчитать удар и потом иметь дело не с живой, готовой к допросу ведьмой, а с бездыханным трупом. Воспоминания о приключенческих фильмах и книгах навели на мысль о хлороформе или каком-нибудь парализующем уколе. Но эта идея мгновенно породила множество вопросов, ответов на которые я не знал. Например, где купить хлороформ? Какой препарат нужно вколоть и в каких количествах? Опять

же, где взять такой препарат? И сколько следов я оставлю, пока найду нужные мне химикаты? Да и уколы я делать не умею, если уж на то пошло.

Так появилась идея использовать электрошокер. Он прост в применении, понятен, удобен в переноске и, самое главное, абсолютно легален. Согласитесь, есть разница в том, что объяснять сотруднику полиции: наличие у тебя в кармане разрешенного оружия самозащиты или куска марли и банки с хлороформом.

Но и здесь не все было гладко. Изучение вопроса показало, что ни один из легально продаваемых шокеров не гарантирует длительную потерю сознания или хотя бы стабильное парализующее воздействие. Описание эффективности во всех случаях было настолько размытым и туманным, что становилось очевидным: единственное, на что можно с уверенностью рассчитывать, это на нанесение болезненного удара током.

А болезненно ударить я могу и сам.

Тогда я первый и, думаю, единственный раз пошел на серьезный риск основательно наследить, а то и вовсе быть арестованным еще до начала исполнения своей миссии.

После трехдневных поисков в интернете, тщательного анализа предложения и осторожной разведки у меня появился телефонный номер, анонимный обладатель которого в скромном объявлении на одном из форумов предлагал специальный усиленный электрошокер, «стоящий на вооружении у спецслужб». Потенциальным покупателям было обещано лишение сознания жертвы и полное обездвижение на время от пятнадцати до тридцати минут. Отдельно подчеркивалось — видимо, в целях какой-то необходимой страховки — что продавец не несет рисков случайной смерти в случае наличия у жертв кардиостимуляторов или проблем со здоровьем сердечно-сосудистой системы. Цена этого специального шокера превышала обычную в восемь раз.

К счастью, у меня есть еще один важнейший ресурс — деньги. Не очень большие, но все же есть. Без них в наше время нечего и думать о свершении правосудия.

Я набрался смелости и позвонил с одного из обезличенных номеров. Спокойный мужской голос ответил мне, что интересующий прибор есть в наличии и изъявил готовность встретиться со мной на следующий день у одной из станций метро на восточной окраине города.

В назначенное время я стоял, трясясь от промозглого февральского холода и избытка адреналина, на продуваемой всеми ветрами площади, ежился под колючим мелким снегом и ждал. Была вторая половина дня, но тусклый ненастный сумрак настолько приглушил все живые краски вокруг,

что день был похож на уродливую версию ночи. Угрюмые стальные потоки машин текли через перекрестки широких проспектов, как талая грязь, вдоль торговых ларьков бродили сомнительные оборванцы, прохожие, глядя под ноги, торопливо шли к метро или выходили оттуда, чтобы слиться с толпой на тротуарах и остановках. Яркие огни вывесок нервно вспыхивали на фасаде торгового центра. Я стоял и думал о вариантах дальнейшего развития событий. Самыми вероятными представлялись два. Первый — меня арестуют за попытку приобретения нелегального оружия. Я видел по телевидению репортажи о том, как полицейские специально провоцировали такие ситуации, чтобы потом задержать неудачливых покупателей пистолетов или несостоявшихся заказчиков убийств. Второй — я просто буду тем или иным способом ограблен и лишусь всех денег, которые взял с собой. То, что я действительно получу нужную мне вещь, казалось почти невозможным. Поэтому, когда из толпы прохожих ко мне направился высокий, спортивного вида молодой человек с короткой стрижкой и пластиковым пакетом в руке, я напрягся. Он быстро и как-то профессионально огляделся, подошел ко мне, и спросил:

— Это Вы звонили по поводу электрического оборудования?

Я кивнул.

— Давайте пройдемся немного.

Мы прошли вдоль торгового центра, свернули за угол и оказались с обратной стороны, где не было ни вывесок, ни входов для покупателей, а только сплошная серая стена да несколько служебных дверей. Людей здесь тоже не было. Я уже подумал, что сейчас реализуется второй вариант представившегося мне негативного сценария, но молодой человек протянул мне пакет и сказал:

— Вот.

Я заглянул внутрь. Там лежала простая картонная коробка, по размеру похожая на упаковку из-под мобильного телефона. Ни рисунков, ни надписей, ни маркировок на ней не было. Я взялся за крышку и немного приоткрыл. Внутри находился обычный с виду шокер: чуть изогнутая рукоять, блестящие электроды, две кнопки. Молодой человек молча смотрел на меня.

— А как я пойму, что это именно тот...прибор, о котором мы говорили?

Он пожал плечами.

— Никак. Не хотите, не берите.

Я взял. Достал из кармана деньги и отдал, совершенно не уверенный в том, что купил обещанный усиленный шокер, а не электрическую

трещотку. Проверить это можно было только опытным путем, но на ком, скажите на милость, я должен был ставить такие опыты? Даже если бы я решился ударить случайного человека этим оружием — уличного хулигана, запоздавшего ночного пьяницу — это был бы лишний не нужный риск. И я решил отложить сомнения до того момента, как испытаю свое оружие в деле.

Телефон, с которого звонил продавцу, я выбросил здесь же, в помойный бак за торговым центром.

Оставалась еще одна, главная проблема: выбор места для проведения допроса и казни. Первой мыслью, разумеется, было вывезти ведьму в лес. Наверное, это пришло бы в голову любому, кто прожил девяностые годы в Петербурге или часто смотрел криминальные сериалы. Я обдумывал этот вариант и так, и этак, но в конце концов отказался. Заехать зимой в настоящие лесные дебри мне не позволила бы машина, а заниматься таким делом неподалеку от дороги, пусть даже проселочной и самой глухой, было слишком опасно. Я так и не смог толком придумать, как фиксировать обвиняемую на время дознания, к чему потом привязывать тело для сожжения без опасности спалить вместе с ведьмой весь лес и пару деревень впридачу, да и множество других мелких методических вопросов оставались без ответа. К тому же, меня пугало открытое пространство. Для такого мероприятия требовалось место закрытое, уединенное и безопасное — в той степени, в какой вообще уместно говорить о безопасности в подобном деле. В итоге я остановил свой выбор на доме в пустующем летнем дачном поселке. Решение казалось очень удачным: никого вокруг, закрытое помещение, необходимая мебель и возможность выбрать место для костра на участке, подальше от деревьев. Конечно, тут требовалась разведка для детального изучения местности. Мне не подходили новые коттеджные поселки или огромные конклавы крошечных сараев на продуваемых всеми ветрами и открытых взгляду бескрайних болотистых пустырях. Дом тоже подошел бы не всякий, а такой, в который с наименьшей степенью вероятности могут заглянуть в неподходящий момент внезапно решившие навестить свою дачу хозяева, а еще без сигнализации, металлических ставень и железных дверей, расположенный на удалении от дороги.

Мне пришлось изрядно поездить по загородным садоводствам, пока я не нашел такое место. Небольшой, сравнительно новый дом, больше похожий на будку с двускатной крышей, стоящий среди леса на захлавленном песчаном участке, кое-как обнесенном проволочной оградой на железных столбах. Рядом с этой хибарой, с одной дверью и двумя

окнами, стоял кое-как сколоченный сарай, проржавевший остов микроавтобуса и двух легковушек, валялись старые покрышки и какой-то железный хлам. Вокруг поднимались крутые склоны поросших соснами и елями холмов, далеко на вершинах которых виднелись сквозь деревья темные очертания пустующих дач.

Я отжал деревянную дверь топором и вошел внутрь. Там было две комнаты: в большой, служившей, судя по всему, гостиной, валялись пустые стеклянные и пластиковые бутылки, стоял деревянный стол, накрытый прожжённой окурками клеенкой, несколько стульев, и тумба для телевизора. Всю площадь другой занимала большая кровать с голым полосатым матрасом. К холодному запаху сырости примешивалась вонь застарелого табачного дыма, разлитого алкоголя и нечистот. Входную дверь я оставил приоткрытой: в мои планы входило приехать сюда снова через неделю и проверить, не наведывались ли в дом хозяева или соседи.

Итак, у меня были средства связи, оружие и место. Подготовка была почти завершена и дело оставалось за малым. В строительном гипермаркете я приобрел защитные комбинезоны для малярных работ, несколько пар длинных и прочных резиновых перчаток, большой моток толстой стальной проволоки и десяток катушек широкого скотча. Дома покопался в ящике с инструментами и выбрал молоток, пассатижи и гвозди. Еще нашлись утюг и старый паяльник, которые я решил не использовать: в закрытых на зиму дачах, скорее всего, не было электричества, а пригоревшие частицы кожи наверняка с трудом отчищались от металла. Арсенал получился скудным, но в сочетании с ножом и шокером я счел его достаточным. Для встречи с потомственной колдуньей госпожой Стефанией все было готово.

Я взял телефон и набрал номер.

— Слушаю, — ответил мне низкий женский голос.

— Здравствуйте, я хотел бы поговорить с госпожой Стефанией.

Дрожал ли мой голос? Слышно ли было в нем волнение? Мне казалось, что нет. Но если да, то это только придавало правдоподобия: мало кто сохраняет хладнокровие, обращаясь за помощью к ведьме.

— Это я.

Ответила сама. Хорошо, значит, обходится без помощников и секретарей. Это облегчает дело.

— Я бы хотел узнать о возможности совершения приворота.

— Да, это возможно, — ответила она и скучающим голосом заученно продолжила, — стопроцентная гарантия, приворот без греха, работаю по фотографии, помогаю даже в трудных случаях.

— Возможно ли сначала просто пообщаться? Видите ли, у меня такая ситуация...

— Консультация три тысячи рублей, — перебила она.

— Меня устраивает. Можно подъехать завтра вечером?

— Можно, — сказала ведьма и продиктовала адрес.

Было восемнадцатое февраля, среда.

Вечером следующего дня я надел на шею ладанки с освященной солью, крапивой и воском, обвязал вокруг тела охранительный пояс с девяностым псалмом, сел в машину и отправился по адресу, указанному Стефанией. Колдунья принимала посетителей в самом чреве старого города, где кварталы слипшихся грязных домов испещрены проходными дворами, как крысиными норами. Был вечер; я оставил машину в переулке рядом с аркой, ведущей во двор, и долго петлял по извилистым каменным лабиринтам, среди гниющих стен, переполненных мусорных баков, перекошенных окон и смутных теней. Нужная мне дверь, без вывесок и опознавательных знаков, находилась в последнем тупиковом дворе, узком каменном колодце с серыми неровными стенами. Ни одно окно не выходило сюда, ни одной двери, кроме входа в обитель городской ведьмы, не было. Помню, что тогда я подумал о судьбе, а точнее, о Провидении: если бы Стефания специально выбирала место, как нельзя более удобное для свершения моих планов, то ничего лучше не могла бы придумать.

Я нажал на кнопку домофона, представился и вошел.

За дверью оказалась крошечная замызганная прихожая с грязным дощатым полом. Справа — какое-то подобие регистрационной стойки с кипой потрепанных рекламных газет, слева — пустая вешалка. Чуть дальше стойки была приоткрытая темная дверь, из-за которой тянуло запахом дыма, точнее, нескольких дымов сразу: горелыми индийскими благовониями, сладковатым ладаном и резкой табачной вонью. За дверью послышался шорох, звук шагов, и на пороге появилась хозяйка. На фотографии в газете госпожа Стефания выглядела не лишенной привлекательности женщиной средних лет. Сейчас передо мной предстала стареющая, крепкая, кряжистая тетка, с длинными и неухоженными темными волосами, покрашенными грязно-рыжими прядями, несвежей кожей, костистым крупным носом, тонкими губами и пронзительным взглядом темных, почти черных глаз. На ней была черная широкая юбка до самого пола и цыганской расцветки блуза. В отвисших мочках больших мясистых ушей висели длинные серьги, с шеи свисали цепочки и тесемки со странными украшениями, пальцы унизаны кольцами и перстнями, гроздь браслетов позвякивали на запястьях. Она открыла дверь и молча

уоставилась на меня немигающим взглядом.

Мне стало страшно: на мгновение показалось, что Стефания поняла, кто я и зачем пришел. Какая-то тень, похожая на сомнение, мелькнула по ее лицу, как будто ведьма прислушивалась к чему-то, но потом она моргнула и сказала низким прокуренным голосом:

— Раздевайтесь и заходите.

Я повесил пальто и шляпу на вешалку и вошел в ее кабинет.

Здесь было темно, тесно и душно. Единственное окно завешено плотной темно-багровой портьерой; вдоль стен громоздились комоды и шаткие колченогие столики, над которыми висели до самого потолка большие и малые полки. Все — и полки, и комоды, и столики — было уставлено и увешено какими-то мутными склянками, пузырьками, бутылками, потрепанными книгами, камнями, статуэтками, подсвечниками, черно-белыми фотографиями, гравюрами с каббалистическими знаками, пыльными пучками сушеных трав и стеблей. Несколько икон в окружении этого колдовского хлама выглядели, как захваченные заложники. В дальнем углу высился большой шкаф с запертыми дверцами, а слева стоял широкий письменный стол цвета мореного дуба, с толстым стеклом, под которым пестрели картинки и фотографии, и настольной лампой — единственным источником света в удушающе дымном сумраке комнаты. Рядом с лампой стояла переполненная пепельница и лежала красная пачка «Мальборо».

Старая школа.

Что-то мягкое и тяжелое задело мою ногу и тенью метнулось в угол. Я вздрогнул и попятился. Огромная бурая крыса злобно зыркнула на меня красными глазами, открыла пасть и зашипела.

— Не бойтесь, он Вас не укусит, — сказала Стефания, усаживаясь в скрипнувшее под ее тяжестью кресло. — Садитесь.

Я осторожно присел на жесткий стул с другой стороны стола. Колдунья взяла сигарету, прикурила ее от массивной золоченой зажигалки и снова внимательно посмотрела на меня сквозь клубы дыма. Мне опять сделалось не по себе. От Стефании исходило ощущение какой-то грубой, подземной силы. Я сидел, молчал, и смотрел на сигарету в сильных, унизанных кольцами пальцев с длинными, загнутыми, как когти, ногтями, вымазанными темно-серебристым лаком. Потом достал из кармана деньги и протянул колдунье.

— Не в руки! — почти прикрикнула она. — На стол положите.

Я положил на стол три тысячные купюры. Стефания смахнула их в ящик стола, еще раз затянулась и уже мягче сказала:

— Не стесняйтесь, говорите, чем Вам помочь.

Наверное, нервозность сыграла мне на руку: старая карга привыкла видеть смущение и страх посетителей своей уютковатой обители, так что мое поведение было естественным. Я откашлялся, прочищая горло от табачного дыма, и произнес:

— Я бы хотел узнать о возможности приворота. Любовного.

Она кивнула.

— Да, я же еще по телефону вам сказала, это возможно. Давайте подробнее.

Я вздохнул и принялся импровизировать.

— Понимаете, я уже немолод, а девушка совсем юная... Нет, Вы не подумайте, все в рамках... Ей двадцать лет. И она не отвечает на мои знаки внимания. Может быть, я несколько старомоден в своих ухаживаниях, но ведь цветы, подарки — это всегда актуально. Но чем больше стараюсь, тем хуже все... Мне даже кажется, что она надо мной смеется.

Я сокрушенно покачал головой и замолчал. Стефания выдохнула очередную порцию дыма, достала из ящика стола блокнот, раскрыла его на чистой странице, взяла в руку карандаш и сказала:

— Не волнуйтесь, сейчас мы во всем разберемся. Напомните еще раз, как Вас зовут?..

Я повторил имя, которым представился в телефонном разговоре.

— Дата рождения?

Я наобум назвал число, месяц и год, на пару лет сбавив свой возраст.

Стефания аккуратно записала продиктованное.

— Так, а имя девушки?

— Алина, — ответил я первое, что пришло в голову. Сам не знаю, почему.

— Ее дату рождения знаете?

Я снова импровизирую.

Колдунья глубокомысленно посмотрела на буквы и цифры, почертила между ними какие-то линии, потом подняла на меня глаза и выдала:

— Ну что ж, мне все ясно. На самом деле, она тоже испытывает к Вам чувства, только ее пугает разница в возрасте, и она скрывает свою симпатию за безразличием и насмешками. Вот, по цифрам я четко вижу, что ее тянет к Вам, но одновременно что-то и удерживает. Думаю, что тут еще как-то замешаны ее родители...

Вранье, подумал я. Воистину, настоящее безбожное вранье. На минуту мне даже показалось, что я ошибся, и передо мной не ведьма, а просто старая шарлатанка, рассказывающая всем своим клиентам одну и ту же байку. Но увы: сила госпожи Стефании была мне слишком хорошо

известна, и, к сожалению, не понаслышке.

— Вы правильно сделали, что обратились ко мне, — продолжала она. — Скоро по ее лунному гороскопу настанет такое время, что она может забыть Вас и увлечься другим, так что надо спешить. Мы проведем ритуал с зеркальным коридором, немного подтолкнем ее, и все будет в порядке. Пятнадцать тысяч.

— Что? — переспросил я.

— Ритуал будет стоить пятнадцать тысяч. Устраивает такая сумма?

Меня бы устроила любая, но я изображаю неуверенность, минуту думаю и отвечаю:

— Да. Устраивает.

— Вот и прекрасно! — колдунья погасила наконец сигарету и удовлетворенно откинулась на спинку кресла. — Мне для работы потребуется фотография: желательно такая, где хорошо видны глаза и торс.

Я снова изобразил замешательство, но Стефания вдруг криво ухмыльнулась, обнажив прокуренные зубы, махнула рукой и беззаботно сказала:

— Да это вообще сейчас не проблема. Вот в наши с Вами времена с фотографиями было сложнее, а уж если незнакомый человек — так и вовсе почти нельзя достать. А теперь все есть в Социальной сети, берите, да и распечатывайте. У девушек они как раз такие, как надо: знаете, когда они в зеркале фотографируются. Там и глаза, и торс.

Стефания подняла руку, как будто держа невидимый телефон, округлила глаза, выпятила тонкие красные губы, изображая «селфи», и задорно подмигнула. Эта внезапная жутковатая веселость пугала не меньше, чем тяжелый немигающий взгляд в начале встречи.

— Давайте я Вас запишу, — она шлепнула на стол толстую тетрадь с желтоватыми страницами, разлинованными карандашом в таблицу с именами, телефонами и датами. Там же были указаны суммы. — Так, сегодня у нас четверг... на понедельник, удобно?

— Ой, а если на среду? — попросил я. — У меня зарплата только во вторник, а я бюджетник, так что сами понимаете... Можно?

Стефания задумалась, что-то прикидывая в уме. Может быть, дату оплаты аренды и коммунальных услуг.

— Хорошо, — согласилась она. — Но не позже. Сами понимаете, если упустим время...

— Да-да, — торопливо ответил я. — Понимаю. Лунный гороскоп и все такое.

Я попрощался и вышел.

Свое последнее рандеву с колдуньей я перенес на среду не случайно. Все авторитетные источники единогласно рекомендовали проводить допросы ведьм в дни церковных праздников, и я специально изучил календарь. Единственным днем, который можно было бы назвать праздничным, был Dies cinerum, Пепельная среда.

В выходные я еще раз съездил к захудалому дому в дачном поселке. Дверь по-прежнему оставалась открытой, в темную комнату холодный ветер намел мелкого снега. Никаких следов. Никаких изменений.

Наступило 25 февраля, и во второй половине дня я начал готовиться нанести визит госпоже Стефании. И вот тут, когда я укладывал все необходимое в ящик с инструментами, ко мне внезапно пришло осознание того, что я собираюсь сделать. Понимаете, до этого все воспринималось как своего рода игра, решение интересной практической задачи: обеспечить средства связи, купить оружие, найти подходящее место, подобрать инструменты, все рассчитать и спланировать. Только теперь мне внезапно стало очевидно: я действительно собираюсь через несколько часов похитить, пытать, и убить человека. Я посмотрел на молоток в своей руке и подумал о том, что буду им делать. Это было совершенно нереально, неправдоподобно. Такое просто не могло происходить со мной. Но сомневался ли я в том, что должен это совершить? Нет, ни единой секунды.

Если сомневаешься — не делай, если делаешь — не сомневайся.

Поэтому вместо долгих раздумий я нашел на антресолях пыльные чертежные трафареты, немного черной краски, постелил на пол газеты с объявлениями и вывел на куске старой фанеры надпись «ВЕДЬМА». Прибил к получившейся табличке короткую деревянную рейку. Газеты скомкал и вынес на помойку. Нашел среди коробок с утиной дробью упаковку патронов с кабаньей картечью. Зарядил ружье, на всякий случай засунул в патронташ на чехле еще четыре картонные гильзы. Подумал, что если меня задержат с таким арсеналом — ружье, нож, шокер — то оправдываться придется долго и просроченный охотничий билет вряд ли явится достаточным объяснением. Потом погрузил все необходимое в багажник, поставил туда же две полные канистры с бензином, надел ладанки с солью, травами и воском, такие же положил в карман пиджака рядом с шокером и мотком скотча. Нож прицепил к поясу. Во внутренний карман засунул конверт с фотографией: я все-таки последовал совету колдуньи и сделал распечатку со страницы в Социальной сети. Это было совершенно лишним, но я не мог удержаться от желания создать некий драматический эффект. Как очень скоро выяснилось, совершенно напрасно.

На этот раз я не стал оставлять машину в переулке, а осторожно

проехал на ней до самого последнего двора, развернулся багажником к двери и припарковался как можно ближе. Посидел немного, стараясь освободиться от лишних мыслей и сосредоточиться. Потом вышел и нажал на кнопку звонка.

Я почти не помню, как вошел в прихожую, снял пальто и шляпу, какие первые слова произнес. В памяти остались только шум в голове и нервная дрожь. Еще помню, что нащупал в правом кармане пиджака шокер и подумал о том, что так и не испытал его в действии.

В кабинете ведьмы было все так же темно и душно, только, казалось, еще прибавилось дыма, как будто тут чадила какая-то адская коптильня. Под ногами шмыгнула крыса. Стефания сидела за столом. Она улыбнулась мне, как старому знакомому, и предложила присесть.

— Принесли? — спросила она.

— Да, конечно, — ответил я, почти не слыша собственного голоса, и достал из кармана конверт.

Колдунья положила его перед собой, раскрыла и секунду молчала, уставившись на фотографию. Когда она снова посмотрела на меня, в мгновенно почерневших глазах метнулись злоба и страх.

Я выхватил шокер и сделал резкий выпад, но реакция у старой карги оказалась отменной: она увернулась и вскочила, с грохотом уронив кресло. Я прыгнул вперед, навалившись животом на стол и вытянув руку с шокером, но снова промахнулся: ведьма забилась в угол и истошно заорала. Шокер трещал и искрил голубоватой электрической дугой. Лежа на столе, я потянулся к ведьме своим оружием, но она с хриплым воплем наотмашь ударила меня по голове. Удар был такой силы, что я повалился вперед, как куль, упал со стола и растянулся на полу у ног колдуньи, едва не выпустив шокер из рук. Взметнулась черная юбка, обдав меня застоявшимся запахом старого женского тела, и нога в черном ботинке врезала точно по темени. В голове зазвенело. Ведьма занесла ногу еще раз, но я извернулся и резко приложил шокер к ее обнажившейся белой лодыжке. Раздался электрический треск. Стефания взвизгнула и рухнула на пол рядом со мной. Я увидел, как скрюченные серебристые ногти тянутся к моему лицу и ударил шокером снова, на этот раз точно в шею, с трудом заставив себя отпустить кнопку, когда голова ведьмы задергалась, а глаза закатились.

Стало тихо. Я лежал, наверное, целую минуту, приходя в себя, когда почувствовал резкую боль в правой икре — отвратительная крыса, сверля меня ненавидящим взглядом, вцепилась мне в ногу, разорвав брюки. Я вскрикнул, пинком отшвырнул завизжавшую гнусную тварь и встал.

Неизвестный продавец оружия не обманул. Старая карга валялась

бесформенным ворохом тряпок и не пришла в себя, пока я обматывал скотчем ей ноги и руки и заклеивал рот. Наружу я вытаскивал ее с невероятным трудом: тело растеклось по полу как мешок с пищевыми отбросами, и я опрокинул один из кривоногих столиков и стул, пока волоком тащил эту тушу до порога. Вместе с потом по лбу стекала струйка крови из рассеченного темени. С натугой затолкав бесчувственную ведьму в багажник, я выключил свет в ее кабинете, в приемной, прикрыл дверь, а потом долго вытирал с лица кровь, глядя в зеркало заднего вида. К счастью, рана была неглубокой. Я надел шляпу, надеясь, что кровь не хлынет из-под нее в самый неподходящий момент — например, если меня остановят для проверки сотрудники полиции.

Но меня не остановили и не проверили. Как я уже говорил, старая «Волга» — идеальная машина, если хотите остаться незамеченным.

В обезумевшем ночном небе над лесом клубились черные тучи, словно гигантские спруты, пытающиеся достать щупальцами до земли. Ветер выл на басовых нотах в верхушках голых деревьев как болотная нежить. Сосны и ели раскачивались в разные стороны. Ни дождя, ни снега не было, будто пришедшая в ярость природа забыла обрушить небесную влагу, подобно человеку, потерявшему дар речи в припадке неистовой злобы.

Я подогнал машину к двери пустого дома. Вошел внутрь, зажег фонарь, поставил его на стол и вернулся к автомобилю. Когда я открыл багажник, на меня злобно воззрились черные глаза, налитые ненавистью, которая обещала нечто худшее, чем просто смерть. Я принялся вытаскивать старую каргу из машины; она зарычала сквозь клейкую ленту, извернулась и с силой пнула меня обеими ногами в грудь. Я покачнулся и едва не упал. Мне с трудом удалось выволочь шипящую, извивающуюся ведьму из багажника, и в конце концов я уронил ее на мерзлую землю рядом с машиной. До открытой двери было всего метра два или три, но мне они показались бесконечными, когда я волок отчаянно упирающуюся колдунью в полумрак выстуженного дома.

Она продолжала яростно сопротивляться даже со связанными руками и ногами, и каждое действие давалось мне ценой величайшего труда, как маленькая победа в сражении, которому не видно конца. Кое-как я усадил каргу на стул, примотав скотчем руки и ноги, но она тут же опрокинула его, завалившись на бок с утробным отрывистым рыком. Я понял, что она хохочет. Я попытался поднять стул, но колдунья снова рванулась вбок, и я опять уронил его вместе с привязанной каргой, поскользнувшись при этом и растянувшись подле нее. Наверное, мне не передать, что я испытывал во время этой возни на грязном полу убогого дома, среди мелкого снега и

пустых бутылок, в полумраке, рассеиваемом только тусклым лучом фонаря, под завывания ветра и приглушенный ведьминский хохот. Я с натугой поднял стул, подтащил его к стене и сдерживая, насколько было возможно, ее бешеные попытки ударить меня головой в лицо или снова опрокинуться, прибил спинку к стене. Только тогда она утихомирилась и замерла, сопя и не сводя с меня ненавидящего взгляда.

Я разложил на столе свои инструменты, натянул балахон, прикрыл дверь, подперев ее еще одним стулом, отрегулировал луч фонаря и сорвал с губ колдуньи клейкую ленту. Ведьма замотала головой, а потом, прищурившись, посмотрела на меня.

— Значит, это ты, — просипела она. — Да, ты... Знаешь, а ведь это твоя большая ошибка. Очень, очень большая ошибка. Если думаешь, что...

Я размахнулся и вlepил ей пощечину. Голова дернулась, на губах появилась кровь. Она моргнула, а потом, ощерившись желтыми острыми зубами, снова уставилась на меня.

— Ну? И что ты будешь делать, умник?

Я встал перед ней и зачитал стандартную формулу начала дознания. Голос мой немного дрожал и срывался. Карга таращилась на меня в изумлении, а потом запрокинула голову и разразилась диким хохотом.

— Да кем ты себя возомнил? — задыхаясь от смеха, спросила она. — Повтори-ка, повтори! Как ты там сказал: «до моего слуха дошло»? До какого слуха, баран ты эдакий?

Я захотел ее снова ударить, но не стал. Мне следовало держать себя в руках.

— Признаешь ли ты оглашенное обвинение в ереси и колдовстве, подкрепленное свидетельствами, и готова ли принести покаяние в совершенных тобой беззакониях? — повторил я.

— Да пошел ты! — вдруг заорала ведьма и дернулась вперед так, что гвозди, удерживавшие стул, закрипели в досках. С окровавленных губ слетела нитка тягучей слюны.

Я молча отвернулся, взял портновские ножницы и показал ей.

— Сейчас я сниму с тебя всю одежду, — сообщил я. — И я прошу не препятствовать мне. Я не хочу снова тебя бить.

— Подумайте, какой джентльмен, — захихикала она. — Давай, посмотрим, какие развлечения ты еще придумал.

Я разрезал на ней юбку, блузу, огромный бюстгальтер, из которого вывалились безобразно огромные сморщенные груди, похожие на сдувшиеся меха с пробками твердых сосков. На правом боку я увидел еще один крупный сосок, похожий на бородавку в окружении жестких длинных

волос. Вероятно, этот был предназначен для кормления ее демона-фамилиара, той мерзкой крысы, что я видел в кабинете. На белой дряблой коже рук темнели синие кустарные татуировки: паук, цветок с колючей проволокой, какая-то птица. Это тоже были знаки принадлежности к определенному кругу, но не к тому, который меня интересует сейчас.

За одеждой последовали ботинки и плотные мужские носки; обнажились мозолистые заскорузлые ступни с отросшими, вымазанными серебристым облупившимся лаком кривыми ногтями. Последними я содрал большие несвежие трусы. Она продолжала хихикать, не сводя с меня взгляда прищуренных глаз. Я снял с нее цепочки и шнурки с амулетами, бросил их на пол, и надел ей через голову ладанки со святынями.

— Ну и ну, — покачала она головой. — Нашел, что подарить даме — мешки с мусором. Видать, дела твои и правду совсем плохи, если не смог предложить чего получше.

Стараясь не обращать внимания на ее болтовню, я стащил браслеты с запястий, обдирая кожу, стянул с пальцев кольца и перстни. Одно кольцо упрямо не хотело сниматься: старое, позеленевшей меди, с торчащими тонкими «лапками», между которых должен был быть камень. Металлическая кромка намертво впилась в собравшуюся на узловатом суставе кожу и застряла.

— Может, оближешь? — карга оттопырила средний палец с застрявшим посередине кольцом и хохотнула. — Давай, тебе понравится. Должно помочь.

Я промолчал. Тщательно осмотрел обрезки одежды: в них ничего не было ни вшито, ни спрятано. Нужно было продолжать.

— Еще раз предлагаю тебе, Стефания, признаться в отречении от Бога, заключении союза с дьяволом, участии в богомерзких сборищах и колдовстве, а также показать мне, самостоятельно и добровольно, знак, которым нечистый пометил твою плоть как символ того, что ты предана ему не только душой, но и телом.

Она снова смеется.

— А ты поищи, сладкий. Может, и найдешь.

Я трогаю руками в перчатках ее обрюзгшее старое тело, копаюсь в складках кожи и жира, осматриваю ее всю, с головы до ног, но ничего не нахожу. В ответ на мои прикосновения она утробно урчит, словно адская кошка, и елозит по стулу.

— Да, вот так, потрогай меня еще вот здесь, да....

Остается последнее средство. Сбривание волос с тела ведьмы рекомендовано опытными знатоками для двойной цели: как для поиска

сатанинской метки, так и для того, чтобы ослабить силу околдования. Я смотрю на то место на теле Стефании, которое покрыто густыми волосами, и понимаю, что забыл взять бритву и гель.

Я прохожу по комнате, открываю ящики пыльной тумбы, роюсь в мусоре, и наконец нахожу небольшой обмылок. Поливаю его водой из бутылки, как могу, намыливаю руки в перчатках, беру нож, сажусь у ног старой ведьмы и с отвращением раздвигаю ее колени. Я ощущаю омерзительный запах, с трудом намыливаю толстые, жирные лобковые волосы и начинаю брить. Она картинно выгибается, насколько позволяют связанные руки и ноги, и издает громкие хриплые стоны.

— О, милый, ты решил меня побрить, как хорошо! Да, вот так, так, еще, не останавливайся... А теперь отлижи мне, ты же это любишь!

Я скребу ножом ее дряблую кожу. Волосы прилипают к лезвию. Нож острый, но все же недостаточно, да и руки у меня дрожат, и в итоге сквозь грязную мыльную пену выступает кровь.

— Смотри-ка, что ты наделал! — восклицает она. — У меня кровь течет прямо оттуда... Черт, да я, оказывается, девственница, совсем как эта ваша Мария!

Я кое-как заканчиваю эту отвратительную процедуру. Усилия не пропали даром: на обнажившемся сморщенном лобке, в темных складках вонючей кожи, едва заметно синее крошечный знак, похожий на татуировку: перевернутый трезубец.

— Ну надо же, нашел! Все, теперь ты доволен? Может, займемся чем поинтереснее?

Я снова выпрямляюсь и говорю:

— В ходе ведения процесса против тебя, Стефания, по обвинению в колдовстве и богопротивной ереси, ты изболита показаниями свидетеля и знаком сатаны на твоём теле. Но поскольку в своих показаниях ты лжешь и упорствуешь, я объявляю, что ты должна быть пытаема сегодня же и немедленно. Приговор произнесён.

Я беру молоток. Она смотрит на меня в упор и вдруг говорит неожиданно спокойно:

— Послушай, притормози немного. Поигрались, и хватит. Давай-ка договоримся. Как насчет того, чтобы сейчас посадить меня в машину и отвезти обратно, откуда забрал. Тихо и мирно. Что скажешь? А я забуду о том, что здесь произошло. И всем будет хорошо. Звучит неплохо, верно?

Дом дрогнул под особенно сильным порывом ветра. За моей спиной в оконной раме задребезжало стекло, как будто кто-то постучался снаружи, из тьмы. На какое-то мгновение мне показалось, что так и в самом деле

будет лучше. Хватит, наигрались в ведьму и инквизитора. Пора и по домам.

Я закрываю глаза, стискиваю под одеждой святыни и мысленно произношу: «*Cruх sancta sit mihi lux, non draco sit mihi dux, vade retro satana, numquam suade mihi vana, sunt mala quae libas, ipse venena bibas...*»^[11]

— Давай договоримся, — отвечаю я ей, открыв глаза. — Выдай мне место ваших сборищ, имена своих товаров по шабашу, принеси покаяние — и тогда я, может быть, сохраню тебе жизнь.

Она щурится, а потом молча плюет в мою сторону. Я присаживаюсь на корточки и заносу молоток.

Первый палец я ломаю одним ударом. Она орет, как раненый зверь, и в этом крике нет ничего человеческого. Я бью снова и снова. От ее воплей звенит в ушах, дрожат стекла и кажется, что из темных глубин лесов и болот кто-то отзывается в ответ на ее крики долгим, тоскливым воем. Я раздробил все пальцы на ее левой ступне, измолотил саму стопу так, что она изогнулась, побагровела и распухла вдвое, но так и не услышал ничего, кроме звериных воплей и невероятной брани.

— Выблядок! — орала она, брызгая кровавой слюной. — Петух позорный! Ты еще заплатишь за это! Тебя найдут! Давай, бей еще, бей, мне это нравится!

Я не чувствовал холода, не ощущал времени, только усталость, страх и отчаяние. Когда я принялся за вторую ногу, она обмочилась, потом обделалась, и ерзала по стулу, ставшему скользким от мочи и экскрементов, подскакивая при каждом ударе и издавая только истошные вопли, перемежаемые чудовищными ругательствами и богохульствами. Карга не теряла сознания, и когда я бил, мне казалось, что в ответ я тоже получаю удар. Это было похоже на бой, в котором мне противостояла не голая стареющая женщина, а нечто куда более страшное и древнее, против чего мой молоток был не страшнее, чем игрушечный меч в сравнении с коваными доспехами. Кровь собиралась на грязном полу в густые скользкие лужи, вязкая вонь заполнила комнату, пробираясь в легкие, и я дышал смрадом отвратительных телесных выделений упрямой колдуньи, чувствуя, как будто это она сама пробралась ко мне внутрь.

Взгляд падает на так и не снятое с пальца старой ведьмы кольцо. Возможно, это было ошибкой. Почти не помня себе, я беру пассатижи, зажимаю ее толстый средний палец между режущих кромок и с силой сжимаю рукоятки. Хрустит раздробленная кость. Она орет, долго, хрипло, прерываясь только, чтоб набрать воздуха в грудь. Кровь брызжет, а потом стекает, как вода из засорившегося крана. Палец повисает на лоскуте кожи,

и я несколько раз дергаю и кручу его пассатижами, пока не отрываю вовсе. Кольцо падает на пол в кровавую лужу.

Я выпрямляюсь. Руки у меня дрожат.

— Может быть, хватит? — спрашиваю я, но ведьма только смотрит на меня ненавидящим взором и шепчет что-то нечленораздельное. На губах у нее вздуваются пузыри кровавой слюны.

Я вспоминаю слова из «Молота ведьм» о том, что «*при пытках ведьм для познания правды приходится прилагать столь же большое или даже ещё большее усердие, как при изгнании бесов из одержимого*», и мне в голову приходит новая мысль. Известно, что подобное невероятное упорство вызвано определенного рода одержимостью, и никто иные, как бесы, помогают ведьмам переносить телесные страдания. Тяжело дыша, я откладываю окровавленный молоток, и достаю из кармана пальто сложенный вчетверо лист бумаги. Снова подхожу к ведьме, встаю прямо перед ней и начинаю звучно читать:

— *Exorcizo te, immundissime spiritus, omnis incursio adversarii, omne phantasma, omnis legio, in nomine Domini nostri Jesus Christi eradicare, et effugare ab hoc plasmate Dei...*^[12]

Она поднимает голову. Ее лицо перекошено, волосы сальными патлами свисают на глаза.

— Это еще что? — хрипит она и смеется кудахтающим смехом. — Что-то новенькое!

— *Ipse tibi imperat, qui te de supernis caelorum in inferiora terrae demergi praecepit.* — Продолжаю я. — *Ipse tibi imperat, qui mari, ventis, et tempestatibus impersvit...*

— Откуда ты это взял, придурок? Из интернета скачал? — смеется она еще громче. — Черт, да ты даже половину слов произносишь неправильно, постыдись!

Я возвышаю голос.

— *Christum Dominum vias tuas perdere? Illum metue, qui in Isaac immolatus est, in josph venumdatus, in sгно occisus, in homine cruci-fixus, deinde inferni triumphator fuit. Sequentes cruces fiant...*

Что-то происходит вокруг: я чувствую, что со всех сторон кто-то смотрит, словно и стены, и темные окна, и сумрачный густой воздух уставились на меня выпученными, немигающими глазами. Дверь, подпертая стулом, вздрагивает, будто от порыва ветра, потом начинает стучать о притолоку, все сильнее и сильнее, и мне кажется, что еще немного, и она распахнется, впуская внутрь волны холода и потустороннего мрака. Мелкий снег на полу приходит в движение и

извивается белыми змеями. Смех старой карги сменяется каким-то неразборчивым рычащим бормотанием. Я продолжаю читать, прячась за слова, как ребенок прячется под одеяло от ночного кошмара:

— *Recede ergo in nomine Patris et Filii, et Spiritus Sancti: da locum Spiritui Sancto, per hoc signum sanctae Crucis Jesus Christi Domini...*

Мое чтение прерывает яростный вопль. Стефания с неистовой силой рвется вперед, вытянув шею и выпучив глаза, и орет, разинув рот так, как будто что-то рвется из нее наружу. Гвозди с визгом выскакивают из дощатых стен, стул опрокидывается, ведьма падает, с громким стуком ударяясь лбом об пол, и, извиваясь ползет ко мне на опухших, багрово-синих коленях. Я отскакиваю, выронив лист с молитвой изгнания, и не помня себя от ужаса, с силой бью ее ногой по лицу. Голова ее запрокидывается так, что едва не ломается шея, но она продолжает ползти к моим ногам, таща за собой привязанный стул, и тогда я бью еще раз. Нос с хрустом ломается под моей ногой, как гнилая ветка. Ведьма дергается и замирает.

Я сажусь рядом с ней, вытирая резиновыми перчатками пот, льющийся на лоб из-под капюшона. По лицу размазалась чужая липкая кровь. Через несколько минут она открыла глаза и уставилась на меня, с трудом сфокусировав блуждающий взгляд.

— Признаешь ли ты обвинения?.. — спрашиваю я, с трудом ворочая языком.

— Пошел ты на хер, мудозвон — шепчет она и снова закрывает глаза.

Единственное, чего мне хотелось в ту минуту — это поскорее покончить со всем этим и уйти, уехать подальше от этого дома, из этого леса, от этой лежащей у моих ног страшной карги. Я схватил ее за скользкую от пота шею, другой рукой вцепился в волосы и потащил вместе со стулом к входной двери. Широкий грязный след крови и кала тянулся по полу. Я ногой отбросил подпиравший дверь стул и выволок ведьму наружу.

Холодный ветер ударил в лицо. Как ни странно, но здесь, среди ненастной тьмы и бури, завывающей в ночном лесу, мне стало легче: я почувствовал себя узником, вышедшим на свободу после долгих веков заточения в тесноте и удушливой вони, в одной комнате с беснующейся ведьмой.

Я подтащил колдунью к ближайшему металлическому столбу, поддерживающему забор, и крепко примотал к нему проволокой за шею. Вернулся в дом, кое-как быстро побросал в ящик инструменты, переоделся и вышел. Я очень старался действовать аккуратно, пытаюсь унять дрожь лихорадочной спешки, чтобы ничего не упустить, но все равно чуть не

забыл свое зачехленное ружье, которое все это время стояло в углу у двери. Помню, что тогда я подумал: что было бы, если бы на вопли старой карги кто-то откликнулся? Что, если какой-то равнодушный сосед все же отважился бы подойти к дому, из которого неслись душераздирающие крики? Смог бы я выстрелить в человека, вся вина которого — в излишней отваге и отсутствии равнодушия к чужим страданиям? В конце концов, для этого я и брал с собой ружье. Была бы смерть случайного свидетеля оправдана моей миссией и Промыслом, меня на эту миссию направившим?.. Впрочем, история не терпит сослагательных наклонений. Стрелять мне тогда не пришлось.

Среди ржавого железа и остовов автомобилей я нашел несколько старых покрышек и бросил их на ворох рваных тряпок и свой грязный балахон, едва прикрывавших голое тело старухи. Она начала приходить в себя: пыталась крутить головой, прикрученной к столбу, шевелиться, а когда я начал лить бензин из канистры, что-то снова неразборчиво забормотала. Я вылил канистру до последней капли, убрал ее в багажник, воткнул в мерзлый песок неподалеку табличку с надписью «ВЕДЬМА», потом достал из кармана спички и присел на корточки рядом со Стефанией. Взгляд ее затуманенных глаз встретился с моим, прояснился; губы искривились в попытке то ли ухмыльнуться, то ли что-то сказать.

— Вот и все, — произнес я.

Она зашипела и попыталась плюнуть. Густая слюна повисла на подбородке. Я покачал головой и произнес:

— Дабы ты спасла свою душу и миновала смерти ада для тела и для души, я пытался обратить тебя на путь спасения и употреблял для этого различные способы. Однако, обуянная низкими мыслями и как бы ведомая и совращённая злым духом, ты предпочла скорее быть пытаемой ужасными, вечными мучениями в аду и быть телесно сожжённой здесь, на земле. Так как я ничего более не знаю, что ещё могу для тебя сделать ввиду того, что уже сделал всё, что мог, присуждаю тебя, Стефания, как нераскаявшуюся и повторно впавшую в ересь преступницу, к передаче светской власти... которую сегодня здесь тоже представляю я.

Она молчала. Только усмехнулась, издав сдавленный, недобрый смешок, когда порыв ветра загасил зажжённую спичку, а потом еще и еще одну. Я снова зашел в дом, нашел старую газету, поджёг ее, и когда свернутые листы вспыхнули, как факел, бросил на залитые бензином покрышки.

Полыхнуло пламя: яркое, мощное, беспощадное. Секунду — другую было тихо, потом тело карги бешено задергалось, и раздался

пронзительный, страшный, животный рев. Я достаточно наслышался криков за минувшую кровавую ночь, но этот вопль был громче и ужаснее всего, что я не только слышал, но и мог представить. Горящая ведьма забилась с такой силой, что железный столб затрясся и задрожал, зазвенела металлическая сетка забора, одна из покрышек сползла и пылала рядом в клубах густого черного дыма. Ведьма закричала снова; второй вопль был каким-то клокочущим, словно она захлебывалась собственным криком, а потом закашлялась, захрипела и затихла. Только шипение и потрескивание сгорающей плоти слышались сквозь ровное, деловитое гудение пламени.

Я сел в машину и поехал обратно в город. Ночь уже подходила к концу, а у меня оставалось еще одно незавершенное дело.

К опустевшей обители ведьмы в центре города я подъехал в тот особенно безмолвный и неподвижный час между ночью и утром, который иногда называют часом Творения. Мироздание замерло, и где-то за пределами нашего мира Начала и Власти проверяли его исполинские механизмы.

Дверь была приоткрыта. Я зажег свет и вошел в кабинет со второй канистрой бензина в руке. Огромная крыса, сидевшая на столе, словно местоблюститель сгнувшей ведьмы, увидев меня, оскалилась, зашипела и шмыгнула в темный угол. Мне нужны были регистрационные книги с именами, датами и номерами телефонов; я нашел их в одном из ящичков стола, вместе со старомодной записной книжкой и тонкой пачкой купюр, среди которых, надо полагать, были и мои три тысячи. Я забрал деньги без зазрения совести: им можно было найти лучшее применение. Мобильник карги я брать не стал: конечно, возможность изучить список контактов была привлекательной, но не стоила возможного риска быть обнаруженным по сигналу сим-карты или самого аппарата. Скопировать адресную книгу мне было некуда: свой телефон я оставил дома, а другой сгорел вместе с колдуньей за шестьдесят километров отсюда. Трубка ведьмы могла пригодиться только для одного, последнего звонка.

— Здравствуйте. Я хочу сообщить о местонахождении трупа...

После того, как дежурный диспетчер записал все, что было сказано, я впервые произнес те самые слова, которые, я уверен, знают сейчас все полицейские города:

— Я сделал за вас вашу работу.

Кроме тетрадей, записной книжки и денег, я вынес из кабинета иконы: снял их с пыльных полок и сложил в багажник автомобиля. Потом залил все полки, мебель, и портьеры бензином, бросил в полумрак зажженную спичку и захлопнул дверь. Низким басом ухнуло пламя, а немного погодя

раздался пронзительный злобный визг погибающей крысы.

Все кольца, перстни, цепочки, браслеты и талисманы ведьмы я выбросил в воду по дороге домой. Сил, чтобы думать о конспирации и осторожности, уже не было, поэтому я просто остановился на набережной и швырнул все это прямо в темную, дышащую зловонным паром воду. Последним полетело в реку то самое медное кольцо, измазанное кровью старухи. Когда я возвращался в машину, мне показалось, что в нескольких метрах позади кто-то стоит, неподвижный черный силуэт высокого человека, прислонившегося к фонарному столбу. Я даже как будто разглядел мелькнувший огонек сигареты. Но потом порыв ветра пустил по черной воде легкую рябь, задрожали смутные отражения огней и домов, и силуэт исчез, как мираж. Неудивительно, что я принял за человека игру ночного света и тени. Мне было плохо. А еще страшно.

«Я сделал свою работу, — повторял я, возвращаясь домой. Предутренние улицы были серыми и пустыми, как будто мир повернулся ко мне спиной, не желая встречаться взглядом. — Я сделал свою работу».

Глава 6

Раньше остров назывался Воронья Глушь. В прежние времена люди умели давать правильные названия.

Днем он почти незаметен. Слишком много широких мостов, улиц, высоких серых домов, слипшихся в плотные ряды вдоль шумных проспектов; слишком много машин и людей. Темные старые реки стиснуты между каменными набережными так, что с трудом влекут свои медленные холодные воды. На автомобиле можно пересечь остров за пару минут, неспешным шагом — за четверть часа. Но тут никто не ходит и не ездит неспешно: днем всех подгоняет лихорадочная суета, а ночью — нечто другое. Ночью остров снова становится Вороньей Глушью, местом, куда лучше не заходить, а если уж зашел, то не задерживаться.

Для Ивана Каина этот остров казался настоящей находкой.

Каин был истинным художником, а значит, умел видеть невидимое. Уже полсотни лет он рисовал то, что было скрыто от других за символическими покровами зримого мира, с тех самых пор, как в раннем детстве взял в руки зеленый карандаш и на куске оберточной бумаги неумело, как позволяла несовершенная еще тогда техника, изобразил многоногую тварь, прячущуюся в темном углу под потолком родительской спальни. Рисунок получился выразительным и обеспечил ему в качестве награды поход к детскому невропатологу, потом к психиатру, и успокоительные препараты в течение нескольких лет. Но талант оказался сильнее таблеток и докторов. Каин продолжал рисовать ночных гостей спящего дома: они заглядывали в окна, сидели голубоватыми вытянутыми тенями вокруг пустого обеденного стола, выползали из тесных кладовок. Старухи и туманные девы, неродившиеся младенцы и самоубийцы, наложившие на себя руки в пьяной тоске одиночества, обитатели соседнего мира — пустые глаза, лица как белые маски, перекошенные в беззвучном вопле черные рты; пауки с сотнями тонких, как волосы, лапок, приземистые толстые жабы, спруты с щупальцами из толстых мохнатых гусениц. Невидимые друзья его детства и отрочества, первые ценители дара, которому Каин был верен и за которым следовал всю жизнь, не раздумывая, а только перенося на бумагу, дерево, холст явленные видения.

Год назад его визионерство стало пророческим. К тому времени Каин называл себя художником-некрореалистом, и имел широкую известность в узких кругах, далеких от академической живописи. В пыльной комнате

коммунальной квартиры, в трансе бессознательного акта творения, он исписывал холст за холстом ликами смерти в разных ее проявлениях: проступающий темными пятнами из-под весеннего снега труп, пролежавший всю зиму в лесу, или нежный лик девушки-самоубийцы, выброшенной вместе с сором на берег холодной реки: позеленевшая кожа, прозрачная плоть, мутная вода вместо глаз. Но в какой-то момент оказалось, что он рисует не прошлое, а будущее. Девять картин «Петербургского цикла», девять растерзанных женских тел в лабиринтах сумеречных дворов, а потом последняя, десятая, запечатлевшая его тогдашнего соседа по квартире, старика-библиографа, исчезающего в бушующем пламени пожара, который вместе с ветхой коммунальной квартирой и старым домом уничтожил и все картины Каина — кроме этой, последней.

Социальные службы отвели Каину угол в бараке старого общежития на окраине. В комнате без окна помещались две койки, тумба и расшатанный шкаф, до кухни и ванной приходилось идти по длинным извилистым коридорам, похожим на ходы в каменном муравейнике. Отовсюду неслись голоса, сиплая музыка, пьяные крики и звериные стоны. Топали шаги по скрипучим полам, звенело битое стекло, скрипели пружины кроватей. Но художник был доволен и этим жилищем: он мог дальше служить своему изменчивому дару, который теперь проявился в другом — Каин стал рисовать портреты домов.

Он находил их по наитию, во время вылазок в ночной город. Дома были похожи на гигантские старые грибы, проросшие из сырой почвы столетних напластований страха: провалившихся погостов, замурованных рек, засыпанных трясин — погребенных, но живых. Чаще всего это были давно оставленные живыми жильцами строения: они медленно ветшали, разъедаемые проказой плесени, и тарасились в пустоту черными глазницами выбитых окон. Каин писал их, как видел: обителями призрачной жизни, хранителями памяти прошлых веков, слышал звуки во тьме их заброшенных комнат, видел призраки замурованных в стены безымянных покойников, спускался к основанию кирпичных корней старой кладки, что уходили в сочащийся влагой болотистый грунт. Иногда он рисовал их в виде людей: угасающих отпрысков знатного рода, надменных и желчных, и окна на ткани истлевших мундиров и фраков превращались в квадратные пуговицы. Порой Каин покидал центр города, тряся в дребезжащих безлюдных трамваях, брел в темноте по талому снегу и грязи, чтобы сделать на страницах большого блокнота наброски домов, стоявших на месте исчезнувших кладбищ. Высокие, мрачно-торжественные здания

середины прошлого века с колоннами, портиками и арками; приземистые просевшие в землю бараки; плоские серые пятиэтажные коробки в рабочих районах — все они были местами, где живые, сами не зная о том, соседствовали с мертвыми, каждый день попирая их кости.

Остров Воронья Глушь исстари был заповедным. Чуть больше трех веков назад в его юго-восточной части находилось кладбище для иноверцев, встретивших свою смерть на строительстве угрюмого северного города. Неглубокие могилы без крестов, камни с надписями на чужих языках, грубые склепы из досок и глины. Потом рядом с ним был создан Аптекарский огород для нужд Императорского двора и солдат гарнизона, и остров закрыли для посторонних. У единственной наплавной переправы стояла дозорная вышка, вход и выход был строго заказан без особого на то дозволения Смотрителя огорода и острова, выходца из туманной Шотландии. Он имел полную власть в слободе из пятидесяти с лишним дворов, и под его неустанным присмотром трудились аптекари из дальних стран: выращивали чужеземные травы, варили тинктуры и снадобья, ходили, склонившись над грядками, пряча лица в тени капюшонов, бормотали слова молитв и заклятий, обращая их к влажной земле. Свое дело они знали отлично, и пока ко двору Императора поступали целебные травы, никого не тревожило то, что еще происходит на острове. Слободских из числа местных жителей за пределы острова не пускали, а через сам остров никто не проезжал за ненадобностью: севернее его все равно ничего не было, кроме болот и лесов. Если и оставались какие свидетельства о делах трехсотлетней давности, то сгорели в пожаре, уничтожившем архивы Аптекарского огорода.

От слободы на север острова вела узкая просека, коридор среди дремучего елового бора. Работные люди, которых ни к огороду, ни к домам аптекарей близко не подпускали, видели иногда, как фигуры в плащах с капюшонами уходили под вечер по просеке во главе со смотрителем, возвращаясь только с рассветом. Редко кто из местных решался ходить к северному краю, да и нужды не было, но слухи бродили: об огнях среди темного леса, о мелькающих призрачных тенях, о пронзительных криках, словно голосила разбуженная нежить, и каменных древних столбах на болотистом берегу.

Каин стоял перед домом, закрыв глаза. Дождь и снег взяли передышку, словно устав от долгого спора, и низкое небо затихло в оцепенении ночи. Это было хорошо: можно было открыть блокнот и сделать несколько набросков. Дом у самого северного берега острова, рядом с мостом, был пуст и заброшен. Он вытянулся вдоль проспекта, отделенный от него узкой

полоской сквера с высокими старыми деревьями, безмолвный, холодный, пустой. Ряды черных окон на трех этажах — некоторые открыты, в некоторых не хватает стекол. Над портиком главного входа высокий витраж в виде арки. Разверстый черный дверной проем зияет, как вытянутый в беззвучном крике рот на картине Мунка. По обе стороны от него — два черных, высоких дерева; одно из них расколото надвое молнией. По проспекту за спиной у художника проносились редкие ночные машины, но здесь, рядом с домом, сгустилась странная тягучая тишь. Ни звука, ни движения. Каин открыл глаза и начал рисовать, быстро, сосредоточенно, не глядя по сторонам. Сначала на листе появились несколько каменных столбов с пятнами мха и лишайника, стоящие посреди темного бора. Каин перевернул страницу. Следующий рисунок — деревянная дача, низкие окна, островерхая крыша; безумный поэт, зашедший в гости к соседям, пишет пальцем на пыльном стекле «*Ombra adorata*»^[13]. Новый лист: яркие огни кафе-шантана, к крыльцу подъезжают экипажи, внутри, в раскаленной, яркой, сверкающей зале играет цыганский ансамбль, взвиваются алые юбки, звенят золотые браслеты, карлики в клоунских одеждах и недобрые маги веселят полупьяных гостей, а нескромно одетые женщины с красными ртами уводят мужчин за собой, в комнаты верхнего этажа. Этот набросок он перечеркивает резкими, извилистыми чертами, образующими языки пламени, и берется за следующий лист. Карандаш теперь движется легко, осторожно: серый день, серые стены, люди с серыми лицами на больничных койках. В подвале движутся тени. Очертания дома уже почти такие, как и сейчас, остается добавить немного штрихов и деталей, и Каин поднимает глаза.

Черные окна смотрят на него в упор, не мигая. Дом как будто придвинулся ближе. Дверь парадного входа открыта, из нее тянет холодом склепа. За высоким витражным стеклом на мгновение прижалось и снова исчезло чье-то восковое лицо. Ощущение чужого тяжелого взгляда было таким сильным, что Каин даже отшатнулся на шаг. Расстояние между ним и большим, мрачным зданием ничуть не уменьшилось, напротив, кажется, что стены вновь подались вперед. Длинный фасад раскинулся вправо и влево, как руки в хищных объятьях. Из каждого окна на Каина смотрели, он чувствовал это так же ясно, как если бы видел глаза или лица. Но у того, что смотрело, не было ни лица, ни глаз. Он ощутил холодный, цепенящий страх, и в то же время темное, почти непреодолимое желание войти внутрь, в разверстую черную дверь. В этом желании было какое-то смирение ужаса, столь сильного, что податься и подчиниться ему было легче, чем пытаться перебороть. Дверной проем втягивал в себя реальность,

пространство и время, и Каин двигался к нему, как будто толкаемый мощным воздушным потоком.

Увесистый блокнот выпал из рук и больно ударил по ноге. Каин рефлекторно нагнулся, оторвав взгляд от разверстой двери, и мир вокруг ожил. Прошумели один за другим два автомобиля; в ветвях высоких деревьев по обе стороны от входа облегченно вздохнул ветер, словно переводя дух; по мокрому гравию проскрипели шаги подгулявшего ночного прохожего: он быстро шел мимо, к мосту, что-то бормоча и шумно дыша через нос.

Каин поднял испачканный блокнот, отвернулся от старого дома и поспешно перешел на другую сторону проспекта, спиной ощущая ненавидящий взгляд. Уже отойдя на добрых полсотни шагов он все же обернулся: мрачное длинное здание чернело в ночи, словно туча.

«Ты вернешься», — не услышал, а как будто почувствовал он. «Я видела тебя. Ты вернешься».

Глава 7

В четверг Алина взяла внеплановый выходной. Впрочем, проснулась она даже раньше обычного, и на этот раз, когда прозвучал телефонный звонок, уже успела собраться, одеться, накраситься и была бодрой, как мотивационная речевка.

— Я внизу, — сообщил Чекан. Голос звучал не слишком приветливо.

— Да, уже спускаюсь, — сказала Алина, натянула сапоги, накинула пальто и вышла из квартиры.

Утро было задумчивым и туманным. Влажная изморозь блестела на кирпичной стене, машинах и голых деревьях. Под ногами на темном асфальте легко хрустнула тонкая ледяная корка.

На этот раз Чекан из машины не вышел: только глянул на Алину сквозь лобовое стекло и перегнулся через сидение, открывая дверь. Когда она уселась рядом и завозилась, пристраивая сумочку на коленях и натягивая ремень безопасности, он молча тронулся с места, даже не посмотрев в ее сторону.

— Привет, — сказала Алина с некоторым удивлением глядя на сумрачный каменный профиль. — У тебя все в порядке?

Чекан кивнул.

— В абсолютном.

Помолчал и добавил:

— Могла бы просто сказать, что тебе не нравятся розы.

Машина медленно проехала мимо помойки. Алина взглянула в окно и чертыхнулась про себя. Проклятые цветы растерзанным ворохом так и лежали поверх мусорного бака; бутоны скукожились, обвисли и потемнели. Алине показалось, что они злорадно взирают на нее из-под слоя белесого инея. Месть живых мертвецов.

— Ну прости, — сказала она и, подумав, осторожно коснулась руки Чекана пальцами в перчатке. — Я не виновата, что твои розы быстро завяли.

— За два дня? — бесстрастно поинтересовался Чекан. — Они на помойке лежат минимум со вторника. А подарил я их в субботу.

«Извини, что не сфотографировалась с ними и не поставила фото себе на страницу в Социальной сети», — чуть не вырвалось у Алины, но вместо этого она попыталась отшутиться:

— Хочешь, я проведу экспертизу и докажу, что в мусор они попали

уже мертвыми?

Чекан криво усмехнулся, но на Алину так и не посмотрел. Ладно, пройдет. Алина помолчала минуту — другую, и, конечно, он заговорил первым.

— Ты чего не на работе сегодня?

— Взяла выходной, чтобы с тобой пообщаться. О ведьмах. У тебя как со временем?

Чекан взглянул на часы.

— Через два часа встреча в центре. Давай где-нибудь кофе выпьем, не против?

Алина была не против.

Они остановились у сетевой кофейни, из тех, где ранним утром находят себе прибежище прогулявшие всю ночь пьяницы: грязно-бежевые стены, липкие столики, клеенчатые диваны и яркие глянцевые меню, толщиной с иллюстрированную Библию. Алина заказала капучино, Чекан взял простой черный кофе, очень маленький и очень крепкий. Кофе пах водой из-под крана и горелыми зернами.

— Я думала, ты можешь рассказать, как продвигается расследование, — начала Алина. — Просто захотелось поучаствовать, помочь чем-то...

— Ты и так участвуешь, — заметил Чекан. — Как эксперт.

Алина прикусила губу.

— Слушай, мне трудно объяснить... Это дело меня почему-то зацепило. Очень сильно. Может быть, потому что редко приходится сталкиваться с чем-то настолько необычным: сотни трупов с пьяных поножовщин, аварий, пожаров, самоубийств, семейных драк, застарелая расчлененка какая-нибудь, сейчас уже «подснежники» начались, а здесь нечто совсем другое. Возьмешь меня в стажеры? — она посмотрела на Чекана поверх чашки и улыбнулась.

Он ответил на ее взгляд без улыбки и произнес:

— Так уж редко приходилось сталкиваться с необычным? Девять трупов осенью вряд ли можно считать заурядным случаем. Кстати, то дело так и висит — не на мне, слава Богу. Но вспоминают его почти на каждом совещании. А следователи из ГСУ и наши ребята при этом вспоминают тебя. Тихим, так сказать, незлым словом. Это же благодаря тебе тогда несчастные случаи переквалифицировали в убийства.

Алина пожалела, что выбросила розы.

— Ну, считай, что я соскучилась по необычному. Жить не могу без этого. Хлебом не корми, дай только серийные убийства порасследовать. —

Алина вздохнула. — Семен, это просто просьба. Не хочешь, не рассказывай. Но я была бы тебе очень признательна, правда.

— Я это запомню, — ответил Чекан и все-таки улыбнулся. — Только рассказывать пока особо нечего.

После гибели старой гадалки в первую очередь была отработана версия причастности одного из клиентов: это являлось самым очевидным предположением, исходя из рода занятий покойной, способа убийства и пресловутой надписи «ВЕДЬМА». Незвестный злодей облегчил опознание тела, устроив пожар в приемной несчастной ведуньи, чем помог установить ее личность, но одновременно сильно затруднил определение круга подозреваемых: все записи о приеме посетителей или сгорели, или были похищены самим поджигателем. Пришлось заниматься проверкой входящих звонков: огромный массив информации, где за каждым номером были люди, жизни, истории, зарегистрированные на родственников или фирмы сим-карты, пустышки, не ведущие никуда, имена, которых не было в базах данных, и все прочее в том же духе. Отдельно были изучены сайты и группы в Социальной сети, принадлежащие экстремистским религиозным организациям — тоже ничего. Никто не планировал во всеуслышание уничтожение практикующих ведьм, не намекал о совершенном подвиге. После того, как выяснились некоторые интересные факты биографии погибшей ворожеи — а именно, имевшие место два тюремных срока за воровство и мошенничество, последний из них двадцать три года назад — стали отрабатывать версию о связи убийства с криминальным прошлым — тоже безрезультатно. Ничего не дали и самые первые и, как правило, наиболее эффективные оперативные мероприятия: поиск свидетелей, просмотр видео с камер наблюдения, разработка владельца дома, ставшего местом кровавых событий. Свидетели не нашлись, камеры на улицах и трассах работали через одну и не сохраняли архивы записей, а допрос хозяина пустующей дачи принес только один результат: возбуждение уголовного дела в отношении него самого по факту нахождения на территории домовладения остовов краденых автомобилей.

За месяц, прошедший с убийства «госпожи Стефании», в миру Степаниды Ильиничны Кочерги, энтузиазм сыщиков стал предсказуемо ослабевать и появились тайные надежды на то, что этот случай останется единичным. Смерть злополучной портнихи на прошлой неделе надежды эти разрушила. Серия убийств с особой жестокостью — это не просто очень серьезное преступление; это состязание в скорости с неизвестным преступником, которого необходимо найти до того, как он нанесет очередной удар, и ставки в такой гонке не только человеческие жизни, но

еще должности и звездочки на погонах. Работа на месте преступления снова толком ничего не дала: ни следов, ни зацепок для криминалистов, ни свидетелей. В пустующем дачном поселке нашлась только почти выжившая из ума старуха, зимующая в своем доме вместе с козами, собакой и кошкой, да немолодой переводчик, сотрудник футбольного клуба, холостяк, предпочитающий свежий воздух и тишину назойливому гудению душного города. Он был задержан, проверен на причастность и отпущен вечером того же дня. Перспективным казался тот факт, что жертва пропала после прибытия в город на поезде из Москвы: записи с камер видеонаблюдения на вокзале, показания попутчиков, проводников, таксистов были изучены тщательнейшим образом. Результат: уверенность в том, что по платформе потерпевшая шла в одиночестве и туманные воспоминания одного из водителей такси о том, как она прошла мимо и села в ожидавший ее автомобиль на боковой улице. Кажется, машина была большой. Возможно, серого цвета. Значит, убийца знал жертву и ждал ее у вокзала. Проверка телефонных звонков привела к еще одному выводу: преступник использует номера, зарегистрированные на вымышленных лиц, причем к вымыслу относится творчески — согласно реестру абонентов, одного из сотовых операторов, последним на телефонный номер убитой Оксаны Титовой звонил Константин Николаевич Батюшков.

— По крайней мере, можно сказать, что убийца не молод, — заметила Алина. — И с высшим образованием.

— Да, и со специфическим чувством юмора, — ответил Чекан. — Про образование мы тоже сразу подумали: преподаватель или студент-филолог. Ну и проверили, для порядка. Среди знакомых убитой ни студентов, ни преподавателей не обнаружилось.

— А как ты думаешь, кто он? — поинтересовалась Алина.

Чекан на секунду задумался.

— Точно не студент. Слишком организованный для молодого человека. Привык тщательно планировать каждый шаг. Скорее всего, его работа связана с деятельностью, где необходима методичность. А работа у него есть: нужно же на что-то покупать бензин и содержать автомобиль. При всей продуманности действий, смелый до безрассудства и склонный к риску, хотя и оправданному.

— Может быть, он уже убивал раньше, — ответила Алина. — Не так, как в двух известных случаях, но все равно, убивал. По статистике, при задержании серийных убийц обычно выясняется, что трупов за ними гораздо больше, чем считало следствие.

— Об этом мы узнаем, только когда поймем его. Или найдем еще

одно тело, с более раннего эпизода.

Чекан допил кофе, откинулся на спинку стула и, прищурившись, посмотрел на Алину.

— Есть еще предположения, коллега?

Алина кивнула.

— Есть. Я бы постаралась установить, как он ищет жертв. Ведь не просто на улице их выбирает, верно? Должна быть какая-то связь между первой и второй убитыми.

— Гениально! — Чекан улыбнулся.

— Не издевайся.

— Я совершенно серьезно. Потому что ты права. По биллингу звонков установлено, что портниха, начиная с декабря, звонила старой гадалке регулярно, один — два раза в месяц. Скорее всего, была одной из ее клиенток. А это значит...

— Это значит, — подхватила Алина, — что он может выбирать жертв из списков, которые украл из приемной колдуньи. Черт. Там же их много, наверное.

— Именно так. Теперь среди тех, кто ей звонил, ищут не предполагаемого убийцу, а пытаются угадать, кто может стать следующей жертвой. Вариантов, примерно, сотни четыре. Или больше. То есть все клиентки женского пола. И к каждой из них охрану не приставишь. Зато выставили патрули: они теперь в каждом дачном поселке в радиусе ста километров от города, в некоторых даже по две машины. Будем надеяться, что «пэпсы» не проворонят злодея, если он снова станет подыскивать место.

Чекан махнул рукой, подзывая хмурого официанта, и попросил счет.

— Кстати, чуть не забыл, из нового, — добавил он. — Буквально вчера мы получили свидетельские показания с описанием внешности.

Алина чуть не подпрыгнула на стуле.

— Ничего себе! Где его видели, кто? Это же очень серьезно все облегчает, правда?

— Да, очень облегчает, — как-то безрадостно ответил Чекан. — Звонила мать второй убитой, Титовой. Немного пришла в себя и вспомнила, как в день исчезновения дочери к ней домой наведалься странный гость. Представился клиентом и передал конверт с деньгами, сто семьдесят тысяч, между прочим. Мы проверили, позвонили в Москву, настоящему заказчику, к которому погибшая ездила: ровно такую сумму ей выдали в качестве предоплаты. То есть наш убийца еще и идейный. Как ты говорила, пытается нам что-то сказать.

— Значит, мать Титовой его описала?

— А как же, в подробностях. Средних лет, среднего роста, нормального сложения. В шляпе, очках и красном шарфе. Отличные приметы, да?

Чекан расплатился и подал Алине пальто.

— Ты куда сейчас? — спросила она.

— На Пряжку, в психиатрическую больницу. У меня встреча с главврачом. Отрабатываем версию, что убийца мог состоять на учете в психоневрологическим диспансере или лежать когда-то в стационаре с соответствующим диагнозом.

— Думаешь, он сумасшедший?

Чекан посмотрел на Алину.

— Нет, конечно, просто немного чудаковатый малый, который сжигает женщин и ставит рядом табличку «ВЕДЬМА». Поедешь со мной?

Алина кивнула.

Они вышли на улицу и сели в машину. Семен вывернул на проезжую часть, посигналил неуклюже вильнувшей маршрутке и влился в унылый автомобильный поток.

— Я и сам не очень верю, что он когда-то лечился, слишком дисциплинированный для психа, но проверить все равно надо, — продолжил разговор Чекан. — В «скворечнике»^[14] я уже был вчера, Макс наведается в Бехтеревку^[15], а потом мы встречаемся, надо помочь ему с одним делом. К сожалению или к счастью, но на нашем Инквизиторе свет клином не сошелся.

— Уже и прозвище дали?

— А как же. Заслужил. Сукин сын.

Чем ближе к центру города, тем больше становилось машин, людей, светофоров. Сверху стал накрапывать дождь, мелкий и вялый, как будто по необходимости выполнявший постылую службу. Мимо их машины через автомобильный затор медленно пробирался затянутый в черное мотоциклист на красно-черном байке, едва не задев рулем зеркало. Алина проводила его взглядом.

— Рановато сезон открыл, — заметила она. — Холодно же еще.

— И лед был с утра, — отозвался Чекан. — Самоубийца какой-то.

Байк огрызнулся утробным рычанием и резко рванулся вперед. Алина проводила его взглядом, помолчала немного, а потом сказала:

— Семен, можно еще одну просьбу?

— Говори.

— Мне нужно одну квартиру проверить.

— В смысле?

— Ну... — Алина замялась. — В идеале было бы вскрыть и посмотреть, что там.

Чекан удивленно воззрился на нее.

— Ничего себе, просьба, — он покачал головой. — А что за квартира?

— Пустая. То есть я уверена, что она пустая, в центре города. Просто хочу уточнить кое-что...

— Что кое-что?

Алина вздохнула.

— Ну, одну версию. Ты прости, я пока не могу рассказать, но потом обязательно...

Чекан покачал головой.

— Вскрыть точно не получится — на каком основании? Наверняка кто-то живет. Это вообще редкость, чтобы квартира пустовала, тем более в центре. Я могу, конечно, попросить местного участкового, чтобы проверил, а там посмотрим. Вообще, если бы это просила не ты...

— Спасибо огромное! — перебила Алина. — Я сейчас адрес тебе напишу.

Дома по сторонам узкой улицы становились ниже, грязнее, теснее сбивались в слипшиеся ряды, как бродяги, съезжившиеся под промозглыми морскими ветрами. Вдалеке замаячили портовые краны. Это было самое сердце Коломны, район кривых переулков и извилистых, загаженных речек, прорезающих тут и там болотистые берега, которые с трудом удерживали на себе тяжкий груз каменных зданий и памяти прошлых эпох. Здесь всегда висел тусклый туман, заметный то больше, то меньше, и пахло несвежей водой, старой сырой штукатуркой и плесенью, а иногда, когда ветер задувал сюда воздух с залива — солью и гниющими водорослями. Реки и каналы тянулись к Фонтанке — иные меж каменных набережных, иные по подземным аркадам и трубам, иные и вовсе сквозь илистую почву глубоко под землей, и если Коломну с прошлого века называли «чревом Петербурга», то устье Фонтанки было прямой кишкой, извергающей сточные воды в серо-зеленую Маркизову Лужу^[16].

Чекан проехал по набережной реки Пряжки до места, где та впадала в Мойку, и повернул. Слева потянулся высокий каменный забор с решеткой наверху; впереди был тупик — серое здание «Верфи». Они проехали еще немного и припарковались рядом с двумя невысокими будками проходной. За железными воротами и оградой виднелось желтое старое здание в четыре этажа, с решетками почти на всех окнах. Напротив ворот за

небольшим асфальтированным двориком располагался неприветливый вход под треугольным стальным козырьком.

— Ты знаешь, что здесь раньше было? — спросила Алина.

— Нет, — ответил Чекан. — Наверное, дворец чей-то. Или тюрьма.

Алина улыбнулась.

— С восемнадцатого века — острог для каторжников. А с середины девятнадцатого — больница для душевнобольных. В то время сюда помещали, в том числе, за оставление детей, проституцию, развратную жизнь, неповиновение родителям и дерзкое обращение с мужем — это для женщин. А для мужчин — за неуплату налогов и упорное пьянство.

— На таких основаниях сегодня здесь оказался бы весь город, — прокомментировал Чекан. — Откуда ты все это знаешь?

— Запомнила из курса истории медицины.

— Сегодня у тебя будет экскурсия для закрепления материала по теме. Наш ждет Отченаш.

— Как-то я не готова к такой встрече. Не рановато ли?

— Отченаш — это фамилия главного врача. — С человеком, возглавляющим психиатрическую клинику, встретиться никогда не рано. Да и не поздно.

Арсений Виленович Отченаш оказался представительным мужчиной в летах, с седой ухоженной бородой, в очках без оправы, приветливым и очень спокойным — каким, видимо, и должен быть человек, всю жизнь посвятивший общению с людьми, спокойствия лишенными. Он внимательно слушал Чекана, покивал и развел руками, сложенными на крышке большого, пустого стола.

— Увы, не уверен, что смогу помочь. Вероятно, Вам нужен больной с шизотипическим расстройством, а такие к нам попадают довольно редко, если только не начинают...кхм...чудить.

— Наш точно чудит, доктор. Еще как, — вставил Чекан.

— С Ваших слов я понял, что основные когнитивные функции у него не нарушены, а симптоматика в виде сверхценного бреда, к примеру, может быть и вовсе незаметна для окружающих. Понимаете, у нас как правило лежат и наблюдаются люди с более ярко выраженными проявлениями болезненных состояний: чаще всего, с алкогольными психозами, с разными формами деменции, с острыми бредовыми состояниями. Перед Вашим визитом я посмотрел истории болезни, но вот такого случая, который бы подходил к Вашему описанию...

Он снова развел руками.

— Может быть, были пациенты с паранойяльным синдромом,

ассоциированным с религиозно-архаическим фактором? — спросила Алина.

Отченаш прищурился.

— Коллега медик?

— В какой-то степени. Патологоанатом.

— Ясно, — кивнул Арсений Виленович седой шевелюрой. — Увы, и такого не припомню. Разве что...есть один пациент, любопытный: находится у нас в стационаре, причем довольно давно и под усиленным наблюдением. Поступил где-то год назад с острым алкогольным психозом. Обычно мы справляемся с подобными случаями довольно успешно, но у него развился онейроидный синдром со всеми вытекающими...

Чекан посмотрел на Алину.

— А какое содержание бреда? — спросила она.

— Ведьмы, — просто ответил Отченаш.

Повисла пауза. Откуда-то из-за двери кабинета раздался свист закипающего чайника: достиг самой высокой, захлебывающейся ноты, и затих. За окном под порывом ветра качнулись голые ветви. Чекан откашлялся и произнес:

— Можете пояснить?

— На самом деле, ничего особенного, — пожал плечами главврач. — Истинные зрительные галлюцинации устрашающего характера, бред преследования, сумеречные состояния с аффектами страха...

— Ведьмы, — напомнил Чекан.

— Ах, да. Он утверждает, что старшая медсестра специализированного отделения, где он находится — ведьма. И насылает на него порчу. Случай довольно частый, обычно переживания персонифицируются...

— Позвольте на него взглянуть?

— Почему бы и нет, — Отченаш взглянул на часы. — Как раз скоро время обхода.

В гулких сводчатых коридорах пахло старыми тапками, лекарствами и больничной едой — судя по тошнотворным миазмам, на кухне тушили морковь. Стены были до половины выкрашены той особой зеленой краской, которой красят стены всех казенных учреждений, будь то больница, тюрьма или школа в рабочем районе. Верхнюю часть стен и потолок покрывала грубая белая штукатурка. Следом за врачом Алина и Чекан миновали несколько коридоров и лестниц и остановились рядом с белой деревянной двустворчатой дверью. За дверью было тихо. Рядом у стены стоял металлический медицинский столик на колесах и тумбочка с

журналом для записей, на обложке которого значилось: «Тетрадь назначений при бессоннице и возбуждении». Арсений Виленович повернулся и негромко сказал:

— Постарайтесь не беспокоить больного. Обычно реактивная стадия наступает у него в ночное время, но лучше не провоцировать.

За дверь оказалась довольно большая палата со светлыми стенами и высоким окном с видом на серое небо. Три койки из четырех были заняты: на двух справа неподвижно лежали, вытянувшись под одеялами в одинаковых позах, немолодые мужчины с закрытыми глазами. Казалось, что они спали. Возраст человека на кровати у левой стены определить было трудно: он напомнил Алине внезапно состарившихся детей из мультфильма о потерянном времени, как будто старость пришла слишком рано и ждет теперь своего срока, терпеливо соседствуя с угасающей молодостью. Пегие волосы мужчины растрепались по желтоватой подушке, длинные ноги с большими костлявыми ступнями торчали из-под короткого тонкого одеяла в застиранном пододеяльнике, пальцы на тощих руках сжимались и разжимались. Тело было худым, как у мумии, обряженной в полосатую пижаму. Алина обратила внимание на широкие ремни, привязанные к раме железной кровати, из-под которой торчало помятое судно и пара безразмерных шлепанцев. Заросшее белесой щетиной худое лицо пациента было облеплено кусками ваты и бинтов, прихваченных пластырями. Светло-голубые глаза беспокойно метались, а потом усталились на вошедших с тревогой и любопытством.

— Отдельных палат на бюджетном отделении у нас нет, — вполголоса пояснил Отченаш, — поэтому тяжелые больные лежат вместе. Мы стараемся сделать так, чтобы они не беспокоили друг друга: остальные пациенты здесь в кататоническом ступоре, на внешние раздражители почти не реагируют, и к приступам Николая привыкли. Пойдемте знакомиться.

Он подошел к койке у левой стены, присел на стоящий рядом табурет и сказал:

— Добрый день, Николай! Как наши дела сегодня?

Голос у главврача был глубокий и тихий, как безмятежный утренний сон.

— Здравствуйте, Арсений Виленович, — ответил пациент глухо. — А кто это с Вами?

— Это мои друзья, — так же тихо промолвил врач. — Они тоже врачи. Пришли мне немного помочь.

Алина подошла ближе и заметила, что все лицо и руки больного покрыты следами глубоких царапин, замазанных выцветшим йодом, а

тонкие, потрескавшиеся губы искусаны в кровь. Николай беспокойно заерзал на койке. Звякнули пряжки ремней.

— Врачи? — спросил он.

— Вообще-то, я из полиции, — сообщил Чекан.

Отченаш сердито зыркнул в его сторону, а больной на кровати уставился на Семена и затрясся так, что загремело железо. Потом он широко разинул рот с большими желтыми зубами, и Алина поняла, что пациент трясется от смеха.

— Полиция! Полиция!

Больной задержал руками, пальцы забегали, как испуганные пауки.

— Полиция! Наконец-то! Доктор, спасибо!

Чекан вопросительно посмотрел на врача. Тот кивнул в сторону больного. «Разговаривайте уж теперь, делать нечего».

Смех прервался так же внезапно, как и начался.

— Арестуйте ее, — требовательно и твердо сказал Николай, глядя Чекану в глаза. — Немедленно арестуйте.

— Кого? — осторожно поинтересовался Чекан.

— Медсестру!

Арсений Виленович вздохнул и отвернулся к окну.

— Она ведьма, — быстро заговорил больной, — самая настоящая. Мучает меня. Хочет сжить со света. Сводит с ума. Пугает. Зовет их. Постоянно зовет. Они приходят и мучают. Каждую ночь. Не дают спать. Не дают жить. Все из-за нее. Приходят каждую ночь. Ведьма, понимаете? Очень сильно пугает. Я не могу...

Он осекся и замолчал. Глаза застыли, как осколки стеклянных бутылок, и уставились куда-то за плечо Чекану. Секунду лицо больного оставалось неподвижным, а потом вдруг исказилось гримасой такого ужаса, что Алина почувствовала, как у нее заledenели руки и волосы будто стянуло тугим обручем. Каждая мимическая мышца несчастного превратилась в беззвучный вопль страха, челюсть отвисла, глаза вытянулись вниз, не сводя взгляда с чего-то, появившегося у Алины за спиной.

Она резко обернулась. У двери в палату стояла невысокая молодая женщина в белом халате и смотрела на них. У нее были гладко расчесанные на прямой пробор черные волосы, забранные на затылке в пучок, темные, почти черные глаза под густыми бровями и серьезное лицо с острым носом и тонкими губами — не красивое, но странно привлекательное. В руке женщина держала железный эмалированный лоток со шприцами.

— Здравствуйте, — негромко сказала она, посмотрела на сидящих

рядом с койкой гостей и взглянула на главврача. — Арсений Виленович, мне позже зайти?

— Нет, Карина Максимовна, заходите, все в порядке — Отченаш сделал рукой широкий приглашающий жест. — Вы нам не мешаете.

Медсестра кивнула и прошла к больным в правой части палаты.

Пациент на койке издал звук, похожий на глухое шипение. Алина посмотрела в его сторону. Бледно-голубые глаза Николая слезились и глядели умоляюще.

— Не говорите, — прошелестел он искусанными губами, — не говорите ей...

В наступившей тишине отчетливо слышались тихие шаги медсестры и позвякивание шприцев в лотках. Она сделала уколы двум неподвижным пациентам и направилась к Николаю. Тот вытянулся на койке, зажмурился и замер. Алина увидела, что он снова трясется, на этот раз мелкой заячьей дрожью. Карина спокойно подошла к его койке, не глядя больному в лицо, обработала испещренную крошечными кровоподтеками вену на левой руке, и взяла шприц. Из плотно сжатых губ Николая вырвался тихий сдавленный писк.

— Ну спокойно, спокойно, голубчик, — Отченаш успокаивающе тронул его за руку и встал с табурета. — Все хорошо, я рядом, все хорошо...

Алина внимательно смотрела, как медсестра Карина села, выверенным, профессиональным движением ввела иглу, впрыснула препарат, потом убрала шприц и прижала к ранке кусочек ваты со спиртом. Перед тем, как подняться, она быстро взглянула Алине в глаза, отвернулась, и пошла к выходу.

— Всего доброго.

Ей никто не ответил. Пациент на кровати лежал с закрытыми глазами и глубоко, шумно дышал.

— Пойдемте, — негромко сказал главврач. — Сейчас лекарство подействует. Для первого знакомства вполне достаточно.

Они вышли в коридор.

— Ну вот, — развел руками Отченаш. — Вы все сами и увидели.

— Вы простите, я, наверное, зря про полицию сказал... — виновато произнес Чекан.

Он был бледен и выглядел немного растерянным. Алина понимала, почему.

Арсений Виленович махнул рукой.

— Да ладно, чего там...кто же мог знать.

— Насколько я понимаю, он на нейрорептиках? — спросила Алина.

— Да, разумеется. Сейчас на хлорпротиксене. Мы пробовали разные сочетания медикаментов, но результат, как видите, неутешительный. Жаль, молодой еще человек, тридцать лет всего. До поступления сюда работал автослесарем. И вот такая беда.

— А его раны?..

— Нанес сам себе, — ответил главврач.

— Не очень характерно для онейроида, — заметила Алина.

— Зато типично для делирия, — отозвался Отченаш. Он помолчал и добавил: — Послушайте, если Вас смутила реакция больного на старшую медсестру, то уверяю, для этого нет никаких иных оснований, кроме психического заболевания. Карина Максимовна грамотный, внимательный сотрудник и прекрасная молодая женщина, тихая, скромная. У нас уже два года. Работа медсестры и в обычной больнице — не сахар, знаете ли, а в нашем учреждении этот труд нелегкий вдвойне. За все время работы к ней не было никаких нареканий ни от врачей, ни от больных, ни от их родственников, только благодарности — а их здесь ой как трудно заслужить. Говорят, что люди, пережившие жизненные невзгоды, лучше понимают страдания других, и я думаю, это как раз тот самый случай: Карина Максимовна сама из детдома, росла без родителей, и сейчас тоже одинока, насколько я знаю. Может, поэтому так трогательно заботится о наших больных — и поверьте мне, они это ценят.

— Вы изучаете биографии всех своих сотрудников, Арсений Виленович? — поинтересовалась Алина.

— Разумеется, — ответил он и посмотрел на Алину через очки. — Чтобы не судить о людях поверхностно.

До проходной Алина и Чекан шли молча и не оборачиваясь.

— Ну, что скажешь? — спросила Алина, когда они сели в машину.

— Не наш пациент, — покачал головой Чекан.

— Да, не наш, — задумчиво ответила Алина. — Это пациент медсестры Карины.

Глава 8

В центре города сыро и тесно, как в сумрачном погребе; тут всем мало места: распухшим от влаги домам вдоль узких улиц, людям в этих домах, рекам в тисках каменных берегов, даже тучам в пасмурном небе. Машины с трудом продвигались по дорогам, как вялая кровь по холодным, тонким сосудам, то и дело скапливаясь тромбами на перекрестках. Остановить мотоцикл пробки не могли, но скорость движения все равно порой замедляли. Черно-красный «Дукати Диавел» осторожно пробрался вперед между неподвижных автомобилей, едва не задев немолодую черную «Мазду» с рыжей женщиной на пассажирском сидении, утробно взревел, вывернул налево под красный сигнал светофора, и, не обращая внимания на негодующие сигналы, рванулся вперед, ныряя в просветы в потоке машин.

Через десять минут мотоцикл пересек Невский проспект, игнорируя разметку и знаки, сделал еще один поворот и остановился напротив пятиэтажного гранд-отеля с безупречным старинным фасадом, который на фоне прочих домов выглядел как дорогой антиквариат в сравнении с грязной рухлядью. Водитель мотоцикла снял шлем и тряхнул волосами. На кожаный воротник куртки упала толстая, тугая коса блестящих черных волос. Женщина поставила байк на подножку и с шлемом в руке направилась через дорогу ко входу в гостиницу. Сразу две машины резко затормозили, но никто и не вздумал возмущенно сигналить: водители смотрели, как она переходит дорогу — высокая, длинные сильные ноги обтянуты черной блестящей кожей мотоциклетного комбинезона; глаза, как у женщины-кошки с египетских фресок, строгие черты амазонки или богини войны; в изящных ушах — стальные серьги с масками боли; густые темные волосы выстрижены на татуированных узорами висках, а сзади забраны в косу. Не глядя на замершие автомобили, она подошла к дверям отеля, которые перед ней торопливо открыл молодой швейцар в темно-красной ливрее — да так и застыл, держа дверь нараспашку и провожая глазами крепкие круглые ягодицы, едва не рвущие узкие брюки.

Женщина поднялась по ступеням, покрытым красным ковром, и вошла в респектабельный полумрак лобби-бара: приглушенный свет, темное дерево, красно-коричневая кожа кресел. В этот час здесь было немногочисленно: за одним столиком негромко разговаривали по-французски два молодых бизнесмена, изредка поглядывая на часы, а за другим, в

дальнем углу, в одиночестве сидел невысокий лысый мужчина в очках с золоченой оправой и читал газету. Серый легкий костюм, светлые туфли и здоровый загар свидетельствовали о том, что в мире еще есть места, где светит яркое и теплое солнце. На мизинце правой руки у мужчины красовался массивный золотой перстень с крупным красным камнем, что разрушало образ скромного коммерсанта и наводило на мысли об отошедшем от дел сутенере. Женщина подошла к его столику и села в кресло. Мужчина оторвал взгляд от газеты, посмотрел на часы, а затем на свою гостью.

— Доброе утро, Диана, — сказал он. — Вы, как всегда, пунктуальны.

Он говорил очень четко и правильно, как часто разговаривают иностранцы, свободно владеющие русским, или русские, прожившие большую часть жизни вдали от родной страны.

— Здравствуйте, Артур, — ответила Диана. — Как долетели?

— Спасибо, прекрасно, — он свернул газету и встал. — Поднимемся ко мне?

Диана кивнула и тоже поднялась. Артур был ниже ее примерно на полголовы. Она пропустила его вперед, и пошла следом к лифту.

Они в молчании поднялись на четвертый этаж, прошли по крадущему звуку шагов ковру коридора. Артур достал карту-ключ. Сухо щелкнул электронный замок.

Номер был декорирован и обставлен в классическом петербургском стиле, каким его обыкновенно представляют зарубежные гости: теплый желтый и золотой цвета, резная мебель под старину, тяжелые шторы, на стенах гравюры, латунные ручки на окнах — дом-музей в старой дворянской усадьбе. Кич боролся здесь с вкусом и стилем, и можно сказать, что последним удалось свести схватку к ничьей.

— Садитесь, — сказал Артур. — Выпьете?

Диана покачала головой.

— Я за рулем.

— Ну, а я, пожалуй, налью себе немного бренди.

Диана положила на письменный стол рядом с ноутбуком шлем, стянула перчатки, села в кресло, вытянув длинные ноги, и наблюдала, как Артур, явно чувствуя себя здесь свободней, чем в лобби, достает бутылку, бокал, и наполняет его больше, чем наполовину. Сама Диана не стала бы пить крепкий алкоголь, даже если бы не была за рулем, стрелки часов не показывали бы одиннадцать утра, а собутыльник был бы хоть немного приятен. Она пила только вино: немного, редко и по совершенно особым случаям.

Артур уселся напротив и некоторое время молчал, делая небольшие глотки из бокала и глядя Диане в глаза. Она подождала немного и посмотрела в ответ. Он вздрогнул, едва не пролив бренди на светло-голубую рубашку, отвел взгляд, засуетился, отставил стакан и сказал:

— Итак, к делу. У нас есть для Вас новый заказ.

Диана кивнула.

— У меня условия те же. С Вашей стороны что-то изменилось?

— Да, — ответил Артур, чуть замявшись. — Немного изменились пожелания...к материалу.

— Я слушаю.

Артур покраснел лысиной, повертел перстень на пальце, снова взял бокал и сделал хороший глоток.

— В общем, нужно, чтобы материал был более свежий. Как сказать... свежее, чем раньше.

— Говорите прямо, — резко сказала Диана. — Ни к чему эти намеки.

— Девочка десяти лет, — быстро произнес Артур. — Разумеется, девственница, а то в прошлый раз вышло некоторое недоразумение с этим вопросом.

— Так. Что еще?

— Вот желательный сценарий, — Артур взял с журнального столика лист бумаги и протянул Диане.

Она развернула листок, прочла, сложила вчетверо и убрала в нагрудный карман кожаной куртки.

— Это все?

— В общем, да. Сможете сделать?

Вопрос прозвучал почти заискивающе.

— Сделать можно что угодно, — ответила Диана. — Но, разумеется, это будет дороже.

— На сколько?

Она молча взяла со столика чистый листок, ручку и быстро что-то написала.

— Вот настолько.

— О, — сказал Артур.

Диана пожала плечами.

— Это сложнее и опаснее. Если все предыдущие заказы исполнялись практически без осложнений на нашей стороне, то тут последствий не избежать. А все риски несую я.

— Ну что ж, — развел руками Артур. — Не буду спорить. Но у нас, как всегда, ограничены сроки. Клиент разместил заказ не только в нашей

организации.

— Месяц — сказала Диана. — И половина суммы в качестве предоплаты.

— Хорошо. Я смогу передать Вам деньги завтра.

— Значит, до завтра, — Диана встала.

— Есть еще кое-что, — остановил ее Артур. — Один момент.

Он подошел к письменному столу и раскрыл ноутбук.

— Это последнее видео. Посмотрите, пожалуйста.

Диана подошла к столу и Артур щелкнул клавишей. В тишине номера раздался громкий отчаянный визг живого существа.

— О, черт! — вскрикнул он и застучал по клавиатуре. — Не выключил звук.

Некоторое время они молча смотрели на экран ноутбука. Артур покосился на Диану. Лицо женщины оставалось бесстрастным. От нее пахло кожей и чем-то сладковато-звериным. Глаза жутких масок на сергах глядели прямо на Артура. Он передернул плечами.

— И что? — спросила она.

— Сейчас... вот тут... я найду, — пробормотал Артур, поспешно наклоняясь к компьютеру и щурясь через очки. — Так... вот. Посмотрите на руку мужчины, видите? Не хватает фаланги на указательном пальце правой руки. Разумеется, как Вы и сказали, все риски на Вашей стороне, да и видеоматериалы находятся в абсолютно конфиденциальном доступе, но в случае неблагоприятных обстоятельств... Насколько я понимаю, это особая примета.

Диана помолчала, глядя на экран, потом медленно кивнула и произнесла:

— Да. Спасибо, я это улажу. До завтра, Артур.

Она взяла шлем, перчатки и пошла к двери.

— До завтра! — сказал Артур ей вслед.

Дверь закрылась.

Он еще некоторое время постоял, потирая лоб, у письменного стола, потом долил себе бренди и устало опустился в кресло. Рука, держащая стакан, слегка дрожала.

Артур никогда не переживал из-за бизнеса и не испытывал беспокойства или морально-этических затруднений из-за специфики своей деятельности: он был успешным предпринимателем, а значит, добился главного в жизни согласно нынешней шкале человеческих ценностей — хоть мотивационным оратором подрабатывай, или бизнес-тренером, и давай советы о том, как правильно жить. И сейчас волнение, заставлявшее

его потеть, заикаться, мямлить, трястись, и раздражавшее его самого было вызвано вовсе не деталями короткой деловой беседы.

Дело было в том, что он до смерти боялся Диану. И боялся тем сильнее, чем более не понимал причин для того безотчетного ужаса, который она ему внушала.

Глава 9

Николай смотрел в окно и пытался вспомнить, какое сейчас время года. Не получалось. Сквозь пыльные стекла виднелось лишь небо, а оно всегда было серым. За год с небольшим цвет его менялся лишь несколько раз, становясь немощно-голубым, как будто кто-то пожалел синевы для старой истершейся ткани, или сама она выцвела от постоянных дождей и туманов. Большую часть времени широкий прямоугольник окна был словно заклеен полупрозрачной бумагой, меняющей свои оттенки в зависимости от времени суток: светло-серый, пепельный, свинцовый, а сейчас его цвет стал темно-чугунным с багровыми отсветами городского зарева. Наступала ночь, а с ней пришли беспокойство и страх.

За дверью палаты стихли шаги врачей и сестер. Большой каменный дом погрузился в тревожную тишину, от которой звенело в ушах. Безмолвие предвещало недоброе. Николай повернул голову на подушке: в сумраке неподвижно застыли темные силуэты соседей по палате. Человек на дальней койке сидел по-турецки, согнув обе руки и подняв их ладонями вверх. Оттопыренные указательные пальцы уставились в потолок. Он сидел так уже больше часа, недвижимый, как статуя древнего бога, выбравшего своим вместилищем тело душевнобольного. Тот, что был ближе, лежал на боку, лицом к Николаю. Его тело было изогнуто, плечо и голова не касались постели, будто опираясь на невидимую подушку. Глаза приоткрыты, меж несомкнутых век тускло блестели белки закатившихся глаз.

Николай осторожно пошевелился, разминая затекшие плечи, и тут тишина колыхнулась еле слышимым звуком. Он замер. Да, так и есть: вдали, в коридоре, слышна была легкая поступь. Сердце разом зашлось болезненным, отчаянным стуком. Он хотел задержать дыхание, вжаться в койку, раствориться в несвежем белье, исчезнуть, как тень, но тело жило своей жизнью: тряслось от накатывающих волн страха, исходило испариной, грудная клетка дрожала от быстрых, лихорадочных вздохов.

Шаги приближались, шуршали, как лапы большой ночной крысы. Вот они остановились у двери. Через секунду едва слышно скрипнули петли, и белая дверь медленно отворилась. Николай зажмурился, он не хотел смотреть, не хотел видеть, но не выдержал и все-таки взглянул.

На пороге стояла медсестра. Синевато-белая дежурная лампа в коридоре освещала ее, как холодное нездешнее солнце.

— Ай-ай-ай, — тихо сказала Карина, чуть качнув головой. — Кто-то провинился сегодня.

Николай открыл рот, чтобы крикнуть, но из сдавленного ужасом горла вырвался только сиплый писк.

— Тихо, не надо шуметь, — Карина строго погрозила пальцем. — Будет только хуже.

Он замер. Карина стояла в дверях, не сводя с него глаз — черных провалов на белой маске лица.

— А я ведь хотела сегодня дать тебе отдохнуть, — сообщила она. — Сделать выходной. Но ты сам все испортил: надо же, пожаловался на меня полиции, подумайте только. Как глупо. Ты ведь понимаешь, что им нет до этого дела. Это только между нами с тобой. Наше, личное.

Она опустила руку в карман и достала оттуда какой-то маленький темный предмет.

— Нет, — прошептал Николай. — Нет, нет, нет, нет...

— Да, — спокойно отозвалась медсестра. — Да.

Сухо чиркнуло колесико зажигалки. Вспыхнул яркий язычок пламени. Карина осторожно поднесла его к фитилю короткой черной свечи — огонек, затрещав, осветил красноватым, мерцающим светом углы. Вверх быстро взметнулась струйка густого дыма. Резкие тени легли на лице медсестры, заострив прямой нос, очертив опущенные уголки тонкого рта. Она держала свечу прямо перед собой, глядя на пламя, и губы ее шевелились, шелестя неразборчивым шепотом. По стенам и потолку вытянулись, извиваясь, длинные черные тени. Карина продолжала свой тихий речитатив, закрыв глаза и чуть покачивая в такт головой. Через минуту она кивнула, как будто закончив беседу, и резко задула свечу.

— Интересной ночи тебе, Николай, — сказала она. — Вспоминай меня. Всегда вспоминай.

Медсестра повернулась и вышла за дверь. Шаги растворились в ночной тишине. Перед глазами у Николая плавали яркие пятна, по форме точь-в-точь, как пламя свечи.

Несколько минут все было тихо.

Неподвижно сидевший больной шевельнулся и вытянул руки вперед. Оттопыренные указательные пальцы усталились на Николая. Другой, на соседней койке, изогнулся сильнее, подняв голову над подушкой почти на полметра, и открыл веки над бельмами невидящих глаз. Тени проступили на стенах потеками аспидной краски — длинные, изогнутые, наливавшиеся оживающей тьмой. Николай часто и глубоко задышал, дернул руками в ременных петлях. Глухо звякнули пряжки. Что-то мелькнуло, метнувшись

через палату, и притаилось у дальней стены. В углах захихикали на разные голоса. Из серо-багрового неба глядели в окно искаженные, неподвижные лица. Николай рванулся так, что ремни затрещали, а койка подпрыгнула, загремев и едва не опрокинувшись на бок, но тут тени со стен рванулись к нему, как огромные черные змеи...

Душераздирающий вопль разорвал тишину, разнесся по этажам, эхом прокатился по лестницам, и через секунду повторился снова, перейдя в пронзительный вой. Карина услышала его через два коридора, на посту дежурной сестры. Она закрыла книжку, которую читала в уютном свете настольной лампы, и прислушалась. Несколько секунд было тихо, а потом крики раздались снова: на этот раз короткие, отчаянные, ревущие, следующие один за одним, как стаккато ужаса и безумия. Карина немного послушала, потом кивнула без тени улыбки, как человек, убедившийся в том, что нужное дело идет своим чередом, и снова раскрыла книгу. Ночные вопли больного со специального отделения стали делом привычным, и дежурные сестры с других этажей уже не обращали на них внимания. Однако Карина не хотела, чтобы шум беспокоил других пациентов. Она посмотрела на часы: четверть второго ночи. Пятнадцать минут, не больше, и она это прекратит. Как раз успеет дочитать главу. А завтра будет еще одна ночь. Потом еще. И еще. Без конца.

Глава 10

22 октября 1728 года.

Штормовой ветер гнал с залива воду, холод и мглу. Вместе с запахом густой древней соли он нес в Офицерскую слободу зловоние дремучих лесов и гниющих болот Коломны. Малые и большие речки в мглистой низине, на которой стоял город, волновались, как будто делая тяжкие вздохи, и вздымали мутные воды; сама Нева, с трудом преодолевая напор встречного ветра, все медленней двигалась в сторону моря, раздувалась, поднимаясь из берегов, словно всплывающий из бездны Левиафан. В непроглядной тьме колыхались исполинские силуэты пришвартованных кораблей, скрипели высокие мачты, борта ударялись друг о друга с глухим, скрежещущим звуком.

Через три года после смерти государя Петра Алексеевича город почти опустел. Вначале потянулись отсюда купцы: закрывали лавки и склады, уезжали вместе с товаром и домашним скарбом, а иные в спешке даже оставляли нераспроданное добро, которое становилось добычей воров и мародеров. Потом отправились обратно в Москву дворянские семьи. А после того, как в начале года туда же отбыл, чтобы венчаться на царство, и юный император вместе со всем двором и вельможами, из Петербурга ушли чиновники, строители, побросавшие недострой, да и простые горожане, которые бежали из города на болотах, испуганно приговаривая что-то о проклятом месте. Теперь только ветер гулял по темному Санкт-Петербургу, как лихой человек: проносился по длинной просеке пустой Першпективной дороги, заставлял дрожать деревянные мосты на Фонтанной речке и Мойке, стучался в закрытые ставнями окна и двери, прохаживался по-хозяйски в каменных залах недостроенных дворцов, что гигантскими привидениями высились в дождливом тумане. Огни Адмиралтейства упрямо горели в ночи, но казалось, что за светом в негаснущих окнах уж не осталось живых, а только призраки несут свою скорбную вахту. Последними уходили из города гвардейские полки, Семеновский и Преображенский. Офицерская слобода оказалась покинутой, гарнизонные солдаты и командиры селились в далеких казармах батальона городских дел на другом берегу Невы или в домах Колтановского полка на Городском острове. Окна светились лишь в нескольких мазанках и в одном из деревянных домов на самом краю

слободы.

Здесь еще оставались гвардейцы.

Первые капли тяжелого злого дождя застучали по гонтовой кровле. Оконные рамы дрогнули под особо сильным порывом ветра, как будто кто-то толкнул их снаружи. Бывший командир роты Преображенского лейб-гвардии полка, а ныне капитан Невского гарнизонного солдатского полка Павел Облецкий строго глянул в окно, будто и правда ожидал увидеть там нежеланного и незваного гостя. Но нет — только тьма и крупные капли воды, дрожащие в свете свечей. Капитан опустил взгляд, затаился из тлеющей трубки и снова взялся за лежащий перед ним на столе пистолет.

В Санкт-Петербурге он остался по собственной воле. Когда гвардейцы получили приказ о переводе в Москву, написал рапорт лично командиру полка, генералу-фельдмаршалу князю Долгорукову, с просьбой о дозволении остаться в городе и служить в гарнизоне в любом чине и звании, а также оставить с ним тех из его роты, кто изъявит желание.

— С огнем играешь, — увещевал его командир батальона подполковник Матюшкин. — Смотри, разжалуют в каптернамусы, или вовсе в рядовые. Полк наш на особом счету, первыми присягнули нынешнему государю, а он сейчас в Москве. Как бы рапорт твой тебе боком не вышел, сочтут за неблагонадежного. Да и зачем тебе этот Петербург сдался? Чем Москва не хороша?

Облецкий только качал головой.

— Нет, Михаил Афанасьевич, не для того я за государя Петра Алексеевича кровь проливал, чтобы смотреть потом, как дело рук его и замыслов прахом пойдет. Что будет с городом, коли все уйдут?

— А один ты что сделаешь? Из болота доставать будешь, когда опять половодьем смоеет? Не твоя это печаль, город — пусть о нем генерал-губернатор Миних думает, а если что не так пойдет, ты уж точно ничего не изменишь.

— Изменю, — упрямылся Облецкий. — Преображенец — и один в поле воин, а я думаю, что воины здесь еще понадобятся. Да и не люблю я Москву, шумная она. Мне здешние болота милей.

Рапорт капитана вернулся с одобрением: может, из уважения к заслугам героя Персидской кампании, а может, потому что предки Облецкого служили еще при царе Иоанне Васильевиче, но ему разрешили служить в Санкт-Петербурге без понижения в чине, капитаном Невского гарнизонного солдатского полка. Вместе с Облецким были туда же переведены изъявившие такое желание поручик Александр Промыслов и десяток солдат. Позже оказалось, что и из Семеновского полка в городе

тоже остались несколько человек: капрал гренадерской роты Михаил Шуст и с ним пять рядовых. Гарнизонный полковник Колтановский таким пополнением не был ни опечален, ни обрадован, и просто оставил бывших гвардейцев в покое, не занимая их службой. Да и службы в городе скоро не стало.

Капитан аккуратно насыпал из рожка порох на полку кремневого замка, затворил ее и отложил пистолет в сторону. Прислушался: западный ветер все также яростно завывал за окном, редкий стук капель по крыше превратился в плотный шум дождевого потока. Облецкий вздохнул и взялся за второй пистолет. Вой ветра внезапно сорвался на визг, словно кто-то сплел с голосом урагана злобный, неистовый вопль, и в тот же миг окна и двери дрогнули разом, да так, что запрыгало пламя свечей и в углу закачалась лампада перед иконой. Капитан вздрогнул и перекрестился на образ, с которого Спаситель взирал ярым оком сквозь пыльную копоть.

— Господи, спаси и сохрани, — пробормотал Облецкий. А потом добавил, словно бы про себя: — Похоже, чует скорую погибель, нечисть...

Санкт-Петербург стал городом-тенью. Оставшиеся жители оказались предоставлены сами себе и брошены на произвол судьбы среди роскошных руин и покосившихся домов. Дела канцелярий находились в полном упадке: жалобы и прошения никем не читались и не рассматривались, накапливаясь целыми горами, а если и рассматривались, то никто не давал по ним ходу делам. Чиновники канцелярий то пропадали куда-то, то вновь появлялись, то были так загружены, что пробиться к ним не было решительно никакой возможности. Градоначальника Миниха никто не видел неделями, а если кто и утверждал, что тот издал такой-то указ или провел такую-то ассамблею, то подтвердить своих слов не мог. Корабли приходили и уходили, как призраки, или оставались у причалов, покинутые сошедшей на берег и сгнувшей командой. На заповедном Аптекарском острове, называемом Вороньей Глушью, угнездились сообщество иноземных знахарей, отправлявших странные культы и молившихся неведомым богам; оттуда, каждый месяц на новолуние, летели в Москву ко двору молчаливые, скорые гонцы. Ни лавки, ни мастерские почти не работали; только множились ломбарды, где ростовщики с чужеземными лицами брали в залог немногие ценные вещи, что еще оставались у горожан. Гарнизон и ландмилицейские солдаты бездействовали, и на оставленных ими улицах хозяйничали разбойники. В Касимовской части, в Татарской и Синявиной слободе расплодились кабаки и питейные избы, лихорадочным огнем светились окошки борделей, из которых не вылезали оставшиеся в городе на жаловании иностранные маргиналы, моряки, и куда

наведывались приходящие из окрестных лесов бородатые лопари. Пьяные песни, визгливый хохот и крики звучали ночи напролет, из открытых дверей вместе со смрадным паром вываливались голландцы и немцы в распахнутых камзолах, и грудастые девки, размалеванные, словно куклы; шныряли туда и сюда вороватые темные личности в надвинутых на глаза картузах.

Капитан наблюдал за всем этим с горечью и отчаянием. Со своими солдатами он и поручик Промыслов взяли было патрулировать улицы, и даже схватили однажды шайку ночных татей, но ни судить, ни казнить их было некому. Гвардейцы намяли злодеям бока, отняли ножи с кистенями и отпустили, а уже через ночь снова видели их у «веселых» домов в Адмиралтейской части. Петербург умирал, и все чаще Облецкий вспоминал о словах своего командира, понимая, что и впрямь не вытащит в одиночку столицу из засасывающей ее трясины медленной гибели. Город теснее окружали болота и дебри, и все дул и дул западный ветер, неся в город гнилые туманы.

Еще раньше до слуха капитана доходили рассказы испуганных жителей о ведьме на Козьем болоте. То придет в Офицерскую слободу за помощью и защитой заплаканная женщина с дитём на руках, вдова при живом муже, на которого ведьма наслала такую порчу, что он теперь ночами и днями не выходит из кабаков и притонов. То старый крестьянин, бегущий с многодетным семейством и скудным домашним добром на телеге, запряженной тощей кобылой, скажет, боязливо оглядываясь, что ведьма сжила их с насиженных мест колдовством и угрозами. То неожиданно выяснится, что прожженные пройдохи и выдавшие виды кабатчики, содержавшие бордели и питейные избы, украдкой относят долю своих барышей куда-то в леса на западной части Коломны, а если вдруг позабудут, так им мигом напомнят: придут из леса угрюмые ижоряне с топорами за поясом, загорится с одного угла — а то и со всех четырех — изба, а особо упрямых неплательщиков загадочной подати порой находили на обочине лесной просеки: посиневших, висящих в петле высоко над землей.

В сентябре к Облецкому в дом постучались. Трое насмерть перепуганных крестьян из Калинкиной деревни, что в устье Фонтанной реки, мяли шапки в руках и нескладно рассказывали о приключившемся.

Двух мужиков постарше звали Максим и Федор, тот, что помладше, назвался Василием. Они отправились накануне в Петербург, на трех подводках, чтобы продать в городе немного рыбы и кое-что из скудного урожая своих огородов. С ними был и четвертый, Петр, самый молодой,

родич Максима. Крестьяне хотели добраться до города засветло, но в пути были застигнуты непогодой: лошади еле переступали ногами по мокрой земле, нагнув головы под ветром и частым дождем, колеса вязли в болотистой жиже. К вечеру им удалось кое-как добраться до села из десятка дворов в Коломне, между речками Геникеевкой и Кривушей, рядом с Козьим болотом, где они решили остановиться на ночлег. Деревню эту мужики знали — ну как, знали, проезжали мимо всякий раз, как ехали в Петербург, но ни разу не останавливались. Да и останавливаться тут не очень-то и хотелось: дома были низкие, темные, с небольшими окнами у самой земли, крыши поросли мхом, изгороди из длинных редких жердей покосились, на убогих грядках если и росло что, то мужикам неизвестное, а так казалось, что просто сорняки. Скотина не мычала и не блеяла, даже собак не было слышно и видно, а редкие люди, которых они замечали всего пару раз, выглядели неприветливо. Но сейчас выбирать не приходилось: в черном небе клубилось ненастье, дождь лил, как при потопе, двигаться дальше не было никакой возможности. Крестьяне попросились на постой в крайней избе, у самого берега заболоченной речки Кривуши. Высокий мослатый мужик молча впустил их в широкие, покосившиеся ворота пустого сарая о четырех столбах, в который они завели лошадей и уместились сами, а подводы оставили на дворе. Нашли по углам дырявое корыто и немного сопревшего сена, кое-как накормили и напоили лошадей, сами перекусили при свете лучины, и улеглись спать, расстелив армяки на сыром земляном полу. Холодно было, мокро, но все лучше, чем в лесу. Помолились, да и уснули. А среди ночи вдруг их растолкал Петр — сам одет, глаза перепуганные, и зашептал, что им нужно тотчас собраться и ехать отсюда, пока целы. Мужики спросонья не сразу поняли, о чем речь, а он торопил, подгонял, и увидев, что они не спешат его слушать, открыл ворота сарая и стал выводить лошадей. Пока остальные, крихтя, собирались, вставали и запрягали телеги, он рассказал им, в чем было дело.

Петр ночью проснулся по нужде. Встал тихонько и вышел во двор. Только пристроился было у задней ограды, как видит — их хозяин выходит из дома с фонарем в руке, да прямиком за калитку. Петру стало любопытно. Он прокрался следом и увидел, что из остальных домов тоже выходят люди — мужики, бабы, всего дюжины две человек, может, больше, и все с фонарями и факелами. Собрались вместе на утоптанной поляне перед деревней и отправились в лес. Петр за ними. Страшно было в дремучем лесу в непогоду, но более того интересно, куда же люди идут в такой час и в такое ненастье. Он шел за цепочкой огней по тропинке через болото, и совсем скоро увидел, что все собираются рядом с маленькой, словно

вросшей в землю избушкой. Дверь открылась и из избы вышла старуха; люди склонились перед нею в пояс. Старуха пошла по тропе вглубь болота, люди за ней, а следом и Петр. Саженьях в тридцати от избы стоял большой сруб с островерхой крышей, куда за старухой по одному стали входить остальные. В узких окошках зажегся огонь. Петр подождал, пока дверь затворится, и подобрался к одному из окон. Внутри он увидел что-то наподобие церкви или часовни: высокий престол на солее, рядом с ним аналой, на нем — раскрытая черная книга. Только если и было это место церковью, то уж никак не Христовой: на стенах непонятные знаки, круги на полу, и еще сказал Петр, что веяло оттуда страхом и смертью. Потом рассказ у него вышел путаным; мужики тоже путались, пересказывая капитану сбивчивые речи, но по всему выходило, что их товарищ стал свидетелем странного и страшного обряда, во время которого творились такие мерзости, которых Петр толком и описать не мог, а крестьяне повторять не хотели даже то, что поняли с его слов. Когда же один из участников богомерзкого действия подал старухе младенца, а та подняла его на ножку над каменной чашей и вынула нож, Петр опрометью кинулся назад. Детский крик прозвучал и оборвался в ночи. Не чуя ног добежал Петр до сарая, думая только о том, как убраться из страшной деревни. Остаток ночи мужики, погоняя измученных лошадей, добирались до города, то и дело озираясь, нет ли за ними погони, пока на рассвете не прибыли в Петербург.

— А где же Петр, почему он сам не пришел с вами? — спросил их Облецкий.

Мужики замялись и переглянулись.

— Пропал Петр, — наконец ответил Максим. — Не знаем, как. Вроде все время ехал со мной на подводе, а как въехали в Кузнечную слободу, глядь — и нету его. Что ж делать теперь, господин капитан?

Крестьян капитан отпустил и Петра искать не стал, потому как чувствовал, что это дело бесполезное. Но в тот же день подал рапорт полковнику Колтановскому, в котором подробно изложил обстоятельства дела и просил дать ему роту солдат для экспедиции к Козьему болоту с целью безотлагательного розыска и наказания ведьмы согласно первому артикулу воинского устава, который предписывал сжигать чернокнижников «ежели оный своим чародейством вред кому учинил или действительно обязательство с дьяволом имеет». Ответ пришел через три дня за собственноручной резолюцией полковника, в которой предписывалось «капитану Облецкому рассказы пьяных мужиков не слушать и ахинею не верить, а наипаче смотреть за собой и собственную службу разуместь, как

должно». Капитан скрипнул зубами, но от дела не отступился: написал прошение самому генерал-губернатору Бурхарду Кристофу Миниху и послал его вместе с тем самым рапортом, что вернул полковник. Ответа Облецкий ждал долго, да так и не дождался: целый месяц прошел, а ни письма, ни нарочного, никакой вести не пришло от градоначальника. Назначить аудиенцию тоже не удалось. А тем временем все так же кутили пороки на улицах и в слободах, гуляли холодные призраки, бесчинствовали разбойники, и торжествующий ветер накрывал город погребальным покровом дождей...

Стук в дверь раздался, когда капитан только снарядил второй пистолет и положил его рядом с первым.

— Кто там?

— Поручик Промыслов, господин капитан!

Облецкий отодвинул засов и молодой офицер, щурясь на свет после ночной темноты, шагнул через порог. Он снял треуголку, и вода, натекшая за отвороты, потоком хлынула на пол.

— Прошу прощения, господин капитан, дождь там льет, как в Ноевы времена...

— Ничего страшного. Плащ снимай и садись, Шура, погрейся у печки. Какие новости у нас?

Промыслов снял вымокший плащ и сел на табурет у печи. Он был совсем еще молод, года четыре как из полковой школы, так что и усы ему приходилось брить, а не отращивать, ибо то, что пробивалось над верхней губой, могло служить только поводом к насмешкам, а не к приданию мужественности. Во времена государя Петра Алексеевича офицерами так быстро не становились: сам Облецкий год учился солдатскому делу в нижних чинах, прежде чем получил свое первое звание, невзирая ни на дворянство, ни на древность рода. Нынче времена изменились. Вот Александр — необстрелянный юноша, а уже старший чин. Впрочем, ему это во вред не пошло: воинскому делу парень продолжал учиться с жадностью, устав соблюдал, а более всего нравилась капитану его горячность и страсть к справедливости — без них ты не воин, не офицер, а просто канцелярист в военном мундире.

— Владыка архимандрит прислал священноинока, отца Иону, — сообщил поручик. — Он сейчас у меня, дожидается, когда позовете.

Это была хорошая новость. Значит, настоятель Невского монастыря отец Петр дал свое благословение на то, что им предстояло совершить, а в таком деле благословение пастыря куда важнее, чем разрешение от светских властей.

— Тогда уже можем выступать, — сказал капитан, — чего ждать понапрасну. Что солдаты?

— Шестеро наших, Преображенских, согласились идти, — ответил поручик. — И еще капрал Шуст из Семеновского и с ним три гренадера. Все собраны и готовы.

— Итого нас будет тринадцать вместе со священником, — подытожил Облецкий. — Справимся с Божьей помощью. Ступай, собери всех за слободой, а отца Иону пришли ко мне.

Поручик поднялся, поправил мокрый плащ, с которого в тепле натопленного дома начал подниматься пар, помялся немного и сказал:

— Может, утром пойдем, Павел Андреич? Глядишь, непогода успокоится, да и утром — оно светлее, и сподручнее... И не страшно.

— Нет, Шура, сейчас идем, — спокойно ответил капитан. — Ночью ее надо брать, когда деревенские спят. Бог даст, удастся без шума обойтись, потому как, думаю я, люди ее просто так с нами не отпустят.

Поручик подумал, вздохнул и вышел за дверь, в дождливый ветреный сумрак.

Отец Иона оказался еще моложе Промыслова: длинный, нескладный, худой, бледный и, как показалось капитану, изрядно напуганный. Редкая клочковатая бороденка намокла, скуфья смялась и криво сидела на голове, с подрясника капала вода, увесистый серебряный крест болтался на впалой груди. Облецкий прищурился и спросил:

— Давно ли в священниках, отче Иона?

— Рукоположили на Успение, господин капитан.

— Два месяца, значит... А в иноках долго?

— Три года в январе будет.

— Дааааа, — протянул капитан. — Что ж, не нашлось у архимандрита Петра никого постарше?

Священноиннок промолчал. Капитан пыхнул трубкой, выпустив клуб сизого едкого дыма, и снова спросил:

— Знаешь ли, отче Иона, на какое дело идем мы?

Тот сглотнул комок в горле и кивнул.

— Да. Отец Петр сказал мне.

— Дело это такое, — продолжал Облецкий, — что без тебя нам никак не управиться. Солдаты мои — ребята отважные, я с ними в разных переделках бывал, да и семеновцы со своим капралом войны brave и отступать не привыкли. Только бывает, что одной силы и храбрости мало. И если так случится, что человеческих сил неостанет, могу я рассчитывать, отче, на твои молитвы и помощь?

Отец Иона снова кивнул и посмотрел уже тверже.

— Сделаю, что могу, господин капитан. — И добавил: — Я тоже солдат, только Христова воинства. Не побегу.

— Тогда благослови, отче, на правое дело, — капитан сложил руки и нагнул голову.

Инок неловко скрестил худые пальцы и сотворил крестное знамение:

— Бог благословит!

Капитан распрямился, опоясался шпагой, заткнул пистолеты за пояс, натянул высокие походные сапоги и накинул на зеленый мундир длинный плащ.

— Ну, с Богом, отец Иона. Пора.

Одиннадцать человек в треуголках, плащах и при полном вооружении выстроились на окраине слободы. Солдаты стояли под свирепым ветром и ливнем, как на плацу: строй сомкнут, фузеи прикладом у ног. У одного конца короткой шеренги возвышался капрал Шуст: на голову выше преображенцев, на полголовы — любого из своих гренадеров, в плечах добрая сажень. Рядом с преображенцами стоял поручик Промыслов, то и дело вытирая рукой в перчатке дождевую воду с лица, когда порыв ветра швырял холодные капли под треуголку. Увидел Облецкого и прокричал срывающимся голосом:

— Смирррррно!

Солдаты подтянулись, выпятив грудь. Капитан встал перед строем:

— Здорово, молодцы!

— Здравия желаем, господин капитан! — как один рявкнули ему в ответ. Даже ветер, казалось, сбился с ноты тоскливого воя от грозного этого приветствия.

— Вот что, братцы, — негромко сказал капитан. — Все вы государевы слуги и храбрецы. И сегодня выдалось нам сослужить настоящую службу не только земному царю, но и Владыке Небесному. Архимандрит Петр дал нам свое благословение на предстоящее дело трудное, но благое, и в помощь прислал священноинока отца Иону...

Облецкий покосился на монаха, закутанного в плащ поверх подрясника. Тот стоял, опустив взгляд, и шмыгал носом. «Простудился, что ли? Или боится? Послал отец Петр помощника, нечего сказать...» Капитан отвернулся и продолжал:

— ...а значит, с нами Бог. И как говорил государь наш Петр Алексеевич, если Бог с нами, кто против нас? Били мы разную нечисть: турецкую, шведскую, персидскую, так и с нашей доморощенной справимся!

— Урррррра! — раскатилось в тьме. Небо качнулось, перелив через край сплошные потоки воды из разверзшихся сумрачных хлябей.

От Офицерской слободы до Козьего болота по прямой было версты полторы — на четверть часа ходу маршевым шагом. Да только прямых дорог туда не было, а кривые проселки размывало на глазах. Лес возвышался вокруг, темный, угрюмый; тусклые фонари в руках у солдат качались, отбрасывая пляшущие тени на ближайšie к дороге деревья, а дальше за ними был только черный, непроницаемый мрак. Воздух внизу был спертым от запахов палой листвы, перегноя и мертвого смрада трясин, а вверху выл угрожающе ветер, носился над чащей, как будто предупреждая кого-то о приближении солдат.

Дома заповедной деревни едва различались во тьме: в такое ненастье невнимательный путник и вовсе мог пройти мимо, приняв низкие избы за огромные валуны на берегу речки Кривуши. Ни огонька, ни звука, ни движения. Правее, у самой границы Козьего болота, виднелась Геникеевка, узкая, как сточная канава; течения в ней почти не было, и черная вода пополам с жидкой грязью вздувалась над берегами, поросшими высокой травой, как бока одышливой жабы.

— Как думаете, спят все, господин капитан? — негромко спросил поручик. — Вроде нет никого.

— Как знать, Шура — отозвался Облецкий. — Во всяком случае, сидят по избам. Может, спят, а может, и смотрят на нас.

— Как-то жутко все это, — поежился Промыслов.

Капитан не ответил и повернулся к солдатам.

— Ищите дорогу в болото! — скомандовал он. — Должна быть напротив поляны перед деревней.

Тропа была такой узкой, что идти пришлось колонной по одному. Болото разбухло от дождя, сапоги уходили по щиколотку в жидкую грязь. Ветер внезапно притих; в наступившем безмолвии только капли дождя стучали по ковру прелых листьев и слышалось чавканье шагов. Темнота вокруг замерла, как будто прислушиваясь.

Изда старой карги была такой же низкой, как и остальные в деревне: широкая, кряжистая, стены из толстых, потемневших от времени бревен; крыша в зеленых и бурых пятнах лишайника, с короткой трубой, из которой валил густой серый дым; крепкая дверь в половину роста взрослого человека; единственное оконце в боковой стене светило угрюмым желтым. Дом смотрел на них молча и жутко.

Капитан вдруг почувствовал, что хочет уйти. Даже не уйти, убежать отсюда без оглядки подальше, пока есть время, пока еще его не заметили —

убежать и больше никогда не возвращаться сюда, на это болото, в этот лес, да и в этот проклятый, гибнущий город...

Облецкий мотнул головой, прогоняя наваждение, перекрестился и оглянулся кругом. Поручик Промыслов стоял рядом, замерев, как напуганный заяц, и часто облизывал дрожащие мокрые губы. Отец Иона что-то шептал, опустив голову и перебирая в руке длинные черные четки — видать, молился. Солдаты тревожно озирались кругом. Капрал Шуст возвышался, широко расставив ноги и крепко уперев их в мокрую землю, как будто сопротивляясь чему-то. Губы его тоже шевелились, но похоже, что вместо молитв старый вояка отчаянно матерился.

— Слушать мою команду, — негромко промолвил Облецкий.

Все встрепнулись. Поручик уставился на него, словно очнувшись от сна.

— Примкнуть багинеты, — скомандовал капитан.

Солдаты зашевелились, послышался приглушенный лязг штыков.

— Преображенцы, смотреть в оба назад и по сторонам. Гренадеры, лицом к избе. Поручик, остаешься с солдатами, действуй по обстоятельствам. Капрал и отец Иона — со мной.

Он сделал три шага вперед, подошел к двери избы и громко постучал.

Тишина. Только дождь шуршит по деревьям, мертвым листьям и сорной траве. Солдаты застыли, взяв ружья наизготовку.

Капитан постучал снова, дольше и громче.

— Кто там? Кого принесло? — прозвучал изнутри надтреснутый, старческий голос.

Облецкий вздрогнул.

— Капитан Невского гарнизонного полка, — ответил он как можно громче и тверже. — Выходи, старая, разговор есть.

— У тебя есть, а у меня нету, — прокричала из-за двери старуха. — Проваливай, откуда пришел!

— Открывай, или дверь вышибу!

— Мозги себе вышиби, а меня в покое оставь!

Капитан отошел в сторону, посмотрел на капрала и кивнул. Тот крякнул, отошел на пару шагов, коротко разбежался и что есть силы врезал сапогом по двери. Раздался громкий треск, и дверь с грохотом обрушилась внутрь избы, слетев со сломанных петель. Рядом упал выбитый деревянный засов. Облецкий нагнулся и нырнул в дверной проем.

В избе было душно, жарко, пахло сушеными листьями и терпким, горячим дымом. Вдоль бревенчатых стен тянулись длинные, грубые полки с пучками засохшей травы, горшками, бутылками и мелкой хозяйственной

утварью. На дощатом столе стояла медная ступа с пестом, лежали какие-то ветки и большая книга в толстом переплете из бурой потрескавшейся кожи. Весь левый угол занимала огромная беленая печь, за заслонкой полыхало яркое пламя. На печи поджав ноги сидела старуха и скалила черные зубы. Седые космы свисали на лицо, коричневое и морщинистое, как сгнившее яблоко. Худое тело было укутано в бесформенные лохматые кофты и юбки.

— Смотрите, кто пожаловал, — ощерилась она. — Господин гвардейский офицер, всем храбрецам пример. Что, всех врагов одолел, явился со старухой воевать?

Она вытянула потрескавшиеся губы и плюнула вниз.

— Назови свое имя, — как можно спокойней и тверже приказал капитан.

Ведьма презрительно скривилась и снова плюнула.

— Мне задавать вопрос у тебя еще нос не дорос! Говори, что надо, или проваливай!

— Слезай с печи, пойдешь с нами, — Облецкий смотрел прямо на ведьму, с трудом выдерживая взгляд ее угольно-черных, пылающих ненавистью глаз. — Судить тебя будем.

Шуст с трудом протиснулся в низкую дверь и встал за спиной у капитана, согнувшись, чтобы не упираться головой в потолок.

— Судить! — взвизгнула ведьма и расхохоталась низким, хриплым хохотом.

В избу тихо вошел отец Иона и встал рядом с дверью. Старуха уставилась на инока злобным взглядом.

— Ух ты, а это кто еще с тобой? Неужто чернец? Эй, чернец, покажи конец! Я хоть старая, а еще горячая!

И снова зашлась резким, визгливым смехом.

— А ну-ка, иди сюда, дрянь паскудная! — прорычал Шуст и шагнул к печи. Ведьма зашипела, быстро выхватила что-то из-под черных лохмотьев, поднесла ладонь ко рту и резко дунула. Облако серой пыли полетело капралу в лицо. Он закричал, поднес руки к глазам, сделал еще один широкий шаг, а потом качнулся и рухнул на стол. Затрещало дерево, по полу рассыпались ветки, покатились звеня, медная ступа, с увесистым шлепком упала толстая книга. Капрал лежал на полу, крича и прижимая ладони к лицу, и бессильно скреб сапогами грязные грубые доски. Ведьма отвела взгляд от поверженного офицера, повернулась к Облецкому и направила в его сторону правую руку. Меж кривых пальцев старой карги что-то блеснуло. Капитан почувствовал, как сердце стиснуло болью и в голове зашумело красным.

— Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, аминь.

Раздавшийся голос был звучным и сильным. Облецкий с изумлением посмотрел на инока, так непохож был мощный, уверенный бас на тот тихий, едва слышный голос, которым монах говорил в его доме. Отец Иона стоял прямо, спокойный и светлый, глядя на старую ведьму, как смотрели стрелки гвардейских полков на приближающихся шведов: с твердым, прицельным расчетом.

— Живый в помощи Вышняго в крове Бога Небеснаго водворится...

Ведьма оскалилась, зарычала, а потом забилась от ярости у себя на полатах. Капитан почувствовал, как ослабевают сжимавшие сердце тиски и стихает шум в голове. Он повернулся и подскочил к дверям.

— Гренадеры, ко мне! Капрал ранен!

Трое здоровенных семеновцев ворвались в тесную избу. Один кинулся к скорчившемуся на полу капралу, двое других остановились, ожидая команды.

— Не убоишься от страха ночнаго, от стрелы летящая во дни, от вещи во тме преходящая, от сряща и беса полуденнаго...

Монотонный речитатив звучал стройным напевом, придавая сил и отгоняя страхи.

— Давайте-ка поможем бабуле слезть с печки, ребятушки, — негромко сказал капитан и гренадеры бросились к ведьме.

Две пары сильных рук вцепились в лохмотья и тощие старческие лодыжки. Ведьма заорала, замахала руками, целясь длинными кривыми ногтями гвардейцам в глаза. Они с силой рванули, и старуха грохнулась вниз, с громким стуком ударившись об пол. Солдаты нагнулись, пытаясь поймать ее за сучащие в воздухе руки и ноги, но ведьма с неожиданной силой вывернулась, вскочила и с яростным визгом толкнула одного из них в грудь. Гвардеец попятился от неожиданности, споткнулся о лежащего капрала и повалился на него. Ведьма дернулась, оставив в руках другого гренадера рваную черную кофту, и с воплем бросилась на капитана, преграждавшего выход. Облецкий чуть отступил в сторону, коротко размахнулся и с силой ударил старуху кулаком прямо в лоб. Карга рухнула навзничь. Все трое гвардейцев навалились на нее, выхватывая из подсумков веревки и опутывая ими руки бешено сопротивляющейся колдуньи.

— На руках возмут тя, да не когда преткнеши о камень ногу твою, на аспида и василиска наступиши и попереши льва и змия...

Облецкий поморщился, тряхнул ушибленной рукой и сказал:

— Вяжите ее и тащите наружу.

Посмотрел на отца Иону и хлопнул его по худому плечу.

— Спасибо, отче.

Присмирившая старая ведьма со связанными руками лежала в грязной луже. Священноиннок, склонившись над нею, негромко читал запретительные молитвы; она только негромко шипела и скалилась в ответ, но бежать не пыталась. Гренадеры под руки вывели из избушки капрала: лицо его было пепельно-серым, глаза закрыты, голова запрокинута; он еле переступал заплетающимися ногами, тяжело опираясь на плечи гвардейцев.

— Поручик, — промолвил Облецкий. — Там в избе на полу лежит книга, сходи, принеси ее. Посмотрим, что скажут полковник и градоначальник, когда мы допросим с пристрастием старую ведьму и предъявим ее вместе со сборником богомерзких заклятий.

Промыслов зашел в дом и вернулся с черной книгой; снял с плечей ранец и засунул ее внутрь. Они двинулись в обратный путь: впереди капитан и священноиннок, за ним поручик и ведьма в окружении солдат: два дюжих преображенца вели ее, держа с двух сторон за связанные руки. Замыкали шествие гренадеры с раненым капралом.

— Все ребятушки, дело сделано! — громко подбодрил капитан. — Осталась обратная дорога, а домой идти всегда легче. Через час будем в городе, а там...

Он посмотрел вперед и осекся. В дождливой тьме на поляне перед деревней мелькали огни фонарей и пламя множества факелов. Отряд подошел ближе и остановился. Впереди, преграждая дорогу, молча столпились местные жители: мужчины, женщины, даже малолетние дети стояли единой плотной стеной. Их было дюжины три; в слабых отсветах блестели лезвия топоров и серпов, вверх, как пики, вздымались оглобли и вилы. Между солдатами и безмолвной толпой было не больше десятка саженьей.

— Гвардейцы, в шеренгу, — скомандовал капитан. — С карги глаз не спускать.

Семеро солдат и поручик быстро построились в линию. Капрала посадили на землю, прислонив спиной к толстому дереву. Двое остались за строем, держа за руки пленную ведьму.

От толпы отделился рослый мужик с топором в руке. Он вышел вперед и зычно крикнул:

— Мать Мелания! Ты жива?

— Жива, Харитон, — слабым голосом отозвалась карга из-за спин гвардейцев. — Помяли только меня, сучьи дети.

Сзади послышался глухой удар, и ведьма взвизгнула. Толпа

заволновалась и подалась вперед. Мужик грозно поднял топор.

— Оружие к бою! — скомандовал капитан. Солдаты как один взяли ружья на изготовку. Поручик выхватил шпагу из ножен. Деревенские остановились. Облецкий вытащил из-за пояса пистолет и шагнул навстречу толпе.

— Я офицер Невского гарнизонного полка! — прокричал он. — Именем Его Императорского величества я требую разойтись и не чинить нам препятствий в свершении правосудия!

Толпа не шелохнулась. Харитон опустил топор и подошел на два шага к капитану. Глаза с угрюмой решительностью смотрели из-под кустистых бровей. Мокрая борода свисала на толстый армяк, как густая шерсть лесного опасного зверя.

— Освободите мать Меланию! — потребовал он. — И мы вас пропустим.

— Уйдите с дороги, и мы не будем стрелять! — громко ответил Облецкий, и добавил: — У меня десяток гвардейцев, прошедших войну. Не разойдетесь — увидите, как эти молодцы управляются с фузеями.

Мужик замялся. Капитан не сводил с него глаз.

— Чего стоите! Бейте их, бейте! — дикий вопль карги разорвал тишину.

Толпа загудела и двинулась на солдат. Харитон снова поднял топор, замахнувшись на капитана.

— Товсь! Взвести курки! — закричал поручик.

Сухо защелкали кремневые замки. Облецкий вскинул пистолет и пальнул в воздух. Грохот выстрела раскатился в лесу. Капитан бросил разряженный пистолет, мгновенно выхватил другой из-за пояса и прицелился противнику в голову.

— Вторая пуля прилетит тебе в лоб, — сказал он, глядя крестьянину прямо в глаза.

Толпа остановилась в пяти шагах от гвардейцев. Облецкий твердо сжимал пистолет. Капли дождя разбивались о блестящий металл. Харитон прищурился, недобро усмехнулся, засунул топор за кушак и сказал:

— Добро, капитан. Ваша взяла.

Он отошел и махнул рукой. Деревенские отступили и подались вправо, к дворам, но не разошлись, а сгрудились в кучу. Капитан сделал знак, и солдаты подошли ближе.

— Идем тихим шагом, — скомандовал он. — Ружья не опускать.

Пятеро гвардейцев выстроились в шеренгу, наводя штыки на толпу, и медленно, боком, стали продвигаться вперед. За их спинами двое тащили

упирающуюся старуху, еще двое вели под руки стонающего капрала. Рядом со стрелками шли капитан и поручик, священноинок замыкал шествие. Отряд двигался между крестьянами и заболоченным берегом Геникеевки. Местные пятились, отступая, но медленнее, чем наступали солдаты, и расстояние между ними все сокращалось, так, что примкнутые багинеты скоро почти задевали кафтаны и армяки.

— Если кинутся — сомнут, господин капитан, — прошептал поручик. — Смотрите, тут бабы, да еще с детьми, как стрелять-то, коли случится?..

Облецкий взглянул туда, куда показывал Промыслов. Рядом с угрюмой, ширококостной женщиной стояла маленькая девочка лет десяти, с косами, выбивающимися из-под промокшего насквозь толстого шерстяного платка. Девочка посмотрела на капитана большими глазами — строго, серьезно, по-взрослому. Офицер отвернулся.

— Дай Бог, не придется стрелять, пронесет... — начал он, и тут раздался сдавленный крик и громкий плеск тела, упавшего в воду.

Облецкий стремительно обернулся. Один из солдат, державших ведьму, лежал спиной в тине у берега речки, отчаянно молотя ногами и руками по затягивавшей его в глубину черной жиже. Другой инстинктивно подался к нему, протянув руку, и в этот миг старая карга вырвалась и бросилась наутек, пробившись сквозь строй, как ядро из мортиры. Капитан не успел ни двинуться, ни даже крикнуть, а старуха с невиданной прытью уже скрылась в толпе, которая тут же сомкнулась за ней, всколыхнулась, и ринулась на солдат.

— Огонь! — рявкнул капитан, но гвардейцы и сами уже спустили курки. Грянул громовой залп, трое мужчин и женщина свалились на землю снопами. Крики боли, ярости, вой, плач, лязг топоров и серпов о штыки — все зазвучало разом. Поручик выпалил из пистолета и выхватил шпагу: размахивал длинным клинком, зажмурив глаза, и что-то кричал. Солдаты отбили беспорядочный натиск и ринулись в контратаку, вгоняя штыки без разбора в груди и спины. Толпа отхлынула, увлекая с собою старуху. Заметались огни фонарей, пятна света, зашипели упавшие факелы. Во тьме заметались неясные силуэты. Капитан увидел, как мелькнули среди темных фигур седые растрепанные космы.

— Не упустите ведьму! — закричал он, и сразу же кто-то длинный, нескладный метнулся вслед за каргой. Отец Иона схватил ведьму за плечи и повалил ее наземь. В тот же миг к нему подскочил Харитон: шапка упала с его головы, волосы вздыбились, могучая рука сжимала занесенный топор.

— Берегись, отче! — крикнул Облецкий, но поздно: топор обухом

обрушился на монашескую скуфью и священноинок рухнул, словно теленок на бойне, растянувшись в грязи подле ведьмы. Капитан выстрелил. Тяжелая круглая пуля ударила Харитона в висок и вылетела с другой стороны головы вместе с обломками костей и брызгами крови и мозга. Облецкий в два прыжка оказался рядом с монахом: тот был еще жив. Из раны на черепе толчками лились густые кровавые волны. Отец Иона с трудом посмотрел на офицера сквозь упавшие на лицо длинные, окровавленные волосы и произнес:

— Не увести...не увести...

— О чем ты, отче?

— Вам ее не увести...отсюда...они не дадут...

— Уведем, отче. С Божией помощью, уведем, да и тебя не бросим, — бормотал капитан, пытаясь зажать скуфьей рану; мягкая ткань сразу сделалась горячей и липкой.

— Нет, не увести... — прошептал молодой священник. Глаза его закатывались, но сил еще достало на то, чтобы стиснуть ладонь капитана и сказать:

— Простите меня...что оставляю...одних...

Он закрыл глаза и замер. Рот приоткрылся, и сейчас, в молчаливый миг смерти, священноинок выглядел еще моложе, чем прежде: уснувший мальчишка, наигравшийся во взрослые игры.

— Ты меня прости, воин Христов, — пробормотал Облецкий. — Не уберег я тебя.

Он осторожно отпустил голову инока и встал. Короткая битва уже завершилась. Двое гвардейцев волокли злобно причитавшую ведьму. У берега, весь облепленный грязью и тиной, сидел выбравшийся из болота солдат. Рядом лежал брошенный в пылу боя злополучный капрал. Остальные гвардейцы выстроились в полукруг, перезаряжая фузеи и всматриваясь в темноту. На истоптанной мокрой земле валялись недвижные тела — капитан насчитал семерых вместе с застреленным им Харитоном. Больше никого не было видно.

— Куда все подевались? — спросил он у Промыслова. Тот еще не вполне отошел от первого в своей жизни настоящего боя: клинок шпаги дрожал в правой руке, ствол пистолета, зажато в левой, гулял по сторонам, глаза были шалые, дыхание хриплое, как будто он пробежал три версты. Поручик посмотрел на Облецкого, пытаясь осмыслить вопрос.

— В лес ушли, господин капитан, — ответил он, после недолгой паузы. — Не в дома, а в лес, в сторону города. Наверное, засаду готовят.

Из дремучей лесной тьмы вдруг раздался залиvistый свист. Он

пролетел над мокрой чащобой, и с другой стороны, от далекого устья Кривуши, ему прилетел ответ: такой же пронзительный, разбойничий посвист.

«Вам ее не увести. Они не дадут».

Капитан подошел к ведьме: она сидела, раскидав по грязи длинные юбки, и злобно смотрела из-под косматых волос.

— Вот что, ребята, — сказал он, пристально глядя на ведьму. — Свяжите ей ноги и привяжите к рукам, да покрепче.

Солдаты бросились выполнять приказ: туго обмотали веревками худые желтые лодыжки карги, завязали двойными узлами и притянули к рукам.

— Если кто попробует подойти, стреляйте сразу и насмерть, не ждите команды. Вы двое, — Облецкий ткнул пальцем в гренадеров, — тащите ее к берегу.

— Ты что это задумал, а?! Что задумал?! — заверещала старуха, но двое рослых гвардейцев схватили ее и поволокли по земле.

Геникеевка была узкой, заболоченной речкой, то ли берущей начало в текущей неподалеку на западе реке Чухонке, то ли впадала в нее, рождаясь из болотных ручьев. Ширины в ней было три — четыре сажени, да еще по две сажени илистого, вязкого берега. Гренадеры подтащили старуху туда, где недавно оступился и упал их товарищ — вмятина от солдатского тела наполнилась темной водой.

— Я тебе скажу, что я задумал, — капитан нагнулся к самому лицу злобной старухи. От нее воняло луком, грязью и старостью. — Я задумал тебя утопить в этом поганом ручье, пока твои сектанты или раскольники, как уж назвать их, не знаю, не попытались снова тебя освободить. Мне хватит того, что погубили священноинока. Больше я людей терять не намерен. Как тебе, нравится?

Ведьма выпучила глаза, мгновение молчала, а потом заорала, повалилась на бок и отчаянно заерзала, пытаясь ослабить путы.

— Раскачайте ее за руки и за ноги, — скомандовал капитан, — и бросайте подальше, на самую середину.

Солдаты подняли орущую ведьму. Она извивалась, визжала, плевалась, но гвардейцы держали ее крепко.

— А ну, на счет три! Раз!

— Проклинаю! — истошно завопила старуха. — Будьте прокляты!

— Два!

— Проклинаю и вас, и детей ваших, и весь ваш род до...

— Три!

Гвардейцы крикнули и швырнули старуху, как куль. Ведьма взлетела

над берегом и с громким всплеском обрушилась в воду посередине реки. Брызги взлетели тучей. Несколько мгновений карга барахталась на поверхности безобразным ворохом старых лохмотьев, а потом ушла вниз. Маслянистая черная жижа бесшумно сомкнулась над ней, будто спрут проглотил свою жертву.

Вокруг стало тихо и неподвижно. Даже дождь замолчал, прервав свой монотонный шепот. Солдаты и офицеры стояли, настороженно глядя в неподвижную темную воду. Поверхность Геникеевки слегка колыхалась, пядь за пядью наползая на мшистые берега. Близилось наводнение. Где-то в лесу удивленно ухнула ночная птица, прислушалась к своему голосу, и повторила еще.

— Дело сделано, — тихо сказал капитан. — Мы уходим.

Солдаты смастерили из плащей и ружей носилки: одни для раненого капрала, который так и не пришел в себя, другие — для павшего инок. Зажгли уцелевшие фонари и двинулись в город.

— Господин капитан, а с книгой что делать? С собой берем или как?

Облецкий молча взял у поручика ранец, открыл и достал оттуда увесистый том.

— Пусть отправляется вслед за хозяйкой, — и бросил книгу туда же, где скрылась из виду старуха. Фолиант со звучным шлепком упал в реку, полежал на поверхности черной воды, а потом повернулся, будто нехотя, боком и исчез в непроницаемых темных глубинах...

...Солдаты ушли. За ними не гнались. Деревенские, как растерянные дети, разошлись по домам. В тесной избе Харитона набился народ: мрачные мужики молча сидели по лавкам, бабы пытались утешить вдову, голосившую над мертвым мужем, лежащим на столе посреди комнаты. Младшая дочь Харитона, десятилетняя Пелагия, забралась к себе на полати, и там, в полумраке, отвернувшись к стене, наконец-то достала из-под кофты то, на что так хотела взглянуть. Когда Мелания вырвалась от солдат, она налетела прямо на Пелагию — схватила девочку и что-то торопливо сунула ей в руку. Это что-то было холодным и тонким, а когда Пелагия спрятала предмет под одежду, он больно кольнул её грудь.

Девочка разжала кулак: на грязной ладошке лежала булавка, блестящая, длинная, острая, с красивой головкой в виде цветка, похожего на колокольчик, разукрашенного синей эмалью. Булавка сияла, как светлячок, и была такой красивой, что у Пелагии перехватило дыхание. Она смотрела на нее и не могла налюбоваться. «Надо как-то ее спрятать получше, — подумала девочка. — Чтобы никто не нашел».

Пелагия прислушалась. В избе завывала мать, бубнили мужские и

женские голоса. «Пожалуй, буду пока носить при себе», — рассудила Пелагия. Она еще раз посмотрела на булавку и прошептала:
— Спасибо, бабушка Мелания! Спасибо!

Глава 11

31 марта 20... г.

Всю прошлую неделю я был занят тем, что ходил по борделям. Не вылезал из них, можно сказать. Даже отпуск для этого взял за свой счет.

Для кого-то, наверное, это звучит, как мечта.

Так уж получилось, что, дожив до сорока девяти лет, я ни разу не обращался к услугам проституток: не посещал публичные дома, не вызывал к себе женщин легкого поведения и не ходил с ними в баню. Странно, да? А еще более странно, что я сейчас чувствую, как будто извиняюсь или оправдываюсь за этот факт своей жизни. Так теперь устроен мир: девственники стыдятся, трезвенники оправдываются болезнями или временным воздержанием, а взрослый мужчина чувствует себя неловко, если не имеет опыта общения со шлюхами.

Простите, что я такой несовременный.

На это запоздалое расширение кругозора меня подвигла скудная информация, которую сообщила моя ночная попутчица Оксана, известная под прозвищем Шанель в том узком кругу, который я пока не без успеха пытаюсь разорвать. Помните? Я уже рассказывал об этом. Единственная полезная информация, которую мне удалось вытащить из нее при помощи молотка и обещаний: Белладонна, блондинка, среднего роста и среднего телосложения, заказавшая себе в качестве «профессиональной одежды» платье, полностью открывающее грудь, но при этом утверждавшая, что «стриптиз не танцует». Какие тут могли быть выводы?

Впрочем, само по себе это предположение не слишком сильно облегчало задачу поиска блондинки среднего роста среди тысяч — или десятков тысяч — городских проституток. И я сделал еще одно допущение: Белладонна — это не только ведьминская кличка, но и фальшивое имя, которое обычно используют работницы сферы интимных услуг. Варианты производных, такие, как Белла или Донна, я тоже решил рассматривать. В конце концов, нужно было как-то сужать круг поиска, да и любая задача становится проще, если разбить ее на составляющие. Кажется, я уже говорил об этом? Или нет?

Последнее время меня иногда подводит память.

Итак, вооружившись предположениями, допущениями и весьма скромными фактами, я приступил к поискам. Для меня проституция всегда

ассоциировалась с чем-то маргинальным, как привокзальные бродяги, например, или уличные грабители; в памяти всплывали образы из литературы и старых фильмов: воровские «малины», сомнительные кабаки, улицы в криминальных районах Нью-Йорка или заведение Анны Марковны Шойбес. Где-то на периферии маячил образ Сони Мармеладовой. Где искать уличных девок? Конечно, на улицах. Туда я и отправился.

Я начал свой поход с Коломны: наверное, снова сказалось гуманитарное образование, что-то невнятно бормочущее про «чрево Петербурга» и Раскольникова. Как бы то ни было, но здесь недобрый дух старого города ощущался сильнее, кривые узкие улицы как будто повторяли изгибы исчезнувших болотных речек, и даже слой земли и асфальта под ногами казался тоньше, так, что можно было почувствовать дыхание старых трясин. Если дома ближе к Невскому ходили на призраки надменных дворян, закутанных вместо саванов в истлевшие старомодные сюртуки, то здесь дома были похожи на приземистых лиходеев из чернорабочего люда, сбившихся в тесные кучки, смотрящих искоса из-под надвинутых картузов и таящих во дворах за спиной кривой нож или железный кистень. Да и нынешние местные обитатели выглядели так, будто вполне могли угостить при случае в переулке и тем, и другим. Лица их были угрюмы, бледны от отсутствия солнца, а нечистая кожа изъедена язвами или прыщами. Грязные стены домов тоже были покрыты болезненной сыпью, но только другого сорта: лихорадочно яркие, мелкие листки объявлений — приторно-розовый, жеманно-желтый, жеманно-розовый, приторно-желтый — с именами, телефонами, шаблонными картинками и многозначительными, прозрачными эвфемизмами. «Лейла, жду в гости», «Стелла, встречусь сегодня», «Веселые девчонки», или доходчивее — «Аня даст». Между ними в таком же количестве липли к стенам, столбам, рекламным тумбам и треснувшим стеклам автобусных остановок белые листы с предложениями кредитов и дешевых комнат в хостелах.

Создавалось впечатление, что люди только и делают, что берут деньги в долг, относят их проституткам и живут не дома, а во временном, съемном жилье.

Я шел медленно и читал объявления, выискивая нужное имя. Имена, как правило, были вычурные и эротичные в той же мере, как эротична грудастая блондинка в чулках и кружевном белье с плаката в кабине дальнобойщика: Камилла, Анжела, Эльвира, Адель, Жасмин. Их обычно сопровождали изображения женщин со стрекозьими крыльями, губ или

простое и лаконичное «24 часа». Беллы тоже встречались: по дороге от Воскресенского сквера до Садовой я аккуратно записал четыре телефонных номера, три с объявлений на стенах и один — с расплывшейся, но различимой надписи под ногами на мокром асфальте.

Не могу сказать, что результат меня обнадежил. С учетом того, что весь город от края до края покрыт объявлениями проституток, как лишаем, Белл могло быть и двадцать, и сорок, и сто. Я вернулся домой с намерением взять карту и расчертить город на квадраты, чтобы прочесывать их один за одним. Что и сделал: пришел в свою серую квартиру с пыльными окнами, выходящими на проспект, уселся за кухонный стол, поставил чайник на огонь, взял бумажную карту города и, вооружившись линейкой и карандашом, разлиновал на сектора. По всему выходило, что только на сбор информации о многочисленных Беллах, трудящихся на ниве удовлетворения плотских страстей, мне потребуется не менее трех недель — это не считая времени на поход по борделям. И, кстати, не учитывая затрат, которые придется понести. Я решил выяснить уровень цен и позвонить по тем номерам, которые добыл во время своей сегодняшней вылазки, а заодно и попытаться счастья, вдруг повезет с первого раза. Налил себе чаю, вооружился одним из подставных телефонов, собрался с духом и набрал номер. В динамике послышались гудки. Я откашлялся.

— Алё! — прозвучал немолодой женский голос, как мне показалось, с акцентом.

— Здравствуйте, — вежливо начал я. — Скажите, пожалуйста, у вас есть девушка по имени Белла?

— А! Белла, да, есть, приходите! — насчет акцента я не ошибся. На заднем фоне в трубке раздавались какие-то голоса, шаги, что-то позвякивало и громыхало, вызывая ассоциации с кухней в больничной столовой.

— К сожалению, сейчас у меня нет возможности зайти, — сообщил я. — Удобно ли будет посетить вас завтра, скажем, в полдень?

— Да, приходите, Белла всегда здесь!

Редкая удача. Нужно было выяснить еще кое-что.

— Я бы хотел кое-что уточнить. Подскажите, Белла — блондинка?

— Да, блондинка, есть и блондинка! — прозвучал неопределенный и несколько странный ответ.

Я продолжал.

— Пожалуйста, сориентируйте меня по цене.

— Тысяча сто рублей в час! Приходите! — женский голос звучал в одной интонации и создавалось ощущение, что мне ответят «да» в ответ на

любой вопрос. И добавляют «приходите». Вероятно, это был какой-то корпоративный стандарт. Но цена удивила: я ожидал чего-то более разорительного.

— Меня это устраивает, — согласился я. — Подскажите ваш адрес.

Женщина назвала мне адрес — разумеется, Коломна — улицу и номер дома.

— От дома позвоните мне, я скажу, куда идти, — добавила она.

— Спасибо! И так, завтра, в двенадцать часов я позвоню Вам от такого-то дома по такой-то улице, все верно?

— Да! Приходите! — прокаркал голос и связь прервалась.

Я немного подумал и сделал еще три звонка. Голоса на другом конце провода — или как это сейчас называется? На другом конце сигнала? На другой соте вышек мобильной связи? — были сплошь женские, молодые и не очень, с акцентом и без, но все повторяли «приходите», как мне показалось, не очень внимательно выслушивая мои вопросы, как будто занимаясь одновременно несколькими делами сразу. И везде слышались какие-то звуки, как будто я позвонил не то в кухню заведения общепита, не то в квартиру, куда приехали сразу несколько гостей с юга. Цены тоже всюду были примерно одинаковые. За два часа мне даже предложили скидку.

На следующий день я снова отправился в Коломну. Нужный мне адрес был в окрестностях Воскресенского сквера — насколько я помню, три века назад тут было Козье болото. Нашел в унылых переулках низкий грязно-желтый дом, встал у кривой арки, посторонившись от вытекающей из-под нее исполинской лужи, и набрал номер. Голос был тот же, хотя и не такой бодрый, как вечером, а сонный и раздраженно-усталый.

— Алё!

— Здравствуйте, я звонил Вам вчера по вопросу возможной встречи с Беллой...

— Да! Приходите!

— Именно это я и собираюсь сейчас сделать, — терпеливо объяснил я. — Куда мне идти?

Голос по телефону повел меня вглубь двора, как ведет диспетчер самолет на посадку. Я пробрался по краю огромной лужи, то оступаясь в холодную воду, то задевая плечом шершавую стену, вошел в маленький двор-колодец и подошел к неприметной двери черной лестницы в углу за помойными баками. Пропищал электронный замок, массивная железная дверь открылась, и я вошел в жаркую духоту полутемной лестницы с кривыми стертыми ступенями, стенами цвета застарелой грязи и запахами

мочи, вонючего подвального пара и крысиного яда. Дверь квартиры на третьем этаже тоже была металлической, напоминающей массивные ворота овощехранилища. Сердце мое стучало, я волновался, как отрок перед конфирмацией. Приосанился, поправил шляпу и позвонил.

Послышались торопливые шаркающие шаги, женский голос крикнул: «Открываю уже!» и дверь распахнулась. За ней я увидел органичное продолжение лестницы: длинный, обшарпанный коридор с заскорузлым и загибающимся по краям линолеумом, тусклая лампочка под потолком, стены в выцветших истертых зеленых обоях с безрадостными узорами и желтыми жирными пятнами. На пороге стояла невысокая, полная женщина с почти идеально квадратной фигурой, в бесформенном черном платье и платке, криво повязанном поверх высокой темно-красной прически. На крупном горбатом носу рос одинокий, но гордый волос. Женщина посмотрела на меня и улыбнулась, сверкнув золотыми зубами.

— Проходите, проходите, сейчас девочки выйдут, проходите!

И, гостеприимно размахивая короткой рукой с толстыми пальцами, украшенными золотом и облупившимся красным лаком, отступила в сторону. Я вошел. В квартире пахло алкоголем, табаком, кипяченым бельем и дешевым парфюмом.

— Сейчас, сейчас! — приговаривала женщина, спешно удаляясь по коридору. — В комнату пока проходите!

Она свернула за угол, открылась и закрылась дверь, на мгновение выпустив в коридор нестройный хор женских голосов и облака табачного дыма. Я неуверенно топтался на пороге. Рядом с дверью в беспорядке стояли несколько пар мужской обуви, по большей части не новой и не очень чистой: стоптанные кроссовки, потертые остроносые черные полуботинки с пластиковыми золотистыми пряжками, бесформенные рабочие башмаки. Рядом горой возвышались резиновые безразмерные шлепанцы. По обе стороны коридора были закрытые двери. Из-за них бормотали на непонятных языках, приглушенно рычали, пыхтели, визгливо смеялись. Где-то ритмично скрипела кровать, время от времени громко стуча о непрочную стену. Одна из дверей приоткрылась и в коридор вышла голая негритянка — низкая, с иссиня-черной кожей, огромной лоснящейся задницей и маленькой грудью; скользнула по мне равнодушным взглядом и пошла вперевалку туда же, куда скрылась квадратная женщина. Я уже почти собрался с духом, чтобы войти в единственную открытую комнату по правую руку от меня, как послышался какой-то совершенно inferнальный сиплый рев — это спустили воду в унитазе; хлопнула дверь туалета и в коридоре показался мужчина с полотенцем на бедрах и весь поросший

густыми горными волосами, как йети. Он злобно зыркнул на меня и скрылся в одной из комнат. К запахам в коридоре добавилась густая, мужественная вонь из сортира. Видимо, ревущий сливной бачок не лучшим образом справлялся со своим делом.

Я так и стоял у порога, когда снова появилась красноволосая распорядительница, на этот раз в сопровождении двух существ женского пола, похожих, как сестры, точнее, как соплеменницы: обе коротконогие, коренастые, с лицами выдавших виды кочевников из дальней степи и волосами, покрашенными в ярко-желтый цвет. Только одежда различалась цветами: на одной был розовый, а на другой голубой полупрозрачный пеньюар, призывно открывавшие прелести, которые лучше было бы прикрыть.

— А что стоите, почему не проходите? — с агрессивным гостеприимством напустилась на меня женщина. — Вот, девочки уже идут к вам!

— Я пришел к Белле, — выдавил я.

— А, к Белле, к блондинке, — сообразила она и заорала через весь коридор — Белла! Белла!

В ответ на ее зов хлопнула дверь в глубине и зазвучала тяжелая поступь. Белла была тут как тут. Она вышла, покачиваясь на каблуках, с трудом выдерживавших вес огромного, грузного тела; белые икры были покрыты синеватыми сеточками вздувшихся вен, дешевое синтетическое кружево лиловой комбинации растянулось на груди и животе, складки на котором соперничали с грудью размером. Копна пергидрольных, осветленных волос топорщилась, словно на веки залитая лаком. Она посмотрела на меня, растянула в улыбке широкий, тонкогубый рот, измазанный красной помадой, и я увидел ее зубы. Это стало последней каплей.

— Извините, мне кажется, вышло некоторое недоразумение, — забормотал я, отступая к двери. — Я, к сожалению, не могу остаться, простите...

Распорядительница сердито цыкнула золотым зубом, сделала раздраженный жест рукой, рывком крутанула колесико замка на входной двери и широко ее распахнула. Я не оборачиваясь, выскочил за порог и быстро, сдерживаясь, чтобы не перейти на галоп, стал спускаться вниз. Лестница была узкой, свет тусклым, я почти бежал, и на первом этаже чуть не врезался в группу из четырех азиатов; двое из них были в синих строительных робах, а один в жилетке с оранжевыми полосами. Наверное, все они шли к Белле.

Я вышел на улицу, жадно вдыхая промозглый туман как горный воздух. Постоял, приходя в себя, и решил, что больше звонить по номерам с уличных объявлений не буду. Пошив под заказ платья в стиле Агнессы Сорель слабо сочетался с возможностью пребывания искомой Беллы в подобного рода притоне. Но тогда как ее найти?

В прежние времена, всего четверть века назад, мне пришлось бы туго. Нужно было бы ходить по барам отелей или ресторанам с сомнительной репутацией, высматривать, выжидать, а то и попасть в поле зрения сотрудников правоохранительных органов. Позор, письма на работу, товарищеский суд. К счастью, эти мрачные времена давно позади и сейчас каждый может насладиться плодами свободы и цивилизации. К одному из ключевых достижений последней я и обратился для продолжения своих поисков — к интернету.

В детстве я очень любил читать фантастические романы о далеком будущем, космических приключениях и полетах в другие галактики. Там были звездолеты с гравитационными двигателями, флаеры — не рекламные листовки со скидками на доставку пиццы, а такие летающие машины для передвижения, а еще удивительные гаджеты: радиофон, например — совершенно невероятный предмет для детских лет того поколения, которое до сих пор говорит «положить трубку». Или видеофон: разговариваешь с собеседником и при этом видишь его. Я понимал, что если до появления радиофонов у меня есть кое-какие шансы дожить, то беспроводные видеофоны увидят разве что мои внуки. Да и то в старости. Если бы мне тогда сказали, что через сорок лет у меня в кармане будет лежать предмет, который одновременно и радио- и видеофон, а еще фотоаппарат, кинокамера, радиоприемник, телевизор, книга, записная книжка, калькулятор, и что с помощью этого прибора можно общаться с любым, даже незнакомым человеком в любой точке мира, читать книги из самых обширных библиотек, знакомиться с самыми разными достижениями науки и искусства, я бы задал всего два вопроса: когда я смогу полететь с экскурсией на другие планеты и как давно наступил коммунизм. Предположить, что эти невероятные достижения будут использоваться для просмотра порнографии и поисков находящихся поблизости проституток, я бы не смог. Главным образом потому, что слова «звездолет», «бластер» и «видеофон» я знал, а слово «порнография» было тогда незнакомым. Зато теперь я знаком с ним более, чем хорошо. За панибрата, можно сказать.

В общем, я открыл страницу поисковой системы и задумался над формулировкой. Хотелось эфемизма. Писать запрос вроде «проститутки

СПб» было почему-то стыдно, как будто спрашиваешь дорогу к ближайшему борделю у ближайших прохожих. Но делать нечего: я плюнул на иносказания и написал «проститутка Белла СПб».

Результат превзошел ожидания. Поисковик выдал впечатляющие четыреста тысяч результатов, а страница запестрела ссылками, выглядящими как приглашение заразить компьютер каким-нибудь вирусом. Я решил ограничиться изучением только той информации, которая оказалась на первой странице, и осторожно стал нажимать на адреса сайтов с названиями одно зазывнее другого. Собственно Беллы нашлись в количестве всего девяти, из которых, если верить фотографиям и информации в анкетах, трое были брюнетками, две уже миновали пору второй молодости и бодро приближались к порогу третьей, одна оказалась и вовсе трансвеститом, вывесившим с фотографии на всеобщее обозрение свое основное и весьма впечатляющее достоинство, а из трех блондинок у одной оказалось лицо, подозрительно похожее на известную голливудскую актрису. Телефонные номера двух оставшихся я записал, а потом стал изучать открывшиеся мне информационные ресурсы, как, верно, мореплаватели в эпоху великих географических открытий со смесью любопытства и отвращения исследовали языческие обычаи и нравы диких туземных племен. В отличие от уличных объявлений, тут преобладали простые, привычные имена: Светы, Наташи, Татьяны и Машеньки предлагали в ассортименте минет в презервативе и без него, анальный секс, ануслинг, окончание в рот, а также услуги госпожи, рабыни, футфетиш, трамплинг и черт знает, что еще. От фотографий, текстов с обилием восклицательных знаков, и цветов — преимущественно розового и лилового — сводило глазные нервы. Я подумал, что мое допущение про тождественность ведьминской клички и проститутского прозвища Белладонны могло быть ошибочным, выбрал один из сайтов с приставкой «СПб» в названии и погрузился в более детальные изыскания.

Общее количество объявлений превышало шесть сотен: по тридцать штук на более, чем двадцати страницах. Функционал сайта любезно предлагал различные виды фильтров, которыми я и воспользовался, определив возраст в промежутке от 20 до 30 лет и рост от 160 до 170 сантиметров. Выбор сократился, но ненамного. Я принялся листать страницы, выбирая анкеты только блондинок, и в итоге у меня набралось таковых без малого тридцать. Записная книжка стремительно наполнялась телефонами и пометками с указанием района города: Комендантский, Петроградская, Центр, Купчино, Юго-Запад... Я подумал, что смогу обходить по три борделя в день, может, и больше, и тогда за каких-то

десять дней управляюсь с обработкой массива информации с одного ресурса. Это не окрыляло и не сулило быстрого успеха, и я настроился на долгую, трудную, серьезную работу.

В конце концов, то, за что я взялся, и есть серьезная, трудная работа.

Уже собираясь закрыть страницу сайта я увидел еще одну кнопку: «форум». Почему бы и нет? В наше время принято верить мнению незнакомцев, пишущих в интернете про неизвестные нам понятия. Яркий тому пример «Народная Энциклопедия»: кто писал, откуда брал данные — совершенно неясно, однако все с важным видом ссылаются на статьи оттуда как на истину в последней инстанции. Отзывы пользователей о проститутках заслуживают не меньшего доверия, чем высказывания неведомых авторов, к примеру, о холодном ядерном синтезе, и я взялся за чтение. Чтение увлекло.

То, что для меня было *terra incognita*, оказалось землей обетованной для тысяч и тысяч: как будто я высадился на безлюдном песчаном берегу, полагая себя первооткрывателем неизвестного острова, а потом обнаружил за ближайшим пригорком сверкающий огнями парк развлечений, в который то и дело заходят и заезжают развеселые гости — если верить опубликованным отчетам от пользователей, то как правило по дороге с работы домой, где ждут жена и дети. Описания походов в бордели были разные: от поэтических, выдающих в авторах тоску по прекрасному, до сухих, подчеркнута сдержанных, сообщавших только нечто вроде «основной калибр разношен», «сосет лениво, окрестности не охвачены» или «анал — чисто, гигиенично, упруго». Боккаччо плюнул бы и отвернулся; Рабле, покраснев, прикрылся бы гульфиком; я же продолжал читать, разыскивая подробности, касающиеся тридцати выбранных мной блондинок. Я точно знал, что именно мне предстоит искать, и высматривал в пространных отчетах любителей платной любви, не встретится ли упоминание о небольшой отметине, татуировке в виде перевернутого трезубца — это бы сразу решило дело. Но увы, авторы отдавали предпочтение описанию более важных деталей: кто и как кончил в рот, кто у кого сидел задницей на языке, и жалобам на то, что дали плохо, настроение испортили, а денег не вернули.

Я закончил это познавательное чтение глубокой ночью, с ощущением, что выбрался из ямы, полной использованных презервативов и влажных салфеток, которыми вытирали потные промежности. Голова гудела. Я встал и открыл окно — вместе с влажным воздухом в комнату ворвался шум редких машин на проспекте и легкий ветер, раздувший парусом грязную занавеску и смахнувший пару листов со стопки распечатанной рукописи. Я

положил листы на место и погладил толстую, увесистую пачку бумаги с заглавной страницей «Апология Средневековья».

Я не лгал казненной Оксане про книгу: вот она, здесь, все без малого четыреста страниц мелким шрифтом. Только ее никто не спешил издавать.

Верхняя страница запылилась и на ней остались смазанные следы моих пальцев. Тут все было старым и пыльным: и письменный стол, и унылая мебель, и немывтый пол, и вообще вся квартира — маленькая, из двух смежных комнат с серыми обоями на стенах, на втором этаже дома, выходящего окнами на Каменноостровский проспект. Наверное, потому здесь так грязно — пыль с улицы летит в окна и днем, и ночью. Раньше я эту квартиру сдавал: жилец бесследно пропал в ноябре прошлого года, успев, однако, не только полностью расплатиться на минувший год, но и внести предоплату за весь следующий. Эти деньги меня сейчас здорово выручают, как и загадочное исчезновение моего бывшего съемщика — иначе куда бы я поехал, когда в январе расстался с женой...

Расстался с женой. Не хочу сейчас об этом. Давайте позже.

Итак, я начал искать. Алгоритм был отработан: звонок, уточнение: «Меня интересует такая-то девушка, она сегодня присутствует?»; договоренность о времени, визит. Борделей в городе было больше, чем гнойных прыщей на физиономии озабоченного юнца; я приходил в огромные апартаменты с высокими потолками, стрельчатыми окнами, декорированные в соответствии с представлениями о шикарном и порочном; в небольшие, уютные квартиры, с какими-то чемоданами в комнатах, развешенными в ванной комнате женскими трусиками и домашней живностью — один раз меня встретил надменный пушистый кот, а в другой навстречу выбежал бодрый таксик. Я видел типовые «трешки» со стандартным ремонтом в спальнях районах — холодные полы, бетонные стены под тонкими обоями, гулкие коридоры, комнаты, меблированные как номера в дешевом отеле — и двухэтажные хоромы с просторным холлом, сауной и бильярдной на втором этаже. Я искал нужные мне адреса, бродя пешком среди узких улиц и переулков в центре города, и сверху на меня смотрели статуи чудовищ и языческих богов: их тысячи на балюстрадах крыш — Вакх, Эрос, Венера, нимфы и фавны — идола плотских грехов, и этот город принадлежит им, а не святому Петру, ибо этих мифологических истуканов здесь в разы больше, чем крестов на соборах всех вместе взятых конфессий. Я трясся в троллейбусах и трамваях от станций метро по бесконечным проспектам новых районов, и за мокрыми окнами проплывали бетонные холодные лабиринты новостроек высотой до самого неба на месте бывших кладбищ и капищ: замкнутое

стенами и низким небом пространство, тоскливые голоса ветров, хлопающие двери, странные звуки, как будто на разные голоса спорят, бормочут, завывают, злятся сотни и сотни призраков. Исполинские дома, напичканные притонами, как червями, пожирающими упавшее яблоко, истекали затхлой спермой и гноем.

Где-то меня встречали радушно, улыбались, как дорогому гостю, где-то просто провожали в комнату и приглашали сотрудниц очередной обители терпимости: я обычно просил посмотреть всех, на случай, если найдется кто-то еще, подходящий под приметы Белладонны. В заведении со странным названием «Аквариум» меня проводили на кухню и усадили за стол, два часа развлекая разговорами и чаем, а когда настало время уединиться с моей избранницей, оказалось, что я должен заплатить и за время, проведенное на кухне, и отдельно — за чай. Я не стал возражать.

Когда доходило до дела, я сообщал, что у меня есть особое пожелание, странная фантазия: люблю разговаривать с полностью обнаженными девушками. Вот такая причуда, это возможно? Обычно проститутки радовались: золотой клиент, ничего делать не надо, вертись себе голая и болтай. И я разговаривал — иногда весь оплаченный час, иногда уходил быстрее, но без бесед не обходилось: моя располагающая внешность делала свое дело, и я слушал про нехитрые будни борделей и перипетии из жизни их обитательниц. Завсегдатаи публичных домов прошлого и позапрошлого века, Федор Михайлович и Александр Иванович, очарованные своими современницами, сильно преувеличили степень житейских драм работниц коммерческого секса — творческие люди, оно и понятно. Никаких голодающих детей, умирающих мачех, стремления отомстить жестокому миру; только лень, глупость и жадность. Мама деньги высылала, а потом перестала, ну я и пошла в проститутки; молодой человек бросил и за квартиру перестал платить, так что же теперь, в комнату переезжать; ну и что, что я шлюха, зато у меня десять пар отличных сапог, все сокурсницы завидуют; официанткой работать, еще чего, грязные тарелки носить, унижаться!

Верно заметил Туллий в своей «Риторике»: *«Мужчины влекутся к позорным деяниям многими страстями, а женщин же ко всем злодеяниям влечёт одна страсть: ведь основа всех женских пороков — это жадность»*.

Роковых красавиц модельного вида, какими обычно изображают проституток в кино, мне не встречалось: обычные девушки, какие-то симпатичные, какие-то не очень, ничего особенного, никакой печати греха и порочности на челе. Странно, но вожделения я не испытывал; в этих

комнатах, пропитанных сладковатыми запахами смазки, презервативов, секса и парфюмерии, на застиранных простынях, при свете белого дня, обнаженное женское тело было совершенно лишено для меня эротической привлекательности. Похоть, мой давний враг, неприятель, не знающий поражений, молчала, притаившись в ожидании случая, когда может досадить мне гораздо сильнее. Я смотрел на голые тела, на груди, задницы, вагины, на плоть и складки кожи, потом расплачивался, вставал, прощался, уходил, ехал в метро и снова смотрел, теперь уже по сторонам: обычные девушки, какие-то симпатичные, какие-то не очень, а мне мерещились сквозь одежду голые груди, задницы и вагины.

Вечерами я возвращался домой, ужинал, составлял план на следующий день, проверял почту. В пятницу пришел ответ от очередного издательства, короткий и содержательный: «Здравствуйте! К сожалению, предложенное Вами произведение нам не подходит. Желаем Вам удачи и творческих успехов!». Несколькими месяцами ранее это же издательство выпустило на русском языке книжку Маши Блэк, заграничной актрисы фривольного жанра — выдающееся, надо полагать, произведение. Куда лучше подходит крупному издательскому холдингу, чем «Апология Средневековья». Возможно, мою рукопись не приняли, чтобы не вызвать эффект аннигиляции на книжной полке, окажись она рядом с откровениями порнозвезды.

С досады я открыл давно знакомый мне порносайт с обилием бесплатного видео, нашел ролик с участием Маши Блэк и принялся угрюмо мастурбировать, глядя, как трое атлетичных актеров засаживают не менее атлетичные вздыбленные пенисы разом во все отверстия востребованной в России писательницы. Кончить, глядя на это зрелище, мне не удалось, и чтобы завершить начатое, я вспомнил несчастную Шанель: круглые, полные бедра, большие, мягкие груди, блестящие от испарины при свете тусклого фонаря...

Рукопись «Апологии Средневековья» смотрела на меня укоризненно.

В тот вечер я уснул на диване, напротив работающего телевизора, под звуки выпуска новостей, где рассказывалось о том, как сотрудники полиции в результате долгих, кропотливых оперативных мероприятий сумели обнаружить действующий бордель на окраине города. Мне всегда снятся необычные сны, яркие, динамичные, так что я даже просыпаюсь не отдохнувшим, а уставшим; то, что приснилось мне в ту ночь, скорее всего, было навеяно или отвратительной Машей Блэк с ее мускулистыми партнерами, или телевизионным шоу, начавшимся сразу после новостей.

Во сне я увидел себя в своей квартире — но не в той, где спал сейчас, а

в другой, в которой жил когда-то вместе с женой. Я сидел на диване и смотрел телевизор: разбитной ведущий, завывая, объявлял начало очередного выпуска шоу «Порно со звездами».

«Сегодня нашим участникам предстоит выступить в сценах анального проникновения! Встречайте первую пару: актриса и певица Алла Кузькина и ее партнер, профессиональный порноактер Марк Хаммер! А я напоминаю, что проголосовать за любимых артистов вы можете, послав СМС на короткий номер или позвонив по телефону! Вся прибыль от ваших звонков и сообщений пойдет в фонд развития либеральной мысли! Итак, мы начинаем!»

В синих лучах софитов, на белой кушетке под взглядами невидимого жюри и сотен зрителей в студии, принимающихся хлопать, как заведенные, по команде невидимых распорядителей, извивались знакомая по сериалам молодая блондинка и ее блестящий от пота и масла партнер. С трибун аплодировали, а когда актриса раскинула ноги на шпагат и выполнила полный поворот на сто восемьдесят градусов, сидя на партнере и не прекращая движений тазом, зал взревел от восторга.

«Но что скажет жюри? Предоставляем слово Маше Блэк!»

Луч прожектора упал на стол жюри. Щуря и без того небольшие глазки под черной челкой, Маша Блэк уставилась на меня с экрана и изрекла: «В противовес мрачным средневековым доктринам с их аксиологической вертикалью, устаревшей концепцией Бога и бессмысленной аскетикой, мы, находясь в ситуации торжества гуманистической морали, считаем позволительным все, что доставляет удовольствие человеку. С этой точки зрения наше шоу не только допустимо, но и может быть рекомендовано к просмотру в детских школьных и дошкольных учреждениях как пособие по разнообразным, насыщенным сексуальным отношениям: ведь сколько подростков так и не начинают раннюю половую жизнь, а тянут чуть ли не до совершеннолетия — да, бывает и такое, поверьте! — только потому, что не уверены в своих умениях и навыках! Дадим любви шанс!»

Бурные, продолжительные аплодисменты.

«Наша сексуальная свобода — гимн освобожденному человеку, который делает все, что хочет, когда хочет и где хочет — в любом общественном месте, на улице, в музее, в церкви, которая тоже не более, чем музей отживших свое ветхих ценностей, и мы не боимся осуждающих ханжеских взглядов застрявших в прошлом ретроградов и ортодоксов! Мы физически здоровы, мы позитивно мыслим, активно выражаем свое творческое «Я» всеми способами, которыми считаем нужным воспользоваться — и это наше право! Ведь главное — мы никого не

убиваем! Ну, из тех, кого считаем достойными жизни, конечно. Про остальных речи не идет. Но не убиваем!»

«Не убиваем!» — хором завопил зал.

«Не убиваем!» — удовлетворенно подтвердила Маша Блэк и вдруг достала у себя из-под сиденья мою рукопись. Та выглядела изрядно потрепанной, напуганной и несчастной.

«А вот он, — потыкала Маша пальцем в рукопись, — убивает! Убивает! Убивает!»

Толпа заревела в негодовании, а маленькие глазки порнозвезды с ненавистью смотрели на меня.

«Убивает! Убивает! Убивает!»

Я проснулся, лихорадочно пытаюсь нащупать шокер в кармане домашних брюк.

А на следующий день нашел Белладонну.

Заведение имело игривое название «Фифа», относилось к «сетевым», с несколькими точками по продаже интимных услуг; флагманский салон находился в центре, недалеко от Технологического Института. Как водится, администратор с улыбочивым голосом провела меня по телефону во двор и направила к нужной двери. Двор был просторный, вымощенный плиткой, с несколькими приличного класса автомобилями, припаркованными вдоль стен с обилием пластиковых окон. В подъезде пахло старостью и чистотой, как будто заботливые родственники помыли лежащего дедушку перед приходом гостей. Лифт, правда, отсутствовал. Я поднялся по лестнице на последний этаж, отдышался немного, и нажал на кнопку звонка рядом с дорогой металлической дверью.

Она открыла сама; я посмотрел на нее и застыл на пороге, невольно подняв руку к груди, на которой под одеждой висели обереги, как будто за сердце схватился. Яркая блондинка с прической в стиле поп-звезд восьмидесятых, с зелеными глазами и в черном полупрозрачном платье, полностью обнажившим упругую, круглую грудь, приветливо улыбалась и вопросительно смотрела на меня.

— Здравствуйте! — сказала она. — Вы ко мне? Так заходите!

— Вы Дарина? — выдавил я.

— Ну да, — сказала она и рассмеялась. — Проходите, не стесняйтесь!

— Извините, — я попытался изобразить улыбку. — Просто растерялся от такой красоты.

Она снова засмеялась. Я вошел. Дверь захлопнулась.

— Вот тапочки надевайте, проходите, пальто можно в комнате снять, там в углу вешалка, — гостеприимно затараторила она. — А я сейчас

приду.

Я снял уличную обувь, надел тапки — здесь они были одноразовые, упакованные в прозрачный пластик, и прошел в комнату. Шляпу я, как правило, снимал не у дверей и не в коридоре: бывалые товарищи с форума поделились, что на входе в борделях установлены видеокамеры.

Комната была обычной, со стандартной для такого рода заведений мебелью: большая кровать с тонкой, застиранной простыней, кресло, вешалка, низкий столик с пепельницей. И запах был тот же, бордельный, сладковато-приторный, липкий. Ни с чем не спутаешь.

Я снял пальто, шляпу и стал ждать. Каблуки простучали, удаляясь, по старому паркету коридора, потом быстро, почти бегом, вернулись обратно. Крашеная белая дверь приоткрылась, в щель просунулась блондинистая голова.

— Ой, я же забыла спросить, что Вы будете: чай, кофе?

— Чай, — ответил я и сел в кресло.

Она кивнула, снова убежала, потом вернулась с подносом — чайник, чашка с блюдцем, — под мышкой зажато полотенце и еще одна простыня.

— Так, вот чай, — Дарина-Белладонна осторожно опустила поднос на столик, — а вот полотенце, чистое, только из стирки... А может быть, что-нибудь покрепче хотите выпить?

Веселая, заботливая хлопотунья с внешностью провинциальной девчонки, зачем-то нарядившейся в короткое платье с открытой грудью. Обычная фигура, обычная внешность: попробуйте ее описать — и ничего не получится, скажите просто «симпатичная девушка» — и тут же представите себе вполне точно. Из особых примет только крупная татуировка в виде переплетенных ярких цветов на молочно-белой, гладкой левой голени.

Я поблагодарил за чай, а от выпивки и полотенца отказался, объяснив, что именно мне нужно. Она понимающе покивала, распахнув большие зеленые глаза, и даже попыталась приободрить, полагая, видимо, что я должен стесняться своих необычных эротических пожеланий: тут же рассказала историю о том, что у нее есть постоянный клиент, который платит двадцать тысяч только за то, чтобы с ней поговорить. Просто ужин со звездой какой-то. Такие истории, про клиентов, что платят больше, чем нужно, и исключительно за разговоры, рассказывают все проститутки. Не знаю, что это: то ли попытка набить себе цену выше прејскуранта, то ли подсознательное стремление заявить о своей неповторимой личности. Впрочем, вдаваться в детали утонченной психологии бордельных шлюх я не собирался.

Она разделась, легла на кровать и уточнила, какие позы ей лучше принимать.

— Какие пожелаете, — ответил я. — Я хочу увидеть...все Ваше тело, так что просто время от времени ложитесь как-нибудь иначе. Мне интересно только смотреть и разговаривать.

Дарина оказалась девушкой старательной, аккуратно переворачивалась каждые пять минут, искоса поглядывала на меня, как будто стараясь угадать, на что именно я хочу посмотреть, и говорила, не умолкая: про посетителей, которые приходят жаловаться на жен, про тех, кто жалуется на жен и любовниц, а еще про таких, кто жалуется на жен, любовниц и начальство одновременно; про клиентов, которым нравится, когда их бьют тапком, или когда им мастурбируют стопами ног, или трахают straponом. Видимо, это была тематическая подборка историй для гостей со странностями. Я кивал, поддакивал или удивлялся в нужных местах, а сам подвинул кресло поближе и смотрел во все глаза.

Ведьминской метки нигде не было.

Я попросил откинуть волосы с шеи, поднять руки, чтобы осмотреть подмышки, даже, проклиная свою стеснительность, раздвинуть гладко выбритые складки половых губ, что Дарина и проделала с такой готовностью, словно только и ждала момента продемонстрировать свою интимную, розовую, влажную плоть — безрезультатно. Тем временем рассказы про гостей сменились разговорами на личные темы: женат ли я? А есть ли дети? А чем занимаюсь? Я рассеянно отвечал: нет, да, наукой, а сам думал, что теперь делать, и являются ли косвенные приметы достаточным основанием для проведения допроса и предъявления обвинения в ведьмовстве. Ошибаться не хотелось.

Дарина начала рассказывать о себе: про родной город где-то в Поволжье, про маму, которую она очень любит и старается по возможности помогать ей деньгами, про то, что в прошлом году закончила технический ВУЗ и хочет получать теперь второе высшее образование, и о том, какие у нее серьезные планы на будущее. Наверное, на смену темы повлиял мой ответ на вопрос о роде занятий. Она легла на живот, подняв вверх согнутые в коленях ноги, так что цветная татуировка оказалась прямо перед моим носом. Я задумчиво уставился на узор из цветов и листьев, и тут заметил какую-то странность, мелочь, нарушающую целостность композиции. На нетронутом татуировкой участке белой кожи, между лепестками двух ярких бутонов, едва заметно виднелись несколько синеватых штрихов, образующих перевернутый трезубец.

Я откинулся на спинку кресла, еще немного послушал болтовню про

позитивное мышление, формирование образа цели и какие-то монады, и спросил:

— Дарина, скажите, а на выезд Вы работаете?

— Ну, только со знакомыми...

— Но ведь мы уже знакомы?

Она снова заулыбалась и кивнула.

— Мне очень понравилось с Вами общаться, — проникновенно сказал я. — Правда, давно не приходилось разговаривать с такой интересной и умной девушкой. Я бы хотел как-нибудь пригласить Вас к себе, на весь день. Это возможно?

Дарина с готовностью кивнула. Само собой, возможно, еще бы нет: оплаченный выходной, в который ничего не нужно делать, а только болтать, что в голову взбредет.

— Да, конечно, я буду рада!

— Тогда, может быть, Вы дадите мне свой личный номер телефона? Чтобы мне не звонить через администратора...

Дарина задумалась и покачала головой.

— Вообще-то, нам запрещено давать гостям личные номера, — заговорщицки понизив голос сообщила она. — И все равно придется заехать сначала сюда и рассчитаться, но... давайте Ваш телефон.

Я протянул ей трубку. Она быстро понажимала на кнопки и вернула аппарат обратно:

— Вот. Но это на всякий случай, чтобы ты меня не потерял, — и подмигнула. — А звонить надо администратору и приезжать...

— Да-да, понимаю, — заверил я, отметив переход на «ты». Хороший знак.

— Когда ты позвонишь? — спросила Дарина.

Я прикинул в голове время, нужное для поиска подходящего места.

— Где-то через неделю.

— Я буду ждать, — сказала она и вдруг быстро поцеловала меня в губы. Я чуть не отдернул голову: вспомнилось оцененное пользователями форума одно из важных достоинств Дарины, а именно то, что она глотает после окончания в рот.

Как будто поцеловался со сливным отверстием для застоявшейся спермы и душевных нечистот.

Ее номер я записал в блокнот, а телефон, с которого всю неделю звонил по борделям, выкинул по дороге домой: слишком длинную цепочку следов оставил он за собой. Дарине я позвоню с другого номера, через неделю, как и обещал. Она ведь будет ждать. А я не могу обмануть

ожиданий девушки.

Глава 12

В первых числах апреля весна пришла в город — простуженная, похмельная, недовольная, нехотя выбравшаяся из мокрых скомканных простыней грязных сугробов. Потеплевший воздух был влажным, туманным и пах несвежей водой и обнажившимися из-под талого снега экскрементами. Ледяные дожди со снегом сменились меланхолической задумчивой моросью. Ночь была черной, мокрой, влажно блестела яркими рыжими искрами света, отраженного в лужах и каплях. Тарас остановился у высокого кирпичного забора и прислушался. Было тихо.

На территории огромного, давно остановившегося завода у канала на самой границе старого города жизнь теплилась только у проходной, да в нескольких более или менее благоустроенных корпусах, переоборудованных на скорую руку под офисы, которые арендовали мелкие, сомнительные конторы для своих не менее сомнительных дел. Но то было днем; ночью железные ворота наглухо закрывались, и лишь в будке охраны тускло светилось окошко и виднелись голубоватые сполохи телевизора. Предполагалось, что сторожа должны обходить территорию каждый час, но никто, разумеется, этого не делал: как-то не находилось желающих предпочесть тихому полутрезвому времяпрепровождению в теплой караулке долгие переходы в ночи, под дождем, среди исполинских, заброшенных заводских корпусов, которые пятались в темноту черными окнами и провалами в стенах, как потусторонние многоглазые сычи. Да и звуки в дикой, удаленной от импровизированных бизнес-центров части завода, раздавались порой такие, что спокойнее было их вовсе не слышать и не гадать, что может твориться за кирпичными старыми стенами, и что лучше предпринять: вызвать полицию или просто бежать со всех ног подальше и побыстрее.

Так что охрану в расчет можно было не брать; тем более, что боевой пост местных сторожей находился в южной части заводского периметра, а Тарас стоял сейчас у западной стены: трехметровой, сложенной из голых кирпичей, с обрывками ржавой колючей проволоки наверху. Кладка в одном месте частично осыпалась, образовав невысокий «залаз», в нескольких шагах за которым возвышалось одно из молчаливых, покинутых зданий. Тарас последний раз с силой затащился затрепавшей сигаретой и отшвырнул окурочек — тот покатился по мокрой земле, рассыпавшись искрами. Поднял воротник кожаной куртки — «косухи»,

потоптался немного и шагнул к стене. Идти не хотелось. Не просто не хотелось — было страшно.

Неизвестность и мрак его не пугали. Он бывал в этом месте и раньше, причем не единожды, и тоже ночами. Кто-то другой на его месте мог бы почувствовать страх, вызванный воспоминаниями об обстоятельствах прошлых визитов или голосом совести, но она давно уже не издавала ни звука, а лежала, свернувшись почерневшим ссохшимся трупиком, на самом дне каменного мешка души. По ночам Тарас спал крепко, кошмары его не тревожили, в потустороннюю жизнь и привидения он не верил. Людей тоже не боялся: во-первых, их тут и не было, ибо даже бродяги избегали заходить на территорию старого завода и не пытались обустроить тут свои лежбища; во-вторых, Тарас был на голову выше большинства, что вкупе с широкими плечами и внушительным телосложением позволяло почти всегда чувствовать себя уверенно, а вести — нагло. Исключения были редки. Первым из них было пребывание в тюрьме по дискомфортной 134 статье УК. Четыре года показались тогда столетием и оставили о себе память в виде нескольких татуировок на спине и сиделище, которые лучше было не обнажать при посторонних.

Вторым исключением была она. И если в первом случае все было объяснимо — попробуй не испугаться, когда ты один против десятка расписных, свирепых уголовников, — то отчего его так пугала женщина, он не понимал. Конечно, она вовсе не выпускница пансиона благородных девиц, и в хладнокровной жестокости не уступит самым злобным уркам, да и силы с ловкостью ей было не занимать, но все равно, это ведь женщина. Баба. А Тарас боялся ее так, что покрывался холодным потом даже тогда, когда видел ее имя на экране звонящего телефона. В этот было что-то от страха перед гремучей змеей: как ни превосходи ее в размерах и физической силе, а попробуй, окажись с ней в одной комнате, и будешь думать только о том, как бы убраться подобру-поздорову.

Впрочем, страхи страхами, но работать с Дианой хотелось. Хотя то, что он делал для нее, и работой назвать было нельзя, одно удовольствие, а она еще и платила за это: немного, всего тысячу долларов за раз, но, если бы у Тараса были деньги, он бы заплатил сам гораздо больше за целую ночь яростного, звериного наслаждения. И похоже, что сейчас такая ночь ждала его снова. Если бы только не этот страх...

Он вздохнул и начал неуклюже перебираться через залаз. Кирпичное крошево и мелкий мусор осыпались под подошвами старых ковбойских сапог. Тарас вскарабкался наверх, подобрался, покачиваясь, как Кинг-Конг на верхушке нью-йоркского небоскреба, и грузно спрыгнул вниз, с громким

чавкающим плеском приземлившись прямо в невидимую в темноте глубокую лужу. Выматерился, выбрался из холодной грязи, ожесточенно топая сапогами, и поправил заткнутый за ремень пистолет.

Вот до чего дошло. Обычно Тарас не носил собой оружие — только лишние нервы при встрече с полицейскими, которые время от времени останавливали его на улице для проверки документов. Но сегодня необъяснимый, томительный страх и дурные предчувствия были настолько сильны, что он не удержался и взял пистолет, купленный когда-то при случае у одного из старых знакомых. Береженого Бог бережет. Пусть даже он и не верил ни в Бога, ни в черта.

Тарас протиснулся вдоль стены, свернул на узкую дорожку между бывших складов и быстро пошел по разбитому, сырому бетону. Старый завод возвышался вокруг, как зловещий заброшенный замок: провалы гигантских ворот, призраки сумрачных башен, уходящих в мглистое небо, и даже полуразрушенный мост, переход между двух корпусов, почти совершенно осыпавшийся вниз кусками цемента и заросший по краям чахлым кустарником, невесть как уцепившимся за голые камни. Тарас прошел под мостом, опасливо посматривая наверх, повернул влево, и через высокую арку с разбитой, ржавой решеткой, висящей на петлях, как порванная паутина, попал во внутренний двор, окруженный с четырех сторон высокими стенами с осками выбитых окон. Справа короткая лестница со стертыми ступенями вела к приоткрытой низкой двери. Из черной щели тянуло стылой сыростью. Тарас потянул за железную ручку, со скрежетом раскрывая дверь полностью, вытащил из кармана куртки фонарик и вошел в подвал.

Здесь было душно, пахло холодом и влажными стенами. Тарас включил фонарик и пошарил по сторонам тусклым желтым лучом. Подвал уходил вправо: два больших низких зала, соединенных аркой, а за ними третий, поменьше, бывший когда-то подсобкой — там сохранился покореженный водопроводный кран и торчащая из пола канализационная труба, похожая на нечистый и жадный рот. Застоявшуюся темноту едва рассеивал мутный синеватый свет из узких окон у самого потолка. Тарас озадаченно огляделся, стоя посередине первого зала и поводя фонарем. Ни прожекторов на треногах, ни пленки на сером полу, ни угрюмого длинноволосого оператора с камерой; только в центре, на том же месте, что и всегда, стояла железная голая койка, к которой должна быть привязана девочка. Но девочки не было тоже. Тарас почувствовал разочарование. Может быть, все отменили, а его забыли предупредить?

— Привет.

Тарас вздрогнул. Тело под курткой и майкой покрылось холодной испариной. Диана, до этого скрытая сумраком, вышла из арки: затянута в черную кожу, гибкая, сильная, плавным кошачьим движением скользнула во тьме и встала напротив, шагах в десяти. Тарас нервно засмеялся и сглотнул.

— Ух, напугала — отозвался он. — Привет. А где все?

— Не нужно бояться, — спокойно сказала Диана, не сводя с него взгляда. — Все, кто мне нужен, уже здесь. Ты.

— Не понял? — Тарас отступил на шаг и осторожно тронул застежку на куртке. — Ты же сказала, работаем сегодня, нет?

— Я соврала.

— В смысле? — спросил Тарас и медленно потянул «молнию» вниз.

Диана вздохнула, покачав головой.

— Видишь ли, Тарас, — терпеливо объяснила она. — Дело в том, что я вынуждена тебя уволить. Извини.

Замок на «молнии» дошел до самого низа и никак не хотел расстегиваться дальше. Тарас не сводил взгляда с Дианы и лихорадочно дергал застежку. Заело.

— Мне очень жаль, что так получилось, — продолжала Диана, — но я уже успела найти тебе замену. Не то, чтобы что-то выдающееся, конечно: тощий, да и староват к тому же, но зато опыта в подобных делах даже больше, чем у тебя. Не волнуйся, я все сделаю очень быстро.

Она шагнула вперед. Тарас в панике увидел в руке женщины длинное, матовое лезвие боевого ножа, и в ту же секунду проклятый замок все-таки поддался, куртка распахнулась, и он рывком выхватил из-за пояса пистолет.

— Стоять! — крик получился высоким и хриплым, как у сорвавшего голос петуха. — Стоять! Это не травматика, застрелю!

Диана остановилась.

— Да, вижу, — все так же спокойно сказала она. — Надо же, ТТ. Старая школа. Где взял?

— Там уже нету! — прокричал Тарас. — Да что случилось-то? Что за причина, можешь объяснить?

— Причина та же, по которой ты держишь пистолет в левой руке.

— Что?! — Тарас непонимающе вытаращился на нее.

— Твой палец, — подсказала Диана. — Некстати попал в кадр. А это примета, понимаешь?

Тарас посмотрел на правую кисть. Фалангу указательного пальца он потерял еще в юности, когда учился на столяра: отхватил на дисковой пиле.

— Да ладно, подумай, палец! — он снова перевел взгляд

на Диану. — Стой на месте! Я ухожу!

— Ну, это вряд ли, — заметила она и метнулась вперед.

Тарас выстрелил. Отрывистый грохот раскатился в каменных стенах, как взрыв; вспышка резко осветила углы. Тарас не был метким стрелком, да и вообще никаким стрелком он не был, но промахнуться с десяти шагов было трудно. Однако это ему удалось: пуля с визгом чиркнула по стене, выбивая бетонную крошку, а Диана вдруг оказалась справа, рядом с окнами, и на два шага ближе к нему. Тарас попятился к выходу и выстрелил снова. Зазвенело разбитое пулей стекло. Диана мелькнула легкой, почти невидимой тенью, исчезла на миг и появилась возле железной кровати. Тарас заорал и выстрелил раз, другой, третий, не целясь, и только пытаясь нащупать спиной проем в стене, ведущий к подвальной двери. Луч фонаря панически метался во тьме. Диана пантерой перемахнула через кровать и оказалась так близко, что на Тараса пахнуло теплым, звериным мускусным ароматом. Он уперся спиной в стену, вскинул пистолет и дважды выстрелил почти в упор. От ярких вспышек перед глазами поплыли синие пятна, но промаха быть не могло. Теперь он ее точно достал. Застрелил гремучую змею. Все, точка.

Тарас проморгался и посмотрел вокруг. Дианы не было видно. Он осторожно провел лучом фонаря от стены к стене, осветил в сторону арки, потом, вздрогнув от мысли, что она ползает у его ног, резко осветил пол — ничего. Подвал был темен, тих, пуст, только пыль возбужденно кружилась в воздухе вместе с кисловатым, железистым запахом пороха.

— Эй, — негромко позвал Тарас и испугался собственного голоса. — Ты где?

Тишина.

— Ты где? Жива еще?!

Никакого ответа. Только еле слышно гудит дыхание спящего города, доносящееся сквозь разбитое окно. Тарас осторожными шажками подобрался к дверному проему, поднял пистолет и резко направил фонарик в сторону выхода. Никого, только серые стены. Путь свободен. Он отвернулся от двери и проорал на весь гулкий подвал:

— Ну и черт с тобой! Все, я сваливаю! Гудбай!

Сильная рука схватила его сзади за спутанные длинные волосы и резко рванула, запрокидывая голову вверх. Тарас взмахнул руками, не успев удивиться, как Диана оказалась у него за спиной, там, куда он смотрел секунду назад и где негде было спрятаться, и рефлекторно нажал на спуск. Прогремел выстрел, и последняя пуля ушла в потолок, обрушив сверху облако удушливой пыли. Острое лезвие с силой скользнуло по горлу под

бородой, из взрезанных вен ударили тяжелые темные струи и с мокрым шлепком плеснулись на каменный пол. Густая горячая кровь волной залила грудь. Тарас захрипел и осел на колени. Пистолет выпал из рук, которыми он рефлекторно пытался зажать рану: со стороны это выглядело так, словно он стремился задушить самого себя, и возможно, не без успеха.

Диана медленно обошла стоящего на коленях Тараса, поставила ногу ему на плечо и легонько толкнула. Он издал булькающий звук и повалился на спину. Ноги в огромных остроносых сапогах заскребли в луже крови, оставляя широкие темные полосы на сером полу, как мазки на картине безумного авангардиста. Диана нагнулась. Глаза Тараса выпучились и дико вращались, рот широко открывался, как у лягушки, пальцы вцепились в рассеченное горло.

— Все, все, — тихо сказала Диана. — Успокойся. Ты уже убит, все позади. Умирай.

Тарас несколько раз дрогнул всем телом и затих. Диана задрала ему куртку, вытерла нож о грязно-белую майку и выпрямилась.

Конечно, не обязательно было все делать самой: она могла обратиться к кому следует, и этот недалекий громила помер бы совсем другой смертью — например, попал под машину, или не проснулся после ночного кошмара, получив разрыв сердца. Но Диана привыкла свои собственные дела решать сама, без посторонней помощи. А это дело было почти уже закончено. Дверь в подвал она закроет на ключ; тело пролежит тут завтрашний день, а следующей ночью сюда придут люди — незаметные, серые, тихие. Они спокойно разрежут Тараса на несколько удобных для переноски частей, разложат по невзрачным хозяйственным сумкам и вынесут прочь. Пистолет они тоже возьмут, как дополнительный бонус. После этого Тарас пропадет навсегда; его труп не найдут, даже если будут искать, потому что он просто исчезнет, как исчезли ранее тела шести малолеток, сдуру сбежавших когда-то из домов, кто из детских, а кто из родительских.

Диана уже собиралась спрятать нож обратно под куртку, но передумала, как будто вспомнив о чем-то. Она присела рядом с покойником: руки его, ослабившие предсмертную хватку, мирно лежали теперь на груди. Диана сбросила их по обе стороны тела, покрепче взяла рукоять, удобно сидящую в обтянутой перчаткой ладони, и с силой всадила нож в грудь мертвеца, туда, где еще минуту назад билось сердце, заходившееся страхом и болью.

— Во славу твою, Господин, — прошептала она. — *Нима*.

Глава 13

Ночь со 2 на 3 апреля 20... года.

Сегодня опять приходила она.

Это происходит всегда одинаково. Сначала я слышу, как щелкает, открываясь, замок входной двери. Никакого скрежета ключа в скважине, просто два звонких щелчка в ночной тишине, раз и два. Потом тихий скрип — открывается дверь. Снова тихий щелчок. Дверь захлопнулась. Я в западне.

Я лежу в темной спальне, не шелохнувшись, под одеялом, жарким и мокрым от пота, и слушаю, как через гостиную легко ступают шаги босых ног. Легкий шорох, словно падают листья. Я закрываю глаза. Не хочу видеть, как откроется дверь в мою спальню, и только чувствую едва заметное дуновение воздуха, а потом запахи: потревоженной мокрой земли, сгнивших листьев, могильного тлена и старого недоброго леса.

Шаги приближаются. Я зажмуриваюсь и вцепляюсь в одеяло, натягивая его до подбородка. В неподвижной тиши мертвого часа, когда само время застыло, как стрелки старинных часов, раздается приглушенный смешок. Сдавленное, отрывистое хихиканье. Еще мгновение, и кровать скрипит и слегка прогибается под весом чужого тела. Она подползает на четвереньках, приподнимает край одеяла и забирается под него. К запахам леса и разрытой земли примешивается сладковатая, вязкая вонь мертвой плоти и горелых волос. Я едва могу дышать. Снова хихиканье, и ледяная ладонь скользит по моей груди, а к горячей коже прижимается холодное, влажное, липкое, гнилостно-мягкое тело. Ее ноги обвивают мои, словно в попытке согреться. Рука пробирается по животу, приближается к паху и накрывает его. Тогда я открываю глаза.

Это она. Волосы обгорели, осыпались черной трухой; один глаз вытек и закрылся, второй полон зеленоватой, мутной влагой; лицо обуглено с одной стороны, а с другой, где уцелела не тронутая разложением кожа, видны следы ссадин и кровоподтеков. На шее, как темный огромный паук, отпечаток моей пятерни.

Она останется на ночь. Я лежу до рассвета без сна, задыхаясь, оцепенев, и она со мной рядом, все гладит, гладит и гладит, мы будто счастливая пара, переживающая первые, самые сладкие ночи своей близости. Ни святыни, которые я не снимаю даже во сне, ни иконы в углу

— те самые, спасенные из приемной карги — не избавляют меня от этих страшных визитов; словно после смерти она вернула часть своей власти надо мной, той, что некогда я отобрал.

Под утро она оставляет меня; медленно выбирается из кровати, словно утомленная страстью любовница, и выходит за дверь. Снова шелест шагов, тихий скрип и щелканье замка, раз и два. Я лежу и смотрю, как в слепых окнах дома напротив медленно светлеет тусклый рассвет.

Может быть, я сумасшедший? Возможно. Я изучил, как мог, данный вопрос: есть, например, явление истинных галлюцинаций, когда видения сочетаются с обонятельными и тактильными ощущениями. Наверное, было бы даже лучше, окажись моя ночная гостья порождением болезни и бреда. Я бы вздохнул с облегчением.

Но наутро, отбросив одеяло, я вижу грязные следы влажной земли, отпечаток лежавшего тела, а позже, выходя в коридор, подметаю прошлогодние листья, рассыпанные до самой входной двери — как желтые письма с приветом из неглубокой могилы.

Глава 14

Рабочий день пятницы близился к концу. В барах готовились к натиску жаждущих выпить. В борделях — к нашествию шумных и пьяных компаний. В дежурных отделах полиции — к потоку звонков ближе к утру. В больницах — к тому, чтобы обрабатывать раны, зашивать, вправлять и накладывать гипс. В морге при судебно-медицинском бюро санитары делали ставки на то, сколько трупов даст эта ночь. В офисах бизнес-центров крепостные капитализма в предвкушении смотрели на циферблаты, ожидая, когда пробьет час начала еженедельного Юрьева дня, чтобы успеть в бары, бордели, камеры полицейских участков, больницы и морги. В городе протирали стаканы и стойки, проверяли запасы презервативов и смазки, бензин в патрульных машинах, готовили иглы, антисептик и черные пластиковые мешки.

Алина вошла в кабинет, только что подписав отчет о вскрытии лежалого трупа и выдержав непростой разговор с родными покойного: того привезли из квартиры, где он умер полгода назад, от сердечного приступа, сидя на унитазе. Тело настолько срослось за прошедшее время с фаянсовой кромкой, что санитарам пришлось отвинтить унитаз и привезти его в морг вместе с трупом. Скорбящие родственники — шумная, полная женщина в сиреневой вязаной шапке и ее измученный браком супруг — требовали вернуть им предмет сантехники, отделенный от сидалища мертвеца, потому как тот был почти совсем новый и его можно было использовать в собственных нуждах. Алине пришлось быть невежливой. В ответ ее пообещали уволить, судить и взыскать стоимость унитаза. Поэтому, когда раздался нетерпеливый и заполошный звонок телефона, ее голос звучал не слишком приветливо:

— Назарова! — гаркнула она.

— Привет, Назарова, — отозвались в трубке. — Чего так орешь?

Алина выдохнула.

— Семен, прости, взбесили тут на работе. Что случилось?

— Ты еще долго будешь в Бюро? — вместо ответа спросил Чекан.

Голос доносился как будто издали, сквозь шум автомобильного двигателя и возбужденные разговоры.

— Всю жизнь я здесь буду, Семен, — ответила Алина. — До конца дней моих, пока не помру прямо тут и не присохну к своему креслу. В связи с чем вопрос?

— У нас труп девушки, — сказал Чекан, и, помолчав, добавил: — Обгоревший. Из области.

— Вот черт, — Алина села за стол. — Инквизитор?

— Не знаю, потому и хочу попросить, чтобы ты сама посмотрела.

— Что при первичном осмотре, какие повреждения? Кто проводил осмотр? Протокол есть? Надпись была рядом? — сыпала Алина вопросами.

— Нет, надписей не было, а остальное расскажу при встрече, сейчас не очень удобно говорить. Мы на патрульной машине, едем с ребятами из области... Долго объяснять, давай потом!

Связь прервалась. Алина покачала головой, убрала телефон и стала ждать.

Ожидание было долгим. Чекан появился только часа через три, опередив на двадцать минут специальный транспорт с найденным телом. Он был возбужден, как после драки, от него веяло силой, лесом, и тяжелой мужской работой. Ботинки были как два комка грязи, джинсы и куртка в разводах от мокрой земли.

— У нас есть время, — сказала Алина. — Пока привезут, оформят, поднимут в секционный зал — минут сорок, может, час. Кофе хочешь?

Чекан походил немного по кабинету, задевая плечами стены и мебель, потом кивнул и уселся на пискнувший стул. Алина налила большую кружку горячего растворимого кофе, хотя сейчас хотелось предложить ему тарелку борща и рюмку водки. Семен сделал глоток, с наслаждением вздохнул и начал рассказывать.

Труп обнаружил в первой половине дня рыжий молодой спаниель, рядом с дачным садоводством на северо-востоке области, километрах в тридцати от города. Веселый пес вышел прогуляться вместе с хозяином, который вскоре заметил, что его питомец, вместо того, чтобы энергично бегать по лесу, в чем-то сосредоточенно роется лапами вблизи от лесного проселка. Когда хозяин через подтаявшие, но все еще глубокие сугробы, пробрался к спаниелю, который не реагировал на призывы и продолжал свои раскопки, то увидел среди разрытой земли и листьев почерневшее лицо и кисть руки, чуть приподнятой, будто в приветствии.

— Типичный «подснежник», — говорил Чекан, шумно прихлебывая кофе, — их сейчас десятками находить будут и в городе, и за городом. Самый сезон. На Инквизитора не похоже: труп явно пытались спрятать, пусть и неумело — выскребли неглубокую яму в земле, а потом кое-как закидали грязью, снегом и ветками. Никакой демонстративности, никакой проволоки, столбов и табличек «ВЕДЬМА». При первичном осмотре характерных признаков почерка нашего злодея тоже не заметно: видимых

следов истязаний нет, тело в одежде, в обуви. Я думаю, что убили где-то в другом месте, а в лес вывезли, чтобы спрятать. Собственно, нас вызвали только по одной причине: труп обгорел. В силу сложившейся оперативной ситуации теперь нам с Максом сообщают обо всех случаях обнаружения тел со следами ожогов, даже если потерпевшего нашли посреди пепелища частного дома и при жизни он был алкоголиком пятидесяти лет. А тут все-таки девушка...насколько можно было судить с первого взгляда.

— Что, сильно обгорела? — спросила Алина.

— Просто пролежала под снегом два месяца, а это никого не красит. Ну и обгорела тоже, конечно, но не очень. На тело сверху бросили верхнюю одежду, зимнюю куртку, судя по остаткам, потом облили бензином и подожгли. Бензина, вероятно, было меньше, чем обычно использует Инквизитор, но достаточно, чтобы сжечь почти полностью то, что лежало сверху, и повредить одежду на трупе. Лицо оставалось неприкрытым, поэтому обгорело с одной стороны до черноты, ну и волосы сгорели, конечно. В общем, сама увидишь.

— А почему ты сказал, что трупу два месяца? На глаз определил? — поинтересовалась Алина.

— Нет, — ответил Чекан и сделал большой глоток кофе. — Просто нам уже удалось установить личность. В ногах тела лежала сумка, огонь ее не тронул. Там кроме всякой мелочи обнаружился бумажник с картой студента и водительскими правами. Так что если, паче чаяния, убийца не подбросил чужие документы, то сегодня мы нашли Лолиту Ким, двадцати лет от роду, студентку третьего курса филологического факультета, пропавшую как раз почти два месяца назад. Заявление о пропаже подали родители седьмого февраля, после того, как два дня не могли с ней ни связаться по телефону, ни найти по адресу, где она проживала. Тогда же возбудили дело по 105 статье, как обычно в таких случаях. Макс сейчас поехал общаться с сотрудниками, которые в то время занимались поисками. Так что если ты сегодня сможешь все сделать...

— Понятно, — сказала Алина. — Про постановление и запрос от следователя могу не спрашивать, да?

Чекан поставил кружку на стол и хлопнул большими ладонями, сложив их в умоляющем жесте.

Алина вздохнула.

— Ладно, мне самой интересно. Давай протокол первичного осмотра, и я пойду работать. Ты меня здесь подождешь или домой поедешь?

— Здесь, — с готовностью кивнул Чекан. — Сколько нужно, столько и подожду.

— Хорошо. Кофе вот тут, если еще захочешь, — Алина поколебалась, глядя на Чекана, и добавила: — Ты бы съездил куда-нибудь, поел, пока я занята.

Он махнул рукой.

— Не волнуйся, я в порядке. Сколько примерно времени все это займет?

— Немало, — ответила Алина и вышла.

...Она вернулась незадолго после того, как ночь перелистнула листок календаря. Город праздновал наступление дня субботнего, почитая его на свой особый манер: лихорадкой пьяных огней, торопливой погоней за удовольствиями, которые манят, словно экзотические танцовщицы, украшенные блестками и невысказанными посулами чего-то необычайного, но всегда нарушают свои обещания, оставляя после себя лишь похмелье и неловкий, скрываемый стыд. Алина встретила субботу в звонкой тишине секционного зала, в компании санитаров и светловолосой ассистентки Леры, над тронутым тлением телом юной девушки, которой уже некуда было спешить. Они омыли свою молчаливую гостью от талой грязи, пепла и листьев, освободили от остатков одежды, и тщательно исследовали каждый сантиметр покрытой бурыми пятнами бледной кожи, расчесали обугленные остатки коротких волос, а потом, словно завершая начатое неизвестным убийцей дело, вскрыли труп от горла до живота, разрезав, распотрошив, окончательно уничтожив последнее подобие человеческого облика. Под острыми лезвиями выступала вязкая, темная жидкость; она пахла болотом и протухшим человеческим мясом. Через три часа все почти кончилось: каждый предмет одежды, от обрывков сгоревшей куртки до пропитанных трупной гнилью и влагой трусов, был запакован отдельно в пластиковый пакет, ожидая отправки криминалистам; внутренние органы, словно комья слипшейся грязи, аккуратно разложены по железным лоткам; срезы тканей и кожи пронумерованы для передачи на дальнейшую экспертизу в другие лаборатории. Тело лежало под ярким, безжизненным светом хирургической лампы, распахнув грудную клетку, словно растянутый в крике рот с редкими, кривыми зубами раздвинутых ребер.

— Лера, закончишь без меня? — спросила Алина. — Меня оперативный сотрудник ждет в кабинете.

Бледная Лера улыбнулась усталой улыбкой:

— Семен Валерьевич, да? Конечно, идите, Алина Сергеевна, я все сделаю.

— Спасибо, — Алина улыбнулась в ответ. — Если хочешь, в понедельник возьми выходной.

Алина привела себя в порядок и пошла к себе в кабинет. Из-за двери слышался настойчивый баритон. Когда она вошла, Чекан разговаривал по телефону:

— ...Ну значит, проснется, ничего страшного. Ты вот не спишь, и я тоже, и Алина...А вот и она, кстати. Да, хорошо, обязательно. Все, созвонимся позже.

Он положил трубку и посмотрел на Алину. На столе перед ним лежал открытый блокнот с исписанными страницами, ручка и стояла пустая кружка с темным кофейным ободком на верхней кромке.

— Макс звонил, он там всех на уши поднял, собирает информацию. Ты как? Устала?

Алина прошла за стол, села в кресло.

— Немного, — отозвалась она и посмотрела на Чекана. — Ты так и не ел ничего весь день?

— Да я не хочу, — он отмахнулся. — Ну как там? Обрадуешь чем-нибудь?

— Не уверена, что обрадую, но... В общем, давай по порядку. С твоим определением времени наступления смерти я согласна. Два месяца, плюс-минус дни. Это повышает вероятность предположения о личности убитой почти до ста процентов: и документы, и совпадение дат. Причина смерти — механическая асфиксия. Ее задушили.

— Как эту вторую, Титову, да? — уточнил Чекан.

— Нет, не так. Титову душили удавкой, проводом, который так и остался на шее болтаться. А в этом случае убийца душил руками: характерные переломы хрящей гортани, угол сдавливания, да и кровоподтеки на шее можно еще различить среди трупных пятен. Было ли совершено сексуальное насилие, сказать очень трудно; одно дело — свежий труп, пусть и обгоревший, другое — тело, пролежавшее в сыром грунте два месяца. Я, конечно, взяла пробы для лабораторных исследований, но сомневаюсь, что они дадут какой-то результат, особенно если преступник предохранялся. Во всяком случае, характерных разрывов в области половых органов, ануса, ссадин в гортани я не нашла, так что будем считать, что насилия не было.

— Алина, — позвал Чекан.

— Что?

— Ты такая романтическая.

— Да, я знаю, мне говорили. Продолжать или ты еще не закончил острить?

— Извини.

— По другим повреждениям. Следов пыток нет. Но были прижизненные побои: на уцелевшей от огня половине лица явные признаки гематомы. Удары были не такие сильные, как в случае первой жертвы — там, если помнишь, нос был сломан и лицевая кость — но достаточные для кратковременной потери сознания, например. И еще: есть рваная рана на виске, нанесенная тупым твердым предметом.

— Молоток? — встрепенулся Чекан.

— Может быть, — ответила Алина. — Но если и молоток, то его обратная часть: рана треугольная, рваная. Удар тоже был несильным, кость цела, даже трещины нет, и причиной смерти послужить не мог. Собственно, из повреждений это все.

— Ну что ж, — задумчиво произнес Чекан. — Похоже, не наш случай. Ладно, позвоню Максиму, дам отбой, а то он там уже всех переполошил...

— Не торопись, — сказала Алина. — Есть еще кое-что. Во-первых, у нее странная пыль в волосах. Очень немного, конечно, потому как там и волос почти не осталось, да и снег многое смыл, но есть: такая, знаешь, белесая, похожая на строительную, как известка или штукатурка. Я передам криминалистам, они точнее скажут. Но главное другое. В двух известных нам случаях тела сжигались вместе с одеждой и с другими вещами, помнишь?

— Ну да, и что?

— Все соскобы с кожи ушли на дополнительную экспертизу. Большая часть из них это синтетика, пластик, частицы ткани и прочее. Кроме одного: на груди обеих жертв какие-то странные пятна, словно там пригорело что-то. Недавно я получила ответ по первому телу, и скорее всего, это расплавленный, почти испарившийся воск и частицы каких-то солей. По второму трупу официального заключения еще нет, но мне стало интересно, и я спросила, приватным образом, что это может быть. Ответ тот же: воск и соль. Оба раза убийца не пожалел бензина, и определить, следы какого именно вещества было трудно. А вот сейчас огонь был слабее, горение менее интенсивное, и на груди этой девушки я нашла фрагменты обугленной ткани, а среди них частицы расплавленного вещества и кристаллов. Разумеется, я все это тоже отправлю экспертам, но думаю — нет, я уверена — что это тоже воск и соль. А это значит...

— ...Это значит, что мы нашли его первую жертву, о которой ты говорила, — отозвался Чекан.

Алина кивнула.

— Причем, судя по всему, это преступление он совершил без подготовки, спонтанно, следовательно...

— ...Наследил капитально, где только мог. Алина, ты чудо!

Чекан вскочил и заходил по кабинету — два шага до двери и обратно.

— Чувствую, мы уже рядом, — заговорил он, — сейчас отработаем сами, по новой, все контакты этой Лолиты, свидетелей, историю поисков, наверняка найдем какие-то концы, которые злодей тогда еще так старательно не прятал. Плюс эта пыль в волосах, с одежды наверняка еще что-то пригодится...

Он остановился и посмотрел на Алину.

— Спасибо тебе огромное! Хочешь, съездим сейчас куда-нибудь, посидим?

Алина улыбнулась.

— Нет, давай в другой раз. Сегодня я уже и насиделась, и настоялась.

— Ну, тогда может хотя бы до дома довезу?

— Семен, я на машине, не нужно. Ты лучше скажи мне, что с моей просьбой?

Чекан наморщил лоб.

— С какой?

— Квартира, — подсказала Алина. — Уже неделя прошла.

— Черт! — он хлопнул себя по наморщенному лбу с такой силой, что Алина вздрогнула. — Прости, совсем замотался с этими делами, забыл! Завтра прямо с утра озадачу местного участкового или ребят из тамошнего отдела, извини!

— Ладно, ладно, — примирительно сказала Алина. — Не убивайся так. Забыл, бывает. Только завтра сделай, хорошо?

— Конечно, я сразу же, как...

Его прервал телефонный звонок. Чекан схватил трубку, посмотрел на экран и ответил:

— Да, Макс, я слушаю!

Алина прикрыла глаза и откинулась на спинку кресла. Если честно, то она и сама почти совсем забыла об этой своей просьбе. Как странно: десять дней назад она места себе не находила, писала записку, ездила в этот проклятый дом, колотила ногой в двери пустой квартиры, а сейчас...

— Алина.

Она открыла глаза. Семен закончил разговор и стоял перед ней с трубкой в руке, сжимая ее, словно рукоять меча. Глаза торжествующе блестели.

— Штольц звонил. У нас есть подозреваемый. Завтра поедem на задержание. Хочешь с нами, напарник?

Глава 15

1 июня 1979 года.

— Там живет призрак, который пьет кровь, — значительно сказал Павлик и посмотрел на девочек.

Темноволосая Лера глядела на него, широко распахнув карие блестящие глаза с длинными кукольными ресницами, и казалось, что она сейчас заплачет. А светленькая Вика тряхнула тоненьким хвостиком волос под белой треугольной косынкой и хмыкнула:

— Ну, а ты сам-то его видел, этого призрака?

Павлик поморщился. Вика ему не нравилась: она была задавакой и скандалисткой, даром что младше Павлика на два месяца, а Леры и вовсе на полгода. Зато Лера нравилась, и даже очень. Она жила в сером пятиэтажном доме на другой стороне двора от дома Павлика, тоже пятиэтажного, но желтого. Они гуляли вместе, когда Лера выходила во двор без Вики, а Павлик не гонялся на велосипедах или не сражался пластмассовыми мечами со своими приятелями — качались на качелях, разговаривали, а однажды, когда они играли в космический корабль и как раз уже подлетали к Венере, Лера предложила поцеловаться. Павлик тогда растерялся и потом очень об этом жалел. Он даже записки писал ей, прошлым летом, когда уезжал на дачу: большими печатными буквами выводил «СОСКУЧИЛСЯ» и «ЛЮБЛЮ», и просил маму, чтобы она их передала, а потом, в сентябре, долго не мог подойти к Лере от смущения. А еще Лера любила слушать разные истории, которые Павлик придумывал специально для нее, а ему нравилось ей рассказывать и смотреть, как искренне она переживает, и пугается, и верит, что все это взаправду.

Вот и история про кровожадного призрака, живущего в старом, давно пустующем доме недалеко от их двора, была предназначена специально для Леры, а уж никак не для этой вертлявой Вики. Павлик так и знал, что она все испортит; надо было, конечно, подождать, когда ее не будет рядом, но история нетерпеливо просилась наружу, а Вика в последнее время прицепилась к подруге, как репей.

— Не видел, — неуверенно ответил Павлик. — Но я точно знаю. Мне рассказывали.

— Ну кто рассказывал, скажи, ну кто? — не унималась Вика.

— Славка рассказывал, — сказал Павлик.

Славку во дворе побаивались: он был из неблагополучной семьи, отец у него пил, а сам Славка носил в кармане перочинный ножик с рукояткой в виде фигурки космонавта и заливал в муравьиные норы какую-то вонючую ядовитую жидкость. Пусть Вика попробует подойти к нему и проверить, знает он про привидение в старом доме или нет.

Но Вика и не думала ничего ни у кого спрашивать.

— Врешь ты все! — выпалила она.

Лера жалобно посмотрела на подругу, но промолчала. В ее присутствии она вообще обычно молчала.

— Нет, не вру, — уперся Павлик.

— Нет, врешь! — Вику было не переспорить. — Вот мы сейчас туда с Леркой сходим и докажем, что ты все врешь! Да, Лерка?

Теперь у Леры на глазах уже совершенно точно выступили слезы. У Павлика екнуло сердце. Ему захотелось взять ее за руку и увести от вздорной Вики, пойти вместе на залитую солнцем площадку с песочницей, «шведской стенкой» и большими круглыми качелями, которые охотно превращались хоть в автобус, хоть в звездолет, но Лера еще раз взглянула на Вику, кивнула и сказала:

— Да. Давай сходим.

Вика торжествующе взяла подружку под руку, показала Павлику язык, отвернулась, и они неспеша пошли через двор. Павлик растерянно смотрел им вслед, оставшись стоять в тени высоких деревьев, окаймлявших площадку. Наверное, он мог бы побежать им вслед, догнать, чтобы пойти вместе, но на другой стороне двора, на качающейся скамейке с пластиковым козырьком, сидел его дедушка: читал газету и время от времени посматривал на внука. Нужно было бы отпрашиваться и объяснять, куда он собрался пойти, и дедушка, скорее всего, пошел бы за ними, что было бы, может, и неплохо, но...

— Лера! — крикнул Павлик вслед девочкам.

Они обернулись.

— Не ходи туда! Пожалуйста!

Лера хотела что-то ответить, но Вика дернула ее за руку, зашептала на ухо, и они ушли.

Дом был деревянный, двухэтажный, не очень большой, но все же рассчитан на несколько семей. Такие дома еще часто встречались здесь, среди кирпичных пятиэтажек или двухэтажных «немецких»^[17] коттеджей: иногда обитаемые, чаще — уже оставленные жильцами, но одинаково обветшавшие, невеселые, они стояли, понемногу нагибаясь к земле, в окружении дремучих деревьев, старческим шепотом обсуждая с ними

ночами прошедшие времена. У этого дома была островерхая двускатная крыша, два фасада, похожих на головы сиамских близнецов, торчащие вперед и направо, и веранда с потрескавшимися и местами вылетевшими стеклами, выдавленными ветками разросшихся деревьев и кустов. Краска давно облупилась и выцвела. Небольшой участок земли за забором из разошедшихся реек зарос лопухами и высокой травой, в которой суетилась многоногая жизнь. За домом виднелась покосившаяся деревянная будка уборной, наполовину скрытая жирными, жадными сорняками; даже отсюда было слышно, как басом жужжат там большие тяжелые мухи. Входная дверь на крыльце под кривым деревянным козырьком была плотно прикрыта.

— А вдруг там кто-нибудь есть? — спросила Лера.

— Нету там никого, — твердо ответила Вика. — Не будь трусихой.

Лера подумала, что это не она трусиха, а просто Вика такая смелая. Но конечно, ей-то просто быть смелой: Викина мама, тетя Света, отпускала ее гулять, куда сама Вика хочет, никогда не кричала в окно, что пора домой, и вообще была веселой. Лерина мама однажды так и сказала про маму Вики, когда бабушка спросила, что, мол, у внучки за подружка такая: «Это та девочка, у которой мама... «веселая». Потом они с бабушкой переглянулись и замолчали, как обычно молчат взрослые, когда не хотят обсуждать что-то при детях. Сама Лера иногда видела тетю Свету издали: обычно она стояла у двери парадной в розовом халате и курила, щурясь на солнце из-под яркой блондинистой челки и поднося сигарету к ярко-красным губам. У Леры мама была доброй, но со двора уходит категорически запрещала, и если бы узнала, куда сейчас отправилась дочь, то Лере бы сильно влетело. Так что она не знала, чего сейчас боится больше — наказания или старого дома. Хотя нет. Дома все-таки больше. Вон как насупились окна под кривыми деревянными карнизами, совсем как глаза нехорошего деда под кустистыми, седыми бровями.

— А если все-таки есть кто-нибудь?

— Чепуха, — отрезала Вика. — Ну даже если и есть, скажем, что зашли посмотреть, что нам сделают?

Девочки отодвинули покосившуюся калитку и тихо вошли во двор. Под сандалями шуршала трава. Они поднялись по разошедшимся ступенькам крыльца, и Вика потянула за ручку входной двери. Дверь не поддалась.

— Все, закрыто, — облегченно вздохнула Лера.

— Подожди, надо просто дернуть посильнее, — ответила Вика, взялась обеими руками за ручку и дернула ее на себя.

Дверь ухнула и распахнулась со скрипом, как будто дом раскрыл рот, откуда пахнуло старостью и погребом.

— Пойдем, — шепнула Вика, и они вошли в короткий коридор, упирающийся в лестницу, ведущую на второй этаж. Дверь комнаты справа была закрыта, а левая вела на веранду, и между ней и притолокой светилась узкая щель. Девочки сделали пару осторожных шагов. В ватной тишине пустого дома скрипнула, будто проснувшись, старая половица.

— Ой, — вздрогнула Лера.

— Не бойся, — сказала Вика. — Давай все посмотрим.

Веранда была так завалена хламом, что дверь туда не удалось даже слегка приоткрыть — она упиралась во что-то железное, отзывающееся глухим скрежетом. В щель были видны рваные матрасы, ящики и остовы поломанных раскладушек.

На двери справа черной краской была написана цифра 1 и буква «А». Совсем как класс в школе, куда они пойдут в сентябре, — подумала Лера. За ней оказалась настоящая квартира: две смежные комнаты и просторная кухня с дровяной плитой. На плите стояли брошенные прежними жильцами почерневшие большие кастрюли. Комнаты были пусты; на пыльных крашеных полах виднелись светлые прямоугольники от когда-то стоявшей здесь мебели, валялись в углах какие-то тряпки, тонкая стопка старых газет и пластмассовое тельце безголового пупса. С потолка свисали засохшие липучки для мух, все черные от трупиков насекомых. Было душно и сумрачно, закрытые окна снаружи заслоняли кусты и деревья, проходя через кроны которых свет становился зеленоватым полумраком. Девочки походили немного и вышли обратно. Лера чувствовала, как часто и сильно колотится сердце. Конечно, тут и вправду никого не было, но затея с походом в заброшенный дом ей нравилась меньше и меньше: вязкая тишина наваливалась, как большая подушка, и она чувствовала, что дом будто терпел их присутствие, и терпение его было уже на исходе.

— Все, мы посмотрели, а теперь давай уйдем? — попросила она.

— Нет, нужно еще наверх подняться, — возразила Вика. — Тебе разве неинтересно?

По правде сказать, Лере было совсем неинтересно, и хотелось обратно на улицу, в солнечный день и знакомый двор.

— Я не хочу наверх, — сказала она.

— Ну и как хочешь, тогда я одна пойду, — ответила Вика и стала подниматься по лестнице. Разбуженные ее шагами ступеньки заскрипели на все голоса, как сварливые старые бабки. Скрип раздавался на весь дом, и Лера со страхом подумала, что теперь на втором этаже их точно услышат.

Вика остановилась на середине лестницы и спросила:

— Так ты идешь?

Лера не знала сама, почему вдруг решила. Наверное, просто не захотела отпускать подругу одну, или, может быть, ей и вправду стало любопытно, но она кивнула и поднялась следом за Викой.

Длинный коридор на втором этаже шел через весь дом и заканчивался стеной с небольшим грязным окошком, через который едва просачивался свет — тусклый, как будто на улице был не солнечный летний день, а серое осеннее утро. В полумраке по обе стороны коридора виднелись закрытые двери. Казалось, что на девочек кто-то смотрит, как будто уставилась пустыми глазами сама тишина. Теперь Лере стало страшно уже по-настоящему, но сказать об этом она не успела: Вика подошла к первой двери слева и толкнула ее, чтобы открыть.

Дверь была темная, в проплешинах облупившейся краски. Она, верно, разбухла и перекосилась от старости, потому что только немного приоткрылась и уперлась нижним концом в толстые доски пола.

— Вика, смотри!

На двери был почти незаметный рисунок, словно кто-то очень давно, грубо и неумело, начертил белым мелом крест с тремя переколадинами — одной длинной и двумя короткими, нижняя из которых шла наискось. Вика задумчиво посмотрела на крест, а потом провела по нему ладошкой, размазав белое по красно-коричневой краске.

— Надо, наверное, еще поднажать, — сказала Вика. — Лера, помоги!

Они навалились вместе; дверь со скрипом прочертила в полу широкую царапину и застопорилась окончательно, но приоткрылась настолько, чтобы можно было протиснуться.

Комната была небольшой, пустой, светлой, а еще какой-то очень неуютной, так что хотелось оглядываться и поскорее уйти. Желтые обои на стенах отклеились и свисали широкими лоскутами; в углу стояла покосившаяся кровать: сколы на блестящих никелированных спинках были тронуты ржавчиной, голая панцирная сетка похожа на скелет диковинной рыбы. Еще в комнате был сломанный стул без сиденья, а рядом с кроватью — засаленная тумбочка с выдвинутыми пустыми ящиками.

За окном зашумели от ветра деревья. Шум доносился сюда как шипение рассерженных змей.

— Ничего интересного, — заключила Вика. — Пойдем отсюда.

Лера с готовностью кивнула и стала протискиваться обратно, но второпях зацепилась платьицем за дверной косяк, и большая красная пуговица, оторвавшись, со стуком упала на пол и покатилась под кровать.

— Ой, пуговица! Меня мама будет ругать, — захныкала Лера.

— Растяпа, — сказала Вика, встала на четвереньки, так, что из-под платья стали видны белые трусики, и полезла под кровать. Лера смотрела, как подруга шарит руками в пыли, и тут Вика вдруг вскрикнула:

— Лерка, ползи сюда! Смотри!

Лера легла на пол рядом с Викой и посмотрела: в стене под кроватью была небольшая дверца, похожая на узкую печную заслонку с маленькой круглой ручкой. Девочки переглянулись.

— Давай откроем? — предложила Вика.

— Вот ты и открывай!

— Глупая, а вдруг там клад?

Вика взялась за ручку и потянула. Дверца открылась. Узкая темная ниша была густо затянута пыльной паутиной.

— Фу, я туда не полезу! — скривилась Лера.

Вика пожалала плечами, сунула руку за стену, пошарила, и глаза ее округлились.

— Нашла! Лерка, там что-то есть!

Она поелозила по полу, подтягиваясь поближе, взялась двумя руками и, пыхтя, вытянула находку: большой жестяной сундучок, похожий на тот, в котором бабушка Леры хранила иголки и нитки.

— Точно, клад!

Девочки вылезли из-под кровати, отряхивая паутину и пыль, сели на пол и поставили сундучок перед собой. Он был длинный, высокий, на металлической крышке виднелся когда-то яркий, а сейчас сильно поблекший цветной рисунок, похожий на картинку с жестянок с чаем: то ли пейзаж, то какой-то букет, то ли улица города в далекой стране. Вика осторожно взяла сундучок и тряхнула. Внутри загремело.

Оторванная пуговица была забыта. Девочки переглянулись.

— Слушай, давай оставим его... — начала было Лера, и тут из пустоты коридора раздался внезапный громкий звук, как будто кто-то изо всех сил хлопнул дверью, да так, что за полуистлевшими обоями что-то с шорохом посыпалось вниз, будто песок. Девочки уставились друг на друга круглыми от страха глазами, и тут снова раздался удар, но теперь уже ближе, словно врезали кулаком по дрогнувшей ветхой стене совсем рядом с дверью.

Они убежали так быстро, что Лера даже не успела это запомнить. Сквозь щель в двери, в которую до этого приходилось с трудом протискиваться, они прошмыгнули, как легкий сквозняк, и, не оглядываясь, скатились по лестнице, ступени которой провожали их скрипучим,

злорадным хохотом.

На улице солнце обожгло приятным теплом застывшие от страха и зябкой прохлады руки и плечи. Они опрометью кинулись бежать, поднимая сандалями пыль, и только уже во дворе задыхающаяся от испуга и стремительного бега Лера заметила, что подруга не забыла прихватить их трофей, жестяной сундучок...

Они отдышались, успокоились, а потом пошли на тот конец площадки, что ближе к их дому, и устроились под деревьями. Тут, в тени, обычно был «домик»: здесь они играли в дочки-матери, готовили куклам суп и второе, насыпая порванную траву и цветы одуванчиков в алюминиевые маленькие кастрюльки, пока мальчишки носились вокруг песочницы и качелей на велосипедах или с пистолетами в руках, разыгрывая бесконечные батальные сцены. Под деревьями было уютно, воздух был густым и медовым, и они уселись прямо за темную землю, среди валиков разрыхленной почвы — следов дождевых червей, и липких тополиных почек. Сундучок стоял между ними и как будто ждал.

— Ну что, кто откроет? — спросила Вика.

— Давай ты, ты же нашла, — ответила Лера.

Вика пожала плечами, уцепилась пальцами за жестяную шаткую крышку и потянула вверх. Крышка звякнула и открылась. Потянуло холодом, как будто подул легкий ветер, и Лере на миг показалось, что едва заметная тень пробежала между деревьев.

— Ух ты! — восхищенно протянула Вика.

Лера посмотрела и удивленно раскрыла рот. В сундучке обнаружили сокровища: как будто кто-то делал «секрет», только сложил разные удивительные предметы не под бутылочное стеклышко, прикопанное землей, а в эту жестяную шкатулку. Девочки переглянулись и стали вытаскивать вещи одну за одной, разглядывая и передавая друг другу.

Первым они достали зеркало, небольшое, овальное, потемневшее по краям, на длинной металлической рукоятке в виде голой женщины, которая обнимала руками зеркальный овал, а там, где не доставали руки, его обрамляли причудливые растения и травы из того же потускневшего металла. Лица женщины не было видно, только спина и затылок, словно она, раскинув руки над лесным омутом, смотрелась в его глубину. Вика протянула палец и задумчиво погладила потертые блестящие металлические ягодицы, а потом подруги по очереди посмотрелись в зеркальную гладь. Отражения были как будто не похожи на них. За зеркалом последовал ключ — обычный, железный, с одной «бородкой», похожий на те, которыми их родители запирали квартиры; монета, по виду

очень старая, рыжая, с неровными краями и едва различимыми цифрами 1 и 8 под двуглавым орлом, который так истерся от времени, что казался вовсе безголовым; тонкое медное кольцо, чуть погнутое, тронутое зеленью, особенно там, где разжатые штырьки, похожие на металлические лапки, держали когда-то выпавший ныне камень. За кольцом Вика вытащила толстый пучок не струганных палочек или веток, туго перемотанный красной шерстяной ниткой, завязанной в причудливые узлы. При взгляде на них Лера подумала, какие руки могли их вязать: представились старые, потемневшие, узловатые, но сильные и очень ловкие пальцы. Вика повертела пучок и отложила в сторону.

— Пока не будем развязывать, — рассудительно сказала она.

— Теперь я! — Лера сунула руку в сундучок и вытащила маленькую куколку. Она была тряпичная, набивная, в белом платье из хрусткого материала, такого жесткого, что юбка неподвижно торчала в обе стороны от широко раздвинутых грязно-розовых ног, тонких, как лапки паучка-сенокосца. Волосы были темными и тоже жесткими, как будто кукла перестаралась с лаком для укладки, а на бледном личике выделялись нарисованные кисточкой черные большие глаза. В разведенных в сторону руках кукла держала веревку, и девочки решили, что это скакалка. Потом на свет появились голубая стеклянная бусина, большая и яркая, как будто светящаяся изнутри; огарок черной свечи, твердый и гладкий, как кусок дегтярного мыла; большие ножницы с такими широкими кольцами на рукоятках, что туда свободно влезали четыре девчоночьих пальчика, и маленький стальной колокольчик, который не звенел, а тихо позвякивал.

— Ой, какой страшный! — Лера вытащила потрепанную игральную карту и показала подруге. На карте был нарисован клоун в костюме из лоскутных ярких квадратов и в колпаке с бубенцами, только клоун совсем не веселый: горбоносый, тощий, бровастый, тонкогубый, с недобрыми маленькими глазками. Казалось, что если этот клоун и шутит, то только очень зло: например, привязывает консервные банки к кошачьим хвостам или толкает малышей так, чтобы они шлепнулись в лужу. А может, что и похуже.

— А теперь я! — сказала Вика и вытянула из сундучка совсем уж странный предмет. Лера подумала, что он похож на длинный деревянный пестик для ступки или толстую дубинку: гладкий, как будто отполированный частым прикосновением к мягкому, весь в каких-то продольных неровностях и покрытый темными бурыми пятнами. На одном конце этого предмета имелось округлое чуть раздвоенное утолщение, а к другому крепились перепутанные кожаные заскорузные ремни с

металлическими застежками и пряжками.

— Фу! — вскрикнула Вика, отбросила предмет в сторону, покраснела и захихикала. Лера посмотрела на нее недоуменно.

— Что это? — спросила она.

— Тебе еще рано знать, — важно ответила Вика, как будто не была на полгода младше подруги. — Давай лучше посмотрим, что там еще.

В сундучке обнаружился еще маленький черный кошелек из потрепанной кожи с замком «поцелуйчик», в котором лежал простой металлический крестик из мягкого металла, потертый и погнутый так, словно на него наступили, и кусочек мела; а кроме кошелька — пустая аптечная склянка, заткнутая резиновой пробкой, с кольцом черного сухого осадка на дне и на стенках, спичечный коробок с самолетиком на этикетке и крупной солью внутри и сморщенный, светло-серый, осклизлый предмет, похожий на рыбий пузырь. Наощупь он был, как ни странно, твердый, словно покрытый лаком. Последней была потертая записная книжка в обложке из черной клеенки, похожая на ту, которая лежала рядом с телефоном и куда мама Леры записывала разные номера, только толще. Все страницы книжки были покрыты мелкими неразборчивыми каракулями, где чернилами, где химическим карандашом, и какими-то странными рисунками. Лера пролистала книжку, и, хотя уже хорошо умела читать, не поняла ни слова.

— Абракадабра какая-то, — заключила она.

— Смотри, тут еще! — сказала Вика и потянулась на дно сундучка.

Там, среди мелкого сора, похожего на остатки сухих листьев и трав, лежала длинная стальная булавка с блестящим острием и крупной головкой в виде цветка, похожего на колокольчик; на цветке еще сохранились следы темно-синей или фиолетовой эмали.

— Какая красивая! — прошептала Вика. Булавка в ответ дружелюбно блеснула на солнце.

Лера задумчиво посмотрела на разложенные по земле предметы. Новообретенные сокровища показались ей похожими на страшноватых сороконожек, раньше времени выбравшихся из своих нор на свет дня.

— И что мы теперь будем делать? — спросила она.

Вика не ответила, завороченно разглядывая булавку.

— Давай уберем все это обратно, а сундучок спрячем, — предложила Лера, глядя на подругу.

Та кивнула.

— Да, — помолчав, согласилась она. — Я у себя спрячу. Только возьмем по одной вещи. Выбери, ты что хочешь?

Лера подумала и взяла тряпочную куклу с печальными черными глазами.

— Вот, — сказала она. — У меня будет куколка.

Лера обеими руками подняла ее перед собой и чуть покачала из стороны в сторону.

— Я назову тебя Тамарой. Будем с тобой играть.

— Хорошо. А я возьму эту иголку, — ответила Вика и вдруг вскрикнула — Ай!

Лера тоже взвизгнула — за компанию. Вика уронила булавку и с болезненной гримаской показала ей грязный палец, из которого выступила рубиново-яркая капелька крови.

— Укололась, — сказала она, засунула палец в рот и поморщилась. — Все равно возьму ее себе.

Вика потянулась левой рукой и очень осторожно взяла булавку двумя пальцами.

— Покажу ее маме. Хотя нет. Не покажу.

...Павлик уже минут десять ходил по площадке, искоса посматривая на девочек, которые сидели под деревьями за скамейкой и что-то рассматривали. Ему было очень интересно, что они там делают, да и про то, как они сходили в пустой дом, тоже хотелось спросить. На самом деле Павлик был уверен, что они никуда не пошли: наверняка сделали круг за домом с другой стороны двора и вернулись, а теперь сидят и играют во что-то девчоночье. Тем более, нужно было подойти и спросить: интересно, что теперь ему скажет задавака Вика? Ведь не будет же она врать ему при Лере и рассказывать, что они были в доме и никаких призраков не видели. Пусть признается, что они так и не зашли туда, и Павлик тогда продолжит свою историю про привидения; он как раз придумал несколько новых страшных подробностей про то, как призраки-кровопийцы по ночам похищают детей из кроваток и относят в свой дом, чтобы съесть. Павлик поправил игрушечный пистолет, засунутый за резинку штанов, и небрежной походкой направился к девочкам.

Но оказалось, что подружки заняты совсем не какими-то глупыми играми в куклы: перед ними на земле стоял красивый сундучок, а Лера вертела в руках небольшую белую куклу. Павлика девочки не заметили. Он подошел поближе и спросил:

— Что это у вас?

Они разом посмотрели на мальчика. Карие глаза Леры будто потемнели еще больше и стали похожи на большие черные камни, а голубые Викины глазки были холодными и колючими, как острые

ледышки.

— У меня куколка, — сказала Лера и подняла повыше куклу в белом топорщащемся платье.

— Ничего, — отрезала Вика.

— А откуда это? Вы что, ходили все-таки в дом? — спросил Павлик.

Лера открыла было рот, чтобы ответить, но Вика зыркнула на Павлика так зло, что он попятился, и отдельно сказала:

— Никуда мы не ходили. Понял?

Павлик растерянно посмотрел на Леру. Она опустила глаза и молчала. Вика сверлила мальчика злыми голубыми глазами.

— Я просто хотел узнать, что это... — неуверенно начал Павлик, и тут произошло что-то совсем странное.

Вика внезапно резко вскинула руку; между пальцев остро сверкнул тонкий металл. Она наставила булавку на Павлика и прошипела задуманным, яростным шепотом:

— Убирайся! И больше к нам не подходи!

Павлик повернулся и побежал.

Он бежал через двор, плача от обиды и страха, такого сильного, что маленькое сердце как будто стискивала злая рука. Глотая рыдания и слезы, он добежал до парадной, взлетел по лестнице и застучал кулачками по обитой клеенкой двери квартиры. Когда удивленный дедушка открыл внуку дверь, тот проскочил мимо, не снимая сандалий вбежал в свою комнату, забился в угол и плакал навзрыд до самого вечера.

С Лерой он больше ни разу не обмолвился ни единым словом. До середины июня, до самого отъезда на летнюю дачу, он только издали видел, как они с Викой гуляют во дворе, но ни разу не осмелился подойти. Этим летом записок он ей не писал. Зато стал плохо спать, часто просыпался от кошмаров, а несколько раз даже описался во сне. Родители было встревожились, но все прошло так же внезапно, как и началось. В августе, перед своим днем рождения, он с родителями переехал на новую квартиру, в другой район, а потом пошел в первый класс — не в ту школу, куда первого сентября отправились Вика и Лера.

Больше увидеть девочку, которой написал первое в жизни слово «ЛЮБЛЮ» и которую чуть не поцеловал на подлете к планете Венера, ему было не суждено.

Глава 16

4 апреля 20... года.

Ситуация осложнилась. Конечно, не настолько, как могла бы, прояви я чуть меньше самообладания и сообразительности. Но сегодня я впервые понял, что невозможно предусмотреть всего, и что даже самое тщательное и продуманное планирование действий не гарантирует меня от внезапного и страшного провала.

Впрочем, расскажу по порядку.

Сегодняшний день я решил посвятить поиску места для допроса Белладонны, она же Дарина, она же Даша — ведьма, проститутка и любящая дочь. Специально выехал пораньше, чтобы избежать пробок. Ранним утром в субботу их обычно не бывает: город застыл в оцепенении похмельного вязкого сна, немногочисленные прохожие и машины двигаются торопливо и сердито, словно их разбудили и силой заставили выйти или выехать на улицы. Было светло, и сквозь прорехи в тонких серых облаках местами даже несмело проглядывало бледно-голубое, линияемое небо. Мир как будто отдыхал в тишине весеннего утра; но скоро появятся люди, и все станет, как обычно — город проснется от сна, небо насупится, закроется свинцовыми тучами, а под вечер начнет поливать холодным крупным дождем или осядет вниз стылой моросью. Впрочем, к этому времени я уже собирался быть дома.

Я выехал из города в северном направлении. Если Вы заметили, я вообще предпочитал именно север, и не потому, что знал эту часть области лучше других: просто именно здесь дачные поселки были такими, какие мне требовались — старые, с пустующими домами, с обилием растительности на участках и между ними, без засилья новых коттеджей. На востоке было слишком много многоэтажных застроек, на юге — плоских, разграфленных на крошечные земельные наделы полей, среди которых сложно было укрыться от посторонних взглядов, а западная часть по дороге к заливу ассоциировалась у меня с пафосными пригородными отелями, ресторанами и поселками из того типа домов, которые сейчас принято называть «элитными». Вот я и сосредоточился на северной части. Конечно, такое постоянство могло привести к нежелательным последствиям с точки зрения безопасности, но, с другой стороны, связать выбор направления с моей личностью было никак нельзя. На сидении

рядом со мной лежала раскрытая карта, и я ехал по почти пустому шоссе, наслаждаясь дорогой и светом.

В поселок я въехал еще до полудня. То, что нужно: старые дачи, густой кустарник, высокие сосны и ели, рядом лес и болото. Вдобавок к этому, холмы, по которым взбирались и опускались узкие, кривые улочки, петлявшие во множестве крутых поворотов. Лучше и пожелать нельзя. Я немного покружил по поселку, убедился, что дома остаются пустыми даже в субботу — только в одном или двух из труб поднимался вертикально к небу легкий дымок, но это были новые, кирпичные дома за высокими заборами, и я в любом случае держался бы от них подальше. Искомое я обнаружил, как водится, на окраине. Дом был довольно большой, выстроенный в стиле, который я для себя определил, как прибалтийский: аккуратный, с тремя небольшими окнами на низком фасаде, с высокой остроконечной двускатной крышей, облицованный серым камнем, покрытым темными пятнами — совсем как кожа человека в преклонном возрасте. Несмотря на довольно презентабельный вид, хозяева дома вряд ли часто сюда наведывались, а может быть, несколько лет их тут не было вовсе. При внимательном рассмотрении можно было заметить, что краска на простых деревянных рамах облупилась, стекла местами треснули и были покрыты изнутри слоем пыли, участок за забором запущен и зарос длинными пожухлыми сорняками, а сам забор из тонкого штакетника покосился рядом с запертой на ржавый замок калиткой. Но в целом дом выглядел вполне пристойным — не хибара в окружении ржавых автомобильных останков и не обветшавший деревянный терем, памятник первым дачникам советской эпохи — и я подумал, что это тоже очень хорошо. Можно будет сказать своей новой подружке, что мы поедем в мою загородную резиденцию, спокойно довезти ее сюда, дать войти внутрь, и уже там применить шокер. Никакой возни со связыванием, развязыванием, переносом из багажника в дом: мне уже порядком надоело таскать обездвиженных ведъм на своем горбу.

Я вышел из машины и огляделся. На участках вокруг ни души, узкая улица, спускавшаяся с холма и резко поворачивавшая вправо, была пустынна. Я подумал, что этот крутой поворот дополнительно защищает меня от чужих глаз: густые деревья, глухой и высокий железный забор на соседнем участке у самого поворота — даже если кто-то там есть, то меня ему не увидеть.

Почему-то мне не пришло в голову, что я тоже не увижу никого, кто может двигаться по улице сюда, в моем направлении.

Я шагнул к калитке, последний раз оглянулся и замер. Сердце ухнуло

так, что сдавило виски. Ноги стали будто чужими, как в страшном сне. Голова под шляпой мгновенно покрылась испариной, и я почувствовал, как стекает по черепу горячая струйка пота. Если честно, то горячая струйка вполне могла бы потечь и по ногам, потому что из-за поворота совершенно неслышно и незаметно выехал полицейский автомобиль — выехал, и остановился метрах в тридцати от меня.

Патруль. Я стоял и смотрел на силуэты двух человек за лобовым стеклом и чувствовал, что они тоже смотрят на меня. Конец игры, шах и мат, удавы и кролик, попался, олень в свете фар на ночном шоссе, западня.

Усилием воли я заставил себя двинуться с места. Посмотрел на дом, вытащил мобильный из кармана, приложил к уху, поморщился, убрал обратно. Развернулся, стараясь двигаться естественно на негнущихся деревянных ногах, подошел к машине, вытащил карту и уставился на нее, стараясь, чтобы не дрожали руки.

Полицейский автомобиль не двигался с места.

Я как можно спокойнее сел за руль, захлопнул дверцу и неспеша поехал навстречу патрульным. Сердце заходило в болезненном, частом стуке, воротник рубашки промок от пота. Тридцать метров до автомобиля полиции были долгими, как последние марафонские мили.

При встрече с агрессивными собаками служебных пород есть правило: не убегать. Побежите — догонят и разорвут. Если уж такая встреча случилась, то идите прямо на них, спокойно, уверенно, потому что, если они почувствуют страх... да, итог будет тот же. Догонят и разорвут.

У сотрудников полиции чутье на чужой страх и подозрительное поведение сильнее, чем у любого добермана. Я это знаю, поэтому не бегу, а еду им навстречу. Но этого мало. Патруль появился здесь не просто так, наверняка они ищут меня, то есть убийцу, имеющего привычку пытаться и казнить своих жертв на территории дачных поселков. Поэтому просто проехать мимо — не вариант. Догонят и разорвут.

Нужно с ними заговорить. И придумать удовлетворительное объяснение своему появлению здесь.

Мысли мечутся, словно испуганные крысы на чердаке горящего дома. Что, если у них уже есть описание моей машины? Что, если у них есть мое описание, в частности, этой шляпы, будь она неладна, что надета сейчас на моей голове? Нет, в этом случае они бы уже напали. Или вызывают по рации помощь для задержания опасного убийцы — маньяка.

Я подъезжаю к патрульной машине борт в борт, со стороны водительской дверцы. Останавливаюсь и опускаю стекло. Улыбаюсь

смущенно и немного заискивающе, как и должно при обращении к сотруднику охраны правопорядка. Я интеллигентный, немного неуклюжий, совершенно безобидный.

Только бы пот не потек из-под шляпы.

Полицейский, сидящий за рулем, тоже опускает стекло.

— Здравствуйте, — вежливо говорю я.

Он совсем молодой, но взгляд внимательный и цепкий. Наверное, им такой выдают вместе с оружием и служебным удостоверением. Я стараюсь не отводить глаз.

— Здравствуйте, — отвечает патрульный.

— Поможете мне? — я беру карту и машу ею перед собой. — Представляете, еду к приятелю на дачу, и вот, заблудился. И деньги кончились на телефоне как назло, ни позвонить, ни по навигатору не посмотреть... Можете подсказать дорогу?

Господи, слава Тебе, создавшему день субботний! Сегодняшний выходной придает моей версии больше правдоподобия. Чуть больше. Самую малость.

— А куда Вам нужно? — спрашивает полицейский.

— Мне нужна Красивая улица, дом 63. Это где-то здесь должно быть, а я кружу, кружу...

Красивую улицу я проезжал двадцать минут назад и совершенно случайно запомнил название: табличка с ним висела на стволе сосны, вот и бросилась в глаза, да и название необычное. Номер 63 был у того дома, рядом с которым я сейчас останавливался. Еще одно очко к сомнительному правдоподобию моей истории.

Полицейский еще секунду смотрит на меня, потом поворачивается к своему напарнику и что-то ему говорит. Я замечаю на коленях у того автомат — короткий такой, с раструбом на курносом стволе.

Что он ему говорит? «Нет времени вызывать подмогу, дай-ка лучше очередь через окно, чтобы не рисковать».

Второй патрульный нагибается к открытому окну и говорит:

— Поезжайте прямо, спуститесь к широкой улице, поедете по ней до развилки и повернете направо, там будет Красивая.

— Огромное спасибо! — говорю я с облегчением в голосе. — Так бы и колесил тут до вечера, если бы не вы! Спасибо! Всего доброго!

— Счастливого пути, — отзывается полицейский.

Я закрываю окно и медленно трогаюсь с места. Автомобиль патрульных остается стоять, и я вижу в зеркало, как они о чем-то переговариваются.

Например: «Давай проводим его до этой Красивой и проверим?»; или «Запиши номера на всякий случай»; или «Это точно он, описание совпадает, вызывай подкрепление!».

Потом коротко вспыхнули красные сигналы габаритных фонарей, и полицейская машина тронулась с места, скрывшись из виду.

На всякий случай я доехал до Красивой улицы, 63. Никто не подъехал сюда за мной следом, никто не поджидал в засаде. Я немного посидел, глядя в окно на аккуратный, ухоженный дом, обшитый светлыми досками; снял шляпу и вытер платком взмокшую голову. Собственно, поэтому я и ношу шляпу. Нет, конечно, еще потому, что мне нравится этот головной убор, это да, но прежде всего по другой причине: в шляпе я среднего роста человек без особых примет; без шляпы моя особая примета будет блестеть от дождя или солнца, особенно, например, сегодня, когда я утром аккуратно побрил череп.

Жена говорила, что мне идет. Якобы придает брутальности, которой у меня явная нехватка. Лично для меня это приемлемая альтернатива обрамленной редкими чахлыми зарослями обширной ранней лысине, которой я обзавелся к сорока годам. Так что привык уже.

Я снова надел шляпу, развернулся и поехал обратно в город.

Очевидно, что про дачные поселки можно забыть. Теперь, когда пустующие дома более мне недоступны, нужен альтернативный план. Белладонна-Дарина-Даша ждет своего перспективного гостя, и лучше не заставлять ее ждать слишком долго.

И такой план у меня есть.

Глава 17

Разумеется, ни на какое задержание Алина не поехала. Когда после звонка Штольца Чекан сорвался с места и умчался, бодрый, как будто не отработал шестнадцать часов на ногах, она быстро закончила дела в Бюро и отправилась домой. Потому что, в отличие от Чекана, после шестнадцатичасового рабочего дня бодрой себя отнюдь не чувствовала.

В субботу у Алины был выходной. На улице посветлело, серая хмарь на небе на время сменилась бледной дымкой, что в Петербурге вполне могло сойти за погожий, солнечный день. Алина проснулась отдохнувшей, мысленно похвалив себя за то, что вчерашний вечер обошелся без визита в «Дрейк»; быстро позавтракала, уютно устроившись на диване и рассеянно щелкая пультом телевизора, подолгу не задерживаясь ни на одном канале. Разве что на Главном: две группы людей с невыразительными лицами, облаченные в пасмурно светлые и вычурно темные одежды называли себя белыми и черными магами и состязались в искусстве волшбы прямо в эфире, так сказать, на глазах у изумленной публики. Антураж студии напоминал нечто среднее между кулинарным поединком и ток-шоу о семейных проблемах.

Для новостей от Чекана было еще рановато. Алина в итоге оставила телевизор включенным на каком-то из так называемых познавательных каналов, и под негромкий рассказ о жизни североамериканских селений в конце семнадцатого века села посмотреть свои записи со вчерашнего вскрытия. В том, что они нашли первую жертву зловещего Инквизитора, она не сомневалась: об этом говорили явные следы на груди убитой девушки. Алину занимали другие вопросы: насколько спонтанным было это убийство и так ли уж сильно отклонился преступник от своего обычного образа действий. На первый взгляд, отличия были разительными, но...

Для начала Алина исключила импульсивность. Что бы ни произошло тогда, в роковой для студентки Лолиты день два месяца назад, воск и соль с собой прихватить убийца не забыл, и Алина думала, что это для него гораздо важнее молотка или клещей. Значит, все-таки готовился. Может быть, что-то пошло не так, как он задумывал, но неожиданным порывом это убийство не было.

Кстати о молотке: отсутствие характерных для Инквизитора следов пыток на трупе тоже причислили к отличиям, которые могли бы указать на

то, что преступление совершил некто другой. Но Алина была уверена, что истязание жертв не являются самоцелью. пытки для него — инструмент, который применяется с целью что-то узнать или вынудить в чем-то признаться. С этой точки зрения факт, что у несчастной Лолиты перед смертью не были раздроблены пальцы на ногах, говорит только о слабости ее характера. Видимо, старая гадалка с интересной криминальной биографией и годами тюрьмы за плечами оказалась самой крепкой: выдержала все, ничего не сказала, и в итоге сгорела заживо. Портниха Оксана сломалась после того, как ей раздробили пальцы на одной ноге, после чего была милосердно удушена проводом. Ну а двадцатилетней студентке хватило и нескольких ударов по лицу, чтобы сказать то, что требовалось. После этого ее тоже задушили, на этот раз руками — провода не нашлось? — а удар в висок был, скорее всего, средством оглушить жертву.

Оставался еще один вопрос: отсутствие печально известной надписи «ВЕДЬМА». Если уж Инквизитор все-таки готовился к этой, первой казни, и не забыл прихватить с собой свои странные приправы для сжигаемых тел, то почему обошелся без фирменной подписи? Явно не потому, что забыл: этому персонажу небрежность и забывчивость никак не были свойственны. Просто в случае с Лолитой он еще не хотел публичности, не собирался передавать некое послание, которое очевидно содержалось во всех последующих действиях — и тому должны были быть свои причины.

«Я думаю, это дело рук того, кто прекрасно знает, что делает», — вспомнила Алина слова, которые сказал некогда Гронский о других убийствах и совсем другом злодее. Ее напарник тогда провел несколько дней в поисках источников, которые помогли понять мотивы ночного охотника, оставлявшего за собой кровавый след в лабиринтах городских дворов. Значит, и ей сейчас нужно заняться тем же.

Алина включила компьютер, открыла чистую страницу текстового редактора и напечатала вверху листа: «Ведьмы». Потом подумала, добавила: «Матчасть», и открыла поисковую страницу в интернете.

Источники нашлись быстро, а чтение оказалось увлекательным. Количество страниц в документе «Ведьмы. Матчасть» быстро перевалило за десяток и продолжало расти. Некоторые цитаты Алина выделяла маркером.

«Прежде всего имеется три способа, коими демоны при посредстве ведьм совращают невинных и вследствие чего это нечестие постоянно растёт. Первый — посредством тоски из-за тяжких временных

несчастий. В отношении молодых, преданных более тщеславию и телесным удовольствиям, они пользуются вторым средством, а именно — их склонностью к телесным желаниям и плотским удовольствиям. Третий способ привлечения и соблазна бывают путём печали и бедности»^[18].

«Бывают такие женщины, которые стали ведьмами вследствие нужды и лишений, сманенные другими ведьмами и потерявшие часть или полностью веру. Таких, ещё не полностью испытанных, ведьм, чёрт оставляет во время суда без поддержки. Поэтому они легко признаются».

«Как из недостатка разума женщины скорее, чем мужчины, отступаются от веры, так и из своих необычайных аффектов и страстей они более рьяно ищут, выдумывают и выполняют свою месть с помощью чар или иными способами. Нет поэтому ничего удивительного в том, что среди женщин так много ведьм».

День за окном сменился сумерками, небо снова затянуло плотными тучами, словно кто-то задернул грязно-серую занавеску; темный город засветился огнями: рыжими, синими, белыми, голубыми, которые с высоты одиннадцатого этажа казались зажигалками в руках сотен невидимых и недвижимых истуканов, сгрудившихся перед началом ночного концерта. Телевизор продолжал бубнить что-то на одной ноте, кажется, про Германию времен Ренессанса; раскрытому блокноту на столе у компьютера составили компанию две тарелки с крошками от бутербродов и кофейная чашка.

«Для предохранения себя во всяком случае надлежит носить у себя на шее соль, освящённую в вербное воскресенье, и освящённые же травы, а также воск».

«К вышесказанному надо прибавить, что допрос ведьм лучше всего производить в дни больших праздников — в то время, когда в церкви происходит богослужение. Далее, надо надеть на шею ведьме те освящённые вещи, которые были нами указаны выше. Опыт показал, что эти вещи весьма мешают ведьме действовать».

Алина перечитала последние строчки и, кроме маркера, выделила их еще жирным шрифтом. Потом ввела новые данные поиска и без особого удивления приписала к своим заметкам:

«25 февраля — Пепельная среда. 22 марта — Лэтаре».

Оперативники, давшие убийце прозвище «Инквизитор» сами не понимали, как были правы.

Перебивая мысли и телевизионные голоса зазвонил телефон: «Семен Опер». «Надо уже наконец по фамилии записать», — подумала Алина, взяла трубку и услышала:

— Привет! Тебе интересно?

— Привет, еще как! — ответила она. — Я думала, ты раньше позвонишь.

— Вот сейчас немного освободился, — сказал Чекан, — ездили с клиентом в суд, только что в изолятор вернулись.

— В конвойном полку решил поработать?

Чекан засмеялся.

— Слишком важный персонаж, — ответил он. — Мы с Максом вместе с конвоем ездили, не хотели, так сказать, выпускать из рук. Но теперь все, судья ходатайство об аресте удовлетворил, так что...

— Семен, а ты сейчас в ИВС^[19]? — перебила Алина.

— Ну да, здесь, на Захарьевской.

— А что, если я приеду?

— Э... зачем?

— Хочу посмотреть на задержанного.

— Ну, вообще-то...

— Слушай, я очень быстро соберусь, выйду через пятнадцать минут, — не дала договорить Алина. — Меньше, чем через час, буду у тебя, хорошо? Заодно и расскажешь все по порядку.

* * *

За прошедшие сутки лицо у оперативника побледнело, осунулось и покрылось тенью щетины, глаза очертили усталые синяки.

— Ты хоть спал? — спросила Алина.

— Собирался, — угрюмо отозвался он. — Вот как раз, когда тебе позвонил, уже домой выезжал.

— Ну прости, я не знала...

— Да ладно, — отмахнулся Чекан. — Часом больше, часом меньше. Сегодня ночью отосплюсь, уже наконец-то спокойно. Макс тоже почти двое

суток на ногах, вместе со мной. А вот и он, кстати...

Штольц прохаживался по узкому коридору рядом с дверью в кабинет для допросов и разговаривал по телефону. Он увидел Алину, приподнял бровь и бросил в трубку: «Я перезвоню».

— Добрый вечер, Макс, — сказала Алина.

— Добрый, — отозвался он и взглянул на Чекана. — Что случилось, здесь кто-то умер?

Чекан замялся.

— Я с неофициальным дружеским визитом, — поспешила ответить Алина. — Мимо проезжала, решила познакомиться с задержанным.

— Ну-ну, — сказал Штольц, еще раз посмотрел, прищурившись, на своего напарника и на Алину, отвернулся, снова достал телефон и зашагал по коридору в обратную сторону. «Да, это опять я...»

— Не обращай внимания, просто устали все, — Чекан тронул Алину за плечо. — Заходи, его скоро приведут. Как раз успеем поговорить.

Он открыл тяжелую металлическую дверь, покрытую казенной темно-зеленой краской, и пропустил Алину вперед.

Помещение было квадратным, унылым и почти пустым. Под потолком устало гудели лампы дневного света, но все равно казалось, что в комнате полумрак: может быть, из-за темных стен, а может, из-за затхлого воздуха с запахом табачного дыма и страха. Посередине стоял выдавший виды стол с привинченными к полу ножками и несколько стульев с порванной обивкой. Чекан и Алина уселись по одну сторону стола, ближе к двери; Алина подумала было снять пальто, но в комнате не было вешалки, и она только расстегнула одежду.

— В общем, это Макс спасибо, он все раскрутил, пока я...пока мы трупом занимались, — начал Чекан. — Сразу вышел на след, как только личность потерпевшей установили. На самом деле, этот тип, подозреваемый, уже давно был на примете, просто два месяца назад не хватило оснований для ареста, да и районные опера, которые вели дело об исчезновении Лолиты Ким, немного не дожали тогда. Зато мы теперь доработали.

Он положил на стол блокнот и начал рассказывать, периодически поглядывая на страницы, исписанные крупным, неразборчивым почерком.

Еще два месяца назад, когда оперативники стали проверять, как водится, связи пропавшей студентки, выяснился ряд интересных подробностей. В частности, что она подрабатывала официанткой в ночном клубе-ресторане в центре города и что у нее, по показаниям многочисленных свидетельств, была связь с хозяином этого заведения,

который, кроме прочего, владел несколькими суши-барами и небольшой дистрибьюторской компанией по продаже алкоголя. Работники клуба, от администраторов до официантов, рассказывали, что он оказывал девушке знаки внимания, доплачивал зарплату из своего кармана, подвозил вечерами до дома и однажды даже ужинал с ней в своем заведении, что все в один голос характеризовали как романтическое свидание. Сама Лолита тоже неоднократно хвасталась подругам по Университету неким взрослым и состоятельным кавалером, показывала подарки — новый телефон, украшения, и все в таком роде. Скорее всего, съемную квартиру-студию в новом доме рядом с метро оплачивал тоже он, хотя подтверждений этому не было, а договор аренды был заключен на саму Лолиту. История сама по себе не нова: сорокалетний бизнесмен заводит себе двадцатилетнюю подружку, чтобы отдохнуть от общества не столь молодой супруги, которая об этой связи ни сном, ни духом. Однако обстоятельства заставили внимательнее изучить личность Александра Витальевича Ферта, успешного предпринимателя и неверного мужа, после чего недостатка в материале для размышления у следствия не было. Вскрылось многое: от сомнительного завладения объектами недвижимости в девяностых до не дошедшего до суда дела о незаконном возврате НДС два года назад, от привлечения в качестве обвиняемого по факту нанесения побоев первой жене, которая в итоге забрала заявление, до пьяного дебоша и драки на борту самолета Милан — Санкт-Петербург пятилетней давности, от аффилированных с принадлежащей ему компанией «ИнтерВестТорг» сомнительных юридических лиц до приводов в милицию еще в несовершеннолетнем возрасте. Пестроты картине добавили обиженные бывшие любовницы, недовольные, но немногословные кредиторы и долг по уплате автомобильных налогов.

Алина слушала все это и думала, что полицейское расследование похоже на перепахивание благообразной с виду, ухоженной зеленой лужайки: из-под перевернутых камней и разрытой земли на свет выбираются слепые белесые черви, жирные сороконожки, мокрицы и прочая мерзкая живность, целые пласты почвы поднимаются вверх, и на месте подстриженных газонов открываются взгляду толстые слои перегноя, змеиные норы, и потрескавшиеся серые кости скелетов, ранее надежно укрытые в подземных шкафах. Вся человеческая жизнь в своей неприглядности выворачивается наизнанку, когда по ней проходит борона уголовного следствия.

— Пока ничего особенного, — заметила она. — Довольно стандартная биография современного бизнесмена средних лет.

— Да, верно — согласился Чекан. — Но самое интересное впереди: он был последним человеком, которому потерпевшая звонила до своего исчезновения. Можно сказать, что он был последним, кому она вообще звонила в этой жизни.

Этот факт тоже выяснился два месяца назад. 5 февраля, в последний день в жизни убитой Лолиты, она и Ферт созванивались дважды: днем, примерно в обед, а потом поздним вечером, около десяти. Последний разговор длился меньше минуты. Ферт этого не отрицал, но категорически отказывался признавать, что дважды встречался со своей подругой. По его словам, днем они просто немного поговорили ни о чем, а вечером она и вовсе только помолчала в трубку и дала отбой. Он рассказывал, как был возмущен тем, что пришлось бежать в другую комнату, чтобы ответить на звонок, а потом придумывать оправдания перед женой, и все это для того, чтобы несколько секунд послушать тишину. Разумеется, эти показания проверили: супруга подтвердила, что после вечернего звонка Ферт скоро отправился спать и никуда не выходил до утра, а данные сотового оператора свидетельствовали, что он не приближался к месту обнаружения трупа — во всяком случае, не приближался вместе с телефоном. Собственно, после этого Ферта оставили в покое, решив, что если он в чем-то и виноват, то только в банальном адюльтере, который не является предметом ни уголовного преследования, ни даже общественного осуждения.

— Насколько я понимаю, теперь что-то изменилось? — спросила Алина.

— Точно, — кивнул Чекан. — показания жены прежде всего.

Сейчас она утверждает, что очень хорошо помнит, как два месяца назад после вечернего звонка ее муж оделся, уехал куда-то, а вернулся только под утро. Брал он с собой телефон или нет, ей неизвестно. Конечно, это может быть связано с тем, что они уже больше месяца не живут вместе, и она подала на развод. Видимо, вскрывшиеся тогда похождения супруга переполнили чашу терпения, а может, и по другой какой-то причине, это неважно. Но отмахиваться от новых показаний и предполагать, что жена просто хочет ему отомстить, мы не можем: точно так же можно утверждать, что она лгала раньше, когда обеспечивала мужу алиби. Ферт тоже, буквально вчера, признался в том, что видел убитую днем: якобы они встретились, пообедали на «Марии Целесте» — знаешь, этот пафосный корабль на набережной — и потом разъехались каждый по своим делам. То, что они виделись позже, ночью, он по-прежнему отрицает.

Вообще, то, как Лолита Ким провела день 5 февраля, мы знаем почти

по минутам: данные с вышек сотовой связи, платежи по банковской карте, видеокамеры в универсамах и на проспектах. Она вышла из дома около полудня, поехала в центр, прошла по магазинам, потом примерно в три часа дня позвонила Ферту. Встретилась с ним на «Марии Целесте» в пять часов вечера, а через полтора часа они вышли, и Ферт довез Лолиту до Университета. Еще шли каникулы, но ей нужно было то ли задолженность какую-то закрыть, то ли проконсультироваться по поводу курсовой, что-то в этом роде. Данные из деканата подтверждают, что у Лолиты Ким был не сданный зачет по общему языкознанию и что она занималась на спецкурсе по истории Средних веков. С преподавателями мы пообщались: женщиной, которая преподает там лингвистику, и мужчиной с исторической кафедры, они подтвердили, что Лолита была у них в семь и в восемь часов соответственно. С последним они позанимались где-то час, и...

— Кто был последним? — перебила Алина.

Чекан вопросительно взглянул на нее.

— В смысле, кто? Историк, с которым она на тему курсовой общалась...

Он заглянул в блокнот.

— Вот, Каль Аркадий Романович, доцент кафедры истории Средних веков исторического факультета. Доктор наук, между прочим. А что?

— Да ничего.

Чекан усмехнулся.

— Алина, там тоже все проверили, причем сразу. Его показания подтвердил вахтер на факультете: он помнит, как Лолита входила в здание, и помнит, как оттуда выходил Каль, уже поздно, в начале десятого, ключи еще сдавал от кафедры. Причем выходил один. Так что...

— А как студентка выходила, вахтер не запомнил?

— Что ты хочешь сказать?

— Ну, просто по словам вахтера получается, что он помнит, как она вошла, но не помнит, как вышла.

Чекан махнул рукой.

— Через него в день сотни людей проходят, даже на каникулах, хорошо еще, что он хоть что-то помнит. И потом, повторю: историк этот выходил один, не в компании с девушкой и без ее бесчувственного тела на плече.

— Хорошо, я просто уточнила. Значит, единственное, что делает Ферта подозреваемым, это измененные показания жены?

— А вот и нет! Слушай дальше. Во-первых, после ссоры с женой он

переехал в загородный дом, который находится — угадай, в каком направлении от города?

— Наверное, в северном.

— Правильно! Как известно, Инквизитор предпочитает возить своих жертв именно туда. Причем дом у Ферта не просто на севере области, а в Сосново, это примерно километрах в десяти от места, где обнаружили труп второй потерпевшей — то есть, получается, что уже третьей, а саму Лолиту нашли в сорока километрах от его дома, недалеко от трассы, ведущей в Сосново. Во-вторых, у него серый «Ниссан Патруль»: если помнишь, один из таксистов у Московского вокзала говорил, что вроде видел, как Титова садится в большой серый автомобиль. В-третьих, ты сама обратила внимание на пыль в волосах Ким, помнишь?

— Ну да. Похоже на штукатурку или цемент, что-то строительное, я не разбираюсь.

— Вот! Второй этаж в доме Ферта в полуразобранном состоянии, он говорит, что летом затеял ремонт, но что-то там не успели, так что и мешков с сухим раствором, и досок, и старых кирпичей и прочего там предостаточно. Ответа от криминалистов еще нет, но тем не менее: он либо убил ее там, у себя, либо пыль была на его руках или одежде. И в-четвертых, самое важное. Ферта взяли сегодня днем как раз в том самом загородном доме. Все прошло нормально, сопротивления не оказывал, вел себя прилично. Но при досмотре обнаружили вот что...

Чекан достал телефон и протянул Алине. На экране была немного нечеткая фотография женского украшения: довольно большой круглый кулон из темного металла с орнаментом в восточном стиле и блестящими мелкими камнями по окружности.

— Макс фото прислал, — пояснил Чекан. — Вещь убитой Лолиты. Ее мать уже опознала эту подвеску, сказала, что сама подарила дочери на Новый год. Вещь редкая, не покупная, вроде семейной реликвии. Нашли у Ферта дома, в верхнем ящике тумбочки рядом с кроватью.

— Он как-то это объяснил?

— А как же. Сказал, что в день, когда они виделись в последний раз, Ким сама отдала ему этот кулон: якобы сломалось что-то, просила починить. Там действительно сломано ушко, которое крепит подвеску к шнурку, но тем не менее...

— Я бы сказала, что в суд пока выходить не с чем, — заметила Алина.

— До суда еще два месяца, — ответил Чекан. — И мы только начали. Лично я уверен, что студентку он убил. Мне это так представляется: еще днем у них что-то пошло не так, может, поссорились, или она сама решила

расстаться, но объяснения отложила на вечер, после занятий в Университете. Позвонила Ферту около десяти, позвала пообщаться в людном месте, наверное, опасаясь его взрывного характера: последний звонок был сделан неподалеку от «Готама-бар». Он приехал, но в бар они не пошли. Может быть, объяснялись в машине, может, еще где, но разговор не заладился, и по итогу он ее избил и задушил. Потом запаниковал, вывез тело за город, в лес, в том направлении, которое было ему знакомо, и попытался спрятать. Кулон, скорее всего, сорвал во время драки — тогда, кстати, и сломать мог — а потом оставил себе из сентиментальных соображений. Такое бывает. Да ты сама сейчас его увидишь, все поймешь, типичный... А вот и он, кстати!

Раздалось два гулких удара в дверь. В кабинет заглянул молодой конвойный, кивнул, и ввел арестованного.

Александр Ферт оказался невысоким, крепким мужчиной с широкими покатыми плечами. Под бесформенным толстым свитером выпирали мощные мышцы на груди и заведенных за спину руках. Из-под оттянутого ворота на крепкой шее был виден краешек татуировки, кельтского узора. Бритый череп поблескивал в неживом тусклом свете. Алина посмотрела на лицо, поросшее короткой щетиной с пробивающейся сединой, и подумала, что без крайней нужды не стала бы назначать этому человеку встреч поздней ночью для острых переговоров.

Ферт прошаркал по бетонному полу ботинками без шнурков, сел за стол и медленно покрутил головой, с хрустом разминая затекшую шею. Щелкнули наручники, освободив широкие запястья.

— Только недолго, отбой скоро, — предупредил конвойный.

— Спасибо, мы быстро, — любезно улыбнулась Алина.

Хлопнула дверь, с лязгом замкнулись запоры. В тишине негромко гудели лампы под потолком. Ферт молча смотрел в стол.

— Здравствуйте, — бодро начала Алина и собственный голос показался ей преувеличенно громким. — Меня зовут Назарова Алина Сергеевна, я начальник отдела экспертизы трупов судебно-медицинского Бюро. Это я проводила исследование тела Лолиты Ким.

Ферт бросил на нее тяжелый взгляд из-под насупленных бровей и буркнул:

— Добрый вечер.

Повисла неловкая пауза. Алина откашлялась.

— Я бы хотела задать Вам пару вопросов, если позволите.

Ферт пожал плечами и не ответил.

— Скажите пожалуйста, какую последнюю книгу Вы прочитали?

Арестованный подозрительно посмотрел на Алину, а потом на Чекана. Тот кивнул.

— Ну...я не помню.

— Вы постарайтесь, — приободрила его Алина. — Какие вообще книги любите читать?

Ферт задумался.

— Не знаю...по бизнесу.

— Например?

— Стивена Кови читал...

— «Семь навыков высокоэффективных людей», да? — подсказала Алина.

— Ну да. Еще Кеннеди, «Жесткий менеджмент». Из последнего.

— И как? Помогает в работе?

Ферт снова пожал плечами.

— Да вроде помогает. У меня несколько фирм, я стараюсь...как говорится...не стоять на месте...изучать там...внедрять понемногу...

— Отлично! А художественную литературу читаете?

Ферт наморщил лоб.

— Читаю, когда время есть. Детективы, фантастику обычно.

— Вот из таких книг, что читали последнее?

— Дэн Браун...кажется...

Чекан вопросительно посмотрел на Алину. Она сделала вид, что не заметила.

— Поэзией не увлекаетесь? Скажем, современники Пушкина или, может быть, Серебряный век?

— А к чему эти вопросы, можно узнать? — неожиданно огрызнулся Ферт.

— Александр Витальевич, отвечайте, пожалуйста, когда Вас спрашивают, — спокойно сказал Чекан, так, что даже у Алины все сжалось внутри. Она подумала, что сейчас бы и сама ответила на любые вопросы, а еще — что никогда раньше не видела Семена в деле. «Как-то с розами я погорячилась», — вспомнила она.

— Не увлекаюсь я поэзией, — мрачно ответил Ферт. — «Пирожки» читаю, в Социальной сети.

— Ну что ж, у меня все, — сказала Алина. — Спасибо за интересную беседу.

Вошел конвойный, надел на подозреваемого наручники и вывел из кабинета.

— И что это было? — поинтересовался Чекан, когда дверь снова

закрылась.

— Это не он, — ответила Алина. — Не Инквизитор.

— Очень интересно. Откуда такие выводы?

Алина вздохнула.

— Помнишь, ты рассказывал, что преступник регистрировал номера телефонов на разных людей? Причем не на абы каких, а на имена поэтов и писателей? Батюшков, например, да?

— Ну, было.

— Семен, этот тип даже имени такого не знает.

— И что с того?

— А то, что наш злодей образован и начитан. Он разбирается не только в литературе, но и в истории. Я тут на досуге почитала кое-что, для общего развития, чтобы лучше понимать смысл его действий, и точно могу сказать, что, кроме стихов русских поэтов, Инквизитор внимательно проштудировал как минимум «Молот Ведьм» и книги Монтегю Саммерса, а еще, скорее всего, «Муравейник» Нидера — это только то, до чего я сама успела добраться.

— Если честно, то я только про «Молот Ведьм» слышал, — признался Чекан.

— Вот именно! Как и твой арестант. А убийца — реальный убийца! — не только слышал, а еще и читал, я уверена, с карандашом в руке. Ты знаешь, к примеру, откуда воск и соль на груди жертв? Или почему убийства совершены именно в даты, связанные с церковными праздниками? Инквизитор свои знания, которые теперь успешно реализует на практике, не в книжках по бизнесу и мотивации почерпнул. А этот Ферт двух слов связать не может. И потом, ты его физиономию видел? Я с трудом представляю себе женщину, которая в здравом уме села бы к нему в машину поздней ночью, даже если бы она только приехала в город на поезде и очень торопилась домой.

Чекан откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди.

— То, что у него, по твоему мнению, не хватает образования, ничего не доказывает. В конце концов, даже если ты права про «Молот Ведьм» и прочее, то для того, чтобы прочесть пару дурацких книг, много ума не надо.

— Семен, он бы даже двух страниц не осилил. Это не бульварные спекуляции на исторические темы, это средневековый богословский трактат, соответствующим языком написанный. Я сама бы уснула страниц через десять, если бы не практический интерес.

— Алина, это все домыслы, — устало ответил Чекан. — А у нас факты. И они таковы: есть тип с полукриминальным прошлым, склонный к

рукоприкладству в отношении женщин, который был близко знаком с убитой, встречался с ней в ночь ее исчезновения, и у которого нашли одну из ее личных вещей. Большой серый автомобиль и дом на севере области с пылью на чердаке идут сюда бонусом. Чего не хватает?

— Прямых доказательств, — упрямо сказала Алина. — А еще мотива. Зачем он стал убивать дальше? Что ему сделала эта старая гадалка или портниха? Тоже были его любовницами? Почему он начал их жечь, причем в одном случае — заживо, да еще втыкать рядом таблички с надписями и звонить в полицию?

— Это вопросы к следствию, — веско ответил Чекан. — Я считаю, что убийство Ким — точно его рук дело — ты сама сказала, что преступник во всех случаях один и тот же. А доказательную базу мы соберем.

— Ладно. Как знаешь. Но проверь, пожалуйста, одну мою версию.

— Какую?

— Я уверена, что после первого убийства преступник обращался к властям. То есть, в полицию. Нужно узнать, не поступало ли в отделения неподалеку от места, где нашли тело студентки, странных заявлений в начале февраля: например, с жалобами на колдовство или еще что-то в этом роде. Можно сделать?

Чекан с сомнением покачал головой.

— Можно, конечно, только смысл... Откуда вообще такая идея?

— Почерпнула из книг, — язвительно сказала Алина. — Если злодей действительно считает себя инквизитором, то должен думать, что вынесение приговора ведьмам и приведение такого приговора в исполнение — дело властей. Насколько я понимаю, он очень педантичен и аккуратен в процедурных деталях, и, прежде чем начать самостоятельно убивать тех, кого считает колдуньями, наверняка пытался обратиться в полицию. Помнишь его слова: «Я сделал вашу работу»? Думаю, демонстративность двух последних убийств связана с тем, что на его заявление никто не обратил внимания, вот он и привлекает его таким способом.

— Ладно, проверим, — согласился Чекан, и вдруг вспомнил — Кстати! Я же сделал, что ты просила. Ну, про квартиру в центре...

Алина почувствовала, как сердце подпрыгнуло и забилось сильнее.

— Да, — сказала она.

— Интересная история. По документам на этом месте вообще нет никакого жилого помещения, только чердак. Но ребята из районного отдела приехали, посмотрели — да, действительно квартира. В силу того, что официально она нигде не указана, решили все-таки вскрыть дверь, чтобы посмотреть. Им самим любопытно стало, да и для контроля оперативной

обстановки в районе полезно: может, там склад наркотиков или еще и что.

— И что?

— Да ничего особенного. Несколько пустых комнат, в одной вроде какая-то мебель, кровать, еще что-то. Людей нет, но явно кто-то время от времени ночует: запах такой, характерный, как будто там в одежде спят с закрытыми окнами, а еще коробки из-под еды, окурки...

— И пустые бутылки из-под виски, — тихо добавила Алина.

— Да, точно, — Чекан быстро взглянул на нее. — Местные оперативники еще удивились, что у бродяг уровень жизни повысился. Откуда знаешь про виски?

— Догадалась.

— Не расскажешь?

— Семен, давай потом как-нибудь, — сказала Алина. — Сегодня поздно, ты не спал почти двое суток...

— Ну, как хочешь, — вздохнул Чекан. — Ладно, поехали. Тебя подвезти?

Алина улыбнулась.

— Лучше я тебя. Тебе за руль сейчас опасно садиться, посмотри, бледный весь и с кругами под глазами... Правда, если хочешь, оставляй машину здесь, а я подброшу до дома? Нам почти по пути.

— Спасибо. Справлюсь.

Они вышли в коридор. Изолятор был полон неудобной, напряженной тишиной, тревожными мыслями и беспокойными снами. Дежурные провожали их молчаливыми кивками, звоном ключей и негромкими служебными репликами. На улице похолодало, нервный ветер метался от дома к дому, натываясь на острые углы.

— Семен, спасибо тебе большое, — сказала Алина. Она подняла воротник пальто и придерживала волосы, которые ветер раздувал золотым ореолом, и неожиданно для самой себя добавила: — Напиши, как доедешь.

Чекан улыбнулся, кивнул и пошел к своей машине.

— Только это все-таки не он, — негромко сказала Алина, глядя ему вслед. — Не Инквизитор.

Глава 18

— Значит, — задумчиво проговорила Прима, — они уверены?

Альтера перевела взгляд на Терцию, расположившуюся в кресле по другую сторону столика напротив Примы. Сама Альтера сидела между ними на диване; он был широкий, низкий, и сиделось на нем неудобно: колени задирались, поднимая юбку, и казалось, что задницу как будто затягивает в мягкую глубину, так что вот-вот, и она коснется пола.

Терция кивнула, качнув жесткими рыжими кудрями.

— Мне сказали, что уверены на сто процентов. Во всяком случае в том, что Лилит убил именно этот тип, а экспертиза вроде как доказывает, что убийца во всех случаях был один и тот же. Так что...

Терция пожалала острыми веснушчатými плечами, торчащими из широкого ворота белого свитера. Стилизованный орел, выложенный из стразов на тонкой ткани, провисающей на худой груди Терции, качнул крыльями, вверх и вниз.

— Ну, — сказала Прима. — Вот все и закончилось. А вы боялись.

«Как будто ты не боялась», — подумала Альтера и взглянула на Приму. Та восседала в кресле, обитом светлой тканью с орнаментом из королевских лилий, с резными позолоченными изогнутыми ножками, подлокотниками, украшенными львиными мордами, и высокой изогнутой спинкой. На Приме был золотисто-желтый халат, плотно обтягивающий стройные бедра закинутых одна на другую ног, на голых стопах которых красовались домашние туфельки с низкими каблуками. Бледное солнце с пугливой осторожностью касалось пышных светлых волос, словно стареющая служанка, поправляющая прическу хозяйки. Прима выглядела как королева, дающая аудиенцию своим подданным, и выслушивающая ожидаемые новости о том, что враг, дерзнувший посягнуть на ее владычество, потерпел заслуженное и сокрушительное поражение.

Обстановка комнаты тоже располагала к подобным ассоциациям: тяжелая мебель с резьбой и позолотой под старину, тщательно восстановленная лепнина на высоком потолке, большие двустворчатые двери, ведущие в спальню, огромный камин перед диваном, облицованный мраморной плиткой — разумеется, действующий, старинное зеркало над камином и большая картина маслом — «подлинник», как многозначительно называла ее Прима — изображавшая смуглых и мускулистых козлоногих фавнов, предающихся чувственным утехам с белокожими нимфами на

берегу ручья, под взглядами благостно улыбающихся румяных амуров, похожих на младенцев — переростков.

Госпожа шабаша. Княгиня ковена. Хозяйка есбата. Уверенная в себе, умная, властная и бесстрашная.

«Обманывай кого хочешь, только не меня, — думала Альтера. — Только делала вид, что тебе все нипочем, а сама боялась, да еще как».

И бояться, действительно, было чего.

Конечно, их маленький «кружок по интересам» и раньше нес потери. В конце концов, жизнь есть жизнь, а все они люди. Бывало, что кто-то уезжал из города, навсегда порывая с ними связь — редко, но пару раз такое случалось. Кто-то погибал: в автомобильной катастрофе, от рук случайных ночных грабителей-наркоманов. Полтора года назад одна девушка, недавно принятая в ковен, пропала без вести, совсем как несчастная Лилит, и они так и не смогли ее найти: даже покойная ныне Стефания оказалась бессильна. Но никогда, ни разу на все эти годы, никто не охотился за ними целенаправленно, осознанно, да еще с такой пугающей безжалостностью и дерзостью, оставаясь при этом неопознанным и неуязвимым.

Исчезновение Лилит в феврале было не более, чем досадной неприятностью. Жаль, конечно, но мало ли, что могло случиться в этом городе с молодой девушкой, к тому же не слишком стеснявшей себя разборчивостью в выборе знакомств? «Догулялась», — сказала тогда недовольная Прима, и только. Страшная смерть Стефании, последовавшая менее, чем через месяц, стала настоящим потрясением, шокирующим своей внезапностью и жестокостью. Подробности пыток и самой казни были жуткими, но еще больший страх вызвала надпись «ВЕДЬМА», демонстрирующая пугающую осведомленность того, что изуродовал, а потом и сжег заживо несчастную ведьму. Кроме того, гибель старой ведуньи явилась серьезным ударом по самому ковену: погибла не какая-нибудь вновь принятая в их тесный круг девочка, а опытная, сильная женщина, практиковавшая едва ли не всю жизнь еще до того, как присоединилась к ним четыре года назад. Как раз тогда они обрели наконец постоянное место для проведения ассамблей, и Прима, вдохновленная отчасти этим событием, а отчасти, как всегда, очередными «откровениями» и «благословениями», решила, что настало время серьезно расширить шабаш. Дело это было не столь простым, как могло показаться: одного желания стать ведьмой не доставало, иначе бы в ковен вступило полгорода. Нужна была еще и решимость, а еще наличие сил и способностей. Мысль привлечь к специфическому рекрутингу кого-нибудь из практикующих

настоящих ведьм принадлежала Альтере, она же и нашла Стефанию, в течении трех месяцев едва ли не ежедневно обходя приемные шарлатанов, профанов и жуликов, раздражавших ее настолько, что порой приходилось сдерживаться из последних сил, чтобы не продемонстрировать, как на самом деле выглядят те силы, обладателями которых они себя заявляли. Идея себя оправдала: Стефания взялась за дело и пополнила ковен четырьмя новыми участницами, да и сама оказалась полезным членом сообщества. О ее гибели они узнали уже через час после того, как полиция обнаружила обгоревший труп старой ведьмы в пригородном дачном поселке, и тогда, впервые за более, чем тридцать пять лет, Альтера увидела в глазах Примы страх. Конечно, оставалась еще вероятность того, что исчезновение Лолиты и смерть Стефании не связаны друг с другом, и что гадалка действительно пала от рук какого-то сумасшедшего, слишком близко к сердцу принявшего ее род занятий — так думали в полиции, так сама Прима сказала и всем остальным. Но вечером того же дня она, Альтера и Терция собрались здесь же, у нее на квартире, чтобы обсудить создавшееся положение. Погибшая знала всех троих лично, и если не выдержала пыток, если проговорила, то... Об этом не хотелось и думать. Проклятая надпись «ВЕДЬМА» не выходила из головы.

«Я знаю про вас — как будто говорил убийца. — Я знаю кто вы, а вам про меня ничего неизвестно. Я приду за вами. Я найду вас. Меня не остановить».

Самостоятельно найти убийцу не получилось. Это могла бы попробовать сделать Стефания, но она была мертва, и ее обгоревшее, растекшееся бесформенной массой обугленной кожи и расплавленного жира тело лежало на холодном столе прозекторской под ярким светом хирургических ламп в ожидании, когда инструменты патологоанатомов довершат то, что сделали молоток и огонь. Попытки Примы обратиться за помощью, так сказать, к вышестоящим инстанциям, ни к чему не привели: ни внятных «откровений», ни «благословений». Дни проходили в напряженном нервном ожидании, как при артобстреле на передовой, когда солдаты, прислушиваясь к звенящей тишине, ждут воя приближающегося снаряда и гадают, в чью траншею он угодит. Прима тогда до минимума сократила лекции и отменила все публичные выступления, а в последнюю неделю и вовсе перестала выходить из квартиры, сказавшись больной.

Смерть Шанель принесла с собой новую волну страха, но и, как ни странно, некоторое облегчение. Стало ясно, что Стефания ничего не сказала под пытками, и неизвестный убийца уничтожает тех, чьи имена,

очевидно, почерпнул из записных книжек старой колдуньи. Это означало, что опасность может грозить еще только Проксима, которая тоже пришла в ковен через Стефанию, обратившись к ней в свою очередь, чтобы навести порчу на соседей, и ее дочери, юной Инфанте; но как ни пытай этих двоих, показать они смогут только друг на друга: никого более по именам они не знали и не выдали бы, что с ними не делай. Прима тогда выдохнула, приободрилась, и велела не рассказывать Проксима и Инфанте о том, что они могут стать следующими жертвами убийцы: чем больше этот одержимый нагромоздит трупов, снабженных надписью «ВЕДЬМА», тем скорее попадет в руки полиции. На смену страху пришла ярость: ощутив относительную безопасность, Прима почувствовала себя пастырем, на овец которого посмел покуситься бродячий волк-одиночка. Она каждый день требовала от Терции узнавать, как продвигается расследование, готовясь нанести ответный удар, едва преступник будет задержан. И вот он, славный день торжества: так называемый Инквизитор схвачен, посажен, обезврежен, и настало время возмездия.

— Я им сама займусь, — сообщила Прима.

— Раздобыть какие-нибудь личные вещи? — поинтересовалась Терция.

Прима подумала и покачала головой.

— Не нужно. Скачаю его фотокарточку из Социальной сети, будет достаточно.

Она хлопнула в ладоши и весело посмотрела на подруг.

— Ну что ж, это нужно отметить. Лера, начинай готовить общий сбор. Сегодня воскресенье, давай на следующей неделе, в пятницу. Она как раз у них Страстная. Кстати, насколько я знаю, Инфанта собиралась новую девочку к нам привести, так что поводов для праздника много.

Альтера кивнула.

— Хорошо. Я сделаю.

Терция кашлянула.

— Вика, тут еще одно...

— Что — одно?

— Не знаю, может, это не важно, но мне рассказали... Про эксперта, которая, собственно, и установила, что Лилит убил тот же, человек, что и Стефанию, и Шанель.

— А что с ней не так?

Терция замялась.

— Да все так. Просто странности есть.

Прима нетерпеливо махнула рукой.

— Жанна, рассказывай уже нормально, не тяни.

— Ну, если коротко, она проявляет какой-то очень нехарактерный интерес к этому делу. За рамками, так сказать, служебных обязанностей. Например, вчера была в изоляторе, встречалась с задержанным. Вечером. О чем говорила, неизвестно, но сам факт... А неделей раньше вместе с оперативником, который дело ведет, ездила по психиатрическим больницам — ну, это когда они еще думали, что убийца — сумасшедший. Кстати, на Пряжке тоже была.

Терция и Прима одновременно взглянули на Альтеру. Та почувствовала, что еще ниже проваливается на мягком неудобном диване.

— Ты знала? — спросила Прима. — Карина говорила тебе что-нибудь? Альтера покачала головой.

— Нет. Ты знаешь, она вообще не разговорчивая. Да и не факт, что они там виделись.

— Плохо, — веско сказала Прима и обратилась к Терции. — А про саму эту экспертшу известно что-нибудь? Кто она такая?

— Если она патологоанатом, то наверняка заканчивала Медицинскую Академию, — заговорила Альтера. — Я могу узнать по знакомым...

— Вообще-то, я уже кое-что узнала, — сообщила Терция.

— Лера, не лезь, когда тебя не спрашивают, — раздраженно бросила Прима. — Жанна, я тебя слушаю.

Рыжая Жанна слегка улыбнулась и начала говорить.

Рассказ оказался занимательным.

В прошлом году в лабиринтах дворов старого города начали регулярно обнаруживаться растерзанные тела молодых девушек. Поначалу эти страшные находки, количество которых к осени выросло едва ли не до десятка, полиция и эксперты-криминалисты с подозрительным единодушием списывали на результат нападения одичавших бездомных собак, пока в октябре за исследование одной из жертв не взялась Алина Назарова, тогда еще простой сотрудник отдела судебно-медицинской экспертизы трупов. Впрочем, судя по всему, «простой» было не совсем точным определением для Алины: очень скоро и неожиданно для многих дела были переквалифицированы с несчастных случаев на умышленные убийства, совершенные неведомым опасным маньяком. Говорили, что к этому выводу Алина имела непосредственное отношение. Убийцу так и не нашли, зато в течение месяца после того, как Алина написала свое первое заключение по результатам экспертизы, бесследно исчез директор судебно-медицинского Бюро Даниил Ильич Кобот, а также непосредственный руководитель Алины и один из ее коллег — экспертов.

Причем если о судьбе двух последних еще имелись какие-то обрывочные сведения, то Кобот как в воду канул. Кроме того, в то же время практически в одночасье был закрыт и погрузился в запустение, в котором пребывает и до настоящего времени, принадлежавший Коботу медицинский центр «Данко»: четыре этажа роскошной коммерческой недвижимости в центре города, ныне обнесенные зеленой строительной сеткой и оберегаемые от посторонних металлическим забором и впечатляюще серьезной охраной. Мало этого: по слухам, ночную деятельность оставшегося неизвестным убийцы покрывали люди, связанные с неким Абдуллой, звезда которого вспыхнула подобно сверхновой на криминальном небосклоне города, а потом погасла так же внезапно, как и появилась. Абдулла этот тоже бесследно исчез, причем со всей своей боевой гвардией, что удивительным образом совпало по времени с самоубийством его бывшего шефа, известного бизнесмена Германа Галачьянца, который, по официальной версии, застрелился, так как не вынес смерти своей единственной дочери, последовавшей все в тот же насыщенный событиями месяц в конце прошлого года. И в самом центре этого макабрического фестиваля смертей и исчезновений находилась Алина Назарова, которая по итогам всех описанных событий заняла опустевший пост руководителя отдела экспертизы трупов и приобрела огромное влияние в Бюро.

— Какая непростая девочка, эта Алина, — заметила Прима. — Надо с ней подружиться. Что-нибудь еще известно про нее? Что за человек?

— В личном плане там все не так интересно, — ответила Терция. — Тридцать лет, не замужем, детей нет. Живет одна. Мне кажется, такая типичная умница — трудоголичка. Я фоток не видела, но думаю, что она наверняка толстая и страшная. Хотя говорят, у нее нечто вроде романа с одним из оперативников, который ведет дело Инквизитора.

— Я хочу с ней встретиться, — объявила Прима. — Попроси Диану, пусть разузнает про эту Алину побольше: где бывает, чем занимается в свободное время. Может, еще какие-нибудь интересные истории всплывут. Хорошо?

Терция кивнула.

— Вот и славно. Итак, я думаю, у всех нас сегодня еще много важных дел. Особенно у тебя, Лера, правда?

Прима встала. Терция тоже поднялась с места, и они обе несколько секунд смотрели, как Альтера, краснея, пытается выбраться из мягкой ямы дивана.

— Ты что-то все толстеешь, Лера, — сообщила ей Прима. — Занялась бы спортом, что ли. Вот, посмотри на Жанну, какая она.

Альтера угрюмо промолчала. Ей не нужно было смотреть на Терцию, чтобы еще раз увидеть, какая она: высушенная фитнесом, прокопчённая солярием, тощая, жилистая и голенастая. Трудно было поверить, что когда-то давно, в школе, она была совсем другой: толстой девочкой с щекастой, конопатой физиономией, с двумя жесткими, тонкими рыжими косичками и вечно липкими от сладостей коротенькими пальчиками. А еще постоянно зареванной и откликающейся на «жиртрест» и «коррозия». По крайней мере, так было, пока Жанна не познакомилась с ними.

Прима вышла проводить гостей в прихожую. Альтера стояла перед большим зеркалом в деревянной раме, затягивая на располневшей талии пояс пальто, и наблюдая, как Терция застегивает короткую, яркую куртку и небрежным взмахом обеих рук выбрасывает рыжие кудри поверх пышного мехового воротника.

«Коррозия», — подумала она.

— Пока, девочки, — Прима по очереди обняла их и чмокнула в щеки. — Будем на связи.

Альтера и Терция вышли за дверь, в молчании спустились с пятого этажа по тихой лестнице с арками сумрачных ниш, огибающей сетчатую шахту лифта, и вышли на улицу. Наступивший апрель походил на человека, проснувшегося и вылезшего из-под одеяла далеко за полдень: теплый, бледный и раскисший. По тротуарам Английского проспекта, щурясь на непривычное тусклое солнце, шли пешеходы.

— Тебя подбросить до метро? — спросила Терция.

— Нет, спасибо, — ответила Альтера. — Мне тут еще нужно в одно место...

Конечно, ни в какое место ей нужно не было. Просто не хотелось ехать вместе с Терцией, молча сидя рядом в салоне, пахнущем кожей, деньгами и спермой. Лучше уж на маршрутке.

— Ну ладно, тогда пока, — сказала Терция. — Увидимся.

— Ага, — ответила Альтера.

Она еще немного постояла, глядя, как Жанна забирается в серебристый «Инфинити» и резко стартует с места, а потом повернулась и побрела в сторону остановки.

* * *

Прима закрыла дверь и вернулась в комнату. Было светло и тихо. Она немного походила, что-то тихонько бормоча под нос и время от времени

кивая, как будто разговаривая сама с собой, потом села за стол, включила компьютер и зашла на свою страницу в Социальной сети: не официальную, переполненную личными сообщениями и заявками о добавлении в так называемые «друзья», а другую, предназначенную для частного общения. Она открыла строку «поиск людей» и через минуту уже смотрела на фотографию того, кто, если верить полиции, навел такого страха на нее и ее подруг: крепкий, загорелый, наголо бритый мужик с узорами татуировок на мускулистых руках и на шее, в белой футболке и темных очках позировал на палубе прогулочной яхты. Прима попробовала представить его себе в темном лесу, под дождем, в грязи, приматывающем мертвое тело проволокой к столбу. Потом навела курсор на снимок и принялась щелкать «мышью», листая фотографии одну за другой и рассматривая типичную галерею бытового тщеславия: я и моя крутая машина, я на отдыхе в тропическом отеле, я на открытии моего суши-бара, я и мои друзья пьем и веселимся... Все это так не вязалось с образом незримого, опасного врага, одержимого Инквизитора, который сложился у нее в голове, что Прима даже засомневалась на минуту, того ли человека арестовала полиция. То, что персонаж с фотографий может быть убийцей, и убийцей жестоким, невероятным не казалось; однако трудно было предположить, что кто-то может с успехом совмещать обычные радости жизни не слишком отягощенного интеллектом средней руки предпринимателя со сверхценной идеей, заставляющей не просто пытаться и казнить, а еще и рисковать быть пойманным ради соблюдения неких собственных внутренних правил, типа звонка в полицию после совершения очередного убийства. Впрочем, кому как не ей лучше всех знать, какие невероятные вещи порой удается сочетать в себе обычным на первый взгляд людям? Взять хоть, к примеру, Альтеру: никто и представить бы себе не мог иную сторону жизни этой немолодой, полной, невзрачной тетки, заведующей амбулаторным отделением убогого родильного дома в районе с сомнительной репутацией. А тем не менее...

Прима еще раз внимательно посмотрела на фото: блестящий череп, мощные бицепсы, лоснящаяся небритая физиономия... Кто знает, что там произошло между ним и этой гулящей молодой дурой Лолитой? Та вполне могла вывести мужика из себя, а потом, испугавшись, попытаться, например, припугнуть, да и сболтнуть лишнего. Факты остаются фактами: в том, что Лилит убил именно этот Ферт, сомнений у полиции не было, а женщина-эксперт с интересной биографией, Алина, доказала, что во всех трех случаях преступления совершал один человек. И после услышанного сегодня, Прима была склонна верить ее выводам.

Она выбрала одну из фотографий, где лицо было взято крупным планом: щетина на черепе и подбородке примерно одной длины, суженные глаза уставились в камеру, здоровенный кулак сжимает руль, комментарии — «Ты тут на Стэтхема похож!», «Ага, перевозчик, бля!», «Так и живем!». Скачала фото себе на компьютер, уменьшила до нужного размера и сбросила на печать. Потом встала, прошла в спальню и переоделась в простое черное платье с длинными рукавами и темные туфли без каблуков. Из ящика комода вытащила маленький кожаный клатч. Вернулась в гостиную и вытащила из лотка принтера лист глянцевой бумаги с распечатанной фотографией примерно такого размера, как размещают на водительском удостоверении. Аккуратно вырезала картинку маникюрными ножницами, положила ее в клатч и вышла из квартиры.

На первом этаже, сразу напротив входа в подъезд, была низкая, деревянная, обитая листами крашеного железа дверь, запертая на большой висячий замок. Прима достала из сумочки связку ключей, выбрала нужный и вставила в скважину. Дужка с тихим лязгом выскочила из паза. Прима потянула за круглую металлическую ручку и вошла в небольшую квадратную комнату с низким пыльным потолком, которого она едва не касалась головой. Вязкая, душная тьма пахла плесенью. Прима плотно закрыла за собой толстую дверь, задвинула гроыхнувший железный засов и включила фонарик. Впрочем, она бывала тут так много раз, что вполне могла бы обойтись и без него. Тонкий яркий луч высветил свисающую с потолка мертвую паутину, стены, покрытые слоями жирной грязи и огромную, низкую, осевшую до самого пола кровать в дальнем углу, занимающую почти все пространство тесного помещения. Кровать была завалена отсыревшими, гниющими матрасами и одеялами, слипшимися в несколько толстых слоев и скомканными посередине так, что казалось, будто под ними кто-то лежит. Прима протиснулась мимо кровати, стараясь не задеть заплесневевшие залежи тряпья, добралась до противоположной стены и открыла еще одну маленькую деревянную дверь. За ней было несколько стершихся, скользких каменных ступеней, похожих на грязные обмылки, ведущих в узкий подвал с земляным полом, тусклыми лампами в металлической сетке и трубами отопления, источающими жар и покрытыми каплями зловонной испарины. В самом конце подвала, в грубой кирпичной кладке стены была следующая дверь, стальная и казавшаяся относительно новой. Прима вставила ключ в замочную скважину и повернула его четыре раза. Из провала, уходящего вертикально вниз, пахнуло холодом. Железная лестница без перил, со ступенями из металлической арматуры, исчезала в зияющей тьме подполья. Прима

осторожно встала на верхние ступени, тщательно заперла за собой стальную дверь и стала спускаться вниз.

Ступеней было тринадцать. Когда они кончились, Прима оказалась на небольшой круглой площадке с отвесными, неровными стенами, образованными старыми, осевшими в землю фундаментами давно канувших в небытие домов. Вокруг были лишь тьма и безмолвие, только откуда-то издали слышался звук падающих капель, да шуршали за стенами крысы, пролагающие свои извилистые ходы среди старинных руин. Прима повернулась, сделала шаг, открыла замок в последней железной двери в низкой арке, пошарила рукой и нажала на клавишу выключателя.

Вспыхнул свет.

Простая лампа под сводчатым кирпичным потолком была слабой, неяркой, но после кромешной тьмы ее желтоватое свечение показалось ослепительным. Прима ступила вперед и остановилась посередине подземной крипты. Пол здесь был каменный, сложенный из истертых булыжников, словно старинная мостовая. В центре была круглая, массивная решетка люка, сквозь которую откуда-то снизу, из неведомой глубины, поднимались миазмы застоявшейся воды и нечистот. Из позеленевших камней тут и там проросли бледные грибы; вдоль стен стояли высокие вазы с сухими высокими травами, мертвыми и живыми цветами на длинных стеблях — яркими, страшными, никогда не видевшими дневного света. На полках низких, грубо склоченных стеллажей, лежали толстые кипы пожелтевших, покрытых белым налетом бумаг, несколько ножей разных форм и размеров, старых и новых, блестящих и тронутых ржавчиной, ножницы, мотки веревок и выцветших лент, оплетенные нитками пряди волос, тряпки и лоскуты, стопка смятых грязных пеленок, разноцветные камешки, пара старинных помутневших флаконов; на отдельной полке сидели рядком голые пластмассовые куклы без глаз и волос, вытянув перед собой коротенькие ручки, словно приглашая к игре, в которую не хотелось играть. Между полок стояли толстые черные свечи. Отдельно, на низкой скамеечке, рядом с люком, находился длинный жестяной сундучок.

Потайная комната девочки, играющей в странные игры. Ясли для мертвых детей. Жутковатый, молчаливый уют.

Прима уселась на холодный пол у самого края люка, положила рядом кожаный клатч, вздохнула и прикрыла глаза.

Время споткнулось, сбилось с шага, а потом и вовсе остановилось. Замолкла далекая капель. Замерли, притихнув, крысы в стенах. Тишина

сделалась абсолютной.

— Здравствуй, бабушка, — еле слышно прошептала Прима.

Из-под решетки люка донесся далекий, но отчетливый звук, словно кто-то с усилием вытащил ногу, увязшую в болотной трясине, или лопнул большой пузырь вздувшейся жидкой грязи.

Прима открыла глаза и улыбнулась.

Глава 19

Июнь 1979 года.

Лера не спала: лежала в кроватке, смотрела на двери кладовки и ждала, когда там опять зажжется свет.

Первый раз это произошло на следующую ночь после того, как они с Викой нашли сундучок в заброшенном доме. Лера сама не понимала, почему внезапно проснулась: просто открыла глаза и все, как будто и не спала вовсе. Было, видимо, уже очень поздно: полоска света между шторами на окне из светло-серой превратилась в бледно-сизую. В синеватом ночном свете все предметы казались черными, с заострившимися углами, совсем другими, чем днем: большой шкаф напротив ее кроватки, стул, неширокая тахта у окна, на которой неподвижно лежали папа и мама, рядом с тахтой — коляска, в которой спал трехмесячный братик Андрюшка. Лера чувствовала, будто оказалась в дремучей чаще загадочного, заповедного леса, в который никогда не заходила так далеко, даже на Новый год, когда ей разрешали вместе со взрослыми не спать до полуночи и еще чуточку позже, пока не приходил с подарками дед Мороз, удивительно похожий на соседа дядю Яшу. А сейчас она оказалась совсем одна, в неподвижных сумерках и непривычной тишине. Лера сжимала в кулачке куколку в белом платье и прислушивалась к ночным звукам: вот за дверью в соседней комнате всхрапнул во сне дедушка, бабушка беспокойно заворочалась на кровати; вот еле слышно тикает будильник, как будто стальной паучок бежит, перебирая множеством тоненьких ног; вот скрипнула половица и зашумела в далеких трубах вода. В темных полированных дверцах шкафа Лера видела отражение своей кроватки, с высокими поручнями и решеткой из тонких деревянных реек. Конечно, она была уже большой девочкой, а кроватка — совсем детской, но мама говорила, что осенью, когда Лера пойдет в школу, ей купят настоящий диван, как взрослой, а кроватку отдадут братику. Она стала думать о том, каким будет этот диван, и удобно ли будет на нем спать, и куда поставят ее кроватку, ведь в комнате и так тесно, и почти уже заснула снова, как вдруг в кладовке зажегся свет.

В этой кладовке хранились книги на широких крепких полках, по которым можно было лазать, как по лестнице, полотер, а еще множество огромных старых чемоданов и мягких узлов с вещами, сложенных за

занавесью из плотной ткани. Двери в кладовку располагались напротив окна, в ногах Лериной кровати, и имели небольшие окошечки с желтыми занавесками. Вот за этими окошечками и загорелся свет.

Лера вздрогнула и замерла. Сон прошел, как не бывало. В ушах зазвенело: может быть, от страха, а может, потому, что она изо всех сил слушала, не раздастся ли из кладовки какой-нибудь звук. Но было тихо. Только желтоватый свет горел за окошечками, как будто в кладовке кто-то был. Лера подумала было позвать маму, но побоялась: она испугалась того, что может случиться, если мама проснется, встанет и откроет двери кладовки. Лера лежала, не шевелясь и не отводя взгляда от светящихся окошек, а потом моргнула — и свет погас, как и не было.

На следующую ночь свет зажигался и гас до самого утра. Но теперь к нему добавились еще шорохи и стук, как будто кто-то искал выход из кладовки, но пока почему-то не находил. Когда внутри что-то стукнуло особенно громко и послышалось глухое царапанье по двери, Лера с трудом сдержалась, чтобы не закричать во всю мочь — но вдруг подумала, что будет, если это не поможет. Что, если она будет кричать, звать папу, маму, дедушку с бабушкой, а они не проснутся, так и будут лежать неподвижно, а то, что возится за дверями кладовки, услышит ее крики, поймет, что Лера не спит, и выйдет.

И тогда ей придется увидеть.

Лера зажмурилась так, что из глаз стали сочиться слезы, стиснула куколку в руке и неподвижно лежала, пока звуки не прекратились — всего за несколько минут до того, как завозился у себя в коляске Андрюшка и мама встала, чтобы его покормить.

Весь следующий день Лера была сонной и вялой. Мама посмотрела на ее осунувшееся личико, на обозначившиеся круги под глазами и сказала:

— Что-то ты бледненькая, Лерочка. Ты хорошо спала?

Лера кивнула.

— Ну, тогда пойди, погуляй. На улице солнышко такое хорошее.

Во дворе никого не было: Павлик ее избегал и теперь обычно катался на велосипеде с мальчишками в соседнем дворе. Лера слонялась от качелей к песочнице, не зная, чем бы себя занять. Потом вышла Вика, и они уселись на своем любимом месте под деревьями, чтобы поиграть в «дочки-матери». Солнце весело светило сквозь нежно-зеленые листья, воздух был теплым, мягким, медовым, но Лере все вокруг казалось холодным и пасмурным. Игра тоже не клеилась: куклы вели себя плохо, отказывались есть суп из одуванчиков, и недовольно косились на сидящую рядом с ними куколку в белом платье. В конце концов девочки бросили играть и просто

молча сидели рядом. Вика была недовольной, насупленной, и сосредоточенно ковыряла палочкой землю.

— Вика, — спросила Лера, прерывая молчание, — а с тобой ночью ничего страшного не было?

Вика сделала удивленные глаза, поджала губы бантиком и покачала головой.

— Нет, а с чего ты взяла?

— Ну, ты какая-то невеселая.

Вика вздохнула.

— Меня мама снова в детский садик отдает, — сказала она. — На все лето. Со вторника. А забирать будет только на выходные.

Лере стало очень жалко подружку. Сама она в детский сад не ходила, дома с ней всегда были бабушка или дедушка, а здесь — на целую неделю! Но тут же почувствовала странное облегчение, что сможет отдохнуть от их порой немного тягостной дружбы. Может, если Вика целыми днями будет в саду, Лера снова сможет гулять с Павликом...

— А почему она тебя отдает?

Голубые глаза Вики зло сузились.

— Из-за дяди Валеры, — ответила она. — Он теперь у нас живет. Наверное, я им мешаю.

— А разве у вас не дядя Игорь живет? — удивилась Лера.

— Дядя Игорь раньше был. А теперь дядя Валера, — Вика резко встала и отряхнула подол красного платья в горошек. — Пойдем на качелях качаться?

Чем ближе был вечер, тем Лере становилось тревожнее. Она не находила себе места, бродила из комнаты в комнату, и смотрела на часы: короткая, самая медленная стрелка, перебралась через цифру 6 и упрямо поднималась выше. Наконец Лера не выдержала и подошла к маме. Та стояла у большого стола в гостиной и пеленала лежащего на спине Андрюшку, то и дело наклоняясь к сыну и разговаривая с ним на странном языке, которым, по мнению родителей всего мира, надлежит говорить с младенцами.

— Мама, — позвала Лера.

— Что, доченька? — мама повернулась. Она улыбалась, пряди темных волос выбились из высокой прически и падали на порозовевшие щеки, глаза блестели, и она была такой красивой, веселой и счастливой, что все ночные страхи показались сейчас глупыми.

Но тем не менее, они были.

— У нас по ночам в кладовке горит свет, — сообщила Лера.

Мама удивленно на нее посмотрела.

— Как это так? Мы же всегда его выключаем.

— Он сам зажигается, — Лера помолчала и добавила — А еще там кто-то ходит.

Мама засмеялась.

— Лерочка, да это тебе приснилось! Ну кто там может ходить, там же никого нет!

Лера почувствовала, что у нее на глазах выступают слезы.

— Мама, там кто-то ходит! — громко повторила она, изо всех сил стараясь не закричать. — Я боюсь!

Мама отложила в сторону пеленку и присела рядом с дочерью.

— Ну что ты, что ты, — она обняла Леру, прижала к себе и поцеловала в макушку. — Это просто сны плохие, вот и все. Не бойся, мы же с папой рядом. Знаешь, что?

Она отстранила дочку и посмотрела в ее полные слез глаза.

— Если тебе снова станет страшно, ты меня разбудишь. Да? Так и сделаем. Сразу буди меня, хорошо?

Лера сглотнула комок в горле и кивнула. Будить маму она не собиралась. Это не поможет. Ей никто не поможет.

Мама еще раз чмокнула дочь в щечку и вернулась к пеленкам.

— Ничего страшного, подумаешь, сны, — приговаривала она, возясь с младенцем. — И нечего там бояться. Вот подожди, Андрейка вырастет, будет сестренку защищать от всяких страхов, да, Андрейка?

Малыш радостно загукал и засучил ножками.

Перед сном мама отвела Леру на кухню и дала ей выпить маленькую желтую таблетку, покрытую глазурью. А потом, по дороге в их комнату, шепнула что-то папе, и тот встал с дивана, на котором вместе с бабушкой смотрел программу «Время», пошел вместе с ними в спальню, и, пока Лера укладывалась в кроватку, зажег свет в кладовке, открыл дверь и долго переставлял с места на место книги и чемоданы. Лера следила за ним со страхом. А вдруг?.. Но папа повожился еще немного, вышел, плотно закрыл за собой дверь, погасил свет и, обращаясь как будто только к маме, преувеличенно громко сказал:

— Что-то я не нашел!

— А ты везде посмотрел? — спросила мама, поглядывая на Леру.

— Да, ничего нигде нету!

Лера попыталась улыбнуться. Потом папа и мама по очереди поцеловали ее, пожелали спокойной ночи и вышли.

Она так и не уснула, только провалилась в какое-то туманное и зыбкое

забыть, сквозь которое слышала, как укладываются спать родители, как мама укачивает в коляске младшего брата, и ее снова окружила ночь, сизый сумрак и мертвая тишина.

Свет в кладовке зажегся, как в предыдущие ночи — тусклый, желтый. Лера услышала, что внутри отдергивается занавеска, поскрипывают тюки и чемоданы. «Нужно закрыть глаза», — подумала она. А еще заткнуть уши. Лежать себе и ничего не видеть, и не слышать. Как же она сразу не догадалась! Лера зажмурилась и закрыла уши ладошками. Стало темно и совсем тихо, только кровь шумела — совсем, как если приложить к ушам раковину. Папа говорит, что так шумит море. Она долго лежала так, прислушиваясь к воображаемому прибою, и думала, как когда-нибудь они поедут все вместе в Сочи или в Крым — сама Лера, папа, мама и братик — конечно, когда подрастет. Потом осторожно убрала руки и прислушалась. Тишина. Лера открыла глаза.

Перед ней стояла старуха.

Ужас стиснул ее с такой силой, что она не могла не то, что пошевелиться, а даже вздохнуть, и Лера могла только смотреть через решетчатый поручень широко распахнутыми от страха глазами, не в силах отвести взгляд от других глаз: светящихся, волчьих и желтых, как застоявшийся гной.

Старуха уставилась на нее сквозь свалявшиеся, грязные космы, падавшие на изрезанное морщинами лицо, заскорузлая кожа которого отслаивалась рваными, истлевшими лоскутами. Поверх засаленных седых волос была намотана и подвязана под подбородком какая-то тряпка, некогда бывшая шерстяным платком. Тело покрывал толстый слой тяжелых, мокрых лохмотьев, с которых капала темная жижа. В нос ударил резкий, густой запах болота и выгребной ямы, как от деревенского туалета жарким летним днем. Старуха жутко ослабилась и захихикала, будто закудахтала огромная хрипая курица.

Лера захотела вскочить, закричать, но тело одеревенело, как будто она отлежала его целиком. Губы отказывались открываться, и из горла вырвался только едва слышный, сдавленный писк. Старуха ощерилась еще шире и покачала головой.

«Кто Вы? Что Вам нужно?!» — закричала Лера, и этот крик, неслышный снаружи, пронзительно зазвенел у нее в голове.

Старуха не ответила.

«Куколка? Вы за ней пришли? Забирайте, вот она! Мы не хотели ничего брать, мы не специально забрались к Вам в дом!»

«Нет, куколка теперь твоя», — голос, надтреснутый, мертвый,

прозвучал как будто у Леры внутри головы.

«Тогда что Вам нужно?!» — Лера чувствовала, как слезы, застывшие в глазах и не могущие пролиться плачем, жгут глаза.

Старуха протянула руку в сторону коляски со спящим младенцем и проскрипела:

«Его!»

Лера изо всех дернулась, попыталась хотя бы мотнуть головой — тщетно. Даже зажмуриться снова не получилось.

«Отдай мне мальчика, — снова просипела старуха. — И мы будем дружить. Я тебя много чему научу».

«Но я не хочу дружить!»

«А придется», — старуха сдвинулась с места и зашаркала по комнате. Лера с ужасом следила, как жуткая бабка подошла к родительской кровати, встала рядом и нависла над спящими папой и мамой. Сгорбленная спина в мокрых грязных лохмотьях чуть задела ручку коляски. Глухо, отрывисто звякнули погремушки. Братик заворочался во сне.

«Выбирай, — голос страшной карги звучал в голове Леры так же четко, как если бы та стояла рядом, — или твой брат, или мама. И папа».

Старуха нагнулась, сивые космы, свесившись, коснулись маминого лица, неподвижного и бледного в призрачном ночном свете.

«Нет! — мысленно закричала Лера. — Не трогай маму!»

Старуха криво ухмыльнулась. Из уголков почерневших губ потекла струйка мутной воды. Она проковыляла обратно и встала перед девочкой.

«Завтра отдашь мне брата, — сказала она. — Иначе я приду за твоими родителями».

Лера рыдала: громко, в голос, надрывно — и безмолвно.

«Как я тебе его отдам?»

«Узнаешь, — сказала старуха, и добавила, — Со мной лучше ладить».

Она закричала и потянулась к Лере обеими руками, наклоняясь над кроваткой. Из раскрывшейся широкой пасти с осколками грязно-желтых зубов несло трупной гнилью. Лера дернулась что есть сил, завопила и снова открыла глаза.

В комнате было пусто и тихо. Свет в кладовке не горел. Лера попробовала пошевелиться: руки и ноги были немного онемевшими, но послушно задвигались под тонким одеялом. Маленькое сердце заходило в груди частыми, гулкими ударами. В коляске завозился и тихонечко запищал маленький Андрюшка. Лера увидела, как мама приподнялась, протянула руку и стала качать коляску.

— Спи, спи, сыночек...

Сама Лера уснула только после того, как прозвонил будильник, и папа стал собираться на работу.

Наступило утро понедельника.

* * *

Когда Вика ответила подруге, что ничего страшного ночью не случилось, она не врала. Просто страшно ей не было. Было интересно.

Вначале Вика не поняла, что кто-то ее зовет. Ей показалось, что она проснулась от того, что журчит вода в туалете: наверняка дядя Валера опять вставал среди ночи, чтобы облегчиться. Обычно после этого воняло на всю маленькую однокомнатную квартиру, да так, что щипало глаза. Но сейчас ничем таким не пахло, разве что чуть несло какой-то сыростью, будто из открытого подвала. Вика лежала, прислушиваясь к тому, что казалось журчанием, и неожиданно стала различать среди звуков слова, а потом и свое имя: «...сюда...», «...пойдем...», «...Вика...», «...пойдем...». Она послушала еще немного, а потом повернулась на другой бок, поерзала, устраиваясь на неудобном кресле-кровати, и снова уснула.

Ночью накануне того дня, когда мама сказала ей про летний детский сад, а испуганная Лера выпрашивала, не случилось ли чего страшного, Вика снова проснулась от того, что ее зовут. Теперь казалось, что в ночной тишине спорят и бормочут наперебой несколько голосов: они бубнили за окном, шептались за стенами, шелестели на кухне, звучали в нечаянных звонах тонких стеклянных бокалов в серванте, во вздохах водопроводных труб, в скрипе мебели, даже в храпе пьяного дяди Валеры. Большинство слов было не разобрать, но имя и повторяющееся «...пойдем...» слышались отчетливо.

«Наверное, привидения, — подумала Вика. — Вот здорово».

Она послушала еще немного, а на следующую ночь, проснувшись, уже точно знала, что делать.

Вика тихо встала, сунула ноги в тапочки, осторожно, чтобы не разбудить маму и дядю Валеру, достала из коробки с игрушками жестяной сундучок, вышла в коридор и толкнула входную дверь. Та бесшумно открылась: ни лязганья замка, ни скрипа петель. Вика вышла на лестницу и стала спускаться с третьего этажа вниз, держа сундучок перед собой. За закрытыми дверями квартир людям снились странные сны. Ночной свет и резкие черные тени превращали знакомый с детства дом в призрачный замок: все было другим, причудливым и незнакомым, и даже веселые

пчелки на Викиной пижаме превратились в каких-то зубастых маленьких чудищ, ползающих по теплой фланели.

Вика вышла во двор. Вокруг неподвижно застыла прозрачная летняя ночь. Справа от двери парадной стояла лавочка, на которой обычно собирались днем местные бабушки. Сейчас тут тоже сидела старушка, да только другая: одежда на ней была совсем ветхая, рваная, пропитанная подземной влагой и болотной тиной; длинные сивые волосы нечёсанные и грязные, а губы, растянутые в улыбке, потрескались и сочились гноем. Она была похожа на труп, который засунули в бочку с водой, закопали, а потом снова вытащили на свет Божий через год — другой.

Но Вика не испугалась. Бабушка ей даже понравилась. Как будто из сказки.

— Здравствуй, деточка, — голос у старушки был скрипучий и дребезжащий, словно водили гвоздем по ржавой жестянке.

— Здравствуйте, — вежливо ответила Вика.

Бабушка похлопала рядом с собой по скамейке распухшей, мокрой ладонью, похожей на раздувшуюся жабу.

— Садись-ка рядом. Поговорим с тобой.

Вика кивнула и села, поставив сундучок на колени. Пахло от старушки не очень.

— Булавка моя у тебя? — спросила старушка.

Вика кивнула.

— Покажи-ка мне!

Девочка откинула жестяную крышку и достала длинную стальную булавку с головкой в виде цветка. Острие тускло блестело.

— Славно, — одобрительно кивнула головой бабушка. — Храни ее хорошенько, деточка.

— Она волшебная? — догадалась Вика.

— Конечно, волшебная.

— А другие вещи в сундучке?

— И они тоже. Только булавка — она теперь твоя, а другие вещицы ты побереги пока. Наступит время, дашь, кому надо будет.

— А они чьи были, эти вещи?

— Других девочек, — ответила старушка. — Дочек моих. Да только они все состарились и умерли.

Вике стало очень интересно. Она хотела спрашивать бабушку еще и еще, но подумала, что и так задает очень много вопросов. Но старушка, видимо, поняла ее любопытство и принялась объяснять все сама. Вика внимательно слушала.

По словам бабушки выходило, что она самая настоящая волшебница, и однажды, давным-давно, подарила свою булавку одной девочке. Та тоже стала волшебницей, выросла, а потом и состарилась, и передала булавку дальше, своей внучке, и добавила еще одну вещь от себя. Так и повелось: каждая новая девочка, входя в силу и превращаясь в волшебницу, добавляла какую-то одну вещь, пока все они не оказались в сундучке, а сундучок — в доме, где жила последняя из волшебниц, пока тоже не умерла в свой срок, еще до рождения Вики на свет.

— Вся наша сила тут собрана, — сказала бабушка. — И вся моя тоже.

Вика с уважением взглянула на жестяную шкатулку. Вот, значит, какое сокровище нашли они в заброшенном доме! Повезло так повезло!

— Бабушка, — решила задать она вопрос, уж очень было интересно, — а почему ты такая мокрая?

Старушка вздохнула.

— Злые люди утопили меня, деточка. Давно это случилось, когда и города этого, почитай, что и не было.

— А зачем они это сделали?

— Завидовали, тому что у меня сила есть, а у них нет, вот и утопили. И лежу я сейчас, ни жива, ни мертва, в темноте, да в грязи и иле, а вода давит на меня, деточка, так давит...

Из желтых глаз старушки полились густые, мутные слезы. Вике стало ее так жалко, что она и сама чуть не заплакала. Как эти люди могли так поступить! Ох, если бы они ей попались, она бы тогда...

Но Вика не успела подумать, что бы она сделала с теми злыми людьми, как бабушка сказала:

— Можешь помочь мне, доченька? А я тебя тоже волшебницей сделаю, всему научу, что знаю. Ты тогда все-все сможешь, что душа пожелает. Вот сейчас чего ты хочешь?

Вика подумала.

— Я хочу, чтобы дядя Валера от нас ушел. И чтобы вообще никакие дяди у нас больше не жили. А еще в садик не хочу ходить.

— Все можно устроить, — заверила старушка. — Ты только мне помоги.

— А что нужно сделать?

— Убить, — просто ответила бабушка.

Вика помолчала немного, а потом поинтересовалась:

— Кого?

— Да кого хочешь. Вот, хоть и в садике том, куда тебя мама посылает. Мальчишку какого-нибудь или девочку.

— Можно Ленку Перову, она мне не нравится, — рассудительно сказала Вика, а потом спохватилась. — Ой! А ведь меня могут в тюрьму посадить!

— Не посадят, — успокоила ее бабушка. — Я тебя научу, как все сделать. Достань-ка из сундучка книжечку, да открой.

Вика послушно извлекла записную книжку в потертом черном переплете и открыла. Каракули, которыми были исписаны страницы, и так были неразборчивы, а в ночных сумерках и вовсе сливались в сплошные серые полосы.

— Тут ничего не прочитать, — пожаловалась Вика.

— А ты полистай, — подсказала старушка.

Девочка перелистнула несколько страниц и вдруг на одной из них увидела слова, написанные четким, ясным почерком; буквы, похожие на печатные как будто стали ярче, так что можно было без труда прочесть написанное даже в неверном свечении летней ночи. Рисунки тоже перестали быть набором хаотичных черточек и закорючек и превратились в изображение трав и цветов.

— Сделаешь, как тут написано, — сказала волшебница. — И не бойся ничего. В тебе сила есть.

Вика вспомнила про подругу и спросила:

— А у Леры есть сила?

— У Лерки-то? — старушка прищурилась. — Да, у нее тоже есть, и немалая. Только трусиха она, подружка твоя. И плакса. Завтра к тебе прибежит, жаловаться будет, так ты ей подскажи, что и как лучше сделать. А то без тебя ей настоящей волшебницей не стать.

— Я подскажу, — сказала Вика. — Обещаю.

На следующий день Лера действительно выбежала во двор вся зареванная. Вика была занята: с самого утра она ползала в густых зарослях высокой травы и кустов шиповника, росших вдоль дома, и, сверяясь с книжечкой, искала нужные растения. Занятие было увлекательным. Вика не могла понять, как раньше не видела, что среди привычных лопухов, подорожника, одуванчиков растут другие, незнакомые и причудливые травы и цветы: с острыми, колючими листьями, толстыми короткими стеблями, темно-красными, как кровь, соцветиями из бархатистых на ощупь лепестков. Она так увлеклась, что не заметила, как к ней подскочила Лера, и, всхлипывая, принялась рассказывать о том, что приключилось с ней ночью. «Вот уж точно бабушка сказала — трусиха и плакса», — раздраженно подумала Вика, слушая Лерины жалобы. И какая из нее волшебница? Но Вика пообещала бабушке, что поможет подруге, поэтому,

как могла, постаралась ее вразумить:

— Тебе из этого одна только польза, — объясняла она. — Сама подумай: ты же станешь волшебницей! Настоящей, взаправду! Все, что хочешь, можешь делать, разве это не здорово?

— Нееееееет, — редела Лера. — Я братика люблю!

— Ой, ну перестань, — поморщилась Вика. — Что в нем хорошего? Пищит, писается, какается — фу! А потом вырастет, и мама твоя его больше будет любить, потому что он младший. И папа тоже больше любить будет, потому что папы всегда любят мальчиков.

— Откуда ты знаешь? — закричала в ответ Лера. — У тебя вообще папы нет!

Вика сжала губы, едва сдерживаясь. Ну что за дуреха!

— Знаю, — твердо сказала она. — И побольше твоего. А если ты не слушаешься, то бабушка твою маму убьет, поняла? Ты кого больше любишь: маму или брата?

Лера молчала и всхлипывала. Она действительно очень любила маленького Андрюшку: играла с ним, читала ему свои любимые книжки — и что, что он маленький? — даже носила на руках, когда мама ей разрешала. Но на вопрос, который задала подруга, мог быть только один ответ.

— Маму, — выдавила она.

— Вот, видишь! — торжествующе сказала Вика. — И что тут думать? Зато потом, когда ты станешь волшебницей, ты для мамы столько всего хорошего сделаешь! Она и забудет, что он вообще был, этот ребенок. Давай-ка лучше, помоги мне, а то у нас еще дел по горло, надо все успеть. Вот, смотри сюда: видишь, цветочек нарисован? Найди мне такой.

Лера опустила на колени рядом с подругой и стала ползать в траве, шмыгая носом и потирая красные, заплаканные глаза.

Они управились до полудня. Это было очень кстати: собранные растения еще нужно было нарвать на мелкие части, высушить и растереть в порошок. Хорошо, что солнце сегодня яркое: наверное, бабушка так устроила. Когда они шли к лавочке, неся в алюминиевых тарелочках и кастрюльках сорванную зелень, их окликнула соседка, тетя Женя из дома напротив:

— Что это вы такое носите, девочки?

Вика лучезарно улыбнулась и сказала:

— Это мы суп готовим, тетя Женя!

— Какие молодцы, настоящие хозяйшкы растут! — похвалила соседка.

Лера всхлипнула и отвернулась.

К вечеру все было готово. Вика принесла из дома две маленькие стеклянные баночки из-под лекарств и аккуратно насыпала туда порошок, для себя и для подруги. Глупая Лера, когда Вика протянула ей пузырек, вдруг заупрявилась и замотала головой. В огромных карих глазах опять появились слезы.

— Нет, я не хочу!

— Ну-ка не дури мне тут! — прикрикнула Вика, совсем как это делала ее мама, когда сердилась. — Забыла, что будет, если ты не послушаешься?

И сунула баночку в руки подруги.

* * *

Вечером мама как обычно укладывала Леру спать. Она поцеловала дочь в щечку и уже собралась уходить, когда та позвала:

— Мама!

— Что, доченька?

— А кого ты больше любишь, меня или Андрейку?

Мама снова подошла к кроватке, нагнулась, приобняв Леру, и улыбнулась, светло и нежно:

— Я вас обоих люблю, одинаково. И тебя, и его.

— А разве так можно, одинаково любить?

— Ну конечно, можно, — мама тихонько засмеялась и снова поцеловала дочку. — Можно всех любить: и деток, и родителей, и бабушку с дедушкой. По-разному, конечно — но все равно, одинаково сильно.

Лера зажмурилась, сдерживая слезы, и кивнула. Под тонкой подушкой в затылок упиралось твердое стекло пузырька с порошком.

Голова гудела, в висках пульсировала боль. Раньше Лера не понимала, что такое «болит голова» — на это иногда жаловалась бабушка. Теперь она поняла. Ей очень хотелось спать, так сильно, что это чувство притупило все остальные, даже страх не был таким острым, паническим, парализующим, как в предыдущие ночи. Но уснуть она не могла. Когда в доме все стихло и снова пришла ночь, теперь уже не казавшаяся Лере неведомым, диковинным лесом, она тихонько перелезла через перила кроватки и достала из-под подушки склянку. Под ногой чуть скрипнул паркет. Лера замерла, а потом осторожно, крадучись, подошла к коляске с малышом. Братик спал, тихо, безмятежно, как спят только младенцы, тем сном, который недоступен взрослым и сами воспоминания о котором

улетучиваются под грузом забот и тягот прожитых лет.

Лера точно знала, что сама она так спокойно не будет спать уже никогда.

Она нагнулась и посмотрела на брата. Маленькая ручка, сжатая в кулачок, лежала на подушке рядом с щечкой. Тонкая шапочка на голове чуть сбилась в сторону, и Лера бережно поправила ее, стараясь не разбудить малыша. Потом вытащила резиновую пробку и разом высыпала содержимое склянки в коляску. Младенец завозился и сморщил носик. Лера со страхом подумала, что он сейчас чихнет и разбудит маму, но малыш только засопел тихонечко и затих.

Лера обернулась и вздрогнула. У нее за спиной стояла старуха. Желтые глаза светились, как фонари.

— Вот и хорошо, — проскрипела она. — Вот и умница. Теперь и я в долгу не останусь.

Лера посмотрела, как старая карга разворачивается, шаркает в сторону кладовки, открывает дверь и исчезает во тьме. Она не чувствовала ничего, только пустоту, как будто из нее самой высыпали все, что было внутри, совсем как из пузырька с порошком. Лера постояла еще немного, потом легла обратно в кровать и мгновенно уснула черным, мертвым сном.

Проснулась она утром от душераздирающего крика мамы.

* * *

Вика со своей задачей справилась куда как легче. За обедом в детском саду она села за один столик с Ленкой Перовой, толстой девочкой с тонкими косицами и в очках с зеленой оправой. После обеда всем дали молоко в фарфоровых кружках, теплое и противное донельзя, которое воспитательница заставляла пить, чтобы дети лучше спали во время тихого часа. Вика некоторое время с отвращением наблюдала, как толстая Ленка пальцами выуживает из своей кружки молочную пенку и отправляет себе в рот. Хуже этого было только смотреть, как мальчик Дима из ее группы ест собственные козявки. Вика улучила момент, когда Ленка на секунду отвернулась, прервав свое омерзительное занятие, и быстро подменила кружки. В своей она украдкой заранее размешала порошок из маленькой склянки так, чтобы его не было заметно в молоке. Ленка подмены не заметила и с удовольствием выпила все до капли.

— Допиваем молоко и ложимся спать! — зычно прогремел голос дородной воспитательницы. — Через пять минут тихий час!

Вика пришлось сделать над собой огромное усилие, чтобы не думать о пальцах, лезущих в кружку за пенкой, и, подавляя тошноту, выпить теплое молоко.

Обычно во время тихого часа никто не спал: все лежали и перешептывались, ожидая, когда можно будет встать и пойти на прогулку перед полдником. Никакое молоко не помогало усыпить два десятка маленьких сорванцов обоего пола, которым хотелось бегать и играть, а не лежать рядами на раскладушках под пыльными застиранными простынями. Но в этот день молоко все же подействовало, причем сверх всяких ожиданий: когда через час воспитательница скомандовала подъем, одна из вверенных ее попечению девочек не проснулась вовсе.

* * *

Следующие дни Лера запомнила только урывками. Маленькая квартира как будто стала чужой: ее наполнили люди, которых здесь раньше не бывало — врачи, соседи, дальние родственники — звуки и слова, которых тут не слышали: «младенческая смерть», «кремация», «горе», крики и рыдания мамы, тоскливый, негромкий плач отца. Леру как будто не замечали. Только бабушка, усаживая ее за стол в кухне и подавая остывший, невкусный суп, со слезами на глазах гладила по голове и приговаривала почему-то:

— Бедненькая моя, бедненькая...

Бедненькой себя Лера не чувствовала, только ощущала, что изменилась, хотя и не понимала, как. Поняла она это на третий день, когда квартира наконец почти опустела: только бабушка осталась приглядывать за безутешной мамой. Сама мама сидела на тахте в их комнате, которая казалась непривычно пустой без детской коляски, и плакала.

Лера подошла к ней и взяла за руку.

— Мама, — тихо сказала она, — не плачь.

В ответ мать только сильнее залилась слезами. Лера посмотрела на ее лицо, такое красивое и веселое прежде, а теперь побагровевшее и распухшее, на глаза, которых было почти не видно под набухшими веками, и ощутила, как острая, резкая жалость полоснула по сердцу, будто бритва.

— Не плачь, — сказала она громче, — не плачь, ну пожалуйста!

Та вырвала руку из ладошек дочери и завывала.

Лера метнулась к своей кровати, выхватила из-под одеяла куколку в белом платье, подбежала к маме, держа игрушку в вытянутой руке и почти

закричала:

— Посмотри, посмотри на куколку! Перестань плакать, ну перестань, перестань!

Мама взглянула на куклу и замолчала. Стало очень тихо. Лера осторожно заглянула матери в глаза: взгляд был совершенно пустым.

— Мама, — позвала Лера. — Улыбнись.

Та посмотрела на дочку, кивнула, и лицо ее вдруг стало растягиваться, как будто кто-то с силой тащил в стороны уголки рта, раздвигая их все шире и шире. Мама улыбалась.

Ничего страшнее в своей жизни Лера не видела ни до, ни после этого.

* * *

Детский сад закрыли на карантин. Вика снова стала оставаться дома, иногда одна, но чаще в компании дяди Валеры: он работал посменно, то в утро, то в вечер.

Дядя Валера был огромный, неопрятный, и пах табаком, потом, и ношеной одеждой. Из вырезов на шлепанцах торчали большие уродливые пальцы с толстыми, желтыми крошащимися ногтями. Он сидел на кухне за столом в безразмерных семейных трусах и голубой майке, читал газету и пил пиво, наливая его в кружку из эмалированного бидона и закусывая вонючей сушеной рыбой. Когда в кухню вошла Вика, дядя Валера как раз поджаривал при помощи спички съезжившийся рыбий пузырь. В уголке под потолком бормотало радио.

— Дядя Валера, — позвала Вика.

— Чего тебе? — отозвался он, глядя в газету.

— Дядя Валера, уходи.

Он оторвался от заметки о событиях в Никарагуа и удивленно уставился на девочку мутными, красными глазами. Та стояла в дверях и пристально смотрела на него.

— Что ты сказала? — сипло спросил дядя Валера и откашлялся. — А ну, повтори.

— Уходи, — повторила Вика. — Сейчас.

— Да ты обнаглела, — сделал вывод дядя Валера и поднялся из-за стола, отряхивая с больших ладоней рыбью чешую. — Совсем тебя мать разбаловала. Ну ничего, где мой ремень...

Он сделал шаг вперед, грозно надвигаясь на вздорную соплячку, и в этот момент девочка резко вскинула руку. Между пальцами сверкнуло

острие длинной булавки.

Дядя Валера почувствовал, как ноги его резко ослабли, словно у куклы-марионетки, которой перерезали поддерживающие нити. Не успев еще как следует испугаться, он тяжело рухнул на колени и увидел прямо перед собой глаза девочки, и тут ему стало страшно по-настоящему: оттуда смотрело нечто нечеловеческое — древнее, пустое, и бесконечно, запредельно злое.

За окном весело залаяла маленькая собака. Зазвенел велосипедный звонок. «В Петропавловске-Камчатском полночь», — сообщило радио.

Стоящее в дверях кухни существо медленно отвело назад руку, направило булавку чуть ниже и снова резко вытянуло стальным острием вперед. Несчастный дядя Валера почувствовал, как будто эта самая булавка, нет, десятки острейших, замороженных игл вонзились ему в яйца. Он заорал и упал на бок.

— Уходи, дядя Валера. Сейчас же.

Когда через три часа вернулась с работы мама, о дяде Валере напоминала только картонная заношенная стелька, выпавшая из шлепанца между вторым и первым этажом. Все его вещи, брошенные во время панического бегства, Вика завязала в узел и вынесла на помойку вместе с останками недоеденной рыбы. Пиво она вылила в унитаз.

Мама в растерянности сидела на стуле в прихожей, а счастливая Вика, радостно улыбаясь, обнимала ее, гладила и говорила:

— Нам теперь будет так хорошо вдвоем, мама! Так хорошо! Я все сделаю, чтобы нам было просто здорово, вот увидишь!

Недели через две Вика, держась на мамину руку, шла вместе с ней на работу. Теперь, когда дяди перестали появляться в их доме, маме пришлось снова работать на полную ставку в ателье, где она была портнихой. Их детский сад так и не открыли после карантина, вызванного внезапной смертью одной из девочек, а другой был слишком далеко, и мама брала Вику с собой на работу: пусть ее дочка уже большая и вполне самостоятельная, но так было спокойнее. Да и Вике нравилось в ателье: она сидела за высоким рабочим столом рядом с мамой, пила чай с вкусными сухарями и играла лоскутами разноцветной ткани и портновскими булавками.

В этот день она впервые за две недели прошла мимо старого дома, где все началось: они с мамой чуть изменили маршрут, чтобы зайти в булочную и пополнить запас любимых Викиных сухарей. Дом смотрел на Вику покосившимися окнами так, будто подмигивал, как сообщник в секретных делах.

— Мама, а кто раньше жил в этом доме? — поинтересовалась Вика.
— Одна бабушка, — ответила мама, и голос у нее стал напряженным.
— А что за бабушка?
— Ну...не очень хорошая, — сказала мама и стала смотреть в сторону.
— А почему она была нехорошая? — допытывалась Вика.
— Она обижала всех, ругалась со всеми... — объясняла мама, явно подбирая слова, чтобы не сказать больше, чем, по ее мнению, следовало знать маленькой девочке. — Кричала часто. Дядю Витю твоего напугала — помнишь дядю Витю?

Вика кивнула. Дядя Витя был старшим братом мамы и совершенным, законченным алкоголиком, иногда заходившим к ним, чтобы попросить денег в долг. Долгов этих он, разумеется, никогда не отдавал, а последний раз явился таким пьяным, что мама не пустила его на порог.

— Ну вот, дядя Витя еще маленький был, они с другими мальчиками в футбол играли, и он подошел к забору, чтобы мячик достать, а эта бабушка как закричит на него... Он даже не говорил потом несколько дней.

Вика подумала, что знает, как могла закричать та бабушка, последняя из старых волшебниц, хранительница заветного сундучка: она крикнула так, что вся будущая жизнь этого мальчика, неосторожно отправившегося за мячиком, сразу состарилась, высохла, съежилась, покрывшись морщинами и паутиной.

«Я тоже так смогу. И это, и другое».

Вика улыбнулась и крепче взяла маму за руку.

Ей было очень хорошо.

Глава 20

Алина была готова к появлению новых трупов. Она даже ждала этого, гадая, как скоро Чекан позвонит ей и скажет, что где-нибудь за городом в дачном поселке нашли сожженное женское тело со следами пыток. В том, что злосчастный Ферт виновен в чем угодно, но только не в серии убийств, Алина была уверена целиком и полностью, так что, когда во вторник среди рабочего дня на экране телефона высветилось «Семен Опер» (черт, так и не переписала имя!), к разговору об очередной трагической смерти она была готова.

Правда, труп оказался другим.

— Тут такое дело, — Чекан как-то странно мялся, будто подбирая слова. — В общем, у нас подозреваемый скончался. Сегодня ночью.

— Как скончался? — опешила Алина.

— Самоубийство, — ответил Семен. — Тело в морге Покровской больницы, она ночью была дежурной. Уже даже вскрытие сделали.

— Понятно. Я сейчас туда подъеду, — сказала Алина и повесила трубку.

Больница походила на замок двух бледных сестер — Тоски и Смерти, и морг, несомненно, был его цитаделью. Чтобы попасть в прозекторскую, нужно было пройти по длинному, холодному помещению с низким потолком и серыми стенами, скрадывавшими и без того тусклый свет, меж ровных рядов голубовато-бледных босых стоп с бирками на пальцах, торчащих из-под легких пластиковых покрывал. Шаги отдавались гулким эхом. В небольшой комнате за толстой дверью с маленьким круглым окошком резко воняло едким и кислым. Рядом с трупом, лежащим на металлическом столе, стоял местный патологоанатом: крупный, неприветливый мужчина с усталым лицом и всклокоченными жесткими волосами.

— Я уже все закончил, — сообщил он Алине. — А вы чего приехали-то?

Алина пролистала заключение с диагнозом и результатами исследований, посмотрела на белое лицо покойника, с которым разговаривала всего пару дней назад, на иссеченные внутренности, аккуратно разложенные по эмалированным лоткам, на то, что из них извлекли, и перевела взгляд на врача.

— И каким же образом, по-Вашему, он умудрился это сделать?

Первым истекающего кровью подозреваемого обнаружил дежурный по ИВС в начале четвертого часа утра. Услышал крики, а потом частый, панический стук в дверь, которым сокамерники несчастного Ферта пытались подать сигнал о случившейся беде. Когда дежурный распахнул дверь, тот лежал на полу, скорчившись в позе эмбриона от мучительной, раздирающей боли в животе, и хрипло стонал, пуская пузыри в лужу крови, скопившейся под головой. Другая такая же лужа натекла из заднего прохода. Он был почти без сознания, только бормотал что-то бессвязное, а по дороге в больницу и вовсе лишился чувств. Несмотря на экстренные реанимационные меры и усилия врачей, в половине пятого утра Александр Витальевич Ферт скончался, не приходя в сознание, от острой кровопотери вследствие обширного внутреннего кровотечения.

При вскрытии из внутренностей мертвеца извлекли двести двадцать семь портновских булавок — мелких, острых и тонких, в клочья изорвавших стенки желудка и устье двенадцатиперстной кишки.

Сейчас эти булавки, частью кое-как отмытые от побуревшей крови, частью слипшиеся в ошетилившийся колючий ком, тускло поблескивали в металлическом белом поддоне.

— Так как, на Ваш взгляд, он это сделал? — повторила вопрос Алина.

Патологоанатом пожал плечами.

— Ну как... проглотил, надо полагать.

— Проглотил больше двухсот булавок и при этом ни одна из них не поранила глотку или пищевод? Вы же сами исследовали труп и писали заключение. Ни уколов, ни царапин.

— Да откуда мне знать? — вдруг огрызнулся врач. — Как еще могли булавки попасть в желудок, если он их не глотал?

Мертвец безучастно лежал между Алиной и патологоанатомом и молчал, не желая давать подсказок. Алина обратила внимание, что на левой скуле у него появилась гематома, которой раньше не было, а костяшки пальцев правой руки ободраны.

— Тем не менее, по телефону Вы сказали сотрудникам полиции, что это самоубийство, — заметила Алина. — Вот я и подумала, что у Вас есть какая-то своя оригинальная версия того, как человеку удалось набить желудок острым железом, не поранив ни ротовой полости, ни глотки, ни пищевода.

Версий у врача не было и думать над ними он не желал. Вместо этого он запахнул расстегнутый халат и фыркнул.

— А что это, если не суицид? Убийство? Думаете, что кто-то затолкал ему в горло вот это все, — он показал на булавки, — да еще и проглотить

заставил? Иных версий, кроме того, что покойный свел счеты с жизнью, и быть не может. А что касается отсутствия характерных сопутствующих повреждений, то знаете, я за десять лет работы повидал всякое, и...

— Давайте не будем сейчас меряться тем, кто и что повидал, — перебила Алина, — и предаваться воспоминаниям. Тело я забираю. Направление на судебно-медицинское исследование пришлю Вашему руководству.

И вышла, стараясь не обращать внимания на сердитое бормотание за спиной.

На улице потеплело, ветра не было, но, когда Алина спустилась с крыльца, ее трясло, как будто она выскочила на мороз. Несомненно, врач морга Покровской больницы повидал на своем веку многое и привык ничему не удивляться; ей тоже довелось насмотреться на всякое во время работы судебно-медицинским экспертом. Из желудков и мертвых, и живых потерпевших извлекали порой самые неожиданные и опасные предметы: шприцы, битое стекло, бритвенные лезвия, маникюрные ножницы, зажигалки, газовые баллончики и даже куски стекловаты. Разнообразные иголки тоже редкостью не были, пусть и не в подобном количестве. Но Алина была уверена, что ни хмурый больничны́й потрошитель, ни она ни разу не видели совершенно гладкого, неповрежденного пищевода у человека, умудрившегося проглотить без малого двести пятьдесят портновских булавок. Разница между ней и ее недружелюбным коллегой была в том, что тот мог отмахнуться от этого невероятного факта, просто признав его существование: да, удивительное дело, бывает же. Он мог так сделать, потому что не знал о табличках с надписью «ВЕДЬМА» рядом с обгорелыми трупами женщин, по подозрению в убийствах которых был задержан человек, лежащий сейчас бледной безжизненной тушей на прозекторском столе в холодном подвале больницы.

А Алина знала.

Она глубоко вздохнула и постаралась унять дрожь. Потом села в машину и достала телефон. Чекан взял трубку почти сразу, как будто бы ждал звонка.

— Ну, как дела? — спросил он. — Посмотрела?

— Да, — ответила Алина. — Посмотрела.

— И как?

— Впечатляюще. Семен, ты не мог бы попросить следователя оформить направление для судебно-медицинской экспертизы? Я уже предупредила в больнице, что заберу тело в Бюро.

— Зачем?

— Затем, — ответила Алина, — что я хочу провести более подробное исследование.

— Не ответила, — заметил Чекан.

Алина вздохнула. Из дверей приемного покоя, нетвердо держась на ногах, вышел человек с перебинтованной головой и со следами на лице ночи, полной сражений. Пальто и порванные на коленях брюки были покрыты запекшейся кровью. Человек прищурился на тусклое солнце, размытое среди бледных облаков, достал сигарету и закурил. В луже, посреди которой он встал, отражалось небо, и казалось, что его ноги упираются в осевшие на землю серые тучи.

— Семен, это не самоубийство, — сказала Алина. — У парня в желудке ком булавок размером с твой кулак, и никаких повреждений, как если бы он их глотал. Такое ощущение, что эти булавки просто появились у него внутри, все разом.

— Круто, — ответил Чекан и замолчал.

Алина тоже молча ждала.

— И ты хочешь узнать, как они у него там появились?

— Чисто теоретически проделать такое можно было бы, если засунуть эти злополучные булавки в кусок какого-нибудь жира, типа масла или маргарина, и проглотить, — объяснила Алина. — Правда, потребовалось бы глотать килограмм, а то и больше. По частям. Я не представляю, как это можно осуществить в камере изолятора, но все-таки хочу убедиться, что в остатках слизистой оболочки желудка и в кишечнике нет масложировых следов.

— А если их там нет?

Мужчина в окровавленном пальто докурил и двинулся обратно в приемный покой. Потревоженные облака в луже взвихрились, как под порывами ветра.

— Ты знаешь, что я не могу давать заключений об обстоятельствах смерти. Только излагаю факты. И если я не найду хоть какого-то разумного объяснения тому, что увидела — а я уверена, что не найду — результаты исследования однозначно исключают версию самоубийства.

— Тогда придется дело открывать. По факту насильственной смерти.

— Это уже не мне решать.

Чекан откашлялся.

— Алина, — сказал он, — тут и так все на ушах. Ты себе представить не можешь. Прилетело всем. В первую очередь, конечно, ребятам из полка охраны: трясут их сейчас, чтобы выяснить, каким образом булавки могли попасть к задержанному. Заодно и сокамерников его допрашивают. И те, и

другие отказываются, говорят, что ничего не знают и не видели. Следователю тоже досталось, за то, что подписал постановление о продлении содержания в изоляторе и не дал перевести подозреваемого в «Кресты». Типа, там надзор лучше и такого бы не случилось. Ну и нам с Максом, как инициаторам этого решения и вообще, причастным к делу. Так что если сейчас не удастся закрыть все, как суицид... В общем, ты понимаешь.

— Понимаю. Но это не суицид. Уж извини.

— А у тебя есть своя версия?

— Есть, — ответила Алина. — Но тебе не понравится.

«Потому что она и мне совсем не нравится».

— Кстати, у покойника синяк на лице и характерные ссадины на кулаках. Не в курсе, откуда они взялись?

— Он с сокамерниками подрался, — хмуро ответил Чекан. — Позапрошлой ночью. Говорят, мешал им спать, постоянно просыпался и орал, что кто-то стоит в углу и смотрит на него. Вроде, какая-то старуха. Кошмары, наверное. Вчера перевели в другую камеру, и вот...

— Ясно, — сказала Алина.

Они помолчали.

— У тебя какие планы на вечер? — спросил Чекан. — Если хочешь, давай встретимся, посидим где-нибудь...

— Нет, — ответила Алина. — У меня вечером очень важное дело.

* * *

День Благовещения подошёл к концу: уже по-весеннему долгий, вымученный и хмурый, как человек, которого заставили задержаться на работе. Усталое солнце добралось до горизонта и отправилось в другие края и страны, к синему небу, лазурным морям и улыбчивым людям; там оно переоденется в яркое, станет веселым и жарким, как девочка, вырвавшаяся из офисной тоски и унылого города в короткий тропический отпуск.

К тому времени, как стрелки на больших часах с изображением Френсиса Дрейка на циферблате показали, что счет до начала новых суток пошел на минуты, Алина допила третью порцию виски и приняла решение на этом не останавливаться.

Возможно, паб не лучшее место для серьезных раздумий, а виски — не самый надежный помощник в решении сложных задач. Возможно. Но

совершенно точно, что именно паб остается оплотом спокойствия и стабильности, когда все вокруг норовит встать с ног на голову, когда тектонические плиты реальности начинают со скрежетом двигаться, сотрясая окружающий мир и вызывая извержения спящих вулканов — да и просто когда день вдруг становится паршивее, чем обычно, или в желудке покойника обнаруживается две сотни неведомо как попавших туда булавок. Никакому апокалипсису не нарушить здешнего размеренного, медитативного порядка, не возмутить пропитанного алкогольными парами уюта. Несмотря ни на что, полуночные пьяницы чинно соберутся на свою ежевечернюю мессу у алтаря барной стойки перед иконостасом зеркальных полок, откуда в янтарном сиянии взирают на них лики местных святых: Джон Джеймессон, Джек Дэниэл, Джим Бим, Александр Дьюар, Уильям Лоусон... Все так же будут негромко звучать голоса, словно бубнящие нестройные молитвы, и бармен предложит жаждущим животворящую кровь солода и ячменя, растворенную в кристальной воде далеких родичей Иордана. И если вечного блаженства все это не сулило, то подарить земное блаженство временного забвения вполне было в состоянии.

Вот только к Алине это забвение не торопилось. Тяжелые мысли упрямо ворочались в голове, отказываясь уходить. Наверное, поэтому время от времени ей так хотелось наклониться пониже и сидеть, чуть не касаясь лбом темного дерева стойки. Да, это все из-за мыслей: они возились, путались и бормотали, никак не желая молчать.

Ты же сама этого хотела. Чтобы как раньше, с пугающими загадками, ответы на которые написаны потусторонним зеркальным шрифтом. Потому и впуталась в это дело. Пожалуйста, как по заказу. «ВЕДЬМА». Старуха в кошмарных снах. Иголки во внутренностях. Изуродованные молотком и огнем тела. Чем ты недовольна?

Интересно, где сейчас Гронский? Ведь был кто-то в той квартире. Наверное, полицейские спугнули. И теперь уже точно никто не знает, где его искать. Скомканная записка, кстати, так и лежит в сумочке. Рядом с травматическим пистолетом.

Если бы этого несчастного Ферта не задержали, он бы остался жив. Точно. Сидел бы себе на даче, пил, возил в гости молодых девиц. Дурил голову и им, и налоговой. Дрался бы в самолетах. Жил полной жизнью, короче. Но теперь он умер. Самоубийство, ха-ха, как бы не так.

Зато настоящий убийца на свободе. Наверное, уже приготовил новую табличку с надписью. И молоток. Откуда в волосах убитой студентки строительный мусор? Конечно, злодея поймают рано или поздно. Скорее всего, что поздно. Вот только до суда он вряд ли доживет, судя по всему.

Что это будет? Тоже булавки? Или спонтанное самовозгорание? Нет, иначе: его признают невменяемым, привяжут к койке в психиатрической лечебнице, накрепко зафиксировав руки, чтобы не вырвал себе глаза от ужаса, когда ночью в палату войдет медсестра.

Алина тряхнула головой. Золотисто-зеленое сияние бутылок на полках резко сдвинулось в сторону и медленно вернулось обратно. Из колонок ритмично звучала энергичная музыка группы с названием, позаимствованным у парка в солнечной Санта-Монике.

За стойкой слева от Алины сидел в одиночестве смутно знакомый молчаливый мужчина. Чуть дальше за ним, на излюбленном месте, Пауль о чем-то громко рассказывал бармену Дэну, а тот кивал и улыбался, время от времени поглядывая по сторонам. Чтобы отвлечься от мыслей, Алина попыталась прислушаться к доносящимся до нее обрывкам разговора:

— ...когда в школе учился...у нас даже что-то вроде своей религии было...реально, боги, обряды, все такое...конечно, на шизофрению похоже...вообще психические отклонения есть у каждого второго...

Отвлечься не получилось.

Пахнуло холодом, влагой, и вместе с ночным воздухом ворвался и сразу стих уличный шум — открылась и снова закрылась входная дверь. Алина обернулась. В паб вошли три женщины.

Они были примерно одного возраста, лет сорока на вид, но выглядели очень разными. Первая была эффектной и яркой, так что на ее фоне двух других Алина даже не сразу заметила: высокая, светловолосая, статная, дорого и со вкусом одетая, ухоженная и привлекательная. Вторая выглядела, как ее тень: пониже, пошире, в невнятном мешковатом пальто, с густыми темными волосами до плеч и большими, печальными карими глазами. У третьей были вьющиеся, рыжие волосы цвета жирной ржавчины, худое острое лицо, похожее на хищную лисью морду, искусственный загар сильной прожарки и наряд, более уместный для девушки лет двадцати, собравшейся в ночной клуб. Алина и моргнуть не успела, как все трое уселись вокруг нее: блондинка слева, грустная брюнетка справа, а рыжая — на место сидевшего поодаль мужчины, причем сам он неожиданно для себя оказался за высоким столиком у окна, сжимая в руке стакан и моргая, словно не понимал, как туда перебрался. Дэн приосанился, разулыбался и подошел к новым гостям.

— Здравствуйте, — громко сказала блондинка и улыбнулась так, что в зеркалах и стеклянных бокалах, висящих над стойкой, сверкнули искры. — Ну, что у вас тут есть?

Дэн шагнул в сторону, чуть поклонился и широким жестом обвел свои

владения.

— Пожалуйста, все перед Вами, — сказал он таким тоном, которого Алина у него раньше не слышала. — Если есть какие-то особые пожелания, обращайтесь, я подскажу, постараюсь все сделать.

Блондинка быстро обвела взглядом полки и сообщила:

— Я бы выпила какой-нибудь коктейль.

Потом покосилась на Алину и спросила:

— Простите, Вы не в курсе: здесь хорошо делают «маргариту»?

Голубые глаза женщины искрились, как чистейший январский снег, а улыбка была такой искренней и располагающей, что Алина с удивлением почувствовала, как тоже улыбается в ответ.

— Дэн настоящий мастер своего дела, — заверила она. — Назовите любой коктейль и не пожалеете.

— Отлично! — воскликнула блондинка. — Тогда мне, пожалуйста, «маргариту». Девочки, заказывайте!

Девочки заказали: брюнетка — бокал красного вина, рыжая — ром с колой. Дэн засуетился за стойкой, гремя посудой и металлическим шейкером. Две официантки, будто возникнув из небытия, бросились помогать: одна открывала бутылку с вином, другая наливала ром и доставала колу из холодильника. Пауль на дальнем конце стойки замолчал и насупился. Светловолосая женщина, все так же лучезарно улыбаясь, повернулась к Алине:

— А что Вы пьете?

Алина посмотрела на стоящий перед ней стакан, в котором остатки золота растворились в талой воде.

— Виски, — ответила она.

— Я могу Вас угостить?

Алина подумала и кивнула.

Первая порция закончилась моментально. Второй раз Алина от угощения отказалась, зато настояла, чтобы записать на свой счет еще одну «маргариту» для блондинки. Рыжая сидела, глядя прямо перед собой и понемногу отпивая коктейль через трубочку. Брюнетка развернулась вполоборота, изредка чуть касалась губами вина и бросала на Алину быстрые, внимательные взгляды.

— Давайте познакомимся, — предложила блондинка. — Я — Виктория.

Она на секунду прижала ладонь к высокой, упругой груди.

— Алина, — представилась Алина и, чуть помедлив, протянула руку. Виктория слегка пожалала ее прохладными, гибкими пальцами с

безупречным маникюром. Алина машинально отметила отсутствие обручального кольца и подумала, что на такой женщине его и быть не могло. Слишком сильная и яркая она для такого рода колец. И наверняка не переживает по этому поводу.

— Очень приятно, — сказала Виктория, и плавным, почти царственным жестом указала на своих спутниц. — Это Валерия. А это Жанна.

Темноволосая Валерия кивнула и улыбнулась: не столь сногшибательно, конечно, как ее подруга, но как-то очень тепло и даже нежно. Рыжая Жанна быстро взглянула на Алину, мотнула кудрями и снова отвернулась, сосредоточенно посасывая ром с колой.

Алина заверила всех троих, что ей очень приятно познакомиться, и по этому поводу они дружно прозвенели бокалами.

— Я по профессии педагог, преподаю социальную психологию в коммерческом университете, — стала рассказывать Виктория, — а еще веду тренинги по личностному росту и пишу книги. Валерия врач, работает в родильном доме. А у Жанны свое модельное агентство. Алина, а чем Вы занимаетесь, если не секрет?

Алина не имела склонности заводить знакомства в барах. Она вообще не любила знакомиться. Подруг у нее как таковых не было, что вполне устраивало: подругами нужно было бы заниматься, общаться как-то, куда-то ходить вместе, а Алине всегда комфортнее было в одиночестве, чем в компании по сути посторонних людей, которые, того и гляди, начнут заводить разговоры о личной жизни или, что не лучше, рассказывать о своей. Алина уже думала, как бы поделикатнее избежать предлагаемого продолжения знакомства, а еще о том, что ей, пожалуй, пора бы вызвать такси, как вдруг почувствовала легкое прикосновение к правой руке. Она обернулась. Валерия смотрела на нее своими огромными, карими глазами, теплыми и глубокими, как летние ночные озера.

— Простите, — тихо проговорила Валерия. — Я случайно. Потянулась за салфеткой.

Алина еще немного посмотрела в темную, завораживающую глубину, а потом повернулась к Виктории и сказала:

— Я тоже врач, в некотором роде. Патологоанатом. Работаю судебно-медицинским экспертом.

— Ой, это, наверное, так интересно! — воскликнула Виктория, широко распахнула глаза и снова улыбнулась.

Алине захотелось ее обнять.

Бокалы вновь стремительно опустели, на этот раз у всех четверых.

— Повторить? — учтиво осведомился бармен.

— Ну, не знаю, — задумчиво протянула Виктория. — Точно не «маргариту». Может быть, что-то другое.

— Дамы, — торжественно произнес Дэн, — в таком случае я предлагаю вам коктейль «блублийзер». Полагаю, никто из вас его не пробовал?

Все дружно ответили, что нет, не пробовали, и — да, очень хотят исправить это упущение. Дэн извлек из-под стойки две большие металлические кружки, вылил в одну из них почти половину бутылки бурбона и поджег. Вспыхнуло голубоватое пламя. Дэн подхватил кружки и стал быстро переливать пылающую жидкость из одной в другую, постепенно увеличивая расстояние между ними. В эти минуты он был похож на заклинателя мифических саламандр, блестящих огненной, синеватой чешуей, которые, подобно фантастическому фейерверку, метались меж металлических сосудов, повинаясь движениям ловких рук. Алина смотрела, как замороженная. Когда Дэн, затушив пламя, разлил горячий напиток по бокалам, добавив туда немного сахара и лимонной кожуры, и поставил четыре почти полных стакана на стойку, раздались аплодисменты; даже угрюмая Жанна хлопнула пару раз сухими ладонями и скривила тонкие губы в подобии улыбки.

— Bravo! — воскликнула Виктория.

Дэн раскланялся, улыбаясь со скромным достоинством мастера, искусство которого оценили должным образом.

Алина взяла свой бокал и сделала большой глоток. У «блублийзера» был мягкий, медовый, успокаивающий вкус, как будто кто-то очень добрый обнял за плечи, твердо пообещав, что теперь все будет хорошо, и этому обещанию веришь сразу и без всяких сомнений.

А еще он был очень крепкий.

Время исчезло, растаяв в теплом полумраке без остатка. Мир стал маленьким и уютным, и в нем были приятные люди, сидящие рядом, горячий очаг с янтарным огнем в бокале между ладоней, и сумрак, окутавший плечи, как плед. В голове шумело, легко и приятно, и Алина подумала, что давно уже не чувствовала себя такой спокойной и расслабленной. Виктория что-то говорила, кажется, спрашивала о чем-то, но Алине было сейчас слишком хорошо для того, чтобы пытаться разобрать слова.

«Какие милые женщины, — думала она. — Виктория такая красивая, обаятельная, интересная; а Валерия мягкая, добрая; даже Жанна очень приятная, если подумать, хоть и сидит, отвернувшись...»

— ... все в порядке?

Алина мотнула головой. Виктория внимательно смотрела ей в глаза.

— Что? Простите, я отвлеклась...

— Я говорю, мне показалось, что Вы немного грустная, Алина — во всяком случае, были такой, когда мы пришли. Вот и решила поинтересоваться, все ли у Вас в порядке?

Алина на секунду замялась. Валерия положила ей на запястье свою нежную руку и негромко сказала:

— Можно рассказывать. Ты среди друзей.

— Сегодня умер один человек, — сообщила Алина.

— Вот как, — отозвалась Виктория, а Жанна впервые за вечер повернулась и придвинулась ближе.

— Да, — продолжала Алина. — Он был подозреваемым по одному делу...в общем, связанному с серийными убийствами женщин в дачных поселках.

— И это тебя так расстроило?

— Все считают, что подозреваемый покончил с собой. А это не так. — Алина покивала и повторила. — Не так.

— Почему же?

Алина усмехнулась.

— У него в желудке нашли ком булавок с ежа величиной, и проглотить самостоятельно он их не мог. Кишечник...тьфу, черт, что я говорю...пищевод целый, ни ран, ни эрозии, загляденье просто. Так что ничего он не глотал.

— Вот как, — удивленно сказала Виктория и переглянулась с подругами. — Загадка просто. Как же эти булавки могли оказаться у него в животе?

— Появились. Просто появились, и все. Вот так, — Алина попыталась щелкнуть пальцами. Получилось не убедительно.

— Ты веришь в такие вещи? — тихо спросила Виктория.

Алина твердо взглянула ей в глаза.

— Да. И не только в такие.

Она приподняла теплый бокал, посмотрела через него на свет и продолжила.

— Но хуже другое. Этот человек, с булавками в желудке, не был убийцей.

Рыжая Жанна со стуком поставила стакан на стойку. Алина хотела было сделать глоток, но Виктория мягко остановила ее руку.

— Постой, постой. Как это не был?

— Ему арестовали по подозрению в совершении трех убийств, причем отчасти на основании моей экспертизы, — сказала Алина. — Моей. Но я только установила, что некто — некто! — убивший молодую девушку в начале февраля также причастен к смерти женщин в конце февраля и в марте. И я совершенно уверена, на сто процентов, что тот, кого задержала полиция, отношения к этим убийствам не имеет.

— Наверное, у тебя есть версия, кто на самом деле совершил все эти... эти преступления? — впервые за вечер подала голос Жанна.

— Есть, — кивнула Алина.

Виктория подняла свой бокал.

— Алина, ты такой интересный человек! — сказала она с чувством. — Давай выпьем за тебя!

Дальнейшее помнилось смутно, как сон или фрагменты причудливой фантазмагии. Где-то ближе к концу посиделок дело все-таки дошло до разговоров о личном и Алина, вспомнив про Гронского, разрыдалась пьяными слезами, путано рассказывая новым подругам про своего исчезнувшего бесследно напарника. «Выгнал тогда, как собаку, под дождь, понимаете? Выставил и все!», — повторяла она, а Виктория и Валерия утешали ее, обнимая за плечи, и Валерия говорила ей на ухо тихо, но очень убедительно: «Мы поможем, не расстраивайся, мы обязательно его найдем, он еще сам прибежит к тебе, вот увидишь!» — и Алина ей верила. Потом Валерия повела ее в туалет, чтобы привести в порядок, и в дверях им встретился Пауль; он качнулся, внимательно посмотрел на спутницу Алины и спросил: «Простите, мы с Вами раньше нигде не встречались?», но Валерия только молча прошла мимо, ведя за собой раскисшую Алину, а когда они вернулись к стойке, Пауль уже ушел. Потом Виктория дала ей свою визитку, из белой тисненой бумаги с золотыми вензелями и буквами, которые Алина не смогла разобрать, и несколько раз сказала: «В пятницу у меня презентация новой книги, приходи обязательно, хорошо? В пятницу, не забудешь?», и Алина заверила, что непременно придет.

На улицу они вышли вместе, вывалившись в прохладную темноту ночи в расстегнутых пальто, шумной, веселой компанией; кажется, они громко смеялись над анекдотом, который рассказала оттаявшая наконец Жанна, и который Алина тут же забыла. Потом все трое предложили подвести Алину до дома, потому что у Жанны была рядом машина, а когда Алина спросила, не опасно ли садиться за руль после рома с колой и «блудлейзера», Виктория рассмеялась и ответила, что у модельного агентства Жанны хорошие связи в полиции, поэтому беспокоиться не стоит.

В «инфинити» Жанны пахло кожей и еще чем-то приторно-

клубничным. По дороге Алина уснула. Проснулась она от того, что кто-то настойчиво спрашивал, поднимется ли она сама до квартиры и заставлял проверить, на месте ли ключи, кошелек и телефон. Алина долго копалась в сумочке и чуть не выронила оттуда пистолет.

Последние силы ушли, чтобы переодеться перед тем, как рухнуть в постель. Уже засыпая, Алина подумала о том, когда последний раз она ложилась, не сняв макияж, и тут же вспомнила: в конце октября, в квартире у Гронского, в тот день, когда день начался со стрельбы и трех трупов у нее дома, а закончился виски и рассказами про дальние страны.

«Все будет хорошо, — подумала Алина. — Еще сам прибежит. Вот увидишь».

Глава 21

7 апреля 20... года, Благовещение.

Genikeevka.ru

«Как стало известно «Геникеевке», сегодня утром из ИВС ГУВД по Санкт-Петербургу и Ленинградской области в Покровскую больницу был госпитализирован Александр Ферт, ранее задержанный по подозрению в совершении серии убийств. Несмотря на неотложные реанимационные мероприятия, предпринятые врачами больницы, рано утром подозреваемый скончался. Подробности данного инцидента, как и то, что послужило причиной смерти, пока не разглашаются, однако, по неофициальной информации, Ферт А. В. покончил жизнь самоубийством. «Геникеевка» будет следить за развитием событий вокруг этого происшествия».

Я прочитал это сегодня утром, когда зашел в интернет проверить почту. Вообще я обычно не слежу за новостями, но в последнее время стал периодически просматривать обновления. И вот.

Конечно, не моя вина в том, что полицейские решили арестовать человека, не имея к тому, как я думаю, никаких веских оснований. Но все же сейчас мне не по себе, как будто это я подписал бедняге смертный приговор, невольно указав на него не только следствию, но и тем, кто имеет все основания бояться и ненавидеть человека, подозреваемого в истреблении ведьмовского ковена.

Пожалуй, это подходящий повод, чтобы рассказать о том, с чего все началось. Сколько можно ходить вокруг да около. Мне кажется, мы уже достаточно знакомы для этого, правда?

Можете не отвечать, я не привык к диалогам. Издержки замкнутого образа жизни и преподавательской деятельности. Моя форма коммуникации с миром принципиально монологична: я читаю лекции, пишу статьи, книги или вот этот дневник — все это не предполагает непосредственной обратной связи. А если и задаю вопрос, то лишь для того, чтобы получить заранее известный мне верный ответ — как, например, во время экзаменов. Ну или при других обстоятельствах.

А еще вот эти длинные вступления. Тоже академическая привычка: стараться придать рассказу объем, показать внутреннее содержание

событий, обозначить смысловые связи. Только это сейчас никому не нужно. Всем хочется быстродействующих историй, стихов в четыре строчки — словесных препаратов с мгновенным, но краткосрочным эмоциональным эффектом: смех, страх, отвращение, сострадание, умиление. Лучше смех, конечно. Никто не останавливается, чтобы подумать — все бегут. У всех мало времени, потому что вокруг очень много информации, которую хочется употребить, и не потому, что она нужна, а просто так, ради развлечения. Все превратились в полуночников, вялых, бледных, с красными глазами, дружно ноющих о хроническом недосыпании, поглощенных информационным тревоугодием. Очень много шума, очень мало смысла. Ничего достоверного, ничего ценного, фальшивые цитаты, искаженные факты, глупые шутки, игра на эмоциях. Одно бесконечное ток-шоу, из тех, что популярны на телевидении: все кричат одновременно, разобрать слова нет никакой возможности, кто прав, кто нет, не понять, и любая попытка донести истину обречена на провал — нужно или так же орать, надрывая глотку, либо молчать, но уже без всякой надежды быть кем-то услышанным.

Две тысячи лет назад, в небольших селениях, называвшихся тогда городами, люди жили, окруженные тишиной. Время двигалось спокойно и плавно, а не несло непристойным галопом, комкая и без того некрасивый финал истории человечества. Каждое событие становилось историей, каждый рассказ, услышанный от странника или чужеземца — поводом для размышлений, будивших фантазию, разум и чувства. Тишина позволяла открыться настоящим чудесам окружающего мира и увидеть их в восходе и закате, в звездах, ночных холмах, в течении рек и в молчаливых озерах. Слово могло стать плотью. Новость — Благой Вестью. В дом юной девы мог войти Ангел, чтобы приветствовать ее словами «Радуйся, благодатная! Господь с тобою!».

Как бы выглядела сейчас новость о приходе в мир Спасителя? Короткий репортаж в новостном блоке после политических и экономических известий; четвертая строчка в подборке на поисковом сайте; обновление в ленте Социальной сети ранним утром: «В городе Назарет ангел, явившийся в дом местного плотника, сообщил его юной жене о скором рождении Мессии».

Сто «лайков», десять «репостов», листаем дальше.

Ангелы и сейчас говорят с людьми, ничуть не реже, чем раньше, только никто их не слышит и не видит из-за постоянного гула и пестрого мелькания, в которых легко различаются голоса и тени других сущностей, тех самых, которые делают все, чтобы ни у кого не было возможности и

желания остановиться, прислушаться, оглядеться, подумать. Но порой, если тихие речи посланников небес игнорировать особенно долго и упрямо, они обращаются к нам языком страданий и боли.

«*Ducunt volentem fata, nolentem trahunt*». Желającego идти судьба ведет, не желającego — тащит. Меня потащили.

В октябре мне исполнилось сорок девять лет. Из них двадцать девять я был мужем, двадцать семь — отцом, двадцать пять — ученым и преподавателем. Казалось, что этого достаточно и все идет неплохо.

Мы с женой жили на Черной Речке, в квартире, оставшейся от ее покойного отца. Дочь уехала от нас в Москву десять лет назад, еще когда училась на первом курсе Театрального института: перевелась в столичный ВУЗ по той же актерской специальности, успела сняться в десятке сериалов, выйти замуж, развестись, и теперь жила, по ее словам, в так называемом гражданском браке с человеком, который обеспечил ей возможность не думать о работе как о способе добывать средства к существованию. Лично я считаю, что она стала просто содержанкой у состоятельного женатого бизнесмена, но подтвердить или опровергнуть эти соображения трудно: с дочерью мы созваниваемся не чаще, чем раз в месяц, а видимся пару раз в год.

Каждое утро я вставал в одно и то же время, пил кофе, одевался и уходил на работу. Жена просыпалась позже: она работала — да и сейчас, наверное, работает — редактором в небольшом издательстве, специализирующемся на выпуске брошюр о том, как в домашних условиях вылечить межпозвоночную грыжу или в какое время года лучше высаживать, и пользовалась преимуществами относительно свободного распорядка дня.

По вторникам я работал на кафедре, писал статьи для университетских сборников и журналов, которые почти никто не читает, или рецензии на научные работы и диссертации, не нужные никому, кроме тех, кто хотел получить ученую степень. В среду, четверг и пятницу проводил занятия у себя, на историческом факультете. А по понедельникам приходил на филфак: читал лекции по культуре Средних веков и эпохи Возрождения, и спецкурс по истории раннего Средневековья. Раньше мне это нравилось. В преподавании есть что-то сродни артистической деятельности, когда выходишь в зал и предлагаешь слушателям плоды своих размышлений и вдохновения, а главное — получаешь от них ответ: в улыбках, заинтересованных взглядах, вопросах, в желании больше узнать, лучше понять, даже в стремлении спорить. Но со временем эта связь между мной и студентами распалась; я чувствовал себя каким-то ретроградом,

вещающим год за годом одни и те же никому не нужные истины, а глядя в аудиторию понимал, что большинство просто отбывает здесь время, не находя ни в моих словах, ни в самом предмете ничего интересного или полезного. Для них я был хранителем пыльных реликвий захудалого краеведческого музея, пытающимся впечатлить их истлевшими призраками унылого прошлого, в то время как они бы с большим удовольствием послушали советы о том, как стать успешными в реальном настоящем; продавцом старинных игрушек, предлагающим лошадку на палочке детям, привыкшим к игре на Xbox. Мы просто честно отбывали номер: они сидели, уткнувшись в свои смартфоны, а я заученно повторял с кафедры текст своей роли, иногда развлекая себя нарочитым перевираанием дат и имен. Обычно этого никто не замечал.

Молодежь — это ответ общества на вопрос, каким оно видит себя в будущем. Если так, то апокалипсис не за горами.

Я чувствовал себя приживалом в том мире, в котором вдруг оказался. Старой вещью, которую из ностальгических соображений не выбрасывают на помойку, а отправляют сначала на балкон, а потом на дедовскую дачу, давая возможность обветшать в грязном чулане. Книгой, пылящейся на задней полке, вытесненной туда одноклеточными триллерами и бизнес-пособиями в ярких обложках. Открыткой с искренними словами, любовно выведенными перьевой ручкой, рядом со статусом в Социальной сети «Поздравляю всех с праздником!»; длинным долгожданным письмом в пожелтевшем конверте среди «постов» и «сообщений». Я постоянно чувствовал раздражение: от постоянно лезущих в уши невежественных трюизмов про блага технического прогресса, от катастрофического идиотизма телевизионных передач, от глупеющих с каждым годом студентов, от лихорадочного веселья пирушки во время духовной чумы, симптомы которой, казалось, вижу только я один. Удивительным образом я превратился в диссидента — ортодокса в мире победившего гуманизма.

Полтора года назад я начал писать свою «Апологию Средневековья». Отчасти для того, чтобы было куда вылить желчное недовольство окружающим, не дававшее мне покоя, но главным образом потому, что больше не мог молчать. В этом ток-шоу, участники которого, багровея надутыми щеками и брызгая слюной, стараются перекричать друг друга, я хотел сказать свое, пусть и очень тихое слово. Разумеется, иллюзий на счет того, что оно будет услышано, я не питал, но попытаться стоило.

Нельзя сказать, что работа над монографией придала моей жизни какой-то высокий смысл, но во всяком случае, мне было чем себя занять, кроме постоянного сердитого брюзжания перед телевизионным экраном

или компьютерным монитором. А еще можно было под благовидным предлогом не ложиться спать одновременно с женой. В этом случае нам с ней могла бы прийти в голову мысль, что надо заняться сексом, и оба испытали бы неловкость: секс давно стал редким и скучным событием, которое если и происходило, то, главным образом, потому что так надо, и занимались мы этим быстро, неохотно, словно не слишком приятными делами по хозяйству — сделать, да и забыть поскорее. За двадцать девять лет могут остыть даже звезды, а не только человеческая страсть, вот и наш брак остыл и прокис, как недельной давности суп, подернувшись тусклой, жирной пленкой повседневной привычки. Наверное, сказывался и возраст — мой, не ее. Жена была старше меня на год, что вообще не замечалось, когда нам было по двадцать с небольшим, даже в тридцать лет, но сейчас... Сейчас мне было всего сорок девять, а ей — уже пятьдесят, и она выглядела на каждый год из прожитых полусотни лет, не больше, не меньше. Нет, это не было серьезной проблемой для отношений: слишком много пройдено и пережито вместе, чтобы отсутствие полноценной интимной жизни оказалось сильнее, чем дружеские чувства, которые мы испытывали друг к другу. Просто в какой-то момент времени я понял, что живу в одной квартире с милой, интеллигентной, доброй, стареющей женщиной, которая ведет домашнее хозяйство. Вот и все. Проблема была в другом.

Хотя близость с женой давно перестала быть желанной, секса я хотел невероятно. Дико. Чего уж там, трахаться мне хотелось, до озверения.

«Среди всех видов борьбы, борьба со своей похотью тяжелее всех. С ней вечно кипит война, и победы в ней редки»^[20].

Поэтому обычный вечер и первая половина ночи выглядели обычно следующим образом. Я приходил домой, стараясь задержаться на работе подольше, чтобы вернуться часам к девяти, к позднему ужину. Потом мы сидели с женой перед телевизором, иногда молча, иногда перебрасываясь репликами, в которых не было нужды, настолько хорошо знакомы были все вопросы, которые мы могли задать, и ответы, которые всегда получали. «Как дела?» — «Нормально, устала только» — «Что на работе?» — «Да как обычно» — «Дочь не звонила?» — «Нет, а тебе?» — «Тоже нет». Иногда, глядя в экран, я не выдерживал и раздражался-таки язвительным ворчанием, и тогда жена просила, чтобы меня прекратить, потому что и так вокруг достаточно негатива, а тут я еще. Затем, обычно незадолго до полуночи, она уходила в спальню. Иногда перед сном я целовал ее в щеку — если не забывал. Потом шел на кухню, включал ноутбук, и начиналась моя ночь и мое время.

Я открывал файл с рукописью на последней странице, иногда пробегал глазами написанное накануне, потом сворачивал документ, входил в интернет и отправлялся на порносайты. У меня было в закладках два — три подобных ресурса, и к выбору материала для просмотра я подходил аккуратно и методично. Я открывал несколько вкладок с различными категориями: там были и зрелые, крупные женщины с массивными, блестящими от масла грудями и огромными задницами; и тоненькие девочки в очках и с брекетами в образе псевдоневинных школьниц; приемные мамочки, дающие падчерицам уроки анального секса; юные няни, которых склоняли к соитию отцы их подопечных; секретарши, медсестры, горничные, стриптизерши, спортсменки, агенты по недвижимости и актрисы, проходящие кастинг; они занимались сексом на столах в офисе, в кабинетах врачей, на улице, в подъездах, в возбуждающе грязных общественных туалетах, кабинках пляжных раздевалок и в барах, на глазах у вначале изумленной, а потом присоединяющейся к действию публики. Особых предпочтений у меня не было; хотя, конечно, вариант со школьницами и студентками всегда был беспроблемный, если другие сюжеты почему-то не вдохновляли.

Я выбирал сразу несколько — иногда десятков, иногда больше — роликов, ставил их на загрузку, и пока они скачивались, успевал написать страницу — другую о единой ценностной вертикали в средневековом общественном сознании или о трактовке понятия «целомудрия» в ранних рыцарских монашеских орденах. Потом снова сворачивал страницу рукописи и запускал видео: изящные азиатки, грудастые негритянки, рыжие европейки; крики, текущие слюны изо ртов, в которые вогнали член до самого горла, растянутые задницы, истекающие густым и блестящим соком вагины, вопли, слезы, рычание, брызги и судороги. Я мастурбировал, переходя от сюжета к сюжету, от сцены к сцене, доводя себя до невероятного напряжения, а потом прерывался, вновь открывал свою «Апологию» и вдохновенно громил гуманистическую парадигму трансцендентального западноевропейского субъекта эпохи Возрождения. Это могло продолжаться часами, пока, не выдержав, я не кончал в кухонную раковину, сжав зубы, корчась и прижимаясь яйцами к холодной металлической кромке. Потом я тщательно смывал сперму, натягивал обратно трусы, и приступал к другому занятию: презрению к самому себе и неубедительному погружению в стыд, которое обычно заканчивалось обещанием прекратить унижать себя подобным самоудовлетворением раз и навсегда. Разумеется, на следующую ночь все повторялось. Оторвать себя от жадного созерцания яростных, звериных, восхитительно непристойных

совокуплений я не мог.

Я чувствовал, что люблю то, что ненавижу; ненавижу то, что втайне люблю; хочу уничтожить и то, что люблю, и то, что ненавижу, ибо это суть одно и то же, чтобы одновременно рыдать от жалости и утешаться сознанием своей правоты.

Шпренгер и Инститорис писали, что «*фантазия — хранилище воспринятых форм*». Моя фантазия каждую ночь воспринимала такое количество форм специфического содержания, что днем могла продуцировать их самостоятельно, с проекцией на окружающий мир. В вагоне метро я оглядывался по сторонам: вокруг меня были женщины и девушки — яркие брюнетки с агрессивным макияжем и красным лаком на удлинённых ногтях; клубничные пышные блондинки; тоненькие студентки с бледной нежной кожей и большими голубыми глазами. Я ехал и думал, с кем из них я хотел бы заняться сексом. Даже изобрел себе примету: если таких за время поездки наберется больше трех, то день будет удачным. Обычно так и выходило, и, хотя дни были похожи один на другой, жаловаться мне не приходилось. Наверное, примета работала.

Разумеется, при такой организации времени ночных трудов работа над книгой продвигалась медленнее, чем я того хотел, но тем не менее к седьмому декабря я ее успешно закончил, поставив точку на последней, триста двадцать пятой странице.

А на следующий день все изменилось.

Я хорошо помню тот понедельник. Помню, как при входе в вагон метро какой-то мальчишка сильно толкнул меня в бок и прошмыгнул вперед: видимо, еще помнил то время, когда был сперматозоидом и стремился к заветной цели так же самозабвенно, как сейчас к свободному месту недалеко от двери. Я-то те времена давно позабыл. Помню, как сам потом уступил место девушке, как она, поблагодарив, села, чуть коснувшись меня упругим бедром, и как тут же накатила волна влажного жара. Как потом оставшееся время пути я стоял и смотрел на нее: резко очерченное, выразительное лицо, темные, гладкие волосы, красивые руки и двухцветный лак на ногтях — светлый, с красными скошенными треугольниками у верхней кромки. Помню, как, выходя, обернулся, и она подняла на меня глаза, улыбнулась, и я решил, что сегодня день будет особенно удачным. Я провел три пары, произнося годами заученный текст и размышляя, что могло бы случиться, если бы я набрался смелости и подошел познакомиться.

Последней парой у меня был спецсеминар, на котором я рассказывал о крестовых походах. Это была моя предметная тема с тех пор, как я защитил

первую, кандидатскую диссертацию о причинах гибели государства крестоносцев в Палестине и взятии Акко, а докторскую написал на тему Альбигойских крестовых походов и особенностях религиозных воззрений еретических сект XII — XIII века. Эти семинары я любил: все же сюда записывались те, кто хоть в какой-то степени интересовался предложенной темой, да и качество общения со студентами отличалось от унылого заезженного монолога на лекциях. В первом семестре студентов на моем семинаре было девять: трое юношей, еще не утративших мальчишеского интереса к историям о рыцарях и сражениях, двое отличниц, интересовавшихся средневековой литературой и решивших лучше изучить исторический контекст, одна очень интересная и творчески одаренная, но, к сожалению, безнадежно некрасивая девочка, две подгламурные подружки, записавшиеся в последний момент и не вполне понимавшие, куда попали, и Лолита.

Лолита Ким.

На первое занятие она пришла в короткой клетчатой юбочке выше круглых, загорелых колен. Тугая, свежая грудь слегка выступала из расстегнутой белой рубашки. Царевна степных кочевников, переодетая в японскую школьницу. Черные, блестящие волосы живописно растрепаны в то, что сейчас называется «креативной стрижкой», и покрашены темно-красными прядями. Азиатские девочки любят так краситься. Когда мы познакомились, она сказала: «Меня зовут Лолита, и я ненавижу Набокова». Это было очаровательно.

Ее хотелось грубо насиловать и бережно защищать одновременно.

Все полтора часа семинара я старался не слишком на нее таращиться. Трудность была в том, что она сама постоянно бросала на меня быстрые, обжигающие взгляды темных раскосых глаз из-под стриженной челки.

Через неделю она попросилась остаться после занятий, чтобы уточнить некоторые детали политических решений Клермонского собора, которые были ей до конца не понятны. Еще через два дня, когда я особенно долго задержался на кафедре, мы столкнулись у выхода с факультета: Лолита что-то быстро и путано объяснила то ли про дополнительные занятия, то ли про что-то еще и спросила, не провожу ли я ее до метро. Даже в десять часов вечера короткий путь по Первой линии и Среднему проспекту до «Василеостровской» не представляется опасным, но она сказала, что боится ходить одна. Я согласился. По дороге выяснилось, что Лолита живет на «Удельной», это всего на две остановки дальше моей «Черной Речки», и я согласился проводить ее до дома. В конце концов, что в этом предосудительного? Совершенно ничего. У дверей ее парадной мы

обменялись номерами телефонов — просто так, на всякий случай. А потом она поцеловала меня в щеку. Тоже, наверное, просто так.

Ночью я загрузил два десятка роликов с азиатскими студентками, горничными и медсестрами, и не написал даже половины страницы. Зато дважды кончил в кухонную раковину, представляя раскрытый рот на месте сливного отверстия.

Через несколько дней она встретила меня в коридоре, когда я шел на лекцию другого потока, и торопливо заговорила, что у нее есть идея курсовой, которую она хотела бы со мной обсудить, и не мог бы я сегодня с ней встретиться для этого после занятий, а она знает тут неподалеку отличное место. Когда тебя ловят на ходу, отказаться труднее, чем если никуда не торопишься. Особенно если отказываться не очень и хочется. Я согласился. Ведь причина была уважительной.

Мы просидели часа два в каком-то кафе с расписными стенами, обилием бородатых молодых людей и интерьером, пытавшимся выдать бедность за стильность. За это время я узнал, что она живет с родителями, что у нее есть младший брат, что она только наполовину кореянка, а еще у нее есть казахские и уйгурские корни, что она очень любит историю, интересуется эзотерикой, и что она всегда мечтала о таком преподавателе, как я, и ей нравятся наголо бритые мужчины, потому что это очень стильно — словом, почти обо всем, кроме идеи курсовой работы. Впрочем, как оказалось, идея была в другом. Когда мы ехали в метро и вагон слегка качнуло, Лолита прильнула ко мне, будто потеряв равновесие, да так и осталась стоять, прижимаясь все тесней и тесней. Ее тело было упругим и гибким. Я почувствовал, как теплые ладошки пробрались ко мне под пиджак и обняли за сразу напрягшуюся поясницу. Она встала на цыпочки, и ее дыхание щекотало мне шею. Из вагона мы вышли под руку. На эскалаторе она снова обняла меня, уже не стесняясь, и сказала, что хочет познакомиться со мной поближе. Совсем близко. Посмотрела в глаза и, видимо, для того, чтобы у меня не оставалось сомнений, незаметно опустила руку и слегка стиснула яйца. У меня чуть колени не подкосились.

В ту ночь я не мастурбировал и не писал. В два часа ночи лег в постель к жене — согретой, раскисшей от сна, закутанной в безразмерную ночную рубашку, которую я попытался поднять, чтобы засунуть в теплое тело напряженный до боли член. Супруга только что-то проворчала во сне, одернула задранный мною подол и отодвинулась.

На следующий день в Университете я написал Лолите сообщение с предложением встретиться во время длинного перерыва в середине дня. Мы уединились в пустующей аудитории на верхнем этаже. Пахло

строительной пылью и древесной трухой: дальше по коридору декан затеяла ремонт помещений, предназначенных под аренду какого-то коммерческого учебного центра, и теперь там целыми днями и вечерами сносили стены и ломали перекрытия. Я сел на стул и не успел глазом моргнуть, как Лолита уселась на столе напротив меня, раздвинув ноги и закусив губу. Я откинулся на спинку, отодвинувшись подальше от белых трусиков, оказавшихся чуть ли не у меня перед носом, и сказал, что никакого продолжения знакомства не будет. Что я женат. Что отношения с женой для меня важны. Что мы вместе дольше, чем она, Лолита, живет на свете. Что моя дочь старше ее на семь лет. Ну и все прочее в том же духе, что, вероятно, обычно говорят в таких случаях.

Она ничего не ответила. Резко сдвинула ноги, соскочила со стола и вышла, посмотрев на меня так, как, верно, смотрели половчанки на дружинников князя Игоря, разорявших степные станы. В этом взгляде было зловещее и полное решимости обещание.

Я боялся, что начнутся ночные звонки и сообщения, истерические выходки на занятиях, вызывающее поведение или еще что-нибудь в этом роде. Но нет. Лолита по-прежнему бросала на меня взгляды, от которых становилось жарко, проходила мимо с гордо поднятой головой, так, чтобы я ощутил теплую волну воздуха от ее тела и аромат ярких духов, закидывала одна на другую свои гладкие ноги, а когда замечала, что я смотрю на нее, поднимала бровь в деланном изумлении и одергивала юбку. Но все это было молча.

Постепенно я успокоился. Мне казалось, что все кончилось и можно обо всем забыть.

Восьмого декабря прошлого года, когда я вошел в аудиторию, все еще размышляя о девушке в вагоне метро, то увидел Лолиту и понял, что она единственное, чего я хочу в этой жизни. Это было как внезапный удар, или откровение, или внезапно вспыхнувший яркий свет в темной комнате. Мне не описать более точно того, что я почувствовал. Но подумал одно: Лолита Ким — вот все, чего я хочу в этой жизни. И взглянув в ее глаза, догадался, что она это знает.

Говорить я не мог. Ко всеобщему неудовольствию придумал на ходу какую-то письменную работу на все полтора часа и сидел, потирая виски, и стараясь не смотреть в ее сторону. Лолита, как ни в чем не бывало аккуратно писала на листочке, тоже не глядя на меня.

Когда время вышло, я попросил ее задержаться. Она опять удивленно вскинула брови — у нее это хорошо получалось — и чинно уселась на стул на заднем ряду. Я закрыл дверь. Некоторое время мы молчали.

— Вы о чем-то хотели со мной поговорить, Аркадий Романович? — спросила она звонким голоском хорошо воспитанной девочки.

— Да, — мой голос хрипел, как, верно, хрипят водосточные трубы, в которые стареющие неудачники спускают плоды ночного онанизма. — Продолжение знакомства. Твое предложение еще в силе?

Лолита улыбнулась хищной, недоброй улыбкой.

— А что, очень хочется?

Я молчал.

— Давай, скажи мне, — подбодрила она. — Очень хочется, да?

— Да, — выдавил я.

Она встала.

— Для началаними мне квартиру, так-то я с родителями и братом живу. А ты с женой, насколько мне известно. После этого поговорим.

И вышла.

Квартира у меня была, та самая, в которой я живу сейчас, и на тот момент она пустовала. Жилец, который снимал ее уже год — кажется, руководитель какого-то судебно-медицинского бюро или клиники, точно не помню — пропал без предупреждения недели две — три назад. Однако срок его отсутствия был еще небольшим, и я думал, что он в любой момент может вернуться, тем более, что внес предоплату за весь будущий год. Да и приводить сюда Лолиту я не хотел. Наверное, чувствовал, что добром дело не кончится. Поэтому деньги для аренды места наших будущих встреч я передал Лолите уже на следующий день. Если бы я знал, что там будет происходить, отдал бы всю сумму без остатка первому попавшемуся уличному попрошайке, да еще бы и добавил. Но я отдал деньги ей, а в четверг заплатил снова: на этот раз за машину для перевозки вещей.

— Теперь жди, — велела она.

Ждать пришлось недолго. В пятницу вечером она позвонила и вызвала меня к себе. Именно вызвала, понимаете? Как подчиненного. Как раба.

Не помню, что я сказал тогда жене. Может быть, что и ничего. Просто пришел с работы, бросил портфель с материалами лекции о религиозных предпосылках альбигойского крестового похода, и помчался к метро.

Теперь Лолита жила на северной окраине города. Дом был новым, холодным и гулким, с гудящими лифтами и длинными пустыми коридорами. Вместо людей только звуки. Двадцать два этажа, населенные призраками.

Ее квартира была на девятом, и когда я поднялся, то увидел открытую дверь и Лолиту: она стояла на пороге абсолютно нагая и смотрела на меня, пристально и без улыбки.

— Входи.

Я переступил через порог, тяжело дыша и не сводя взгляда с узкой полоски темных волос на светлом треугольнике лобка. Дверь захлопнулась с лязгом, как тюремные створы или клетка зверинца. Я поднял глаза, потянулся к Лолите и попытался ее поцеловать.

Она отшатнулась и наотмашь хлестнула меня рукой по губам так, что выступила кровь.

— Не смей меня трогать, пока не скажу! — крикнула она, и скомандовала: — Раздевайся!

Я покорно стянул пальто, безуспешно попытался найти вешалку, а потом бросил его прямо на пол у двери. Стащил ботинки, снял пиджак. Лолита молча стояла напротив и наблюдала. Я возился с одеждой, глядя на ее обнаженную, чуть тронутую искусственным загаром матово-нежную кожу. Через минуту я уже был полностью голый, топтался в ярко освещенной прихожей по грязному коврику, чувствуя одновременно неловкость и незащищенность, которую обычно ощущает голый человек, раздевшийся не по собственной воле. Лолита посмотрела на меня, поморщилась, потом распахнула дверь в ванную, взяла меня за шею и резко втокнула туда, словно пса, которого нужно помыть после прогулки.

Я послушно забрался в душевую кабину, боясь сделать лишнее движение. Я не хотел снова вызвать ее неудовольствие и понуро стоял под колючими, горячими струями воды, отвернувшись к стене, и старательно тер себя губкой, источавшей обильную пену с резкой ментоловой вонью. Позади меня с шорохом открылась и снова закрылась дверца душевой. Я только успел повернуться, как Лолита толкнула меня ладонями в грудь, заставив прислониться к стене и опуститься на колени. Я охнул, попытался коснуться ее волос, но она зарычала, ударила меня по рукам, и я так и остался стоять, пока она с каким-то яростным остервенением задвигала головой, с каждым разом все глубже натягивая рот на мой сразу напрягшийся член, словно змея, заглатывающая добычу. Ее волосы намокли под струями горячей воды, по моему животу расплывалась размытая тушь с длинных ресниц. Это было жесткое, агрессивное, болезненное действие, которое продолжалось, пока она не сочла, что достаточно меня возбудила — поднялась, схватила за мошонку и потащила в комнату. С наших тел на пол стекала вода, расплывались лужицы следов мокрых ног. Лолита повалила меня на пол, прижала лопатками к жестким доскам паркета, и мгновенно смотрела на меня сузившимися, почерневшими глазами. Я попытался что-то сказать; она зашипела, вздернув в оскале верхнюю губу над белоснежными, острыми зубами,

приподнялась на корточки, и, крепко стиснув мой член в кулаке, резко уселась на него сверху.

Мир вокруг раскололся, как темное зеркало.

Не помню, точнее, просто не знаю, сколько времени продолжалось это первое, неистовое соитие. Я лежал, прилипнув к полу мокрой спиной, пока осатаневшее маленькое существо на мне скакало и прыгало в бешеной, экстатической пляске с рычанием и хриплыми воплями, впиваясь ногтями в грудь и бока, оставляя на коже длинные, кровоточащие раны. Я тоже орал: от боли, унижения, страха, но еще больше — от дикого, лишаящего рассудка, темного звериного наслаждения. Сперма была сначала горячими густыми струями, заливая живот и грудь, потом выходила долгими, мучительными толчками, от которых болезненной судорогой сводило пах, пока наконец после долгих, похожих на агонию спазмов наружу не появлялось ни капли. Пот заливал мне глаза, горло саднило, и я думал, что все уже кончено, но ей удавалось возбудить меня снова, чтобы насаживаться на багровый, опухший, измученный член ртом, влагалищем, анусом; она исступленно билась на нем, как большая рыба, попавшая на гарпун, и я трахал и трахал ее опять и опять: в рот до самого горла, и в задницу — тоже как будто до самого горла.

Когда наконец она успокоилась, издав протяжный, ликующий вопль, я был почти без сознания. Лолита упала на меня сверху и с минуту лежала недвижно, только шумно дышала, постепенно успокаиваясь. Потом встала и молча ушла в душ. За дверью зашумела вода. Я так и лежал на полу. К окнам снаружи прильнула черная зимняя ночь; в глаза из люстры под потолком бил яркий электрический свет. Под бедрами и поясницей растекалась теплая лужа. Не было ни мыслей, ни чувств, только звенящая пустота в голове.

Лолита вернулась в комнату, посвежевшая, спокойная, завернутая в розовое полотенце. Прошла, не глядя на меня, к холодильнику, достала из морозилки большой контейнер шоколадного мороженого, забралась с ногами на кровать, устроилась поудобнее среди взбитых подушек и принялась нажимать кнопки на телевизионном пульте. Зазвучали невнятные голоса, музыка, далекие взрывы и крики.

Я молча лежал и слушал. Прошло минут пять, может, больше. Я осторожно приподнял голову и посмотрел: Лолита сидела на кровати, скрестив по-турецки голые ноги, и ела мороженое, глядя в экран телевизора. Полотенце соскользнуло у нее с груди. Маленькие темные соски были еще напряженными.

— Мне можно идти? — спросил я.

— Вали, — ответила она, не поворачиваясь.

Я с трудом встал, покачиваясь, вышел в коридор, и кое-как стал натягивать одежду. Трусы и рубашка неприятно прилипли к мокрому, грязному телу. Я оделся, зашнуровал ботинки, постоял немного, раздумывая, не стоит ли окликнуть Лолиту, чтобы она закрыла за мной дверь, а потом просто вышел, прикрыв ее сам как можно более тихо.

Была почти середина декабря, а снег пока так и не выпал. На улице было черно, ветрено, холодно, страшно. Я почти добрал до метро, когда зазвонил телефон.

— Я передумала, — сказала она. — Возвращайся. Оставил лужи после себя, кто все это убирать будет?

И я пошел обратно.

Она сидела на кровати, поджав ноги, и наблюдала, как я тщательно вытираю пол от пота и спермы. Когда я закончил, она снова велела мне раздеваться. Я был уверен, что уже ни на что не способен, настолько был изможден и измучен, и прямо сказал ей об этом.

— Ничего, — улыбнулась она почти нежно. — Я кое-что придумала.

И показала мне круглую резинку, которой обычно перетягивают пачки банкнот.

— Вот. Думаю, это поможет.

Домой я попал через сутки. К тому времени на мобильном было семнадцать не отвеченных звонков от жены и восемь СМС-сообщений. Я не стал их читать. Когда я возник на пороге, жена посмотрела на меня, отвернулась, и молча ушла к себе в спальню. Она ничего не спросила, а я не стал рассказывать. Собственно, после этого мы вообще перестали разговаривать.

Все воскресенье я провалялся в постели, пытаюсь восстановить силы и понять, что со мной было, пока не бросил это занятие, решив попросту все забыть, как человек, слишком сильно разгулявшийся на дружеской вечеринке, пытается выбросить из памяти постыдные детали своих пьяных поступков. Просто накатило, думал я. Временное помешательство. Даже не стоит думать об этом. Оставим в прошлом.

Но в понедельник, придя ранним утром в Университет, я понял, что ничего не желаю так сильно, как снова приехать к Лолите.

Так началась моя новая жизнь. И теперь она принадлежала не мне.

Лолита вызывала меня к себе несколько раз в неделю, и я бросал все и ехал. Вначале это происходило только по вечерам, но потом она стала развлекаться, например, срывая меня с лекций в те дни, когда сама пропускала учебу, и я прерывал занятия на середине, бормотал извинения,

хватал пальто, шляпу, портфель и выбегал из аудитории. Пришлось пустить слух о том, что у меня тяжело болеет жена. В это легко поверили, принимая во внимание мой осунувшийся, нездоровый вид, и относились даже с сочувствием, когда я очередной раз в спешке покидал факультет. Об истинной причине того, почему Аркадий Романович Каль, доктор наук сорока девяти лет от роду, вдруг несется куда-то, сломя голову, после телефонного звонка, никто и помыслить не мог.

Потом она стала звать меня ночью: в час, два, три, и я просыпался, нашаривал в темноте жужжащий, елозящий по тумбочке телефон, на экране которого крупно светилось «ЛОЛИТА», вылезал из теплой постели, торопливо одевался и мчался на улицу, чтобы поймать такси. Жена все так же молчала. Ей казалось, она понимает, что происходит. Как и мои коллеги и студенты, в своих предположениях она была далека от истины. Собственно, я и сам не до конца понимал тогда, что со мной творится на самом деле.

Я позволял поступать с собой, как угодно, делать все, что заблагорассудится, и Лолита этим пользовалась в полной мере: заставляла голым ползать на четвереньках по квартире, мычать, ржать или бляеть, а сама садилась верхом и каталась, залиvisto смеясь и время от времени охаживая меня по бокам моим же брючным ремнем; велела облизывать ноги, а иногда — только высокие каблуки черных туфель; требовала, чтобы я, стоя голым на стуле посреди комнаты, читал с выражением лекции, которые она иногда пропускала. Но заканчивалось все одинаково: она укладывала меня на пол и трахала, пока я был от изнеможения и боли, драла ногтями и оставляла на теле глубокие, кровоточащие укусы. Иногда она усаживалась мне на лицо, заставляя поглубже засовывать язык ей во влагилице или анус, а сама елозила и дергалась так, что жесткие волосы на лобке царапали мне губы и нос. Однажды после очередной такой ночи я уснул прямо на полу. Проснулся под утро от того, что Лолита пинала меня и бранила за то, что посмел отключиться. В Университет мы поехали вместе, а когда подходили к аудитории, она посмотрела на меня, безглаголиво скривилась, полезла в сумочку и протянула упаковку салфеток.

— На, сходи в туалет и вытрись как следует.

Когда я посмотрел в зеркало над раковиной, то увидел, что в щетине вокруг распухших, расцарапанных губ блестит засохшая слизь.

Пытался ли я сопротивляться? Конечно. Каждый раз, приползая домой, я говорил себе, что теперь-то уж точно все кончено. Что есть предел унижениям, что нужно вспомнить о чувстве собственного достоинства и силе воли; но проходил день, другой, и мне уже ничего так не хотелось, как

чтобы раздался звонок и она позвала меня снова. Если вдруг Лолита не звонила дольше обычного, я начинал волноваться, не находил себе места, бросал на нее жадные и умоляющие взгляды на лекциях, замечая попутно то новый дорогой телефон, то украшения, которые стали у нее появляться, и к страху того, что я могу быть отвергнут, примешивалась жгучая ревность от осознания, что у нее кто-то есть, кто-то еще, кроме меня. А еще думал о том, что, согласись я тогда на «продолжение знакомства», то оно развивалось бы явно по другому сценарию. Теперь же мне на своем опыте пришлось убедиться в справедливости слов из «Книги премудрости Иисуса, сына Сирахова», где говорится: *«Всякая злость мала по сравнению со злостью женщины»*. Особенно женщины отвергнутой и оскорбленной.

Однажды я предпринял настоящую попытку побега. Это случилось в ночь на Рождество, двадцать четвертого декабря. Как раз в этот день жена сказала мне, что уедет на Новый год к дочке в Москву. У нее уже были собраны сумки. Объяснений и комментариев не последовало, за что я был очень ей благодарен: все и так было ясно, ну, или казалось таковым. Когда я закрыл дверь и остался один в опустевшей, когда-то такой уютной и привычно теплой квартире, на меня накатила тоска. Моя жизнь, мой мир рушились с пугающей быстротой, и я должен был это остановить. На то, чтобы сказать Лолите, что я не приду к ней сегодня, духа у меня не хватило. Я снова явился и только кивнул, когда она сообщила, что хочет, чтобы я остался с ней до утра. Зато хватило сил на другое — лежать, как собака, у изножья кровати, и ждать, пока хозяйка уснет.

Глубокой ночью, дождавшись, когда ее дыхание станет ровным и глубоким, я сдвинулся с места и почти ползком пробрался в прихожую. Медленно, осторожно, замирая при каждом шорохе, словно сапер, разминирующий чуткую бомбу в яме со спящими змеями, я кое-как натянул одежду и встал. Дверной замок громко, предательски лязгнул в ночной тишине. Я замер. Лолита пошевелилась во сне. Некоторое время я стоял, обливаясь потом и ощущая гулкое биение крови в висках. Ничего. Крадучись, как вор, я выскользнул за дверь, медленно прикрыл ее за собой, и выскочил на лестницу.

Я не стал вызывать лифт, а пустился бегом, все быстрее и быстрее, перепрыгивая через ступени, с грохотом приземляясь на лестничных площадках, хватаясь на поворотах за перила, которые гудели, дрожа, как толстые басовые струны.

Ночь была морозной и тихой; в кристально-прозрачном небе сияли яркие, чистые звезды. Я бежал, скользя по укатанному снегу, пока не закололо в боку, и потом перешел на быстрый шаг. Холодный воздух

больно щипал ноздри, но очищал мысли, словно стакан ледяной газировки на утро после попойки. Меня охватило ликующее, бодрящее чувство: я смог это сделать, я сбежал, я вырвался. Теперь нужно только добраться до дома, укрыться от безумия и мрака прошедших недель за надежными дверями, в желтом, уютном тепле, а потом позвонить жене. Я объясню ей все, расскажу все, что было, и она отнесется ко мне с пониманием, которого мне так не хватало последнее время, и поддержит, как умела только она, как всегда поддерживала на протяжении трех десятилетий нашего брака. Я чувствовал себя снова живым и свободным, как заключенный, выбравшийся из узкого подкопа за пределы своего каземата, и впервые за долгие годы вдохнувший полной грудью воздух, не стиснутый стенами и удушливыми миазмами тюремной камеры.

Широкий длинный проспект был пустынен, цепочка редких фонарей уходила в бесконечную тьму, куда-то к краю земли, превращаясь в планеты и звезды. Редкие автомобили проносились по заснеженной трассе. Загребая ботинками легкий, пушистый снег, я подошел к обочине, увидел приближающиеся фары и махнул рукой. Автомобиль сбавил скорость, включил сигнал поворота, и плавно остановился в нескольких метрах от меня.

Я шагнул вперед и встал в нерешительности. Что-то неуловимо изменилось вокруг, потемнело, а может быть, стихло, словно птицы среди летнего полдня вдруг замолчали все разом. Только двигатель стоящей у поребрика машины негромко работал на холостых оборотах. Водитель распахнул пассажирскую дверь и перегнулся через сиденье.

— Куда ехать?

Я отшатнулся, сделал шаг назад, потом другой, и помотал головой. Шофер недовольно ругнулся сквозь зубы, захлопнул дверь, и машина уехала. Я остался один. Тишина ночи теперь показалась зловещей. Мороз уже не бодрил, а пробирал до костей. Взгляды звезд с поднебесья стали колючими и недружелюбными. Я постоял еще немного, потом поднял воротник пальто, втянув в него шею поглубже, и побрел обратно.

— Погулять решил? — раздался голос Лолиты из домофона. — Ну так погуляй еще и подумай о своем поведении.

Она впустила меня только через сорок минут. Когда наконец я поднялся в квартиру, то чувствовал себя куском мяса, извлеченным из морозильной камеры. Все тело покалывало, мочки ушей затвердели и страшно болели. Я встал у двери в коридоре, ожидая позволения войти, а она стояла напротив, скрестив руки на груди и вперив в меня неподвижный, угрожающий взгляд.

— Знаешь, — сказала она, — я думала отложить это до другого случая, но ты сам попросился.

Она отвернулась, подошла к комоду напротив входа в комнату и принялась рыться в ящике; потом что-то достала оттуда, и я увидел, как она затягивает вокруг талии и ягодиц кожаные ремни. Когда она повернулась, спереди между ног у нее болтался огромный, черный, блестящий strapon.

— Ну, что стоишь? Раздевайся.

Каким бы ни был откровенным мой дневник, какие бы подробности я ни открывал в нем, но о том, что произошло потом этой ночью я не хочу вспоминать вплоть до дня Страшного Суда; но и забыть об этом я не смогу до того, как предстану пред Престолом Господним.

На Новый год я впервые за много лет по-настоящему сильно напился. Купил себе водки и выпил пол-литра, ничем не закусывая, только запивая водой. Очнулся утром, разбуженный неестественно радостными голосами и музыкой из телевизора, который не выключил накануне; посмотрел мутным взглядом в экран и решил, что, пожалуй, продолжу.

Продолжал я три дня. Потом меня позвала Лолита и запретила пить.

Через неделю после Нового года снова позвонила жена.

— Ты дома? — спросила она. — Никуда не уехал?

— Нет, — ответил я.

— Ну, тогда я еще погощу тут немного. Веселись.

И повесила трубку.

В тот же вечер я собрал свои вещи, погрузил их в выдавшую виды «Волгу» и уехал на Каменноостровский проспект.

Старая квартира встретила меня пыльным запустением: тусклые лампочки, серые обои, низкие потолки, лохматая паутина в углах, окна, покрытые толстым слоем грязи и пыли с проспекта. И какая-то напряженная тишина, какая наступает, если в комнату, где беседуют люди, вдруг без стука войдет посторонний. Дома и квартиры никогда не пустуют, пусть люди и не всегда замечают того, что селится в их оставленных на время жилищах. Я чувствовал, что моему возвращенью сюда вовсе не рады.

Впрочем, мне не было до этого дела. Насилие над волей и разумом неизбежно приводит к изнашиванию души. У меня не было больше ни сил, ни желаний, и даже страстная, пугавшая меня тяга к Лолите постепенно пропала, а вместо нее пришла обреченность — именно ее я ощущал, когда снова и снова приходил к Лолите, уже не думая о том, чтобы сопротивляться, бороться или бежать. Но и сама Лолита тоже изменилась: она была уже не той веселой и дерзкой девчонкой, которая вошла ко мне в

аудиторию солнечным сентябрьским днем; в ней словно поселилось что-то, спряталось, но порой выглядывало наружу, и тогда казалось, что лицо Лолиты — лишь маска, надетая на чужую, зловещую сущность. Я смотрел, как она сидит вместе с другими студентами на лекциях, что-то пишет в тетрадке или, как все, рассеянно водит пальчиком по экрану смартфона, и удивлялся, что никто не замечает, кем или чем она стала. Я будто видел змею, большую, зловещую, темную, свернувшуюся толстыми кольцами под столом, а люди беспечно сидели и проходили с ней рядом.

Звать меня она теперь стала все реже, один — два раза в неделю, и то не ночью, а днем или вечером, а с середины января и вовсе как будто забыла. Наверное, ей просто надоела эта забава. Я снова почувствовал себя старой, наскучившей вещью и ненужной игрушкой, только теперь я был отвержен не окружающим миром, которому не нужны мои мысли и знания, а оказался несостоятелен даже в качестве сексуального раба двадцатилетней девчонки. А еще ревновал, замечая новые вещи, украшения и телефоны, и злился, когда гадал о том, с кем теперь моя Лола проводит длинные зимние ночи. Наверняка с тем, кого не ставит на четвереньки и на ком не ездит верхом, как на понуром осле.

Лучшие из женщин причиняют душевную боль, худшие — дарят плотское наслаждение. Но видит Бог, есть такие, которые с успехом это совмещают.

Однажды я возвращался домой, погруженный в то особое, сумрачное и бессмысленное состояние, которое иногда, за неимением лучшего, называют «задумался». Если присмотреться к людям на улице, то можно увидеть, что почти все они идут, погруженные в такой вот транс. Иногда даже сам не замечаешь, как добрался до подъезда, ведомый внутренним «автопилотом», тем самым, что иногда заставляет в выходной день проезжать нужную остановку, а выходить там, куда пять дней в неделю едешь на работу.

В этот день автопилот неожиданно выключился, едва я прошел несколько метров от станции метро. Рядом с американской пирожковой, украшенной логотипом из двух желтых струй, толклись цыгане — рабочая группа из нескольких женщин, постарше и помоложе, с обязательным ребенком, примотанным у одной из них к груди цветастым платком. Я принял левее, прижавшись к кромке тротуара рядом с дорогой, но поздно: одна из цыганок уже стремительно бросилась ко мне наперерез.

— Парень! Парень! Дай ребенку на молоко!

Я помотал головой, что-то пробормотал и дернулся в сторону, но уперся в рекламный светящийся короб с изображением сияющей женщины,

предлагавшей крем от морщин. Лицо женщины было забрызгано уличной грязью, а на лбу прилепилось розовое объявление «Анжелика, 24 часа». Я заметался между проезжей частью, светящейся женщиной и цыганкой, которая не отставала, начитывая монотонным речитативом:

— Я все тебе расскажу, все покажу, ты парень хороший, ты выгоды не искал, ты любви искал, два человека тебе в жизни мешают, один рыжий, другой черный, но ты не бойся, порчу на тебя наводят, но я тебе помогу...

Я замер, остолбенев, словно жена Лота, узревшая гибнущий Содом.

В одно мгновение все встало на свои места. Так бывает, когда долго смотришь на картинку — загадку, пытаешься найти на ней замаскированное лицо, а наконец увидев, удивляешься, как же не замечал его раньше.

Порча. Колдовство. Ну конечно же!

Приободрившаяся цыганка ухватила меня за рукав и продолжала заученный монолог:

— Выгащи бумажку, заверни в нее монетку, положи мне в руку, через час бумажка покраснеет, через два посинеет, но ты не бойся...

Я посмотрел на нее и расхохотался. Цыганка мгновенно отпустила мою руку и шарахнулась в сторону.

Порог своей квартиры я переступил победителем. Даже тусклые лампочки как будто светились ярче, потолки поднялись и вокруг словно звучали фанфары. Ответ найден! Напрасно я изводил себя все это время, думая о собственной порочности, слабости, психологической зависимости. *«Мужчина находится во власти женщины; женщина находится во власти дьявола»*, — писал Жозеф Пеладан. Порча. Колдовство. Магия. Это все объясняло. Оставалось только удивляться, как же я не догадался об этом раньше — а ведь именно мне додуматься до этого было легче, чем кому-либо другому, хотя бы потому, что слова «ведьмовство», «колдуны», «сатанинские культы» я произносил за последний месяц на лекциях и семинарах не один и не два раза.

Тут мне понадобится некоторое отступление от своего рассказа, небольшой исторический экскурс. Надеюсь, вы не сочтете его утомительным и прочтете — все лучше, чем листать новости в Социальной сети. Ну а если не хотите брать на себя такой труд, смело переверните несколько страниц: дальше снова будет про секс и убийства.

История — это не перечень фактов, дат и имен. Это понимание истинных первопричин и взаимосвязей событий, причем причин глубинных, уходящих истоками во времена, часто бесконечно далекие от тех, когда сами события произошли. Поясню на элементарном примере. То, что менеджер по закупкам Петров проворовался у себя на работе, завышая

суммы контрактов с поставщиками — простой факт, достаточный для управления собственной безопасностью, чтобы выгнать Петрова со службы с позором и при случае выбить из него то, что он ухитрился украсть. Увлечение менеджера Петрова стриптизершей Камиллой из клуба «Розовый фламинго», на которую он и потратил львиную долю того, что похитил, есть причина произошедшей растраты, краха карьеры и синяка под глазом. Психологические особенности личности Петрова, которые обусловили его тягу к стрипклубам, неспособность к нормальным отношениям с женщинами, стремление самоутвердиться, демонстрируя щедрость и засовывая купюры за резинку трусов танцовщиц, покупая таким образом ощущение собственной значимости — это глубинные причины произошедшего. Но если мы хотим вместо унылого и малоинтересного рассказа о закомплексованном воришке и повесе увидеть Историю, то обратимся к детству Петрова, к его самым первым, невинным годам, когда в его личности сформировался досадный изъян, через десятилетия приведший к растратам и проституткам; к жизни его родителей, этот изъян допустивших, а то и создавших — и перед нами может открыться драматичная семейная сага, по напряженности линий сюжета и глубине философского смысла не уступающая творению Маркеса.

Понимаете, о чем я?

История человечества предстает перед нами в виде огромных, исписанных сложнейшими формулами досок в академической аудитории; в них соединены взаимосвязи и факты, события и люди, причины и следствия. Но как опытный математик может, сокращая и упрощая, привести самые сложные выкладки к единице или к нулю, так и историк, глядя на кажущуюся бесконечной череду замысловато переплетенных событий, способен увидеть в итоге, как все они сводятся к одному: постоянной, упорной борьбе двух начал, от первых до последних дней человечества. Стоит это понять, и история обретает свой истинный смысл, открываясь во всей своей грозной, эпической красоте.

Это очень неудобная правда. Настолько неудобная, что мы предпочитаем использовать эвфемизмы, чтобы не называть противоборствующие силы их истинными именами: Бог и Дьявол. Дьявола, кстати, упоминать всегда как-то сподручнее и проще, вы замечали? А сказать «Бог» неловко, как подростку, стесняющемуся при друзьях говорить «мама» и «папа». Правду эту признавать некомфортно прежде всего потому, что тогда придется что-то решать, делать выбор, идти каким-то из двух — и только двух! — из возможных путей, а идти трудно, лень и

не хочется: во тьму — потому что это помешает успокоенно думать о себе, как о хорошем человека, к свету — потому что он кажется скучным, да и трахаться могут запретить. Монтегю Саммерс писал, что *«в большинстве своем мы всего лишь равнодушные, посредственные, смешанные создания»*, либо вообще не задумывающиеся о выборе пути, либо успокаивающие себя заблуждениями о том, что есть нечто посередине, что-то серое, размытое, не черное, не белое, не холодное, не горячее, где можно жить, как заблагорассудится, соотнося свое существование только с условными нормами общественной морали.

Но в этой войне никому не удастся сохранить нейтралитет, потому что стороны не берут пленных.

Одна сторона никогда не меняет обличья, ибо ее оружие — истина. Зато другая, под чутким руководством того, кто заслуженно именуется Отцом Лжи, постоянно скрывается под разными масками. И хотя в изобретательности ему не откажешь, но точно так же, как вся история рода людского сводится к единому смыслу, так и бесчисленные культы и секты, оккультные практики и метафизические опыты — от вампиризма до ордена «Голден Доун», от ведьмовства до «Цепей Мириам», от манихеев, катаров, альбигойцев до масонов и розенкрейцеров, от древних языческих культов до спиритов и деревенских ведуний — имеют одну суть: сатанизм, со всеми присущими ему отвратительными обрядами.

Я пришел к пониманию изложенного выше не сразу, но все же пришел. Поэтому, когда погружался в материал Альбигойских крестовых походов, прекрасно понимал, что, например, штурм в сентябре 1226 года Авиньона войсками Людовика VIII — не более, чем факт; политические предпосылки, побудившие короля возглавить второй Альбигойский поход — внешние причины события, а его настоящие истоки относятся к 242 году, когда на пыльных улицах Ктесифона, столицы Селевкии, оборванец по имени Мани принялся проповедовать свое учение, положив начало одной из самых опасных ересей в истории, названных по его имени — манихейство.

Собственно, ничего принципиально нового он не изобрел. Манихейство представляло собой компиляцию гностических учений, возникших одновременно с христианством — более того, я уверен, что христианство послужило причиной их возникновения: то была реакция извечного противника Бога на Слово, которое принес в мир Его Сын.

Дерево жизни, которое выросло из принесенной в мир Благой Вести, Дьяволу не погубить; но вокруг него можно высадить собственный мертвый и пагубный лес.

По форме гностической учение и манихейство было чистой воды оккультизмом с его претензией на владение некими абсолютными и тайными знаниями о мире, доступными лишь посвященным. На внешнем контуре декларируемых мировоззренческих постулатов гностицизм был чрезвычайно похож на современный светский гуманизм с его неприятием единой ценностной вертикали и отрицанием абсолюта дихотомии Добра и Зла: оба этих принципа представлялись универсальными, равными, способными изменяться в зависимости от ситуации и обстоятельств, а также оставляющими возможность выбора между ними без всякой нравственной индексации такового.

Что мне сейчас хорошо, то и добро.

Если допустить реальность существования дьявола, то придется признать, что по убеждениям и образу действий он был бы настоящий гуманист и либерал, проповедующий свободу как вседозволенность, гордыню и ненависть к Церкви.

Неудивительно, что это привело к инверсии двоичных представлений и характерному извращению библейской космологической системы: на внутреннем контуре проповедуемых воззрений гностические секты утверждали, что Демиург, библейский Бог, и есть олицетворенное зло, а Змей является воплощением добра. Это чем-то напоминает характерное для атеистической советской эпохи прочтение мифа о Прометее: Зевс в нем выступает как тиран, держащий в неведении и тьме несчастных, страдающих человек, в то время как гуманный либерал Прометей заботливо одаривает их огнем и знаниями, вовсе им не предназначенными. Отсюда логически следовало, что все, предписанное в Писании, является злом — ну, точнее, вредным для человеческого блага ограничением, — и наоборот, все запрещаемое им, есть добро.

Ибо зачем я должен воздерживаться от чего-либо, если мне хочется? Потому что в какой-то книжке написано? Ну уж нет.

Именно поэтому ритуальное нарушение Божественных заповедей, богохульство и осознанное поклонение дьяволу стало основой церемоний всех еретических сект, породивших затем многочисленные сатанинские культы. Это закономерное развитие стремления к вседозволенности, понимаемой как «свобода». Просто кто-то идет по этому пути до конца, доходя до алтарей, на которых во славу Вельзевула приносятся в жертву младенцы, а кто-то так и остается в нерешительности топтаться между светом и тьмой, успокаивая себя тем, что «никого не убил», каждый день убивая себя потаканием собственным слабостям и страстям.

В основе любой культуры находится культ. Один из двух возможных.

Отвержение одного из них неизбежно приводит к другому. Гуманисты, с наслаждением отказываясь от того, что было основой тысячелетней культуры, полагают, что обретают некую свободу от культа вообще. Ничуть не бывало — они просто переходят под другую юрисдикцию, желая того или нет. Каков культ — такова и культура.

В Европу манихейство проникло в начале XI века, впоследствии распавшись на множество сект: катары, альдонисты, сперонисты, ломбардские конкорренсы, багноленсы, альбигойцы, павликиане, патарены, богомилы, вальденсы, тартарены, бегарды, — что отнюдь не меняло их сути, скрывающейся под разными именами. Что характерно: все они отнюдь не ограничивались религиозной деятельностью, но представляли собой настоящие террористические группировки, одинаково яростно выступавшие как против существующей власти и законных порядков, так и против Церкви, всегда служившей этой власти духовным оплотом. Чего стоит только некий Танхелин, в 1112 году собравший под своим началом целую армию числом до трех тысяч человек и в итоге фактически захвативший город Антверпен, где правил, как самопровозглашенный король. Анархическая и антихристианская риторика соседствовали в его проповедях, и, кроме социального бунта, он призывал к полному отречению от церковных законов, что в итоге привело к дикому разгулу порока и бесчестия в подчиненных ему областях.

Власть, особенно та, которая опирается на традиционные духовные ценности, всегда вызывает ненависть у тех, кто проповедует хаос.

Наиболее сильной в политическом и организационном плане была манихейская секта катаров, обосновавшаяся в Лангедоке и на юго-западном побережье Франции, бывшем тогда под властью королевства Арагон. Они именовали себя альбигойцами, по названию городка Альби. Попытки папы Иннокентия III вразумить их средствами убеждения ни к чему не привели: с 1198 по 1208 годы продолжались бесконечные переговоры и дискуссии, пока осмелевшие альбигойцы, растлившие своим вероучением уже весь Лангедок и заручившиеся поддержкой местных дворян, не зарезали очередного папского посланника в его собственной постели. И тогда в 1209 году около десяти тысяч крестоносцев выступили из Лиона, начав растянувшуюся на много десятилетий войну, вошедшую в историю под названием Альбигойских крестовых походов.

Искоренение ереси стоило почти миллиона жизней. В 1233 году катары были разгромлены, но отдельные очаги сопротивления сохранялись до 1255 года, когда был взят замок Керибюс. Некоторые исследователи считают, что окончательно очистить многострадальный Лангедок от

катаров удалось только в 1321 году, когда на костре был сожжен некий Гийом Белибаст. Я же уверен, что совершенной победы достичь вовсе не удалось: сменив маски, затихнув до поры и до времени, сатанинские секты благополучно продолжали существовать, ожидая часа своего торжества. И он настал немногим более, чем через сто лет, когда Ренессанс породил светский гуманизм с его готовностью принять и признать любые доктрины, лишь бы они шли в разрез с традиционными христианскими ценностями. Характерно даже название этой эпохи — «Возрождение». Есть такие слова, которые гипнотически действуют на современных людей, воспринимающих только кажущийся положительным смысл, совершенно не вдумываясь в контекст. «Свобода» — от чего? «Равенство» — кого с кем? «Возрождение» — чего именно? Так я скажу чего: прежде всего, античной, дохристианской, языческой культуры; возрождение римских оргий, афинских борделей и вакханалий.

Слова «манихей», «альбигоец», «катар» и «колдун» были практически синонимами, потому что именно колдовские практики предполагали взывание к силам, которым поклонялись члены еретических сект. Участниц шабашей, ведьмовских ковен и есбатов казнили именно как еретиков, сатанистов и уголовных преступников. Ведьмы, преданные огню светскими властями, были не чудаковатыми милыми старушками, пострадавшими за траволечение и попытки заговорить бородавку у сына деревенского старосты; не роковыми рыжими красотками, которых сжигали за то, что они горделиво отказывались уступить похоти отвратительных пузатых монахов; не свобододобивыми последовательницами воспевающих природу языческих обычаев — оставим эти образы в породившем их современном информационном поле, с завидным упорством приучающем современного человека к терпимости к колдунам. Преподобный Август Монтегю Саммерс называл ведьму *«злым созданием, социальной чумой и паразитом на теле общества, последователем отвратительных обрядов, отравительницей, шантажисткой и виновницей многих других преступлений, членом властной тайной организации, враждебной церкви и государству, богохульницей, властвующей над крестьянами с помощью террора и суеверий, шарлатаном в медицине, сводней и знахаркой, делающей аборт, теньвым советником распутных придворных дам и кавалеров»*. Ведьм казнили как еретиков в худшем смысле этого слова, сатанистов, убийц и опасных преступников. Вопреки распространенному мнению, смертный приговор выносила не Инквизиция, а светские власти, ибо функцией инквизитора было собственно только установление самого факта ереси и попытка вернуть еретика в лоно Церкви. Последнее,

впрочем, вряд ли было возможно для тех, кто сознательно выбрал служение врагу человеческого рода. Костры, в которых сжигали колдуний, были реакцией на Ренессанс, и их жар являлся подобием жара, который является симптомом тяжелого недомогания и лихорадки. Попытки прижечь распространяющийся яд ведьмовства оказались тщетными; а позже и дьявол, этот великий насмешник и юморист, наставник сегодняшних зубоскалов, превратил охоту на ведьм в массовую истерию, индуцированный психоз, в котором смешались суеверия, зависть, корыстолюбие, а больше всего — страх перед силами зла, усугубляющийся кризисом веры. Можно представить, как радовались ведьмы и бесы, когда обезумевшие от ужаса или одержимые ненавистью христиане сжигали друг друга сотнями, без разбирательства и суда, не жалея ни молодых, ни старых, и кстати, без всякого участия в этом деле Инквизиции. Дошло до того, что в Кельне в 1639 году — когда «мрачное средневековье» давно уже уступило место куртуазным возвышенным д'артаньянам — сожгли канцлера вместе с женой, нескольких монахов, каноников и викариев, без счета студентов, профессоров, простых граждан, часто целыми семьями вместе с детьми, а под конец и двух инквизиторов, посланных Папой Урбаном VIII, чтобы остановить творящееся безумие. Между тем я установил — и писал об этом в одной из своих статей, посвященных дальнейшей судьбе манихейства в Европе — что в то время в самом Кельне, а также в охваченных дымом костров Бамберге и Вюрцбурге, существовали прекрасно организованные секты катаров, практикующих ведовство, которые благополучно пережили весь этот кошмар.

Но что из того? В современном сознании все преступления, совершенные обезумевшей суеверной толпой, повинующейся не Божьему гласу, а страху перед силами тьмы, все равно будут приписаны Церкви. Увы, такова сила того, что сейчас принято обозначать аббревиатурой PR и что всегда было орудием дьявола: лживая, гнилозубая, визгливая пропаганда. Голос Божий тих, спокоен, и тверд; но бесы вопят истерическим хором, заглушая ангельские глаголы. Это их голоса я слышал в кривляющихся, раздражающих пестротой образах на экране телевизора; их присутствие чувствовал в бесконечном пустословии Социальной сети; последствия их неустанных забот наблюдал, глядя на своих студентов, людей в метро и на улицах; это они вычеркнули меня из жизни, списав вместе с грудой никому не нужных книг в заплесневевшие запасники. И это они поработили вначале мой дух, пристрастив к непристойному видео, а потом и волю, действуя через вступившую с ними в сговор Лолиту — а в том, что она ведьма, я теперь не сомневался.

Странно, что, прекрасно владея материалом о сатанинских культах, ведьмовстве и их роли в истории, я не распознал в случившемся со мной самого настоящего колдовского наваждения. Впрочем, это вполне объяснимо: можно десятилетиями изучать, например, «Беовульфа» и совершенно не ожидать встречи с Гренделем перед дверью на лестничной клетке; можно быть автором десятков статей по русской народной сказке, но это никак не подготовит к тому, чтобы вдруг увидеть избушку на курьих ножках или низко летящую над болотом старуху в ступе во время похода в лес за грибами. Наверное, нечто подобное испытал Шлиман, когда его взгляду открылись руины древней Трои, только, в отличие от меня, ему не нужно было разрушать ее заново. Предстояло многое прояснить и решить, что делать дальше. К счастью, я знал, где искать источник ответов на свои вопросы.

Разумеется, «Молот Ведьм» был мне известен и раньше: интересная, но чрезвычайная унылая работа на богословские, метафизические и правовые темы, мнение о которой среди малоосведомленного большинства сформировано дурацкими списками типа «Десять самых страшных книг» и туманными намеками на содержащиеся описания тысячи и одного способа пыток. Многие мои студенты, вдохновленные такими представлениями о книге, с воодушевлением брались за чтение, а потом разочарованно откладывали ее в сторону, не обнаружив ничего, что могло бы соперничать по степени страшного или кровавого с ежедневной лентой новостей. Сам я читал «Молот Ведьм» достаточно давно, раз или два, исключительно в ознакомительных целях, и не нашел тогда для себя почти ничего интересного, кроме нескольких исторических и библиографических ссылок.

Но сейчас я взглянул на эту книгу совсем по-другому. Город за окном затихал, погружаясь в ночь, полную беспокойных снов; черные окна дома напротив, как пустые глазницы покойника, таращились в темноту, перечеркиваемую штрихами мокрого снега; я не замечал времени, и не читал — беседовал с преподобным Инститорисом и деканом Шпренгером, делая пометки и выписывая цитаты.

«Итак, женщина скверна по своей природе, так как она скорее сомневается и скорее отрицает веру, а это образует основу для занятий чародейством».

«Как из недостатка разума женщины скорее, чем мужчины, отступаются от веры, так и из своих необычайных аффектов и страстей

они более рьяно ищут, выдумывают и выполняют свою месть с помощью чар или иными способами. Нет поэтому ничего удивительного в том, что среди женщин так много ведьм».

«Женщина или любит, или ненавидит. Третьей возможности у неё нет. Если женщина думает в одиночестве, то она думает о злом».

И вот, как раз к случаю:

«Ведьмы могут возбуждать любовь мужчин до такой степени, что их не отвратить от этой пагубной страсти ни ударами, ни словами, что они чувствуют даже ненависть к своим законным жёнам и что они тёмной ночью по пустынным дорогам бегут иногда к своим возлюбленным».

Собственно, с ответом на вопрос «кто виноват?» я и так уже определился; книга только подтвердила мою догадку, снабдив превосходным фактическим материалом и теоретическим обоснованием. Очевидно, что случившееся со мной было явлением куда как не новым, хорошо известным, хотя и чрезвычайно прискорбным.

Теперь предстояло разобраться с методикой оперативной защиты от колдовства. Про крестное знамение, святую воду и молитвы я был, конечно, в курсе. Кроме этого Шпренгер и Инститорис, основываясь, несомненно, на собственном опыте духовной брани и противостояния ведьмам, посоветовали следующее:

«Для предохранения себя во всяком случае надлежит носить у себя на шее соль, освящённую в вербное воскресенье, и освящённые же травы, а также воск».

Вам уже известно, эту рекомендацию я впоследствии применил на практике. Как и многие другие: проводить допросы ведьм в дни церковных праздников, когда сила споспешествующих им бесов ослабевает; раздевать догола и осматривать одежду на предмет скрытых в ней амулетов; сбривать им волосы в интимных местах; вводить в помещение спиной вперед. Впрочем, до всего этого тогда еще было далеко. Передо мной встал другой, вполне практический вопрос: где взять освещенную соль, травы и воск?

Я никогда не был особенно религиозен. Да и не особенно тоже — вообще не был. Мой отец работал в ветеринарной лаборатории, мама была учителем истории — что отчасти объясняет и мой интерес к этой области человеческих знаний и выбор жизненного пути — но, разумеется, никакого

религиозного воспитания в нормальной советской семье не было и быть не могло. Согласно неподтвержденной семейной легенде, крещен я все же был: бабушка по материнской линии, тайком от родителей или с их молчаливого согласия, еще младенцем носила меня в православный храм где-то на окраине города. Собственно, этим и ограничилась короткая история моей практической церковной жизни.

Я, как никто другой, могу рассказать кому угодно — да и рассказываю на лекциях — об определяющей роли Церкви в становлении не только государственности, но всего человечества в том виде, в котором иногда предстает оно в лице лучших своих представителей. Собственно, ненависть к Средневековью, которая является основным занятием рожденного Ренессансом секулярного сознания, вызвана прежде всего патологической неприязнью к Церкви, определявшей ценностную парадигму того времени. Я убежден в этом не только как историк, но и как культуролог, даже, если угодно, как мистик, готовый отстаивать доктрину о том, что Дух Святой живет в Церкви с момента ее основания Сыном Божиим и не перестанет жить в ней вовек. Я знаю, что благодать апостольского рукоположения не иссякает, что любой священник, даже самых сомнительных моральных качеств и духовной силы, способен освятить воду и совершить Литургию, во время которой происходит непостижимое таинство Пресуществления Даров. Все так. Но, наблюдая за жизнью современной Церкви, за ее служителями и архипастырями, я давно пришел к неутешительному выводу: Христово Воинство лениво, разобщено и развращено до крайности, разбито без боя, обращено в пассивное бегство, взято в плен страстями и равнодушием. Нет праведного ни одного, нет ни единого, есть только соглашательство с духом века сего и полумеры; никто не горит ревностью, а лишь тлеет, никто ни холоден, ни горяч, а только теплохладен, став плоть от плоти не тела Христова, а от разлагающейся туши мира, лежащего во грехе.

Проповедовать истину не значит ее исповедовать.

Поэтому о том, чтобы просить совета у кого-то из проповедующих я и не помышлял. Но благодатная помощь истинного Пастыря была мне необходима. Соль, воск, травы — помните?..

Нужно было выбрать между православным и католическим храмом. Лично для меня разность во взглядах на «*филиокве*» не является основанием к предположению, что одна из Церквей менее или более благодатна, чем другая. Однако у католиков латинского обряда было явно больше опыта в борьбе с теми силами, которыми я едва не был окончательно погублен, и схватка с которыми мне еще предстояла.

В России не было охоты на ведьм, как, по сути, и Инквизиции: учрежденные в петровские времена при Святейшем Синоде «протоинквизиторы» были по сути фискалами, долженствующими наблюдать за тем, насколько исправно духовенство несет свою службу; что же до ведьм или колдунов, то процессов как таковых над ними не велось, а если подобная зараза и появлялась изредка на местах, то от нее избавлялись быстро, без лишней волокиты и разбирательств. Так называемое Возрождение не коснулось России, потому тут не было и расплодившихся в его растлевающей атмосфере еретиков и ведьм — во всяком случае, в таком количестве, как в Европе, породившей монстра, которого она сама же не смогла потом остановить ни огнем, ни мечем.

Так что я остановил свой выбор на католичестве.

Был понедельник, второе февраля, праздник Сретения Господня.

Из маленькой кирхи на Ковенском переулке я вернулся с большой бутылью освященной воды и двумя десятками восковых свечей. Там же купил охранительный пояс с текстом девяностого псалма на латыни. Просить кого-то из священнослужителей освятить для меня соль и травы я счел неразумным: вряд ли кто-то сделал бы это без неуместных вопросов. Поэтому решил справиться сам. Разложил на большой простыне купленные в аптеке листья сушеной крапивы и крупную поваренную соль, обмакнул в чашу с освященной водой чистую малярную кисть и трижды, широко окропил сверху вниз и слева направо.

«*In nomine Patris, et Filii, et Spiritus Sancti. Amen* ^[21] ».

Потом сел, аккуратно зашил в кусочек плотной ткани немного соли, сушеной крапивы, скатанный в шарик обрезок свечи, пришил к получившемуся, довольно кривому, мешочку прочную тесьму и надел на шею.

Я почувствовал себя так, как, верно, чувствовали себя молодые рыцари, впервые надевшие доспехи и плащ крестоносца: защищенным, уверенным, полным сил, а еще — абсолютно свободным и готовым на все.

Прежде всего, к встрече с Лолитой.

Вы спросите, зачем мне это было нужно? Чары рассеяны, колдовской морок пал, я освободился от ее мрачной власти над моей волей, но... У меня было чувство какой-то незавершенности. Мне хотелось встретиться с ней с глазу на глаз, чтобы показать, что я более не ее раб. Сила, которая переполняла меня, требовала действий для собственного подтверждения.

Я встал и принялся ходить по комнате, размахивая руками, разговаривая сам с собой и представляя себе нашу встречу. Что я скажу ей? И что ответит она?

Тут я остановился. Кроме нетерпеливой жажды поставить эффектную точку в продолжавшемся два месяца кошмаре, было еще кое-что. Очевидно, что Лолита в одиночку не смогла бы сломать мою волю таким страшным и разрушительным образом. Ей кто-то помогал, и, судя по тому, что мне довелось испытать, кто-то очень и очень сильный. Знаний, которыми я отчасти располагал и раньше, а отчасти почерпнул в «Молоте Веды», хватало, чтобы понять: я столкнулся не с одним, и не с двумя противниками; скорее всего, источником зловещего могущества Лолиты был целый ковен ведьм, обучивших ее колдовским приемам и трюкам. От осознания этого по телу пробежала дрожь страха, смешанного с возбуждением. Мало было просто избавиться от дьявольского наваждения; я должен был узнать его природу, заставить Лолиту откровенно ответить на мои вопросы, признаться в том, что она совершила и кем были ее таинственные и мрачные союзники. Я не думал тогда о том, что буду делать с этим знанием; не предполагал, что очень скоро мне придется покупать с рук краденые мобильные телефоны, добывать шокер и браться за молоток, нет. Мне нужно были просто ответы.

Я взял трубку и набрал номер.

— Алё! — голос у нее был резкий и раздраженный; на заднем фоне был слышен шум улицы.

— Привет, — сказал я, внезапно растерявшись.

— Ну привет, чего звонишь?

Я молчал. Не так-то просто было снова говорить с ней, не выслушивая приказов и не ожидая, с ужасом и вожделием, что она призовет меня немедленно явиться к себе.

— Давно не виделись, — наконец выдавил я. — Может быть, встретимся как-нибудь?

Она зло рассмеялась.

— Соскучился, что ли?

— Да, — ответил я. — В смысле, нет. Нам нужно поговорить.

— Ну тебе нужно, а мне не нужно. Жди, когда позову.

Я почувствовал, как сердце будто окатило жаром, а в голове зашумело — но не от страха или унижения. Это было почти полностью забытое мною чувство: ярость, накатившая красной волной. Телефон заскрипел в сжатых пальцах.

«Она не догадывается, — думал я. — Она еще думает, что может мной командовать...»

— Нет, мы поговорим, — сказал я, стараясь, чтобы мой голос не был похож на рычание. — И чем скорее, тем лучше. Когда я смогу к тебе

приехать?

Последовало удивленное молчание.

— Ну, вообще-то я не собиралась тебя приглашать...в ближайшее время.

— Может, тогда сама заедешь?

— Нет, — ответила она уже тверже. — Я в четверг буду на факультете, мне надо по делам, вот там и увидимся. Вечером, часов в восемь. Смогу уделить тебе время, если уж так приспичило. Только немного.

— Много и не потребуется, — заверил я и повесил трубку.

Наверное, если бы Lolita была старше и опытнее, то сразу поняла бы, в чем тут дело, и постаралась бы вообще больше никогда не попадаться мне на глаза. Но она не была ни старой, ни опытной. Может быть, ей просто стало интересно разобраться, с чего это вдруг я проявил такое упрямство.

Весь день я провел за чтением: штудировал труды Монтегю Саммерса и «Муравейник» Нидера, а в семь часов оделся, взял портфель, засунул в него какие-то бумаги со стола, «Молот Ведьм», и отправился на встречу с Lolитой, впервые за долгое время решив проехаться за рулем своей «Волги», а не спускаться в метро. Почему? Я и сам не знал. И теперь не знаю. Наитие.

Старое здание филологического факультета располагалось у северовосточной оконечности Васильевского острова: трехэтажный грязно-желтый фасад, посеревшие от грязи колонны, огромные стрельчатые окна и мертвые каменные музы на треугольном фронте, уставившие пустые глазницы в сторону холодной Невы. Соседние серые здания непочтительно стискивали факультет с двух сторон. Почти двести лет назад тут была Академия наук, и здешние стены помнили титанов мысли и духа прошлых столетий: Державина, Крылова, Карамзина. Да и само здание словно было построено для гигантов, которым не ровня современные люди: высокие потолки узких сумрачных коридоров, тяжелые деревянные двери в два человеческих роста, огромные, гулкие лестничные колодцы от чердака до подвала, вдоль стен которых вились широкие железные лестницы с коваными перилами. Сейчас, во время каникул, здесь было пустынно и тихо: я не увидел ни одного человека, пока поднимался на второй этаж, шел в полумраке мимо закрытых аудиторий, а потом, обойдя широкий лестничный пролет, оказался в полукруглом коридоре, куда выходили двери кафедр. Меня окружали лишь тени от тусклых ламп и сероватого света из окон, и звуки: далекие голоса, эхо чьих-то шагов, одинокий скрип мела, звук журчащей воды откуда-то снизу, шелест страниц и старческий кашель.

Обычно я располагался на кафедре зарубежной литературы. Сейчас здесь была только одна женщина, дама утонченной наружности, кандидат и доцент, специализирующаяся на античной литературе. Когда я вошел, она уже намотала вокруг тощей шеи розовый шарфик и застегивала голубое пальто, собираясь домой.

— Вам ключ оставить? — спросила она.

— Да, — ответил я. — Вот, решил поработать немного, нужно кое с чем разобраться.

Я вытащил из портфеля бумаги, шлепнул их на свободный стол и уселся, делая вид, что готовлюсь приняться за дело.

— Ну, тогда желаю удачи!

Античная дама кисло улыбнулась, кивнула сиреневыми кудряшками и вышла за дверь. Я подождал, пока стихнет стук каблучков по каменным плитам, встал и осмотрелся.

Встретаться с Лолитой на кафедре мне не хотелось. Я все еще думал, что мы просто поговорим, но уже начинал сомневаться, что разговор не выйдет за рамки, которые не хотелось бы переходить в кабинете, набитом бумагами, чужими вещами, уставленном шкапами с застекленными дверцами, и — что самое главное — двери которого выходили в коридор, соединявший два крыла здания. Того и гляди, пройдет кто-то мимо. Нет, мне нужно было другое место, тихое и уединенное.

Помните, я говорил, что мне везет? Моя полоса удач началась с момента, когда я заметил на одном из столов забытый кем-то ключ. На деревянной бирке виднелся подписанный фломастером, поблекший от времени номер: 13.

Я оставил на кафедре портфель и верхнюю одежду, взял с собой найденный ключ, аккуратно запер дверь, дошел до одной из металлических лестниц и стал спускаться по ней вниз, на первый этаж.

Тринадцатая аудитория находилась в самом конце длинного темного коридора, как раз там, где он упирался в стену с замурованным окном — кирпичную кладку обрамляла ветхая деревянная рама. Тусклый свет редких ламп нервно мерцал, превращая крошечную тьму в призрачный полумрак. Было тихо, только из туалета доносилось звонкое и какое-то потустороннее журчание, словно пел погребальную песню один из подземных ручьев, питающих Стикс. Я быстро прошел мимо чернеющего могильной тьмой входа в сортир, откуда тянуло холодом и слышался шум воды, миновал еще пару закрытых кабинетов и вставил ключ в замочную скважину толстой деревянной двери.

Аудитория была похожа на камеру в крепостном каземате: небольшое

помещение с низким сводчатым потолком и толстыми, крашеными в казенный зеленый цвет стенами, вмещавшее десяток учебных столов и притиснутую в угол старомодную, скрипучую кафедру из темного дерева. Два невысоких окна с толстыми решетками выходили во двор факультета и были расположены так низко, что, если бы случайный прохожий решился в них заглянуть, ему пришлось бы согнуться чуть ли не пополам, да еще и протиснуться в угол между стеной основного корпуса и полукруглой пристройкой. В одно из окон было видно только растрескавшееся и осевшее в землю подножие заплесневевшей стены, а в другое я различил сквозь туманную морось колеса моей машины, припаркованной во дворе рядом с большим мусорным контейнером, в который свешивался с третьего этажа, где шел ремонт, широкий рукав из тусклого пластика, похожий на гигантский использованный презерватив.

Я прошелся по деревянному полу из истоптанных широких досок, провел пальцем по древней кафедре, сел, достал телефон и написал короткое сообщение, всего из трех символов.

«№ 13».

Стрелки часов показывали половину восьмого.

Ровно в восемь в коридоре зазвучали шаги: демонстративно громкий, напористый стук каблуков, как будто идущий всеми силами старался убедить себя в том, что является хозяином положения и ничего не боится. Как истерический смех, маскирующий ужас.

Дверь распахнулась, и она вошла, одетая так, как обычно одеваются двадцатилетние азиатские девушки, желающие выглядеть «шикарно»: короткая пушистая куртка из светлого меха с рукавами чуть ниже локтя, длинные черные перчатки, обтягивающие лосины из блестящей искусственной кожи, и сапоги на высоких каблуках — «шпильках», обвитых золотистыми цепочками. В руке она держала сумочку, которая так громко заявляла о своем «фирменном» происхождении, что рассеивала последние сомнения в том, что является подделкой, причем из дешевых. Я сидел на стуле возле кафедры, смотрел на Лолиту снизу вверх и чувствовал, как внутри меня разливается томный, обжигающий жар. Я сжал зубы, сунул руку под рубашку и стиснул висящий на шее тряпичный мешочек со святынями.

Это помогло. Во всяком случае, я остался сидеть на месте и смог поздороваться:

— Привет.

Лолита смерила меня нарочито равнодушным, но при этом явно оценивающим взглядом, молча прошла к столу в первом ряду, небрежным

жестом стянула перчатки и села напротив меня, скрестив недостающие до пола ноги. Лосины до блеска натянулись на круглых коленках.

— Ну, — сказала она.

Я встал, подошел к двери, закрыл ее поплотнее и повернул ключ в замке. Потом вернулся на свое место и сел, с удовольствием заметив, что Лолита напряглась, а в ее темных глазах метнулось беспокойство.

— Ты о чем-то поговорить хотел? — не выдержала она. Голос был тонким и звонким.

— Да. Точнее, не поговорить, а спросить. Что ты со мной сделала?

Ее взгляд метнулся в сторону двери.

— В смысле? — спросила она.

— В прямом, — я откинулся на скрипнувшем стуле и скрестил руки на груди, не отрывая взгляда от Лолиты. — Ты знаешь, о чем я.

Она заерзала. Пальцы с ярко-красным лаком на ногтях вцепились в край стола. Лицо свело кривой нервной усмешкой. Красивым оно сейчас не казалось.

— Ну, если ты про это... Так сразу и не вспомнить, чего мы только не делали. Тебе перечислить, что ли?..

— Не надо ёрничать, — спокойно ответил я. — Мне все известно.

— Что именно?

Она округлила глаза. Удивление было разыграно мастерски. Если бы я не знал правду, то мог бы поверить.

Но я знал. И сказал ей.

Все время, пока я рассказывал Лолите о ворожбе, о темном заговоре и привороте, о ведьмах, с которыми она, несомненно вступила в сговор, я внимательно наблюдал за ней. Через минуту она уже перестала меня слушать; уставилась остановившимся взглядом куда-то поверх моего плеча, по-прежнему изображая недоумение, и напряженно о чем-то думала.

— Ты закончил?

Ей удалось взять себя в руки и голос почти не дрожал. Взгляд снова был тверд и надменен. Точнее, ей бы хотелось, чтобы так было.

— Да. Теперь твоя очередь рассказывать, — ответил я.

Лолита резко соскочила со стола и выпрямилась, вскинув голову. Я тоже поднялся со стула и встал почти вплотную перед ней. Даже на каблуках Лолита едва доставала макушкой до кончика моего носа, и чтобы посмотреть мне в глаза, ей пришлось запрокинуть голову. Я почувствовал тепло ее дыхания и такой знакомый, пугающий, страстный и темный аромат духов и горячего тела. На нежной шее под кожей лихорадочно пульсировала артерия.

— Хватит дурить, — зло прошипела она. — Совсем спятил уже.пусти меня, я пойду.

Лолита подалась вперед и уткнулась носом мне в шею. Я не шелохнулся. Тогда она сморщилась, с силой толкнула меня ладошками в грудь, протиснулась мимо и, отчаянно виляя бедрами, торопливо направилась к двери, в замке которой по-прежнему был вставлен ключ.

Ей нужно было остаться и попробовать поговорить. Это могло бы сработать: чары рассеялись, но во мне еще оставалось какое-то чувство, смесь нежности с отвращением, странная болезненная привязанность, похожая на заржавленный рыболовный крючок, засевший глубоко в сердце. Да, если бы она заговорила, это могло бы сработать. Но она повернулась спиной и попыталась сбежать.

Большая ошибка.

Я сделал шаг вперед, схватил Лолиту за воротник меховой куртки и резко рванул. Она охнула и полетела спиной вперед, теряя равновесие и цепляясь каблуками за дощатый пол. От падения ее удержало лишь то, что она с грохотом врезалась поясницей в один из столов, сдвинув с места его и стоящие рядом с ним стулья. Я развернулся и увидел у нее на лице изумление и настоящий, панический ужас. Не сводя с меня широко распахнутых глаз, она замахала руками, заскребла по полу «шпильками» модных сапог, встала, и в этот момент я со всей силы ударил ее прямо в лицо.

Наслаждение, которое я испытал при этом, было чистым и ослепительно ярким.

От удара Лолита отлетела на несколько метров, ударилась головой о стену так, что клацнули челюсти, и осела между столов ворохом меха и тряпок.

Я выдохнул. Потом быстро подошел к двери, проверил замок, и повернул выключатель: если погасить свет, то даже самый настойчивый в своем любопытстве прохожий не сможет увидеть, что здесь происходит.

Все вокруг погрузилось во тьму, как в бредовое сновидение. Два окна тускло светились призрачно-серым. Вокруг было тихо, даже журчанье воды из черного мрака сортира не было слышно.

Стараясь не наткнуться в темноте на столы, я подошел к лежащей Лолите, присел на корточки рядом и перевернул ее на спину. Под густым мехом куртки ее тело было совсем хрупким и по-девичьи тонким. Глаза оставались закрыты, на бледной скуле расплывался чернильным пятном огромный кровоподтек. Я опустил на колени и сел на нее сверху, на бедра — не на грудь, не на живот, именно на бедра, чтоб ненароком не вызвать

удушья. Я еще думал, что все обойдется. Она застонала. Я легонько хлопнул ее по щеке. Глаза все еще были закрыты. Я хлопнул ее по щеке еще раз, а потом уже врезал по-настоящему, звонко и сильно, так, что голова резко мотнулась налево. Мне страшно хотелось ударить снова, но я знал, что если начну, то уже не смогу остановиться.

А у меня еще были вопросы.

— Очнись, — прошептал я. — Давай, я знаю, что ты меня слышишь.

Лолита открыла глаза. Слезы заблестели во тьме. Она всхлипнула и поднесла одну руку к лицу.

— Больно... — прошептала Лолита.

Я сел поудобнее, чувствуя, как прижимаются яйца к твердой кости ее лобка, нагнулся и зашептал:

— Прости, я не хотел тебя бить. Ты сама меня вынудила. Теперь мы можем поговорить?

Она снова всхлипнула и кивнула.

— Расскажи мне, кто научил тебя привороту?

Молчание. Только дыханье во тьме, мое — хриплое и тяжелое, и ее, тихое и прерывистое. Это был, наверное, самый интимный момент за все время нашего с ней знакомства. Я взял ее руки в свою, сжал тонкие запястья, заведя их ей за голову, и снова спросил:

— Ты скажешь, кто тебе помогал?..

Опять тишина. Я замахнулся и с силой опустил кулак на пол рядом с ее головой. Ахнули доски. Лолита заплакала.

— Я не хочу тебя бить, — повторил я. — Пожалуйста, не заставляй меня это делать.

И она заговорила.

Не помню, сколько времени длился тот разговор. Все было как будто во сне, где нет понятия времени, а персонажи сменяют друг друга, оставаясь по сути одними и теми же. Но точно знаю, что я говорил как будто с двумя разными девушками. Одна из них тихо плакала, повторяя:

— Я просто хотела, чтобы ты меня полюбил... Я не знала, что все так получится... Меня одна женщина научила, Стефания, она сказала, что это не страшно и не будет никакого вреда...

Потом я словно засыпал еще глубже, темнота становилась непроницаемо черной, и другая шипела, плюясь мне в лицо, скалила зубы и хрипло сипела:

— Ты еще пожалеешь об этом, придурок... Нас одиннадцать в ковене, понял? Сестры о тебе позаботятся, будь уверен... Береги свою задницу, Прима до нее доберется!

Я снова бил: иногда по щекам, иногда просто в пол кулаком, и тогда возвращалась Лолита, какой я знал ее раньше, она плакала и жаловалась:

— Я не хотела, чтобы они убивали ребенка... Но они сказали, что так надо... Я испугалась, а потом мне понравилось, что ты со мной, что я все могу делать, что захочу... Они дали мне рыбий пузырь, сказали, что это как талисман, вот он, вот...

На мою ладонь лег маленький твердый предмет, овальный, гладкий и серый, как отполированный волнами камень. Я спрятал его во внутренний карман пиджака. Та, другая, засмеялась низким, сдавленным смехом.

— Ничтожество, онанист, неудачник, я же все про тебя знаю... и не говори, что тебе не нравилось, как я тебя трахала, я знаю, что нравилось...

И через минуту опять, плаксивым шепотом:

— Они хорошие... правда... одна девочка, она портниха, ее тоже Стефания привела, в один день со мной... у нее дочка маленькая... и другая, красивая, с черными волосами... и Альтера, такая добрая... и остальные... правда, хорошие...

Это был какой-то ночной кошмар без конца; но картина, которая постепенно вырисовывалась перед моим мысленным взором, была кошмарней стократ.

Хватит, решил я. Пора заканчивать.

— Как мне найти остальных?

— Я не знаю, — прошептала Лолита. — Меня туда Стефания возила, с завязанными глазами, у них даже имен нет, только прозвища, и я не с кем не общалась потом... Только со Стефанией, мне сказали, что она моя патронесса...

— Хорошо. Тогда ты можешь отвести меня к этой Стефании, верно?

Она шмыгнула носом и торопливо закивала. Я отпустил ее руки и приподнялся с колен, чтобы встать. И в следующий миг получил внезапный и мощный удар коленом в пах.

Боль взорвалась в теле белой вспышкой сверхновой. Я будто ослеп на мгновение, а потом и оглох, потому что Лолита завизжала так, что ей в унисон пискнули стекла в двух окнах. С неожиданной силой она оттолкнула меня, опрокинув на бок, вывернулась, подскочила и стремительно метнулась к двери. Я, задыхаясь от страшной режущей боли, хватался за стулья и край стола, пытаюсь встать. Лолита добежала до двери, заорала, что было сил, и забарабанила так, что задрожали даже толстые стены. Мне удалось встать, и я увидел, как она шарит руками, пытаюсь нащупать в темноте ключ, торчащий в замке. Превозмогая боль между ног, раскорячившись, будто старый уродливый краб, я подбежал к ней и

схватил. Лолита принялась вырываться и заорала еще громче. Мы рухнули на пол. Я стискивал ее руками, стараясь удержать бешено рвущееся из моих объятий гибкое, сильное тело, а она кричала, визжала, извивалась и тянулась ногтями к моим глазам. В какой-то момент мне удалось подмять ее под себя, прижать к полу и закрыть рот ладонью, чтобы заглушить дикие вопли, но она вцепилась зубами мне в руку. Я вскрикнул, отдернул ладонь и стиснул обеими руками ей горло, только для того, чтобы она перестала кричать.

Лолита яростно забилась и захрипела. Я навалился сверху всем весом и изо всех сил стиснул пальцы, сдавив ее шею так, что она почти исчезла между ладонями. Хрипы стали тише, лицо надулось и потемнело, глаза закатились, но колени колотили мне по спине, а руки вцеплялись в запястья, пытаюсь разжать смертельную хватку; я продолжал сжимать горло Лолиты, пока она не перестала хрипеть и сопротивляться. В какой-то миг я хотел убрать руки, но почувствовал, как под пальцами треснула подъязычная кость, и я понял, что уже поздно.

Это только в кино человека душат руками быстро и просто. На деле это долго и неприятно. Кисти сводило от напряжения, а когда я все же решился их осторожно разжать, тело Лолиты вдруг снова начало колотиться в конвульсиях, а руки и ноги принялись выбивать частую дробь по дощатому полу. В конце концов я нажал ей предплечьем на горло и давил со всей силы, пока не услышал хруст сминаемых хрящей гортани. Хотя скорее всего, к этому моменту она была уже мертва.

Я долго лежал рядом с телом, вытянувшись, как и она, на спине, без мыслей, без чувств, уставясь в невидимый потолок, пока — вы не поверите! — не почувствовал, что засыпаю. Я вскочил, протирая глаза: мне показалось, а может быть, просто привиделось в кратком, мгновенном сне, что Лолита приподнялась на локте и смотрит на меня с насмешливой улыбкой.

Нужно было уходить. Поправить сдвинутые столы и стулья, закрыть аудиторию, забрать вещи на кафедре и ехать домой. Если сделать вид, что ничего не случилось, то все будет, как прежде. Приеду домой, поставлю чай, включу телевизор, проверю почту, и лягу спать; сейчас каникулы, и к началу семестра все образуется — снова лекции, семинары, взгляды на сидящую справа, на втором ряду у окна, Лолиту, которая тоже, как ни в чем ни бывало, придет на занятия...

Я помотал головой и посмотрел себе под ноги. На потемневшем, распухшем лице выделялся провал приоткрытого рта. Руки и ноги вытянуты вдоль туловища. Нелепый мех распахнутой куртки похож на

перья мертвой птицы. Нет, так дело не пойдет, подумал я. Нужно собраться. Сойти с ума я еще успею, а сейчас предстояли дела поважнее.

За окнами было тихо и пусто. Одинокий рыжий фонарь горел на углу, его свет ярким золотом отражался в темной поверхности луж, чуть дрожащих от мокрого снега и холодных капель дождя. Стены с черными блестящими стеклами окон, моя серая «Волга», огромный мусорный бак с пятнами ржавчины под облупившейся синей краской. Никого. Можно рискнуть. Я включил свет и быстро осмотрел аудиторию: пара столов сдвинута, один стул лежит на боку, но больше ничего, что бы бросалось в глаза. Мне опять повезло, что Лолита не расшибла себе голову, когда врезалась в стену после удара в лицо, и что сам удар пришелся в скулу, а не в нос или губы — иначе повсюду была бы кровь. Я быстро поправил столы, поставил на место стул, и снова выключил свет. Одной проблемой меньше, но главный вопрос оставался открытым: как быть с телом?

Ясно, что труп нужно вынести из здания. Но каким образом? Никаких камер видеонаблюдения на факультете, конечно же не было — ни в коридорах, ни даже при входе. Но в будке на проходной сидел пожилой охранник Сан Саныч, успешно эти камеры заменявший, пусть даже толстые линзы очков в старомодной оправе не всегда помогали старым глазам видеть, что происходит вокруг, карта памяти в голове, изношенная за семьдесят лет, давала частые сбои, а смотрел он в основном не на входящих и выходящих, а в сборник кроссвордов или в маленький телевизор, отрываясь лишь только, когда кто-то сдавал или брал ключи. Как бы то ни было, но вынести мертвое тело мимо Сан Саныча вряд ли удастся. Все двери запасных и пожарных выходов были заперты на замки. Оставалось окно: можно выбросить тело Лолиты через окно, а потом загрузить в багажник машины. Но что, если, паче всякого ожидания, кто-то пройдет мимо и найдет труп, пока я буду выходить через проходную, идти по улице вдоль здания, а потом через арку пробираться во двор? Может, и в самом деле, спрятать ее где-нибудь в здании? Где? В темном туалете, в надежде, что труп унесут в подземные недра журчащие в сливных бачках воды? В одном из шкафов на кафедре зарубежной литературы? Там и без того полно всяких скелетов. Возможно, подошли бы подвал или чердак, но, опять же, где взять ключи...

И тут меня осенило. Третий этаж, где шел ремонт. Рукав из белесого пластика, спускающийся в мусорный бак.

Я опустился на колени рядом с Лолитой. Распухшее лицо с надутыми, чуть приоткрытыми губами было повернуто в сторону, будто она обиделась. Так оно и есть, подумал я. Обиделась, и теперь притворяется.

Хочет меня напугать. Мне показалось, что я вижу, как слегка дрожат прикрытые веки и едва заметно колыхнется грудь. Я прикоснулся к руке. Она была еще теплой. Светящиеся стрелки на циферблате часов показывали без четверти девять. Еще меньше часа назад Лолита была жива; а теперь она труп, и в это невозможно поверить.

Она шевельнулась, чуть повернув в мою сторону голову.

Я отпрянул, едва снова не свалив стол позади. Сердце зашло таким бешеным стуком, что чуть не сбилось с ритма и не остановилось.

Хватит, сказал я себе. Ты ее задушил, она мертва, и теперь соберись, и сделай, что нужно.

После смерти тело совершенно расслаблено, и мне пришлось соскребать его с пола, путаясь в мехе распахнутой куртки. Кое-как я поднял Лолиту на руки и перехватил поудобнее. Даже после смерти она была не слишком тяжелой. Я подошел к двери и вспомнил, что она заперта, ключ торчит в скважине, а руки у меня заняты. Пришлось осторожно уложить тело на стол и отпереть замок. Я приоткрыл дверь и осторожно выглянул наружу. В коридоре по-прежнему было пусто и тихо, только шумела на разные голоса вода в туалете, и лампы мигали неровными синеватыми вспышками, как inferнальные стробоскопы на дискотеке живых мертвецов. Свет одной такой вспышки упал сквозь приоткрытую дверь, и я увидел под одним из столов какой-то темный предмет. Та самая поддельная сумочка предательски притаилась во тьме, чтобы утром выдать меня с головой. Я поднял ее, проверил, не раскатилась ли из нее какая-нибудь женская мелочь, и положил Лолите на грудь. Сверху запахнул поплотнее куртку и как мог, застегнул. Снова поднял тело на руки, вышел, и резко остановился, задохнувшись от страха. В дальнем конце коридора, в самой темной его части, черным сгустком абсолютной, непроницаемой черноты виднелся силуэт человека.

Если крики Лолиты и доносились из аудитории № 13, то вряд ли дальше, чем до выхода к лестнице, а значит, их некому было услышать. Во время каникул так поздно на факультете безлюдно, а охранник совершает обход в первый раз только перед тем, как закрыть на ночь двери, за час до полуночи. Но даже если бы сейчас было не девять, а одиннадцать вечера, не думаю, что Сан Саныч — или кто угодно другой на его месте — стал бы спускаться сюда, в молчаливую жутковатую темноту нижнего коридора. Я стоял неподвижно. Черный силуэт, чем бы он ни был, тоже не двигался с места. Я сделал шаг, другой. Ничего. Наверное, показалось. Нервы.

Я вышел к лестнице и зашагал по гулким, железным ступеням, медленно поднимаясь все выше, мимо коридоров со сводчатыми потолками

и больших стрельчатых окон, сквозь которые лился широким потоком мутноватый, загадочный полусвет. Моя ноша покачивалась у меня на руках; голова запрокинулась, веки чуть приоткрылись и в неверном свечении окон тускло блестели белки закатившихся глаз.

Подсматривает, думал я. Выжидает.

Ремонт на верхнем этаже, судя по всему, вступил в свою последнюю стадию. Все стены были снесены, старые двери, помнившие прикосновение множества человеческих рук, и деревянные оконные рамы были свалены в угол, ожидая отправки на свалку, чтобы уступить место холодному белому пластику и металлу. В углах погребальными холмиками возвышались кучи еще не выброшенного строительного мусора. Было холодно; ночной воздух проникал сквозь пленку, которой затянули оконные проемы, все, кроме одного — из него торчал большой круглый раструб, будто анус огромной змеи. Его ширины оказалось достаточно, чтобы туда могла поместиться миниатюрная мертвая девушка.

Я затолкал Лолиту головой вперед в темное отверстие пластикового мусоропровода, просунул чуть дальше, чтобы тело перевалилось через край подоконника, и отпустил. Раздался протяжный, громкий шорох, эхом отозвавшийся среди голых каменных стен, потом глухой мягкий удар, когда тело достигло контейнера со строительным мусором, и снова все стихло.

Теперь нужно было уйти самому. Я постарался сосредоточиться и ничего не упустить. Спуститься вниз, как бы ни было страшно, и закрыть аудиторию № 13; подняться на кафедру; почистить от пыли брюки; положить ключ на тот стол, откуда я его взял — если в тринадцатом кабинете все же остались какие-то улики, то ко мне они не будут иметь отношения, пусть оправдывается тот, кто забыл сдать на вахту ключи; одеться, убрать бумаги в портфель, запереть двери и выйти. На вахте охранник Сан Саныч, подслеповато щурясь через очки, взял у меня ключи от кафедры зарубежной литературы, и я расписался в журнале. Руки у меня не дрожали. Выйти на улицу; придержать шляпу, которую чуть не сорвал промозглый, яростный ветер. Войти во двор. Забраться в контейнер для мусора.

Железный край больно впился в пальцы, когда я ухватился за него и подтянулся, помогая себе ногами, скользившими по гладкой металлической поверхности. После нескольких неудачных попыток, когда я уже начал чувствовать приближение паники, мне все-таки удалось путем отчаянных усилий перевалиться через стальной борт, и я рухнул на битый кирпич, куски штукатурки и доски. Голова Лолиты торчала из пластикового рукава; черные волосы побелели от пыли, как будто бы поседели. Я ухватил ее за

воротник и не без усилий вытянул наружу. На виске зияла неровная рана, из которой текла струйка крови.

Разве у покойников идет кровь?

Я посмотрел ей в лицо. Оно как будто еще сильнее распухло, багровая синева от удушья сливалась с темным кровоподтеком на левой скуле. Между приоткрытыми веками набилась мелкая грязь и серая цементная крошка. Мертвее некуда.

Пока я возился в контейнере, то думал, что, появившись здесь все тот же гипотетический прохожий, можно будет сказать бродягой, забравшимся в мусорный бак в поисках, чем поживиться. Но теперь предстояло сделать то, что объяснить будет куда как труднее. Я подтащил тело Лолиты к краю контейнера, перевалил через него и скинул вниз, как раз между металлической стенкой и багажником моей «Волги». Она упала мягко, как мешок со старым тряпьем. Я огляделся. Окна факультета, окружавшие двор как бесчисленные черные очи, были темными. Во дворе никаких любопытных прохожих: непогода, холодный ветер и снег пополам с дождем загнали всех в теплые квартиры, подальше от душераздирающих сцен.

Я кое-как слез, открыл багажник машины и погрузил туда труп. Гнусная сумочка снова выпала из-под застегнутой куртки, шлепнувшись в лужу между колесами, но я вовремя это заметил: поднял, открыл, достал оттуда мобильный, убрал его себе в карман, а сумочку сунул Лолите под бок. Захлопнул багажник. Все, можно ехать.

Я вырулил из двора, еще не вполне представляя себе, куда отвезу тело. Очевидно, мне нужен был лес; я свернул к мосту, ведущему на Петроградскую сторону, и взял направление на север. Когда еще был жив отец моей, теперь уже практически бывшей, жены, мы каждый год по нескольку раз ездили за грибами по трассе в сторону Приозерска. Этот маршрут был мне известен, а для поиска других вариантов сейчас было не лучшее время.

По дороге я вытащил из кармана телефон Лолиты. Отметил попутно, что он новый и дорогой. Я открыл список последних звонков и набрал номер: «Александр Ресторан». В трубке раздались гудки. Я ехал и думал, не этот ли Ресторан Александр подарил ей ту трубку, с которой сейчас я звонил.

— Алё! — раздался хриплый мужской голос. Тон был не очень приветливым.

Я молчал. Мимо проносились машины, дома, огни какого-то клуба.

— Алё! — повторил мужчина в трубке. — Я не слышу тебя, алё! Ты

меня слышишь?

Пусть еще попытается. Я знал, что полиция обязательно проверит последние звонки с телефона Лолиты, и чем дольше неизвестный мужчина будет пытаться докричаться до девушки, труп которой, свернувшись в калачик, лежал у меня в багажнике, тем больше это будет похоже на разговор. «Ресторан Александр» помогал создать мое алиби.

— Алё! Ты меня слышишь? Черт!

Отбой. Я выключил телефон и убрал обратно в карман.

Когда я свернул с шоссе на боковой, едва заметный проселок, время подходило к полуночи. В лесу лежал снег; все вокруг было черным и белым, никаких оттенков и полутонов: черное небо, деревья, непроницаемый мрак между ними, и белый чистый покров. Я кружил по проселкам и тропам, пока наконец не решил, что пора остановиться. Насколько я мог судить, на несколько километров вокруг не было ни единого дома; а если и был, то вряд ли его обитатели решат совершить моцион в ненастную полночь.

Я остановил машину и вышел. Фары неестественно ярко освещали деревья, уходящие в невидимое темное небо. Лолита лежала в багажнике, похожая на мертвого зверька: мохнатая куртка, пыльные волосы, безжизненно согнутые конечности. Я вытащил ее из машины, взял на руки и понес; морозная корка хрустела под ногами, проваливавшимися в рыхлый снег почти по колено. Я отнес тело метров на пятьдесят в глубь леса, бросил и вернулся обратно за лопатой. Подумал, и прихватил канистру с бензином; поболтал ее в руке, взвесил — чуть меньше трети. Подумал еще и снова полез в сумочку Лолиты: я не курил, а она время от времени покуривала, и рядом с плоской пачкой тонких сигарет я нашел зажигалку.

Лопата в моей машине предназначалась для расчистки мест на парковке. Она справилась с верхним слоем рыхлого снега, веток, мелкого сора и прошлогодней листвы, но выкопать ею яму в промерзшем насквозь грунте было почти невозможно. Рубашка, пиджак, и кажется, даже пальто пропитались горячим потом, пока я выцарапывал в холодной, твердой земле какое-то подобие неглубокой могилы, пока жесткий пластик лопаты не треснул, а черенок не погнулся. Я отшвырнул ее в сторону и повернулся к Лолите.

Она лежала шагах в трех от меня и терпеливо ждала. Я подтащил ее ближе и засунул в разрытую землю. Тело скрылось в яме едва ли до половины. Потом снял с шеи мешочек с солью, воском и травами, просунул ее голову через тесемку и засунул ей под одежду. Моя рука последний раз

коснулась кожи на обнаженной груди; она была нежной, как снег, а сама грудь — холодной и твердой, как та земля, в которую я положил Лолиту. Последний раз включил ее телефон, нашел в записной книжке имя «Стефания Куратор» и записал номер. Телефон выключил и засунул обратно в сумочку. Потом достал из кармана осклизлый рыбий пузырь, швырнул его на тело, вылил сверху бензин из канистры, и чиркнул зажигалкой. Огонь вспыхнул так резко и сильно, что едва не опалил мне брови. Я отпрянул и отвернулся. В холодном воздухе леса запахло бензиновой вонью, паленой шерстью и сгорающей кожей. Пламя горело недолго. Когда оно стихло я посмотрел на то, что лежало в земле, и чуть не вскрикнул от страха.

Одежда сгорела поверху, обнажив почерневшую кожу в багровых и желтых ожогах. Лицо обгорело с одной стороны, левый глаз вытек, но правый открылся и смотрел на меня. Я не знаю, можно ли это объяснить с медицинской точки зрения, но так и было: яростно карий, раскосый глаз был открыт, и я уверен, что она меня видела, потому что опаленные губы ее растянулись в жуткой, жесткой ухмылке. Я принялся закидывать тело ветками, листьями, сором, потом подхватил сломанную лопату и накидал сверху снега, чтобы скорее закрыть обгорелое лицо и открытый, насмешливый глаз.

До машины я почти бежал, стараясь не оглядываться на пятно почерневшего снега, но уже когда сел за руль, все-таки обернулся, и увидел, что невысокий темный холмик из веток и снега чуть шевельнулся. Я рванул с места так, что только чудом не слетел с заснеженного проселка.

Я выбрался на шоссе. Долго петлял по лесу в поисках обратного пути и в какой-то момент даже подумал, что заблудился: усилившийся снег заметал следы, и, куда бы я не поворачивал, фары упирались во тьму и колонны деревьев. Когда наконец я добрался до трассы, то притормозил и некоторое время стоял, понимая, что сейчас мне нужно решить, что делать дальше. Все, что было до этого момента: вынос тела из здания факультета, звонок с телефона Лолиты, поездка в лес, рытье могилы — являлось спонтанным проявлением рефлекса выживания, ответом на обстоятельства. Но теперь меня, что называется, отпустило. Все было кончено, Лолита мертва, а я стал убийцей. Почему-то я не сомневался, что меня найдут. Конечно, я знал, как много убийств остаются нераскрытыми, и что очень часто преступникам удается уйти от правосудия. Но это все касалось каких-то других людей; попробуйте сделать что-то подобное сами и непременно покажется, что уж вас-то точно найдут. Но, кроме перспективы быть пойманным, меня волновало другое: как быть с тем, что теперь я знал,

совершенно точно знал, что где-то в городе совершают свои мрачные, кровавые обряды одиннадцать ведьм, в реальности и могуществе колдовства которых я имел случай убедиться. Благодаря «Молоту ведьм» я слишком хорошо понимал, какую опасность они представляют и что творится на их зловещих шабашах. Реджинальд Скотт писал еще в 1584 году: *«Можно считать твердо установленным, что каждые две недели или хотя бы каждый месяц любая ведьма должна убить ребенка»*. Пусть исповедание самых гнусных форм сатанизма в наше время не является зазорным, а многими и приветствуется как признак широты взглядов и оригинальности суждений, но убийство, тем более, убийство детей, все еще остается предметом преследования со стороны властей. Тех самых властей, которые ставили финальную точку во всех процессах над ведьмами, проводившимися по инициативе Святой Инквизиции.

Я решил попытаться. Глупо, конечно, но это нужно было сделать.

Поэтому, выехав на шоссе, я поехал не в город, а в сторону ближайшего поселка с административным центром, железнодорожной станцией, почтой, строительным гипермаркетом и отделением полиции.

Дорога была пустой и до места я доехал за полчаса. Полицейский участок располагался в унылом, как протокол, двухэтажном кирпичном здании, с решетками на окнах, патрульным автомобилем на парковке и государственным флагом над входом. Можно было бы сказать, что трехцветное полотнище видало и лучшие времена, но это было не так: лучших времен флаг не видал, был мокрым, грязным и печально вздрагивал под ударами ветра.

Я остановился напротив небольшого крыльца, ведущего к входным дверям. Некоторое время сидел, собираясь с мыслями и духом, потом включил тусклую лампочку в салоне, открыл портфель и достал два листа бумаги и ручку. Чистых листов у меня не оказалось, так что писать пришлось на обратной стороне распечатки лекции по истории Кипрского королевства крестоносцев. Через четверть часа два заявления были готовы. Одним из них была подробно написанная явка с повинной, и видит Бог, я намеревался признаться в том, что совершил, если у меня примут другое заявление. В нем сообщал о ковене из одиннадцати ведьм, ведущем деятельность на территории города и области, в ходе которой наносится вред здоровью и жизни граждан, а также совершаются ритуальные убийства детей, предположительно младенческого возраста. Я перечитал оба документа, сложил их пополам, сунул под пальто и вышел из машины, придерживая шляпу и прикрываясь от ветра и снега с дождем.

За металлическими двойными дверями оказался квадратный, серый

холл с низким потолком, тусклым светом и столом с двумя стульями. Слева и справа были закрытые двери, а прямо напротив — похожий на аквариум пост дежурного, закрытый толстым стеклом в половину стены, испачканным полустертыми трафаретными надписями. Пахло казенным учреждением, в котором не рады гостям. Я подошел к окошку в стеклянной стене. Сидящий за низкой стойкой полицейский молча посмотрел на меня. Он был молод, но глаза смотрели с усталым цинизмом прожившего человека.

— Здравствуйте, — сказал я.

Дежурный молча смотрел.

— Я хотел бы подать заявление, — я полез под пальто, вытащил лист бумаги и просунул в окошко.

Полицейский бегло пробежал взглядом первые строчки, еще раз пристально посмотрел на меня, и стал читать дальше, как мне показалось, уже гораздо внимательнее. Я ждал. Он дочитал, аккуратно сложил лист пополам и потянулся вправо к кнопке селектора.

— Мужчина, алкогольные напитки употребляли сегодня? — резко просипело из динамика у меня над ухом.

— Нет, — ответил я, не зная, куда говорить, и на всякий случай повторил в динамик. — Нет, не употреблял.

Взгляд полицейского оценивающе коснулся моей шляпы, остановился на лице, прошелся по одежде. Я занервничал и поправил воротник белой рубашки. Дежурный покачал головой, просунул обратно листок с заявлением и из динамиков снова заскрипело:

— Идите домой, не мешайте работать.

В какой-то момент я подумал, что все-таки нужно отдать ему явку с повинной. Тогда бы я точно привлек его внимание. Тогда бы меня стали слушать. Впрочем, я уже понял, что заставлять себя слушать и слышать мне придется другими методами.

Я молча взял свое заявление, повернулся и вышел. Стоя на крыльце, порвал оба документа и выбросил их тут же, в урну у самой двери.

Мне стало легче от того, что я не переложил ни на кого другого ту миссию, которую предстояло исполнить мне и только мне. Как будто поставил последнюю точку, выполнил необходимую формальность, после которой уже мог начать действовать.

Что делать, если видишь Зло, которое никто не замечает и не хочет замечать, ибо Зло стало нормой? Если, подобно несчастному Алонсо Кихано, видишь гибельных великанов там, где все видят лишь привычные глазу мельницы? Если не можешь обратиться к властям, чей первейший

долг защищать общество от преступлений, но которые бездействуют перед лицом самых ужасающих из всех мыслимых злодеяний? Выход тут только один: самому стать преступником, палачом, монстром в глазах смертельно больного общества, чьи гнойные раны вскрываешь, прижигая очищающим пламенем, чьи чумные бубоны срезаешь с болью и кровью, сжимая в руке вместо скальпеля окровавленный меч. Апостол Павел говорил: «мудрость мира сего есть безумие перед Богом»^[22]. И так же точно высшая мудрость — безумие в глазах нынешнего века, а подвиг — преступление.

Последний солдат разбитой армии. Партизан-одиночка на территории, оккупированной так давно, что ее граждане давно забыли времена своей доблести и свободы. Единственный зрячий среди тысяч слепцов, танцующих на краю пропасти под визгливые дудки новых Крысоловов.

Я знал, что должен делать.

«Зло, случающееся с отдельными особями (например, повешение вора или закалывание какого-нибудь животного для человеческого питания), не совершается в ущерб совокупности особей, а помогает людям сохранить жизнь и пребывать в благоприятных условиях жизни. Таким образом, и для Вселенной происходит отсюда добро. Для того, чтобы виды сохранились на земле, уничтожение отдельных особей является подчас необходимым»^[23].

На сегодняшней день таких особей на моем счету три, и я не собираюсь останавливаться на достигнутом.

С полицейскими я снова встретился в понедельник: двое оперативников пришли на факультет с закономерными вопросами о Лолите: когда я ее последний раз видел, сколько мы провели времени вместе, чем занимались, не говорила ли она о том, куда пойдет после занятий — обычная процедура, к которой я был готов, причем гораздо лучше, чем требовалось. Никто не спросил, например, почему она так часто звонила мне почти два месяца подряд, в том числе среди ночи; не показывал фотографий моей «Волги» с камер видеонаблюдения на шоссе; проницательно щурясь, не интересовался причинами моего разрыва с женой. У полицейских явно было уже свое видение этой истории, и я в ней был лишь временной или пространственной вехой, мимо которой Лолита прошла перед тем, как кануть в небытие. Я ответил, что последний раз видел ее вечером четверга, и это вполне всех устроило.

А через несколько дней я снова встретил Лолиту. Она смотрела на меня с листовки, приклеенной на павильон автобусной остановки: «ПРОПАЛА! РОЗЫСК!». И знаете, что? Выражение ее лица на той

фотографии было точно таким же, какое я видел на лице обгорелого трупа в лесу: смесь насмешки и обещания. «Ты задушил меня, ты сжег меня, ты закопал меня, но там, под слоем прошлогодних листьев и рыхлой холодной земли, я жива», — как будто говорила она. А на следующую ночь явилась сама: вошла ко мне в дом, оставляя цепочку из грязных следов на полу, и залезла в постель, прижимаясь холодным, мокрым, тронутым тлением телом. У меня нет ответов на вопрос, почему это происходит: ведь я защищен от чар ведьм святынями, которые не снимаю даже во сне, а еще благодатью, данной мне вместе с призванием: *«ведьмы не могут вредить инквизиторам и другим должностным лицам потому, что последние отправляют обязанности по общественному правосудию»*^[24]. Я делаю ту работу, которой ныне пренебрегает и Церковь, и Власть; как представитель Власти, вершу свой скорый и праведный суд; и проповедую вместо Церкви, смирившейся с поражением от духа века сего, только проповедь моя не в словах, а в делах, и теперь-то уж я точно буду услышан, гораздо лучше, чем когда невнятно бормотал об истинах на своих лекциях перед толпой безразличных студентов. Иллюзий я не питаю. Очень скоро я буду смят, уничтожен, растерзан той самой Властью, за которую выполняю ее прямые обязанности. Пусть так. На мой путь я был поставлен жесткой рукой Провидения, и если удастся хотя бы на миг замедлить падение в бездну локомотива, на котором обезумевшее человечество летит навстречу бесславному концу своей земной истории, то буду считать, что жизнь прожил не зря.

Вот только Лолита... Может быть, дело в том самом рыболовном крючке, что так и остался во мне, засев в глубине души; может быть, это мое наказание, епитимья, которую должно нести ради собственного блага, ибо *«никто, творящий усердно плотский грех по прошествии срока телесной жизни Христа, а именно после 33 лет жизни, не может получить отпущения этого греха, кроме как по особой милости Спасителя»*^[25] — а я такие грехи творил на исходе пятого десятка своих земных лет, и более, чем усердно. Знаю только, что испытал неистовый, ни с чем не сравнимый ужас, когда Лолита пришла в первый раз, а теперь даже жду, когда среди ночи звонко щелкнет замок на входной двери...

P.S. Пока я писал эти заметки, лента новостей в Социальной Сети порадовала интересным известием: издательство, отвергнувшее мою «Апологию Средневековья» с загадочной формулировкой «не формат», проводит в центральном магазине сети «Литерофаг» встречу с некоей Викторией Камской, отрекомендованной как «социальный психолог, автор

программ по личностному росту, и писательница, известная своими бестселлерами «Игра по твоим правилам», «Рецепты чужого несчастья» и «Будешь счастливой!». В рамках встречи была обещана презентация нового масштабного творения госпожи Камской «Эра Иштар». Надо полагать, что все перечисленное для нынешнего издательского рынка как раз и есть тот самый «формат». Начало сего действия назначено 19.00. Я, пожалуй, схожу.

Глава 22

К решению любой задачи есть два подхода: конвергентный и дивергентный. Первый предполагает использование четких алгоритмов, основанных на опыте предыдущих решений, успехов и неудач. Например, воинский устав, который, как справедливо отмечают, «написан кровью»: все его правила и положения основаны на том, что когда-то уже случилось, и направлены на то, чтобы повторять победы и избегать трагических поражений. Полицейский сыск во всех его проявлениях тоже представляет собой конвергентную систему, и, как всякая система, прекрасно работает в ситуации типовых задач — а, как правило, все задачи являются типовыми: где-то, когда-то что-то подобное уже происходило, и нужно просто сделать так же, как и тогда, когда определенные действия привели к нужному результату. Но есть нюансы. Первый: конвергентный метод не работает в нетривиальных ситуациях. Впрочем, такие ситуации крайне редки, ибо все в этом мире старо, как и он сам. К тому же, развитые системы обладают высокой степенью адаптивности, а значит, любой, выходящий за рамки стандартного, случай будет изучен, систематизирован и методика дополнится еще одним решением, если, конечно, оно будет найдено. Гораздо существеннее второй нюанс. Даже самый совершенный механизм работает безупречно настолько, насколько безупречно выполняют свои функции все его детали. В сложной машине правоохранительных органов каждая деталь, каждый винтик — это конкретный, живой человек, которому вовсе не чуждо ничто человеческое: усталость, забывчивость, невнимательность и стремление сделать дело как можно быстрее и проще. В результате отрабатываются только наиболее очевидные версии, которые приводят к простым выводам, за которыми следуют логичные и такие же простые действия. Есть пропавшая без вести студентка, впоследствии найденная убитой; в ночь исчезновения она звонила своему женатому любовнику с небезупречной репутацией жулика, пьяницы и скандалиста, у которого, как выясняется, нет алиби, зато есть мотив, возможность, личная вещь убитой в ящике прикроватной тумбочки и строительная пыль на втором этаже загородного дома, похожая на ту, которую нашли в волосах потерпевшей. Вдобавок, труп был найден недалеко от трассы, ведущей к этому самому загородному дому. Вопрос: кто убил девушку? Ответ очевиден и гораздо более вероятен, чем любые другие варианты. Далее: по заключению экспертизы, несчастная студентка стала жертвой того же

преступника, который совершил еще минимум два убийства. Что подсказывает логика? Несомненно, все тот же жулик и скандалист и есть искомый маньяк. Все, что оказывается за скобками, можно признать несущественным: различный образ действия, отсутствие внятных мотивов по другим эпизодам, и уж точно можно не принимать во внимание низкий уровень общего образования подозреваемого, который слабо соотносится с гипотетической начитанностью настоящего преступника в области средневековой демонологии и русской классической поэзии.

Потом предполагаемый злодей погибает в камере изолятора временного содержания при странных обстоятельствах: острая кровопотеря в результате множественной перфорации стенок желудка большим количеством неизвестно как попавших туда портновских булавок. Что подсказывает конвергентное мышление? Самоубийство. Просто потому, что других ответов нет. Точнее, они настолько невероятны по всем меркам, что ими тоже можно пренебречь.

В результате все пребывают в некоторой растерянности и ждут: либо того, что сожжение истерзанных пытками женщин в пригородных лесах прекратится, либо — это произойдет снова, и тогда система опять начнет вращение своих гигантских маховиков, запуская все тот же отработанный механизм решения задачи по поиску неведомого злодея.

Алина подумала, что знала только одного человека, который только и делал, что применял иные, дивергентные подходы в разрешении затруднительных ситуаций. Но этот человек пропал, телефоны молчали, нити всемирной паутины ни разу не вздрогнули от его прикосновений, квартира была пуста. Сама же Алина не чувствовала в себе достаточно творческих сил и умения мыслить нестандартно, чтобы вдруг найти какое-то неожиданное, но гениальное решение проблемы.

Что бы сделал Гронский? Позвонил, вызвал на встречу, напустил загадочности, сунул под нос какой-нибудь обрывок из старой книги или неразборчивый рисунок, попросил о нелепой услуге, а потом раз, два — и он уже сбрасывает злодея с крыши, а Алина подает огнемёт, чтобы уж наверняка.

Теперь все это казалось страницами из какой-то другой, фантастической, захватывающей истории, а здесь и сейчас были грязь, реализм, раздробленные пальцы, изуродованные огнем тела и неуловимый убийца: не древний упырь, не некромант, а человек, но неглупый и очень удачливый.

Так что Алине ничего не оставалось, как усовершенствовать стандартную конвергенцию. Собственно, именно так поступают опытные

следователи, которых обязательно пришлют на усиление местным полицейским, если гулкое эхо резонансного дела выйдет за пределы города и достигнет слуха высшего руководства в столице: например, если количество трупов увеличится вдвое или злодей по неосторожности замучает до смерти какую-нибудь медийную персону или родственницу правительственного чиновника. Многие думают, что специальные следственные бригады, которые командированы для помощи и руководства в расследовании особо важных дел, состоят из холмсов и люпенгов, разрешающих запутанные загадки силой мысли. Ничуть не бывало. Алина знала, что они действуют, скорее, как опытные механики, выясняющие, где именно огромная машина оперативно-розыскных мероприятий дала сбой. Проверяют и перепроверяют все, что было сделано, потому что знают: где-то в частом сите, через которое просеивались факты, люди, события и их взаимосвязи, среди грязи, песка и ила, притаился незамеченным золотой слиток ответа на все вопросы.

А что и где именно нужно проверить, Алина догадывалась.

К тому же, дело было уже не только в ее личной заинтересованности. Кажется, она обещала своим новым подругам делиться новостями обо всем, что касается Инквизитора, и Алине почему-то очень, очень хотелось такие новости раздобыть.

Наутро после посиделок в «Дрейке» Алина проснулась на удивление свежей и бодрой. Учитывая объем алкогольных возлияний, который она себе позволила накануне, похмелье должно было быть гнетущим, а настроение сумрачным, как питерское небо, но ничуть не бывало: память, конечно, распадалась фрагментами, но то, что она сохранила, радовало и даже как-то согревало, а при воспоминании о неожиданных новых знакомых Алина начинала непроизвольно улыбаться, удивляясь сама себе. Очень хотелось сделать для них что-то хорошее. Для начала, можно просто позвонить и поблагодарить за прекрасный вечер. Она нашла визитку Виктории и набрала номер.

— Алиночка, привет! — голос был радостный, как будто она только и ждала звонка Алины и вот, наконец, дождалась. — Как ты?

Когда утром после вечеринки спрашивают: «Как ты?», значит, накануне ты был «никак».

— Привет, я нормально, — отозвалась Алина смущенно. — Слушай, я, кажется, вчера немного перебрала...

— Да все хорошо! — со смехом перебила Виктория. — Мы тоже с девчонками еле домой добрались, спасибо Жанне, довезла.

— Да, ей от меня тоже спасибо, — ответила Алина. — Вообще,

спасибо вам всем, я давно так приятно не проводила время...

— Ну и отлично! В пятницу увидимся ведь, да?

Алина прикусила губу. А что будет в пятницу?

— У меня презентация в «Литерофаге», помнишь? — подсказала Виктория.

Алина вспомнила.

— Да, конечно, я приду! Кстати, наверное, к тому времени что-нибудь интересное удастся узнать по этому делу...ну, о котором мы говорили...

— Ой, это было бы очень хорошо! Ты так вчера нас заинтриговала всеми этими расследованиями, мы с девочками только о них и говорили по дороге. Значит, в пятницу, да?

— Да, обязательно.

— Супер! Алиночка, все, целую, мне пора бежать, увидимся!

Алина положила трубку с ощущением, что только что взяла на себя новые обязательства. Но они ей не были в тягость, скорее наоборот.

До пятницы было еще два дня. Удивительно, как много можно успеть, если точно знаешь, чего хочешь добиться.

Исходных посылок у Алины было две. Первая: искать имеет смысл только среди уже имеющейся информации. Можно фантазировать на тему, что убийца подобрал Лолиту Ким у ночного клуба, от которого она делала последний звонок, что потом он отвез ее на стройку или на склад строительных материалов, но все это будет только домыслами, не более. Тем более, что вторая посылка отчасти опровергала саму возможность таких домыслов: убийство было спонтанным, а значит, никакого планирования, никаких заранее подготовленных локаций в виде заброшенных домов, строек, складов и прочего. Исходя из этого, вариантов оставалось немного.

Для начала Алина встретила с Чеканом. Он сказал, что криминалисты так и не пришли к определенным выводам об идентичности строительной пыли в волосах убитой Лолиты Ким с образцами той, что взяли на втором этаже в доме покойного Ферта, что его жена, с которой он не успел официально развестись, вспомнила о священных узах брака и готовит иск к полицейскому управлению города по факту гибели мужа, и добавил, несколько смущенно, что Алина была права.

— В чем же? — поинтересовалась она.

— Ты говорила, что Инквизитор должен был подавать заявление в полицию. Мы проверили. Так вот, в ночь на шестое февраля в отделение одного из поселков области, недалеко от места, где обнаружили труп, действительно приходил какой-то тип. Дежурный решил, что тот пьяный

или сумасшедший: ничем другим объяснить попытку подать заявление с жалобой на тайную организацию ведьм, наводящих порчу и убивающих младенцев, было нельзя.

— Как интересно, — заметила Алина. — Судя по всему, фамилии заявителя он не запомнил.

— Нет, — покачал головой Чекан. — Говорит, что какая короткая и вроде не русская. Типа как Ферт, кстати. А может, и нет. Может, длинная и русская.

— Описать смог?

— А как же. Мужчина чуть выше среднего роста, в пальто и шляпе. Без особых примет. На алкоголика или наркомана не похож.

— А камеры?

— Изучили. Нечеткое изображение мужчины чуть выше среднего роста в пальто и шляпе. Без особых примет. Вошел, подал заявление. Потом забрал обратно и вышел.

— На чем приехал, не заметили?

— Внешняя камера машину не зафиксировала. Но что-то мне подсказывает, что это был большой серый автомобиль.

— Наверняка, — кивнула Алина. — А дежурный не вспомнил об этом случае, когда началась свистопляска с сожженными женщинами и надписями «ВЕДЬМА»?

— Вспомнил, конечно, — нехотя ответил Чекан. — Но решил никому не рассказывать. Ведь получается, что он отпустил маньяка. Говорит, что испугался.

— Какие пугливые, однако, сотрудники работают в областной полиции, — съязвила Алина. — Впечатлительные.

Остаток вечера прошел в неловких попытках Чекана перевести разговор на тему, которую можно было бы обозначить как «о нас». Алина «о нас» разговаривать категорически не желала, хотя в какой-то момент ей даже стало жалко Семена: только удивляться приходилось, как взрослый, уверенный в себе, выдавший виды оперативник стесняется, краснеет и мычит что-то невразумительное, словно подросток. Она вспомнила, как он одной фразой осадил злосчастного Ферта — а тот уж точно был не мальчик, а опасный, сильный мужик. Вот как такое объяснить? Как будто здоровенный служебный пес превращается в дрожащую комнатную собачонку. Вроде ничего для этого она не делала. Странно, да и только.

На следующий день, в четверг, Алина решила съездить на филологический факультет, где училась Лолита. Как бы то ни было, это было последним местом, где ее точно видели живой, а последним

человеком, бывшим свидетелем последних часов земной жизни несчастной студентки, был преподаватель истории и культурологии Аркадий Романович Каль.

Короткая такая фамилия. И вроде не русская.

На кафедре зарубежной литературы, где, как она узнала, Каль располагался в те дни, когда читал лекции на факультете, его не было. Зато обнаружилась милая, хотя и несколько экстравагантно выглядящая женщина в годах, оказавшаяся преподавательницей античной литературы.

— Аркадий Романович бывает тут только по понедельникам, — сообщила она Алине. — А вы по какому вопросу?

Алина представилась и сказала, что ей нужно уточнить кое-какие детали в связи с экспертизой по делу об убийстве Лолиты Ким. Вообще, это было неслыханной дикостью — судмедэксперт, выезжающий для опроса свидетелей, но античная дама так обрадовалась возможности поговорить об убийстве, что странности ситуации не заметила и вопросов задавать не стала.

— Это такой ужас, такой ужас, — говорила она с придыханием, но вместо ужаса в голосе явно чувствовалось удовольствие. — Я же хорошо ее помню, это была чудесная, просто чудесная девочка: умная, чистая, светлая! Ее все так любили, так любили!

Алина заверила, что совершенно не сомневается в выдающихся качествах покойной Ким, и даже чуть не добавила, что ум и чистота были хорошо заметны даже при вскрытии, но удержалась.

— Наверное, и Аркадий Романович тоже ее...любил? — поинтересовалась она.

— Ее все, абсолютно все любили! — с жаром воскликнула античная дама. — И Аркадий Романович, я уверена, тоже: она ведь у него на спецкурсе занималась, такая талантливая, одаренная девочка!

Алина решила прервать этот приторный поток дифирамбов, и попробовала аккуратно расспросить свою собеседницу, не знает ли она чего-нибудь про самого Аркадия Романовича.

Та, конечно же, знала.

— У него буквально под Новый год случилась личная драма, — поведала преподавательница. — Он расстался с женой. И это после стольких лет совместной жизни! Говорят, очень переживал — я сама, конечно, не знаю, но мне коллеги рассказывали, с его факультета. Просто стал сам не свой. Да и я тоже часто замечала, что он как будто побледнел, осунулся; всегда был такой видный, статный мужчина, а тут — пальто висит, шляпу вечно на глаза так надвинет, ссутулится и идет себе...

— Шляпу? — переспросила Алина.

— Ну да, он такую шляпу носит, немного старомодную, но ему идет. Вообще, одни несчастья у нас в этом учебном году. Вот, к примеру, Миша Мейлах... Вы о нем слышали?

Алина содрогнулась. Это было уже слишком. Последний раз несчастного Мейлаха она видела у себя на прозекторском столе с глубокой колотой раной в груди. Сообщать об этом она не стала, но поспешила откланяться, к очевидному неудовольствию своей собеседнице, которая была готова с наслаждением поведать о чужих несчастьях и бедах.

Алина вышла из полукруглого узкого коридора, где располагались помещения кафедр, к широкому квадратному лестничному колодцу; железные ступени и кованые перила уходили вверх и вниз. Было время лекций, в пустых коридорах эхом разносились монотонные голоса из-за закрытых дверей аудиторий. С верхнего этажа спускались двое рабочих, негромко переговариваясь на языке далеких степей. Один нес в руке ведро с мусором, другой малярный валик. Спецовки были перемазаны зеленым и синим. Алина проводила их взглядом и поднялась на этаж выше. Здесь пахло свежей краской и штукатуркой. В левой, темной стороне коридора виднелись закрытые двери, а правой как будто не было вовсе: за неплотно прикрытой решеткой зияло открытое пространство, которое уже начали разделять пластиковыми белыми перегородками, в окнах красовались недавно установленные пластиковые стеклопакеты, а на самой решетке висела фанерная табличка с криво написанном от руки словом «РЕМОНТ».

Алина спускалась вниз и думала почему-то, что в слове «ремонт» букв столько же, что и в слове «ведьма».

Номер мобильного телефона Аркадия Романовича Каль она узнала в деканате. Там тоже никто не удивился тому, что начальник отдела судебно-медицинской экспертизы трупов интересуется контактными данными преподавателя истории. Тем же вечером Алина, расположившись дома за письменным столом, сделала пару звонков. Чекана она решила не беспокоить; когда несколько лет работаешь в такой специфической сфере, как судебная экспертиза, всегда найдутся люди, которые обязаны тебе дружеской услугой.

Первым она набрала знакомого из Следственного комитета.

— Вечер добрый, Борис Аркадьевич! Я к тебе по делу. Можешь помочь в одном вопросе?

Борис Аркадьевич помнил, как год назад Алина, будучи еще старшим судмедэкспертом, по его просьбе и в обход своего тогдашнего руководителя, на свой страх и риск уговорила руководителя

гистологической лаборатории сделать несколько не предусмотренных процедурой анализов, результаты которых помогли успешно передать в суд дело о двойном убийстве. Поэтому без всяких вопросов передал Алине контакты человека, который сможет очень быстро сделать распечатку звонков с любого телефонного номера. За декабрь и январь? Никаких проблем, конечно.

Второй звонок был одному из руководителей дорожно-постовой службы. Посмертный анализ наличия алкоголя в крови у виновника аварии с множественными человеческими жертвами — дело тонкое и деликатное, находящееся на грани конфликта множества интересов. Особенно если погибший, забравший с собой на тот свет трех пассажиров машины, которую он протаранил, сам был сотрудником ДПС и непосредственным подчиненным знакомого Алины. Так что и тут Алине не отказали: проверить, какие автомобили зарегистрированы на человека? Да, конечно. А, на двух человек, на мужа и жену? Запросто, Алина Сергеевна, для Вас все, что угодно!

Уже поздно ночью на адрес электронной почты Алины пришло два письма с вложениями. Нельзя сказать, что она очень удивилась тому, что в них увидела. Скорее, Алина была удивлена другим: как в итоге просто оказалось найти среди грязи и песка притаившийся в сите маленький слиток золота.

* * *

Алина поднялась на эскалаторе на второй этаж огромного трехэтажного гипермаркета, флагманского магазина книжной сети «Литерофаг», прошла мимо длинных стеллажей с книжками по бизнесу, мотивационными пособиями и исторической литературой и на секунду остановилась. С большого плаката на нее смотрела Виктория: снисходительная улыбка мудрой королевы, проницательный взгляд голубых глаз, а ниже — крупная подпись: «Встреча с писательницей, ученым, бизнес-тренером Викторией Камской, автором бестселлера «Будешь счастливой!». Презентация книги «Эра Иштар», начало в 19.00». Плакат был укреплен на большой пирамиде из экземпляров презентуемого творения. На обложке имелось изображение автора в образе древней богини с кадуцеем в руке и развевающимися светлыми волосами; взор ее устремлялся в недоступные смертным туманные дали, навстречу которым она делала решительный шаг. Алина немного полюбовалась плакатом и

книжкой, свернула направо и вошла в небольшое кафе. Сейчас все столы здесь убрали, а стулья сдвинули плотными рядами. До начала презентации оставалась еще четверть часа, но все сидячие места были заняты, и менеджер по организации мероприятий, коротко стриженная светловолосая девушка, энергично жестикулируя, подгоняла едва ли не пинками вялых продавцов, которые волокли дополнительные сиденья и лавки с разных концов торгового зала. На сцене в лучах света из напольных и потолочных софитов стоял стол с микрофоном, табличкой «ВИКТОРИЯ КАМСКАЯ», и несколькими книгами, развернутыми обложкой к зрителям. Эти же книги разместились на высоком стеллаже рядом с входом и были в руках почти у всех гостей презентации: Алина отметила, что в подавляющем большинстве это были женщины примерно ее лет, кто-то чуть старше, кто-то моложе, в основном хорошо одетые и ухоженные, хотя среди собравшихся она увидела и несколько потускневших от прожитых лет и печали дам, чей возраст из вежливости еще можно было определить как «бальзаковский», и группу пестрых веселых девиц, стоящих кучкой у занавешенного окна и оживленно болтавших. В руках у них тоже были книги и неприменные смартфоны, в экраны которых они то и дело поглядывали. Немногочисленные мужчины терялись в женской толпе: сидели с подчеркнuto безучастным видом и индифферентно листали книги, как будто и вовсе не собирались сюда приходить, и вот, надо же, случайно так вышло. Фотографы, сверкая вспышками, делали первые снимки полного зала. У противоположного конца сцены возвышался штатив с видеокамерой; рядом сидел бородатый оператор, сосредоточенно щелкая клавишами подключенного к камере ноутбука. Алина растерянно огляделась, не зная, куда двигаться дальше, и тут заметила рядом с операторским столом знакомые рыжие кудри: Жанна стояла в углу и разговаривала с какой-то высокой девушкой в черном. Алина вздохнула и принялась энергично протискиваться сквозь толчею, возбужденный гул голосов и горячий, густеющий духотой воздух, то и дело извиняясь и спотыкаясь о ноги и сумки. Жанна заметила ее, махнула рукой и изобразила улыбку на худом конопатом лице.

— Алина, привет. Хорошо, что пришла. Знакомься, это Диана.

У Дианы были густые черные волосы, заплетенные в тугую тяжелую косу и выстриженные на висках, резкие, крупные черты лица, глаза хищной кошки, а еще длинные, сильные ноги, круглая задница и высокая грудь, затянутые в черную кожу мотоциклетного комбинезона. Она была красива агрессивной, опасной красотой, и Алина заметила, что на Диану украдкой поглядывают и женщины, и мужчины. А еще, в отличие от Жанны, она

умела улыбаться: сверкнула белоснежным оскалом, прищурилась, чуть склонила голову на бок и сказала низким, бархатным голосом:

— Очень приятно, Алина. Мы с Вами нигде не встречались?

Алина сделала полшага назад, чтобы не упираться лицом в Дианину грудь, и ответила:

— Нет. Но Ваше лицо мне тоже показалось знакомым. Может быть, раньше я уже видела девушку, которая была похожа на Вас.

— Не думаю, — усмехнулась Диана. — Меня трудно с кем-то спутать.

— Вика с Лерой во втором зале, — вмешалась Жанна. — Пойдем, я тебя провожу.

Алина пошла за ней мимо маленькой барной стойки. Жанна отдернула закрывающую дверной проем занавеску и сделала приглашающий жест.

Второй зал кафе оказался вдвое меньше главного; здесь было пусто, прохладно и тихо. За столиком в углу, удобно устроившись на диване, сидела Виктория. Писательница, ученый и бизнес-тренер была одета в безупречный светло-кремовый костюм и белую блузку, золотые волосы собраны в строгую, но не слишком, прическу; она как будто излучала сияние, и сидящая напротив нее Валерия казалась тенью, отброшенной чем-то совсем незначительным, например, чайником, который стоял на столе. Виктория увидела Алину, встала, выбралась из-за стола и раскрыла объятия.

— Алиночка, как я рада, дорогая, привет!

Последовали приветствия и поцелуи. Алина смутилась от такого радушия. Вообще-то она не терпела, когда ее хватают руками и тем более лезут, не спросясь, целоваться, но сейчас почувствовала, что ей это даже приятно. Она тоже чмокнула Викторию и посмотрела на Леру: та кивнула и улыбнулась, и расчувствовавшаяся Алина нагнулась и неловко клюнула ее в щеку.

— Там зал уже битком, — сказала Алина, когда с приветствиями было покончено и они уселись за стол. — А люди все идут и идут. Ты, наверное, волнуешься?

Виктория небрежно махнула рукой.

— Вообщенисколько. Уже не в первый и даже не в десятый раз, так что не привыкать. И потом, я же веду тренинги, в Университете читаю лекции, а это постоянная практика публичных выступлений.

— Ну не знаю, — Алина покачала головой. — Я тоже веду спецсеминар по судебной медицине в Академии, но там студенты, а тут посторонние люди...

— Ерунда. Я тебе сейчас все расскажу. Кстати, чаю хочешь?

Алина хотела. Виктория сама налила ей чай, добавила немного себе и принялась объяснять.

— Самое главное правило: людям нужно говорить то, что им нравится. Обычно все соглашаются с тем, что соответствует их внутренним убеждениям или желаниям, и когда кто-то просто красиво формулирует за них то, что они сами выразить не могут, не умеют или стесняются, люди тут же с радостью признают это правдой. Понимаешь? Любой человек больше всего любит себя и считает свое мнение верным, пусть даже в глубине души. И когда со сцены, или по телевидению, или в Социальной сети это мнение красиво озвучивают, человек тут же начинает улыбаться, кивать и радостно соглашаться.

— А как узнать, что именно нравится?

— Это тоже очень просто. Сейчас никто не читает, не слушает лекций, не ведет дискуссий для того, чтобы узнать правду. Всем нужно только получить положительные эмоции. Ну вот, к примеру, я веду бизнес-тренинг по личной мотивации, называется «Путь к успеху». Ты представляешь себе, кто вообще ходит на такие тренинги?

Алине стало весело.

— Нет, а кто?

— Во-первых, неудачники, — принялась загибать пальцы Виктория. — То есть те, кто остро ощущает отсутствие какого бы то ни было успеха в своей жизни. Во-вторых, инфантильные личности: они полагают, что кто-то должен рассказать им, как жить, что делать и каким образом этого самого успеха добиваться. Сами они ответственности за свою жизнь нести не хотят. В-третьих, бездельники. Эти всегда ждут, что сейчас им покажут волшебную кнопку, на которую только нужно нажать — и все само собой образуется. Это они являются самыми активными покупателями книг типа «Как стать миллионером за три дня, ничего при этом не делая», подписчиками мотивационных пабликов в Социальной сети и приобретателями компьютерных вирусов, которые получают, переходя по ссылкам «Заработок в сети! Сто тысяч в день, работая по два часа!». И вот представь себе, что перед тобой сидит эта публика, ждет, что ты им скажешь, причем каждый из них подсознательно знает, что он хочет услышать. И это отнюдь не правда, потому что скажи я им правду, она будет такова: вы инфантильные неудачники, безответственные, ленивые, не желающие работать; берите себя в руки, трудитесь, много, долго и упорно, без всяких гарантий успеха, и тогда, может быть, кто-то из вас достигнет желаемого. Разве кому-то нужна такая правда? Скажи я так, и они просто встанут и уйдут, сказав, что я не права, что ничего не понимаю в жизни и

не разбираюсь в их тонкой душевной организации, и, что самое главное, не купят книжку, не оплатят дополнительный полный курс тренинга и не приобретут какой-нибудь диск с алгоритмом, который быстро и без усилий сделает их всех Стивами Джобсами или обворожительными красавцами. Но если я скажу: друзья, вы прекрасны, идите своим путем, и вся Вселенная будет вам помогать, вы на пути к неслыханным достижениям, вы все можете — и прочую белиберду, то все расцветут и согласятся со мной. А если я еще добавлю, что во всех их бедах виноваты не они, а какие-нибудь абстрактные «жулики и воры», то меня на руках носить будут, потому что я переложу ответственность за плоды их собственной неспособности что-либо сделать на других. Правда вообще не имеет никакого значения. Важно только, нравится то, что я говорю, или нет; нравлюсь я людям, или нет, и если да — то они будут слушать, покупать и делать, как я им скажу.

Виктория перевела дух и отпила чай. Валерия рассеянно улыбалась.

— А дальше? — спросила Алина. — Вот купят они книгу, прослушают курс, но ведь ничего в их жизни не изменится?

— Конечно, — согласилась Виктория. — И они будут и дальше ходить, слушать, покупать и искать прорубь, где водятся волшебные щуки, исполняющие все желания. Никто не хочет работать; никому не нужны знания, потому что приобретение настоящих знаний требует труда, воли и самодисциплины, всех вполне устраивает эрзац. Единственная польза от таких тренингов, книжек и мотивационных пабликов — самоуспокоение и профилактика суицида. Прочитал очередную ерунду про Вселенную, которой делать больше нечего, как помочь тебе разбогатеть, поставил «лайк», сделал «репост» — и уснул с чувством выполненного долга. Можно и дальше тянуть ляжку жизни, ныть, жаловаться на недосыпание и нелюбимую работу.

— И какой смысл в этом? Ну, кроме коммерческой составляющей?

— Дорогая моя Алина, мы же с тобой понимаем, что люди, которым не нужна правда и знания — это аморфное и управляемое стадо. Пока я говорю то, что им нравится, я продам любую идею. Какую угодно, от легализации наркотиков до узаконенной педофилии и права первой ночи. Разумеется, не нужно вываливать суть идеи сразу, нужно готовить почву. Постепенно, понемногу приводить к желаемому результату. И нельзя, конечно, посвящать всех в истинный смысл происходящего. В конце концов, есть основание пирамиды, а есть верхушка, и в идеале она должна немного отстоять от основания.

— Очень интересно, — сказала Алина. — А в чем тогда истинный

смысл?

Валерия отвернулась и негромко кашлянула. Виктория, уже было набравшая воздуха в грудь, замолчала и задумчиво посмотрела в чашку.

— Ну это я так, для примера, — наконец сказала она. — Мы же говорили о том, как правильно общаться с людьми. Вот я и объяснила первое, главное и, по сути, единственное правило: говорить то, что нравится. В чем ошибка, к примеру, Церкви? В том, что она говорит людям то, что им неприятно слышать. Да еще в таких ужасных, старорежимных выражениях: грех, покаяние, или какой-нибудь «раб Божий». Ужас, да и только. А потом еще удивляются, за что не любят попов. Кому, интересно, хочется быть рабом? Точнее, как показывает современная система кредитования или работы в коммерческих компаниях, рабами хочется быть всем, только никто не желает этого признавать. Поэтому Церковь и проигрывает современным гуманистическим ценностям. Она со времен средневековья талдычит: «Ты плохой, исправляйся, трудись!», а гуманизм и новое время восклицают: «Ты прекрасен, тебе все можно, будь собой, будь свободным, а угрюмых попов с кадилами, которые запрещают тебе трахаться, мы прогоним». Ну вот скажи, что соберет больше лайков: «Покайся, ибо ты грешен» или «Иди своим путем, почувствуй силу собственной свободы?». И тут уже вообще не важно, кто прав. Важно, кто нравится, а кто нет. Я нравлюсь — значит, я права.

Приоткрылась занавеска, закрывающая вход в главный зал, и в проеме показалась рыжая голова Жанны.

— Вика, уже пять минут, как время. Извини, что напоминаю, организаторы волнуются.

Виктория залпом допила чай и решительно встала.

— Пойдем. Сейчас сама все увидишь.

Кафе было забито уже более, чем полностью, и многие люди стояли у входа в торговый зал; Алину и ее новых подруг встретил приглушенный гомон, теснота, духота, а мгновением позже, когда Виктория взошла на сцену под лучи ярких софитов — громкие аплодисменты, накатившиеся, как волна. В первом ряду обнаружили четыре свободных стула рядом с бородатым видеооператором; видимо, они были заранее забронированы для личных друзей госпожи Камской. Алина села между Валерией и Жанной, чуть левее сидела, похожая на вальяжную черную пуму, Диана.

Засверкали вспышки фотоаппаратов, и светловолосая девушка-менеджер провозгласила в микрофон:

— Дорогие друзья, мы начинаем встречу с Викторией Камской!

Аплодисменты усилились. Девушка повысила голос и продолжила,

подглядывая в листочек, зажатый в руке:

— Сегодня состоится презентация книги «Эра Иштар», посвященной вопросам места женщины в современном обществе, достижению счастья, гармонии и благополучия!

Виктория села за стол, поправила микрофон и подняла руку. Аплодисменты разом стихли. С места, где сидела Алина, сияние, исходящее от Виктории, казалось надмирным, божественным светом. Она опустила руку, прищурилась, окинула взглядом зал и сказала:

— Если уж в представлении было упомянута такая тема моей книги, как место женщины в современном мире, то с этого я и начну. Я вижу, многим присутствующим здесь дамам не хватило мест, а еще вижу мужчин, которые очень удобно сидят, как будто так и надо.

В зале возникло движение. Несколько мужчин со смущенным видом поднялись со стульев, женщины, стоявшие позади рядов, деликатно, стараясь не толкаться, продвинулись вперед.

— Стоп! — Виктория снова подняла ладонь. — Я никого не просила вставать.

Повисла неловкая пауза. Мужчины топтались рядом со стульями, женщины остановились.

— Мужчины, сядьте, — повелительно сказала Виктория. — И давайте все вместе подумаем: почему вдруг наши уважаемые джентльмены встали, как один, чтобы уступить места? Что их к этому подвигло? Мои слова? Нет, слова были просто напоминанием о том, что принято называть воспитанием и правилами хорошего тона. Но в чем суть этих правил? Возможно, кто-то полагает, что, открывая перед дамой дверь или подавая ей руку при выходе из общественного транспорта, ведет себя как высокоразвитый человек, которого отличают от более грубых особей хорошие манеры и готовность заботиться о женщине. На самом деле, он ведет себя как примитивное животное.

Виктория сделала паузу. Стало слышно, как слегка жужжит видеокамера.

— Поясню, — продолжила она. — Абсолютное большинство так называемых правил поведения на самом деле есть не более, чем заложенный в нас биологический механизм, направленный на сохранение определенной популяции: рода, племени, или вообще человеческого вида в целом. Трогательная забота о женщинах, все это рыцарство и джентльменство, по сути своей — стремление сохранить в безопасности особей, которые являются инкубаторами потомства и залогом успешного продолжения рода. В этом отношении мы ничем не отличаемся, например,

от муравьев: их самцы-рабочие или солдаты, чтобы сберечь несущую яйца матку, готовы собственными телами гасить пожар. Как героически, правда? Мужчины с биологической точки зрения менее ценны, чем женщины; их не нужно беречь, они могут и должны воевать, делать трудную и опасную работу, и даже основные, культивируемые обществом мужские добродетели — отвага, решительность, самоотверженность — таковы, чтобы облегчить при необходимости принятие их носителями самоубийственных решений. Ценность женской особи гораздо выше: если в племени останется десять женщин и только один мужчина, то это племя выживет; а вот если наоборот, то выживание сделается проблематичным, не говоря уже о том, что десяток самцов могут просто перебить друг друга в борьбе за единственное вакантное влагилице. Конечно, наше более развитое, чем у животных, сознание, стремится облагородить примитивные инстинкты, давая им громкие и красивые имена, хоть суть дела от этого не меняется. Но то, что было важно для выживания человечества многие тысячелетия назад, ныне уже не работает. Древние законы теряют свою силу. Современному человеку на нынешнем этапе эволюции нужны другие правила жизни, и первое из них — стремление к собственному удобству и комфорту. Вот почему присутствующие здесь мужчины благополучно сидели на своих местах, пока я не напомнила им о приличиях. И вот почему я запретила им уступать места женщинам: реальность такова, дорогие дамы, что теперь, если вам что-то нужно, вы должны брать все сами, не дожидаясь, когда кто-то вам это даст.

Голос Виктории был ровный, спокойный, с гипнотическим внутренним ритмом. Алина поймала себя на том, что старается потише дышать.

— Я начала с этого небольшого примера не для того, чтобы ниспровергнуть какие-то нормы общественного поведения, но лишь затем, чтобы показать, что большинство из них имеют своими истоками не человеческую, а чисто биологическую природу, и сколь многое унаследовано нами от архаического общества, недалеко ушедшего от животного мира. Мы можем и дальше по инерции цепляться за отжившие, пустые оболочки прежних устоев, но это так же глупо, как начать одеваться по средневековой моде или уйти жить в пещеры. Более того, бессмысленное следование устаревшим общественным традициям делает нас несчастными. Приведу пример. Ко мне на тренинг приходят преимущественно женщины, которые хотят узнать, как улучшить свою жизнь. Не скрою, по некоторым слишком хорошо заметно, что их жизнь действительно нуждается в срочном улучшении. Для начала я всегда задаю

один вопрос: «Что вам нужно?» Обычно они начинают отвечать, что надо завести семью, детей, найти хорошего мужа, и перечисляют это все с таким обреченным унынием, как будто описывают кредитному инспектору график погашения долга. Тогда я снова спрашиваю: «Чего бы вы хотели от жизни в идеале? Если бы не приходилось заботиться о бытовых вопросах?» И я вижу, как меняется взгляд, как загораются глаза, и мне говорят, что хотели бы путешествовать по миру, фотографировать, заниматься искусством, языками, читать книги. Чувствуете разницу? Семья, дети, мужья — это «надо». Но хочет человек другого: яркой, свободной жизни в свое удовольствие. Про то, что «надо», нам говорят наши биологические инстинкты, общество и старшие родственники. То, чего мы хотим на самом деле — это желания настоящего, свободного, истинного «Я», не подавляемого традициями и мнениями. Знаете, что такое семья? Это точно такой же механизм выживания вида, как и те, о которых я говорила в начале: ее основная функция — размножение и выведение жизнеспособного потомства. Здесь нет места личным желаниям, тут есть только одно беспощадное «должен». Мужчина занимается тяжелой работой, женщина ведет хозяйство в доме, обязанности поделены, потомство выведено, и вот все сидят в одной тесной курной избе, потея и не задумываясь о том, что можно жить по-другому. Но времена меняются. И сейчас, чтобы выжить, не нужно объединяться в семьи, рода и племена. Технический прогресс подарил возможность каждому самому строить свою жизнь так, как он хочет, проживать ее так, как вздумается, во всей полноте, так зачем же, скажите пожалуйста, нужно заикливаться на этом дурном, бессмысленном семейном долге? К счастью, изменились не только внешние обстоятельства, но и социальные тенденции, отразившиеся в медиа: все чаще в фильмах и телевизионных шоу мы видим образы свободных, ярких, красивых, живущих полной жизнью мужчин и женщин, рядом с которыми женатые и замужние персонажи, отягощенные нелепыми браками с их регулярными ссорами, взаимным дискомфортом, постоянной войной за личное внутреннее и внешнее пространство, материальными трудностями, тоской и безысходностью, кажутся жалкими и карикатурными. «Путешествовать, творить, наслаждаться жизнью», — вот ответы, которые я получаю от моих слушателей, когда они с удивлением осознают, что никому ничего не должны и что их жизнь принадлежит только им.

Вверх взметнулось несколько рук. Менеджер вопросительно взглянула на Викторию. Та кивнула, и девушка протянула микрофон одной из женщин в заднем ряду.

— Здравствуйте, у меня вопрос, — голос прозвучал гнусавым диссонансом к мощным, прекрасным аккордам, которые только что неслись со сцены. У женщины были темные, неухоженные волосы и бледное невыразительное лицо.

— Задавайте, — позволила Виктория.

— Я, в принципе, согласна, с тем, что Вы говорите, — женщина волновалась, и ее голос немного дрожал. — Но вот часто приводят такой аргумент, что детей нужно заводить, чтобы не остаться одной в старости, что это как бы поддержка... Вот что на это можно ответить?

Женщина отдала микрофон и поспешно села на место.

— Спасибо за вопрос. Да, действительно, часто приходится слышать что-то про стакан воды, который в старости подать будет некому. Сразу хочется спросить: а вы уверены, что доживете до этой самой старости? Представьте, какое печальное разочарование: рожать, кормить, отказывать себе, любимой, в нормальной полноценной жизни, растить себе живую страховку на старость, а потом скоропостижно скончаться до наступления преклонных лет, так и не исполнив свои мечты. К тому же, кто даст гарантии, что у Вас, движимой чувством страха за свое отдаленное будущее, получится воспитать таких детей, которые возьмут на себя заботу о своей пожилой матери? Что, если Ваши дети выберут жизнь, в которой не будет места ухаживанию за больной старухой? Не правда ли, этот вариант еще хуже? Вы сами себя загоняете в рамки гипотетической и негативной ситуации: я буду старой и настолько беспомощной, что не смогу сама о себе позаботиться. А если попробовать прожить свою жизнь так, чтобы прийти к ее закату обеспеченной женщиной, которой не нужно будет ожидать подачек от потомков? Поймите, за свою жизнь отвечаете только Вы сами; никто ничего Вам не должен, и Вы никому не должны. А рожать только потому, что боитесь старости, это даже унижительно как-то.

Виктория взглянула в зал и махнула в сторону молодой девушки, стоявшей у окна и тянущей вверх руку.

— Да, пожалуйста, следующий вопрос!

Девушка хихикнула и взяла протянутый ей микрофон:

— Ой, спасибо! Вот Вы так все красиво рассказали, что можно путешествовать там, заниматься чем хочешь, так я хотела спросить, а откуда на все это брать деньги?

По залу пронесся тихий смех. Виктория тоже улыбнулась.

— Мой ответ Вас удивит, — сказала она. — Но можно попробовать заработать.

Снова смех. Девушка покраснела, но микрофон не отдала.

— Ну вот я, например, работаю, но получаю мало. Я же могу выйти замуж, чтобы муж меня обеспечивал, дарил подарки, ну, возил куда-то отдыхать?

— Моя дорогая, если Вы собираетесь выйти замуж только для того, чтобы Вам давали денег, то это то же самое, что устроиться на работу. Я ничего не имею против карьеры содержанки, но должна предупредить, что деятельность это неблагодарная и требующая не меньших, а иногда и больших усилий, чем любая другая. Все только кажется таким простым. Главная сложность в том, что Вы в этом случае снижаете собственную ценность как личности до категории игрушки, и нужно быть готовой к тому, что, как любая игрушка, Вы можете наскучить. Конечно, не всем дано добиться успеха в настоящей профессии и обрести самостоятельность и свободу, так что, если нет других возможностей в жизни — да, можно попробовать и бытовую проституцию, то есть, простите, замужество. Хотя я бы порекомендовала рассмотреть другие варианты. Еще вопрос?

На этот раз микрофон взял мужчина.

— Виктория, скажите, а Ваши тренинги рассчитаны только на женщин?

— Конечно, в основном я ориентируюсь на женскую аудиторию, — кивнула она. — Но мужчины ко мне тоже приходят, причем с теми же самыми проблемами: отягощенность навязанными им бессмысленными условностями. Но с мужчинами проще. Обычно они в ответ на вопрос: «Чего Вы хотите?», сразу отвечают: быть успешным. Кстати, кто мне скажет, что значит, быть успешным?

— Быть состоятельным!

— Иметь свой бизнес!

— Зарабатывать деньги!

— Вот именно, — согласилась Виктория. — Хочу заметить, что никто не ответил, что быть успешным, это иметь жену и пятерых детей. Мужчины, которые по природе своей более динамичны и лучше чувствуют перемены, по большей части уже усвоили эти новые, истинные ценности: успешность, независимость, самодостаточность. Поэтому и не уступают своих стульев, как видите. Они больше склонны к свободе, хотя и примитивнее в желаниях, каковые обычно сводятся к деньгам и сексу. Но если мы отбросим все лишнее, то увидим, что и женские желания сводятся ровно к тому же: деньгам как гарантии независимости и сексу как одному из главных удовольствий в жизни. Возвращаясь к названию моей книги, я хочу сказать, что ее тема — наступление новой эры, которую я назвала именем древней зороастрийской богини; эры, когда благодаря достижениям

цивилизации женщина может освободиться от условностей архаического наследия и обрести возможность жить в свое удовольствие, наравне с мужчинами. Брак, о котором мы говорили, это только одна из таких условностей, сковывающих человеческую свободу, но есть еще патриотизм, религия...

— Вы осознаете, что пытаетесь разрушить основы человеческой цивилизации?

Алина повернулась. Мужчина, который произнес эти слова, стоял у самого входа в кафе: чуть выше среднего роста, в черном пальто, с блестящей, наголо бритой головой и строгим, правильным лицом, на котором выделялись темные, глубоко посаженные глаза. Говорил мужчина без микрофона, но его звучный голос легко наполнял зал. Тренированный голос лектора, привыкшего выступать перед аудиторией.

Виктория хищно прищурилась.

— Очень интересное мнение. На мой взгляд, брак — это отживший свое общественный институт, патриотизм — социальный инстинкт, заставлявший предков человека размахивать палками на границе их охотничьей территории, а религия — инструмент социального манипулирования и управления. При чем тут какие-то основы цивилизации?

Мужчина сделал шаг вперед. Люди перед ним расступились, неловко теснясь и наступая друг другу на ноги.

— Как социологу, Вам должно быть известно, — начал незнакомец, — что вся человеческая культура основана на культе, абсолютно вся: литература, живопись, музыка развивались благодаря религии. И если Вы утверждаете, что, отрицая парадигму традиционных ценностей, в рамках которой формировалась мировая культура, не разрушаете основы человеческой цивилизации, то противоречите сама себе. Вот я и интересуюсь, сознательно или нет Вы это делаете, хотя, скорее всего, просто занимаетесь популизмом, гипнотизируя своих недалеких слушателей словами «свобода», «успех», «счастье» и не давая им возможности задуматься ни над контекстом, в котором они звучат, ни над смыслом этих понятий.

В сгустившейся предгрозовой тишине пронесся протяжный выдох. Держать аудиторию незнакомец умел не хуже, чем женщина на сцене, к которой сейчас разом повернулись лица слушателей, замерших в ожидании ответа.

— Ух ты, — сказала Виктория и усмехнулась. — Во-первых, хочу Вас поблагодарить за определение моих гостей как «недалеких». Уверена, всем

было очень приятно это слышать. Во-вторых, если Вы углядели в моих словах популизм — что ж, пусть так. Но Ваша тирада тоже представляет собой популизм чистой воды, только ангажированный иной идеологической системой, глубоко чуждой как мне, так и собравшимся. Насколько я понимаю, говоря о важной роли религии в развитии человеческой культуры, Вы имеете ввиду, прежде всего, христианское вероисповедание?

— Именно так, — подтвердил мужчина.

— Ну разумеется, — кивнула Виктория. — Это очевидно по агрессивной риторике, я просто уточнила. Знаете, я могла бы оспорить каждое слово в Вашей...гм...речи. Но пусть Вы правы. Вот, я согласна: христианская религия во многом помогла формированию искусства и культуры. И что? Все течет, все меняется; мы можем признать, что религия благотворно повлияла на развитие человечества в какой-то определенный исторический период, но мир изменился. Мы же не ездим на машинах с паровым двигателем только потому, что они сыграли большую роль в зарождении автомобильного транспорта. Исторический процесс непрерывен, каждый его элемент хорош в свое время и на своем месте. Что такого важного для современного человека может дать учение, основанное на сомнительного происхождения записях полуграмотных ближневосточных рыбаков, крестьян, сборщиков налогов и примкнувшего к ним по случайности образованного римлянина? В чем ценность этого атавизма прошлых веков?

— В различении добра и зла, — ответил мужчина.

— Вот как?

Виктория встала и вышла из-за стола. В лучах прожекторов ее костюм и волосы сияли золотом. Мужчина в черном пальто шагнул ей навстречу, и теперь они смотрели друг на друга почти в упор, он снизу, она сверху.

— Для того, чтобы понять, где добро, а где зло, мне не нужно читать невнятные тексты тысячелетней давности, бормотать слова на мертвом языке при коптящих свечах и биться головой об пол, — заявила она. — Например, болезнь. Что это, по-вашему? Добро или зло?

— Болезнь может быть и во благо, — ответил мужчина. — Если через нее человек придет к познанию Бога — это добро.

— Вот! — торжествующе произнесла Виктория. — В этом вся суть религиозного понимания бинарных оппозиций. Исходя из этой логики, добром может быть так же нищета, страдания, голод и смерть, так?

— Несомненно.

Виктория обвела взглядом аудиторию.

— Дорогие друзья, я прошу поднять руку тех, кто хочет быть больным, бедным и голодным!

Раздался легкий смех. Ни одна рука не поднялась.

— Простите, я не точно выразилась, — Виктория саркастически усмехнулась. — Прошу поднять руку тех, кто хочет быть больным, бедным и голодным, чтобы прийти к Богу!

Смех усилился. На блестящем черепе мужчины выступил пот.

— Это ничего не доказывает, — громко сказал он. — Вы жонглируете понятиями в рамках примитивной утилитарной этики. Кажется, Вы говорили сегодня, что традиционные ценности сводят человека разумного до уровня животного или примитивного прачеловеческого предка? Только что Вы сами отказали человеку в других потребностях, кроме чисто животных, и провозгласили их удовлетворение единственным критерием добра. Может быть, мне тоже попросить поднять руку тех, кто согласен с утверждением, что он просто бессловесная скотина, все счастье которой состоит в том, чтобы есть, спариваться, умереть здоровым и исчезнуть без остатка в яме с могильными червями?

В зале неодобрительно загудели. Пустое пространство вокруг незнакомца стало еще шире.

— Мужчина, хватит уже! — раздался возмущенный женский голос.

— Да, мы сюда не Вас слушать пришли, а Викторию! — поддержал его другой.

— Дайте нормально провести презентацию!

— Кто вообще его сюда позвал?!

Алина увидела, как Диана вопросительно взглянула на Викторию и чуть заметно кивнула в сторону мужчины. Та тоже едва заметно отрицательно качнула головой: не надо, сама справлюсь.

— Каких комплиментов мы только не выслушали, да, друзья? — Виктория широко улыбнулась. — То были недалекими, а теперь вот оказались скотом. Чем изощряться в оскорблениях, ответьте лучше: а почему я должна верить в Бога? В жизнь после смерти, в адские сковородки с кипящим маслом или сидящих на облаках праведниках в белых одеждах с арфами в руках?

— Потому что если Бога нет, то все можно.

— Но если Бог есть, то тоже все можно, только именем Его, не правда ли? — негромко произнесла Виктория.

Мужчина промолчал.

— Вашему библейскому Богу нужно только, чтобы его почитали. В противном случае Он посылает чуму на народы, ангелов, истребляющих

младенцев, сжигает города и натравливает медведей на детей, осмелившихся посмеяться над Его пророками. Он требует уважения к Себе, но Ему и дела нет до человека. Только сейчас другие времена. И никакими пытками, кострами, никакой инквизицией человека уже не загнать в рабство древних догматов. Люди хотят быть свободными и счастливыми. Сами выбирать, во что верить, чем заниматься и как жить. Власть переменилась. Партия сыграна. Так что, если увидите своего Бога, скажите Ему, что пора сдаваться.

— Так я и сделаю, — сказал мужчина. — А потом вернусь и передам Вам Его ответ.

Он резко развернулся и вышел из кафе. Виктория проводила его взглядом, улыбнулась и повернулась к залу:

— Кто-то еще желает поговорить о религии?

Глава 23

Валерия свернула с проспекта на узкую боковую дорожку из треснувших плиток и поежилась, плотнее стянув ворот пальто озябшей рукой. Ночь была влажной и теплой, но промозглая хмарь, оседающая с мертвого неба, холодила, как испарина страха. Разбуженная бесцеремонной весной сырая земля дышала тяжело и тревожно. Все вокруг неподвижно застыло в призрачной мгле, размывающей грань света и тени: маслянисто блестящая черная гладь Малой Невки, расплывающиеся рыжим светом огни, даже машины и редкие пешеходы не двигались, а будто возникали на миг, замирали картинкой из волшебного фонаря, и снова исчезали во мраке. Во тьме дремучего парка на другом берегу смутно белели размытые силуэты заброшенных особняков, привидения прошлых столетий, что явились в ночи и в тумане, чтоб наутро исчезнуть бесследно. Завтра посмотришь: там стройки, парковки или заборы, ограждающие заросшие пустыри, а сегодня тянутся к небу белесыми пальцами колоннад скелеты дворцов, укутанные в серый саван забвенья.

Пахло мокрым подвалом, талой водой, обреченностью и одиночеством.

Валерия шла, осторожно ступая по битым плиткам, сквозь щели в которых выплескивалась жидкая грязь. Слева безмолвной громадой возвышалась, источая угрозу и сумрак, заброшенная больница. Черные окна тускло блестели в оранжевых и голубых отсветах ночи. Три этажа, погруженные в холод и непроницаемый мрак. Исходящая от здания сила ощущалась физически, и Валерия знала, что никто, единожды ощутив мощь этого темного зова, не устоит перед искушением прийти сюда вновь.

Она прошла вдоль правого крыла и свернула во внутренний двор. Абсолютная, ватная тишина; даже звуки проспекта, куда выходила фасадная часть, сюда не проникали, задохнулись на самой границе двора в плотном, сгустившемся воздухе. Под ногами скрипело крошево мелкого сора. Валерия огляделась, окинув выходящие во двор стены и окна хозяйским, приметливым взглядом: в окнах, частью разбитых, ни огонька, проемы первого этажа заколочены стальными листами, земля возле стен завалена мусором — битым стеклом, бутылками, тряпками, толстым слоем слежавшейся, мокрой бумаги: во время одного из пожаров, оставившего сверху стен черную копоть, похожую на следы грязных пальцев, из окон вышвыривали все, что может гореть, и вместе с обломками мебели вниз

полетели сотни и сотни старых историй болезни. На желтых, обгоревших листах еще можно было различить имена мертвецов: давно покинувших этот мир пациентов, да и врачей, заполнявших убористым почерком бланки и формуляры.

Впереди невысокая арка. Тьма под ней была аспидно черной, но Валерия знала, что в левой стене есть дверь черного хода. Вообще, в здание можно было попасть через семь, а то и восемь разных ходов; местные обитатели говорили, что знают путь и через подвал бокового невысокого флигеля, и через канализационный люк неподалеку отсюда, а еще — если уж очень надо попасть внутрь совсем незаметно — через отверстие сточной трубы, скрытой под водой Малой Невки. Пользовались им очень редко, последний раз годы назад, когда вдруг власти ненадолго очнулись, да и замуровали наглухо все входы и выходы в здание. Многие двери и сейчас снаружи казались надежно забитыми где железом, где досками, но это была одна только видимость. Те, кто хотели попасть внутрь, заходили без всяких препятствий, если, конечно, бывшая туберкулезная больница, известная некоторым как Вилла Боргезе, сама желала впустить их в темные недра.

Валерия достала из большой сумки, висевшей на правом плече, портативный фонарик. Желтоватое тусклое пятно осветило обшарпанную деревянную дверь. Валерия осторожно толкнула. Заперта. Все правильно, сегодня на Вилле Боргезе закрытое мероприятие. Вход только по приглашениям.

Валерия властно забарабанила в дверь: раз-два-три, раз-два-три, раз-два-три и еще один раз. Что-то скрипнуло в тишине, внутри завопились, лязгнул железный засов и дверь приоткрылась. Из темноты высунулось заросшее неопрятной щетиной, покрасневшее от грязи и жира лицо, обрамленное длинными сивыми космами, слипшимися в колтуны. Глаза под белесыми редкими бровями прищурились от неяркого света.

— Это я, — сказала Валерия. — Давай, открывай.

Дверь заскрипела, раскрылась пошире. Бродяга в большой черной кожаной куртке с чужого плеча неловко посторонился и согнулся в полупоклоне. В спине у него что-то хрустнуло.

— Здравствуйте, госпожа Альтера, — просипел он. — Вот, ждем Вас.

Валерия присмотрелась. Бродяга был ей незнаком.

— Новенький, что ли? — спросила она. — Как зовут?

— Витя, — ответил привратник и вновь неуклюже согнулся. — Витя Богомаз. Две недели, как тут.

Валерия принялась. Спиртным от Вити Богомаза не пахло. Это

хорошо: в остальные дни пусть делают, что угодно, но сегодня все должны быть трезвы, как стекло.

— Знаешь, что сегодня тут будет, Витя? — строго спросила она.

— Да, — пробормотал он. — Мне это...говорили...рассказывали...

— Ну хорошо, — сказала Валерия и шагнула через порог. — Неси службу дальше. Надежда Петровна у себя?

— Да, — закивал Богомаз. — Тоже Вас ожидает. Сумочку помочь донести?

— Не надо, я сама. За дверью смотри.

Валерия протиснулась мимо бродяги, стараясь не задеть своим черным пальто его грязную куртку, и стала подниматься по узкой каменной лестнице без перил, с истертыми, покосившимися ступенями. Сквозь грязные стекла, едва держащиеся в ветхих тонких рамах широких окон, просачивался ночной свет. Желтый луч плясал впереди, выхватывая из темноты пятна облупившейся краски на стенах, неряшливые мазки граффити, куски обвалившейся штукатурки.

Валерия поднялась на второй этаж и шагнула в черный дверной проем, зияющий, как дыра в пустоту. Направо, вдоль всего здания, тянулся длинный узкий коридор, в конце которого тускло светило окно, похожее на лунный камень. В стенах коридора белели деревянные двери, частью закрытые, частью распахнутые настежь. На некоторых еще сохранились таблички с именами врачей и названиями кабинетов. Истертый линолеум тускло блестел в темноте. Здесь было чисто, ни сора, ни грязи, и в воздухе не воняло мочой и экскрементами, как обычно бывает в заброшенных зданиях; только дух запустения, запахи пыли и влажного холода. Обычно еще пахло дымом и тошнотворным, наваристым жиром, но в эту ночь самодельные печи зажигать запрещалось. Насельники Виллы Боргезе держали временный пост. Справа вниз уходила широкая парадная лестница; напротив нее висели, покривившись на согнутых петлях, большие раскрытые двери, ведущие в бывшую домовую церковь, переделанную когда-то под актовый зал. На месте, где раньше располагался алтарь, громоздился бесформенной грудой всякий мусор, посередине, перед огромными окнами, стояла железная койка с рваным матрасом — место ночного дежурного сейчас пустовало.

Валерия миновала парадную лестницу, когда одна из закрытых дверей со скрипом приотворилась. Замелькал яркий, бело-голубой свет фонаря. Приземистая фигура поспешно устремилась навстречу, переваливаясь на коротких ногах.

— Добро пожаловать, госпожа Альтера, мое почтение, — забормотал

женский голос. — Что-то Вы чуть раньше сегодня, я вот даже и встретить у дверей не успела...

В круге света перед Валерией возникла, кланяясь и чуть приседая, невысокая полная женщина в потертых, но чистых обносках — синей юбке до пола и желтой вязаной кофте: Надежда Петровна нарядилась нынче по-праздничному. Жидкие жирные волосы были забраны на макушке в коротенький хвостик, торчащий, как чахлая пальма. Маленькие глазки на круглом, толстощеком лице щурились от непривычного света: фонарь она взяла для Валерии — сама Надежда Петровна за три года изучила всю Виллу Боргезе так, что могла бы пройти ее сверху донизу и из конца в конец не только во тьме, но и вовсе зажмурив глаза. Она растянула в приветливой, жуткой улыбке сухие, с заломами, губы. Зубы за ними были черные, острые, крепкие и напоминали клыки.

Альтера взглянула на часы.

— Ерунды не говори, Надежда Петровна. Ничего не раньше: сейчас без минуты одиннадцать, ты знаешь, что я всегда прихожу за час до начала.

— Прощенья просим, — с готовностью отозвалась Петровна.

— Да ладно, — отмахнулась Альтера. — Что за новенький на дверях?

— Витя Богомаз, художник, приболудился недели как две, парень хороший, непьющий, — затараторила Надежда Петровна, — вроде как нравится ему здесь, я и подумала, пусть живет в бывшей Нинкиной комнате, у нас ведь, сами знаете, госпожа Альтера, новички если и придут, не задерживаются, а этот вот, надо же, выдержал...

Мало кто из приходивших на Виллу в поисках крова оставался здесь более суток; иные сходили с ума уже в первую ночь, если раньше не сбегали подальше от гулкого, в костях отдающего страха, который жил и звучал тут, то тише, то громче, подобно угрожающе низкой ноте.

— Добро, — кивнула Альтера. — Все равно под твою ответственность. Пойдем.

Надежда Петровна с готовностью подхватила тяжелую сумку, которую протянула Альтера, и посеменила рядом. Их шаги отдавались в пыльной серой тиши эхом резкого стука каблучков и шепелявого шарканья. Лунный камень окна впереди приближался, как портал в другой мир, в который не хотелось попасть. Со стен испуганно взглядывали и отворачивались правильные лица плакатных врачей и сестер, забытых в этой жуткой клоаке. Во тьме пару раз промелькнули и снова исчезли согбенные тени: руки почти до колен, искривленные ноги. Самые старые жители Виллы Боргезе. Инфернальные троглодиты, сторожа и рабы мрачного, одушевленного дома.

— Где остальные? — на ходу спросила Альтера.

Надежда Петровна принялась перечислять:

— Мужики все у дверей: на парадном входе, на черных, в подвале, везде. Михалыч у себя наверху: язвы опять загноились, не ходит, не знаем, как быть даже с ним. С Михалычем Манька осталась. Внизу Яна Полька, Варвара и Люська Косая, все уже, поди, приготовили. «Пенсионеры» вот только бродят, но что с них возьмешь, блаженные, я уж их не касаюсь...

— А Ефрейтор твой где?

Надежда Петровна замялась.

— Так это...спит он.

Альтера остановилась.

— Вот как? Чего это вдруг? А ну, пойдем, глянем.

Петровна открыла деревянную дверь с облупившейся краской. За ней, в бывшей врачебной приемной, располагалось жилище: два спальных места вдоль стен, покосившийся, с треснувшими стеклами шкаф, стол у окна, на котором стояла большая кастрюля с торчащей в остывшем вязком месиве ложкой, и большой запыленный стакан с поникшей белой гвоздикой.

— Ну надо ведь, даже цветы! — хмыкнула Альтера.

Надежда Петровна хихикнула, прикрывшись ладошкой.

— Ефрейтор вчера притащил. Он у меня романтичный!

Сам романтичный Ефрейтор лохматой, бесформенной тушей лежал на продавленном низком диване и тихо храпел, источая кислую вонь. Валерия покачала головой и уже повернулась, но заметила в ближнем от двери углу большую кучу тряпья. Она посветила фонариком. Блеснули металлические круглые пуговицы на темном коротком пальто. Альтера подошла, брезгливо поддела ворох носком сапога: кроме пальто на полу были свалены добротная теплая куртка, две пары немного испачканных джинсов, свитер, новый пиджак, две рубашки, белье, ботинки и высокие сапоги на шнуровке.

— Это откуда такое?

Глазки Петровны тревожно забегали.

— Это вещи. На распределение. Поделить еще не успела.

— Не юли, — строго сказала Альтера. — Уж точно не на помойке наши, я же вижу. Приходил кто?

— Вчера ночью, — заторопилась с рассказом Петровна. — Два мужика, одеты прилично, но оба пьяные в дым. Забрались через заднюю дверь, и по лестнице вверх. А мы же на ночь железные листы возле входов кладем завсегда, вот и услышали, как загремело. Баклан на дежурстве был,

поднял мужика моего. Что было делать? Ефрейтор с Бакланом их и уговорили. Одежда вон какая хорошая, а еще денег немного, кольцо золотое, два телефона дорогих, да и сами: один, правда, тощий, так, для бульона, зато другой почитай, что под центнер весом. Он Баклану успел голову расшибить, пришлось спать отправить, чтоб оклемался, а Ефрейтор один их всю ночь...того...а потом еще день не спал, вот и притомился маленько.

Альтера покачала головой.

— Ты с этим поосторожней, Петровна. И телефоны тех мужиков не вздумай включать — их искать будут.

— Ой, да мы продали их уже! А искать — так пусть ищут себе на здоровье, уже не найдут, Ефрейтор же не даром ночь не спал, тесаком махал до пота, а днем пошел телефоны сдавать, пока бабы наши плов варили. Мы ж порядок знаем, госпожа Альтера, ученые: кто днем сюда придет, привечаем, проводим, покажем все, ну а ночью...

Надежда Петровна развела руками. Альтера посмотрела на большую кастрюлю с ложкой, поморщилась и вышла из комнаты.

— Ладно, Петровна. Ребенок где?

В дальнем конце коридора, у лунного камня окна, напротив узкой лестницы вниз, была еще одна дверь. Надежда Петровна завозилась с ключом. За дверью открылась каморка без окон; фонари рассеяли тьму, освещая сваленный хлам. Посредине неровно стояла детская коляска с погнутыми рамами, в ней смутно белел запелёнатый сверток.

— Я ему пеленки сменила, — зашептала Надежда Петровна, — и молочной смеси дала, час назад, чтобы уснул, все, как Вы говорили. Тихий малец, хороший. Не то, что прошлый раз был, натерпелись.

Альтера молча смотрела. Ребенок спал, как спят только дети, тем сном, который недоступен взрослым и сами воспоминания о котором улетучиваются под грузом забот и тягот прожитых лет. Валерия не спала спокойно уже больше тридцати лет, и точно знала, что не будет так спать никогда. Она одно время оставляла младенцев на два-три дня у себя, но потом не выдержала. Были вещи, которые даже после тридцати с лишним лет превышали то, что она могла вынести.

— Хорошо, — сказала Альтера и закрыла дверь кладовой.

Если на втором этаже темноту чуть рассеивал свет ночных улиц, то на первом тьма походила на океанские воды, на километровые глубины которых никогда не проникнет луч света. Окна здесь были заколочены наглухо, а коридоры завалены сломанной мебелью, брошенной при переезде или снесенной бродягами вниз за ненадобностью. Никто не

пробрался бы через эти громоздкие баррикады не только во мраке, но и при свете белого дня; но сегодня путь был загодя расчищен, завалы разобраны и в сторону входа в подземные ярусы Виллы вела узкая тропка между угрожающе накренившихся, прижавшихся к стенам столов, стульев, носилок и коек.

Теперь ключи достала Альтера. Надежда Петровна послушно ждала позади, поправляя съезжавшую с плеча сумку.

В подвале их встретило дрожащее марево огненного полумрака. Толстые низкие свечи пылали вдоль серых некрашенных стен, на которых дрожали резкие дикие тени. Альтера, чуть пригибаясь, пошла по подвальному коридору. Из-за приоткрытых дверей и решеток несло плесенью и сгнившей водой. Надежда Петровна, пыхтя, ковыляла следом. Они свернули за угол и встали у большой железной двери из двух створок, похожей на крепостные ворота. Коридор уходил дальше, сужался, делался ниже, пока, потерявшись во тьме, не упирался в устье широкой дренажной трубы.

Дверь отворилась с натужным, простуженным скрипом. Они ступили в квадратный приземистый зал. Альтера думала, что когда-то здесь была прачечная, но стиральные агрегаты прошедших времен давно и бесследно исчезли, только отверстия ржавых труб высовывались из пола и стен, а у дальнего края виднелась прямоугольная яма глубиной в человеческий рост, похожая на пересохший бассейн.

Альтера огляделась. Отряженные сюда своей комендантшей Люська, Варвара и Яна потрудились исправно. Стены подвала были тщательно задрапированы черным и красным, а потертые полотнища для затемнения окон в лекционных залах и тяжелые, плюшевые занавесы из какого-то умершего от старости театра тщательно вычищены от пыли и пятен. Пол в центре зала покрывали ковры, с местами вытертым, но еще толстым и теплым ворсом; выцветшие узоры сплетались в странные мандалы. Вдоль стен, отодвинутые от драпировки, на сером неровном цементе горели во множестве длинные, толстые свечи, словно причудливой формы грибы с острым злым пламенем вместо шляпки. По левую руку стоял накрытый черным тюлем низкий, широкий алтарь. Правее и дальше него в раскаленной оцинкованной бочке негромко гудел огонь, и багровые отсветы трепетали на потрескавшемся потолке, как потусторонние лампы; рядом аккуратно лежали запасные торфяные брикеты, а на толстую решетку над пылающим кратером бочки был водружен большой эмалированный бак, похожий на те, в которых когда-то хозяйки по выходным кипятили белье. Бак накрывала железная крышка, на ней

предусмотрительно положили прихватку — толстую рукавицу с обгоревшими дырами, из которых лез лохматый ватин. Наверху, в потолке, чернела неровным квадратом дыра вытяжной вентиляции. Торфяной дым послушно втягивался в нее серой струйкой. На ковре полукругом, развернутым к алтарю, лежало восемь подушек в одинаковых красных чехлах. Альтера прошла по ковру, подняла одну из подушек и отбросила в угол; потом взялась за теплую рукавицу, приоткрыла крышку котла: вода пузырилась, пар вырвался вверх густым облаком и разметался, разорванный горячим маревом горящих свечей. Надежда Петровна, волнуясь, топталась у двери; три женщины копошились за алтарем, поправляя провисшую черную ткань, скрывавшую еще одну дверь, из которой, когда пробьет час, появится госпожа Прима. Они увидели вошедших, вскочили, построились в ряд и испуганно поклонились. Альтера еще раз осмотрела зал и кивнула:

— Хорошо. Можете идти.

За спиной выдохнула Надежда Петровна. Хмурая Варвара нагнула короткостриженую голову и вышла, засунув татуированные, мозолистые кисти рук в карманы широких рабочих штанов; неопределенного возраста, немытая, засаленная Люська моргнула выпученными, скошенными к носу глазами, опять поклонилась и поспешила следом. Молоденькая придурковатая Яна, нацепившая поверх грязного платья белый заштопанный фартук, хихикнула, непочтительно подмигнула Валерии и выбежала в раскрытые двери, пританцовывая и бормоча. Надежда Петровна проводила ее неодобрительным взглядом.

— Дурная она, — произнесла Петровна извиняющимся тоном. — Вы не сердчайте, знаете ведь...

— Знаю, — ответила Альтера.

Она подумала, что Яне по прозвищу Польша, белобрысой, хорошенькой и фигуристой воспитаннице интерната для умственно отсталых детей, Терция могла бы найти иное применение, нежели гнить в заброшенном, отсыревшем и темном здании бывшей больницы, но знала, что это невозможно: никто из обитателей Виллы, посвященных в ее мрачные тайны, не мог покинуть это место иначе, как через смерть. Таково было условие договора. Точнее, одно из условий.

Четыре года назад гордая собой Прима собрала их — Альтеру, Терцию, Керу — и сообщила, что получила от Бабушки очередное свое откровенье. У них теперь будет постоянное место для ассамблей, и не нужно бродить по подвалам умерших заводов, руинам домов в центре города и пустующим деревьям, где однажды пришлось отбиваться от стаи бродячих собак.

Альтера подумала было, что подруга все же решила проводить шабаши в крипте, над могилой старухи, но нет. В крипту Прима не допускала: это было ее святилище, о котором знали только она сама и Альтера, хранившая, в знак особого расположения, запасные ключи от подвальных дверей. Речь в откровении шла о Вилле Боргезе. Они пришли сюда ночью, вчетвером, но дом уже не был пустым: здесь жило с десятков бродяг под предводительством тогдашнего коменданта Бабана, хмурого, бородатого мужика, по слухам, когда-то солдата, в свое время повидавшего виды. Переговоры были короткими: обитатели Виллы признали власть ковена, осознав свои выгоды и последствия несогласия. Условия заключенного договора соблюдались неукоснительно: бродяги поддерживали на Вилле порядок, охраняли подвал от чужих, помогали, служили, чем были способны, выполняя разные поручения, а ковен помогал им деньгами и гарантировал неприкосновенность жилища. Через год Бабан умер, перерезав себе глотку осколком стекла, и его место заняла Надежда Петровна, сколотившая здесь свой маленький, жуткий конклав.

— Ты тоже ступай, — велела Альтера. — Скоро остальные приедут, проводишь. Потом жди у кладовки, когда я поднимусь за ребенком.

Надежда Петровна не уходила; поставила сумку и мялась в дверях с ноги на ногу.

— Тут такое дело, госпожа Альтера...хотела, в общем, спросить...

— Чего тебе?

— Да вот, узнать...можно ли еще денежек нам немного? Потрапились в этом месяце, да Михалыч тут со своими язвами, лекарства нужны, мази, антибиотики...

Альтера вздохнула.

— Ох и жадная ты, Петровна. Вы же телефоны продали вчера, дорогие, сама говорила, разве нет? Это не считая денег, которые у тех мужиков забрали. Мясом, опять-таки, запаслись. Да и месяца еще не прошло, как мы тебе выдавали, забыла?

Надежда Петровна стояла, потупивши взор. Ни дать, ни взять, менеджер, попросивший у начальника прибавки к зарплате.

— Ладно, — сказала Альтера. — Я поговорю с госпожой Примой, может быть, получится сегодня или завтра.

Комендантша рассиялась в чернозубой улыбке. Валерия смотрела на нее и думала, понимает ли та, что постепенно теряет человеческий облик. Год, много — два, и будет бродить тут по коридорам, присоединившись к лишенным рассудка «пенсионерам», подьедающим кости и требуху с каннибальских пиршеств бродяг.

— Ой, как хорошо бы, как хорошо бы, — заговорила Надежда Петровна, трясая омерзительным хвостиком грязных волос на макушке. — А вот еще, госпожа Альтера, не сочтите за наглость...я уж спрашивала...да все как-то...

Альтера нахмурилась.

— Я вот все про то же... — продолжала заикаться Петровна. — Ну, можно мне как-нибудь к вам...присоединиться, в общем...

— Вон пошла! — рявкнула Альтера. — Надоела уже!

Надежду Петровну будто унесло сильным ветром. Только юбка мелькнула да лязгнула, закрываясь, створка железной двери.

Валерия осталась одна. Взяла сумку, неспеша прошла в дальний угол подвала, где вдоль стен у самого края каменной ямы стояли грубо сколоченные табуреты и висели на стенке крючки. Принялась раздеваться: пальто на крючок, кофточку, юбку, колготки сложила на табурет, рядом поставила сапоги. Шершавый пол неприятно холодил босые ноги. Валерия расстегнула бюстгальтер, освободив большие, немного отвисшие груди, стянула трусы и поежилась: несмотря на огонь в раскалённом бочонке, в подвале все еще было не жарко. Она расстегнула сумку и вынула черный длинный плащ с капюшоном, пошитый из плотного гладкого шелка. Накинула на обнаженное тело, затянула под грудью, заметив, что ее уже не печалят новые толстые складки на животе и располневшие бедра. Потом достала маску — «баута» в черно-белую клетку, прикрывающую лицо до верхней губы. Вздохнула. Сейчас надеть или позже? Маски — еще одна идея от Примы, такая же, как имена. Интересно, это тоже Бабушка ей подсказала, или додумалась сама? Валерии в свое время это показалось нелепым: никаких настоящих имен новичкам, только клички; на ассамблеях все обязательно в масках; никаких телефонов и тем более, адресов — каждая новая ведьма знала только свою патронессу, которая привозила своих подопечных на Виллу, предварительно завязав глаза. Глупости, думала Валерия. Так же она думала, когда лет двадцать назад Виктория вдруг сделала себе второй паспорт на фамилию «Камская», причем сохранила и первый свой, настоящий документ, словно создав вместо себя одной двух разных женщин: одна прозябала в неизвестности, а другая вела активную профессиональную и общественную жизнь — тоже своего рода социальная маска, которую можно было при необходимости сбросить и скрыться, оставшись неузнанной. Она тогда и Валерии предлагала так поступить, но та отмахнулась. Что может им угрожать? Кто бы мог подумать до недавнего времени, что такие предосторожности, наследие старых невежественных времен, могут понадобиться

современным ведьмам, живущим в просвещенном двадцать первом веке, по всем признакам безраздельно принадлежащем им? Но теперь Валерия признавала, что подруга оказалась права. У несчастных Лилит и Шанель не было никакой возможности выдать сестер или адрес места их регулярных собраний. Но вот старая Стефания это сделать могла: уважения ради для нее сделали исключение, и она знала и имена старших ведьм, и род их занятий и, разумеется, адрес Виллы. Впрочем, старая ведьма не подвела. А смогла бы Валерия выдержать то, что пришлось испытать той перед смертью? Раздробленные в крошево пальцы и стопы, переломанные колени...

Грохнула дверь. В зал вошла Кера-Диана; кивнула Альтере и осторожно ввела за руку Лиссу. Та мотнула хвостом гладких черных волос и стащила повязку. Прищурилась от неяркого света. Валерия улыбнулась.

— Здравствуй, Карина.

Пока обойдется без кличек. Карина — ее протеже.

Лисса-Карина кивнула, но без улыбки. Она никогда не улыбалась. Просто подошла быстрым шагом, бросила рядом свою сумку и крепко обняла Валерию. В груди у той потеплело. Валерия зарылась носом в черные, пахнущие мылом и больницей волосы, а Карина уткнулась ей в шею, и она ощутила теплое дыхание, коснувшееся души через кожу.

— Терция скоро приедет с остальными, — прозвучал голос Керы. — Я их обогнала на проспекте.

Карина разомкнула объятия, взяла сумку, молча отошла и стала раздеваться. Диана стояла рядом и смотрела на нее и Валерию, усмехаясь одними глазами.

— Да, — сказала Альтера. — Спасибо, что предупредила.

Она задвигалась привычно и споро, ступая босыми ногами по мягкому ворсу ковров: четыре большие бутылки без этикеток с особым вином поставила на пол у алтаря, рядом сложила пластиковые стаканы. Разместила на алтаре большую черную чашу, длинный нож с тонким лезвием, и ради особого случая — сегодня прием в ковен новой сестры, как сказала ей Прима — в большой простой банке грязную воду, которой омыли мертворожденного младенца, соль и кусочки серы в пробирке. Как раз успела все разложить, когда заскрипела, а потом широко распахнулась, железная дверь: с гомоном, смехом и шумом вошли остальные. Рыжая Терция возглавляла процессию, прочие, с завязанными глазами, хихикая, держась друг за друга руками, ввалились следом. За спинами мелькнула красная физиономия Надежды Петровны, растянутая в угодливой гримасе; она поймала взгляд Альтеры и мгновенно исчезла. Вошедшие, смеясь,

срывали повязки из-под уже натянутых на лица масок — волосы растрепались, черные ленты неловко повисли на шеях, маски съехали набок.

— Альтера, привет!

— Здравствуйте, госпожа Альтера!

— Доброй ночи, Альтера!

Она покивала, махнула рукой. Ведомые Терцией, все дружно отправились переодеваться. Альтера, покачив головой, усмехнулась: точь-в-точь душевая спортклуба или банный день в женском общежитии. Обнаженные тела бархатились в теплом, трепещущем свете. Длинные ноги, крепкая задница, мышцы, легкими волнами плавно перекатывающиеся под смуглой кожей, расписанной татуировками — Кера; рядом с ней Лисса, как статуэтка из белого алебаstra, только темные точки сосков на аккуратной груди и черный треугольник густых волос на лобке; худая, без задницы и груди, зато вся в веснушках, голенастая Терция — натянула маску гротескного арлекина, и рыжие кудри торчат по двум сторонам, как мотки ржавой проволоки; полноватая, с большой крепкой грудью и татуировкой на голени, молоденькая Белладонна; Проксима, домохозяйка, ровесница старших ведьм ковена, выглядит пародией Терции — не хватает холености, внутренней силы и денег на хорошего фитнес-тренера; ее дочка, Инфанта, еще школьница, выпускница, возвышается над всеми, кроме разве что Керы, и осветленные, клочьями стриженные волосы торчат над пестрой кошачьей личиной. Рядом с Инфантой торопливо раздевается новенькая, ее одноклассница: невысокая, полная девочка с короткими толстыми ножками, низко посаженной задницей, измазанными синим лаком обгрызенными ногтями, фиолетовой помадой и волосами, покрашенными в дешевый черный цвет. На плече красовался недобитый рисунок с каким-то цветочно-могильным узором. Девочка суетилась, громко смеялась, что-то болтала и постоянно поправляла слезающую маску — разукрашенный череп. Видимо, о том, что маска должна оставлять открытыми губы, ее предупредили в последний момент, и нижняя часть была срезана второпях, так что тонкий пластик топорщился заусенцами.

Альтера недовольно поджала губы. Ей, конечно, все равно, отвечает за новенькую тот, кто привел, но все же не зря она в свое время привлекла гадалку Стефанию к нелегкому делу пополнения рядов ковена. Обычно к кандидатке присматривались, проверяли решимость, а не тащили на шабаш лишь только на том основании, что она бранит Церковь, сочувствует феминисткам или питает склонность к готическому макияжу. А тут... Альтера взглянула еще раз на подругу Инфанта и ощутила укол

беспокойства. Ладно, посмотрим. Может быть, обойдется.

Без пяти минут полночь все сидели полукругом на низких подушках перед алтарем. Разговоры смолкли. В тишине слышно было, как гудит пламя в бочке, клокочет вода и трещат коптящие свечи. Время остановилось, словно тоже чего-то ждало. В дрожащем воздухе маячили маски: рыжий клоун напротив Альтеры, дальше по кругу — черная бархатная «моретта» на Кере, розовый поросенок у Белладонны, «волдо» с обрезанным подбородком на Проксимае, нелепый раскрашенный череп, кошка Инфанты, простая широкая полумаска у Лиссы; Альтера обвела всех взглядом и опять посмотрела на новенькую, сидящую между Проксимой и Инфантой. Нет, череп, конечно, как череп, но в нем было что-то от ряженых на Хэллоуин.

«Интересно, она понимает, куда пришла?»

Резко потянуло холодным, сквозняк пробежал по подвалу, заставив пламя свечей возбужденно затрепетать; черные портьеры за алтарем разошлись и в зал вошла Прима, облаченная в плащ цвета высохшей крови. Маска из червленого серебра тускло сверкнула в сумрачном свете, длинные изогнутые рога возвышались над ней, как корона. Все разом вскочили.

— Приветствуем тебя, Княгиня Ковена, Хозяйка Есбата, Повелительница Шабаша, Госпожа Прима!

Разноголосица компенсировалась энтузиазмом. Прима милостиво улыбнулась и раскинула руки в широком объятии:

— И я вас приветствую, мои верные сестры! Садитесь.

Все с шорохом опустились обратно. Прима осталась стоять, молитвенно сложив руки. Холодными звездами заблестели кольца и перстни.

— Дорогие подруги! Рада сообщить вам прекрасную весть! Два дня назад нами — мной и старшими сестрами — был найден и уничтожен тот, кто лишил нас трех дорогих сестер! Жалкое ничтожество, никчемное существо, случайно погубившее дорогую Лилит, ее патронессу Стефанию и бедную Шанель! Прodelать ему это удалось только благодаря роковому стечению обстоятельств, однако, как я всегда говорила, нам даны силы куда более могущественные, чем любые из тех, что смеют покушаться на наш священный союз! В результате мерзавец был задержан полицией, а мы совершили отмщение, заставив его подыхать в тюремной камере, корчась от боли, истекая кровью и собственными нечистотами! Такова наша сила, такова сила нашей Бабушки и нашего Господина!

Из-под масок одобрительно забормотали. Прима продолжила:

— Чему нас это учит?

Все молчали, зная, что ответа не требуется. Новенькая девочка дернулась было, как на уроке, но ее осадила Инфанта.

— Это учит нас быть сильными в убеждениях и стойкими в нашей вере, живя в осознании, что когда с нами Господин, никто не может встать против нас! Слава Сатане! *Нима!*

— Нима! — отозвались восемь голосов.

— А разве нужно не *Ave Satan* говорить?

Новенькая задала вопрос сидящей рядом Инфанте почти шепотом, но в наступившей тиши слова прозвучали отчетливо. Раздался шлепок, кто-то ойкнул. Прима недовольно скосила глаза, но продолжила:

— А теперь — начнем!

Язычки пламени снова заколыхались, но уже не от сквозняка; где-то очень глубоко под землей ухнул тяжелый удар, едва заметно, но ощутимо, передавая вибрацию стенам и полу, словно кто-то коротко спел на такой низкой ноте, что ее невозможно было услышать, а только почувствовать.

Альтера знала, что это первый предвестник того, что будет твориться тут через пару часов. Легкий бриз перед сокрушительным ураганом.

— Сестра Терция, — провозгласила Прима. — Яви предмет своей силы и скажи, что сделала ты во славу Господина за время, прошедшее с последней ассамблеи?

Терция подняла руку и раскрыла ладонь: на ней засияла большая голубая бусина.

— У меня есть две новые девочки двенадцати лет. Одна из них точно была крещена именем Назарянина. Теперь они обе станут служить Господину, даже не зная об этом. Нима!

— Нима! — прогудели все хором.

«Надо же, какой бескорыстный подвиг, — подумала Валерия. — Две девочки, у которых еще месячные не начались, теперь станут служить тому, чтобы Жанна поскорее пересела с «Инфинити» на «Кайен».

Кера вынула из-под плаща и показала толстый пучок стянутых красной ниткой коротких веток.

— Я убила человека, — просто сказала она. — Его душа теперь у Господина. Нима!

«Не ново, — отметила Валерия. — Интересно, сама закопала где-нибудь или местных послала, чтобы забрали и съели?»

Белладонна подняла высоко вверх большие портновские ножницы и пощелкала ими для убедительности.

— У меня три новых постоянных клиента, — сообщила Белладонна, — и все женаты. Один уже развелся на прошлой неделе. Брак,

кстати, был венчанный в Церкви Назарянина. Нима!

«И так бы развелись, без твоего участия. С того момента, как муж переступил впервые порог борделя, так называемый брак был обречен. Одиночество — одно из проклятий, передающихся половым путем».

Инфанта показала карту — «джокера» и несколько смущаясь сказала:

— Я хотела, чтобы одна девочка покончила с собой, и у меня почти получилось, ну, то есть она таблеток наелась, а потом испугалась и вызвала сама себе «скорую помощь», но я буду и дальше пытаться...

— Я тоже помогу обязательно, она правда очень старалась, я знаю... — затараторила Проксима, трясая головой.

— Сестра Проксима, у нас каждый говорит только за себя, — мягко, но строго остановила ее Прима. — Пусть Инфанта лучше старается раскрыть в себе силы. Я верю, что у нее все получится. Нима!

Валерия поморщилась под маской. Проксима была матерью-одиночкой, злобной, завистливой, жадной. Стригла и красила на дому своих многочисленных друзей и знакомых — те с удовольствием ходили к словоохотливой и всегда готовой дать совет парикмахерше, не зная, что она, используя срезанные волосы, с помощью довольно топорных приемов отравляет им жизнь. Чем больше неурядиц случалось потом у клиентов, чем шире становились трещины, раздирающие их семьи, дела и здоровье, тем чаще они приходили, чтобы не столько постричься, сколько пожаловаться на судьбу. На шабаш Проксима попала через покойную Стефанию: явилась к ней с просьбой навести порчу на одну из соседок, которой ей никак не удавалось испоганить существование. Проксима и в колене завидовала всем подряд, особенно Альтере и Терции, а еще боялась Керу, заискивала перед Примой и больше всего на свете хотела, чтобы ее тоже звали «госпожа». Сейчас она помахала железным ключом и принялась зачитывать такой длинный перечень мелких пакостей, что Валерия чуть не зевнула, а Прима не выдержала:

— Достаточно, сестра Проксима. Мы видим, что ты изрядно потрудилась. Нима! Сестра Лисса, а что у тебя за успехи?

Карина показала огарок черной свечи и произнесла монотонно, будто заученный текст:

— Благодаря данной мне силе и силам присутствующих сестер, я ночь за ночью заставляю страдать одного человека. Я не оставлю это занятие до тех пор, пока он не умрет и не отправится напрямиком к Господину. Но я приложу все усилия, чтобы он прожил подольше. Нима!

Прима укоризненно взглянула на Альтеру, потом на Лиссу и пожурила:

— Сестра Лисса, все время одно и то же. Мы ценим то, что ты

делаешь, но этого уже недостаточно. Постарайся развивать свой дар. Нима!

Лисса только кивнула. Этот короткий диалог с небольшими вариациями повторялся в течении года. Вначале Прима злилась и требовала от Альтеры, как от патронессы, повлиять на свою протеже и заставить ее делать что-то еще, кроме как мучить одного и того же сумасшедшего алкоголика, а потом успокоилась. Рано или поздно этот несчастный помрет, и Лиссе ничего не останется, кроме как выбрать другую цель или цели, чтобы слать к ним ночные кошмары. Такие силы, как у них, требуют постоянного применения, и, если их не использовать, могут разорвать своего носителя, как трупные газы рвут кожу прогнившего мертвеца.

— Сестра Альтера, яви предмет своей силы и скажи, что ты сделала для ковена и нашего Господина?

Валерия подняла вверх куколку в белом платье и сказала привычную фразу:

— Плод дел моих вы узрите во время шабаша; жертва моя кровава и дар мой — смерть невинного. Нима!

«И я единственная, кто не заработал на этом и не получил никакого иного удовлетворения», — могла бы добавить она, но, разумеется, промолчала. Как и всегда.

Прима удовлетворенно кивнула.

— Итак, дорогие сестры, мы все славно потрудились! Но радостные новости на этом не заканчиваются! Сегодня мы принимаем к себе новую сестру, и я прошу встать ее и патронессу, которая будет поручителем и наставником!

Инфанта вскочила на ноги, потянув с собой девочку в маске — черепе. Проксима аж заерзала от гордости за дочь. Альтера снова почувствовала укол беспокойства. Ей вдруг захотелось встать, завязать этой дуре глаза и отправить восвояси подобру-поздорову. Но Инфанта крепко держала подругу за руку, да и у той густо обведенные черным глаза горели от нетерпения в прорезях маски. Прима провозгласила:

— Начнем же обряд посвящения!

Даже сквозь толстый ковер Валерия ощутила подошвами стоп, как в разломах тектонических плит, у древних корней мироздания, гудение обрело тяжкий ритм, будто, очнувшись от сна, неведомый дровосек обрушивал, удар за ударом, исполинский железный топор, подрубая те самые корни. Уже не только свечи дрожали, но и вибрировали металлические бока раскаленной цинковой бочки. Терция с Керой быстро прошлись возле стен, задувая каждые две из трех горящих свечей; пламя оставшихся наливалось багровым и черным. Альтера сняла крышку с

кипящего бака. Белладонна и Проксима запели на голоса, долго, протяжно, чуть подвывая на верхних октавах. Сестры построились в круг, и девочка в черепахе — маске вышла на середину.

Вначале все шло, как и надо. Под хлопки, общий хохот и крики она стянула с шеи, видимо, только сегодня для такого дела повязанный шнурок с крестом, бросила на пол и азартно топтала, пока погнутый крестик не исчез в плотной ткани ковра. Сестры запели громче, ритмично забили в ладоши. Прима, в тон голосов, протяжно выкрикивала вопросы, а новенькая отвечала, срываясь на крик.

— Отрекаешься ли ты от христианской веры?

— Отрекаюсь!

— Отрекаешься ли от Христа, его матери Марии, всех его святых и от своего Ангела Хранителя?

— Отрекаюсь!

— Предаешься ли ты Сатане, нашему Господину и Хозяину, всем телом и всей душой?

— Предаюсь!

— Обещаешь ли ты служить Сатане всеми своими силами, привлекать к нему, рассказывать о нем и проповедовать его власть среди прочих людей?

— Обещаю!

«Она думает, что это какой-то перформанс, — внезапно отчетливо поняла Валерия. — Что рассказала девчонке дура Инфанта?». В этот момент Прима кивнула ей головой. Альтера кивнула в ответ, взяла из сумки фонарь и незаметно скользнула за дверь.

Звуки из зала почти не просачивались в коридор, но хтонический низкий стон, доносящийся из-под земли, ощущался и здесь. Толстые свечи вдоль стен полыхали, как факелы. Альтера быстро прошла через подвал и поднялась по лестнице на второй этаж. У двери кладовой, как часовой на посту, застыла Надежда Петровна.

— Пора, — сказала Альтера.

Петровна засуетилась, загремела ключом и вошла в темную кладовую, вертя перед собой фонарем. Перехватила его поудобнее и склонилась над коляской. Альтера услышала, как засопел и завозился младенец.

— Ну-ка, ну-ка, давай, Андрейка, иди сюда, пора тебе... — забормотала комендантша.

Валерия похолодела.

— Как ты его назвала? — услышала она собственный голос.

— Андрейка, — Надежда Петровна ощерилась. — Ну, это я так

просто, пришло на язык...

— Уйди, я сама, — Валерия с силой оттолкнула старуху и дрожащими руками вытащила ребенка из коляски. В отверстии между пеленок зашевелился розовый носик. Младенец завозился и закричал.

Валерия чуть не завывала.

— Так я это, госпожа Альтера...я же так просто...я помочь... — растерянно бормотала Петровна, теребя пуговицу на желтой кофте.

Альтера перехватила младенца на руку, поддерживая согнутым локтем другой, в которой светился фонарь, и молча стала спускаться обратно в подвал.

Когда она вошла, церемония была в самом разгаре. Жаркий сумрак дрожал от завываний и криков и казался скользким и жирным. Темно-красное пламя чадило. От бака с водой валил пар, превращаясь в туман. Изломанные рогатые тени скакали по стенам и потолку. Одна из бутылей с вином уже была раскупорена, на полу белели брошенные стаканы. На Альтеру, пробравшуюся за алтарь и положившую младенца на пол, никто даже не посмотрел. Она вернулась в общий круг, в центре которого подпрыгивала в такт ударам в ладоши и радостно вопила толстая девочка, высоко подняв руки, в одной из которых зажат был стакан с недопитым вином, выплескивающимся при каждом движении. Прима скинула плащ. Между высоких грудей тело блестело от пота, как будто сквозь кожу проступили живые бриллианты, а спереди, на обвивавших бедра ремнях, болтался увесистый деревянный strapon. Ковен выл от восторга. Все обнажились следом за Госпожой, и девочка в центре тоже отшвырнула накидку, оголив белый рыхлый живот и мелкую, некрасивую грудь.

— Поцелуй Сатаны! Поцелуй Сатаны! Поцелуй Сатаны!

Крики звучали унисоном с нарастающим отовсюду гудением; завибрировал воздух. Прима медленно повернулась, выгнула спину, томно опершись на алтарь, и раздвинула ноги. Остальные тут же выстроились в очередь у нее за спиной. Разумеется, первой давать «поцелуй Сатаны» Госпоже Шабаша кинулась Проксима: положила руки на круглые ягодицы и страстно прильнула к анусу, засунув в него язык чуть не целиком. За ней последовала хохочущая Белладонна, потом Терция, Кера, чуть хлопнувшая после поцелуя Княгиню Ковена по крепкой заднице. Альтера поглядывала на новенькую, но та, вдохновленная общим примером, ничуть не смутилась, и старательно запечатлела свой поцелуй на анальном отверстии Хозяйки Есбата.

Современную молодежь вообще мало чем можно смутить.

«Может, и обойдется», — мелькнуло в голове у Альтеры, когда она

привычно клюнула языком задницу старой подруги.

Прима выпрямилась, зашла за алтарь и воздела руки. Она тяжело дышала. Разгоряченные сестры прервали пляску, но видно было, что они готовы сорваться с места в любой миг, как бегуны, остановленные посередине дистанции и ждущие нового выстрела сигнального пистолета. Вздымались полные и тощие груди, блестели от пота бока и дрожащие бедра. Новенькая, степень восторга которой приближалась к истерике, с трудом взяла себя в руки и постоянно теребила маску, вытирая ладошками вспотевшее лицо. Все замолчали, но казалось, что в зале по-прежнему шумно, будто продолжали вокруг завывать и приплясывать тени танцующих ведьм.

— Жертва! — возгласила Прима.

— Жертва! Жертва! Жертва! — откликнулись ей, и весь ковен встал на колени.

Прима в своей величественной наготе прекрасного, зрелого тела, в сверкающей серебром устрашающе женственной маске, во вздымающемся венце заостренных рогов и в самом деле походила сейчас на Иштар. Она положила перед собой маленькую записную книжку в черной обложке, открыла и принялась читать нараспев, то звуча в унисон подземелью, то возвышаясь крещендо. Альтера так и не поняла за все эти годы, что это: перевернутая, извращенная латынь или другой, чужой человеку язык; лишь повторяла в унисон вслед за Примой постоянное «*нима!*», отрицая арамейскую истину. Порядок этих, центральных молений шабаша, был ей знаком наизусть, и в нужный момент они с Терцией тихонько подползли на коленях поближе к алтарю. Рука Примы легла на рукоять ножа. Терция, не вставая с колен, взяла обеими руками чашу, а Альтера на коленях заползла за алтарь и распеленала младенца. Ребенок открыл глазки, поморщился и заплакал.

Звуки живого голоса резанули по душному мраку.

Прима продолжала читать. Альтера подхватила на руки все сильнее голосящего младенца, согнувшего ручки и ножки и сморщившегося в недовольной гримаске, и встала за правым плечом Хозяйки Есбата. Чтобы не смотреть на детское личико — уже покрасневшее от плача, уже намокшее слезами — она взглянула перед собой и поняла, что худшие ее предчувствия начинают сбываться.

Перед Валерией были восемь пар глаз: жадных, нетерпеливых, равнодушных, бесстрастных, холодных, но только одни из них были испуганными. Да какое там — эти глаза постепенно наполнял ужас. И принадлежали они, разумеется, толстой девочке в нелепой маске — черепе.

Прима протянула руку. Альтера подала ей младенца; та ловко схватила его за ногу и подняла над подставленной Терцией чашей, напевая слова заклинаний. Альтера шагнула в сторону, с тревогой глядя на девочку, которая уже начинала трястись: живот вздрагивал и втягивался, грудки дрожали, как будто внутри у нее что-то начало kloкотать. Ребенок уже не плакал, а истошно, надрывно орал, заглушая протяжные звуки темной молитвы.

Прима перехватила поудобнее нож и занесла его для удара.

— Нет!

Крик был тонким, как писк перепуганной мыши. Все замерли. Нож остановил движение в сантиметре от горла ребенка.

— Нет! Пожалуйста...

Голая девочка в маске стояла в кругу коленапреклоненных обнаженных женщин и жалобно смотрела на Приму. «Вот и все», — подумала Альтера.

— Что значит «нет»? — резко спросила Прима.

По залу пронесся разочарованный вздох. Кто-то отвернулся. Инфанта закрыла руками свою кошачью личину.

— Нет, не надо, пожалуйста, — заныла девочка, и Альтера увидела, как из-под глазниц черепа показались две грязные дорожки слез, размывших черную тушь.

— Можно узнать, почему? — вежливо осведомилась Прима и поморщилась — младенец вопил нестерпимо.

— Я не думала, что так надо... что вот это... будет так... — девочка уже и сама была готова расплакаться не хуже ребенка.

— Она передумает, госпожа Прима, она растерялась, сейчас все пройдет! — заговорила Проксима, вскочив и пытаясь обнять дрожащую девочку за плечи. — Правда, ты ведь просто растерялась, верно?

Та вывернулась из объятий.

— Нет! — крикнула девочка. — Я не хочу, не хочу... чтобы так!

Младенец задержался и, не переставая кричать, вдруг выпустил длинную струйку мочи прямо Приме на грудь. Моча потекла по торчащим соскам.

— Ах, да чтоб тебя! — в сердцах вскричала Прима и с досадой швырнула ребенка на пол. Маленький человечек, как кукла, отлетел в сторону и с глухим стуком ударился о ковер. Крик оборвался на пике, превратившись в хриплые стоны. Прима, не обращая на него никакого внимания, уставилась на несостоявшуюся ведьму.

— А зачем ты сюда пришла, я интересуюсь? Вечерок скоротать?

Девочка наконец разревелась. Стоящие на коленях женщины сели на пятки и ждали.

— Так я спрашиваю, зачем явилась?!

— Я хотела быть...стать...ведьмой! — сквозь слезы донеслось из-под черепа-«маски».

— Ах, вот как! И как ты себе это представляла? Что мы тут соберемся, почитаем стихи про Сатану, а потом пойдем и уроним пару крестов на кладбище или распишем стену церкви ругательствами и пентаграммами, так?

Девочка надсадно всхлипывала.

— Или, может быть, сядем в кружок и будем делиться тем, кто и что вычитал в каком-нибудь «паблике» про «современных ведьмочек», да? — продолжала Прима. — А потом будем картинками обмениваться в Социальной Сети, такими, с мультяшными красотками в остроконечных шляпках? Нет уж, дорогая моя, хочешь быть ведьмой — будь! Ты сегодня приносила клятвы Сатане — это шутки, по-твоему? Развлечение?

— Пожалуйста...можно...можно, я пойду? — проплакала девочка и стянула с себя маску. Под ней оказалось круглое, полноватое личико с маленькими глазками и остатками яркого, «готического» макияжа. — Можно, а? Я никому ничего не скажу, правда, клянусь...

Прима устало махнула рукой.

— Мы никого не держим, — ответила она. — Нельзя заставить идти этим путем против воли. Мне вот просто интересно: ты зачем вообще захотела этого? Была какая-то цель?

— Я...да...я хотела...быть ведьмой, чтобы силы...

— Зачем тебе силы?

— У меня парня нет...я...чтобы нравиться...

— Пошла вон отсюда, — с отвращением сказала Виктория. — Видеть тебя больше не желаю.

Девочка, опустив голову и всхлипывая, поплелась к своей табуретке, на которой лежали вещи, и принялась неловко натягивать трусы. Все молча наблюдали за ней.

— Так иди! — прикрикнула Прима. — Забирай шмотки свои и иди, за дверь оденешься! Кера, проводи ее.

Кера кивнула, легко поднялась и накинула плащ; потом что-то достала из сумки, сунула под одежду и положила руку на плечо зареванной девочке.

— Пойдем.

Та сгребла в охапку сумку, одежду, обувь и поплелась к дверям.

— Спасибо...я правда...я никому...

— Иди, иди! — прикрикнула Прима.

Открылась и закрылась дверь. Девочка и Кера вышли. Стало тихо. Флегматично горели свечи, негромко, по-будничному кипела вода в котле. На ковре, собравшись кружком, сидело несколько голых женщин, в большей части не очень молодых и не слишком красивых. В углу на ковре задыхался младенец.

— Альтера, посмотри, что там с ним. Еще помрет раньше времени.

Валерия посмотрела. Одна ножка у ребенка была вывернута из сустава, и, хотя он чудом не расшиб себе голову при падении, шейные позвонки явно были повреждены: младенец натужно хрипел, а сморщенное личико начало багроветь.

— Лучше поторопиться, — сказала Альтера.

— Вот дура, — в сердцах произнесла Прима. — Весь праздник испортила. А ты чем думала? На кой ляд ты ее притащила? — напустилась она на Инфанту.

— Простите, госпожа Прима, — тоненьким голосом проняла Инфанта. — Мне казалась, она готова...

— А я говорила ей, госпожа Прима, говорила, — громко вступила Проксима. — Что не надо торопиться, нужно присмотреться как следует, а она ни в какую, госпожа Прима! Уж Вы не беспокойтесь, она у меня получит!

— Заткнитесь вы обе, — раздраженно сказала Прима. — Надоели. Ну, где там Кера, долго ждать ее?

Валерия подумала, что ждать придется недолго. К сожалению, такое уже раньше случалось, хотя и нечасто. Диана выведет девчонку на первый этаж и быстро, бесшумно заколет. Потом даст сигнал Надежде Петровне, и у бродяг появится еще немного одежды, мобильник, и даже нелепая маска. А еще примерно пятьдесят кило мяса: они его частью засолят, а частью съедят сразу же, этим вечером, приготовив обычный свой плов. Кости и череп отправятся обратно в подвал, туда, где у дренажной трубы скопилось уже несколько десятков подобных останков. Потом, через день или два, фотографии девочки появятся на столбах с заголовком «ПРОПАЛА!»; инициативная группа озабоченных граждан из числа друзей и знакомых создаст группу в Социальной сети по поиску, где под лучшими ее фотографиями праздные умники будут оставлять комментарии с догадками и версиями о причинах исчезновения.

Но правды не узнает никто и никогда.

Кера вернулась, когда младенец еще дышал. Кивнула Приме, убрала боевой нож обратно в сумку и молча заняла свое место на ковре рядом с

остальными.

— Так, ладно, — Прима хлопнула в ладоши. — Мы не позволим испортить себе веселье. Сестра Терция, ну-ка, налей еще всем по стаканчику и продолжим.

Альтера выпила полный. Эйфоретик, который она всегда добавляла в вино с ведома Примы, подействует только через четверть часа, но выпила полный стакан просто потому, что хотела. А потом подала еще живого и слабо трепыхающегося младенца Приме.

Подземный голос вернулся мгновенно, как только Хозяйка Шабаша провела последние ноты. Снова качнулись, налившись багровым, огни возле стен. Пар повалил сильнее, чем прежде, густой и тяжелый. Прима взвизгнула и одним точным ударом взрезала тонкую жилку на младенческой шее. Кровь упругой струей ударила в черную чашу.

Каждому хватило по паре глотков, и когда, охрипшие от вязкой, солоноватой влаги, голоса забормотали благодарственные молитвы, Прима швырнула мертвое тельце ребенка в кипящую воду котла.

Альтера почувствовала, как дрогнули стены от мощного, гулко-го ритма, как будто забило огромное черное сердце. Хриплые голоса ведьм постепенно окрепли, и снова, сойдясь в унисон, запели, заголосили на языке, им не знакомом, слова которого шли как будто бы изнутри, а может, снаружи, извне, из глубин, еще более темных, чем та, что была внутри распевających дикие гимны. Ведьмы скакали и извивались, двигаясь друг за другом по кругу, перемежая слова песнопений выкриками «Tempus nostrum!»^[26]. Терция открыла и опустошила бутылки. Стаканы наполнились и опустели, и снова наполнились, тела сплелись в танце с тенями, жарой, огнями, дымом и паром. Альтера, почувствовав, как мир закружился вокруг, и бросилась к Лиссе: она знала, что никто не коснется ее подопечной, но все равно торопилась. Она прижала Карину к себе в почти материнских объятиях, и они упали в углу, сливаясь друг с другом, как будто бы защищая от того, что творилось вокруг. Зал вращался огненным бубном, по которому колотили обезумевшие шаманы. Альтера закрыла глаза. Откуда-то издалека доносились отчаянные крики Инфанты: раздосадованная Прима яростно трахала ее в задницу деревянным straponом. Стонала, извиваясь под Керой, обвивая ее кольцом ног, Белладонна. Терция утробно рычала, усевшись и ерзая по физиономии Проксимы. Крики и стоны множились и дробились, и стало казаться, что подвал забит до отказа иными гостями, зашедшими на огонек под кипящим котлом. Альтера обнимала Карину все крепче, чувствуя, как бешено крутящееся небытие накрывает сознание пологом тьмы...

Проснулась она от легкого прикосновения. Кто-то осторожно тряс ее за плечо. Валерия открыла глаза. Рядом с ней присела на корточки Кера. Она была уже одета; в подвале было темно, догорали трещащие свечи; воздух, пропитанный дымом и потом, было трудно вдохнуть.

— Лера, — прошептала Диана. — Давай, просыпайся. Восемь утра уже.

Валерия пошевелилась, осторожно вынимая затекшие руки из-под тела спящей Карины. Села, стараясь побороть головокружение и не завалиться опять на ковер.

— У тебя поварешка? — спросила Диана. — Я хочу мази набрать.

Валерия встала, доковыляла до сумки, по пути перешагивая через лежащие тут и там голые тела. Достала и подала Диане половник.

— Спасибо, — сказала та. — А то мне уже ехать надо.

Торфяные брикеты давно прогорели; от бочки шел жар. За семь часов младенец почти разварился: в тошнотворной, густеющей жиже различался только округлый комок головы, остальное стало бульоном. Диана, держа в одетой на руку прихватке стеклянную банку, зачерпнула жидкость из бака и аккуратно наполнила до краев. Осторожно защелкнула крышку.

— Все, я пойду. Ты разбуди остальных.

Валерия вяло кивнула.

Понемногу все просыпались: заныла Инфанта, согнувшись, прижимая ладошки к истерзанной заднице; рядом с ней сердито запричитала Проксима. Зашевелились в темноте остальные. Все, кроме Примы: Княгиня Ковена, Хозяйка Есбата, Госпожа Шабаша приходила последней и удалялась первой, до конца исполняя свою царственную роль. Зал наполнили утренние голоса: кто-то сетовал на головную боль, кто-то засмеялся негромко, кто-то договаривался о том, кого и как повезет обратно домой. По очереди подходили к котлу с банками: теплую жижку потом охладят и сделают мазь. Остальному найдут применение люди Надежды Петровны.

Терция увезла Проксиму, Лиссу, Инфанту и Белладонну. Валерия уходила последней. В коридорах старой больницы, наполненных полусветом хмурого утра, не было ни души. Даже Надежда Петровна не вышла: наверное, пряталась где-то, боясь вызвать неудовольствие госпожи Альтеры.

За ночь похолодало. Валерия вышла на проспект, поежилась и оглянулась на Виллу; та ответила равнодушным взглядом, как шлюха, получившая, что причитается, и тут же потерявшая интерес. По проспекту сквозь стылую морось пролетали машины. Редкие утренние пешеходы шли

раздраженно и торопливо, вжимая головы в плечи.

«У них сегодня Великая Суббота», — подумала Валерия и посмотрела наверх. Низкое небо окутало мир, как погребальная плащаница. Вниз летел мокрый снег пополам с ледяными слезами, будто рыдал человек, не верящий в чудеса.

Не воскресай, Господи. Не надо. Тебя снова распнут.

Глава 24

Каждую ночь, стоило только уснуть, он оказывался в одном и том же месте. Закрывал глаза в своей тесной комнате без окна, и мгновение спустя открывал их в удушливой пыльной тьме кошмарного старого дома, среди коридоров, что бесконечными лабиринтами уходили в потустороннее запределье. Из непроницаемого мрака к нему выходили чудовищные кадавры, безобразно похожие на людей, и теснились вокруг, являя мистерии и тайны столь отвратительные, что тонкая ткань памяти не выдерживала и рвалась, милосердно оберегая сознания от пропасти совершенного хаоса и безумия, и когда под утро его наконец отпускали, и он просыпался обессиленный, изможденный, в простынях, пропитанных холодным потом, то не мог вспомнить ничего, кроме чувства неизбежного ужаса. А следующей ночью, изнуренный страхом перед неизбежным, он снова впадал в тяжелое забытие, и все начиналось сначала.

Вилла Боргезе увидела его и запомнила.

Каин пытался не спать по ночам. Но когда тягучая, отупляющая, похожая на похмелье усталость валила его с ног ранним утром или среди дня, то, стоило на миг закрыть глаза, он опять открывал их в зловещем, ветшающем здании, только не в коридорах, а в густой темноте подвала или первого этажа, среди завалов покрытой плесенью рухляди. Ни перемена времени сна, ни смена места не спасали его от постоянного возвращения в холодное чрево мертвого дома, полное чуждых свету и жизни inferнальных порождений кошмара. Художник чувствовал, что угасает; через незримую пуповину, связавшую его со старой больницей, уходили силы и желание жить. Наверное, он бы сдался; смирился с тем что однажды, уснув, уже более не вернется к реальности, а навеки останется в сумрачном пыльном аду перепутанных коридоров и лестниц; или ускорил бы развязку, наложив на себя руки: кто знает, может быть, в этом случае ему удалось бы разорвать роковые тенета и освободиться от рабства зловещей безжалостной силе, обитающей в стенах бывшей туберкулезной лечебницы. Но сдаваться было нельзя, ибо в беде оказался не он один.

Каин не просто так оказался у старого дома в ту ночь две недели назад. Конечно, он постоянно выезжал на этюды, и предпочитал именно ночное время, когда характер и внутренняя сущность вещей открывались ему особенно полно. Просто обычно он сам искал натуру для зарисовок, а приехать сюда, к больнице у северной оконечности острова Воронья

Глушь, ему посоветовал друг. Нет, больше, чем друг: коллега-художник.

Ивана Каина даже с большой натяжкой нельзя было назвать человеком общительным. Ни в детстве, ни в юности у него не было ни друзей, ни даже того, кого можно было назвать приятелем или добрым знакомым. Конечно, в жизни Каину так или иначе приходилось контактировать с людьми, и не только с продавцами в магазинах, врачами или представителями власти и социальных служб. Он был признан среди ограниченного круга городских живописцев с довольно специфическими творческими воззрениями, которые порой собирались в его комнате в коммунальной квартире, а порой туда же приходили юные дарования в стремлении приобщиться к уникальным методам создания невероятных и устрашающих в своем реализме картин, воспевающих строгое таинство смерти. Однако Каин никого не подпускал к себе слишком близко, ограничиваясь обсуждением предметов искусства, не без оснований предполагая, что более тесное и личное общение с любым человеком принесет больше неудобства и трудностей, чем выгод и удовольствия.

Но было одно исключение.

С Витей по прозвищу Богомаз Иван Каин познакомился много лет назад в психиатрической клинике, где его очередной раз безуспешно лечили от визионерства, которое медицинская наука квалифицировала как галлюцинаторный бред. Витя оказался в больнице по другой причине: он симулировал сумасшествие с целью переждать в тепле зиму, бывшую в том году на редкость затяжной и морозной. Там они и сошлись: вначале перекинулись несколькими словами за ужином в общей столовой, потом разговорились на другой день в обед, а после при каждом удобном случае пускались в беседы о жизни и смерти, религии или искусстве. Витя был настоящим, природным бродягой, добровольным отщепенцем, самостоятельно выбравшим путь по обочине жизни. Он нигде не задерживался надолго, не имел ни дома, ни денег в поясе, ни сумы, ни двух одежд, зато обладал выдающимися навыками выживания и удивительной жизнерадостностью человека, не обремененного мирскими заботами. Витя путешествовал из города в город, ведомый только ему слышным таинственным зовом, сродни тому, что знаком, вероятно, мигрирующим животным и перелетным птицам. При иных обстоятельствах или в другие века он мог бы стать путешественником, открывающим новые страны, первопроходцем, покоряющим неведомые пустыни и дебри, но в наше время стяжательства и отягощения лишним он был просто вполне довольным собой беззаботным бродягой. А еще Витя Богомаз был художником. Правда, в отличие от некрореалиста Каина, живописавшего

смерть, он любил рисовать жизнь; и так же, как Каин видел в смерти проявление трансцендентного и надмирного, считал истинным чудом любое проявление живой, торжествующей над смертью природы.

Как можно догадаться, трудностей в поисках тем для разговоров и тем более споров у друзей — художников не было. Каин искренне любил Богомаза, как дождливая осенняя ночь может полюбить солнечный майский полдень: раздражаясь противоположностью и ощущая, что они дополняют друг друга, как будто вместе пишут картину, только разными красками — один пасмурно-серой и черной, а другой — золотой и небесно-лазурной.

К тому же, Витя Богомаз был необременительным другом. Он пропадал и вновь возвращался, исчезая на долгие месяцы или даже на годы, а появлялся на дни и недели — худым, загоревшим и грязным, но неизменно веселым. Вот и сейчас, в конце марта, он объявился опять: позвонил Каину и спросил, нельзя ли у него остановиться на время. Вторая койка в комнате Каина по-прежнему пустовала, но была одна трудность: пребывание в общежитии посторонних строжайше не допускалось. Кое-как удалось договориться с комендантшей — ражей теткой с голосом такой силы, что она могла бы им не только бить стекла, но и орехи колоть, если бы захотела — о том, что Богомаз может переночевать одну ночь.

— Ничего, — беззаботно махнул рукой Витя, когда они с Каином пили крепкий чай в его каморке без окон, — не переживай, дружище. Сегодня у тебя перекантуюсь, а завтра найду что-нибудь. Сейчас потеплело, не пропаду. Ну, а ты все покойников рисуешь?

Богомаз подмигнул, подначивая.

— И да, и нет, — ответил тогда ему Каин. — Теперь я пишу другие портреты — мертвых домов.

И показал некоторые из последних работ.

Утром Витя ушел, а поздним вечером позвонил из телефона-автомата, возбужденный и нетерпеливый.

— Ваня, я тебе такую натуру нашел! — звучал в трубке радостный голос. — Что там твои дома на месте кладбищ! Я тут пристроился пожить на недельку — другую, в здании бывшей больницы. Сейчас адрес скажу, приезжай вечером на этюды — ну и заходи, если будет желание: народ тут гостеприимный!

Той же ночью Каин поехал на остров и встретился взглядом с чудовищем, в чрево которого так беспечно вошел его друг. Едва отдышавшись после пережитого страха, уже на подъезде к общежитию, позвонил Богомазу. Никто не ответил. Предчувствие несчастья навалилось,

как мертвое тело. А когда той же ночью он первый раз оказался в лабиринте кошмара, стало ясно: Витя попал в беду, по сравнению с которой пугающие сновиденья покажутся сущей безделицей.

Каин был в отчаянии. Друга нужно спасти, только как?

Обратиться в полицию с заявлением о пропавшем в заброшенном доме бродяге? Немыслимо и бесполезно. Пойти самому? Совершенно исключено. От одной мысли об этом Каин цепенел от неизъяснимого ужаса. Впрочем, один раз, днем, он, собрав всю отвагу и волю, какие у него оставались, все же доехал до бывшей туберкулезной больницы. Прошелся вдоль стен, ощущая, как на него смотрят пыльные, черные окна, будто хищный зверь, до времени притворившийся спящим, следит за жертвой сквозь прищуренные веки. От дома исходили одновременно и угроза, и приглашение войти, и это было похоже на самоубийственный зов, который слышит порой человек, подходя к краю бездны или заглядывая в реку с моста. Этому зову невозможно было противиться, и Каин, почти против воли, не чувствуя ног под собой, дошел до границы двора и заглянул внутрь.

Оттуда ответили взглядом. Он отшатнулся и побежал.

Время шло. Ночные кошмары терзали сильнее. Никаких идей по спасению друга в голову не приходило. Каин решил, что хотя бы попробует разузнать про зловещее место побольше. Разумеется, компьютера у него не было, а про Всемирную Сеть он знал в основном понаслышке, но в интернет-кафе на Невском проспекте какой-то юноша, судя по приветливости и жизнерадостности — иногородний, немного помог ему разобраться с поисковыми сервисами. К концу дня живописец прочитал все, что было доступно в сети в ответ на запрос, состоящий из шестнадцати букв и двух цифр 6 — адрес кошмарного дома.

Подробности напугали не меньше, чем ночные видения.

Ни один из хозяев земли, на которой стояла больница, и домов, что там строились, не владел этим местом дольше нескольких лет. Еще до застройки острова, сменившего имя с Вороньей Глуши на Аптекарский, совсем рядом располагалось временное кладбище Петропавловского собора: там хоронили усопших во время весенней и осенней распутицы, когда отсутствие постоянных мостов не позволяло переправить тела в центральную часть Петербурга. Позже землю кладбища отдали под огороды, а сейчас на их месте стояла детская психиатрическая клиника, что примыкала вплотную к мрачным стенам бывшего диспансера. Неподалеку была дача Аллеров, где проводил свои дни погрузившийся в безумие Батюшков. С начала XIX столетия участок земли постоянно переходил от

владельца к владельцу. После того, как последний из них разорился, в пятидесятых годах позапрошлого века тут открыли увеселительное заведение под названием «Вилла Боргезе»: ресторация, варьете, оркестр из сорока шести человек под управлением дирижера — итальянца, а на втором этаже номера для интимных свиданий. Через три года пожар уничтожил злачное место, но оно возродилось из пепла под именем «Бриллиантовой Виллы», где пели цыгане с тирольцами; еще через год сменило хозяина и переименовалось в «Кафе Шантан», потом в «Ассамблею», «Хуторок» и «Минувшее время», пока наконец тут не выстроили каменный дом — тот, что стоял и поныне. Два купца, открывшие в нем богадельню для разоренных ремесленников, видимо, знали, с чем придется иметь дело, и в здании богадельни была устроена домовая церковь. Вилла Боргезе притихла почти на полсотни лет, пока большевистская власть не осквернила святыни и не поместила на трех этажах приют для беспризорников и малолетних бандитов. В годы войны там был госпиталь, а потом, еще на полвека — туберкулезный диспансер. Видимо то, что с древних времен живет в этом месте, устраивало такое соседство.

История последних лет особенно впечатляла. Лет десять назад неизвестный инвестор перевез за собственные средства туберкулезный диспансер подальше, на берег залива, и выкупил здание у городских властей под создание ресторанного комплекса. Но у Виллы Боргезе были другие взгляды на этот проект. Четыре года работы почти не велись, бригады строителей появлялись и исчезали поспешно, даже не успев очистить внутренние помещения от мебели и бумаг, оставшихся от диспансера. В конце концов инвестор вернул опустевшее здание городу. Три года назад заявку на реконструкцию Виллы подала Прокуратура — организация, которой уж точно нет дела до мистических тайн и историй. Ветшающий дом обнесли забором, заколотили входы и выходы, и... вновь ничего. После второго пожара подряд и панического бегства третьей по счету бригады строителей, и Прокуратура сочла за благо отказаться от затеи обжить Виллу.

Здание осталось предоставлено времени, ветру, бродягам и тому, что жило тут испокон века.

Изучение исторических справок не только не помогло, но погрузило Каина в еще большее уныние. Пролистывая беспорядочно страницы старых городских новостей, он наткнулся на заметку прошлого года о пожаре в его старом доме: центр, проходные дворы, затрудненный подъезд для спасателей, в результате — обрушение перекрытий и кровли.

Подробности той страшной ночи помнились смутно, как будто сквозь сон или транс: дым, заполнивший коридор, крики «Пожар!», выстрелы, а потом — рыдающий на плече сосед Федот Зельц — санитар — некрофил, оплакивавший погибшую в пламени давно уже неживую возлюбленную...

Стоп. Каин вздрогнул. Что-то в воспоминаниях показалось ему важным. Так, еще раз: вот валит дым, он сам то ли спит, то ли в транс, кто-то кричит и выстрелы...

Вспомнил!

Художник едва не хлопнул ладонью по лбу. Ну конечно! Тот человек, что приходил к ним в квартиру раза два или три: высокий, худой, с интересом слушавший разговоры Каина об искусстве и очень внимательно рассматривавший картины. Он представился похоронным агентом, но Каин слышал, как в коротком разговоре с соседом, тем самым Зельцем, человек произнес аббревиатуру ФСБ. Да, художник подслушивал тогда под дверь: надеялся, что за Зельцем пришли полицейские, арестовать за некрофильские фокусы. Как же звали того человека? Художник напряг память. Гронский! Точно! Имя так и не вспомнилось, но это было неважно. И это его голос он слышал во время пожара, и выстрелы... вот, кто ему нужен! Знакомый из ФСБ! Конечно, он вспомнит художника — некрореалиста. И поможет спасти Богомаза.

Каин не давал себе осознать, сколь зыбка была привидевшаяся возможность и какими по-детски наивными выглядели надежды. Но как найти Гронского? Может быть, Зельц что-то знает?

Каин поспешил в общежитие и принялся рыться в старых, чудом спасенных из горящей квартиры бумагах. Их было немного, но между потрепанным паспортом и медицинской картой из психиатрической клиники нашлась записная книжка в кожаной мягкой обложке. Старая школа — записывать номера от руки. Он нашел номер мобильного Зельца и позвонил.

Соседа тот, конечно, узнал, но на вопрос среагировал нервно.

— Не знаю его и знать не хочу, — пробубнил Зельц угрюмо. — Лучше бы и не встречал никогда. Из-за него все мои беды. С работы уволили по его милости, да и пожар тот, уверен, тоже он учинил. Прощайте.

Каин закричал.

— Ну хорошо, — подумав, ответил бывший сосед. — Если уж Вам, Иван Арнольдович, так приспичило, подскажу номер женщины, которая с этим типом точно знакома. Мы раньше работали вместе. Назарова Алина Сергеевна, судебно-медицинский эксперт.

Каин дрожащей рукой записал продиктованные цифры. На улице

вечерело. Подступала сонливость. Нужно было спешить. Кто знает, переживет ли он эту ночь.

Художник набрал семь цифр и ждал, машинально подпевая гудкам. Трубку долго не брали, пока наконец женский голос как будто издалека не ответил:

— Назарова слушает.

Каин почувствовал, что у него перехватило дыхание.

— Я слушаю, говорите!

Он откашлялся.

— Алина Сергеевна, здравствуйте. Меня зовут Иван Арнольдович Каин, я художник. Не уверен, что мое имя Вам что-нибудь говорит...

— Почему же, — ответила женщина, чуть помолчав. — Припоминаю. Какое у Вас ко мне дело?

Глава 25

12 апреля 20... года.

Как бы человек не планировал, как ни просчитывал каждый свой шаг, продумывая возможные трудности в реализации задуманного и способы справиться с непредвиденным, как бы ни был уверен в том, что учел все варианты развития событий — все равно наступает день, когда приходится убедиться в том, что всего предусмотреть невозможно, и хитроумная конструкция плана рушится в тартарары под влиянием того, что принято называть волей случая. Помните, я говорил, что мне везет? Теперь моя уверенность в этом поколебалась.

Но обо всем по порядку.

Встреча с полицейским патрулем в дачном поселке все изменила. Дело было даже не в страхе, нет. Прозвучит странно, но ко мне внезапно впервые пришло осознание серьезности и реальности ситуации. До этого все, что я делал, было как будто только между мной и теми, чьи тела я оставлял рядом с пустующими домами в дачных поселках. Внешний мир не имел к этому отношения. Конечно, разумом я понимал, что меня ищут: в конце концов, я же сам звонил в полицию и сообщал, где искать труп! Я говорил, что «снова сделал их работу», оставлял таблички с надписью «ВЕДЬМА», но все это было как будто бы не по-настоящему. Увидев в дачном поселке патрульный автомобиль, я ощутил нечто подобное тому, что может испытать человек, в шутку дразнящий большое и опасное животное, когда оно вдруг разворачивается, смотрит налитыми кровью глазами и бежит на него, сотрясая землю яростной поступью и оскалив клыки. Вольно или невольно, но я бросил вызов невероятно огромной, мощной системе, и теперь убедился, что этот вызов принят. А еще, как ни странно, возникло чувство некоей неловкости за то, что десятки, а то и сотни людей теперь занимаются поисками моей скромной персоны. Я всегда считал себя человеком деликатным и не любил беспокоить других. Наверняка у полицейских нашлись бы заботы и поважнее, чем гоняться за мной, а теперь получалось, что я их отвлекаю. Нехорошо как-то.

Но дело есть дело, и сегодня я твердо намеревался снова добавить всем беспокойства.

Очевидно, что мне нужен был новый план. С использованием чужих старых дач было покончено; впрочем, недели через две — три с этим в

любом случае пришлось бы завязать: весна уже добралась до середины, и в поселках стало бы слишком многолюдно и оживленно. Оставался лес.

В самом углу кладовой я отыскал старую армейскую палатку, которую приобрел для охотничьих вылазок с друзьями лет двадцать назад — когда и ружье — с какого-то военного склада, разворованного, согласно веяниям тогдашнего времени. Солдатская классика: большая, добротная конструкция из металлических стоек и брезента защитного цвета, весом чуть менее сорока килограммов, площадью с небольшую гостиную в дачном доме и высотой в центральной части больше двух метров. Проводить допрос ведьмы, ощущая спиной открытое пространство леса вокруг, я не хотел, а палатка вполне годилась в качестве камеры для дознаний. Да и крики будет хоть немного, но глушить, что тоже весьма актуально. Палатка была летняя, без пола, но я и не собирался в ней спать, а напротив — заниматься тяжелым физическим трудом. К тому же, внутри я был намерен установить некий источник тепла, необходимый, правда, для иных целей, нежели отопление моего импровизированного рабочего места.

Нужно было еще кое-что прикупить. Изменившиеся условия диктовали необходимость применения новых методов и инструментов: в лесу не было ни стульев, ни стен, к которым их можно прибить, ни твердой плоской опоры для стоп, да и молоток требовалось дополнить чем-то еще. В строительном гипермаркете я приобрел небольшой мангал, прекрасный набор стальных шампуров с деревянными ручками, запас древесного угля и полтора десятка толстых металлических прутьев длиной по полметра. Их я планировал использовать для фиксации рук и ног: вбить четыре штуки поглубже в еще не до конца оттаявшую землю и примотать к ним конечности скотчем и проволокой. Так еще удобнее: не надо тащить еще живую ведьму — да пусть даже и мертвую, все равно нелегко — вон из дома и заново привязывать где-то прежде, чем сжечь. Палатку убрал, бензином облил — и готово.

Найти подходящее место оказалось гораздо труднее. При всех достоинствах, моя старая «Волга» все же не джип, а лесные дороги на исходе зимы не отличались от бездорожья: те места, куда получалось заехать, были слишком близко от трассы, жилых домов и туристических баз, а забраться поглубже в лесные массивы не представлялось возможным. Исколесив весь север области до Приозерска, я почти отчаялся и уже был готов отказаться от первоначального плана и попытаться счастья в городе, в подвале какого-нибудь заброшенного дома, но потом решил поискать в западном направлении. В итоге искомое обнаружилось довольно далеко, среди лесов и болот, по дороге на Шлиссельбург, не доезжая немного до

моста через Неву, которая, удаляясь от Ладоги, течет здесь на юг, чтобы позже, описав широкое полукольцо, направиться на северо-восток, через город, в Маркизову лужу. Я съехал с шоссе на довольно ровный проселок, потом свернул еще на один, гадая, что буду делать, если недовольно рычащая «Волга» со скрежетом сядет днищем на комья мерзлой земли и я застряну тут — и хорошо еще, если сейчас и один, а не позже, со связанной ведьмой в багажнике. Но просека оказалась проезжей, и, выпрямляясь, через два километра упиралась в обрывистый, но невысокий берег лесной речки, узкой, кривой, с черной непрозрачной водой. Лес вокруг, которым заросло сонное болото, был малорослым, унылым, но очень густым: серые, кривые деревья тесно переплетались с кустарником, похожим на колючие шевелюры высунувшихся из трясины огромных кикимор. В километре от берега речки я нашел небольшую прогалину, пригодную для установки палатки, и закрытую от просеки дикими зарослями. Трудно представить, чтобы кому-то понадобилось заехать апрельской ночью на тупиковый проселок среди некрасивого, понурого леса; сюда и летом-то, я уверен, забирались лишь грибники, хотя вряд ли тут можно было собрать что-то, кроме поганок, водянистых больных сыроежек да бледных моховиков. Я посмотрел карту: до поселка с оптимистичным названием «Дружба» чуть меньше трех километров. Звуки человеческого крика в лесу разносятся всего на один. Лучше места нельзя и придумать.

Утро Великой Субботы, 11 апреля, было холодным и пасмурным. Такое постоянно случается в Петербурге: казалось бы, уже наступило тепло, и боязливое солнце все чаще выглядывает из-за туч, по мере сил согревая промозглый, нахмуренный город, но нет — снова серая хмарь, холод, тоска и ледяной дождь пополам с мокрым снегом. Будто бы ночью, в лабиринтах трущоб и мрачных, сырых подземелий происходит нечто противное самой сути природы, и нарушается естественный ход времен года, останавливается и со скрежетом вертится вспять механизм мироздания.

Весь день я провел дома. Под вечер набрал номер борделя «Фифа» с того же телефона, что звонил в первый раз. Ждать ответа пришлось так долго, что я успел испугаться: закрылись? Сменили номер? А может, сделали выходной ради грядущего праздника Пасхи?

— Здравствуйте, рады Вас слышать! — приятный женский голос, немного запыхавшийся. Вероятно, администратор просто отходила ненадолго куда-то.

Я поинтересовался, работает ли сегодня Дарина.

— Да, конечно, Дариночка на месте, — промурлыкала женщина. — Вы

сейчас хотите приехать?

— Нет, позже, около одиннадцати.

— Хорошо, я записала. На часик, на два?

— Вообще-то, нет, — я замялся. — Видите ли, прошлый раз мне Дарина сказала, что такое возможно...Словом, я бы хотел взять на двенадцать часов. С выездом.

Пауза.

— Вы были уже у нас да? — уточнила администратор. Настороженно, или мне показалось?

— Да, конечно, у Дарины, и она сказала, что можно так...

— Хорошо, — согласилась женщина. — Тогда Вы к нам приходите к одиннадцати, я Дариночку предупрежу, от нас и поедете.

Я согласился и положил трубку. Конечно, было бы гораздо лучше встретить Белладонну на улице во избежание возможной встречи с администратором, но это могло вызвать ненужные подозрения. Ей самой я звонить не стал: личный номер понадобился бы на случай, если в нужный день ее не будет в салоне.

В десять вечера я вышел из дома. Город застыл, окутанный погребальными пеленами промозгой мглы. Воздух был сырым и холодным, будто в подземной пещере. Я подогнал машину поближе к парадной и стал неторопливо загружать багажник, очередной раз порадовавшись его размерам: длинный, толстый тюк с палаткой, четыре стальных прута, ящик с инструментами, топорик, мангал и шампуры, ружье. Подумал, что неплохо бы добавить пару бутылок водки, и тогда при возможном досмотре любому станет понятно — одинокий, немолодой мужчина выехал с палаткой, ружьем и мангалом отдохнуть от праведных трудов на природе. Конечно, связанная проститутка в багажнике будет несколько портить картину, но и это можно объяснить: в конце концов, у каждого свое представление необходимым.

Шучу, разумеется. Единственное, чего я боялся больше, чем случайных свидетелей, это обыска автомобиля сотрудниками полиции. Как показало весьма недалекое будущее, полностью разрушить мой план могли не только они.

«Волгу» я оставил в переулке: учитывая плитку, новые рамы в окнах квартир и автомобили, припаркованные у подъезда, в котором располагался бордель, во дворе наверняка были камеры наблюдения. Так что вошел я пешком и увидел, что к стоящим там недешевым машинам добавился мотоцикл: хищный, спортивный, с черно-красными бугристыми мышцами корпуса — как конь для наездника из преисподней, проводивший меня

подозрительным взглядом прищуренных фар.

Белладонна — Дарина была уже одета и пребывала в превосходном расположении духа. Еще бы: выезд на двенадцать часов с беспроблемным, интеллигентным клиентом, которому даже секса не надо.

— Привет, а я тебя ждала, все думала, когда позвонишь!

Дарина разулыбалась мне улыбкой карусельной лошадки. Я криво ухмыльнулся в ответ и вытащил деньги. Сумма равнялась моей месячной зарплате на факультете. Затратное это дело, охота на ведьм.

Белладонна подхватила купюры и порхнула по коридору на кухню, где, видимо, располагался офис этого заведения. Я ждал у дверей, на всякий случай опустив голову и надвинув на лицо поля шляпы. Рядом стояли две пары мужской обуви. Из-за дверей одной из закрытых комнат доносились ритмичные наигранные стоны и характерный звук от шлепающихся друг о друга голых тел.

Дарина вернулась через пару минут. Застегнула короткую кожаную куртку, взяла меня под руку, и мы вместе спустились во двор.

— Машина, к сожалению, не представительского класса, — извинился я, покосившись на черно-красный спортивный байк.

— Ничего! — весело махнула ладошкой Дарина. — Главное, это компания хорошая, верно ведь?

Когда-то я это уже слышал.

Сначала я хотел сказать, что мы едем ко мне на дачу, и ударить шокером прямо на трассе. Но потом отмел эту мысль: везти Белладонну в салоне, пусть даже и оглушенную, было слишком опасно, а останавливаться на шоссе и затаскивать тело в багажник — невыносимо. В итоге я присмотрел гаражи неподалеку от выезда загород по маршруту нашего следования. Ночью с субботы на воскресенье там вряд ли чересчур оживленно.

Шокер ждал своего мгновения, притаившись в кармане.

Мы сели и поехали по улицам, погружавшимся в ночь. Белладонна начала говорить, едва пристегнула ремень: то ли действительно полагала, что мне интересно, то ли отработывала гонорар, а скорее всего, ей просто свойственно было трепаться без умолку. Предметом сегодняшних монологов стала ее профессиональная деятельность. Я молчал, иногда забывая поддакивать, и слушал, как она умудряется временами даже вступать сама с собой в диалог, полемизировать и смеяться над собственными шутками.

— Мне многие говорят, что у меня талант к общению. Вот даже наша хозяйка: она меня посылает встречать девочек, которые из других городов

приезжают работать, потому что я улыбнусь, расскажу, объясню, что у нас хорошо, что ничего страшного нет...

— Я вообще читать люблю или музыку слушать. Вот остальные девочки, они обычно всякие шоу смотрят по телевизору, когда работы нет, а я наушники вставляю, чтобы не отвлекаться, и книжку читаю...

— Нет, ну а что такого-то? Мужчины ко мне приходят, рассказывают о работе, о семье, я их слушаю, даю советы. Кто виноват, что их жены с ними ни поговорить не могут, ни удовлетворить?

— Такой случай смешной был: пришел клиент на анальный секс, так я столько *туда* воды налила, пока готовилась, что потом иду по коридору, чай несу, а сама чувствую, что вот прямо сейчас вода из меня польется, и не остановить! Еле добежала до уборной, вот это было бы фиаско!

Тем временем, я заметил, что город неуловимо менялся. Он становился как будто просторнее, выше, светлее. Дождь и снег перестали; ночь из серой превратилась в прозрачную, серебряно-синюю. Улицы и проспекты раздались вширь и вперед, будто кто-то бережно разворачивал допрежде скомканный мир. Даже угрюмые дома приосанились, стали выше, смотрели бодрее, и походили уже не на упырей и зловещих покойников, что было делом обычным, а на почтенных, преклонного возраста граждан, что вот-вот сойдут со своих мест и, прихватив с собой уличные фонари, чинно отправятся на праздник...

Праздник! Пасхальная ночь! Странно, что я об этом забыл. А ведь думал еще, как удачно было бы допросить Белладонну на Пасху: если в дни церковных праздников стойкость ведьм ослабевает вместе с силами бесов, то когда, как не в главный праздник всего христианского мира, у меня будут наибольшие шансы выбить как можно больше сведений о зловещем ковене и месте проведения шабашей.

И вот надо же, совсем вылетело из головы.

По улицам шли и шли люди. По одиночке, группами, семьями, многие вместе с детьми. Человеческие ручейки текли по улицам и переулкам, сливались в поток на проспектах, чтобы вместе впасть в настоящее море у храма, сияющего золотом, серебром и багрянцем в торжественной праздничной ночи. Когда я проезжал мимо, ударили колокола, сначала отдельно, протяжно, по одиночке, словно неведомый музыкант лишь касался струн инструмента, проверяя их тон и настрой, а потом — все вместе, сливаясь в гармонии ликующих переливов. Небо освобождалось от туч, как от истлевшего савана смерти, и даже становилось выше и выше, как будто летящие ввысь перезвоны вздымали его, как бронзовые и медные столпы.

Вы знаете, что я не особо религиозен в традиционном понимании этого слова; конечно, если понадобится, я выдам убедительнейшую апологетику Церкви, но ходить туда...нет, не моё. Но когда в эту ночь я выехал на площадь у храма и сбавил скорость, объезжая по кругу сверкающее великолепие пасхальных огней, радостных людей и колокольного звона, то что-то произошло: словно бабочка коснулась сердца крылом. Я почувствовал себя так, как будто вымыл впервые за много лет почерневшее от пыли и грязи окно и взглянул сквозь него на окружающий мир; или открыл глаза, и оказалось, что все бывшее со мной раньше приснилось, а сейчас мне семнадцать, и это — лучший год моей жизни; или просто окатил лицо свежей, холодной водой, такой чистой, какой не было на земле сотни, а то и тысячи лет. Мне вдруг показалось, что все это для меня — сияющий храм и сам праздник — для меня лично, и мне просто нужно это принять, как принимают в дар счастье и жизнь.

Я посмотрел на девушку, сидящую рядом со мной.

— Даша.

— ...а я просто представляю, что у меня муж, с которым я занимаюсь сексом четыре раза в день: утром, в обед, вечером после работы и ночью, может же быть такое?

— Даша!

Она заморгала.

— Что?

Не знаю, почему я сказал то, что сказал. Разумеется, ничего такого я всерьез предлагать ей не собирался, но слова просто вырвались сами:

— Может, не поедem куда? Сегодня Пасха, хочешь, поедem на крестный ход, со свечками постоим, даже можно не заходить внутрь храма, просто посмотрим? А я потом тебя обратно отвезу.

Белладонна изумленно вытаращилась на меня и рассмеялась.

— Нет, ты что, зачем?! Я вообще Церковь не люблю. Мне кажется, главное, чтобы у человека была вера в душе, а кто во что верит, это неважно. А в Церкви этой только деньги собирают и все: вот, посмотри, сколько народу! И представь теперь, что они все даже просто по сто рублей положат на пожертвования какие-нибудь и свечки купят! А потом удивляются, почему у батюшек этих такие машины шикарные! Причем сами-то священники наверняка ни во что не верят, просто бизнес делают, и все!

— А еще в спецслужбах работают и доносы пишут.

— Вот! — радостно согласилась Дарина. — Точно! Давай, поехали к тебе, а то у нас время считают с момента, как ты меня забрал.

— Как скажешь, Даша. Как скажешь.

Я свернул на проспект и прибавил скорость. Бабочка улетела. Дверь, приоткрывшаяся было в празднично убранную залу, полную веселых гостей, снова закрылась, и ходу в нее мне не было. У меня своя служба и своя работа.

Дарина говорила без умолку всю дорогу, но, когда город остался почти позади и в темноте впереди замаячили гигантские опоры и конструкции окружной дороги, примолкла и беспокойно завертела головой. Я искоса посматривал на нее.

— Далеко еще? — спросила она.

— Нет, почти приехали, — ответил я. — Сейчас только машину в гараж поставим, а до дома дойдем пешком, не возражаешь? Там близко, пять минут.

Она промолчала.

Гаражи растянулись по огромному пустырю, как бескрайний приземистый лабиринт, в котором заплутал бы и Тесей, хоть с клубком Ариадны, хоть без него. Шлагбаум на въезде отсутствовал, камеры наблюдения тоже, пропусков не требовалось, а полупьяный и полуслепой пенсионер-охранник в своей будке если и смотрел куда-то, то только в экран телевизора. Я почувствовал, как напряглась Дарина. Молчание стало тревожным.

— Ну вот и гаражи, — сказал я неестественно бодро и свернул к въезду.

Белладонна заерзала.

— Слушай, а давай я тебя у ворот подожду, пока ты машину ставишь? Дождя нет, покурю заодно, а?

— Да здесь рядом совсем, один поворот, и все.

Ее руки нервно стиснули сумочку. А если там оружие? Газовый баллончик, нож или травматический пистолет?

Нужно было спешить. За ворота я до этого не заезжал, и теперь торопливо забирался все глубже и глубже, петляя мимо низких бетонных стен и ворот, выбирая место подальше от ослепительно ярких, бело-голубых фонарей.

— Ну скоро уже?!

Я пожалел, что на «Волге» нет центрального замка, который блокирует двери. Вместо ответа я еще раз крутанул руль, заезжая в узкий и относительно темный проезд между воротами гаражей, и тут Белладонна не выдержала.

— Слушай, я тебя все-таки на улице подожду, — быстро сказала она,

рывком расстегнула ремень безопасности и схватилась за дверь.

Я выхватил шокер, приставил к ее шее за ухом и нажал на кнопку. Ударил разряд. Электрическая дуга вспыхнула, освещая вспышкой салон. Но вопреки ожиданиям, Белладонна и не подумала терять сознание: она задергалась, выгнулась, сдавленно закричала и, развернувшись, потянулась ко мне. От неожиданности я не успел среагировать, и через мгновение ее пальцы вцепились мне в руку, держащую шокер. Другой рукой она вырвала из сумочки большие портновские ножницы. Если бы не удар током, который замедлил скорость ее движений, я бы в лучшем случае остался без глаз. Я отпрянул, вырвался из захвата, прижал шокер к голове Белладонны и снова ударил. Раздался треск, как будто разом сломался десяток сухих веток. Запахло паленым. Дарину отбросило к дверце, но тело ее продолжало дрожать, будто в конвульсиях, а глаза уставились на меня ненавидящим взглядом.

И тут я понял. Аккумулятор. Наверное, усиленная мощность оружия приводила к тому, что заряд кончался быстрее, чем у обычного шокера — но откуда мне было знать, насколько его хватает в обычных, если раньше я не имел с ними дела?! Разумеется, никакой инструкции при покупке не прилагалось, но зарядное устройство в коробке лежало. Как же можно было не предусмотреть, что в самый ответственный момент в шокере может сесть аккумулятор и вовремя не зарядить?

Тем не менее, двух ударов хватило, чтобы Белладонна по крайней мере оказалась парализована. Я вытянул руку и третий раз пропустил электрический разряд через шею, на которой уже красовалось пятно от ожога. На этот раз помогло: ведьма дернулась и обмякла.

Времени на переживания не было. Да, ночь, выходной, гаражи, но действовать нужно было быстро и четко. Завести за спину руки и замотать скотчем. Связать ноги. Заклеить рот. Достать из сумочки телефон, выключить, убрать в карман. Туда же засунуть упавшие ножницы. Теперь багажник: я кое-как освободил место, выволок Белладонну из автомобиля, но, когда стал засовывать ее в багажный отсек, она опять открыла глаза, зашевелилась и замычала сквозь скотч. Вот ведь дьявольщина! Я снова вытащил шокер, уверенный, что с каждым разом толку от него становится все меньше и меньше, и жал на кнопку секунд пять или больше, пока ведьма в багажнике не затихла, свернувшись рядом с канистрами и тюком с палаткой.

Из-за поворота донесся приближающийся шум мотора. Я едва успел сесть за руль и тронуться с места, как мимо, разбрызгивая грязь в колесах, с ревом проехал большой черный джип с прожекторами на крыше.

Оставалось надеяться, что водитель не успел в темноте различить марку и тем более номер моей машины, иначе меня ждет двухходовка от полицейских: установить последнее местоположение мобильного телефона жертвы, провести опрос свидетелей и — «Да, я видел серую «Волгу», мне еще странным показалось, что она стоит там в подобное время, и я записал номер, вот он».

По трассе до съезда в лес было чуть более тридцати километров. Я вел спокойно и аккуратно, дисциплинированно снизил скорость перед постом ДПС, и почти уже добрался до узкого бокового проселка, когда послышался стук. Сперва я подумал, что случилось неладное с автомобилем, но потом понял, что стучит связанная и закрытая в багажнике ведьма. Стук становился сильнее и чаще, а потом она забарабанила так, как будто хотела пробить борт машины насквозь. Я услышал звон рассыпавшихся шампуров, скрежет мангала, тяжелый удар упавшей на бок канистры. В этом адском стуке, грохоте и возне, раздававшихся у меня за спиной в то время, как я ехал в одиночестве по ночной трассе и собирался продолжить путь в темном лесу, было что-то невыразимо пугающее. Я сжал зубы, крепче вцепился в руль и почувствовал, как липкий пот пропитал едва не насквозь ленту надвинутой на лоб шляпы. В какой-то момент мне захотелось остановить машину на обочине, выйти, и, плюнув на осторожность, бить шокером Белладонну, пока она вновь не затихнет, но стук прекратился так же внезапно, как и начался.

Устала, подумал я. Поняла, что бессмысленно, и решила поберечь силы. Разумно.

Давешний снег припорошил серый лес неряшливым, тонким покровом. Шины оставляли глубокие черные следы на грязноватых белесых пятнах. Я доехал до прогалины и остановился так, чтобы освещать фарами место для палатки. Было совсем тихо, только капли срывались с ветвей и со стуком падали на прошлогодние гниющие листья.

Я осторожно открыл багажник и опасно заглянул внутрь. Белладонна лежала неподвижно. Руки и ноги по-прежнему стягивали широкие клейкие ленты. Наверное, затаилась. Ну ладно. Пообщаемся позже, а пока впереди еще много работы. Я ухватился за брезентовый тюк и выволок его из багажника.

В одиночку поставить солдатскую лагерную палатку высотой больше двух метров и площадью метров в шестнадцать — это уже, без преувеличения, подвиг, даже если нужно просто натянуть тент, не делать никаких заглублений и не соблюдать строго всех правил. И вдвойне подвиг, если совершить его ночью, в лесной темноте, рассеиваемой только светом

фар. Пальто пришлось снять, потом за ним последовал и пиджак, так что заканчивал я эту стройку в одной рубашке, насквозь пропитанной потом, в измаранных до колен, порванных брюках и в ботинках, похожих на два комка липкой грязи. Лишь через час я кое-как воздвиг кривоватый, но надежно закрепленный брезентовый тент, а ведь надо было еще вбить прутья, к которым я задумал привязывать руки и ноги пойманной ведьмы. В итоге, когда дело дошло до установки мангала, я в кровь стер себе руки, отбил молотком палец, вспотел, замерз, и устал так, что сомневался, удастся ли мне справиться даже со связанной Белладонной, которую пора было вынимать из багажника, где она провела уже два часа, тащить в палатку, привязывать и пытаться.

Белладонна лежала все в той же позе. Я ухватил ее за ноги и начал тащить. Ни движения, ни звука. Я потянул. Тело было совершенно расслабленным и налилось мертвой тяжестью. Повернутое вниз лицо проехало по неровному днищу багажника. Тут уж любой бы задергался, но Дарина не шелохнулась. Я выволок тело наружу, и оно безжизненным кулем свалилось у моих ног. Я почувствовал резкий, неприятный запах, и почти сразу заметил, что ведьма не дышит.

Я нагнулся и сорвал ленту скотча с ее лица. В воздух вырвалась застоявшаяся кислая вонь, и из приоткрытого рта ведьмы потекла, а потом густым комком вывалилась желтоватая густая жижа.

Белладонна умерла, захлебнувшись собственной рвотой.

Не знаю, почему это произошло. Возможно, я переусердствовал с шокером. А может, ее просто укачало, кто знает. Это не имело значения. Куда важнее было другое: она ничего уже больше не скажет. Все усилия были тщетны. Нить, ведущая к ковену, оборвалась и теперь, похоже, ее уже не удастся связать вновь. Я посмотрел на покосившуюся палатку, внутри которой торчала из мерзлой земли с таким трудом вбитая арматура, на стоящий рядом мангал, на свои руки, покрытые ссадинами и мозолями, и закричал. Мерзкая ведьма ускользнула от меня и оставила в дураках. Я в сердцах пнул лежащее тело, раз, другой, третий — оно только вздрагивало, как мешок, набитый старым тряпьем. Мне захотелось бросить все здесь, как есть, и уехать. Я уселся на край открытого багажника и долго сидел, переводя дыхание и собираясь с мыслями.

Затем встал и пошел разбирать палатку.

Ни в карманах, ни в сумочке Белладонны не нашлось ничего, что было бы похоже на ведьминский талисман, кроме, разве что, ножниц, но их она могла носить и для самозащиты. На всякий случай, я доехал до конца просеки и утопил в речке и сами ножницы, и сумочку со всем содержимым,

кроме паспорта: его я оставил под примотанной к стволу чахлой осины табличкой «ВЕДЬМА». А еще я нашел деньги: в кошельке обнаружилась ровно половина из тех купюр, что я передал в качестве гонорара, и не было ничего зазорного в том, чтобы вернуть их обратно. Труп я все-таки сжег, как и полагается — уже под утро, в светлеющих сумерках. Оттащил на место, где в грунте остались четыре круглые дырки от металлических прутьев, надел на шею мешочек с травами, солью и воском, насыпал сверху угля из не пригодившегося мангала, облил бензином и бросил спичку. Туда же, как водится, отправил сделавший свое дело мобильник. Ее телефон я решил пока не выбрасывать: его содержимое было последней надеждой все-таки выйти на след подруг так нелепо скончавшейся Белладонны. К тому же, мне нужно было сделать звонок.

Я посмотрел, как горячее, злобное пламя пляшет на чернеющем трупе, как густой жирный дым поднимается между деревьев в рассветное небо и, когда мне ответил дежурный отдела полиции, сказал:

— Христос Воскресе!

Ответом было молчание. Я вздохнул и начал произносить обычный в таких случаях текст.

Глава 26

Колокольный трезвон бесил. Диана захлопнула приоткрытое окно, повернула ручку, но то тягучее, то разливистое завывание меди все равно проникало сквозь двойные пластиковые рамы. Она поселилась в этой квартире два года назад, намеренно выбрав новый дом на окраине, подальше от центра города с его раздражающим изобилием храмов, но вот, вездесущие попы добрались и сюда. Диана взглянула в окно: с двенадцатого этажа хорошо видны были люди, возвращающиеся из церкви со свечами, вставленными в банки и обрезанные бутылки: цепочки живых огоньков на темных дорожках в лабиринтах жилого квартала. Что же они все не угомонятся с этим своим звоном, если уже и народ разошелся? Интересно было бы попробовать подать в суд за нарушение ночной тишины: так-то уже третий час ночи. Впрочем, судиться — не ее метод. Да и вообще, есть дела поважнее.

Диана поморщилась, встала из-за стола, нажала кнопку на телевизионном пульте — и экран тут же засветился красным и золотым, а из динамиков понеслись многоголосые пасхальные песнопения. Она выругалась и принялась переключать каналы, пока не остановилась на каком-то комедийном шоу. Так-то лучше. Потянулась, разминая упругие мышцы обнаженного тела, и вернулась к столу, на котором стоял ноутбук. В темных глазах отразились голубоватые всполохи. Диана прищурилась, как большая кошка, высматривающая добычу: здесь и сейчас, в Социальной Сети, была ее охотничья территория.

Она не лукавила, когда говорила Артуру, что выполнить новый заказ будет опаснее и сложнее. Раньше она использовала как ресурс возможности Терции: у старшей подруги кроме сети фактически легальных борделей было еще одно смежное направление бизнеса — интимные услуги несовершеннолетних. В Озерках, в небольшом частном доме, скрытом за высоким забором, в обстановке строжайшей секретности работало с десятков девчонок от двенадцати до пятнадцати лет. Клиенты подбирались с чрезвычайной осторожностью, и попасть в этот клуб для избранных педофилов можно было только по рекомендациям, да и то после тщательных проверок — благо, полицейские связи Жанны давали такую возможность. Девочки были в основном из числа беспризорных, сбежавших из детских домов или от родителей — пьяниц, и, если время от времени одна или две уезжали и не возвращались, тревожится и искать их

было попросту некому. Конечно, найди кто-то мертвое тело на свалке или в лесу, уголовное дело открыли бы автоматически, но с проблемой сокрытия трупов успешно справлялись бродяги из Виллы Боргезе.

Но теперь дело другое: требовалась девочка десяти лет. Девственница. На Жанну в этом вопросе можно было не рассчитывать, но вечером Диана на всякий случай заехала в «Фифу», спросить про тех новеньких, о которых Терция упомянула во время шабаша. Увы, под строгие требования клиента Дианы они не подходили. Жанна сразу сказала, что девочки порченые, но Диана не поленилась проверить — вдруг та просто пожадничала? — и по дороге домой заскочила в особняк в Озерках. Подруга не кривила душой. Дело было даже не в том, что девчонки уже распрощались с невинностью; и не в разнице в возрасте — в свои двенадцать обе были худенькие, недокормленные, без намеков на грудь и вполне сошли бы за десятилетних; дело было в лицах и выражениях глаз. Взрослый человек, ведущий образ жизни беспорядочный или порочный, довольно долго может сохранять цветущий и респектабельный вид. Иное — восприимчивые, как губка, дети. У девчонок были лица и голоса взрослых шлюх, повидавших в своей жизни всякое и переставшие всему удивляться. Совсем не детские лица. Конечно, со всем этим можно было бы поработать: грим, макияж, освещение, даже девственность восстановить — гонорар позволял, но Диана не хотела обманывать одного из своих самых крупных и надежных клиентов, причем второе качество было даже важнее, чем объемы и суммы заказов. Она не слишком хорошо разбиралась в технических тонкостях, но понимала достаточно, чтобы уяснить из презентации, которую провел для нее Артур в день их знакомства, что его организация использует в высшей степени мощные системы защиты. Ее партнер долго вещал про какие-то анонимайзеры, трассеры и подмаску сети, из чего выходило, что даже если специальные службы обнаружат надежно укрытый от посторонних в глубинах Сети сайт, на который Артур загружал свои специфические видеоролики, сумеют взломать его и ознакомятся с содержимым, то попытки выйти на местонахождения сервера приведут полицейских куда-нибудь в Сомали, в подвал здания, в который, кроме как путем войсковой операции, не пробиться. Все финансовые операции проводились в биткоинах, администраторы были защищены шифровальными протоколами, разработанными военными специалистами, и по всему выходило, что ни Артуру, ни его бизнес-партнерам ничего не грозит. Лично Диана больше верила в старые добрые взятки, которые защищали надежней любых достижений современных высоких технологий, но Артур заверил ее, что и с этим у них все схвачено.

Да и суммы заключенных с Дианой контрактов косвенно подтверждали, что она имеет дело с серьезными людьми. Нет, рисковать потерей такого клиента было нельзя. Нужна невинная десятилетняя девочка — будет девочка.

К счастью, и тут технический прогресс мог помочь как нельзя лучше. Как, например, всего лет тридцать назад Диане пришлось бы решать такую задачу? Колесить по дворам и предлагать маленьким девочкам сесть к ней в машину, заманивая конфетами или котенком, вызывать подозрения, рисковать, шарахаться от родителей и милиции. С другой стороны, лет тридцать назад у нее не появилось бы в этом нужды: достижения цивилизации еще не сделали в то время возможным каждому, кто готов платить деньги, наслаждаться просмотром видео с настоящими изнасилованиями и убийствами малолетних, причем делать это без всякого риска, не выходя из уютного дома, и не пряча потом киноплёнку куда-нибудь в сейф за картиной. В этом и заключается великий смысл прогресса: дать человеку все, что он только ни пожелает, пусть даже желания как правило сводятся к удовлетворению похоти и, временами, тщеславия.

Так что вечером того же дня, когда был получен заказ, в Социальной Сети появился еще один пользователь: тринадцатилетняя девочка по имени «Дина „Дикая Кошечка“ Герц». Изучение страниц малолеток показало, что они любят вставлять в имена вычурные и нелепые прозвища. Фамилию Диана напечатала наугад, а возраст выбрала, предполагая, что десятилетним девчонкам интереснее будет общаться с подружкой постарше себя. К тому же, им это польстит. Тринадцать — в самый раз: старше ровно настолько, чтобы привлечь интерес, но не настолько, чтобы казаться инопланетянкой, как какая-нибудь шестнадцатилетняя старуха. Город она указала другой: ничего, если все получится, то Дикая Кошечка запросто сможет приехать в гости к своей новой подружке. С фотографиями тоже проблем не было: они просто были утащены со страницы какой-то девчонки из сопредельной страны. Затруднение поначалу возникло только с самим процессом общения: Диана понятия не имела, как разговаривают сейчас десяти- и тринадцатилетние дети. Более того, она не знала, как вообще происходит общение между нормальными детьми, ибо сама такой никогда не была.

Двадцать восемь лет назад, в роддоме большого города на юге страны, в интеллигентной семье главного инженера большого завода и переводчицы с итальянского родилась долгожданная девочка. Пока обессиленная, но довольная мать лежала на родильном столе, а счастливый отец мчался в больницу с работы, купив по дороге букет белых лилий и

роз, ничем не примечательная акушерка вынесла новорожденную из палаты, зашла на минутку в кладовку и там, среди швабр, полок с чистящими средствами и висящих на стенах халатов, посвятила девочку Сатане. Дело это нехитрое, занимает не больше минуты, если знать, что говорить и что делать при этом. Наверное, акушерка тоже хотела, чтобы ей было чем похвастать на шабаше местного ковена, а может, была одиночкой и просто улучила момент покрестить первого попавшегося младенца во имя своего Господина. Как бы то ни было, дело было сделано. Родители новорожденной иным Крещением не озаботились, ибо были людьми образованными, прогрессивными и чуждыми предрассудков. Они дали девочке красивое имя античной богини, а через четырнадцать лет отказались от дочери, с облегчением сдав на попечение государству в интернат для трудных подростков, а потом для верности еще и переехали в другой город, опасаясь того, что Диана может найти их, а найдя, не оставит в живых.

Основания для таких опасений у них были. С ранних лет в девочке проявилась странная, вовсе не детская, жестокость и агрессивность. Она не отрывала крылья жукам или мухам, не мучала домашних животных, но терзала и била своих сверстниц, а особенно сверстников. Девочки могли отделаться унижительными и непристойными издевками, испорченной одеждой, на худой конец, синяком, но могли избежать и такого, если делали, что им говорят, и не докучали Диане. Зато мальчишек она колотила нещадно, с самого раннего возраста, причем била так, как могут бить только очень злые и беспощадные взрослые: расчетливо, изо всей силы, по уязвимым местам, не пугаясь крови и слез. Детские книги Диану не интересовали, детские игры — тем более, а куклы занимали только постольку, поскольку им можно было придумывать разные пытки и казни. В школе Диана училась почти исключительно на «отлично», но учебные заведения приходилось менять регулярно, начиная с пятого класса: например, из-за сломанных при падении с лестницы ног учителя математики, занизившего, как показалось Диане, оценку за четвертную контрольную; или из-за двух попавших в больницу мальчишек, задумавших проучить несносную забияку, подкарауливших ее после школы, и получивших в итоге раздробленный ударом локтя нос, вывихнутую кисть руки, сломанное колено и ранение живота, нанесенное иглой «козьей ножки». От серьезных неприятностей с полицией спасало то отсутствие прямых доказательств вины, то возраст, то, как в последнем случае, ссылка на самозащиту. Разговоры родителей не помогали: Диана относилась к ним, как к чужим, с младенческих лет, воспринимая словно работников

социальной службы, обязанных обеспечить ее необходимым — не более. А единственная попытка наказать вконец отбившуюся от рук дочь, которую предпринял отец, когда Диане было одиннадцать, завершилась ничем: девочка просто посмотрела на него своими большими, почти черными глазами, и воспитательный пыл у отца пропал раз и навсегда. Мучения родителей, живших под одной крышей с жуткой, пугающей их, молчаливой, жестокой девицей, достигли кульминации, когда той исполнилось четырнадцать. Ее одноклассница заявила, что была изнасилована Дианой прямо во время урока, в туалете третьего этажа, причем случилось такое не в первый и не во второй раз. Стремительное и бурное расследование инцидента привело к тому, что скоро за столом в кабинете директора — а потом и в других кабинетах — сидело пять или шесть заплаканных, перепуганных девочек, которые под озабоченными, серьезными взглядами взрослых поведали такие подробности сексуального насилия и домогательств, продолжавшихся уже больше года, что у матери Дианы проступила ранняя седина, а у отца случился инфаркт. Едва оправившись от потрясения, они подписали отказ от родительских прав и больше никогда не видели дочь. Что, несомненно, было им только на благо: девочка росла и проявляла себя уже по-взрослому. Через полтора года, ровно в день шестнадцатилетия, она заколола директора интерната для трудных подростков заточкой, сделанной из сломанной алюминиевой ложки. Официальная версия — из-за покушений на ее девичью честь. Суд принял во внимание, что убитому было чуть больше семидесяти лет, из которых он полвека отдал педагогике, а также характеристики и послужной список Дианы, и вскоре она сменила интернат на настоящую колонию для малолетних преступников. Неизвестно, как сложилась бы дальше ее судьба, если бы талантливой девочкой не заинтересовались рекрутеры неофициальных силовых структур. Из мест заключения Диана переместилась в тренировочный лагерь, а потом приступила к работе: опасной и трудной, как будто не видной, а если и заметной для обывателя, то только в виде результирующих заголовков резонансных статей, множущих версии и никогда не дающих ответов. С нанимателями своими Диана в итоге рассталась через шесть лет, отработав долги за свободу и скопив небольшой капитал, большой опыт и обширные связи, позволявшие зарабатывать на мотоциклы и вести бизнес с людьми, подобными Артуру. Но вот только никакие связи не могут научить разговаривать с десятилетними девочками на их языке, если тебе самой двадцать восемь и ребенком ты никогда не была.

Но все это компенсировалось умением быстро просчитать и понять

человека, а еще способностью к языкам. «Дина „Дикая Кошечка“ Герц» вступила в полтора десятка девичьих групп и стала изучать материал. Очень скоро она была в курсе нехитрых музыкальных пристрастий, непритязательных интересов, а чтение многочисленных комментариев помогло научиться писать примитивно, безграмотно, но с использованием популярных словечек и междометий, которые рождаются из опечаток и криворукости, а живут благодаря стадному инстинкту подражательства.

Ахах, не так уж это и сложно, как по мне.

Можно было приступать к поиску жертвы. Десятилетних девчонок из Петербурга в Социальной сети было пруд пруди. Поисковый модуль тактично не позволял указывать возраст менее четырнадцати лет, зато можно было вводить, например, номер школы, не говоря уже о тех же группах, где Диана с удивлением увидела даже первоклассниц, у которых в графе «семейное положение» на странице значилось «в активном поиске». Впрочем, годилась не всякая десятилетка. Нужна была та, у которой родители достаточно беспечны, бестолковы и заняты по большей части собой, чтобы не следить, кто и как общается с их ребенком в Сети. Такие могут и погулять отпустить во двор затемно, и поехать с ночевкой к новой подружке, особенно если им позвонит ее мама и успокоит, заверив, что все под контролем. Очень скоро Диана нашла верный признак того, что ни папа, ни мама не следят за детской страницей: под фотографиями десятилетних девчонок то и дело попадались комментарии от взрослых и явно посторонних мужчин, как правило, лет сорока. «Ты прекрасна!», «Божественно!», «Настоящая красотка, на обложку глянца!» и все в таком роде. Диане были чужды сантименты, она не знала и знать не хотела, что такое семья, но простой здравый смысл подсказывал, что после таких комментариев отец, например, должен был как минимум удалить к чертям страницу дочери из Социальной Сети и запретить ей выходить в интернет, а как максимум — навестить комментаторов с бейсбольной битой или двустволкой. Однако по большей части ничего этого не происходило, и школьницы, едва только закончившие младшие классы, продолжали выкладывать фотографии и общаться неведомо с кем, вежливо отвечая на льстивые восторги «Спасибо!» и «Очень приятно!». Диана даже заволновалась: того и гляди, бродячие сетевые педофилы — любители всех расхватают.

В итоге страниц девочек, отвечающих всем параметрам поиска, набралось три десятка. Тринадцатилетняя Дикая Кошечка из Москвы написала всем сообщения с приветом и комплиментами и стала ждать.

Ответили двадцать две.

Голая молодая женщина со смуглой кожей, покрытой узорами татуировок, сидела в полумраке перед компьютером и думала над следующими посланиями. Дружить она не умела, болтать попусту тоже, и приходилось импровизировать.

К четырем часам утра разговор уверенно поддержали восемь девчонок, которых Диана сочла наиболее перспективными: значит, родителям все равно, что ребенок не спит до утра и сидит в Социальной Сети. Пятеро сообщили, что папа с мамой еще не вернулись из церкви. Диана задумалась: с одной стороны, показательно, что озабоченные благочестием родители знать не желают, чем занят ребенок, пока они со свечами в руках маршируют по кругу возле храма, с другой — они вряд ли отпустят дочь погулять или на ночевку к незнакомой им виртуальной подруге. Таким образом, определилась тройка лидеров: светленькая, голубоглазая Катя, хорошенькая, как куколка из позапрошлого века; не по годам вытянувшаяся, насколько можно было судить по фотографиям, кудрявая Света; и темноволосая, полноватая Маша. Маша была некрасивой, а в Свете могли заподозрить тринадцатилетнюю, так что — та-дам! — в финал выходит Катя, а прочие отправляются на скамейку запасных, на случай, если с кукольной Катей ничего не получится. Надо будет по-дружески предупредить ее, чтобы опасалась всяких мужиков, восхищающихся в комментариях.

Диана удовлетворенно потянулась, заведя руки за спину, так что большая упругая грудь с наколотыми вокруг сосков остроконечными звездами, коснулась клавиатуры. Колокола за окном наконец стихли. На экране телевизора юмористов сменила группа разнополых недорослей, пререкающихся в комнатах общежития и выясняющих отношения у костра. Катя, Маша и Света вместе с прочими новыми подружками Дикой Кошечки покинули Социальную Сеть. За окном темно-синее небо светлело, расцветая лазоревым краем. Пойти спать или, может быть, прогуляться? Наверное, лучше немного пройтись: привычное к движению тело требовало разминки после долгого сидения на одном месте. Как эти дети выдерживают перед компьютером по несколько часов кряду? Диана встала, закинула руки за голову, разминая затекшую спину, и тут телефон на столе ожил тревожными трелями. На экране, как проблесковый маяк, мигало имя: ЖАННА.

Звонок в половине шестого утра — всегда знак беды. В два, в три часа, даже в четыре могут звонить подгулявшие бывшие или приятели, приглашая присоединиться к попойке. В половине шестого звонят только затем, чтобы сообщить дурные известия.

Диана взяла трубку.

— Жанна? Что-то случилось?

— Рада, что у тебя ничего не случилось, — ответила Жанна. Голос был заспанным, сиплым.

— В смысле?

— Проверка связи. Обзваниваем всех наших.

Жанна помолчала и пояснила:

— Двадцать минут назад кто-то позвонил в полицию, чтобы сообщить про обгоревший труп в лесу. И добавил при этом, что снова сделал за них их работу.

* * *

Если человек говорит, что не умеет молиться, значит, он никогда не был в отчаянной ситуации. Даже не приближался к ней. Да что там, и просто в затруднительную не попадал. Верующие и атеисты сколько угодно могут сходиться в яростных спорах, предъявляя друг другу доказательства бытия Божия или отказывая Ему в существовании, но вот, лучшее подтверждение того, что Он есть, заложено в нас самих. Ибо на краю гибели, лишенный надежды, в страхе и в одиночестве, всякий взмолится одинаково: «Господи, помоги!»

— Господи, помоги! — еле слышно прошептал Николай и прислушался.

Издаലെка, словно из другого мира, до унылых каменных корпусов психиатрической клиники доплывал величественный перезвон колоколов Свято-Исидоровской церкви. Так, верно, до несчастного моряка, оказавшегося на голых скалах необитаемого острова, доносится гулкий звук корабельных гудков и сирен проплывающего мимо в тумане огромного океанского лайнера. Сверкают огнями борта и палубные надстройки, сияют прожекторы на высоких мачтах, светятся уютным и желтым окна кают, и веселая публика шумит и смеется, радуясь бесконечному празднику. Кричи, сколько хочешь, надрывай горло — тебя не услышат. Корабль пройдет мимо, растворятся во мраке огни, стихнут, последний раз пронсясь над волнами, басовые ноты гудков, а ты так и останешься на скале, никем не замеченный, не спасенный, только повторяющий, вперив недвижный взор в океанскую зыбь: «Господи, помоги!».

А может быть, все же услышат?..

Николай огляделся. Соседи по палате лежали недвижно, застыв в

кататоническом забытье: один вытянулся как бревно, прижав напряженные руки к бокам, другой замер, приподняв над кроватью плечи и голову, будто опирался на невидимую подушку. Слышат ли они пасхальные звоны? Пытаются ли прошептать слова последней надежды?

— Господи, помоги! — повторил Николай и прислушался.

Давно перевалило за полночь. Точнее определить время не представлялось возможным: часов нет, за окном темнота, лишь колокольные звоны меняют тона и напев своих праздничных гимнов. Как узнать, скоро ли утро? Сегодня она еще не приходила, так может быть, обойдется? Вдруг его тихий, отчаянный шепот был услышан?..

Негромко скрипнула, приоткрывшись, белая дверь. Николай рывком приподнялся, так, что свело ослабевшие мышцы, вывернулся, насколько позволяли ремни на лодыжках и на запястьях, и устался в медленно раскрывающийся дверной проем. Тусклая полоса света из коридора легла на пол, как истершийся половик. Николай задрожал от страха и напряжения, не в силах пошевелить губами, но отчаянная молитва воплем билась в груди.

«Господи...!»

Из коридора в палату бесшумно ступила Карина. Николай застонал. Из прокушенной губы по заросшему редкой щетиной подбородку потекла теплая вязкая струйка. Карина постояла немного, наклонив голову и будто прислушиваясь, и направилась к своему пациенту. В полумраке палаты она была похожа на привидение: светлое, размытое пятно халата, белый овал лица над ним, провалы больших темных глаз, гладко расчесанные на пробор и забранные назад черные, блестящие волосы. Она приблизилась к кровати больного, подвинула белый стул на металлических ножках и села. Николай замер, совсем как кататоники на соседних койках: мышцы спины окаменели, сведенные судорогой, глаза на застывшем в гримасе страха лице выпучились, в ужасе уставившись на медсестру.

— Христос Воскресе, — негромко сообщила Карина приятным, низким голосом.

Николай промолчал.

Карина отвернулась и стала смотреть в окно.

— Как красиво звонят колокола, правда? — спросила она. — Я всю ночь слушала. Сегодня большой праздник, ты знаешь? Самый главный, если точнее. Это у нас тут темно, пыльно, пахнет, как в склепе, где похоронили живых. А там, у них, церковь сияет огнями во тьме, люди, все веселые, нарядные, держат в руках свечи и подпевают хору. Так прекрасно, как в сказке. Вообще, все самые лучшие праздники отмечаются ночью,

согласен? Рождество, например, или Новый год. И вот, Пасха. Лично мне Пасха нравилась всегда больше всего: в Новом годе какой смысл? Только лист календаря перевернуть, да и все. А в Пасхе огромный смысл. Ты был когда-нибудь в храме на пасхальной службе?

Николай не ответил. Не мог ответить.

Карина вздохнула.

— А я была несколько раз, еще девочкой. Нас, детдомовских, воспитатели водили на Пасху в храм неподалеку. Теперь, наверное, больше я в церковь на Пасху не попаду. Но как мне нравится этот праздник! И особенно колокольный звон. Если закрыть глаза и слушать, просто как музыку, то начнешь видеть картины. Я, например, вижу горы; огромные, седые горы, каких нет нигде в мире, похожие на грозные тучи; они окутаны мглой, и там сверкают молнии, кустарник вспыхивает и пылает на склонах, а порой слышен голос, торжественный, грозный. И меня тянет туда, к этим горам, я хочу взобраться на них, но мне очень страшно. Вот, сейчас, слышишь, как меняется перезвон? Как будто небо раскрылось и стало видно и слышно, что там, за гранью. Попробуй закрыть глаза. Видишь что-нибудь?

Николай закрывать глаза не стал, а только отчаянно замотал головой. Он хотел было снова прошептать «Господи, помоги!», но губы не слушались, а из горла вырвался только надтреснутый сип.

— Да, не получается у нас с тобой разговор, — подытожила Карина. Она опустила руку в карман и достала огарок черной свечи. Пациент заскулил. Карина вытащила другой рукой зажигалку и положила палец на стальное колесико. Черные глаза уставились на Николая.

— Знаешь, чем отличается месть от наказания, Коля? Мести довольно того, чтобы обидчик страдал. А для того, чтобы состоялось наказание, необходимо осознание проступка. Говорят, так поступает Бог: мучает человека, пока тот не поймет, что именно делает не так. Ты веришь, что мы сотворены по образу и подобию Божию, Коля? Я верю.

Карина чиркнула зажигалкой и поднесла огонек к свече. Пламя лизнуло толстый черный фитиль, словно попробовав на вкус, и, довольное, с треском взметнулось вверх. Оранжево-красные сполохи отразились в черных глазах медсестры, как в окнах болотной трясины. Сероватый дымок побежал вверх и стал скручиваться под потолком в причудливую спираль.

— Я хочу, чтобы ты вспомнил, Коля. Все вспомнил, до последнего мига. И осознал, почему я делаю с тобой то, что делаю. Ты уж постарайся, ладно? А я помогу, чем умею.

Карина прикрыла глаза и забормотала. Серая струйка дыма

задергалась, будто бы оживая, и стала подниматься и крутиться резвее. Колокола за окном стихли, а тишина продолжала звенеть, словно вибрируя в тон последних колокольных ударов. Серый дым закрутился в воронку.

«Господи, помоги! Господи, помоги! Господи, помоги!»

Карина задула свечу, встала и посмотрела на Николая. Тот дрожал крупной дрожью, на лбу выступил пот.

— Вспоминай, вспоминай, Коля, — сказала Карина. — Странно, конечно, что ты до сих пор не додумался, но это значит только, что совесть тебя не мучает. Спилась твоя совесть. А может, и не было ее никогда. Так что придется мне за нее поработать.

Спираль серого дыма свилась плотной змеей, качнулась и нырнула вниз, коснувшись лица Николая. Первый пронзительный крик прозвучал, едва только Карина закрыла за собой дверь.

Она дошла до поста, освещенного уютной настольной лампой, прислушалась к несущимся издали воплям, удовлетворенно кивнула и села. Раскрыла книжку. До конца смены оставалось еще более трех часов.

Телефон зазвонил, когда за окнами коридора ночь начала выцветать, меняя аспидно-черный на грязно-серый. Карина взглянула на экран: «ЛЕРА». Взяла трубку.

— Привет!

— Карина, как я рада, что ты в порядке!

Голос Валерии был встревоженным и усталым.

— Да, у меня все хорошо, я на работе. А что случилось?

— Видишь ли...это, конечно, не точно...ничего толком неясно...но кого-то из наших убили.

Карина прикрыла глаза. Голос с горы, молнии в тучах, пылающие, как горящие села, кусты.

— Почему так решили?

— Был звонок в полицию. И, насколько я знаю, рядом с телом снова нашли ту табличку...ну помнишь...с надписью «ВЕДЬМА». Ты будь осторожна, когда домой пойдешь, ладно? Я позже перезвоню.

— Ладно. Спасибо, — сказала Карина и повесила трубку.

«ВЕДЬМА». Похоже, что тот, кто делает это, тоже знает различие между местью и наказанием.

* * *

— Точно не хочешь остаться? — спросила Виктория.

Валерия покачала головой.

— Нет, спасибо. Я лучше пойду.

Виктория пьяно ухмыльнулась. Она развалилась, полулежа, на диване в гостиной: спина опирается на один подлокотник, босые ноги крест-накрест закинута на другой, короткий халат золотистого шелка небрежно запахнут поверх обнаженного тела — полы раскрылись едва ли не до самого паха, открывая длинные, стройные бедра, гладкая ткань расползается по груди, то и дело оголяя темный кружочек соска. Окна плотно закрыты; сквозь тройные с усиленной звукоизоляцией рамы снаружи не долетает ни звука, а плотные шторы не пускают свет ночных фонарей. Жаркий воздух пахнет сандалом, пряными травами и совсем чуть-чуть дымом; в камине пылает огонь, заставляя дрожать полумрак, рассеиваемый только напольной матовой лампой у входа в соседнюю комнату, да парой свечей на столе, огоньки которых отражаются в почти опустевшей бутылке вина и гладких стеклянных поверхностях стеклянных бокалов. Виктория потянулась к своему, с наслаждением допила золотистый напиток, и сказала:

— Да ладно тебе, куда ты пойдешь-то? Домой, сидеть перед телевизором? Давай лучше выпьем еще, и я мальчишек позову. Ты когда вообще в последний раз трахалась нормально?

Виктория подмигнула подруге. Валерия поморщилась. Вот обязательно так говорить, а? Она положила руки на подлокотники кресла.

— Ладно, Вика, если мы все уже обсудили...

Та небрежно махнула бокалом.

— Ну да, а что еще обсуждать. Я, честно, не понимаю, почему ты такая напряженная. Из-за девицы этой, что ли, которую дура Инфанта на шабаш притащила? Ну, бывает и такое, сама знаешь.

Валерия кивнула.

— Знаю.

— Так а что тогда? Упыря этого я убила. Понимаю, что ты перенервничала, да и мы все перепуганные были, но вот, кончилось.

Валерия вздохнула и посмотрела на большое зеркало над камином. Оно было старым, поверхность покрылась коричневатой патиной и чуть изогнулась, отчего комната в отражении была похожа на старую, потемневшую от времени фотографию позапрошлого века. Зеркало, как и камин, и некоторая старинная мебель — трюмо в прихожей, резной шкаф с застекленными дверцами, пару стульев — остались от предыдущих владельцев квартиры, а может быть, и от самых первых, живших здесь в те далекие времена, когда огромный доходный дом Комиссаржевских,

построенный неподалеку от места, где некогда дышало смрадом бездонных трясин Козье болото, придавил собой замурованную в земле мертвую речку, где в непроницаемом мраке, плотном иле и грязи, чуть разбавленной сгнившей водой, покоилась старая ведьма. Впрочем, слово «покоилась» тут вряд ли уместно. Если верить Виктории, Бабушка выходила с ней на связь регулярно.

— А ты уверена, что это был именно он? Инквизитор? — с сомнением в голосе спросила Валерия. — Бабушка подтвердила?

Виктория недовольно фыркнула и поставила бокал обратно на столик.

— Я тебе говорила уже, — раздраженно заговорила она. — Я задала два вопроса. Первый — что делать с тем, кто убивает сестер. Ответ был однозначный — смерть. И второй, про эту рыжую, Алину. Тоже однозначный ответ: в ней есть сила. Бабушка так и сказала: «В ней сила».

— И Алина уверена, что тот, кого арестовала полиция, не был убийцей.

Виктория отмахнулась.

— Ну, это просто мнение. Неизвестно еще, что в ней за сила такая. Но готовить к посвящению ее нужно, и лучше не откладывать. Самое главное я уже сделала — сама, как всегда — а теперь будем заниматься рыжей. Как она тебе, кстати?

— Да нормально. Поживем — увидим.

— Нудная ты, Лерка, — сказала Виктория и зевнула, поправляя халат на груди. — Всегда такой была. Все тебе не так.

Валерия пожала плечами и снова посмотрела в зеркало. В его темном стекле отражение Виктории напоминало портрет аристократки минувшей эпохи, изысканно драпирующейся в шелка. Несомненно, такой она себя и видела. Уж точно не вульгарной подвыпившей теткой, у которой то и дело из-под халата вылезают голые сиськи.

Валерия встала.

— Все, я пойду. Веселого вечера тебе!

Виктория лениво помахала рукой.

— Пока. Дверь захлопни сама, мне вставать лень.

Она наполнила свой бокал остатками вина, пригубила, слушая, как возится в прихожей подруга, натягивая сапоги и пальто. Потом хлопнула дверь, отрывисто щелкнул язычок замка. Все, наконец-то свалила.

Виктория слезла с дивана, потянулась и направилась в спальню, выключив по дороге лампу. Вернулась оттуда с черной книжечкой и небольшим пучком трав. Присела возле камина, посмотрела немного и бросила травы в огонь вместе с щепотью серого порошка. Пламя

вспыхнуло ярче, затрещало, в дымоход ринулись рыжие искры, а комнату стал наполнять легкий, сизоватый дымок: он пах жарким летом, согретой травой и еще — раскаленным железом. Виктория раскрыла книжечку на заложенной красной тесемкой странице и медленно, нараспев, прочитала несколько слов. Потом улеглась обратно на диван и стала ждать.

Комнату заволакивало пахучей дымной пеленой; она обволакивала стены, предметы, кружилась под потолком, и наполняла голову приторным, теплым дурманом. От живота медленно растекалось по бедрам, приятное, волнующее томление. Виктория распахнула халат; пальцы заелозили по сладко занывшему телу, коснулись кончиками нежной плоти, ощутив влагу и жар. Дверь в спальню бесшумно открылась. Две тени скользнули в гостиную, приблизились к ложу Княгини Ковена; в мерцающем свете свечей и каминного пламени заблестели смуглые, смазанные маслом мускулистые тела двух наголо бритых мулатов, похожих, как близнецы. Возбужденные крепкие пенисы упруго вздымались, маяча перед рельефными кубиками мышц живота.

— Да, — прошептала Виктория. — То, что нужно, да...

Халат упал на пол желтой лужицей жидкого шелка. Она поерзала на спине, устраиваясь поудобнее, и раскинула ноги, закинув одну на спинку дивана и поставив другую на пол. Инкубы знали, что делать, без слов и подсказок: один тут же встал на колени и припал жадным ртом к гладко выбритой крепкой промежности Примы, вылизывая ее горячим влажным языком; другой занялся сосками, поочередно охватывая их полными губами и стискивая сильно, но нежно, сладко занывшую грудь.

Виктория стонала, извиваясь на ставшем мокрым диване, вцепляясь ногтями в подушки и края резной спинки. Ноги сомкнулись на широкой, крепкой спине, согнулись, с силой вдавливая лицо инкуба в нетерпеливую плоть. Комната завращалась в жаркой дымке и терпких запахах интимных соков. Прима перевернулась и встала на четвереньки; один из мулатов тут же скользнул под нее, продолжая ласкать и облизывать грудь, а другой пристроился сзади, и она зарычала от наслаждения, ощущая, как растягивает ее мощная, упругая плоть. Она принялась подмахивать задницей, чувствуя на бедрах сильные, широкие руки, и заскользила по горячему, покрытому маслом гладкому телу под ней, елозя грудями по раскрытым губам и трепещущему языку.

«Дура Лерка, что отказалась», мелькнуло в голове, и в комнате что-то вдруг изменилось.

Заполнивший комнату дым стал грязно-серым, и в нем замелькали черные хлопья. В ноздри резко ударила серная вонь. Тело мулата

под Примой из горячего стало холодным и липким, и Виктория, дернувшись, с ужасом увидела, что лежит на огромной змее с глазами цвета желтого гноя. Она приготовилась крикнуть от страха, но заорала от боли: сзади в нее вместо гладкого пениса возилось нечто шершавое, кривое и раскаленное, а руки инкуба превратились в жесткие волосатые лапы, охватившие ее бока, как стальной обруч. Виктория со страхом скосила глаза: в зеркале за ее спиной отражался большой черный пес с красными, как уголья, глазами; он вывалил длинный багровый язык и крепко держал ее передними лапами, ерзая и поддавая вперед поджарой жилистой задницей. Прима задергалась, снова заорала, лихорадочно пытаясь сообразить, что же пошло не так в такой знакомой и привычной процедуре, как секс с инкубами, но тут к запаху серы добавилась вязкая вонь разложения и гнили, и надтреснутый, старческий голос произнес:

— А ты, значит, все развлекаешься, Викочка?

Бабушка вышла из темного угла у портьеры и встала перед Викторией. Болотная черная жижа стекала на ковер с разбухших от влаги, прогнивших и слипшихся тряпок. Седые космы свисали как мертвые водоросли на покрытые пятнами тления, бледно-синие щеки. Желтые глазки из-под кустистых бровей смотрели недобро.

Виктория пискнула.

— Ах, да что это я так запросто, Викочка, — ехидно продолжала старуха. — Ты ж госпожа Прима, Первая, так тебя звать — величать, да? Ну ты развлекайся, развлекайся, дело молодое, хорошее.

Черный пес дернул бедрами, и госпожа Прима заорала от боли и дикого страха. Ощущение было такое, что пенис адского зверя покрылся зазубринами и рвет ее изнутри.

— Что ж не развлекаться, ты же все дела уже переделала. Полный ковен из тринадцати сестер собрала, шабаши раз в месяц проводишь, не пропускаешь; супостата, который девок твоих бил да жег, со свету сжила. Даже рыжую, про которую сама у меня и спросила, в ковен принять успела, правда?

От боли перед глазами вспыхивали искры и плавали синие круги.

— Бабушка... подожди... — выдавила Виктория.

— Так я жду, внученька, жду, — кротко ответила старуха. — Четыре годика уже жду, вот с тех пор, как на Виллу Боргезе вас привела. Ты мне тогда что сказала? Бабушка, вот увидишь, я, мол, сейчас полный ковен зараз соберу! Давай-ка, посчитай, что за четыре года получилось: семерых взяла, троих за два месяца потеряла. Вот радость-то Бабушке!

Старуха мигнула черному псу, и Виктория завизжала.

— Ну да, я же понимаю, тебе некогда, ты у нас занятая: книжки пишешь, наукам учишь, вот, с бесенятами тешишься. Да только дело стоит, Викочка. И ладно бы, только на месте стояло: хуже делается, вот ведь беда.

— Я...убила...как ты...и сказала...справилась... — слова приходилось с усилием выталкивать из разодранного криком горла.

— Никого ты, дура этакая, не убила!!! — заорала старуха в лицо Виктории, обдавая ее брызгами зловонной жижи и смрадом разложившихся внутренностей. — Ты спросила, что делать, ежели охотника сыщешь, я и сказала — убей. А ты что? Фетюка какого-то булавками накормила, а Инквизитор как был жив, так и жив до сих пор! И пока ты тут срамные места чешешь, только что еще одну из твоих загубил! Семеро вас теперь осталось, понятно?! Так-то! Собрать не можешь, так хоть сберечь сумеи! Жили — не тужили, так и то за четыре года еле семерых сестер нашла! А как трудно стало — все, вообще руки опустила, пусть всех убивают, пока ты тут прохлаждаешься!

Голос старухи дребезжал, как старая жесьть на ветру. Виктория почувствовала, что ко всему прочему, у нее начинает страшно болеть голова. Пес снова пошевелился в ней, и она заплакала.

— Бабушка, прости, я все исправлю, прости...пожалуйста...

Старуха посмотрела на нее в упор тяжелым, немигающим взглядом.

— Инквизитора найти и убить. Алинку рыжую подготовить и на шабаш привести. Сроку тебя на это все месяц. И смотри мне, чтобы ни одной больше сестры не потеряла! Потому как после посвящения, не твои они, а Его. Понятно что ли, госпожа Прима?

Виктория всхлипывала и кивала.

— Ну вот и ладно, — сказала старуха. — Как выполнишь все, поговорим, что дальше делать. А сейчас пора мне. И так тяжело ходить, а сегодня, пока колокола бьют, и вовсе муторно. Спать буду месяц теперь. А ты не подведи меня тут.

Старуха повернулась и шагнула в угол.

— Бабушка! — позвала Виктория. — Бабушка!

Та повернулась.

— Ну, чего тебе еще?

— Скажи им...что бы ушли.

Старуха прищурилась и растянула синие губы в ухмылке, обнажив обломки черно-желтых зубов.

— Бесенята-то? Так ты ж сама их позвала, я-то что сделаю? Веселья хотела, внученька? Вот и повеселись.

Старуха исчезла. Огромный удав под Викторией шевельнулся, разинул

белесую пасть и впился ей в грудь длинными, острыми клыками. Она закричала, забилась, а черный пес выдернул зазубренный пенис у нее из влагалища, едва не вывернув наизнанку, и с размаха всадил его в зад. Пес задергался в бешеном ритме, и крик Виктории стал пронзительным воем...

Сколько все это продолжалось, она не знала. Может быть, час. Или два. Судя по собственным ощущениям, чуть дольше, чем вечность. В конце концов инкубы исчезли, растворившись в тенях, и оставив ее распростертой ничком на диване с разодранными ногтями обивкой.

Огонь в камине погас, оставив только мерцающие раскаленные угли. В комнате воняло серой, гнилью, потом и кровью. На стенах и на мебели осела серая сажа. Виктория с трудом пошевелилась и села, едва снова не заорав от боли. Беспощадно искусанная грудь посинела, опухла и стала похожа на две огромные, помятые сливы. Влагалище и анус саднили неимоверно. Внутренности жгло, как будто раскаленный пенис inferнального пса так и остался внутри, впившись в плоть игольчатыми зазубринами. Голова гудела и раскалывалась. Глазам было больно смотреть. Виктория кое-как поднялась, оставив на светлой ткани дивана неопрятные бурые пятна, и поковыляла в ванную. Горячий душ, под которым она простояла минут двадцать, помог, но не так, чтобы очень. Когда она вернулась в комнату, дисплей на мобильном светился. Виктория взяла телефон: три пропущенных, все от Жанны. Она осторожно присела на бок и нажала на вызов. Жанна ответила сразу же.

— Вика! Ты чего трубку не брала?! Я уже черт знает, что подумала!

— Занята была, — проскрипела Виктория. Голос звучал как чужой.

— Вика, у нас ЧП, — сказала Жанна.

Сердце заныло. «Семеро вас теперь осталось, понятно?!»

— Кто? — спросила Виктория.

— Пока не понятно, — ответила Жанна. — Мой человек из полиции позвонил, сказал только, что есть обгоревший труп женщины и надпись «ВЕДЬМА» рядом. Сейчас обзваниваем наших, чтобы выяснить... Слушай, а как ты узнала?..

— Жопой почувствовала, Жанна — Виктория невесело усмехнулась, но тут же, неловко пошевелившись, скривилась от боли. — Жопой.

Глава 27

12 апреля. Genikeevka.ru, и еще 4 новостных портала.

«В Ленинградской области обнаружен женский труп с признаками насильственной смерти».

«Ранним утром 12 апреля, в воскресенье, сотрудниками полиции УВД по Ленинградской области в лесу, примерно в трех километрах от поселка «Дружба», было обнаружено тело женщины. По информации от источника в полиции области, труп сильно обгорел. Причина смерти в данный момент устанавливается, однако по предварительной информации гибель потерпевшей связана с действиями насильственного характера, имевшими место незадолго до трагедии. На настоящий момент установлено, что погибшая, 25-летняя неработающая жительница Санкт-Петербурга родом из Поволжья, была сотрудницей одного из интим-салонов. Проводится дальнейшее расследование обстоятельств дела, однако, как стало известно редакции «Геникеевки», это происшествие может быть самым непосредственным образом связано с еще несколькими убийствами женщин, совершенными в Ленинградской области в течение последних двух месяцев. Напомним, что неделю назад мы сообщали о задержании подозреваемого в совершении серии этих жестоких убийств, впоследствии скончавшегося в ИВС ГУВД Санкт-Петербурга при обстоятельствах, позволяющих предположить самоубийство. «Геникеевка» будет следить за развитием событий».

13 апреля. Genikeevka.ru, и еще 7 новостных порталов.

«В Санкт-Петербург прибыла бригада следователей СК РФ».

«Сегодня в Санкт-Петербург из Москвы прибыла специальная бригада следователей СК РФ для руководства и организации расследования серии убийств, совершенных с особой жестокостью в феврале — апреле этого года. Последней жертвой неизвестного преступника стала сотрудница одного из интим-салонов, тело которой было обнаружено накануне в лесу, неподалеку от трассы Р-21. В пресс-службе ГУВД на настоящий момент от комментариев по поводу прибытия следственной группы отказались, пообещав предоставить информацию после завершения необходимых организационных процедур. Однако в частной беседе один из сотрудников ГУВД сообщил корреспонденту «Геникеевки», что в настоящий момент проводится реорганизация группы сотрудников полиции и следственных органов, ранее занимавшихся работой по раскрытию упомянутых преступлений. Собеседник «Геникеевки» также не исключил, что будут сделаны определенные оргвыводы и наложены взыскания на некоторых оперативных сотрудников полиции в связи с неудовлетворительными результатами расследования и многочисленными ошибками, совершенными в ходе его проведения. К таковым относится, в частности, арест некоего Ферта А. В., которое наш собеседник охарактеризовал как «необоснованное и преждевременное» и которое, напомним, косвенно привело к смерти подозреваемого. «У высшего руководства есть немало вопросов к питерским оперативникам и следователям, которые не только не смогли найти настоящего преступника, но и осуществили поспешный арест невиновного в стремлении как можно скорее закрыть дело. Скорее всего, будет поставлен вопрос о некомпетентности и служебном несоответствии», — сообщает источник».

14 апреля.

Сообщение на форуме сайта «ЭротСпб» от пользователя «ГлавФифа».

«Дорогие, любимые мужчины! По техническим причинам

наш Центральный салон закрывается, мы переезжаем на другой адрес. Какой — сообщим здесь, как только обустроимся на новом месте! Остальные салоны нашей сети работают в обычном режиме. С нетерпением ждем вас в гости! Ваши Фифы».

Genikeevka.ru. (статья перепечатана 11 новостными порталами).

«Инквизитор: кровавые хроники. Как ловили и не поймали самого жестокого серийного убийцу в истории города».

«Обет молчания, который упорно держали питерские сыщики в течение двух последних месяцев, наконец-то нарушен. Для того, чтобы жители Петербурга смогли узнать правду о том, что происходит на улицах города и в его окрестностях, потребовалось семь недель, четыре трупа зверски замученных женщин и прибытие из Москвы специальной следственной бригады. Внимательные читатели, вероятно, уже смогли проследить за жутковатой цепочкой событий, о которых мы упоминали вскользь, мимоходом, начисто лишённые какой-либо адекватной информации об этом деле. Корреспонденты «Геникеевки» вместе с вами сопоставляли факты, стоили догадки, но не могли и близко представить себе того ужаса, который скрывался за упрямым молчанием оперативников и следователей. Впрочем, даже сейчас мы не знаем всего доподлинно, многое остается скрыто за грифом «секретно» на папках с материалами дела, которое уже окрестили «делом Инквизитора». Однако теперь мы, по крайней мере, располагаем фактами о том, какая беспрецедентная ситуация сложилась сейчас в нашем городе. Трактовки, версии, попытки осмыслить происходящее оставим на потом. Сегодня — только факты.

26 февраля. В одном из дачных поселков Ленинградской области обнаружен труп женщины. На теле — следы изуверских пыток: раздроблены кости стоп, колени, изуродовано лицо. Кроме того, неизвестный преступник облил свою жертву бензином и сжег, как потом установят эксперты — заживо. Рядом с телом — кусок фанеры, на котором черной краской

выведено «ВЕДЬМА». Позже установят, что погибшая была гадалкой: раскладывала карты, давала советы, продавала желающим какие-то травы и талисманы. Пока полицейские второпях проводили первые, положенные в таких случаях, оперативные мероприятия, кто-то поджег кабинет, в котором практиковала покойная. Вероятно, сам убийца таким образом пытался замести следы. И самое удивительное: о месте нахождения тела сообщил тоже он. «Вежливый такой, голос приятный, — вспоминает дежурный сотрудник ГУВД. — Объяснил, где найти тело и сказал, что сделал нашу работу».

Тогда журналистам накрепко запретили писать об этом деле что-либо, кроме короткой заметки из серии полицейских сводок. Мы отнеслись к этому с пониманием, уверенные, что убийца будет задержан буквально по горячим следам — простите за каламбур. Но прошла неделя, другая — и молчание полицейского руководства стало неловким. Вдумайтесь: некто похищает пожилую гадалку из ее кабинета в самом центре, везет через весь город, зверски пытается в течении нескольких часов в пустом доме дачного поселка, сжигает заживо, а потом еще и сам звонит в полицию! Мало того, оставляет свою роковую подпись — увы, не в последний раз: «ВЕДЬМА». Читатель спросит: а как же свидетели? Камеры видеонаблюдения, которыми за бюджетные деньги утыкан весь город? Полицейские патрули? Биллинг телефонных звонков? В конце концов, улики, которые должны были остаться на месте преступления во множестве? Задавались этими вопросами и мы. Но в ответ слышали только уклончивые объяснения и обещания что вот-вот — и нам все расскажут.

23 марта. Еще один труп в пустом дачном поселке. Молодая женщина, модельер. Мать — одиночка. Картина та же: тело чудовищно изуродовано то ли молотком, то ли ломом. Перебиты кости. На этот раз убийца почему-то решил задушить жертву перед тем, как облить бензином и сжечь, но в остальном себе не изменил: тот же издевательский звонок в полицию, та же надпись «ВЕДЬМА». И те же просьбы со стороны руководства ГУВД «не распространяться», «не спешить», «не травмировать общественность». Каемся, дорогие читатели — мы дали себя уговорить. Снова. Потому что снова поверили, что уж на этот-то раз преступнику не уйти: убитая женщина возвращалась на

поезде из деловой поездки в Москву, а ведь это — вокзал, люди, те же камеры! Ничего. Маньяк остается на свободе. И, как покажет дальнейшее развитие событий, не собирается останавливаться на достигнутом.

3 апреля. В лесополосе за городом находят еще одно тело — студентки, пропавшей в начале февраля. Картина на месте обнаружения трупа несколько иная, но снова — бензин, огонь и следы удушения. Экспертиза утверждает: это дело рук того же убийцы, которого сыщики успели окрестить Инквизитором. И снова прекрасный шанс для следствия: отработать связи, установить контакты. В результате задержан, а потом арестован предприниматель Александр Ферт. Кроме незначительных и неубедительных, кажется, даже для следствия, улик, единственное основание для ареста — его знакомство с погибшей. Оперативники радостно рапортуют о том, что наконец поймали того самого маньяка, который — без всякого преувеличения — терроризирует город уже пару месяцев. Но подозреваемый погибает в камере изолятора временного содержания при до конца невыясненных обстоятельствах, а менее чем через неделю после этого, будто издеваясь над работниками правоохранительных органов, Инквизитор наносит свой новый удар: убита работница одного из городских массажных салонов. Говорят, что на этот раз пыток не было. Говорят, что она умерла от удушья еще до того, как убийца привез ее на место казни, в лесу по дороге на Шлиссельбург. Но неизменно одно: и в этом случае сыщикам, оснащенным по последнему слову техники, следователям, криминалистам, экспертам не удалось найти преступника ни по горячим, ни по холодным следам. Мы еще раз подчеркнем: во всех случаях Инквизитор совершил не просто убийство — это были спланированные, сложные, прекрасно организованные акции, и мы вынуждены признать, что уровень организованности безумного одиночки оказался выше, чем у всей полиции города.

Вчера из Москвы прибыла специальная бригада следователей, специализирующихся на раскрытии подобных преступлений. Надеемся, это что-то изменит. Надеемся, у них все получится. А пока все женщины в редакции «Геникеевки» в срочном порядке запасаются газовыми баллончиками и учатся обращаться с травматическим оружием. К сожалению, это

единственное, что мы можем посоветовать и нашим читателям, а в особенности, читательницам».

15 апреля.

Из статьи «Как нас убивают»: автор Леонид Розенталь, он-лайн издание «Свободное слово»; (перепечатано 7 он-лайн изданиями и опубликовано в Социальной сети; количество репостов — 137).

«...И тут возникает сразу много вопросов. Можно спросить, почему за два месяца следствие не продвинулось ни на шаг в поимке убийцы, который пытается и заживо сжигает женщин. Или спросить, за что на самом деле был арестован несчастный бизнесмен Ферт, доведенный до самоубийства в тюремной камере. Можно поинтересоваться, на что потрачены огромные средства, полученные от налогоплательщиков, и направленные на техническое оснащение и содержание огромного полицейского аппарата. Уверен, нам не ответят. Но первый и главный вопрос, который общество должно задать власти и на который необходимо потребовать ответ — почему так долго скрывались эти зверские преступления? Кому выгодно, чтобы безумец, одержимый религиозным фанатизмом, продолжал пытаться и убивать?»

Из сообщений новостных порталов и он-лайн изданий (в общей сложности более 40; все материалы были опубликованы в том числе в Социальной сети; совокупное количество репостов более 3000):

«Петербурженка убила мужчину, приняв его за «Инквизитора»: возвращавшаяся вечером домой 22 — летняя жительница Центрального района набросилась с ножом на нетрезвого молодого человека, пристававшего к ней на улице. По ее словам, она стала носить в сумочке нож после того, как прочитала об орудующем в городе маньяке-убийце. Увидев преследующего ее мужчину, она вынула нож, и, когда тот приблизился к ней с предложением познакомиться, набросилась

на него, нанеся в общей сложности более пятнадцати ножевых ранений в область шеи, грудной клетки и живота. Потерпевший скончался на месте до прибытия «скорой помощи».

«В Приморском районе Петербурга 40 — летний мужчина совершил самоубийство, выпрыгнув из окна своей квартиры на 17 этаже. Перед этим он позвонил в полицию, сообщив о своем намерении и о том, что объяснения своему поступку он изложил в предсмертной записке. Прибывшие на место сотрудники правоохранительных органов и медики обнаружили письмо, в котором погибший объявлял себя Инквизитором и признавался в совершенных преступлениях. Проведенная проверка установила его непричастность к серии резонансных убийств, произошедших в Петербурге за последние два месяца».

«Редакции различных газет и интернет-изданий получили в общей сложности более двух сотен писем от адресатов, называющих себя «Инквизиторами», с признаниями в «охоте на ведьм», описанием совершенных убийств, а также угрозами, изложением планов по организации террористических актов по мотивам религиозной ненависти и обещаниями массовых казней. «Грядет огненный апокалипсис!», — заявил один из авторов писем».

«В отделы полиции ГУВД Санкт-Петербурга и области обратилось пять человек, написавших явку с повинной в серии жестоких убийств, совершенных маньяком по прозвищу «Инквизитор». Примечательно, что среди обратившихся есть одна женщина. После проведенной проверки все обратившиеся были отпущены, при этом один из них, 33 — летний житель Петербурга, прямо из отдела полиции был в принудительном порядке направлен в психиатрическую больницу»

«В поселке «Новое болото» под Петербургом жители попытались сжечь продавщицу местного сельпо в ее собственном доме, обвиняя в колдовстве и наведении порчи, приведшей к утрате потенции у большей части мужского населения поселка. Несколько десятков мужчин окружили дом, заколотили входную дверь и окна, облили бензином и подожгли. Женщина была спасена вовремя вмешавшимся участковым инспектором полиции, получившим незначительные ожоги, а также травмы мягких тканей головы и лица, которые нанесли ему нападавшие во время транспортировки потерпевшей в служебный автомобиль. Для сдерживания агрессивно настроенной толпы сотрудник полиции был вынужден совершить несколько предупредительных выстрелов из табельного оружия. Никто не пострадал».

16 апреля.

Genikeevka.ru: из интервью руководителя следственной группы СК РФ, старшего следователя по особо важным делам, полковника И. Д. Ткача (перепечатано 27 новостными порталами и он-лайн изданиями; опубликовано в Социальной Сети — 1 243 репоста)

«Г.: Иван Дмитриевич, как Вы можете объяснить отсутствие результатов в деятельности следствия?»

И.Д.: Пока рано делать выводы, но лично я убежден, что мы имеем дело не с обычным преступником. Возможно, это человек прошедший специальную подготовку в силовых структурах. Он хорошо знаком с методами ведения оперативно-розыскных мероприятий, владеет навыками применения маскировки и изменения внешности, прекрасно ориентируется на местности, компетентен в стратегии и тактике разработки определенных операций. Уже известно, что преступник использует различные мобильные телефоны, не более одного при совершении очередного преступления, после чего сразу избавляется от них. Особенно подозрительным выглядит то, как умело обходит преступник установленные в городе камеры видеонаблюдения. Все это приводит нас к выводу, что злоумышленник обладает

некоторыми специальными навыками.

Г.: Значит ли это, что поиск будет вестись среди бывших и действующих сотрудников спецслужб?

И.Д.: Это одно из направлений следствия, оно не единственное, но на настоящий момент приоритетное.

Г.: Как по-Вашему, может ли преступник быть действующим сотрудником полиции города?

И.Д.: Мы не исключаем и такого варианта. Ведутся проверки.

Г.: Что можно сказать о личности убийцы?

И.Д.: Нашими специалистами был составлен его психологический портрет. Опыт показывает, что в 99 % случаев он совпадает с реальностью. Так что можно с уверенностью сказать, что так называемый Инквизитор — это мужчина средних лет, примерно от 35 до 45; никогда не был женат и, возможно, не имел постоянных отношений с представительницами противоположного пола. Имеет высокоразвитый интеллект, хорошо физически подготовлен, однако при этом не исключены проблемы с потенцией. Полагаем, что причиной обострения его психического состояния была некая личная проблема, которая не получила разрешения через социально приемлемые формы.

Г.: Например, его бросила девушка?

И.Д.: Как вариант.

Г.: Учитывая все, что Вы рассказали о преступнике, проблем с его поиском возникнуть не должно? Не так уж много бывших спецназовцев, никогда не бывших в браке и с проблемами интимного свойства.

И.Д.: Уверен, скоро мы сможем сообщить Вам о положительном результате в расследовании».

17 апреля.

Из сообщений новостных порталов:

«Негосударственные общественные организации «Союз воинствующих ортодоксов» и «Родная земля» выступили с

заявлением об одобрении действий так называемого Инквизитора, совершившего ряд жестоких убийств в Петербурге: «Мы не приемлем душегубство как нехристианский метод ведения диалога, — говорится в заявлении, — но мы приветствуем то сообщение, которое этот человек, гражданин, хочет передать обществу: никто не должен оставаться равнодушным к засилью гадалок, проституток и содержанок, заполонивших град Святого Петра. С этой точки зрения мы приветствуем его борьбу. Он — воин, вышедший в одиночку против лежащего во зле мира».

«Либеральная журналистка и блоггер Мария Шлезинберг, известная как Маша Шлюсс, борец за права ЛГБТ-сообществ и участница протестных арт-инсталляций, сообщила на своей странице в ЖЖ, что ей неоднократно звонил неизвестный, представлявшийся как Инквизитор, и угрожал скорой расправой, а также сообщил о том, что действует при поддержке ФСБ и по прямому указанию из Кремля».

Из статьи А.В. Победоносного «Серное пламя над новым Содомом» (он-лайн издание «Взор»; опубликовано в Социальной сети, 1 598 репостов).

«Но давайте разберемся, кто породил этого убийцу — одиночку? Кто свел с ума человека, вдруг вздумавшего пытаться, убивать, жечь, добровольно превратившегося в чудовище, изгой, преступника? Не та ли самая либеральная общественность, которая сейчас вопиет о том, что полиция недостаточно их защищает? Если Инквизиция в свое время была реакцией на разнузданный секуляризм и разрушение традиционных устоев в эпоху Возрождения, то сегодняшний Инквизитор — результат нынешней вседозволенности, превратной свободы, порождающей бордели, идущей на поклон к колдунам и гадалкам, позволяющей существовать стрип-клубам, сотрудниц которых обшивала одна из убитых, и сподвигающих совсем еще юных девушек становиться любовницами женатых,

криминализованных бизнесменов. Сочувствуем ли мы погибшим и их близким? Да, безусловно. Сочувствуем ли мы несчастному безумцу, возмнившему себя ангелом — разрушителем, обрушившим огонь и серу на новый Содом? Вопрос открыт...»

Из статьи Льва Майзеля «Кто следующий?» (он-лайн издание «Резонанс»; опубликовано в Социальной сети, 2 332 репоста)

«Вот вся эта ситуация, все это дурнопахнущее дело Инквизитора, передает гражданскому обществу очень важный сигнал. Мы можем понять его, если проанализируем личности убитых: частный консультант по эзотерике, модельер — фрилансер, сотрудница массажного салона — все они, по сути своей, частные предприниматели, представители того самого малого бизнеса, который является крайне неудобной для власти прослойкой социума, более всего генерирующей либеральные настроения. Даже первая его жертва, студентка, вполне вписывается в крайне тревожный тренд: как рассказывали ее друзья, погибшая девушка была участницей некоторых протестных акций. Если посмотреть на происходящее с такой точки зрения, все становится понятным: и странная нерасторопность следствия, и случайная оговорка руководителя следственной группы СК о том, что убийца может быть сотрудником спецслужб. Что ж, возможно, теперь мы знаем, какими методами власть намерена бороться с оппозицией».

18 апреля.

Из комментариев в Социальной сети.

«Я этого Инквизитора знаю лично, вместе служили. Был лучший в учебке. Нас готовили к специальным операциям в условиях города, любое оружие, транспорт, связь, маскировка. Его никогда не поймут, если сам не захочет. Меня бы точно не поймали».

«Только что звонил знакомый из ФСБ. Инквизитор — это специальный проект, засекреченный. Такие люди есть в каждом городе, в Питере их порядка десятка, в Москве больше двадцати. Они запрограммированы, чтобы по команде начать устранение согласно спискам, которые подаст руководство. Просто у этого сбой произошел какой-то. Знакомый сказал, по секрету, что, когда Инквизитора найдут, просто сольют по-тихому и все. А обвинят кого-то другого».

«Сначала Коперника сожгли, теперь уже всех подряд начали. Церковь как всегда в своем репертуаре. И власть ее поддерживает».

«У меня в доме бордель, день и ночь двери не закрываются. Полиции наплевать. Я бы их сам уже сжег, блядей!»

«На самом деле, нет никакого Инквизитора, как вы не понимаете! Подумайте головой, проанализируйте. Все было сделано для того, чтобы повесить убийства на Ферта. Это же очевидно. У него несколько суши-баров в городе и клуб, вся недвижимость в собственности. Ему еще в прошлом году намекали, что у определенных людей, очень высокопоставленных, есть интерес к его помещениям. По-хорошему он отдавать не захотел, продавать тоже, вот и подставили: специально с особой жестокостью убили несколько человек, чтобы резонанс был, и на него повесили. Во всем этом его жена замешана. А проститутку убили вообще другие люди, и закосили под Инквизитора, чтобы концы спрятать. Информация проверенная».

19 апреля.

«МАКСИМАЛЬНЫЙ РЕПОСТ! ПИТЕР, СРОЧНО! Власти все скрывают! Все убийства совершены в 20-х числах месяца, а это УЖЕ ЗАВТРА! Точно известно, что в следующие три дня будут УБИТЫ еще ТРИ ЧЕЛОВЕКА! Не давайте своим близким ЖЕНЩИНАМ выходить на улицу! Теперь убивать будут сразу по трое! Об этом сегодня сказали на совещании в Следственном комитете! ИНФА 100 %!!! БУДЬТЕ ОСТОРОЖНЫ!!!»

Глава 28

Апрель пах прелым теплом и сочился дождями, то резкими, холодными, крупными, то мелкой, как пыль, легкой моросью. С неба, вот уже две недели остававшегося непроницаемо тусклым, постоянно что-то текло, как будто оно подхватило весеннюю простуду, или огромные запасы накопленного за зиму и неистраченного снега никак не могли растаять, и все оседали и оседали вниз грязноватой водой, превращая весь город в огромную лужу, из которой тоскливо торчали истертые камни домов. Словно сидишь под талым сугробом, из тех, что до середины мая лежат, притаившись в сырых закоулках темных дворов, и ждешь, когда сможешь выбраться наружу, к солнцу и яркому воздуху.

Валерия вышла из метро. До встречи с Алиной оставалось еще около часа, и она решила немного пройтись. Мир вокруг — дождь и дома, небо и люди — растворялся в сером мгlistом безвременье: ни день, ни вечер, ни зима, ни весна. Это способствовало размышлениям, а подумать Валерии было, о чем.

Несмотря на ажиотаж вокруг кошмарных убийств, все участники бурных сетевых обсуждений, кроме немногих самых впечатлительных и психически неуравновешенных, прекрасно умели считать и могли оценить реальную опасность для себя лично: в городе больше миллиона взрослых женщин, а зловецкий Инквизитор убил всего четверых. Пусть за ними последует пятая, даже шестая жертва, все равно, вероятность быть изуродованной молотком и сожженной заживо для любой студентки или домохозяйки, официантки или фотографа, работницы офиса или борделя была меньше, чем погибнуть от удара молнии или зубов большой белой акулы. Чего тут бояться? Наигранные панические вопли в средствах массовой информации были не более, чем довольным повизгиванием обывателей, зажмуривающихся во время катания на американских горках или при просмотре фильма ужасов в темном зале кинотеатра. Каждый в глубине души понимал, что это кино не про него. Так что в истерическом возбуждении, охватившем город и передававшимся по трепещущим нервным волокнам Сети, были жадное любопытство и хищный интерес, сродни тому, какие испытывают люди, разглядывающие видеозаписи или фотографии с мест катастроф, терактов и массовых убийств; было кровожадное и нетерпеливое ожидание следующей казни, которая даст повод к новым разговорам, обсуждениям и гурманскому смакованию

жутких подробностей, когда под маской притворного возмущения или ужаса скрыто первобытное, людоедское удовольствие; но не было настоящего страха.

Настоящий страх испытывали только семь женщин.

Карина если и боялась, то не показывала виду: лишь ответила, по обыкновению коротко, «Хорошо, спасибо» на предупреждение Альтеры и продолжала ходить на работу, как ни в чем ни бывало. Может быть, чувствовала себя защищенной за толстыми стенами психиатрической лечебницы. Зато Проксима и Инфанта всю неделю не выходили из дома. Засели в своей огромной пустой квартире, отжатой Проксимой у бывшего мужа, на последнем этаже старого дома на окраине парка: младшая не ходила в школу, старшая отменила визиты всех своих клиентов, и по нескольку раз в день звонила Терции, которая после смерти Стефании стала их патронессой. В последний раз, позавчера, Проксима заикнулась, что неплохо бы привезти им продуктов, потому как сами они боятся выйти даже в магазин, и Терция, не сдержавшись, наорала на нее так, что с тех пор перепуганная еще больше домохозяйка не звонила вовсе. Ибо.

Но кроме страха, были и другие эмоции.

Например, злость. Жанна была вне себя от ярости: распроклятый Инквизитор увез несчастную глупую Белладонну прямо у нее из-под носа, из принадлежащего ей борделя, мало того, в тот день и час, когда там была сама Жанна — сидела на кухне вместе с заскочившей по делу Дианой, и лично пересчитала деньги, которые довольная проститутка притащила ей в качестве оплаты за свое двенадцатичасовое отсутствие, и даже сразу выдала причитающуюся той половину. «Еще же спрашивала ее: ты точно уверена, что все будет в порядке? — повторяла Терция, а потом, передразнивая Белладонну, сама же и отвечала себе писклявым голоском: «Да, Жанночка, все хорошо, не беспокойся!». Было что-то немислимо наглое и пугающее в том, что этот Инквизитор фактически пришел к Терции домой и взял то, что захотел, причем без всяких трудностей, как конфетку украл! Осознание этого лишало сна и покоя больше, чем страх, как и понимание, что, прояви Жанна чуть больше бдительности, и все могло закончиться прямо там, на пороге ее заведения. Даже полицию не пришлось бы вызывать: Диана в одну секунду, быстро и бесшумно, заколола бы этого гада и отправила на корм бродягам в Вилле Боргезе. Нет, не просто на корм! Они бы сожгли его кости, спустили прах в самый зловонный, самый гнусный из канализационных колодцев, а голову засолили и доставали бы каждый раз, когда собирались на шабаш, чтобы он смотрел своими мертвыми зенками, как торжествуют те, кому он так дерзко

и самонадеянно бросил выбор! По крайней мере, такую идею высказала Диана, походившая на пантеру, к хвосту которой какой-то шутник привязал консервную банку и при этом ухитрился избежать зубов и когтей. Но увы: голова Инквизитора, как и кости, оставались на месте, зато труп злосчастной Белладонны, четвертый по счету, лежал сейчас в морге судебно-медицинского бюро, и вполне возможно, что его сейчас потрошила их новая подруга Алина.

А еще была растерянность. Никто толком не знал, что делать и что предпринять. И великая Княгиня Ковена, Хозяйка Есбата, Госпожа Шабаша Прима тоже была растеряна не меньше, а может, и больше других, хоть и пыталась это скрыть.

Виктория собрала вместе четверку старших сестер через несколько часов после того, как стало известно о смерти Белладонны, когда время еще не перевалило за полдень. Валерия, расставшаяся с подругой всего несколько часов назад, поразились тому, как изменилась Виктория за это короткое время: бледная, с синяками под покрасневшими глазами, с распухшими губами, растрепанными волосами, которые из золотых пышных локонов превратились в сухую желтую солому, кое-как наспех приглаженную руками. Вместо эффектного шелкового домашнего халата на ней был другой — толстый, розовый, банный, в который Виктория куталась, словно больной в одеяло, как-то криво, боком восседавая в своем кресле; голос был осипший и говорила Прима с трудом, будто одновременно боролась с сильной болью, временами сбиваясь и забывая, о чем идет речь. Можно было сказать, что она и сейчас походила на королеву, только не ту, что, развалившись на троне, одаривает благосклонной аудиенцией восхищенных придворных, а которой в походный шатер принесли внезапные вести о том, что большая половина ее гвардии разгромлена, а уцелевшая часть находится в шаге от того, чтобы удариться в бегство. Такой свою подругу Валерия не видела еще никогда, ни разу за более, чем тридцать лет их знакомства. Впрочем, в руках себя Прима держала довольно-таки сносно и приказы раздавала, как прежде.

— У нас есть три основные задачи, — сообщила она, когда Жанне, наконец, удалось унять свою истерику бессильной злобы и страха, а Диана прекратила взбешенным хищником ходить по комнате от стены до стены и уселась на краешек кресла.

— Задача первая, основная: найти и уничтожить врага. Ответственными назначаю Жанну и Диану. Второе. Ни в коем случае не потерять больше ни одной сестры. Предупредите всех своих подопечных, чтобы соблюдали предельную осторожность.

— Всех — это трех, — негромко заметила Валерия. — Больше просто ни осталось никого.

Виктория свирепо взглянула, но ничего не ответила и продолжала:

— Третье. В кратчайшие сроки подготовить Алину к вступлению в ковен. Белтайн^[27] наступает всего через восемнадцать дней, и мы его не пропустим, какими бы ни были обстоятельства. Шабаш состоится. К этому сроку рыжая должна быть готова. За это будешь отвечать лично ты, Лера.

Прима сделала паузу, поморщилась, побряхтела, садясь поудобнее, и добавила:

— Собираться теперь будем у меня каждый день, пока ситуация на разрешится.

Тогда все были слишком потрясены и взбудоражены, чтобы задавать вопросы и спорить. Но очень скоро стало понятно, что отдавать распоряжения — вовсе не признак уверенности; как раз наоборот: иногда за категоричностью указаний скрывается паника и полнейшая растерянность, граничащая с чувством обреченности. Можно сколько угодно ставить цели, но при этом не иметь даже приблизительного понятия, как твои люди будут их достигать.

Инквизитора безуспешно искали уже не только городские сыщики, но и специально прибывшая бригада следователей из столицы. Знакомые полицейские Жанны, о которых она никогда ничего подробно не рассказывала и которые так неудачно подставили оказавшегося невиновным человека, были отстранены от дела — отчасти, как было понятно со слов Жанны, именно из-за смерти несчастного арестанта, — и ничем существенным помочь не могли. Да и можно подумать, что чем-то помогли раньше. Ничуть не бывало, только все усложнили. Камера видеонаблюдения на входе в бордель запечатлена лишь невнятный облик мужчины в пальто и надвинутой шляпе, не дававшей увидеть лицо. Диана, используя старые связи, пыталась узнать хоть что-то о личности Инквизитора, если он, как подозревали, служил в секретных структурах или специальных войсках, но ничего конкретного так и не выяснила. Использование собственных возможностей для поисков никаких результатов не дало; лучшей в умении нащупать в пространстве душу неизвестного, но нужного человека, была безвременно опочившая Степанида, но и та, вероятней всего, потерпела бы в этом вопросе фиаско: описанные в записной черной книжке методы и заклятия не работали — негодяй явно знал и использовал различные средства защиты. Но сам же он как-то умудрялся находить их! Смерть Белладонны уже невозможно было списать на то, что злодей получил информацию из кассовой книги

Стефании. Пусть даже его первой жертвой была небогатая мозгами и волей Лолита, которая выдала свою патронессу, а у той в каких-то записках Инквизитор нашел номера телефонов и настоящее имя Шанель, но эта версия не объясняла визита в заведение Жанны. Теперь вообще вся логика летела коту под хвост, и оставались одни загадки: как узнал о Лолите? Как разобрался, кого искать в книгах Стефании? Как, черти его побери, он вышел на Белладонну? Но черти, похоже, не торопились побрать супостата. Валерия было спросила у Примы, не стоит ли той задать вопросы Бабушке и попросить ее помощи, но при упоминании Бабушки Виктория вдруг страшно распсиховалась и, срываясь на визг, прокричала, что найти и убить Инквизитора они должны сами. Но время шло, а идей, как это сделать, не появлялось. Каждый день во время их импровизированных совещаний Прима нервничала, бранилась, призывала подумать еще, но ситуация не менялась: они чувствовали себя, как рыбы в аквариуме, над которым воздвигся повар с сачком, размышляя, кого вытащить следующей, а они только и могут, что тарашиться через стекло и разевать беззубые рты.

С обеспечением личной безопасности все было немного понятней. Проксима и Инфанта сидели под добровольным домашним арестом. Карина хоть и ездила иногда после смены домой, а точнее, в общежитие медицинских работников, все же большую часть времени проводила в больнице на Пряжке, куда просто так не войдешь и не выйдешь. Жанна не могла оставить свой бизнес, так некстати попавший в сферу особо пристального внимания столичных следователей: нужно было заниматься поиском нового места для закрытого в спешке салона, перевозить, подальше от неприятностей, малолеток из особняка в Озерках, так что прятаться за запертыми дверями ей было не с руки, хотя очевидно, что именно Терции грозила самая большая опасность. Конечно, все знали, что Белладонна погибла, задохнувшись в собственной рвоте, и не успела подвергнуться пыткам, но... А что, если все-таки что-то сболтнула? Так что теперь с Жанной всегда ездила Кера на своем мотоцикле, только и мечтавшая, чтобы Инквизитор попытался схватить Терцию, когда она будет рядом, или напал на нее саму. Прима не выходила из дома: вновь, как и месяц назад, отменила все встречи и лекции, сказавшись больной, и глядя на нее верилось, что это правда хотя бы на половину. Про безопасность Валерии как-то никто не подумал; наверное, предполагалось, что она сама о себе позаботится. Виктория только сказала однажды «Лера, ты смотри там, поосторожней», и все, а потом снова принялась спрашивать про Алину и про то, сколько можно тянуть и почему уже неделя прошла, а Лера с ней так и не встретилась. Валерия было подумала тоже, по примеру подруги,

взять больничный и отсидеться дома, но потом махнула рукой. Смысла она в этом не видела и прятаться не хотела. Все равно когда-нибудь выйдешь. К тому же, у нее были еще некоторые личные соображения относительно сложившейся ситуации. И свои чувства, кроме страха, растерянности или злости. Например, ненависть.

Валерия ненавидела Приму.

Она не могла бы сказать точно, когда чувство, которое она испытывала к подруге, четко и определенно выразилось этим словом — ненависть, однако, будучи названным, оно слилось с ним, как с идеально скроенной одеждой. Конечно, где-то глубоко в душе оставалась еще и любовь, но любовь эта была скрыта в самых дальних хранилищах сердца, будто в засунутой на чердак коробке с детскими игрушками, в тех далеких, как сон, днях беззаботного детства, где всегда светит солнце, где есть папа и мама, где даром данное счастье, необъятное, как синее небо, а еще веселая, смелая, бойкая подруга Вика, с которой всегда весело и ничего не страшно.

Возможно, ненависть жила в Лере с тех самых пор, как детство кончилось одним страшным весенним утром с криком мамы, обнаружившей бездыханное тело Андрейки; пряталась в подсознании, в ударах измученного, почерневшего сердца, но теперь вышла наружу и заявила о себе красным жарким туманом, порой застилавшим сознание, резкой болью в душе, от которой хотелось плакать злыми слезами, когда она видела Викторину и говорила с ней.

С той страшной ночи Бабушка больше не приходила к Лере ни разу, зато к Вике навевалась постоянно — учила, говорила, что нужно делать, а Лере приходилось слушаться и выполнять поручения, которые передавала подруга. Пути назад не было, а может быть, Лера просто не видела его из-за страха и горя. Старуха не обманула: у них действительно появились силы, которые требовали постоянного применения — таковы были правила, и нарушать их было нельзя. «А то будет хуже», — делая страшные глаза, передавала Вика слова Бабушки, и Лера в этом не сомневалась, даже не желая уточнять, что ждет ее в случае послушания. Трудность была в том, чтобы это применение найти. У Вики все было легко и просто: она наловчилась управлять со своей булавкой и с удовольствием наводила боль и хворобу на одноклассников за один только косой взгляд, а то и просто так, развлечения ради. Куколка Леры дала ей возможность влиять на людей, даже на взрослых, подчинять их собственной воле на время, но что в этом толку, если того, что Лера действительно хотела, сделать не получалось? Она не сумела помочь маме справиться с горем после потери

ребенка: та никогда уже не стала прежней, превратившись в какую-то бледную тень сильной, веселой, красивой женщины, какой когда-то была; не смогла остановить отца, который через год ушел из семьи, не в силах жить с тенью и с воспоминаниями. Куколка — или силы, в ней заключенные, или те, которые поселились в самой девочке — вообще неохотно работали, когда Лера хотела кому-то помочь. Так что снова приходилось слушаться Вику и делать, что она скажет: заставлять учителей срываться на крик, а лучше — на рукоприкладство, ссорить по пустякам одноклассников и провоцировать драки. А еще нужно было *отводить глаза* педагогам во время контрольных или прямо вынуждать их ставить подруге «пятерки». Сама Лера в таком не нуждалась: она была девочкой способной, старательной, и ей нравилось учиться самой, да и Вика всегда говорила, что нельзя использовать силы напрямую для собственной выгоды. Видимо, исключением была сама Вика, для выгоды которой можно было наводить чары на преподавателей или одноклассниц, чтобы те дарили будущей госпоже Приме приглянувшиеся игрушки и нехитрые детские украшения.

Вика рано выросла и оформилась в привлекательную девушку, манящую сверстников и даже сверстниц округлой крепкой грудью, задорной попой и длинными ногами. Лера унылой тенью таскалась вслед за подругой: до четырнадцати лет фигура ее была нескладной и плоской, как доска, а когда долгожданная грудь наконец-то проклюнулась, то выросла сразу огромная, неуклюже болтающаяся на теле, и сделала Леру не объектом подростковых сексуальных желаний и не причиной поллюций, а целью для насмешек и грубых острот, особенно когда ей приходилось бегать на уроке физкультуры в слишком тесной белой майке, с пунцово-красным, мокрым от пота и слез лицом, под улюлюканье, свист и крики мальчишек. Однажды после очередных издевательств — опять проклятая физкультура и трижды проклятые упражнения, во время которых нужно было наклоняться вниз так, что грудь чуть ли не болталась по полу, как настоящее вымя, о чем ей тут же и прокричали сразу на несколько голосов — Лера не выдержала и разревелась. Первый раз за семь лет она попросила у Вики разрешения применить свою силу в самых что ни на есть личных целях: в тот момент, рыдая на плече у подруги, Лера готова была заставить насмешников одного за одним выйти в окно верхнего этажа школы, или повеситься на веревке сливного бачка в туалете, или опустить голову в бак с кипятком на кухне школьной столовой. Вика поглаживала Леру по волосам и рассудительно объясняла, почему так делать не надо, преподав некоторые основы социальной психологии и поведения в обществе. «Пойми, — говорила она, — если так сделать, то все догадаются, чья это

работа. Конечно, наказать тебя никто не сможет, но это привлечет внимание: вот, сейчас эти придурки посмеялись над тобой, а на следующей перемене пошли и утопились в кастрюле с супом! Мы не должны так явно показывать свою силу, это неверно. Нас не должны бояться; наоборот, мы должны всем нравиться, чтобы все хотели быть похожими на нас, и тогда можно будет управлять людьми даже без всякой магии». Но Лера была безутешна и требовала мести. Вика пообещала, что обязательно спросит разрешения у Бабушки, да так и забыла об этом.

В седьмом классе Вика сказала, что им нужна третья. Когда появилась Жанна, Вика сразу стала дружить с ней больше, чем со Лерой, даже не больше, а как-то лучше. Очень быстро у них появились какие-то свои, отдельные темы для разговора, секреты, над которыми можно было хихикать вдвоем и замолкать, когда подходила Лера, поводы для многозначительного переглядывания на уроках и неожиданных взрывов заразительного смеха после перешептывания. Лера страшно ревновала, обижалась и даже плакала. Но потом Вике наскучила новая подружка, которая была куда более своенравной и неуступчивой, чем Лера, и она снова стала дружить со своей старой приятельницей. Лера радовалась, как собака, за которой хозяин вернулся в приют. Это было как раз перед окончанием школы, когда Вика послала Леру учиться в Медицинскую академию. Именно послала, потому что вообще-то Лера хотела поступать в Институт культуры.

Но рождающемуся ковену нужны были младенцы.

Первый раз Бабушка потребовала от них жертвы почти через год после смерти младшего брата Леры и толстой девочки Ленки Перовой, имевшей несчастье оказаться с Викторией в одной группе детского сада. «Чем больше даешь, тем больше получаешь, — пыталась объяснить Вика перепуганной и готовой расплакаться подруге. — Мы пока только один раз сделали то, что попросила Бабушка, и смотри, как много получили!». Насчет полученного у Леры были большие вопросы, но она только обреченно молчала и слушала, как идущая рядом с ней по солнечной весенней улице Вика — форменное коричневое платье, белый фартук по случаю наступающих праздников, белые банты в светлых косичках — разглагольствует о необходимости нового убийства. «Я так поняла, что это как рост: чем больше ты ешь, тем больше растешь, чем больше растешь, тем больше тебе надо есть, понимаешь? И чем больше ты растешь, тем больше у тебя силы». Лера понимала плохо и только чувствовала, как ей становится все холоднее под ярким майским солнцем, как будто оно светило не для нее.

Первого ребенка они украли из коляски, оставленной легкомысленной

мамой возле булочной. Вика стояла у больших магазинных окон и наблюдала за родительницей, стоявшей в очереди к кассе, а Лера просто подошла к коляске, вынула спящего малыша и быстро отошла за угол. Той же ночью они зарезали младенца в подвале Викиного дома: торопливо, еще не умело, кое-как прочитывая непонятные, но жуткие слова молитв и заклятий из черной записной книжечки. Тело бросили там же, за трубами, где его и нашли через несколько дней двое сантехников — вместе с огарками свечей для праздничных тортов и алюминиевой миской с запекшейся кровью на дне. Целый месяц, может быть, больше, Лера плохо спала и прислушивалась по ночам к шагам в парадной: она была уверена, что не сегодня, так завтра за ней и Викой обязательно придет милиция.

Но все обошлось.

Воровать младенцев было делом нелегким и очень опасным, пусть даже от них пока не требовалось совершать жертвоприношения каждый месяц. К тому же, мир вокруг менялся стремительно: он тоже как будто бы рос, питаясь чем-то злым и горьким, и становился все уродливее и страшнее; Лера иногда думала, что таким мир становится не без их участия. Когда девочки пошли в первый класс, беспечные родители еще могли оставлять без присмотра детей рядом с магазином; шестилетние малыши гуляли одни во дворах и на детских площадках; на входных дверях порой не было «глазков», а сами двери открывали, даже не спросив, «кто там». Через десять лет уже никому бы и в голову не пришло не то, что отпустить ребенка гулять в одиночестве, но даже отправить в школу без провожатых. Повсюду в спешном порядке устанавливались железные двери, решетки на окнах, сигнализации и видеокамеры; зато появились коммерческие магазины, мобильная связь и видеоигры, а то, что раньше приходилось красть, стало возможно купить. Присоединившаяся к подругам пронырливая Жанна несколько раз удачно провернула сделки по покупке детей у санитаров в убогом роддоме и у цыган, но в этих случаях возникала опасность стать жертвами шантажа, насилия или обмана, так что от идеи покупки младенцев с рук пришлось отказаться. Тогда у Виктории и возникла удачная мысль определить Валерию на учебу в Медицинскую академию по специальности акушерство и гинекология, с возможностью самой подрабатывать санитаркой или медсестрой на полставки. Будущая Княгиня Ковена умела мыслить стратегически.

План себя полностью оправдал. За все годы, что Валерия проработала в больницах, пройдя путь от санитарки-первокурсницы до заведующей отделением, нехватки в брошенных, никому не нужных детях не возникало. Иногда от новорожденных матери отказывались официально: писали

заявление, которое Валерия быстро уничтожала, и уходили восвояси, не сдерживая вздохов облегчения. Но гораздо чаще роженицы просто сбегали, едва только разрешившись от бремени, словно извергнув из себя какой-то нечистый, глубоко неприятный им груз: молодые худосочные девицы с исколотыми венами и блуждающим взглядом, нелегальные эмигрантки из южных стран, пропитые бродяжки бросали на произвол судьбы орущих, голых, отчаянно цепляющихся за жизнь маленьких людей и исчезали в ночи. Порой за смену таких младенцев набиралось трое, пятеро, а иногда и с десятков; в этом мире их никто не ждал, не хотел и не любил. Кто-то отправлялся в специальные учреждения, а кто-то — к черному алтарю и кипящей воде. Валерии даже не всегда приходилось применять свои силы и доставать куколку из кармана, чтобы *отводить глаза* или корректировать память коллегам и подчиненным — до этих детей никому не было дела, кроме Примы, требовавшей ежемесячных жертв, и Альтеры, ее верной подруги, служанки, помощницы, и рабыни.

В свои сорок с небольшим лет Виктория выглядела эффектно и сексуально, как настоящая Госпожа, не скрывающая возраста, но пользующаяся его преимуществами: зрелая, опытная, безупречно ухоженная, с крепкой грудью, белым золотом волос, упругой круглой задницей и стройными ногами. Валерия тоже выглядела на свои годы, только иначе: темные волосы казались тусклыми, губы блеклыми, а тело не зрелым, а перезрелым, как готовая лопнуть, набухшая и уже подгнившая ягода: груди слишком большие и тяжелые, похожие на осенние дыни, бедра чересчур полные. Она не была толстой или уродливой, нет, но на фоне Виктории казалась себе именно такой — и не только себе.

У Виктории не было недостатка в мужчинах, ни сейчас, ни раньше — мужчинах интересных, сильных, успешных, с которыми она развлекалась, когда надоедали инкубы. К Валерии неуклюже клеились только потертые жизнью неудачники с тухлым запахом изо рта и пустыми карманами. Виктория была успешной писательницей, популярным бизнес-тренером, руководителем кафедры в престижном коммерческом университете, заняв в жизни то место, к которому и стремилась. Валерия оставалась врачом захудалой больницы в неблагополучном районе, хотя в юности мечтала быть искусствоведом. Виктория жила в шикарном квартале в историческом центре города. Про эту квартиру на последнем этаже дома, как и про люк в потаенном подвале, под которым задыхалась в зловонной грязи замураванная речка, ставшая могилой для старой ведьмы, Бабушка рассказала Виктории, когда той едва исполнился двадцать один год. Подругам немало пришлось потрудиться, задав работы и булавке, и

куколке, чтобы престарелая хозяйка жилплощади написала на имя Виктории завещание — как раз перед своей скоропостижной кончиной от сердечного приступа — и чтоб ее сын добровольно подписал отказ от права наследования, а потом неожиданно повесился на подтяжках в собственном гараже. Тогда же Вика, оформив квартиру на свое настоящее имя, создала себе новую личность: Виктория Вештица скромно ушла в тень, пропуская Викторию Камскую вперед — к успехам, блестящей карьере и высокому социальному статусу. Насчет улучшения жилищных условий Валерии Бабушка распоряжения не давала, и она продолжала ютиться в старой квартирке родителей на Удельной. «На мне теперь большая ответственность — беречь Бабушкину могилку, — объясняла подруге Виктория, празднуя новоселье. — А у тебя есть другие задачи. Не нужно расходовать силы по пустякам». Конечно, по сравнению с восьмьюдесятью метрами элитной недвижимости в самом центре жилье в «хрущевке», очевидно, и было таким пустяком.

В колене все обращались к ним одинаково: «госпожа», как к двум соосновательницам, но Княгиней, Хозяйкой, настоящей Госпожой всегда была только Виктория. Только она руководила и повелевала; она проводила службы в подвале заброшенной больницы; она, когда наставало время изображать самого Сатану, надевала шелковый красный плащ, рогатую маску и огромный деревянный strapon, которым с удовольствием орудовала на оргиях, следующих за кроваво-черной мессой; и она становилась, нагнувшись и растопырив ноги, чтобы все остальные, включая Валерию, давали ей «поцелуй Сатаны» — всегда Первая, Прима; но никогда Вторая, Альтера, хотя именно она делала всю основную работу: приносила младенцев, следила за обустройством подвала перед шабашем и добавляла в вино эйфоретик, о чем не догадывались прочие сестры, полагающие, что их переживания и видения вызваны потусторонними силами, а вовсе не наркотическим опьянением. И каждый раз, прижимаясь губами к раздвинутой заднице своей детской подруги, касаясь языком ее ануса, Валерия вспоминала, что это она, Первая — Прима — Виктория, девочка Вика, подружка из беззаботного детства, тогда, тридцать пять лет назад, потащила ее за собой в дом последней из длинного ряда наследниц не живой и не мертвой карги, похороненной на дне замурованной речки; она заставила взять этот проклятый жестяной сундучок; она стала ведьмой по собственной воле, а не из страха; и она превратила жизнь Валерии в сумрачное существование на грани сумасшествия и забытья, тянущееся от шабаша к шабашу. В кошмарных снах, тягучих, холодных и липких, Валерия часто видела себя глубокой старухой, умирающей в пустом старом

доме, на продавленной койке в комнате на чердаке, затапливающей ослабевшей, иссохшей рукой чертову жестяную шкатулку в пыльный, заплетенный паутиной тайник — и просыпалась от собственных стонов. Но были сны и похуже: там было солнце и свет, счастливые люди вокруг — ее ныне покойная мама, несостоявшийся муж, нерожденные дети — там была радость подлинной жизни, которую кто-то будто показывал через окно, ведущее в иную реальность, навсегда потерянную и недоступную.

Одно время Валерия хотела сбежать: просто уехать куда-нибудь подальше, не сказав Виктории ни слова, сменить имя, устроиться на новом месте, в другом городе или стране — с ее способностями это было несложно. Но она понимала, что ее просто так никто не отпустит. Дело было даже не в Приме и ее булавке с головкой в виде цветка аконита, которая настигла бы предательницу, где бы та ни скрывалась. Убежать из ковена не значило убежать от проклятия; если бы даже удалось скрыться от Примы и остальных, ее бы рано или поздно нашла Бабушка или какие-нибудь другие, не менее, а то и более кошмарные посланцы того, кому она большую часть своей жизни приносила кровавые жертвы. У Валерии была сила, и этот страшный подарок не подлежал возврату или обмену; он был дан как знак призыва к служению, и дезертирства бы ей не простили.

Можно было попробовать убить Приму: да, порой она думала и об этом. Собраться с силами и заставить ее забить себе в глотку деревянный, отполированный мягкой плотью огромный strapon, а в придачу еще засунуть туда же булавку с цветочной головкой. Или еще проще: удар ножом, битой, накинутая на шею удавка, чтобы не пришлось устраивать нелепых магических поединков и меряться inferнальным могуществом. Это могло бы сработать, но что дальше? Сменить свое имя с Альтеры на Приму, или вовсе на какую-нибудь Экселленту, стать Хозяйкой и Госпожой, раскорячиваться над алтарем, чувствуя, как горячие языки сестер лезут в зад, пока рядом в металлическом баке варится тельце очередного младенца? Никакого стремления к этому она не испытывала. К тому же Валерия сомневалась, что сможет убить подругу, которую ненавидела, но продолжала любить, словно бы вопреки собственной воле.

Сдать весь ковен полиции? Понятно, что рассказам о черной магии никто бы и не подумал поверить, но достаточно было похищений и убийств малолетних детей, чтобы вся их компания, вкупе с Надеждой Петровной и ее людоедской бригадой, отправилась за решетку. Это бы тоже ничего не изменило: Валерия была уверена, что в скором времени Прима снова собрала бы всех на свободе, кроме, разумеется, доносительницы, которая вряд ли протянула бы в камере дольше недели — недавний печальный

конец злополучного коммерсанта был лучшей тому иллюстрацией.

Ни бегство, ни смерть злейшей подруги, ни уж тем более, обращение к властям не могли бы освободить Альтеру от власти истинного Господина Шабаша. Самоубийство тоже не было выходом: Валерия никак не являлась верующей в общепринятом смысле этого слова, но уж точно была знающей, и прекрасно осознавала, что за пределами жизни, прожитой так, как прожила она, все самое страшное не закончится, а как раз только начнется. Суицид был просто одним из способов бегства, но все то же проклятие последовало бы за Валерией и по другую сторону жизни.

Конечно, оставался еще один способ спастись и освободиться. Надежный, можно сказать, запатентованный; стопроцентная эффективность подтверждена миллиардами благодарных клиентов. Валерия думала о нем всякий раз, когда ей случалось пройти мимо церкви. Она прочитала достаточно много книг по религии, чтобы понять, как она думала, каким образом работает механизм покаяния, а заодно и заметить, что все их собственные обряды и ритуалы есть ни что иное, как перевернутое с ног на голову и искаженное ненавистью христианское богослужение, вдобавок ко всему еще и пропущенное через несколько испорченных телефонов. Но как, скажите на милость, могло бы на практике выглядеть ее личное обращение к Богу и Церкви? «Батюшка, я согрешила: вот уже тридцать с лишком лет, как я поклоняюсь Сатане и убиваю младенцев, и это не считая десятка — другого случаев доведения до сумасшествия и самоубийства. Вы уж простите». Что за нелепость? Валерия не могла поверить в такого Бога, который по одному только слову легко простил бы все то, что она совершила — в этом ей виделось не милосердие, а какое-то холодное равнодушие: а, пришла? Да ладно, не извиняйся, пустяки. Дверь в Царство Небесное вот тут, заходи, не заперто. Да и в книгах писалось о том, что покаяние должно быть действенным, сопровождаться поступками для исправления совершенного зла, а какими делами она могла подтвердить свое собственное раскаяние? Это был замкнутый круг из вопросов, ответов на которые Валерия не находила до тех пор, пока не появился Инквизитор.

Это было похоже на пришествие ангела смерти, грозного посланника неба, явившегося на ее невысказанный, но отчетливый зов. Валерия с каждой новой смертью, с каждой казнью очередной сестры, она все больше испытывала не ужас, а какое-то странное, необъяснимое чувство зарождающейся надежды, и чем больше размышляла, тем больше находила подтверждений своему невероятному предположению: Инквизитор был не простым человеком, а карающим божественным духом, незримым и

непостижимым как для простых смертных, наивно подозревающих в нем бывшего агента спецслужб, так и для ведьм, тщетно пытавшихся найти его с помощью своей темной магии. Это объясняло и неуловимость, и пугающую осведомленность, которую он демонстрировал, настигая одну за одной участниц шабаша. Но если так, то почему он не обрушил свой карающий меч и огонь сразу на Приму с Альтерой, или не уничтожил всю их компанию разом? Валерия долго думала над этой загадкой, и неделю назад, после гибели Белладонны, вдруг поняла, что в действиях неведомого истребителя содержится послание, и адресовано оно ей одной, как ответ на все мучительные вопросы и сомнения. Этот странный выбор жертв: только младшие сестры, либо недавно присоединившиеся к шабашу, либо, как Белладонна, не игравшие большой роли в их тесном сообществе — старая Стефания была исключением, но у ангела-истребителя могли быть свои причины для ее казни; эти паузы между убийствами, словно бы для того, чтобы дать Валерии время для осознания происходящего; эти неудачи последнего времени: от испортившего презентацию книги Виктории неприятного лысого мужика до сорвавшейся инициации новой ведьмы — все это были знаки, которые Валерия, наконец, смогла расшифровать и прочесть. Теперь она понимала, какого покаяния от нее ждут. Все верно: тот Бог, которого она могла признать и в которого было можно поверить, не стал бы распахивать двери своего Царства перед каждым, кому приспичило бы войти, будто швейцар в старомодном отеле. Его милосердие было суровым и требовало силы, отваги, а главное — жертв; Валерия знала, что боги всегда хотят жертв, и чем больше их сила, тем на большее нужно решиться, чтобы заслужить благосклонность. Убить себя? Конечно, бывшая госпожа Альтера должна завершить свою жизнь, чтобы предстать перед Его престолом. Убить Приму? Да, но и этого мало. Она должна уничтожить и всех остальных, весь ковен: ангел в образе Инквизитора давал ей это понять, забирая второстепенных, незначительных членов их мрачного, злого сообщества, словно бы намекая, что основную работу Валерии предстоит сделать самой. Следующий шабаш в священную для всех ведьм ночь накануне Белтайна станет последним, и на нем совершится не жертвоприношение Сатане, а иная, искупительная жертва всесожжения во славу Всевышнего...

Темный холодный ветер дунул в лицо, взъерошил волосы, спутал мысли. Валерия остановилась. Вокруг нее будто тени сновали прохожие, проносились мимо машины, сердито шурша колесами по мокрой грязи проспекта. Через дорогу напротив в тусклых сумерках уютно светились три желтых окна паба «Френсис Дрейк». Она взглянула на часы. За раздумьями

она не заметила, как прошло время; должно быть, Алина уже ждет ее, сидя за стойкой. Валерия усмехнулась: надо же, чуть не забыла про поручение госпожи Примы. «Бабушка говорит, в ней есть сила». Ну что же, отлично. Исполнительная Альтера все сделает в лучшем виде: если Приме и гнусной, гниющей в подземной могиле старухе так важна эта рыжеволосая женщина, то конечно, для той найдется местечко на последнем в истории ковена шабаше в подвале Виллы Боргезе. Дела нужно доводить до конца, не оставляя недоработок. Алина присоединится ко всем остальным, пусть и на очень короткое время. Ангел будет доволен.

Валерия вновь усмехнулась и направилась к переходу через проспект, нащупывая по дороге в кармане пальто куколку в белом платье.

Ворожей не оставляй в живых.

* * *

— Это очень древнее озеро. Ему как минимум двенадцать тысяч лет — в то время как раз начал сходить ледник в наших широтах. Я говорю минимум, так как существует версия, что это озеро существовало еще до великого оледенения, а потом замерзло и дремало десятки тысяч лет в ожидании новой весны. По берегам и в лесах можно увидеть огромные валуны, выше человеческого роста, которые принес когда-то из северных широт наступавший ледник. На некоторых камнях есть следы от резцов: это древние люди высекали свои священные письмена на забытых теперь языках. А есть и другие следы, как будто от стоп: говорят, что их оставили другие существа, обитавшие в тех местах, не люди, а такие, которые были на земле задолго до людей. Некоторые из них до сих пор живут там, в самом озере, в лесах, в болотах: это их называют русалками, водяными, кикиморами, лешими...

— А ты сам их видел? — спросил бармен Дэн.

Худощавый небритый мужчина неопределенного возраста, сидевший у дальнего конца стойки слева от Альтеры, укоризненно посмотрел на бармена и слегка махнул рукой с зажатым в ней стаканом виски.

— Какое это имеет значение? Если ты или я не видели, например, ведьм, это не доказывает и не опровергает их существования. Просто мы их не видели, вот и все.

«Еще как видели», — подумала Валерия. Она помнила собеседника бармена: в прошлый раз, когда ей пришлось отводить изрядно перебравшую Алину в уборную, они столкнулись с ним в холле.

«Простите, мы с Вами раньше нигде не встречались?» — спросил он тогда. Сейчас лицо мужчины, утверждавшего, что не видел ведьм, тоже казалось ей смутно знакомым, но мало ли: может, он похож на какого-то актера, или давно забытого сокурсника по Академии, или...

— ... в общем, отслеживание телефона тоже ничего не дало.

Валерия мотнула головой и повернулась к Алине. Не стоило отвлекаться. Она пришла сюда не затем, чтобы слушать чужие пьяные разговоры.

— Что, прости? — переспросила она.

Глаза Алины чуть помутнели: в начале вечера они были похожи на лесные озера, в которых отражается свежая майская зелень, а сейчас их будто понемногу затягивало болотистой ряской. Третий стакан с виски был пуст наполовину. Это хорошо, подумала Валерия. Алкоголь снижает сопротивляемость к любым видам внушения: рациональная часть сознания угасает, зато подсознание открывается, как текстовый файл, с которым можно делать, что только заблагорассудится — править, дописывать, хоть удалять целые абзацы. Сама Валерия едва пригубила свой яблочный сок с каплей «Джеймессона». Ей нужна была трезвая голова.

— Я говорю, — ответила Алина, — что телефон убитой все-таки отследили. Он включился на следующий день. Все, конечно, этого ждали, но ведь нужно время: пока информацию передали, пока подключили технические службы, пока связались с оператором сотовой связи... В общем, прошел где-то час. Все это время сигнал перемещался по городу, то в одну сторону, то в другую. Посмотрели по карте: получалось, что кто-то катается между станциями метро. Подняли на уши полицейских в метрополитене, потом оказалось, что сигнал поступает с наземных вышек, начали подтягивать патрульных из районных отделов...

— И что? Упустили?

Валерия всю эту историю уже слышала от Жанны на очередном совещании в квартире Примы: тот самый знакомый полицейский рассказал и про то, как они пытались поймать злодея по сигналу мобильного Белладонны, и о том, что было дальше. Ничего нового Алина не сообщила, даже упустила некоторые детали. Но сейчас Валерии нужно было поддерживать разговор и демонстрировать интерес.

— Ну да, я же говорю, что вся эта суeta вокруг телефона убитой ничего не дала. Правда, через час с небольшим задержали какого-то парня. Прямо на улице скрутили. Три полных патрульных экипажа и еще четверо оперативников, представляешь? Бедняга от потрясения слова не мог сказать, да еще и помяли его при задержании. Ну, он потом объяснил, что

телефон нашел на автобусной остановке рядом с метро; прикарманил, разумеется — и тут такое. До вечера продержали его, проверили на причастность и отпустили. Потом все дружно сидели и гадали, зачем Инквизитор подбросил аппарат на остановку: то ли чтобы отвлечь внимание от себя и уйти подальше, то ли просто издевался — знал, что кто-нибудь обязательно подберет телефон и что полиция среагирует. Отпечатков никаких, конечно. Вот так.

Разумеется, отпечатков Инквизитора на мобильнике погибшей Белладонны не было и быть не могло. У ангелов их просто не существует.

— Ну и ну, — сокрушенно сказала Валерия, покачав головой. — Надо же. Значит, так и нет никаких зацепок?

Алина сделала длинный глоток, прикрыла глаза, замерла на секунду, потом выдохнула и поставила опустевший бокал на стойку.

— Никаких, — голос стал немного осипшим. — Все по-прежнему уверены, что это спятивший бывший спецназовец. Правда, есть еще версия, что Инквизитор — сотрудник полиции, причем действующий. Ведь как-то же он узнал о том, что в поселках выставлены патрули, и на этот раз повез жертву в лес. Хотя, конечно, это не отменяет того факта, что он сумасшедший.

Не сумасшедший, не полицейский, не выходец из спецподразделений. Только Валерия понимала, кто такой Инквизитор на самом деле, и это неудивительно, ибо его послание было адресовано только ей и никому более. Остальные пусть думают, что хотят.

Валерия нашла глазами Дэна, и тот с явным облегчением подошел к ней, оторвавшись от рассказов про ледниковое озеро и кикимор.

— Повторить?

Она качнула головой в сторону пустого стакана Алины. Дэн понимающе кивнул.

— На мой счет запиши, — сказала Валерия.

Алина попыталась было протестовать то ли против повторения, то ли против того, чтобы ее угощали, но вышло неубедительно. Альтера внимательно наблюдала. Выглядела Алина не лучшим образом: золотистые волосы в беспорядке, лицо осунулось, глаза припухли, пальто помятое, а белый воротник блузки под пиджаком — несвежий. Алина как будто потеряла что-то с момента первой встречи со старшими сестрами ковена чуть больше недели назад: Валерия назвала бы это внутренним стержнем, определявшим строгий шарм и особое, чуть надменное чувство достоинства, которые она сразу отметила в женщине-судмедэксперте. Помнится, тогда ей пришло в голову, что с Алиной будет не просто и

придется долго и кропотливо работать, чтобы подчинить ее волю или хотя бы ослабить настолько, чтобы можно было манипулировать. И вот, пожалуйста, все оказалось куда как скорее и проще, чем Валерия предполагала. Конечно, в прошлый раз они все втроем как следует потрудились: и Прима со своим непобедимым очарованием, которым она так хорошо умела пользоваться, и сама Альтера, погрузившая Алину в устойчивый транс, и даже Терция, замкнувшая *треугольник силы* своей темной разрушительной энергетикой. И все равно, такого быстрого эффекта Валерия не ожидала. Всего-то один разговор, потом встреча на презентации, где Виктория павлиньими перьями распушила перед будущей ведьмой то, что сама называла харизмой, пара телефонных звонков, немного работы с *ментальными образами* при помощи куколки и элементарных заклятий — и вот уже через десять дней вместо уверенной в себе, слегка высокомерной, холодной и самодостаточной женщины у стойки сидела какая-то потерянная пьянчужка с развязавшимся языком. Валерия даже разочаровалась немного. И где, спрашивается, в ней та сила, о которой упомянула старуха и о которой все время талдычила Прима? Может статься, конечно, что у Алины были какие-то нераскрытые дарования, но все равно для вступления в ковен нужны были решимость и сила воли, а как раз последней Валерия не наблюдала. Впрочем, это неважно. Инициация все равно не состоится; не будет ни «поцелуев сатаны», ни кровавых жертв, ничего — только искупительное пламя возмездия и братская, точнее, сестринская могила в подвале старой больницы. Вот о чем сейчас нужно думать, а не гадать, за какие такие таланты проклятая Бабушка приказала принять Алину в круг посвященных. Валерия приведет ее на есбат, пусть даже для этого придется полностью парализовать разум и волю, а потом все сделает так, как задумала.

Алина тем временем подняла свой бокал с новой порцией виски и задумчиво смотрела через него на яркие огоньки, сверкающие в полумраке вдоль зеркальных полок с бутылками. Золотистые искры отражались в зеленых глазах как падающие звезды в болотной воде; мелькали, вспыхивали, гасли, будто случайные мысли. Валерия решила, что пора приступать к основной части беседы. Алина уже достаточно выпила и сейчас сама по себе начинала входить в подобие транса, тем более, что обстановка располагала: бар практически пуст, полумрак, негромкая музыка, которая обволакивала, отделяя от реального мира, и гипнотически мерцающие янтарные блики в бокале — тут и магии никакой не надо, так, слегка подтолкнуть. Виктория, предметно изучавшая теорию коммуникации, рассказывала когда-то подруге: «Ты думаешь, Лера, почему

в церкви все устроено именно так, а не иначе? Потому что там работают профессионалы. Им прекрасно известно, что сумрак, мигающие огоньки свечей, монотонные голоса и напевы подавляют в человеке рациональную часть сознания. Отключают критическое восприятие действительности, а там уже говори все, что хочешь — люди всему поверят». Валерия вынула куколку из кармана, подвинулась к Алине поближе, но та вдруг оторвала взгляд от стакана, взглянула Альтере в глаза и сказала:

— А ведь я ее знала.

Валерия даже чуть отшатнулась.

— Кого?

— Эту девушку, Дарину. Жертву.

— Вот как?

— Ну как, знала. Соседка моя была. По лестничной площадке. Квартиру снимала вместе с подружкой, такой, темненькой. Приятная девушка была, вежливая. И улыбалась всегда. Будто пони.

Валерия улыбнулась. В личике Белладонны и в самом деле было что-то от веселой лошадки.

— Вот так встречаешься с человеком изо дня в день, здороваешься, какими-то словами обмениваешься, ничего не значащими, — говорила Алина, — а потом — раз! — и видишь его уже мертвым. Лицо раздутое, почерневшее, рот остатками выкипевшей рвоты залеплен, глаза почти высохли... Вскрываешь грудину ножницами — есть такие большие, для торакотомии — и вспоминаешь, когда виделись в последний раз, о чем говорили... Чертова работа.

— Понимаю, — сочувственно отозвалась Валерия.

Алина тряхнула волосами и поднялась стакан.

— Лера, давай за Дарину. Не чокаясь.

Она запрокинула голову и сделала большой глоток. Валерия чуть прикоснулась губами к своему напитку.

— А ведь мы тоже знали Дарину, — сказала она.

Алина промолчала, то ли погруженная в собственные мысли, то ли просто не расслышала слов Валерии за звучащими из колонок разудальными кельтскими песнями.

«Я плыву до Бостона, я плыву до Бостона, я плыву до Бостона искать свою деревянную ногу...»

«Надо поторопиться», — подумала Валерия. — А то она так вообще раскиснет скоро».

Никогда и никого раньше подобным образом в ковен не приглашали. Свободное волеизъявление считалось священным по обе стороны древних,

воздвигнутых еще до возникновения баррикад: и в подземельях, где ведьмы, собравшись в кружок, приносили кровавые жертвы, и в надмирной сияющей выси, откуда явился сюда, под туманный полог вечно дождливого неба, ангел — истребитель. Впрочем, если у человека нет в душе того, за что можно было бы зацепиться: боли, разочарования, страсти или порока — то никакой алкоголь, внушение или магия не смогли бы его привести на шабаш. А за что можно зацепиться в душе Алины, Валерия спланировала заранее.

— Я говорю, мы ее тоже знали, Дарину, — чуть громче сказала она, и, когда Алина к ней повернулась, добавила — Она была одной из нас.

— Одной из вас? — эхом отозвалась Алина.

— Да. Как Вика, я, Жанна. И другие — те, кого убили, и те, что еще живы. Ты понимаешь, о чем я?

Алина медленно кивнула.

— Думаю, да. И он тоже понимает, кстати. Инквизитор. Принято считать его сумасшедшим — не знаю, может это так, а может, и нет. Но он считает, что борется с настоящими ведьмами, в этом я уверена.

— А что, если мы и есть настоящие?

Валерия в упор посмотрела на Алину. Глаза у той округлились. Она моргнула. Отлично, сейчас две — три секунды транса, в которые впадает человек, услышавший или испытавший нечто, выходящее за рамки обыденного восприятия. Осторожно взять ее за руку — тактильный контакт очень важен! — другой рукой покачать куколку на скакалке, а потом начать говорить, монотонно и не прерываясь. Валерия сделала вдох, и тут Алина произнесла:

— Я согласна.

Альтера чуть не выронила куколку. Правая рука замерла на полпути к запястью Алины. Что за черт?..

— В смысле, согласна? — задала она глупый вопрос, чувствуя, что от неожиданного изумления сама едва не свалилась в краткое подобие транса.

— Ну, согласна присоединиться к вам, как это называется...вступить, или что-то вроде того. Ты же это собиралась мне предложить?

Валерия растерялась. У нее уже была заготовлена целая мотивационная речь, где умело были расставлены основные сигналы, специально подобранные для Алины: про яркую, событийную жизнь, не похожую на ту, которой живут обычные люди; про силу, открывающую новые горизонты и смыслы частного бытия; в конце концов, про этого ее пропавшего мужика, по которую, как поняла Валерия, Алина сохнет и

которого никак не может забыть — поможем, отыщем, вернем — и все в таком духе. И вдруг такое. Она посмотрела на куколку, которую все еще держала в руке, и убрала ее обратно в карман.

— Ты думаешь, я не догадалась? — Алина хитро посмотрела на Валерию и пьяно подмигнула. — Я, вообще-то, не дура, если что. И кое-что в жизни видела. Так что сразу все поняла. И про Инквизитора, и про вас троих, когда вы тут нарисовались — ну, про вас не в тот же момент, конечно, но попозже сообразила. Так сказать, сложила два и два. А еще я чувствую. Ну, ты понимаешь, наверное. Инквизитора, например, иногда чувствую: не вижу его, а так, как будто промелькнет такое что-то перед глазами, словно уснула на секунду...Ну и вас вот с Викой тоже почувствовала, что вы не такие...не обычные... В общем, я согласна. Давай, говори мне, что делать.

Слова немного заплетались, как ноги пьяного, но содержание неприятным образом удивляло проницательной точностью, на хмельной бред никак не похожей. Валерии очень захотелось просто встать и уйти: она почувствовала себя как цыганка, попытавшаяся заговорить случайного прохожего и нарвавшаяся на мастера эриксоновского гипноза. Встать, уйти, а потом позвонить Виктории и доложить о случившемся. А может быть, даже не беспокоить госпожу Приму, а сразу вызвать в бар Керу с ножиком. Ситуация была не просто нестандартной, а какой-то тревожной, даже пугающей.

Но Валерия осталась на месте. «В ней сила», — что ж, может быть, старой полумертвой карге и в самом деле виднее, кого нужно звать в потрепанный Инквизитором ковен, как тренер знает, когда нужно выпустить на поле сильного форварда на помощь выдохшейся команде. Что ж, тем лучше: Валерии меньше мороки, если Алина оказалась столь сообразительной и заранее согласной на все.

— Ну, если ты готова, — начала она, — и если уверена в твердости своего решения, то тогда...

— А что такого есть в моей жизни, чтобы я была не готова?! — неожиданно зло выкрикнула Алина и с силой опустила стакан на стойку. Толстое стекло ударилось о полированное дерево. Виски плеснул, потек маслянистой пленкой по внешней стенке бокала. Худощавый мужчина и бармен замолчали и разом повернули головы. Даже кельтские рокеры в музыкальных колонках будто примолкли, прервав свои хриплые трели.

Валерия почувствовала себя неудобно.

— Тише, тише... — пробормотала она.

— А что тише-то?! — Алину несло. — Сама спросила. Вот я и

отвечаю тебе: с чего бы я была не готова? У меня за всю жизнь даже подруг нормальных никогда не было, представляешь? И сейчас нет никого, кроме вас. Мне тридцать лет, между прочим, а у меня ни мужа, ни детей. Я, положим, и сама ни к чему такому не стремилась, но все равно. Одна работа. Полгода назад встретила единственного мужчину, с которым захотела остаться, так и тот сбежал. Говорят, когда любишь, в животе бабочки летают. Моль у меня там сейчас летает...полупьяная...

Алина замолчала и отвернулась, прикрывшись рукой. Белые пальцы зарылись в упавшие на лицо золотистые волосы. В пабе повисла неловкая тишина; мужчина за стойкой и Дэн деликатно не смотрели в их сторону и делали вид, что ничего не произошло, но сами — Валерия была в этом уверена — слушали во все уши.

Она разозлилась. Эта вывернутая наружу в отчаянном крике боль потерянности и одиночества была ей так знакома и понятна, что Валерии показалось, будто не Алина, а она сама внезапно проговорилась, рывком обнажив прилюдно постыдные душевные раны, ранее стеснительно скрытые от посторонних — и вот, пожалуйста, эти самые посторонние наострились и с любопытством слушают, будто комический скетч, горькую женскую исповедь.

— А что это мы замолчали? — строго спросила она. — Темы для разговоров закончились?

Дэн отвернулся и принялся поправлять бутылки на полке. Небритый мужчина уткнулся в экран телефона.

— Ты, — Валерия ткнула пальцем в сторону бармена, — принеси нам воды. Видишь, женщине плохо.

Дэн с удивительной для его габаритов легкостью бесшумно исчез за дверью кухни.

— А ты, — обратилась Альтера к мужчине, — сиди вот так и не смотри в нашу сторону.

Ирландские панки, поймав настроение, перестали орать и понимающе заныли на волынках что-то заунывное. Хоть кому-то не надо объяснять, как надо себя вести.

Она повернулась к Алине. Та по-прежнему прикрывала лицо рукой. Валерия слезла с высокого барного табурета, тихонько прикоснулась рукой к вздрагивающим плечам и негромко сказала:

— Следующий раз мы собираемся на Белтайн, в ночь на первый день мая. Я позвоню тебе и скажу, когда и где встретимся.

Алина молчала. Валерия слегка сжала ее плечо, бросила деньги на стойку, надела пальто и вышла за дверь.

Проспект был похож на подземные катакомбы: влажный сумрак, неясные тени, источенные временем стены, стискивающие узкую расселину дороги и тротуаров, непроницаемо темный свод ненастного неба. Прелая сырость вмиг пропитала ткани одежды, осела на волосах и лице.

В какой-то момент там, в пабе, Валерии стало настолько жалко Алину, что она подумала, не оставить ли все, как есть: никаких приглашений на шабаш, никакой общей судьбы с сестрами ковена — поработать немного с памятью, а остальное сотрет алкоголь. Но сейчас, выйдя наружу, в тоскливые сумерки самого яркого, жизнерадостного времени года, поняла: нет, надо поступить так, как изначально решила. Потому что так будет лучше не только для нее, но и для несчастной Алины: очистительный пламень, в который Валерия намеревалась превратить костры Белтайна, принесет покой каждой из мятущихся душ.

Она достала телефон и набрала номер.

— Я все сделала, Вика. Поговорила. Алина будет присутствовать на мероприятии.

— Молодец, Лера! Вот видишь, можешь ведь, когда захочешь!

«Ты пока даже не представляешь, что я могу, — подумала Валерия. — Но скоро узнаешь. Да, очень скоро».

Глава 29

24 апреля 20... года.

Вероятно, это моя последняя запись.

Я очень устал. Последние две недели совершенно меня измотали. Чувствую себя, как спортсмен, опрометчиво решившийся преодолеть слишком длинную для себя дистанцию, и вот, до финиша еще больше половины пути, а сил уже нет, и в сознании все чаще вспыхивают, а потом уже горят непрерывно тревожным красным сигналом слова «НЕ МОГУ». Не могу добежать до конца, но сойти с дистанции — тоже.

Не могу. Не знаю, что именно так меня подкосило. Наверное, все вместе. Еще после катастрофического фиаско с Белладонной — Дариной я почувствовал, что надорвался, и физически, и морально, как будто вложил в подготовку и реализацию этой акции последние силы, а все оказалось тщетно: ведьма смогла ускользнуть, задохнувшись в собственной рвоте, и это было так несправедливо, нечестно, неправильно, что я едва не рыдал, ввалившись под утро домой — затащил наверх из машины огромный, потяжелевший от влаги сверток с палаткой, мангал, шампуры, инструменты, осел на пол рядом с кроватью и уснул, не сняв оборванной, грязной одежды. Что я сделал не так?! В чем ошибся? Разве я не старался, не работал, не спланировал все безупречно? Ощущение было такое, словно у меня отобрали заслуженную, выстраданную победу. Кто забрал жизнь Белладонны? Обхитривший меня Сатана или Бог, вознамерившийся в Пасхальную ночь вдруг сказать мне, после всех жертв и усилий: это не то, чего Я хочу от тебя? От таких мыслей я чувствовал себя еще более потерянным и уставшим, напуганным и одиноким. Что, если все, что я делаю, и в самом деле не нужно?..

А еще я устал от страха. Из средств массовой информации было известно, что исключительно ради меня из столицы прибыла специальная группа: следователи, набившие руку в поимке маньяков, серийных убийц и отпетых злодеев, таких, каким был и я в их глазах. Каждый день я ожидал звонка в дверь или того, что на улице ко мне подойдут несколько серьезных людей и предложат пройти, куда следует. С трудом удалось побороть в себе почти непреодолимое желание сказать больным и не ходить на работу — это могло вызвать ненужные подозрения, так что я продолжал ездить в Университет, читать лекции, автоматически произнося заученные за годы,

никому не нужные тексты, и постоянно ждал, что посередине занятий в аудиторию войдут те же суровые люди в штатском, похожие, как близнецы, наденут наручники и уведут меня под изумленными взглядами студентов. Рассудок подсказывал, что это лишь вопрос времени; успокаивало только одно: если следствие и в самом придерживается версии о том, что искать следует взбесившегося спецназовца, то время у меня еще есть.

Вот удивятся-то, когда узнают.

День — два, и я начал бояться всего. Страх стал изнурительным, как зубная боль; он то усиливается до паники, то ослабевает, и теперь превратился в полностью иррациональное чувство: я пугаюсь прохожих, собственного подъезда, входной двери, вывески на магазине. Мне страшно, когда я вижу россыпь розовых объявлений на стенах и остановках, когда звонит телефон, когда вытаскиваю газеты с рекламой, забившие почтовый ящик. По ночам в квартире я замираю от звуков: то стукнет, то скрипнет, то будто зафыркает что-то из коридора, на кухне, в темной ванной; то внезапно на периферии зрения, отделяющей видимое от невидимого, мелькнет силуэт, и я оборачиваюсь, уверенный, что кто-то стоит за спиной. На лестнице по ночам постоянно топчут шаги: неизвестно кто ходит вверх-вниз, в час ночи, в два часа, даже под утро. Раньше такого никогда не бывало. Или я просто не обращал внимания? Спать я почти перестал; сижу, дожидаясь утра, чтобы лечь, когда рассветет, благо ночи становятся все короче. Лолита уже не приходит. Лучше бы уж она, чем все это. Чувствую, что скучаю по ней.

Наверное, я действительно сумасшедший.

Но больше всего пугали новости. Никогда ранее я не проводил столько времени в интернете, а сейчас читал с полуночи до утра, с болезненным любопытством: статьи, репортажи, очерки, комментарии и интервью — все, что писали про Инквизитора. Знаете, когда я начинал работу над книгой, то думал, конечно, о том, как ко мне придет популярность — все авторы об этом мечтают, без исключений, кто-то больше, а кто-то меньше, но все. Конечно, на массовый отклик я не рассчитывал — тема не та — но представлял, как читаю рецензии, отвечаю на письма, дискутирую с оппонентами. Обратная связь в творчестве очень важна: люди должны оценить то, что ты сделал, понять, осознать, отторгнуть или принять, но главное — не остаться равнодушными к книге. Как вы знаете, несколько позже мое творчество приобрело чуть более экстравагантные формы. Ведь для чего-то я рисовал слово «ВЕДЬМА», рискуя умножить улики; кому-то я говорил, что сделал работу властей. Дело было не только в желании истребить засевшую в городе заразу; я надеялся, что хоть кто-то поймет:

дело в мире, который сейчас стал таким, что стало возможным ее появление. И вот популярность пришла, но в чудовищном, жутком облики. Меня заметили и оценили — но как! Тысячи обсуждали то, что я сделал, но никто не интересовался, зачем. В статьях и заметках вполне адекватные, уважаемые и состоявшиеся люди бессовестно лгали, ссылаясь на собственные источники информации, и рядили меня то в безумного радикала, то в агента спецслужб; то проклинали — но не за то, что я действительно сделал, а как символ чуждой идеи; то поддерживали — но так, что лучше бы проклинали. Но совершеннейшая вакханалия творилась в комментариях под статьями и обсуждениями. Я насчитал почти сотню людей, утверждавших, что знают меня лично, больше трех сотен тех, кто знают того, кто меня знает; и тысячи авторитетно заявлявших, что располагают совершенно точной информацией о том, кто я такой. Это было еще полбеды; люди строят версии, что ж тут такого, если немного приврут. Но большинство интересовалось не моей личностью, и уж точно не расшифровкой моего отчаянного послания. С плохо скрываемым удовольствием собеседники обсуждали раны на жертвах, смерть от ожогов, разглагольствовали о сексуальном насилии, пользуясь с тем, что на эту тему официальное следствие деликатно не распространялось; и главное — ждали от меня продолжения. В дискуссиях о пытках и казнях, к которым прилагались во множестве фотографии и рисунки, я различал пожелания публики к тому, что неплохо бы сделать еще: «железная дева», «испанский сапог», раскаленная кочерга во влагалище, разрывающие анус шипастые конусы, тиски, зажимающие череп так, чтобы треснули кости и вывалились глаза из глазниц. В антракте между убийствами публика рассуждала о том, как еще можно сжечь живьем человека: надеть автомобильные покрывки на тело, засунуть в железную бочку, подвесить на крюк над костром. Да, нам понравилось, как ты управляешься с молотком и бензином, но давай уже что-нибудь поинтересней! Я чувствовал себя клоуном, кровавым аниматором, развлекающим праздных плебеев, и различал в гуле невидимых голосов подбадривающие, нетерпеливые крики: когда уже следующее убийство, что ты тянешь, скорее!

Хотите еще? Будет вам еще, не сомневайтесь.

Белладонна скончалась, не сказав мне ни слова. Содержимое собственного желудка запечатало ее уста надежной печатью молчания. Но у меня был ее смартфон, а это сейчас почти то же самое, что располагать содержимым чьей-нибудь головы. Иногда в него умещается и вся личность, так что уже непонятно, что первично: владелец гаджета или собственно гаджет, использующий двуногий биологический объект для своевременной

подзарядки.

Я понимал, что полиция обязательно будет отслеживать пропавший телефон Белладонны. Сколько времени могло пройти с момента, как я включу его, и до того, как мне скрутят руки подоспевшие полицейские? Я не знал. Ясно было, что дома этого делать ни в коем случае нельзя, а еще — что лучше двигаться, чем стоять на месте. Первое, что пришло в голову — спуститься в метро, но меня пугало изобилие видеокамер, которые, в отличие от уличных или тех, что время от времени попадались на трассах, уж точно работают. Ходить пешком? Я уже слишком стар, чтобы одновременно передвигаться по улицам и копаться в смартфоне, как делает современная молодежь. Такие навыки приобретаются в ходе мутации, которой я не подвергся. Значит, наземный транспорт, желательно, не общественный и не городское такси.

В понедельник я ушел с работы пораньше, чтобы управиться до вечерних пробок. На Московском проспекте поймал какой-то потрепанный драндулет с выходцем из братской республики за рулем. Его познаний русского языка хватило, чтобы понять: нужно ехать по прямой, чуть притормаживая у каждой из станций метро. Я понятия не имел, как работают технические службы, отвечающие за отслеживание сотовых телефонов, но надеялся, что такой маршрут немного запутает полицейских: пусть думают, что я еду в поезде метрополитена. Молясь, чтобы Белладонна не забыла пополнить счет своего мобильного и не имела привычки выходить каждый раз из Социальной сети так, что потом заново нужно вводить пароль, я включил смартфон. С заставки на меня уставился жизнерадостный кот. Удача! В ответ на нажатие сине-белой иконки мне открылась личная страница: слащавая картинка на аватаре, имя с фамилией — Дарина Ткачева. Приятно познакомиться.

Я начал быстро просматривать сообщения. Искомое обнаружилось почти сразу, в диалогах с некоей «Жанной Огненной Лисой», рыжекудрой немолодой особой с худым, неприятным лицом. Насколько явствовало из переписки, означенная Жанна совмещала в себе две ипостаси: была хозяйкой борделей «Фифа», где ударно трудилась Белладонна, и ведьмой того ковена, который, благодаря моим скромным усилиям, уже поредел чуть менее, чем наполовину. Первое было понятно из пересыпанных «смайликами» — этими новаторскими знаками препинания — просьб об отгулах, сообщений по поводу рабочего графика и собеседований для кандидатов, которые Жанна проводила лично; второе — из тревожного обсуждения судьбы Шанель, Стефании и Лилит. Я прочитал почти всю переписку, но не увидел более ничего, что помогло бы выйти на остальных.

Мой водитель тем временем довез меня до Сенной площади. «Дальше куда едешь?». Я объяснил: до Невского, а потом назад, тем же маршрутом. У меня уже было достаточно сведений для того, чтобы планировать свои следующие действия: имя, фотография, род деятельности и место работы — целое досье, но я был окрылен успехом и не хотел останавливаться на достигнутом. Увы, дальнейшее изучение виртуальной жизни Дарины Ткачевой, в определенных кругах известной, как Белладонна, ничего нового мне не открыло: какие-то подружки из Питера и родного поволжского города, соседка по съемной квартире, фотографии с вечеринок; только в списке скрытых от постороннего глаза «друзей» я увидел страницу Оксаны, всю сплошь покрытую траурными стенаниями, соболезнованиями и изображениями горящих свечей в черных рамках.

Телефон я оставил на автобусной остановке. Вылез из машины, сел на лавочку, ощущая себя под прицелом — взглядов, уличных камер, пролетающих спутников — достал телефон, аккуратно протер салфеточкой для очков, потом положил на скамейку и быстро спустился в метро. Мне хотелось избавиться от смартфона как можно скорее, а еще я был уверен, что долго он на остановке не пролежит: кто-нибудь непременно стащит, вещь дорогая, и если оперативники успели засечь телефон по сигналу, то время, которое понадобится для погони за новым обладателем гаджета, даст мне немного форы, чтобы подальше уйти.

Дома я включил компьютер и отправился на уже известный мне форум потребителей и поставщиков сексуальных услуг. Мало было знать, что рыжая Жанна является хозяйкой интимных салонов; как вычислить, когда и в каком из них ждать ее появления? Я стал изучать материалы обсуждений, связанные с борделями «Фифа». Кроме прочего, там была тема «Приглашаем к сотрудничеству». Стартовое объявление гласило: «Милые девушки! Мы будем рады увидеть вас в нашем небольшом коллективе! Зарплата высокая, деньги за дополнительные услуги полностью ваши. График индивидуальный, который удобен именно вам! Большой объем работы гарантирован. Иногородних встретим. Возможно проживание. Все интересующие вопросы можно задать по телефону:...»

Право, хоть сам устраивайся на таких условиях, да еще и с гарантированным большим объемом работы. Лишь бы здоровья хватило.

Звонить, разумеется, было нельзя. Я быстро зарегистрировался на форуме, по культурологическому наитию назвавшись Сафо, и отправил личное сообщение, придумывая на ходу обстоятельства и объяснения: я девушка, мне двадцать лет, недавно в городе, мечтаю работать по данной специальности, но позвонить не могу, ибо деньги на телефоне закончились,

как и наличные средства вообще, что и является побудительным мотивом попробовать себя в новом деле; нельзя ли записаться на собеседование? Ответ пришел поздно ночью: конечно, можно подъехать завтра вечером, к десяти, в новый салон, где со мной будет общаться лично хозяйка. Я записал адрес: Московский проспект, совсем рядом с тем местом, где я бросил телефон Белладонны.

Как тесен мир.

Очевидно было, что после последних событий ни Жанна, ни кто-либо из оставшихся в живых ведѣм добровольно ко мне в машину не сядет. Значит, нужно было рискнуть: поставить автомобиль рядом с подъездом и ждать, когда моя цель войдет или выйдет, а потом уповать на внезапность, заряженный шокер и гражданскую несознательность тех, кто станет свидетелем похищения. Это совсем не походило на детально продуманные планы, которые я разрабатывал раньше, но мне было все равно. С момента смерти Белладонны прошло всего трое суток, но я уже столько прочел, передумал, прочувствовал, что хотел побыстрее покончить со всем: ускориться перед финишем, скомкать финал, завершить схватку одним ударом. На выбор места допроса не было ни времени, ни сил; к тому же, я считал небезопасным продолжать колесить в своей серой «Волге» по всей области. Жанну решено было вывезти на то самое место, что и Белладонну: ход неожиданный, смелый, предполагающий, что эксперты — или кто там еще — уже завершили поиск улик, и что никто не ожидает там моего возвращения. Армейскую палатку я брать не стал: с отвращением затолкал ее кое-как обратно в кладовку; от мангала с шампурами тоже отказался, как от излишества. Не до разнообразия. Придется публике, ожидающей очередного убийства в исполнении Инквизитора, обойтись без душераздирающих подробностей о пытках раскаленным железом. Жанну было решено просто привязать к вбитым в землю кускам стальной арматуры и ограничиться испытанным молотком и ножом.

За час до назначенного времени я сидел за рулем припаркованной «Волги». По правую руку тянулся высокой стеной помпезный, зажиточный дом постройки пятидесятых годов; слева был двор, обширный, ухоженный, с детской площадкой, а дальше — еще один дом, сияющий в темноте огоньками уютных окон. Место — хуже не придумаешь: десятки квартир, припаркованные автомобили, прохожие, то и дело идущие по дорожке вдоль дома. С тем же успехом я мог попробовать захватить эту Жанну прямо на Московском проспекте, чего уж. Но выбора не было. Я пристроился позади огромного черного джипа и стал наблюдать; парадная с нужной квартирой, где располагался бордель, находилась метрах в

пятнадцати впереди.

Без четверти десять во двор медленно въехал серебристый «Инфинити», стильный, надменный, блестящий. Я вспомнил, что уже видел похожий во дворе того дома, откуда забрал в последний путь Белладонну. Сполз на сидении пониже, только шляпа торчала поверх руля; рука непроизвольно сжала шокер в кармане. «Инфинити» остановился, и я увидел, что следом за ним будто крадучись катится мотоцикл: черно-красный спортбайк с седоком, затянутым в кожу и с черным шлемом на голове; лицо закрывал зеркальный щиток. Тут уж сомнений быть не могло: этот устрашающий агрегат стоял в том же дворе памятной ночью на Пасху. Из серебристого автомобиля вышла Жанна: ее я сразу узнал по кудрявой ржаво-рыжей копне волос, и одновременно с этим остановившийся мотоциклист снял шлем с головы и взмахнул черной толстой косой. Женщина! И какая: даже в сумерках, ослепленный светом фар «Инфинити» и раскосыми, горящими желтым, очами черного байка, я мог различить исходящую от мотоциклистки угрозу. Она подошла к Жанне, что-то сказала, огляделась — слишком внимательно, чтобы можно было считать этот жест машинальным. Я вжался в спинку сидения. Жанна закрыла машину, махнула рукой своей спутнице, и они пошли к двери подъезда; высокая женщина в черном комбинезоне шла сзади и перед тем, как войти, обернулась и еще раз обвела взглядом двор. Потом дверь закрылась. Я остался в машине, покрытый испариной страха.

Охрана — вот о чем я подумал. Глупо было рассчитывать, что после четвертой смерти подряд ведьмы продолжат беспечно прогуливаться в одиночку по вечерам и подставлять шеи под шокер. А уж тем более Жанна, которая, надо думать, чувствовала себя сейчас особенно уязвимой. Наверняка эта женщина в черном, раскатывающая на демоническом мотоцикле, тоже входила в их ковен. Впрочем, это не имело значения. О том, чтобы справиться сразу с двумя, не могло быть и речи: даже захват одной из них в открытом, густонаселенном дворе был затеей более, чем рискованной, что ж говорить про двоих. К тому же, судя по спортивной, высокой фигуре спутницы рыжей ведьмы, по профессиональному взгляду, которым она окинула двор, по общему ощущению решительной силы, в схватке с ней у меня были слабые шансы. Оставалась слабая надежда на совпадение: вдруг мотоциклистка провожала Жанну только сегодня?

Десять дней я, как на работу, ездил по вечерам во двор на Московском проспекте и просиживал там примерно с восьми часов и до полуночи — как получалось. За это время Жанна побывала в своем заведении семь раз. Иногда она приезжала раньше — пару раз ее машина уже стояла рядом с

парадной, когда я только въезжал во двор, иногда позже, ночью; но ни разу — одна. Ни единого. Женщина на мотоцикле сопровождала ее, будто хищная рыба, плывущая за кораблем. Захватить рыжую ведьму врасплох не представлялось возможным. Надежды не оправдались. Планы рухнули.

Минули последние заморозки, которыми огрызнулась зима, проваливаясь в черное небытие до следующей осени. Шляпу с пальто я убрал в гардероб; вместо них я в последние дни ношу серую куртку и легкую кепочку. Жена говорила, что она мне идет. В город пришло настоящее тепло, пахнет грязной водой, разомлевшей землей, несет отовсюду характерной весенней вонью. Вчера я увидел первые редкие почки, пробивающиеся на ветках деревьев: нежно-зеленые эмбрионы готовых к рождению листьев. Небо чуть посветлело: оно уже не серо-свинцовое, а тускло-голубое, как будто линялое. Люди на улицах оживились, некоторые улыбались: почему бы и нет, жизнь прекрасна, впереди маячит скорое лето, пусть короткое и дождливое, но после долгой и темной зимы — хоть какое. День удлинился, гулять можно дольше, жить интересно, вот, например, Инквизитор: надо взглянуть в новостях, может быть, снова убийство? Нет? Жалко, ну ладно, кроме этого есть, чем развлечься.

Не могу.

Ночью я принял решение. Молоток, скотч, бензин и допросы по форме останутся в прошлом. У меня есть ружье. А к нему упаковка патронов с кабаньей картечью. Лолита незадолго до смерти сказала, что в их ковене одиннадцать ведьм; четверо уже никому не причинят зла, еще двух я расстреляю сегодня. До остальных мне, увы, не добраться, но все же в мире станет хоть немного почище.

В ящике с инструментами на антресолях я нашел две ножовки: по дереву и по металлу. Мне понадобится обрез: охотничья двустволка слишком длинная и громоздкая для предстоящего дела, требующего быстрого применения оружия. Что слесарь, что столяр из меня никудышный, но все-таки получилось: сначала я обрезал до ложа стволы, а потом большую часть приклада. Получился куцый обрубок прекрасного некогда образца ижевского ружейного производства. Предполагается, что обрез должен выглядеть грозно и, как говорится, брутально. Мой, мне кажется, выглядит жалко. Стволы будто смотрят на меня с укоризной, остаток криво отпиленного приклада торчит, как купированный хвост у терьера. Ну и ладно. Зато поместился в портфель. Только что я попробовал еще раз — немного наискось, но все же влезает. Сам портфель у меня старый и, можно сказать, самодельный, кустарного производства, в конце

девятидесятых годов такие продавали на Невском: двойная толстая кожа, надежный замок и ремень, чтобы вешать через плечо. Потренировался немного. Если заранее расстегнуть, то обрез можно выхватить за секунду. Тревожат укороченные стволы: я понятия не имею, как поведет себя оружие при стрельбе, да и убойная сила понижена, но, если удастся приблизиться на расстояние метров в пять, двух зарядов картечи для ведьм точно хватит. Еще возьму с собой нож, ну и шокер — пусть будет на всякий случай. Не зря же его заряжал. «Волгу» оставлю у дома — сегодня она мне не понадобится. Добираться общественным транспортом я не боюсь: за последние несколько лет меня ни разу не останавливали для проверки документов. Кому есть дело до прилично одетого, интеллигентного немолодого мужчины? Ясно же, что я безобиден.

Отстреляю патроны и буду ждать полицию. Есть один светлый момент: моя невероятная популярность не даст сделать суд непубличным. И дело по-тихому замять не получится. Мне есть, что сказать всем, кто захочет услышать комментарии автора текста, абзацы которого подчеркнуты кровавым и огненно-красным. Этот дневник я оставлю открытым, вот здесь, на последней странице: пусть те, кто придет ко мне с обыском в дом, не затрудняются поиском. Копию сохраню на флеш-карте и возьму с собой, на всякий случай. Будет, что передать журналистам, да и издателям тоже. «Апологию Средневековья» публиковать не захотели, так что ж, вот вам другая история: конечно, не книжка от порнозвезды Маши Блэк, но тоже местами забористо.

Я попытался и проиграл. Но уж точно не полицейским, да и не ведьмам.

Глава 30

Диана откинулась на спинку кресла, едва не мурлыча. Запустила длинные сильные пальцы в густые волосы на затылке, потянула до сладостной боли; погладила ладонями обнаженную крепкую грудь с мгновенно откликнувшимися на прикосновение сосками; потянулась руками к гладко выбритому лобку, но остановилась. Любая эмоциональная реакция Керы мгновенно приводила к мощному выбросу сексуальной энергии, будь то злость, раздражение или радость, и чем ярче была эмоция, тем сильнее ныли напрягшиеся соски на груди, сводило медленной истомой бедра и жарче разливалось в низу живота жидкое, тягучее пламя. Сейчас радость была очень сильна — ликование хищника, поймавшего добычу в ловушку — но Диана решила повременить с удовольствиями. Через несколько часов у нее будет возможность для наслаждений.

Девочка Катя, десятилетняя куколка с голубыми глазами, согласилась на встречу этой ночью. Новая виртуальная подружка Дина Герц по прозвищу «Дикая Кошечка» расположила к себе девочку почти сразу: она уже много знала о мальчиках, умела поддерживать разговор почти на все темы, не забывала рассказывать Кате, какая та умная и красивая, восхищалась ее песиком по имени Чапик, и наконец предложила с ней встретиться. Сама Дина, согласно странице в Социальной сети, была из Москвы, но всего на одну только ночь приехала в Петербург вместе с мамой — и как можно было бы не увидеться с новой подругой? Идея сбежать ночью из дома, пока ее мама работает в ночную смену, а потом утром вернуться так, что та ничего не заметит, показалась Кате великолепным, интригующим приключением, которых не так-то и много было в ее обыденной жизни. Она жила с мамой одна — отец бросил их, когда Кате не исполнилось и одного года; подружки в школе и во дворе, Социальная сеть до утра — все это было знакомым и скучным, а тут такое событие! Последним аргументом стала поездка на мотоцикле. «Знаешь, какая у меня мама крутая? — писала ей «Дикая Кошечка» Дина. — На мотоцикле гоняет, на самом настоящем, спортивном! Она согласилась за тобой заехать и прокатить ночью по городу! А потом возьмет нас с собой в клуб, на всю ночь, представляешь?!» Катина мама работала по две смены на упаковочной линии завода по производству стирального порошка; у нее не было мотоцикла и насыщенной ночной жизни, только руки с сухой покрасневшей кожей и усталая, добрая улыбка. Разумеется, говорить ей о

своих планах Катя не стала, да и зачем, все равно ничего не узнает. Девочки договорились, что мама Дины заедет на мотоцикле за Катей к одиннадцати вечера. Кера боялась того, что новая подружка захочет предварительно созвониться, даже запаслась телефоном с подставным номером и хотела, хоть это и против правил секретности, привлечь к делу кого-нибудь из Жанниных малолеток, но обошлось. Нынешним детям достаточно сообщений в Сети.

Диана потянулась всем телом, как кошка — «Дикая Кошечка», да, детка, очень дикая! — и посмотрела на часы. Восемь вечера. Часа два назад она проводила Терцию до порога борделя и договорилась, что заедет за ней к десяти, чтобы вместе доехать до дома. Нужно было что-то решать. Для выполнения заказа Артура все было готово: подготовлено место в цеху заброшенного завода у северной оконечности города, есть оператор и по совместительству осветитель, сменщик безвременно опочившего Тараса — ни намека на татуировки, все пальцы целы — в данный момент, вероятно, везет в своей старой «Газели» железную койку и толстую полиэтиленовую пленку на съемочную площадку. Рисковать этим всем не хотелось. Да и сроки уже поджимали.

Кера взяла мобильник и набрала номер Жанны.

— Привет, дорогая!

В трубке на заднем плане слышен был звук телевизора, негромкие голоса, разговор диспетчера по рабочему телефону: «Да, Элечка делает ануслинг...да, и окончание в рот тоже возможно...»

— Жанна, тут такое дело, — начала, немного стесняясь Диана, — у меня сегодня очень важная встреча по бизнесу, отменить вообще никак не получится. Ты сможешь домой доехать сама?

Секундная пауза. «Ну, она такая высокая, восточного типа...»

— Да смогу, конечно, — подумав, ответила Терция не слишком уверена. — А у тебя совсем не получится?

Кера мысленно выругалась.

— Жанна, честно, если бы не было важно, я бы не просила...

— Ну ладно. Думаю, ничего не случится. Конечно, езжай по делам, я понимаю.

Диана облегченно вздохнула.

— Спасибо огромное! Ты только Приме не говори, хорошо? Я позвоню тебе, как смогу, и ты тоже звони, если что!

— Хорошо, без проблем. Позвоню, как доеду домой.

Кера повесила трубку, и встала с кресла, хлопнув в ладоши. Все складывалось как нельзя лучше. Ничего страшного, если Жанна один раз

доедет до дома без сопровождения. В конце концов, у Дианы тоже есть свой не такой уж и маленький бизнес, долю от доходов которого она исправно вносила в общий бюджет ковена. Сейчас нужно сосредоточиться на деле. И второй мотоциклетный шлем найти для девчонки.

* * *

Жанна отложила в сторону телефон и нахмурилась. Вот так и знала, что Кера недельку поедет с ней вместе, а потом исчезнет под благовидным предлогом.

За окном начинало смеркаться. Выходить наружу одной не хотелось: за последнее время Жанна уже привыкла к тому, что Диана надежно прикрывает ее во время поездок по городу, и сейчас ощущала некоторую уязвимость, как будто сняла бронезилет или отбросила щит. Конечно, можно было позвонить еще одному человеку, который примчится к ней по первому зову и выполнит, что она пожелает. На замену для Керы лучшего кандидата и представить нельзя: мужчина, сильный, серьезный, с оружием и полицейским удостоверением, готовый растерзать за Жанну любого. Тем более, что он сам звонит постоянно, беспокоится, спрашивает, не нужно ли что-нибудь сделать. Терция держала его, что называется, в черном теле, и к своему собственному допускала лишь изредка, но зато если уж это происходило, то делала все для того, чтобы следующей встречи он ждал, будто манны небесной. Так может быть, позвонить? Нет, пожалуй, не стоит. У него сейчас без того есть, чем заняться. Пусть лучше Инквизитора ловит. Не так уж сильно она и боялась: всего-то и дела, один раз доехать до дома. Конечно, тот факт, что убийца уже подобрался однажды к ней на расстояние буквально в несколько метров, не мог не тревожить. Но с другой стороны, если уж рассудить, раньше ему удавалось схватить своих жертв только благодаря их собственной неосторожности. Бедная глупая Шанель уселась к нему в машину сама; наверняка ту же ошибку сделала и малолетка Лолита. Да, Стефанию он вытащил прямо с рабочего места, но она была у себя в кабинете одна, а дверь выходила в глухой двор-колодец в трущобах. Что же касается Белладонны... Терция вспомнила и скрипнула от досады зубами. Ладно, как бы то ни было, ошибок убитых сестер она не повторит: никаких случайных попутчиков, темных закоулков, пеших прогулок — из парадной сразу в машину, заблокировать дверцы, и ехать спокойно до самого дома с охраняемой подземной парковкой, лифт из которой поднимет ее на этаж, к самой квартире. И всего один вечер.

Совершенно не стоит бояться.

Жанна уговаривала себя так часа два, но, когда настало время уехать, снова почувствовала беспокойство.

— Ксюша, помоги вынести сумки в машину!

Кареглазая бойкая Ксюша поставила чашку с чаем, кивнула, и схватилась за ручки одной из двух больших клетчатых сумок, стоящих на кухне. Когда пришлось закрыть бордель в центре города, Жанна перевезла на новое место все, что там было, включая запасы белья, полотенец и средств гигиены. Сегодня ей пришло в голову, что в новый салон неплохо бы закупить свежие простыни, пододеяльники, наволочки, а старые переправить на какую-то из других точек; постельное белье поместилось в клеенчатые баулы, в которых одна из новеньких девочек привезла из провинции весь свой не слишком богатый гардероб и другие пожитки. В принципе, Жанна могла бы дотащить все до машины сама, но снова подумала про Инквизитора, Керу, и решила, что лучше выйти из подъезда не в одиночку. Да и не пристало хозяйке салона возиться одной, перетаскивая, словно лоточница, раздутые от тряпок тюки.

Ксюша, накинувшая плащ поверх тоненького пеньюара, ждала в коридоре. Жанна натянула кожаную куртку, легкие сапоги, посмотрелась в последний раз в зеркало, и, решительно тряхнув головой, вышла на лестницу. Пожилая соседка напротив, отпиравшая двери квартиры, неодобрительно покосилась, но промолчала. Одной из статей расходов борделя были затраты на установление дружественных отношений с соседями, и, хотя дружить не всегда получалось, для оплаты терпения и молчания жильцов соседних квартир денег обычно хватало.

Они вышли на улицу. «Инфинити» приветственно мигнул фарами, раздался щелчок отпираемого замка: сработал смарт-ключ, лежащий у Жанны в кармане. Она открыла переднюю дверцу, поставила на сидение сумочку, и потащила белье к багажнику, очередной раз про себя проклиная отсутствие электропривода задней двери. Опять придется пачкать руки об забрызганную грязью ручку замка.

— Ксюша, вот сюда ставь.

Девушка обеими руками втиснула сумку в не слишком обширный багажник.

— Все, спасибо, поднимайся вверх, а то выскочила с голыми ногами, смотри, как бы не продуло, я дальше сама уже...

— Всего хорошего, счастливо добратья! — звонко попрощалась Ксюша и упорхнула в подъезд. Дверь медленно затворилась. Жанна взялась за ручки второго баула, но неожиданно отпустила их и стремительно

обернулась.

Она сама не могла бы сказать, почему.

К ней быстрым шагом приближался мужчина в серой куртке и кепке. На плече тяжело болтался большой расстегнутый портфель. Правая рука мужчины что-то сжимала в кармане, а глаза были совершенно безумные.

* * *

Аркадий Романович Каль вошел во двор дома на Московском проспекте около восьми часов вечера. Осмотрелся: у знакомой парадной был припаркован надменный серебристый «Инфинити». Аркадий Романович неспешной походкой продефилировал вдоль всего дома, внимательно оглядываясь по сторонам. Странно, но рядом с автомобилем Жанны не было красно-черного мотоцикла. Неужели она сегодня одна?!

Впрочем, выводы делать рано. Зловещая спутница рыжей ведьмы могла приехать с ней вместе в машине: устала ездить на байке, или были другие причины. В любом случае, нужно ждать. Каль по-прежнему неторопливо прошел к детской площадке и устроился на лавочке так, чтобы видеть двери подъезда: отсюда до них было метров двадцать пять или чуть больше. Пересечь это расстояние — вопрос нескольких секунд. Он поддернул повыше «молнию» на куртке, надвинул на глаза кепку, подвинул поближе портфель, сунул руки в карманы: правая прикоснулась к теплому пластику электрошокера, левая ощутила под тонкой тканью твердую выпуклость ножен на поясе. Маленький мальчик в ярком комбинезоне, что-то лопоча и смеясь, раскачивался на качелях под присмотром молчаливой мамы. Еще двое детей лазали, будто лемуры, по причудливо переплетенным лесенкам вокруг горки, похожей на творение Гауди. Их родители сидели на лавочке: папа уткнулся в планшет, мама — в мобильник. Аркадия Романовича единожды проводили взглядами и потеряли к нему интерес: на пьяного не похож, на бродягу тем более; мало ли, почему приличного вида мужчине захотелось посидеть во дворе на скамейке.

Через два часа стало темно и заметно похолодало. Обманчивая весенняя оттепель растворилась в ночи, как лукавая клубная вертихвостка, которая, обильно угостившись коктейлями за чужой счет, делает ручкой своим кавалерам из окошка такси. Аркадий Романович то сидел, то снова вставал, не спуская взгляда с подъезда. Холод пробрался под куртку и стискивал сердце. Дети с родителями ушли с опустевшей площадки.

Прохожих, идущих домой через двор, становилось все меньше. Машины построились в ряд вдоль поребриков у газонов. В доме напротив горел свет почти во всех окнах, золотистые фонари превращали поздний вечер в волшебную ночь. Каль посмотрел на часы. Было без четверти десять.

Двери парадной открылись. Обзор со скамейки на детской площадке был частично закрыт большим припаркованным джипом, но Аркадий Романович увидел рыжие кудри, а рядом — темноволосую голову. Значит, все-таки двое. Он выдохнул, расстегнул портфель, положил руку на деревянное ложе обреза и встал. От цели его отделяли три десятка шагов.

На половине пути он остановился: рядом с Жанной была вовсе не высокая мотоциклистка. Какая-то девушка, низенькая и чуть полноватая, заталкивала огромную сумку в открытый багажник «Инфинити». Каль в замешательстве остановился. Невысокая девушка между тем попрощалась и скрылась в подъезде. Жанна осталась одна: стояла перед раскрытым багажником спиной к Аркадию Романовичу. Еще одна большая сумка стояла у ее ног.

Медлить было нельзя.

Инквизитор сунул руку в карман, стиснул шокер так, что заскрипел пластмассовый корпус, и быстрым шагом направился к Жанне. Она нагнулась за сумкой. Ему показалось, что в ночном воздухе он уже различает сладковатый запах духов, но тут Жанна внезапно резко выпрямилась и обернулась.

Инквизитор успел заметить, как расширились, округлившись от ужаса, ее бледно-голубые глаза, и в тот же миг выхватил из кармана шокер, заноса его для удара. Жанна отшатнулась. Он шагнул вперед, целясь в худую, жилистую шею над воротом кожаной куртки, но тут тяжелый портфель соскользнул с плеча и повис на правой руке, опустив ее вниз. Инквизитор дернулся, сбрасывая ремень, а Жанна, оскалившись, неожиданно нанесла хлесткий удар носком сапога по колену. Получилось сильно и точно. Сустав хрустнул, дикая боль на мгновение ослепила Инквизитора вспышкой белого света. Ведьма взвизгнула, зарычала, встала в стойку и ударила противника по лицу, раз и два, быстро, остро, как учили ее на дополнительных курсах по кикбоксингу в фитнес-клубе. Веснушчатые кулаки были жесткими, как копыта. Инквизитор, еще не пришедший в себя после удара в колено, почувствовал соленый вкус крови из рассеченной губы и неловко попятился. Жанна, сверля его взглядом свирепо прищуренных глаз, пружинистым шагом придвинулась ближе и уже была готова снова напасть, но Инквизитор успел размахнуться и с такой силой врезал ей левой, что едва не потерял равновесие. Жанну развернуло,

отбросило к автомобилю, и она врезалась лбом в край открытой крышки багажника. Перед глазами у нее поплыло, она стала медленно падать на спину, и почувствовала, как сильные руки хватают ее за воротник и пояс на джинсах. Инквизитор рывком поднял костлявое тело хозяйки борделя и швырнул ее внутрь багажника. Там было не настолько просторно, как в «Волге», и Жанна застыла в неестественной позе, изогнувшись сломанной куклой. Кровь с рассеченного лба заливала глаза липким и красным, мир вокруг потемнел, гудел и вращался, она полностью потеряла ориентацию в пространстве, но все же пыталась подняться, выбраться или встать, цепляясь скрюченными пальцами за мешок со старым бельем, пластик пола, спинку сидения. Потом что-то ярко сверкнуло, затрещало, в воздухе запахло озоном, и Жанна почувствовала, будто голову разом стиснуло со всех сторон черным обручем. Она дернулась и затихла.

Разряд был такой силы, что дрожь прошла по руке до локтя. Инквизитор стоял и смотрел, как тело Жанны расслабилось и опало, нелепо согнувшись между клетчатой сумкой и внутренней боковой стенкой багажника. Второй раз бить ее током, пожалуй, не стоит. Хватит одной Белладонны. Он быстро проверил карманы рыжей ведьмы: связка ключей, видимо, от квартиры, мобильник, жевательная резинка, плоский прямоугольник из черного пластика, похожий на электронный ключ-карту — и с силой захлопнул багажник. Огляделся. Во дворе ни души. Только желтые окна укоризненно таращились сверху. Если кто-то увидел то, что сейчас здесь случилось, Инквизитор узнает об этом очень и очень быстро. В голове промелькнули образы: мелькание синих и красных огней, голос из мегафона, выстрелы. Он помотал головой. Сейчас нужно сосредоточиться. Соберись.

Хромая и морщась от страшной боли в колене, Инквизитор с трудом поднял портфель, повесил его на плечо, взялся за ручки стоящей на земле сумки, дотащил до задней дверцы салона и затолкал внутрь. Поковылял к месту водителя: дверца открыта, рядом на пассажирском сидении стоит желтая сумочка. Он сел за руль, захлопнул дверцу и пошарил под рулевой колонкой в поисках ключей зажигания. Их не было. Более того, не было и самого замка. Инквизитор в растерянности смотрел на приборную панель, похожую на пульт управления звездолетом из фантастических фильмов. До этого в его жизни было всего две машины: собственные «жигули», проданные лет двадцать назад, и принадлежавшая покойному тестю «Волга», и сейчас в роскошном, пахнущем кожей и клубничным парфюмом салоне модного внедорожника он чувствовал себя, как мужчина, всю жизнь проживший с женой, и, оказавшись внезапно в постели с юной красоткой,

не знающий, что с нею делать и как завести. Где у нее проклятая кнопка?!

Точно, кнопка. Кто-то рассказывал, что новые автомобили заводятся без ключа. А вот, кстати, и кнопка, там, где полагается быть зажиганию, справа внизу, у рулевой колонки. Инквизитор осторожно нажал — двигатель ответил утробным, могучим урчанием. Так, с этим разобрались. Теперь выключить телефон ведьмы, спрятать в карман, сумку — вон отсюда, широким взмахом через спинку сидения в багажник. На ее место поставить портфель — пусть будет обрез под рукой, просто на всякий случай.

Все, можно ехать. По его расчетам, на место, где две недели назад закончила свой жизненный путь Белладонна, добираться нужно около часа, если не торопясь. А он торопиться не будет. Не стоит превышать скорость, когда у тебя в багажнике оглушенная женщина, а рядом в портфеле ружейный обрез.

Инквизитор тронул рукоять автоматической коробки передач и тихонько нажал на педаль. Машина плавно двинулась с места, покорившись мужским незнакомым рукам, выехала из двора и влилась в поток автомобилей на широком проспекте.

* * *

Жанна очнулась дважды. Первый раз она пришла в себя от страшной головной боли. Вокруг было темно, все качалось, тряслось, а нос ее упирался в жесткую клетчатую ткань большой сумки. Мысли ворочались нехотя, будто спросонья. Несколько секунд ушло на то, чтобы вспомнить и осознать: она в багажнике собственной машины, схвачена Инквизитором, который едет туда, где ее не ждет ничего хорошего. Жанна попробовала пошевелиться. Не вышло: все тело онемело, как будто она его отлежала, мышцы подрагивали тошнотворной мелкой дрожью. Может быть, это было и к лучшему: она лежала, неестественно скрючившись, лицо и колено левой ноги упирались в баул с бельем из салона, правая была вытянута, одна рука прижата к груди, другая завалилась за спину. На животе, перевернувшись вверх дном, лежала ее желтая сумка. Жанна поводила глазами, попробовала разжать губы и почувствовала, что кожа лица будто стянута густой липкой массой. «Кровь, — подумала Жанна. — Я, кажется, ударилась головой». Она попыталась издать какой-нибудь звук; из горла вырвался писк полузадушенной мыши. Память опять подсказала: вспышка, треск, запах озона. «Этот гад ударил меня шокером. Вот оно что».

Впрочем, к ней вернулось сознание — это уже хорошо. Руки и ноги связаны не были, значит, есть шанс восстановить контроль над телом через какое-то время. Только вот сколько у нее этого времени? За окном в ночной черноте проносились редкие ярко-синие фонари: автомобиль мчался явно где-то за городом, увозя ее то ли в дачный поселок, то ли попросту в лес.

Обгоревшее тело Шанель, прикрученное удавкой к столбу. Сгоревшая заживо Стефания. Задохнувшаяся Белладонна. Нет, нужно не думать об этом. Соберись, Терция, черт тебя подери. Давай, попробуй напрячь мышцы, потихонечку, понемногу. Если ты сможешь своему телу, оно поможет тебе.

Скорость движения снизилась. Жанна услышала, как включился сигнал поворота, и машина плавно свернула с шоссе — показалось, что на обочину. Но нет, судя по мягкости хода, под колесами все еще был асфальт. Наверное, что-то вроде «зеленой стоянки» для дальнобойщиков. За спинкой сидений кто-то тяжело завозился, застонал, потом открылась дверца и машина качнулась: сидевший за рулем человек вышел наружу. Терция сжалась. Ни руки, ни ноги так и не слушались, только пальцы немного сгибались в ответ на попытки ими пошевелить.

Крышка багажника широко распахнулась, вспыхнула тусклая лампочка. Черная мужская фигура заслонила редкие звезды в глубине темно-синего неба, потом нагнулась вперед, и Терция увидела лицо Инквизитора: глаза вытаращены, черты искажены страхом и яростью, рассеченная ударом губа распухла и перепачкана кровью, под левым глазом лиловый кровоподтек — нечеловеческий лик боли, ужаса и неминуемой смерти. Инквизитор, хрипло дыша, посмотрел на Жанну, как будто не видя ее, расстегнул куртку и достал из ножен на поясе большой охотничий нож. Терция попыталась дернуться и закричать, но тело только беспомощно вздрагивало, как сломанная заводная игрушка, а воздух сочился сквозь голосовые связки с хриплым, придушенным сипом. Инквизитор принялся рыться в сумке с бельем, вытащил из нее большую двuspальную простынь и начал с ожесточением кромсать ее лезвием. «Совсем спятил», — со страхом подумала Жанна, но нет: нарезав из простыни несколько длинных лоскутьев, Инквизитор свил их в некое подобье веревки и принялся связывать Терции ноги и руки, безжалостно стягивая их с такой силой, что конечности снова стали неметь, но уже не от действия электричества, а из-за пережатых сосудов. Закончив вязать, он критически оглядел хозяйку борделя, запелёнатую в простыни, служившие рабочим местом для десятков трудолюбивых сотрудниц, кивнул, и снова вытащил из кармана шокер. «Нет!», — мысленно закричала Жанна, но было поздно: затрещал,

разрывая сознание, разряд тока и она снова провалилась во тьму.

Второй раз Терция очнулась от болезненного удара о землю. В рот и глаза лезла жидкая грязь, колючие остатки мертвой прошлогодней травы и сгнившие листья. Она лежала на левом боку, связанная по рукам и ногам от запястий и до локтей, и от щиколоток до коленей. В непроницаемом мраке маячили черные многорукие силуэты кустов и деревьев, похожие на глубоководных чудовищ. Тьму рассеивал только свет фар, направленный в противоположную от Терции сторону, да далекое мерцание звезд: тут, за городом, они были ярче, крупнее, и столпились на небе, бесстрастно взирая на предстоящее зрелище. Жанна принялась извиваться в грязи, стараясь подняться, и тут ей неожиданно помогли: перед глазами возникли ноги в поношенных, грязных ботинках, и сильные руки, схватив ее за подмышки, приподняли и посадили, ударив о жёсткую землю жилистой задницей. Она тут же стала заваливаться набок — заведенные за спину онемевшие руки и стянутые вместе ноги не давали возможности сидеть устойчиво — ее снова подхватили и опять усадили, на сей раз покрепче, с такой силой вдарив задом о землю, что Жанна завывала.

— Твою мать!

Так, значит голос вернулся, пусть и немного осип по дороге.

Рядом с ней присел Инквизитор. Жанна не без удовольствия заметила, что левую ногу он не согнул, а вытянул в сторону и вперед, и сидит, упираясь одной рукой в землю. Лицо Инквизитора разделяла тень: одна сторона освещена тусклой лампочкой в салоне автомобиля, а другая окутана тьмой. Правда, сейчас его лицо немного разгладилось и уже не было похоже на устрашающую маску театра Кабуки, а глаза смотрели задумчиво и немного печально. Кепка куда-то пропала, и бритый наголо череп влажно поблескивал.

— Во имя Господне, аминь, — негромко проговорил он.

Жанна попробовала рассмеяться, но вместо смеха получился вороний грай, разнесшийся в гулкой лесной тишине.

— Наверное, мы можем сегодня поговорить по несколько упрощенной схеме, — произнес Инквизитор, задавая вопрос то ли Жанне, то ли себе самому. Она уже приготовилась сказать все, что думает о нем и его схемах, хоть сложных, хоть упрощенных, но раздался еще один звук: негромкий, механический, посторонний. Некоторое время оба прислушивались: связанная женщина в грязной одежде, с перемазанным кровью и грязью лицом, и сидящий рядом мужчина. Звук повторился. Как по команде оба повернулись к распахнутому настезь багажнику. Будь сейчас лето, Жанна могла бы решить, что где-то в одежде или в других вещах запутался шмель,

и жужжит, пытаясь выбраться на свободу.

«Это же телефон», — сообразила она. Она чувствовала, что нагрудный карман, где обычно лежал ее личный смартфон, опустел: Инквизитор его вытащил, но не знал, что у нее есть еще один мобильник, рабочий, и именно он сейчас жужжал и вибрировал в сумке. Видимо, это понял и Инквизитор: быстро поднялся, хромая, доковылял до машины и начал копать в багажнике. Жанна услышала, как со стуком и звоном раскатывается содержимое раскрытой и перевернутой сумки. Жужжание стихло, но через секунду возобновилось и стало громче: звонивший еще раз набрал ее номер. С телефоном в руке Инквизитор приблизился к Жанне и, сунув под нос светящийся синим экран, строго спросил:

— Это кто?

Она посмотрела. На дисплее обеспокоенно мигали буквы: «Максим Штольц».

* * *

Личный телефон был выключен, рабочий не отвечал. Штольц положил мобильный на стол, встал и принялся ходить по кабинету, пытаясь уговорить себя, что волноваться не стоит.

Или стоит?

В последние две недели Штольц звонил Жанне почти каждый вечер, исключая те дни, когда она звонила сама: сообщала, что все хорошо, она уже дома, и никуда выходить точно не собирается. В последние четыре года Макс звонил ей ненамного реже: три, четыре, пять раз в неделю, с того самого дня, как впервые увидел ее, с того дня, когда она к нему обратилась по делу — за оперативным прикрытием, взамен предыдущего, выбывшего из игры по объективным причинам куратора. Штольцу всегда нравились пышнотелые юные девы, русоволосые, томные, нежные. Чем его зацепила тощая рыжая тетка, старше его лет на восемь, с костлявым телом в веснушках и худым, неприятным лицом, он не знал и не хотел об этом раздумывать. Во mnogой мудрости есть много печали, но еще больше печали содержится в размышлениях о свершившемся факте, вот и Штольц воспринял внезапную страсть как факт, как реалию жизни. Жанна держала его на расстоянии — он не страдал, жила своей жизнью — его это устраивало, так как давало возможность оставаться собой, циничным одиночкой, городским волком, каким он всегда себя видел, а если по каким-то причинам она слишком долго не подпускала к своему телу, то и не имела

ничего против, если он по необходимости пользовался каким-то другим, хоть бы даже и в одном из ее борделей. Были ли у нее другие мужчины, помимо него? Штольц не знал, но это было неважно, так как с Жанной их связывали странные, но прочные узы, которые только и могут удерживать вместе двух разнополых, свободных и одиноких хищников. Любил ли он ее? Что за глупости. Зависел? Ну, как сказать. Мог ли убить за нее? Несомненно. Правда, пока ничего такого не требовалось. Жанна и ее подруги справлялись сами — он увидел это на ярком примере несчастного Ферта, случае, который потряс даже его, выдавшего виды оперативника уголовного розыска. Штольц был отнюдь не дурак и догадывался, что из себя представляет таинственный женский клуб, к которому принадлежит Жанна, но не думал, что все настолько серьезно. Но в подробности этой стороны ее жизни он тоже вдаваться не собирался. Достаточно было того, что сейчас и над ней, и над остальными нависла угроза, устранить которую пока не очень-то получалось, а после неприятности с арестованным Фертом и смерти одной из Жанниных проституток, возможности Штольца в поисках Инквизитора серьезно ограничились сыщики из столицы. Поэтому Макс сосредоточился на безопасности Жанны, хоть она и не просила об этом: ежевечерне удостоверился, что она в безопасности, и только тогда покидал рабочее место: присутствие в здании Главка давало ему ощущение причастности к мощи полиции города, которой, если понадобится, он может воспользоваться для защиты своей рыжей пассии. Штольцу было известно, что Жанну охраняет Диана, с которой он был знаком и уже при первом же взгляде на которую, еще два года назад, ему стало ясно, что эта женщина стоит двух вооруженных мужчин. Но все же дополнительный контроль не был лишним. Береженого Бог бережет. Хотя в том, насколько тщательно Он оберегает именно Жанну с подругами, у Макса были обоснованные сомнения.

И вот, пожалуйста: личный телефон выключен вовсе, к рабочему никто не подходит. На часах уже почти одиннадцать вечера. Один аппарат разрядился, у другого отключен сигнал? Или она все еще на работе, занята, и просто не может ответить? Штольц набрал номер салона на Московском проспекте.

— Здравствуйте, Максим Юрьевич! — его номер, конечно же, знали.

— Привет, Таня, — он тоже узнал голос одной из администраторов. — Жанна на месте?

— Нет, Жанна Викторовна уехала...сейчас скажу, когда...

Штольц слышал, как администратор Татьяна спрашивает у кого-то: «Ксюша, во сколько Жанна ушла?».

— Вот, мне подсказали, что уехала час назад. Что-то случилось?

— Нет, я просто так позвонил. Спасибо, Таня, хорошего вечера.

Час назад. Почему же молчат телефоны? Штольц сделал еще один звонок на рабочий мобильник — безрезультатно, и вспомнил: GPS-передатчик. Точно! Он же сам помогал в свое время выбрать и установить на «Инфинити» Жанны маячок под сидение, и код активации был ему прекрасно известен.

Через несколько минут Штольц уже видел на экране смартфона отмеченное местоположение автомобиля — и не верил своим глазам. Согласно данным навигации, машина Жанны стояла на том самом месте, где почти две недели назад обнаружили тело Дарины Ткачевой, востребованной проститутки борделя «Фифа» и одной из тех, кого Жанна именовала «сестрами». Какого черта Жанне там понадобилось? Что за дьявольщина? Кстати, возможно, именно дьявольщина и имела место: может быть, в тесном кругу этих «сестер» принято встречаться в подобных местах после смерти одной из них...какие-то там обряды или ритуалы... Но интуиция оперативника подсказывала, что дело плохо. Если Жанна и принимает сейчас участие в каком-либо ритуале, то, скорее всего, в таком, после которого остается обгорелое тело и табличка с надписью «ВЕДЬМА» на вколотой в землю неструганой палке. Оставался последний способ проверить: набрать номер Дианы.

В трубке монотонно зазвучали гудки. Если и она не ответит, подумал Штольц, то он поедет к этому чертову лесу и будет ждать у съезда с трассы, пока...

Но Диана ответила — недовольная, будто кошка, которую отвлекли от еды.

— Да, Макс.

— Диана, привет. Жанна с тобой?

* * *

К месту встречи Кера приехала минут на десять пораньше. Мотоцикл, приглушенно урча, как ночной хищник, вкатился под арку в обширный квадратный двор, с трех сторон огражденный стенами исполинских новых домов. Сотни окон горели в ночи, как фракталы множества глаз гигантского паука, нависшего в темноте над гаражами, скамейками, детской площадкой и спящими автомобилями. В небе едва заметно мерцали редкие тусклые звезды. Было пусто и тихо, только в дальнем конце двора на лавке

ворочался кто-то, время от времени то ли вскрикивая, то ли пытаясь петь.

Диана остановилась, уперлась в асфальт каблуками мотоциклетных ботинок и сняла шлем. Слева от нее, освещенная тусклой лампочкой под козырьком крыши, невысокая лестница вела к двери парадной. Она присмотрелась: все верно, вот номер нужной квартиры. Скоро железная дверь откроется, и девочка Катя, беззаботных десяти лет от роду, выйдет, чтобы прокатиться на мотоцикле вместе с мамой своей новой подруги. Диана вначале подумывала, не поехать ли на автомобиле: у нее был черный «Камарро», на котором она каталась зимой, когда не было никакой, даже самой малой возможности использовать мотоцикл, но потом передумала. Пусть будет байк. На первый взгляд могло показаться, что это не лучший транспорт для предстоящего дела, но нет. Во-первых, как ни странно звучит, на мотоцикл к незнакомому человеку не так страшно садиться, как забираться в машину: сохраняется иллюзия мнимой свободы, в отличие автомобиля с его закрытым салоном и запертой дверцей. Во-вторых, сидя на узком сидении за водителем, мчащимся на бешеной скорости по ночным улицам, не будешь ныть, говорить, что передумал и хочешь домой, или в приступе паники колотить руками по боковым стеклам и пытаться распахивать дверь — остается только вцепиться покрепче, молясь, чтоб доехать живым и здоровым. В-третьих, Диана не представляла себе человека, который спрыгнет на ходу с несущегося мотоцикла — а вот из машины, бывало, пытались выпрыгивать. Хорошо, что девчонка загорелась идеей ночного катания: не успеет опомниться, как они уже выедут за город, а еще минут через десять — пятнадцать окажутся у покореженных железных ворот заброшенного завода, похожего на город, оставленный исчезнувшей цивилизацией. Оба партнера Дианы уже там: молчаливый технарь ставит свет и прилаживает камеру, а второй раскладывает инструменты или курит, сидя на железной койке с прицепленными к высокому спинкам четыремя парами прочных ремней.

Только бы Катя не подвела. Диана уже пожалела, что сама не спросила у нее номер мобильного. Она достала смартфон и зашла в Социальную сеть: новых сообщений в адрес Дины Герц не поступало, а Катя «Ромашка» Романцева была онлайн четыре минуты назад. Значит, скоро выйдет, подумала Кера. Если уж оторвалась от компьютера.

Телефон в руке внезапно завибрировал и разразился тревожной трелью. Диана посмотрела на имя, замелькавшее на экране вместо страницы Социальной сети, и нахмурилась. Как же, однако, не вовремя.

— Да, Макс.

— Диана, привет! Жанна с тобой?

Сердце стиснуло от дурного предчувствия.

— Нет, я тут отъехала по делам ненадолго, а что?

В трубке стало очень тихо.

— Макс? — позвала Диана. — Что-то случилось?

Раздался протяжный вздох. Когда Штольц снова заговорил, голос его был севшим, как после громкого крика.

— Машина Жанны стоит сейчас на том месте, где нашли труп вашей знакомой, Дарины, — сказал он. — Один телефон выключен, другой не отвечает. Я думал, может вы вместе, но...

Диана слушала, чувствуя, как ярость и страх поднимаются к горлу, будто лава из жерла вулкана, и начинают клочкотать мрачным, звериным рычанием.

— В общем, я сейчас выезжаю туда, — в ровном тоне голоса Штольца Диана услышала те же эмоции. — И попытаюсь по дороге кого-то из местных ребят подтянуть, они ближе, может, успеют...

— Где это место? — спросила Диана.

— За кольцевую, по двадцать первой трассе, через Разметелево...

— Скинь сообщением координаты. Я тоже еду.

Диана дала отбой и сунула телефон в карман, хотя ей хотелось швырнуть его сейчас что есть силы о стену дома. Один раз, всего один раз она отлучилась по личному делу, а этот подонок будто только и ждал такого момента, чтобы нанести свой удар. В том, что Жанна попала в руки Инквизитора, сомнений у Керы не было. «Тварь, — мысленно прорычала она. — Вот ведь тварь».

Диана нахлобучила шлем, рывком затянула ремень, и рванула с места так, что из-под заднего колеса полетели мелкие камни и жидкая грязь. Двигатель взревел, как несущийся в битву берсерк. Мотоцикл развернулся на месте и вылетел через арку на широкий проспект, мгновенно разогнавшись до сотни и продолжая наращивать скорость. До северного участка кольцевой было совсем близко, нужно только выскочить на въезд эстакады и дальше без остановок мчаться в объезд города на восток. «Только бы успеть, — думала Кера, не столько стремясь вырвать Терцию из рук Инквизитора, сколько страстно желая, чтобы он сам не успел ускользнуть. — Только бы успеть».

Мотоцикл выскочил на скоростную трассу и исчез в темноте, мигнув воспаленным яростным глазом заднего фонаря. В эту же самую минуту от здания на Суворовском проспекте сорвался с места серый джип «Прада». Штольц тоже боялся, что не успеет, и, хоть проработал в полиции большую часть своей жизни, о задержании злодея он думал сейчас меньше всего.

Катя Романцева вышла из двери подъезда в пять минут двенадцатого. Она была девочкой аккуратной и не любила опаздывать, но ее задержал Чапик: песик почему-то никак не хотел отпускать свою маленькую хозяйку, беспокойно носился по дому, заглядывал Кате в глаза, а когда она уже надела кроссовки, вдруг залаял — громко, визгливо, припадая на передние лапы. Пришлось разуваться, угощать его сушками, гладить, пробовать отвлечь мячиком, но ничего не помогало. В конце концов Катя просто закрыла Чапика в маминей спальне, стараясь не обращать внимания на лай и глухие удары по двери. Она снова обулась, посмотрелась в высокое зеркало — самые лучшие, расшитые блестками джинсы, розовая футболка с MY LITTLE PONY, сверху короткая курточка — и вышла из дома.

Но во дворе никого не было: ни мамы девочки Дины, ни мотоцикла, только какой-то пьяный возился на скамейке вдали. Катя подождала немного, зашла со смартфона на страницу в Социальной Сети: Дина была там всего три минуты назад. Катя постояла, немного походила кругами, и разочарованная вернулась домой.

— Так и думала, что эта Дина все только врала и хвастала, — сообщила она Чапику, вне себя от радости прыгавшему вокруг и норовившему лизнуть ее в нос. — Надо будет удалить ее из друзей.

* * *

— Это кто? — повторил Инквизитор.

Жанна злобно взглянула на него исподлобья и плюнула.

— Мужик мой, вот кто. Сейчас приедет и жопу тебе надерет.

Инквизитор посмотрел на сидящую на земле ведьму: в жестких рыжих кудрях застрял лесной сор, лицо перемазано запекшейся кровью и грязью, одежда испачкана, шрам на веснушчатом лбу блестит и сочится сукровицей. Он нагнулся и коротко, без замаха, ударил ее по лицу открытой ладонью. Раздался шлепок, голова Жанны дернулась, запрокинувшись на тонкой шее.

— Значит, у нас не так много времени, — спокойно сказал Инквизитор.

Он выключил ее телефон, бросил в траву рядом с просекой, повернулся и молча направился к машине. Терция обеспокоенно завертелась, провожая его глазами.

— Послушай, я не шучу, — заговорила она. — Это в самом деле звонил мой мужчина, мы с ним должны были встретиться полчаса назад,

так что он точно будет меня искать. И между прочим, он полицейский, оперативник, ты слышишь?

Инквизитор вернулся, поставил на землю портфель с расстегнутыми замками, кряхтя и морщась от боли, присел у ног Терции и вытащил нож.

У Жанны пересохло во рту. Если Макс действительно начнет беспокоиться, если догадается проверить, где находится ее автомобиль по GPS-маячку, если после этого сразу помчится сюда... Сколько на это уйдет? Полчаса, час? Нужно что-то придумать, нужно постараться протянуть время, пока этот гад не взялся за дело всерьез. Пусть даже ей удастся избежать смерти, но и остаться на всю жизнь калекой с переломанными ногами в ее планы никак не входило.

Инквизитор тем временем немного подумал, примерился, и начал разрезать на Терции сапоги чуть пониже обвивающих ноги веревок из простыней. От его спокойной и неспешной деловитости Жанну бросило в дрожь. Она заерзала, попробовала пошевелить стянутыми за спиной руками, но без толку: самодельные узы не поддавались. Острое блестящее лезвие тем временем вспарывало тонкую кожу сапог.

— Эй, что это ты делаешь? Обувь дорогая, между прочим.

Инквизитор продолжал молча кромсать.

— Подожди, подожди, ну, остановись на минутку, давай поговорим...

Жанна почувствовала, как острый металл хищно впился ей в ногу; по щиколотке потекло густое и теплое. Она дернулась и заорала.

— Ай, да что ж ты меня ножом режешь!

— Извини, — машинально ответил ей Инквизитор.

Прозвучало нелепо.

Он стащил с ее правой ноги отрезанную часть сапога с подошвой и каблуком, отшвырнул в сторону и стащил со стопы окровавленный тонкий носок. Худые пальцы с алым лаком на длинных ногтях забелели во тьме. Лезвие врезалось в кожу второго сапога.

— Я сегодня совершенно не подготовился к нашей встрече, — сообщил Инквизитор, орудуя ножом, — поэтому придется импровизировать. Я весьма поверхностно разбираюсь в анатомии, поэтому бить ножом наугад опасаясь, главным образом, из-за возможной слишком быстрой кровопотери. А вот что происходит со стопами, мне хорошо известно: крови, конечно, будет изрядно, но не настолько, чтобы наше общение сделалось невозможным. Да и ноги сейчас хорошо перетянуты, так что думаю, обойдется без геморрагического шока.

Он рывком стащил с ноги Терции неровно откромсанный обрезок левого сапога. Теперь обе ее обнаженные белые стопы торчали наружу.

Инквизитор положил на холодные влажные пальцы свою горячую руку и перехватил нож лезвием к себе.

— Нет, нет, секунду подожди, послушай, послушай меня...

Он вопросительно взглянул в глаза Жанны.

— Ну?

Она лихорадочно старалась что-то придумать. Что-то, что позволит как можно дальше отсрочить момент, когда она узнает на практике, сколько крови может вытечь из искалеченных стоп.

— Слушай, ты же нормальный человек, давай нормально поговорим, — Жанна старалась поймать его взгляд; сейчас взгляд и лицо Инквизитора были совершенно бесстрастны, но это пугало не меньше, чем та маска ненависти и страха, которую она видела в момент нападения и в автомобиле. — Скажи мне, что тебе нужно, мы все обсудим...

Инквизитор кивнул.

— Хорошо. Как выяснилось, у нас нет времени на церемонии, поэтому официальную часть с получением признания в ведьмовстве я пропущу. Будем считать, что ты изблечена показаниями двух свидетелей, что, в какой-то степени, так и есть. Я знаю, кто ты, а ты знаешь, кто я. И знаешь, что мне нужно: имена, контакты всех остальных и адрес места ваших сборищ. Расскажи мне все, и тогда посмотрим, как поступить дальше.

Никого выдавать этому упырю Жанна, разумеется, не собиралась, но Инквизитор ждал ответа, а отвечать нужно было быстро.

— Хорошо, без проблем, — закивала она, — договорились. Записывать будешь?

— Запомню, — заверил он.

— Ну, если что, все контакты есть у меня в телефоне, можешь позже проверить. Так, значит, начнем: Абакирова Эля, она у нас главная, Харитонова Ксюша — это самая молодая, Мармеладова Настя...

Жанна перечисляла своих проституток и думала, когда же остановиться. Выдумывать имена на ходу она не рискнула — могла запнуться и сбиться, и к тому же, вздумай Инквизитор проверить, он действительно найдет их всех в записной книжке ее телефона. Сейчас главное — это время. Так, еще пару имен, а потом нужно выдумать место, где они якобы собираются...

Сильная рука сжала тонкую лодыжку, словно тисками, и широкое острое лезвие, стремительно описав полукруг, вонзилось в верхнюю часть правой стопы. Жанна заорала, упала на спину, завертелась, пытаясь перевернуться, вырваться, отползти, но Инквизитор держал ее крепко. Она была готова к боли, но не к такой — словно разом порвались все нервы, а в

голову изнутри ударили раскаленной кувалдой. Во рту стало приторно сладко, подкатили слабость и тошнота, но лишиться чувств ей помешала все та же боль: яростная, огненная, пульсирующая. Инквизитор выдернул нож; ощущение было такое, что оторвалась большая часть ступни. Жанна, зажмурившись, мотала по земле головой, разметая прошлогодние истлевшие листья.

— Не нужно врать, — строго сказал Инквизитор. — Хитрость мной не приветствуется.

Он подался вперед, вцепился в густые рыжие кудри и потянул, заставляя Терцию снова принять сидячее положение. Она открыла глаза и с ужасом уставилась на правую ногу, не узнавая ее: плоть вздулась, побагровела, пальцы раскорячились в судороге, а посередине набухающего кровоподтека истекла густой темной кровью широкая рваная рана.

— Вот как мы поступим, — Инквизитор, держа ее за волосы, развернул к себе лицом и приблизил. — Я буду задавать вопросы. На какие-то из них я знаю ответ, на какие-то нет. Ты станешь мне отвечать, но правдиво. Попробуешь снова солгать — начну отрезать пальцы. Ты поняла меня?

Жанна попыталась кивнуть, но не получилось: стальная хватка стянула волосы на затылке с такой силой, что еще, кажется, самую малость, и они оторвутся вместе с кожей.

— Поняла...я...

— Вот и славно, — Инквизитор отпустил ее волосы и снова схватился за ногу. — Сколько сейчас ведьм в ковене?

Терция пыталась думать: Лолита, Шанель — кто-то из них заговорил, это ясно, может быть, даже обе, хотя знали они очень немного... но число сестер было им точно известно.

— Семь, — просипела она. — Было одиннадцать, пока ты не нарисовался.

Где же Макс? Сколько уже прошло времени? И сколько еще у нее получится протянуть?

Инквизитор кивнул.

— Ответ принят. Назови мне ваши клички и прозвища.

Шанель и Лолита наверняка рассказали ему и об этом. Но черт возьми, она не хотела называть врагу, этому неудачнику, ничтожеству, лысому гаду их священные имена. Может быть, обойдется?..

— Никнивен, Моргана, Геката...

Удар пришелся почти в то же самое место: нож разорвал кожу и плоть рядом с раной и скользнул в нее, пробив ногу насквозь. Инквизитор

крутанул рукоятку, проворачивая широкий клинок. Кости плюсны затрещали. Терция завизжала, упала, завывала на высокой, пронзительной ноте; вой раскатился по лесу и вернулся из мрака эхом, таким тоскливым и жутким, как будто его подхватила болотная нежить.

— Назови ваши прозвища!

Жанна стиснула зубы, дыша через нос. Перед глазами полыхали, вращаясь, черные звезды.

— Клички и прозвища!

Она почувствовала, как железные пальцы мучителя стиснули мизинец на правой ноге, вывернули до хруста в суставе, а потом ощутила прикосновение липкого от крови клинка.

— Прима! — выкрикнула она и разрыдалась. — Альтера! Терция! Кера! Лисса! Проксима! Инфанта!

— Ответ принят.

Жанна, всхлипывая, лежала, повернув голову к автомобилю. «Инфинити» стоял рядом, с распахнутой дверью, открытым багажником, освещенным неярким, мягким светом салоном: кожа знакомых сидений, вот тут небольшая вмятина на порожке — неловко припарковалась, под переднее кресло закатилась недопитая бутылка воды — надо же, а она не заметила... Машина была уютной, родной, безопасной, и ничего общего не имела с ночным лесом, болотом, болью, кровью, грязью и этим типом, который убьет ее, точно, убьет...

— Назови место проведения шабашей!

— Вилла... — начала она и в ужасе осеклась.

Проклятие! О Вилле Боргезе Инквизитор ничего не мог знать: Шанель и Лолита, как полагается, попадали туда только с повязками на глазах, а больше никто рассказать ему об этом месте не мог.

— Что за вилла? — быстро спросил Инквизитор.

— Загородный дом, — ответила Жанна. — Загородный дом нашей... Нет!!!

Нож полоснул по мизинцу, вгрызаясь в сустав у самой стопы. Инквизитор вывернул палец сильнее, налег, послышался хруст и скрип железа о кость.

— Дача! — заорала Жанна. — Дача за городом! Черт! Сука!

Последний нажим рассек лоскут кожи и мизинец упал на траву.

— Что за вилла?!

Слово «Боргезе» уже готово было вырваться из ее сведенного криком горла, но вокруг неожиданно посветлело. Два мощных луча рассеяли темноту, послышался рокот мотора. Из-за поворота на просеку выехал

автомобиль.

Инквизитор рывком развернулся и сунул руку в раскрытый портфель.

* * *

— Витя, вот этот поворот. Заезжай, только аккуратно, что еще за проселок тут, неизвестно. И дальний свет включи.

— Изольда Тристановна, может быть, остальных подождем?

Изольда поморщилась. За два дня стажер Витя, парень со стальными мускулами и цельнометаллическим мозгом, так и не запомнил, что по имени и отчеству называть ее не надо. В сочетании с именем отца, который в свое время стал жертвой родительской увлеченности рыцарскими романами, а потом сам, повинувшись странному безотчетному импульсу, решил усложнить жизнь единственной дочери, ее собственное имя звучало как издевка в квадрате. Нет, конечно, никто не издевался, даже и легких шуток на тему ее имени не позволял, в последние десять лет так уж точно. В школе, впрочем, тоже не особо доставали: отчасти из-за отца, который, даром что Тристан, служил полковником уголовного розыска и по праздникам часто бывал приглашаем на общешкольные мероприятия для тематических бесед; отчасти потому, что главными насмешниками в любой школе выступают мальчишки, а с ними Изольда дружила, ибо была пацанкой, гоняла в футбол, откликалась на «Изя» и обладала отличным ударом с правой. Пять лет назад, когда она пришла в уголовный розыск ОМВД родного города Кировска, коллеги поначалу немного посмеивались, конечно: девушка в УР это в принципе нонсенс, а еще с таким именем... Но очень быстро перестали смеяться: отчасти, конечно, из-за отца, к тому времени дослужившегося до генерала и благополучно переехавшего в Москву, но в большей степени из-за железной хватки, упорства, ну и из-за отличного удара с правой, конечно. Изей, правда, ее никто в отделе не называл. Зато вот стажера, атлетичного Витю, подсунули именно ей: Изольда попыталась отправить его на оперативный учет или в отдел оперативно-розыскной информации, но парень хотел практики в уголовном розыске, и третий день она терпела обращение по имени-отчеству, почти смирившись и стараясь не раздражаться.

— Некогда остальных ждать, — сказала она. — Поезжай.

Видавший лучшие времена корейский автомобиль съехал с трассы, и, переваливаясь, стал пробираться по просеке, будто по узкому коридору меж черных стен из густых кустов и деревьев. Лучи фар выхватывали

судорожные переплетенья голых ветвей, искривленных худосочных стволов и заросли высокой мертвой травы. Витя вцепился в руль и уставился вперед, поджав губы. Боится, что ли?

Когда в одиннадцать вечера в отделение позвонил оперативник из Петербурга, ни Изольды, ни Вити на месте не было: прошла информация, что недалеко от дорожной развязки у моста через Неву видели угнанный днем раньше автомобиль. Машину они не нашли, зато оказались ближе всех к тому месту, о котором буквально прокричал дежурному питерский сыщик. Толком никто ничего не понял, но достаточно было того, что прозвучало слово «Инквизитор». В сочетании с указанным местом, где, как все знали, две недели назад нашли очередную жертву самого разыскиваемого в настоящее время преступника, это побуждало к действиям немедленным и решительным. Два экипажа патрульных выехали буквально через минуту, но сейчас они, вероятно, только переезжали мост, а шустрый Витя, которого Изольда посадила за руль своего пожилого седана, уже домчал их до места.

И вот теперь дурацкий вопрос, а не подождать ли нам остальных. Нет, правда, может, боится?

Первый вопль донесся из леса минут через десять — как будто бы прокричала тоскливо какая-то жутковатая птица.

— Изольда Тристановна, слышите?

Она слышала. Как и следующий крик, и его уже нельзя было спутать со звуками ночного леса: в нем кроме раздирающей боли различались слова человеческого языка.

— Ну-ка, Витя, нажми!

Стажер нажал. Автомобиль повело по весенней грязи. Просека резко свернула налево. Впереди она чуть расширялась, образуя подобие поляны, и едва выехав к ее краю, Витя затормозил. Метрах в пятнадцати впереди стоял серебристый «Инфинити» с открытыми дверцами; рядом с ним на земле дергалась человеческая фигура — руки за спиной, ноги обмотаны какими-то белыми тряпками. Над фигурой горбатым стервятником нависал другой человек и в руке его блестел нож.

Витя ойкнул. Изольда чертыхнулась и рванула застежку куртки, добираясь до плечевой кобуры. Человек с ножом развернулся, выхватил что-то из стоящего рядом портфеля и встал.

— Берегись! — закричала Изольда.

Полыхнуло пламя и грянул грохот. Машина вздрогнула, зазвенело стекло и один яркий луч света потух. Витя резко рванул ручку переключения передачи и нажал на педаль; автомобиль, воя, как раненый

зверь, резко сдал задом, чуть не въехав в кусты, но выровнялся и спрятался за поворотом.

— Хорошо, молодец, — пробормотала Изольда, сжимая в руке рукоять табельного пистолета. — Теперь стой, а потом медленно подавай вперед. У нас еще одна фара есть, машиной прикроемся и... Да стой, я тебе говорю! Витя! Слышишь меня?

Стажер Витя с остекленелым взглядом крутил рулем, по наитию направляя машину задним ходом обратно к шоссе. Изольда выругалась и схватилась за руль.

— Да стой же ты!

Витя затормозил.

— Не слышишь меня?! Очнись!

— Он в нас стрелял, Изольда Тристановна, — сообщил Витя.

— Заметила! Дальше что?

— Я туда не поеду.

Преширяться было некогда. Изольда распахнула дверцу и выскочила наружу.

— наших предупреди, как подъедут, что преступник вооружен, — выкрикнула она, но автомобиль снова взвыл и рванулся прочь, подпрыгивая и неуклюже виляя задом.

«...», — подумала Изольда, и добавила, — ...»

Она пригнулась и побежала вперед.

В ночной темноте злодей ее вряд ли заметит, а вот его, освещенного лампой в салоне «Инфинити», будет видно гораздо лучше. Стрелял он, насколько она успела заметить, из обреза двустволки, и патрон в одном из стволов уже разрядил, а на перезарядку потребуется время. С восемью патронами в штатном «макарове» и запасной обоймой у нее были отличные шансы.

Когда Изольда добежала до поворота и выглянула из-за кустов, преступник стоял над своей связанной жертвой и поливал ее чем-то из небольшой пластиковой канистры. В другой руке он держал обреза. Бритый череп отсвечивал желтым. Изольда встала, взяла пистолет двумя руками и прицелилась.

* * *

Он выстрелил инстинктивно, не целясь, как кусается зверь, внезапно попавший в ловушку. Мощной отдачей обрезанные по самое ложе стволы

подбросило вверх, и обрез едва не выскочил из скользких от крови пальцев. Инквизитор увидел, как зарядом картечи разворотило фару автомобиля, который, завывая передачей заднего хода, скрылся за поворотом.

— Тебе конец! — заорала Жанна и визгливо захохотала. — Тебе конец!

Она принялась раскачиваться, хрипло затаив какое-то жуткое песнопение из незнакомых, пугающих слов.

Ситуация вышла из-под контроля. Рыжая ведьма не обманула: кто-то действительно примчался ей на выручку, хотя Инквизитор был уверен, что это не полицейские — на вынырнувшем из темноты автомобиле не было ни опознавательных знаков, ни проблесковых огней. Он не знал, сколько человек сидело в машине, были ли они вооружены, но понимал, что вряд ли один выстрел заставит их отступить. Зато ему самому отступить было некуда: единственная дорога к трассе была теперь перекрыта, а с другой стороны, всего через километр с небольшим, просека упиралась в реку. Тупик. Оставалось попытаться разыграть те карты, которые еще оставались у него на руках. Если повезет, то удастся оторваться от преследователей, а потом затеряться в ночном лесу. Но сначала нужно довести дело до конца.

Не выпуская обреза из рук, Инквизитор бросился к открытому автомобилю и выхватил из салона небольшую пластиковую канистру с бензином, купленную по дороге сюда на пустынной заправке — как раз почти сразу после того, как спелёнатая обрезками простыней Жанна получила второй удар током. Он зажал канистру подмышкой, с хрустом, будто ломая шею птенцу, скрутил крышку и принялся поливать горючей жидкостью раскачивающуюся в подобии транса ведьму. В неподвижный воздух ночного леса ворвались ядовитые пары. Жанна прервала свои безумные напевы и завопила, мотая головой и разбрызгивая в разные стороны капли бензина с намокших жестких кудрей. По лицу поползли потеки грязи и крови. Канистра почти опустела, когда раздались выстрелы.

Два отрывистых громких хлопка прозвучали один за другим. Что-то прожужжало мимо, обдало коротким дуновением теплого воздуха, с силой ударило в невидный во тьме ствол дерева; зашуршала, осыпаясь, кора. Краем глаза Инквизитор успел заметить вспышки в той стороне, где скрылся прибывший на выручку Жанне автомобиль.

Значит, все-таки вооружены.

Он отбросил канистру и с размаха уселся на землю, привалившись спиной к борту «Инфинити». В темноте затрещали кусты.

— Полиция! Вы окружены! Бросайте оружие и выходите с поднятыми руками!

Голос был звонкий и женский. Инквизитор криво усмехнулся.

Конечно, полиция, так он и поверил. В лесу уже было бы светло от прожекторов, гомонили бы десятки людей и хрипел мегафон — или что там еще используют полицейские для переговоров с преступниками. Одна женщина? Не смешите. Очевидно, что кто-то из ковена подоспел на подмогу попавшей в беду ведьме. Если бы он поддался на уловку и вышел, отбросив оружие, его бы тут же изрешетили пулями, а может быть, что и похуже. Нет уж, не выйдет. Инквизитор переломил обрез, достал еще теплую гильзу и загнал в пустой ствол новый картечный патрон.

Изольда видела, как злодей спрятался за машиной. С того места, где она находилась, его не было видно. Что делать? Ждать подкрепления? А что если в это время маньяк успеет поджечь свою жертву, на которую успел вылить несколько литров бензина? Нужно подобраться поближе, решила она. Если не давать ему высунуться, то можно преодолеть расстояние, которое их разделяет, обойти джип с другой стороны, а дальше... Там разберемся. Изольда выдохнула, выскочила из-за кустов и вскинула пистолет.

Хлопнул еще один выстрел и пуля со звоном вонзилась в стойку автомобиля рядом с открытым багажником. От неожиданности Инквизитор упал на левый бок, прижимая к груди обрез. Рядом с ним повалилась на землю, чтоб не получить шальной пули, и Жанна: ее облепленное мокрыми волосами лицо, все в разводах поплывшей косметики, грязи, бензина и крови, оказалось напротив Инквизитора на расстоянии вытянутой руки. Ведьма посмотрела ему в глаза сквозь спутанные космы и растянула губы в торжествующем злобном оскале. Еще один выстрел прогремел совсем рядом, и Инквизитор услышал, как пуля вошла в спинку заднего кресла в салоне. По просеке пробежали и замерли чьи-то шаги. Враг подбирался все ближе. Он повернул голову и посмотрел под машину, пытаясь разглядеть в темноте, нет ли кого-то с другой стороны. Никого. Он осторожно сел и выглянул из-за заднего бампера. Ему показалось, что на фоне черного леса мелькнула какая-то серая тень. Инквизитор отшатнулся назад, подобрался, положил палец на спусковую скобу и поджал правую ногу, готовясь вскочить.

До «Инфинити», за которым укрылся преступник, оставалось шагов десять — пятнадцать. Изольда, пригнувшись, метнулась вперед, но увидела, как из-за заднего бампера высунулась и мгновенно спряталась бритая голова. Она замерла на мгновение, присев, подождала, потом снова вскочила, и, вытянув руку с оружием в сторону автомобиля, побежала вперед.

Инквизитор резко поднялся.

— Осторожнее! — крикнула Жанна.

Изольда остановилась, повернувшись к машине, и увидела два черных ствола, глядящих ей прямо в лицо, и вытаращенные глаза человека, сжимающего обрез. Темноту разорвала мгновенная яркая вспышка, раздался раскатистый грохот.

Инквизитор увидел, как в десяти шагах от него светловолосая женщина с пистолетом в руке упала, будто сраженная громом.

* * *

Они подъехали почти одновременно. Диана на несущемся с ревом «Дукати» нагнала серый джип Штольца примерно за километр до съезда с шоссе, а меньше, чем через минуту, они разом остановились перед стоящими на обочине двумя полицейскими автомобилями с включенными проблесковыми маяками, и каким-то невнятным седаном с разбитой фарой, к которому привалился здоровенный, коротко стриженный парень в спортивной куртке и джинсах. Рядом стояло несколько человек с автоматами в форме патрульных. «Опоздали», — подумал Штолец и скрипнул зубами. Он выпрыгнул из машины, на ходу выхватывая документы.

— Кто старший?

От группы полицейских отделился один, неповоротливый, одутловатый, и вразвалку направился к Штольцу, поправляя ремень автомата на выпирающем животе. Он уставился в раскрытое удостоверение, как мог, подтянулся и махнул рукой, отдавая честь.

— Старший лейтенант Полупуднев! Прибыли на место согласно...

— Что тут происходит? Почему стоите?

— Товарищ майор, согласно имеющейся информации, группа неустановленных лиц осуществляет в лесу стрельбу из автоматического оружия. Была обстреляна машина капитана Покровской...

— Так чего вы тут ждете, все вместе?! — рявкнул Штолец.

— Товарищ майор, вызвали СОБР, ожидаем прибытия подкрепления...

Откуда-то из лесной темноты один за одним хлопнули выстрелы. Штолец окинул взглядом группу патрульных: шесть человек с АКСУ и табельными ПМ, не считая здоровяка у разбитого автомобиля. Он посмотрел на стоящего перед ним толстяка, и тот увидел во взгляде оперативника нечто такое, что заставило его отступить на шаг и судорожно сглотнуть. Штолец, сдерживаясь изо всех сил, чтобы не врезаться старшему

лейтенанту меж глаз, обернулся: в нескольких метрах за ним как черное изваяние застыла Диана, восседая на своем черно-красном спортбайке и расставив длинные ноги. Штольц махнул ей рукой и крикнул, то ли лишь ей одной, то ли и всем остальным:

— Быстро за мной!

«Прада» резко съехал с трассы и запрыгал по узкой, неровной дороге, исчезая в лесу. Следом за ним, заревев, устремился «Дукати» Дианы. Старший лейтенант Полупуднев потоптался немного, подумал, и все же решился:

— Давайте все по машинам! Следуем за майором.

«Только не торопись», — добавил он про себя. Если верить стажеру Вите, на поляне в лесу засел целый отряд до зубов вооруженных бандитов.

* * *

Упавшая женщина не шевелилась. Инквизитор было метнулся к ней, чтобы забрать пистолет, но передумал и, ковыляя, кинулся обратно к машине. Ощущение паники нарастало.

Трясущимися руками он перезарядил обрез и увидел, как Жанна, извиваясь червем, отползает с просеки, пытаясь забраться в кусты. Он рывком схватил ее за окровавленную голую щиколотку, исторгнув пронзительный вопль из ее осипшей от криков глотки, и поволок на прежнее место. Подхватил упавшую на землю канистру с остатками бензина, плеснул еще немного на мотающуюся в стороны грязную голову; поднял нож, отрезал от еще одной простыни длинный лоскут, свернул его в жгут и пропитал последними каплями из канистры.

— Хватит, — прохрипела Жанна. — Все уже кончено, остановись...

— Я не могу, — ответил ей Инквизитор. — Не могу остановиться.

Со стороны трассы донесся рев приближающихся автомобилей. Над черным лесом замерцали желтым, синим и красным отсветы фар и полицейских огней. Инквизитор заторопился, швырнул на переднее сиденье машины обрез, нож и открытый портфель, бросился к открытому багажнику; забыв про больное колено, неловко ступил на левую ногу, упал, стукнувшись головой о задний бампер, и чуть не заплакал от боли. Когда он поднялся, цепляясь на холодный металл автомобиля, из-за темных кустов ударили, ослепляя, лучи мощных фар и большой джип с ревом вырвался на поляну. Жанна торжествующе завопила.

Инквизитор быстро нагнул, поднял самодельный фитиль и достал

зажигалку. Торжество в крике ведьмы превратилось в ужас. Бензин вспыхнул, опалил пальцы, и Инквизитор бросил горящую тряпку в сторону связанной Жанны.

Раздавшийся визг был похож на звук циркулярной пилы. Волосы вспыхнули с жутким треском и исчезли в огне, объятая пламенем ведьма скорчилась пополам, распрямилась, снова скорчилась и покатила по траве, которая тут же стала дымиться и тлеть. Инквизитор упал в кресло водителя, ткнул кнопку стартера и рванул с места. «Инфинити» повело по грязи, ударив боком о ствол невысокого дерева. Инквизитор вывернул руль, кое-как выровнял и бросил машину вперед. Посмотрел в зеркало заднего вида: из остановившегося джипа выскочил какой-то мужчина и бросился к катающейся по земле, объатой пламенем ведьме, на ходу срывая с себя черную куртку. Остальные машины еще не подоспели. Теперь оставалось только быстрее убраться отсюда как можно дальше, до самой речки, оставить машину в лесу и попытаться уйти.

Хищная черная тень мотоцикла вылетела на просеку. Инквизитор узнал этот байк и зловещего седока, затянутого в черную кожу. «Дукати» подпрыгнул на кочке, вильнул, женщина за рулем на мгновение уперлась ногой в землю, сохранив равновесие, а затем стала стремительно приближаться. Двигатель мотоцикла ревел, как объятый яростью хищник, ринувшийся за добычей. Через секунду Диана уже настигла «Инфинити», вильявший по узкой дороге, и, задевая черные голые ветки деревьев, начала обходить его справа. Инквизитор в панике дернул рулем, пытаясь ударить преследовательницу бортом машины, но та успела затормозить, увернулась, и снова рванула вперед, обходя теперь с левого борта.

Зашипело, скользя вниз, стекло водительской дверцы. Инквизитор нашарил на сидении рядом обрез и обернулся. С расстояния не более метра на него уставился непроницаемо черный щиток мотоциклетного шлема. Инквизитор выпустил руль, высунул в окошко обрез и разом разрядил оба ствола в собственное искаженное отражение в темном зеркальном пластике. Брызнули, разлетаясь, осколки. Полсотни крупных картечин мгновенно разворотили Диане лицо, оставив на его месте кровавую яму, разбрызгали мозг по внутренним стенками черного шлема и пробили навывлет толстый карбон, разлетевшись во тьме, как железные, злобные осы. Тело Керы сбросило с мотоцикла, ударило о деревья, и оно, закрутившись, будто тряпичная кукла, отлетело в кусты. Оставшийся без хозяйки «Дукати» в бессильной ярости врезался в левую заднюю дверцу «Инфинити» и рухнул, бешено вращая колесами.

Инквизитор отшвырнул обрез на сидение, повернулся вперед и

закричал. Лучи фар уперлись в сплошную стену деревьев, перед которой, всего в нескольких метрах, зияла черная щель реки под обрывистым берегом. Инквизитор топнул ногой, зажимая тиски тормозов, но было поздно: две с половиной тонны металла, скользя по слякоти перегною, сорвались с двухметрового обрыва.

«Инфинити» с тяжелым всплеском вошел в густую, темную воду передним бампером, почти мгновенно погрузился до половины, замер, и медленно перевернулся на крышу. Ледяной мрак хлынул в салон через окно водительской двери.

* * *

25 апреля, Genikeevka.ru

Минувшей ночью силами уголовного розыска ГУВД по Санкт-Петербургу и области и ОМВД г. Кировска была проведена совместная спецоперация по задержанию опасного преступника, предположительно являющегося серийным убийцей, получившим прозвище «Инквизитор». При попытке задержания преступник оказал вооруженное сопротивление и предпринял попытку уйти от преследования сотрудников полиции. Впоследствии автомобиль, на котором пытался скрыться подозреваемый, был обнаружен затопленным в реке, находящейся в лесном массиве, примыкающем к садоводству «Дружба». Нам сообщили, что на данный момент полиция и следственные органы не располагают достоверными данными о том, погиб ли преступник или ему удалось выжить. По неподтвержденной пока информации, в результате ночной перестрелки погибли и пострадали несколько гражданских лиц.

В ходе проведения спецоперации огнестрельное ранение получила оперуполномоченный ОМВД г. Кировска капитан Покровская И. Т. Как сообщили «Геникеевке» в областной клинической больнице, в настоящее время капитан Покровская прооперирована и ее жизнь находится вне опасности.

«Геникеевка» будет следить за развитием событий.

Глава 31

— Хорошо, что личность установили, — сказала Алина. — С опознанием были бы большие проблемы. Разве что, по татуировкам: у нее тело все расписное и рисунки такие...запоминающиеся.

— Все так плохо? — поинтересовался Чекан и повертел на столе кружку с остатками остывшего кофе.

— Ну как сказать, — Алина откинулась в кресле, чуть потянулась и медленно наклонила голову влево и вправо, разминая затекшие мышцы. День выдался трудным, долгим и, хотя на часах было уже почти восемь вечера, заканчиваться никак не хотел. Она поморщилась.

— Семен, ты же опытный человек, сам понимаешь. Двойной заряд кабаньей картечи с близкого расстояния, там не только от лица — от головы мало что осталось. Что-то из шлема выскребли, конечно, но возможность реконструкции лично у меня вызывает большие сомнения.

Оперативник невесело усмехнулся.

— Согласно водительскому удостоверению, у тебя в морге сейчас находится Диана Львовна Шварценгольд, двадцати восьми лет от роду. Живых родственников нет. Воспитывалась с подросткового возраста в специализированном интернате, куда ее сдали сами родители. Почему так случилось, спросить некого: и отец, и мать уже умерли. Хотя догадаться можно: у Дианы Львовны бурная биография, есть судимость по малолетке, причем за убийство. О последних годах жизни ничего не известно.

— Что-то еще нашли при ней, кроме водительских прав?

Чекан кивнул.

— Бумажник с небольшой суммой денег, две связки ключей, телефон. Из интересного — нож, причем не охотничий, а боевой, я такие в армии видел. И еще совсем странный предмет: пучок каких-то прутьев, перевязанный ниткой. Передали криминалистам, пусть развяжут, посмотрят, вдруг окажется, что это важно.

— А что со второй потерпевшей? Жанна, кажется, да?

— В больнице, — Чекан крутанул кружку сильнее, чуть не уронил, облился и выругался. — Вот же черт, все одно к одному.

Он встал, подошел к раковине в кабинете, пустил воду и принялся оттирать пятно на светлых джинсах.

— В больнице, — повторил он. — В реанимации. Вроде пришла в сознание, но врачи говорят, что допрос пока невозможен. Нога сильно

изрезана, но главное — ожоги третьей степени пятидесяти процентов тела. Лицо особенно сильно пострадало, может быть, даже зрение потеряет, полностью или частично. Жить, скорее всего, будет, но совсем не так весело, как раньше. Совсем.

Чекан замолчал, с силой вытирая джинсы мокрыми бумажными полотенцами. Алина вспомнила Жанну: рыжие жесткие волосы, лисья физиономия, кривая улыбка, серебристый «Инфинити» с приторным ароматом в салоне. Сейчас этот автомобиль грудой бесполезного металла погрузился до половины в грязную воду лесной речки, а Жанна, под завязку накачанная обезболивающим, вся в бинтах, неподвижно лежала на койке в палате интенсивной терапии. Да, может, симпатии она у Алины и не вызывала, но того, что с ней случилось, не пожелать никому. «У модельного агентства Жанны хорошие связи в полиции», — пришли на память слова Виктории, и Алина спросила:

— Как Макс?

Чекан помрачнел еще больше, скомкал бумажное полотенце и сел обратно на стул.

— Хреново Макс, вот как. Сидит сейчас и в десятый раз дает показания. Все в больницу рвался, к ней, но пока не отпустили.

— Ты знал?

Семен посмотрел ей в глаза.

— О чем? Что у него какая-то женщина есть? Ну, догадывался, хотя у нас и не принято делиться интимными подробностями. Он же одиночка, разумеется, встречается с кем-то, откуда мне было знать, что там все так... серьезно. Или ты другое имеешь в виду?

Алина пожалала плечами. Лицо Чекана посуровело.

— Макс — хороший опер, — твердо произнес он. — Настоящий, понимаешь? И то, что он спутался с бабой, которая бордели содержит, еще ни о чем не говорит. Ладно, пусть даже он и помогал ей там как-то, своими ресурсами или связями, не знаю, но данный факт его плохим сыщиком не делает. К сожалению, не все это понимают. Он уже сутки почти общается со службой внутренней безопасности, объясняет, откуда Жанну знал, в чем участвовал, почему решил, что она в опасности. Про эту Шварценгольд тоже интересуются: кто такая, давно ли знакомы, почему он ей позвонил. В общем, по полной схеме. Это же как болото: можно годами ходить мимо, и ничего, но, если уж оступился — все, пока по самые уши не измажешься, не вылезешь. А можешь и с головой уйти.

— Тебя не коснулось?

— Ну, как сказать, — уклончиво ответил Чекан. — Я только что

из Управления, к тебе вот решил заехать. Вопросы задавали, но меня на месте событий не было, так что хотя бы не отстранили пока и фигурантом служебного расследования не сделали. Но вообще, всех коснулось. Знаешь, как это выглядит теперь для столичного руководства? Питерские сыщики мало того, что не в состоянии поймать серийного убийцу, разгуливающего у них перед носом; мало того, что арестовали невинного человека, который у них же в камере умер; так еще, каким-то чудом все-таки найдя Инквизитора, не смогли его задержать: один сотрудник полиции тяжело ранен, другой изобличен в порочащих связях, на месте происшествия женский труп с отстреленной головой, жертва маньяка в больнице, куча вопросов, а преступник ушел. Круто, да?

Алина невесело рассмеялась.

— Не смешно, — насупился Чекан.

— Прости, это нервное у меня. Чего уж веселого. Я так понимаю, злодея так и не нашли?

Чекан покачал головой.

— Нет. Представляешь, что там на месте творилось? Макс не в себе, орет, чтобы вызвали медиков, Жанна...догорает, рядом женщина эта, оперативник из Кировска, еле дышит, машина в реке, труп без лица в кустах, и шесть «пэпсов», которые не знают, за что хвататься и что делать. Ночь к тому же. Пока подъехали опера из области, пока СОБР подтянулся, пока связались с начальством, эвакуировали раненых, вызвали МЧС, чтобы утонувший автомобиль осмотреть — уже и утро. Прочесывать местность никто не стал: кругом темный лес, приказа не было, да и неизвестно, надо это или нет — может, злодей мертвый лежит под водой. Машину, кстати, так и не подняли пока: берег осыпается, земля болотистая, мягкая, опоры для крана нет. Туда водолазы спустились, спасатели. Вода в этой речке очень темная, торфяная, но зато неглубоко. Пошарили, поискали — тела нет. Думаю, он добрался куда-нибудь, например, до Дубровки, и уехал на электричке. Или залез в товарный вагон. Или машину поймал. В общем, ушел.

— А из автомобиля что-нибудь удалось достать? — спросила Алина. — Наверняка же остались какие-то зацепки, улики. У злодея в этот раз не очень-то гладко все прошло, мог в панике наследить, забыть что-нибудь.

— Нашли, конечно. Например, нож, пустой портфель, кепку. Криминалисты уже работают. Когда машину поднимут, попробуют отпечатки снять. Еще два мешка с постельным бельем, но это вряд ли Инквизитор с собой брал на дело. Если про зацепки говорить, то больше

всего шансов на то, что поможет обрез, его тоже в машине нашли. Там серийный номер остался, можно установить, на чье имя приобреталось оружие: пока только ясно, что покупали его лет двадцать назад, не меньше. В общем, думаю, это тоже след тупиковый.

— Почему?

Чекан усмехнулся.

— Ты ведь знаешь версию наших столичных коллег? Ну, что Инквизитор — это бывший спецназовец или кто-то еще в этом роде?

— Я бы назвала ее небесспорной.

— Ну да, мы с Максом тоже сначала смеялись. А сейчас я начинаю в это верить. Понимаешь, есть в этом типе что-то такое...ну, ненормальное, что ли. В том, как он действует, например: то ли это неопишуемые отвага и глупость, то ли, наоборот, невероятно точный расчет и уверенность в себе. Вот кому могло прийти в голову, что он дважды привезет жертву на одно и то же место? А использовать машину жертвы: не побоялся же, что останоят. Помнишь, мы говорили, что он все очень тщательно продумывает? Этот последний случай продуманным не выглядит вовсе, но ведь все равно, у него опять получилось. И то, как ему каждый раз удастся уйти, в этом тоже нечто фантастическое есть, я бы даже сказал, нереальное. Конечно, можно сказать, что ему просто очень везет, но как-то уж слишком много и часто. Так вот, если он действительно бывший сотрудник спецслужб, то ни к чему нас потерянный им обрез не приведет: скорее всего, оружие было куплено нелегально, с рук, причем даже не с первых и не со вторых. Очень трудно поверить, что вот человек купил себе двустволку два десятка лет назад, и она у него так и пролежала в кладовке, пока он ее вдруг не вынул и не решил сделать обрез, и при этом не догадался номер вытравить кислотой. Ладно, по крайней мере узнаем первого владельца оружия, кто знает, может быть, след и дальше протянется.

— А как ты думаешь, сколько еще времени займет поиск владельца по серийному номеру на ружье? — небрежно полюбопытствовала Алина.

Чекан посмотрел на часы.

— Ну, я думаю, что уже есть информация. Мне же теперь не докладывают и в курс дела особо не вводят. Скорее всего, первого хозяина уже установили и утром поедут к нему пообщаться, если, конечно, он еще жив и находится в городе. А почему ты спросила?

— Ты же знаешь, я интересуюсь... — Алина тоже взглянула на циферблат наручных часов. — Ой, Семен, прости, пожалуйста, я тут заговорила с тобой и совсем забыла, мне позвонить срочно надо! Извини,

ладно?

— Понял, не дурак, — Чекан поднялся и пошел к двери. — Будем на связи, если что.

— Подожди минутку! — окликнула его Алина.

Он обернулся.

— Помнишь, я тебя просила одну квартиру проверить, в центре, пустую?

— Да, припоминаю.

— Ты еще сказал, что ребята из местного отделения будут за ней присматривать?

Чекан кивнул.

— Так вот, — Алина замялась, — ты можешь им сообщить, что присматривать больше не нужно?

— Если честно, я не думаю, что они вот так прямо ходят туда и присматривают, — признался Чекан. — Скорее всего, забыли уже. Что-то у тебя изменилось?

Алина кивнула.

— Да. Я передумала. Мне это больше не нужно. Если что, скажи своим знакомым, что Назарова у них в долгу.

Семен покачал головой и молча вышел.

Алина подождала, когда закроется дверь и шаги Чекана стихнут в пустом коридоре, взяла телефон и быстро набрала номер.

* * *

Она вышла с работы только после полуночи и уже села в машину, когда позвонил Семен.

— Не разбудил? — голос был совершенно убитый.

— Какое там, — отозвалась Алина, — я только домой собралась. Что случилось?

На то, чтобы установить владельца ружья, из которого был сделан обрез, ушло не так много времени. Поначалу планировалось, что опрашивать предполагаемого свидетеля поедут двое оперативников, утром. Но когда прозвучало имя того, на кого двадцать лет было оформлено это оружие, все изменилось. Столичные следователи сделали то же, что и Алина еще три недели назад: проверили исходящие и входящие вызовы на номера двух мобильных телефонов, узнали про серую «Волгу» — универсал, оформленную на жену, выяснили адрес квартиры

на Каменноостровском, и поздним вечером к дому Аркадия Романовича Каля, преподавателя Университета, доктора наук, доцента и Инквизитора, подъехало сразу три машины с оперативниками и автобус спецназа. Они заблокировали все входы и выходы, как можно тише эвакуировали жильцов соседних квартир, взяли под наблюдения окна, выходящие на проспект, и, выбив двери, ворвались внутрь.

Там было пусто. На полу валялась сырая, покрытая грязью одежда, окровавленные бинты, и пара промокших ботинок. Быстрый осмотр показал, что покинувший квартиру преступник собирался в большой спешке: полицейские нашли его паспорт, водительское удостоверение, кредитную карту, а еще запас скотча, стальной проволоки, сломанный шокер, пассатижи с замытыми следами крови, и черную краску. В кладовке обнаружилась скомканная палатка и несколько костюмов для малярных работ; в ящике письменного стола — три подержанных телефона и СИМ-карты. Не было только молотка, а еще ноутбука, провода от которого в беспорядке лежали на столе рядом с толстой пачкой листов, на верхнем из которых значилось: «Апология Средневековья».

— Опоздали всего на полчаса, может, меньше, — рассказывал мрачный Чекан. — Лампочки на кухне и в комнате еще были теплыми.

Портрет скрывшегося преступника был мгновенно отправлен во все отделения всех полицейских служб. Единогласно решили прессу в известность не ставить вплоть до момента поимки маньяка: очень уж отличалась реальность от ранее озвученных версий, к тому же, никому не хотелось опять ошибиться, как со злополучным Фертом. Хотя в данном случае вероятность ошибки стремилась к нулю.

— Долго ему не пробегать, — сказал Семен. — Без документов, без денег, да еще и фотография есть у каждого патруля. Хотя я уже ни в чем не уверен.

Он помолчал и спросил:

— Алина, ты ведь спрашивала у меня про этого Каля, помнишь? Скажи честно, подозревала, что он и есть Инквизитор?

— Нет, — ответила Алина. — Даже не предполагала.

Глава 32

В комнате было тихо той особенной, оцепеневшей тишиной, какая бывает, когда в доме покойник, и собравшиеся в молчании ждут автобус из морга. Валерия знать не знала, что стоящие в углу большие напольные часы в резном футляре из темного дерева, оказывается, ходят. Никогда раньше ей не представлялось повода прислушиваться здесь к тишине, а теперь сухое тиканье механизма звучало громко и четко, как метроном, отсчитывающий утекающие из жизни секунды. Шторы были раздвинуты и гостиную заливал серый жиденький полусвет. Помпезный псевдоампир обстановки казался сейчас неуместным, как яркий галстук при похоронном костюме. А еще было непривычно пусто: ни Керы, ни Терции, только они вдвоем с Прямой сидели напротив друг друга в молчании. Не хватало лишь фотографий в траурных рамках на низком столике и стопки водки, накрытой кусочком черного хлеба.

По дороге к старой подруге Валерия думала — и опасалась — что обнаружит ее в обнимку с бутылкой вина или вермута, но не было ни того, ни другого. Значит, все совсем плохо: если человек пьет в ситуации стресса, это, конечно, печально, но еще хуже, если он забывает свои привычки. Такое случается только при по-настоящему больших потрясениях.

Виктория расположилась в кресле, осунувшаяся и постаревшая. Руки сложены на коленях, спина прямая, волосы выглядят так, будто про их существование забыли месяц назад; лицо было бледным и выражения не имело. Никакого.

— Что сказала Алина? — спросила Виктория.

Голос был как старый картон.

— Диана в морге. Жанна в больнице, в реанимации. Врачи говорят, будет жить.

Виктория медленно усмехнулась, и Валерия почувствовала, как по спине побежали испуганные ледяные мурашки.

— Оперативник, знакомый Жанны, вроде как арестован службой собственной безопасности, — продолжала Валерия, — его допрашивают. Во всяком случае, вчера еще было так, сейчас, может быть, отпустили.

— Знать бы еще, какие вопросы ему задавали, — произнесла Прима. — И какие ответы он дал. И вообще, что ему известно. Как зовут этого полицейского?

— Алина обещала узнать.

Виктория кивнула.

— Хорошо, пусть узнает. Нам нельзя это просто так оставлять. Что Инквизитор?

— Ищут. Говорят, что есть зацепки.

Прима снова скривилась в ухмылке, больше похожей на попытку заплакать.

— Зацепки, — сказала она. — Зацепки.

«Его не поймают, — подумала Валерия. — Никто и никогда не сможет поймать ангела, разве что в рядах полицейских окажется новый Иаков».

— Как он узнал, что Жанна останется без охраны? Как, мать его, он узнал, что именно в этот проклятый вечер — в единственный вечер! — Диана уедет заниматься своими делами?! Кто он такой вообще?!

Виктория сорвалась на крик и замолчала, будто бы обессилев.

«Он посланник Божий, — чуть не ответила ей Валерия. — Он Его карающий меч». И он помог ей, да, очень помог: в знак того, что она на верном пути, ангел взял на себя самое трудное — устранение Керы и Терции, которых Валерия боялась больше всего, особенно Керы, с ее силой, реакцией и острым ножом. Теперь ей осталось сделать самое легкое — и сложное одновременно, потому что убить единственную подругу, какой бы она ни была и как бы к ней ни относиться, дело трудное до невозможности. Особенно вот сейчас, когда от надменной и властной госпожи Примы не осталось следа.

Виктория будто услышала мысли подруги: с силой провела рукой по лицу, словно прогоняя навязчивый сон и приосанилась.

— Шабаш состоится при любых условиях, — твердо сказала она. — Ночь Белтайна мы с тобой не пропускали ни разу, и в этот раз не пропустим. Даже если этот гад доберется до Инфанта и Проксимы, даже если он убьет Алину, плевать. Соберемся вдвоем, ты и я, как в старые годы.

Валерия сглотнула в горле комок и кивнула. Виктория улыбнулась и посмотрела Альтере в глаза — нет, не Альтере, подруге Лере из далекого детства.

— Ты прости меня, — вдруг сказала Виктория. — Я бываю такой сучкой иногда, правда. Я знаю. Ты все равно моя лучшая подруга, ближе тебя у меня никого нет, как ни крути.

И подумав, добавила:

— И у тебя, кстати, тоже ближе меня нет никого.

«Благодаря тебе, — подумала Валерия. — Все благодаря тебе и твоей Бабушке».

— Так что Белтайн состоится, — продолжила Прима. — Иначе Бабушка не простит, ни мне, ни тебе. Готовь все, что надо, организуй, приводи Алину. Прорвемся, Лерка, главное, вместе, да?

— Да.

— Значит, с этим решили. Ты узнала, в какой больнице лежит Жанна?

— В НИИ «Скорой помощи», на ожоговом.

— Что ж, значит, нужно ее навестить.

Снова повисло молчание. Часы стучали бесстрастно, как плотник, сколачивающий гроб или строящий эшафот. Секунды ползли, отсчитывая движение жизни от плохого к худшему.

— Ты уверена?.. — спросила Валерия.

Виктория поморщилась.

— Лера, не начинай. Уже все обсудили, разве не так?

В другое время Прима не стала бы разговаривать на тему уже принятых ею решений. Ее правота не обсуждалась, слова не подвергались сомнению. Но сегодня все было иначе. Один на один со старой подругой можно было позволить себе на какое-то время перестать держать образ Княгини, Хозяйки и Госпожи, особенно если учесть реальную перспективу очень скоро потерять эти титулы вовсе вместе с остатками ковена, а, может статься, и с жизнью. Виктория вздохнула, закатила глаза и заговорила с Валерией, как говорят порой с неразумным, но все же любимым ребенком.

— Я понимаю тебя, Жанна наша подруга. Думаешь, мне легко принимать это решение? Но посуди сама: во-первых, ее будут допрашивать. И не кто-то из тех, на кого мы можем влиять, а те самые московские сыщики. Конечно, Жанна про нас им ничего не расскажет, я в этом уверена, но будут вопросы: и про бордели, и про убитую Белладонну, и про Диану, а если еще докопаются до ее бизнеса с малолетками... Возникнет очень, очень много вопросов, и к чему они приведут, никому неизвестно. Про деньги тоже могут узнать. Понимаешь?

Валерия понимала, что мнительная и осторожная Прима перестраховывается. Исследование предпринимательской деятельности Жанны грозило бедой только самой Жанне, но Виктория опасалась, что в процессе расследования может выясниться — правда, совершенно неясно, как именно — что Терция, как и все сестры, отдавала десятую часть всех своих доходов на нужды ковена, причем отдавала лично Виктории. Может быть, не будь всей этой истории с Инквизитором, попадись Жанна на сутенерстве или торговлей несовершеннолетними девочками в другое время, Прима не беспокоилась бы так сильно. Но

сейчас она боялась всего, и решения за нее принимал именно страх.

— Во-вторых, — продолжала Виктория, — Инквизитор жив и находится на свободе. Он знает Жанну и наверняка попыбует завершить начатое. Предположим, он не доберется до нее в больнице, но что будет, когда она выйдет? Если он станет следить за ней? Если в конце концов возьмется на нас?

Валерия промолчала. Виктория нагнулась вперед и накрыла своей рукой руку подруги.

— И потом, давай будем откровенны: ты бы хотела жить полуслепой, с обезображенным навеки лицом, без волос, страшилищем, у которого все тело в шрамах? Мне кажется, что любая из нас в такой ситуации приняла бы смерть, как избавление, разве не так?

Валерия опять ничего не сказала. Прима похлопала ее по руке и подытожила:

— Ну вот и славно. Сейчас я переоденусь, и мы поедем.

Прима и Альтера вошли в клинику через тридцать минут после того, как закончились часы посещения больных. *Отводить глаза* обе умели прекрасно, и ни один охранник на входе, ни одна медсестра или врач их не задержали и не задавали вопросов: разумеется, все их видели, но никто *не заметил*, и тем более, не запомнил. Они поднялись на нужный этаж и, стуча каблуками, пошли рядом по пустынному коридору: Виктория в светлом плаще, Валерия в черном — две подруги, две ведьмы, два ангела смерти.

У входа в палату на стуле сидел молодой полицейский. Этот, конечно же, их заметил — потому что настроен был видеть и замечать. Тут одним *отводом глаз* было не отделаться. Прима немного отстала, пропуская Альтеру вперед. Полицейский поднялся навстречу:

— Здравствуйте, посещение потерпевшей временно запрещено...

Валерия достала куколку и показала патрульному.

— Как ты думаешь, какого цвета у нее трусики?

Тот ошарашенно замолчал. Альтера быстро взяла полицейского за запястье; он отшатнулся было, но замер.

— Диарея, — сказала Альтера. — Страшный понос. Тебе срочно нужно в сортир, прямо сейчас.

Она отпустила руку. Молодой человек стоял, моргая голубыми глазами.

— Что стоишь? — прикрикнула ведьма. — Беги быстрее, сейчас обделаешься!

Полицейский развернулся и припустил прочь по коридору. Виктория

проводила его взглядом, пока он не скрылся за полупрозрачной дверью у входа на отделение, кивнула и проговорила:

— Идем.

В палате был полумрак, тишина, пахло лекарствами, антисептиком, плохо вымытым «судном» и болью. Жанна полулежала на чуть приподнятой койке, укрытая одеялом в линиях казенный цветочек и, казалось, спала. Впрочем, понять это было трудно: лицо и голову полностью закрывали бинты, в прорезях напротив глаз залегли тени, а к тому месту, где должен был находиться рот, прижималась маска с загубником и длинной трубкой, ведущей к аппарату искусственной вентиляции легких. Перебинтованная правая рука лежала поверх одеяла, а в сгиб левой, тоже замотанной сплошным слоем бинтов, была воткнута игла капельницы, висящей на металлической стойке.

— У нас мало времени, — негромко сказала Валерия. — Ее состояние должны проверять очень часто.

Виктория кивнула и тихо позвала:

— Жанна...

Лежащая на койке Терция не отреагировала.

— Жанна, это мы, Вика и Лера...

Валерия отвела взгляд от больной, посмотрела на тумбочку у кровати. В тусклом свете дежурной лампы там поблескивала большая голубая бусина...

...Девочка была толстой, веснушчатой и безнадежно рыжей — уже одного из этих качеств хватило бы для регулярных обидных насмешек со стороны одноклассников, а у нее был полный набор, что позволяло школьным шутникам разнообразить банальный набор обидных острот: «жиртрест», «коррозия», «ржавчины наелась», и прочее в том же духе. Необычное имя — Жанна — тоже добавляло поводов для веселья Светкам, Серегам, Ленкам, Андрюхам и Маринкам. Хуже всего стало в седьмом классе, когда одна из девчонок, случайно увидевшая Жанну без трусов в замызганной душевой спортивного зала, растрепала всем, что у нее и на заднице тоже веснушки. Целый месяц ей приходилось передвигаться по школе, вцепившись в нижний край юбки, ибо каждый мальчишка, даже из младших классов, проходя мимо, считал своим долгом задрать ей подол и заорать: «Мухи насрели!» Жанна тогда убедилась в том, что добрых шуток не бывает, как не бывает беззлобных насмешек, а еще в том, что один раз начав кого-то травить, люди не останавливаются, а только становятся все более жестокими. И тут уже не важно, толстый ты или худой, рыжий или белобрысый: ну вот скажите, какое отношение имеет вес тела к тому, что ей

регулярно заливали клеем содержимое портфеля? Как связан цвет волос и запираение в тамбуре запасного выхода под лестницей, куда мальчишки затолкали ее перед уроком с утра, закрыли, просунув в ручку двери черенок швабры, и где она просидела в полной тьме и отчаянии в течение трех часов, пока ее не вызволил школьный завхоз? Что она сделала такого, ради чего стоило обсыпать ее сахарной пудрой в столовой, подкладывать лезвия бритвы в карманы пальто, привязывать все тот же многострадальный портфель к вентилю водопроводной трубы под потолком?

Жанна стояла у окна в коридоре и плакала. Шли уроки, но ей разрешили выйти из класса: достать из волос жвачку, которую ей вlepил туда очередной юморист — подошел, улыбаясь, сказал: «Жанка, какие у тебя красивые волосы», и принялся гладить, пока она не сообразила, что к чему. Жвачку Жанна вырвала вместе с несколькими прядями, но в класс возвращаться не стала: стояла и плакала, глядя на синее майское небо, веселое солнце и юные деревца, покрытые нежным зелёным пухом пробивающейся листвы.

— Привет.

Жанна резко обернулась. Рядом с ней стояли две девочки, ее одноклассницы, Вика и Лера — одни из немногих, кто ни разу ее не обидел. Тем не менее, нужно быть настороже.

— Ты чего тут стоишь? — дружелюбно спросила Вика. Она была очень красивой: светловолосая, голубоглазая, стройная — неудивительно, что ее не дразнили, хотя и не дружили особо. Жанне казалось, что Вику немного побаивались даже самые отчаянные хулиганы.

Она всхлипнула и подозрительно прищурилась.

— А вы чего не на уроке?

— Мы к тебе пришли, — ответила Лера.

Лера тоже была красивой, только по-своему: темненькая, серьезная, с глубокими большими глазами. Единственная подруга Вики.

Что этим двоим понадобилось от нее?

— Зачем это вы ко мне пришли? — буркнула Жанна, шмыгнув носом.

Лера сунула руку в карман и достала оттуда большую голубую бусину, яркую и прекрасную, как волшебный камень; она сверкала и переливалась небесной синевой в лучах солнца, заглянувшего в окно коридора. Это было так красиво, так удивительно, что Жанна не могла оторвать от бусины взгляд и даже испугалась, когда Лера протянула ей руку:

— Вот, возьми. Это тебе.

Жанна взяла, стиснув пальчиками с обгрызенными ногтями это маленькое, стеклянное чудо.

— Спасибо, — прошептала она.

— Будешь с нами дружить? — спросила Вика.

Жанна посмотрела на девочек. Они улыбались, и это было совсем не похоже на те злобные ухмылки, которые она привыкла видеть перед собой. Это были улыбки подруг, которые рядом, и с которыми хорошо.

— Да, — сказала Жанна. — Буду. А что надо делать?

— Я расскажу, — пообещала Вика.

Через неделю одного из самых веселых юмористов, изощрявшихся в издевательствах над Жанной, обварило чуть ни не насмерть: его мать кипятила дома белье и неловко опрокинула двадцатилитровый бак прямо на сына. Еще через три дня та самая девочка, пустившая слух о веснушках у Жанны на заднице, с размаху уселась на длинный гвоздь, невесть как вылезший вверх острием из садовой скамейки. После недели, проведенной в больнице, в школе ее встретили искрометными шутками: каждую перемену кто-то подкладывал ей на парту или в сумку длинные гвозди с наколотыми на острие записками: «Это было великолепно!», «Как честный гвоздь, теперь я должен жениться!», «Люблю и скучаю» и прочее в том же духе.

Над Жанной смеяться перестали.

А через двадцать лет она приехала на встречу одноклассников, которая проходила в убогом кафе в том же районе, где они все вместе когда-то учились и жили. «БМВ», на котором она прикатила, был единственным автомобилем на небольшой парковке у входа. Светки, Ленки, Маринки растолстели до безобразия, обабались и повыходили замуж за одноклассников, Серег и Андрюх, отрастивших животы и усы. Жанна посидела немного, поулыбалась, заплатила администратору за продление аренды кафе на всю ночь — наличными, чтобы все видели пачку денег — и удалилась, совершенно счастливая, размышляя, как повезло ей в свое время получить в подарок большую, яркую и прекрасную бусину...

— Жанна, мы пришли, — повторила Виктория чуть громче.

— Вика, не надо, пусть спит... — сказала Валерия, но в прорезях белой маски дрогнули тени.

Жанна открыла глаза.

Вернее, открылся только один, красный, слезящийся, помутневший. Он подергался, фокусируясь, и уставился на стоящих в изножии кровати Приму с Альтерой.

— Привет, подруга, — весело сказала Виктория. — Ты как?

Жанна дернулась. Глаз округлился от ужаса.

«Она догадалась», — подумала Валерия.

— Ну, ладно тебе, — ласково продолжила Прима. — Не надо, не беспокойся. Все будет хорошо.

Она опустила руку в карман и достала булавку с головкой в виде цветка аконита. Жанна приглушенно завывала и заметалась по койке.

— Прости нас, — сказала Вика. — Ты сделала бы тоже самое.

— Прощай, — добавила Лера.

Прима наставила булавку на Жанну и произнесла нараспев несколько странных слов. Мигнули лампочка освещения и огоньки на пульте аппарата вентиляции легких. Жанна выгнулась на кровати. Прима повторила заклинание чуть громче, и, едва отзвучала последняя нота, ей в унисон подпела Альтера. Из рта Жанны выпал загубник, обнажив зияющую, неровную черно-красную дырку. Древние тона напева прозвучали строем из двух голосов. Виктория почти выкрикнула последнее слово и выбросила вперед руку с булавкой.

Жанна дернулась так, что кровать затряслась с металлическим лязгом. И замерла.

— Вот и все.

Валерия открыла дверь. Виктория направилась к выходу, но, оглянувшись, остановилась. Подошла к тумбочке, взяла голубую бусину, секунду смотрела на нее неподвижно, а потом уронила на пол. Сверкающий шарик подпрыгнул, покатился, но Виктория ловко прижала его носком светлой туфли и надавила. Раздался стеклянный хруст.

Когда она убрала ногу, на полу осталось только блестящее крошево, похожее на треснувший тонкий лед.

* * *

— Надеюсь, вы все сделали, как я сказала, — строго сказала Валерия, широким шагом идя по коридору Виллы Боргезе. Рядом пылила стоптанными башмаками Надежда Петровна, то ли кланяясь, то ли приседая на ходу.

— Не беспокойтесь, госпожа Альтера, — торопливо заверила комендантша. — Потрудиться мы всегда рады, это уж будьте уверены! Сейчас все сами увидите!

Валерия усмехнулась. Трудолюбие местных бродяг вызывало большие вопросы.

Днем Вилла была другой, будто спала, но стоило остановиться и прислушаться, как отголоски кошмаров, которыми жил старый дом в своем

дневном сне, ощущались на подсознательном уровне. Здесь все дышало недобрым: лестницы, длинные коридоры, пустующие кабинеты, мебель и утварь, оставшиеся от больницы. Даже днем, в тусклом мертвенном свете, сочащемся через грязные окна, возникало гнетущее ощущение: погуляешь всего четверть часа, и хочется бежать без оглядки. А ночью вдруг потянет вернуться.

Впрочем, Валерия чувствовала себя здесь привычно, уверенно, как на работе.

По широкой лестнице справа в сопровождении оборванца с красной, лоснящейся рожей, поднимались, озираясь тревожно, два паренька; у одного на шее висел фотоаппарат. Они увидели Альтеру и Надежду Петровну, и настороженно остановились.

— Пойдемте, пойдемте, — махнул им рукой провожатый. — Сейчас я вам покажу бывшую домовую церковь, а потом на третий этаж поднимемся, посмотрим место, где был пожар...

Валерия проводила глазами бродягу, который, как заправский экскурсовод, повел молодых людей в разрушенный церковный зал, и взглянула на комендантшу.

— Туристы, — захихикала та. — Все ходят и ходят... вот, Индеец и водит их, он сегодня дежурный. Мы аккуратно: чего не надо, не покажем, «пенсионеров» прячем. Тут третьего дня мужик один приходил, так все хотел вниз попасть, на первый этаж. Ну, Баклан его до низа довел, показал, что все мебелью старой завалено, и обратно. Мы дело знаем.

Валерия покачала головой, но ничего не сказала. Она и так была в курсе предпринимательских инициатив ушедшей Петровны, а теперь говорить что-то или предупредить в который раз, чтобы были поосторожнее, смысла уже не имело.

Завтра все кончится.

Они прошли до конца коридора и стали спускаться по лестнице на первый этаж. Надежда Петровна засветила фонарь. Темнота вокруг пахла мокрой пылью и плесенью. Они миновали завалы из старой мебели и через железную дверь вошли в подземелье под Виллой.

В квадратном подвале горели переносные мощные лампы, штук шесть или восемь, и в их ярком, неестественно голубоватом свечении подвал был похож на зловещую скальную копь, в которой копошатся уродливые злобные гномы. В нос ударила густая вонь месяцами не мытых тел, лежалой одежды и скисшего пота. Альтера поморщилась:

— Они отсюда сколько дней уже не выходят?

— Вот как Вы на прошлой неделе приехали, рассказали, что делать,

так и трудятся, рук, так сказать, не покладают, — с готовностью объяснила Петровна. — Поесть да поспать выходят только, а так все работают, работают...

Стены подвала сейчас были обшиты досками и кусками фанеры: неумело, криво и косо, но зато полностью, от пола до потолка. Двое бродяг в дальнем углу, там, где обычно стоят табуреты и висят крючки для одежды, прибивали поверх древесины черную драпировку. Еще трое что-то сколачивали на полу. Остальные возились у боковой двери, из которой являлась сестрам Хозяйка Есбата, отпиливая торчащие края досок. Визг ножовки и стук молотков перекрывали хриплую матерную перебранку. Посередине подвала возвышался Ефрейтор: огромный, кудлатый, в засаленном пиджаке, надетом на грязную майку, и выкрикивал то ли ругательства, подгоняя своих подопечных, то ли команды на том особом, нечленораздельном наречии, понятном только бродягам и хроническим алкоголикам.

— Он всех сюда, что ли, пригнал?

— А как же, — отозвалась Надежда Петровна. — Все тут, ну, кроме Михалыча, он все своими язвами на ногах так и мается, почти не выходит. Ну, и новенького, Богомаза, теперь с нами нет...

Валерия посмотрела на комендантшу. Та отвела глаза и потупилась.

— Что значит, нет?

— Удавился Витя, — скорбно ответила Надежда Петровна и пожевала губами. — Такое горе.

— Удавился или удавили? — уточнила Валерия.

— Да сам он, сам, — поспешно заверила комендантша. — Вот сразу после того, как вы тут последний раз собирались. Затосковал что-то, загрустил. Подошел ко мне, спросил, а нельзя ли уйти. Ну, я и ответила, что, мол, теперь уж нельзя, предупреждали ведь с самого начала... Ну, а потом его Варвара на чердаке и нашла: ремень, значит, перекинул на балку, да и повесился. Такая вот незадача.

Ефрейтор увидел стоящих у двери Валерию и Петровну, выкрикнул что-то похожее на армейское «смирно». Пилы, молотки и разноголосая ругань мигом стихли. Бродяги выпрямились, кто как мог, и застыли. Ефрейтор застегнул пиджак, подтянул мешковатые брюки, и Валерия заметила, что за поясом у него тускло блеснула металлом рукоять пистолета.

— Доброго дня, госпожа Альтера, — хрипло пробасил Ефрейтор и поклонился. Из всклокоченных спутанных волос посыпались сор и какая-то живность.

— И тебе хорошего, — отозвалась Валерия, на всякий случай отойдя на полшага. — Вижу, дело идет. До завтра управитесь?

Ефрейтор запустил толстые пальцы в густую длинную бороду, задумчиво почесал, изучил то, что налипло на грязные ногти, облизал их и важно кивнул.

— Сдадим объект в срок!

— Молодцы, так держать, — Валерия окинула взглядом подвал. — Кстати, где то, что я привезла?

— В целях безопасности, переместили в яму, — отрапортовал Ефрейтор.

— Пойдем, покажешь.

Они подошли к краю квадратного углубления, похожего на бассейн. На дне стояли четыре газовых баллона с пропаном по пятьдесят литров каждый и пять пластиковых канистр.

— Убрали во избежание, — пояснил Ефрейтор. — Ребята у меня дурные, мало ли что...

— Ну и правильно. Что делать потом, помнишь?

Ефрейтор кивнул.

— Баллоны расположить по углам. Находящуюся в канистрах жидкость применить для обработки драпировочной ткани. Данную обработку осуществить завтра вечером, не ранее, чем за шесть, и не позднее, чем за четыре часа до вашего прибытия.

— Вольно, — сказала Альтера. — Иди, работай.

Ефрейтор вновь поклонился, рассыпая обитателей жирных зарослей на голове, и отошел. Раздался хриплый окрик; сразу же застучали молотки, заерзали пилы, негромко загомонили невнятные голоса.

— Хороший у тебя мужик, Петровна. Дисциплину знает.

— Да, он у меня такой, — с гордостью отозвалась комендантша.

— Вот только зачем-то с оружием ходит, — добавила Валерия. — Это что за ствол у него в штанах?

Надежда Петровна обеспокоенно заморгала, облизав губы.

— Так это...он...подобрал...

— Где подобрал?

— Его еще с месяц назад госпожа Кера посылала с мужиками...там... подчистить за ней кое-что. Ну вот он и нашел, радовался еще так, мне показывал, смотри, мол, Петровна, пистолет, да еще с патронами... Вы уж не судите строго, он же военным был, пусть потешится...

— Пусть, пусть... — задумчиво ответила Валерия. — Ладно, пойдем отсюда. Мне ехать пора.

Они поднялись наверх. По сравнению со спертым смрадом в подвале застоявшийся тусклый воздух на втором этаже показался свежим и сладким, как ранним утром в горах. Коридор был пустынен и тих, краснорожий Индеец и молодые люди ушли, и Валерия надеялась, что дорогой фотоаппарат на груди у одного из них не стал причиной беды. Днем, конечно, бродяги обычно никого не трогают, но все же...

— Госпожа Альтера! — прервала ее размышления Надежда Петровна. Валерия остановилась.

— Чего тебе?

— Я вот спросить Вас хотела, — тон комендантши показался Валерии странным.

Она нахмурилась.

— О чем спросить?

— Да как-то мне странно это все. Газовые баллоны, канистры какие-то. Я вот открыла одну, понюхала — какой-то химией пахнет: и спирт — не спирт, и бензин — не бензин...

Петровна растянула тонкие желтоватые губы в улыбке, обнажая черные острые зубы, но глаза не улыбались, и Валерия поняла, что именно странным показалось ей в голосе комендантши. Подозрение. Старая бродяга, с двумя сроками исправительной колонии за спиной, опытом выживания, ради которого не останавливалась ни перед чем, явно что-то подозревала.

— Что тебе странно? — резко сказала Валерия. — Завтра у нас особая ночь, праздничная, и мероприятие будет тоже особым...

— Но в прошлом году на вальпургиеву ночь ничего такого не приносили, — вставила Петровна.

— И что? — Валерия повысила голос. — В прошлом году не было, а в этом будет. Я объясняла: газ нужен для горелок специальных, а в канистрах ароматические смеси. Госпоже Приме, наверное, вонь вашу надоело нюхать, вот она и распорядилась...

Глаза Надежды Петровны сощурились и вспыхнули желтым.

— Не знаю, не знаю, — покачала головой она. — Госпожа Прима распорядилась или кто другой... Я, пожалуй, завтра ее когда встречу, так и спрошу, зачем это она в подвал приказала поставить газовые баллоны и все портьеры горючим пропитать.

Наглая комендантша смотрела Валерии прямо в глаза. На секунду Альтера представила, как Надежда Петровна, переваливаясь на кривых толстых ногах, разгоняется по коридору и с разбега бросается из окна, разбив лбом стекло; или, скажем, берет со стола в своей гнусной каморке

ржавый нож и медленно, с чувством, перерезает себе глотку. Сколько для этого потребовалось бы времени? Полминуты, чуть больше? В любой другой день именно это бы и случилось, но не сегодня: для того, чтобы завтра все прошло гладко, комендантша нужна была Валерии живой и здоровой. Можно было, конечно, выбить ей сейчас память, но тоже не вариант: если гнусная баба забудет про газ и горючее в канистрах, то может забыть и проконтролировать, чтобы все было сделано, как следует. Тут нужно иначе. Конечно, подтолкнуть немного придется, но самую малость.

Валерия выдохнула, взяла себя в руки и укоризненно произнесла:

— Эх, Петровна, Петровна, вот сама себе все испортила. Я думала сюрприз тебе сделать, а ты... — Альтера сокрушенно махнула рукой.

— Какой еще сюрприз? — недоверчиво прищурилась комендантша.

— А вот такой, — обиженно ответила Валерия. — Ты думаешь, я про твои просьбы забыла? Вот и нет: постоянно госпоже Приме напоминала, хлопотала перед ней за тебя, рассказывала, какая ты надежная, толковая, как хорошо бы тебя тоже в ковен принять. Так что радуйся, Надежда Петровна: завтра вступишь в наш круг!

Глаза у Петровны округлились, и подозрительное, хищное выражение на лице мгновенно сменилось другим, каким-то по-детски и радостно удивленным, словно маленькой девочке удалось краем глаза увидеть настоящего Деда Мороза.

— Вот потому и праздник особый, — продолжала Альтера, — двойной: Белтайн и торжественный прием новой сестры, понимаешь? А по такому случаю обычай требует, чтобы в углах горели синие огни и убранство было умащено специальным маслом. Мы тебе хотели завтра сказать, чтобы неожиданно, как подарок, а ты...

Губы Надежды Петровны затряслись и растянулись так широко, что из уголка рта свесилась нитка слюны. Она задрожала, схватила Валерию за руку своими липкими, горячими, пальцами, затрясла и залепетала:

— Госпожа Альтера, дорогая Вы моя, голубушка...кормилица! Вот же радость, Господи...ой, простите: черт, черт, черт! Вот спасибо так спасибо, как же и отблагодарить Вас, не знаю...

В порыве нахлынувших чувств Надежда Петровна прижала руку Валерии к своим мокрым губам и принялась лобызать.

— Ну, все, хватит, хватит, Петровна, — Валерия вырвала руку. — Я уже и не рада, что проговорилась тебе. Ты лучше смотри, чтобы мужик твой со своими архаровцами все сделал, как надо, ладно?

Надежда Петровна рассыпалась в заверениях. Если бы сейчас Валерия ей сказала, что для вступления в ковен нужно убить Ефрейтора голыми

руками, у здорового мужика, вооруженного пистолетом, не было бы не единого шанса.

«Людям нужно говорить то, что им нравится».

На улице она достала из сумки пачку влажных салфеток и извела ее всю, вытирая руку, захватанную и обмусоленную старой бродягой. Потом постояла немного, подставляя лицо уже теплomu ветру, выталкивая из легких мерзость запахов Виллы Боргезе, и вытащила телефон.

— Карина, привет. Ты на работе? Найдешь для меня минутку?

* * *

Погибнуть в огне на последнем шабаше должны были все. Но уверенность в этом, такая твердая поначалу, ослабевала по мере того, как приближалась последняя ночь апреля. Валерия поняла, что смерти одной из сестер она не желает.

Причин тому было две.

Первую можно было назвать объективной: Валерия знала, как никто другой в ковене, почему Карина в свое время пришла к ним, почему присоединилась к шабашу, и эти причины лично ей были понятны. Да, тому, что они делали и что совершали, не может быть оправданий. Но ведь кроме закона есть еще благодать, и кто знает, не желает ли Господь, пославший для помощи и вразумления своего грозного ангела, проверить: сможет ли Валерия быть не только справедливой, но и милосердной?

Вторая причина была чисто личной. Карина ей нравилась: и как человек, и, сколь ни стыдно признаться, как женщина. Хотя какого тут черта стыдиться! Когда твой сексуальный опыт начался с того, что единственная и лучшая подруга в двенадцать лет лишила тебя девственности деревянным straponом; когда много лет у тебя не было ни одного нормального, обыкновенного мужика, а только периодические сексуальные игры с инкубами и все с той же подругой, предпочитавшей садиться тебе на лицо или выполнять роль мужчины; когда разнообразие в смене партнеров ограничено количеством ведьм на оргиях после шабаша; когда нет ни семьи, ни детей — нечего стыдиться того, что испытываешь к девушке, которая почти в два раза младше тебя, нежность одновременно материнской и женской любви.

Они познакомились, когда три года назад Карина поступила на работу в родильный дом, в отделение, которым руководила Валерия. Так бывает, и в любви, и в дружбе: достаточно взгляда, двух слов, даже молчания, чтобы

почувствовать, как звучат в унисон таинственные струны души. Карина была не красивой, но странно привлекательной; никогда не улыбалась, но при этом обладала удивительным обаянием; молчаливой, замкнутой — но люди каким-то феноменальным образом ощущали в молодой медсестре нечто, что заставляло тянуться к ней, в то же время боясь потревожить. Вот и Валерия, невзирая на разницу в служебном статусе и возрасте, невольно потянулась к Карине, а та открылась в ответ. Первое время они с удовольствием молчали вместе, обмениваясь краткими фразами только по делу. Валерия не могла бы сказать, когда они начали близко общаться, но это случилось, и через полгода она уже знала все о Карине, в том числе историю ее детства и жизни, и поняла, почему та не улыбалась и не заводила знакомств. Валерия хотела помочь ей, дать то, в чем Карина нуждалась, она могла это сделать — и помогла. Два года назад Карина стала одной из сестер, и тогда же устроилась на работу в психиатрическую больницу. Ее темный дар наведения жутких кошмаров усилился многократно, и Валерия знала, как новая медсестра клиники для душевнобольных намерена им распорядиться.

Наверное, это был единственный случай, когда Альтера считала применение разрушительных сил колдовства оправданным и справедливым.

Погибнуть должны были все. Убежденность, что так будет лучше — для нее, для Алины, Карины, для всех остальных, и даже для гнусной Надежды Петровны, да помилует Бог ее душу — ничуть не поколебалась. Но Альтера решила, что Карине она оставит возможность выбора. Вот почему вечером накануне есбата она приехала к ней на работу; вот почему рассказала ей все об Инквизиторе, в котором увидела ангела, о своем плане и о том, чем должна кончиться последняя ассамблея.

Они стояли на набережной напротив входа в больницу. Весенние сумерки призрачным маревом спустились на город — репетиция наступающих белых ночей, которых им увидеть более не суждено. Немного похолодало, ветер с залива внес тонкую, морозную ноту в разогретый дневным теплом воздух, но не настолько, чтобы нельзя было спокойно стоять, говорить, и смотреть на узкую серую речку, тянущуюся к широкой Неве.

— Завтра будет все кончено, — подытожила Валерия свой рассказ. — Я просто хотела сказать тебе, что ты можешь не приходить.

Карина смотрела перед собой, на другой берег, где на фоне приземистых серых зданий легкой зеленью распускалась дымка листвы на деревьях.

— Я тебя услышала, — сказала она. — Спасибо, что предупредила. Я приду.

Она повернулась к Валерии; взгляд больших черных глаз был серьезен, и Альтера увидела в нем понимание и решимость.

— Спасибо, — Альтера накрыла ладонью холодные пальцы Карины, лежащие на чугунной ограде набережной. В какой-то момент ей показалось, что та улыбнется, но нет: Карина кивнула, тихонько пожала ей руку, развернулась и молча пошла к проходной.

— Спасибо, — еще раз прошептала Валерия еле слышно. Завтра, в решающий час судной ночи, она будет не одна.

* * *

— Помнишь, я говорила тебе, чем отличается месть от наказания? Тот, кто мстит, хочет только, чтобы его обидчик страдал; наказание должно привести к осознанию совершенного зла. Ты помнишь?

Голос Карины был тихим и монотонным, как питерский дождь. Николай замычал и отвернулся к стене. Он не в силах был выносить ее взгляд: два черных, огромных провала на белом лице казались порталами в небытие, окнами в потусторонний кошмар.

— Но есть и еще одно отличие, — продолжала Карина. — Месть не закончится, пока не сведет свою жертву в могилу. А наказание может быть прекращено, как только наступит раскаяние. Ты меня слышишь? Понимаешь, о чем я?

Николай не отвечал: его трясло крупной дрожью, а разум сам, уже без всякого колдовства, начинал мучить страшным предощущением грядущего ужаса.

Карина покачала головой.

— Может быть, тебе кажется, что мне доставляет удовольствие тебя мучить. Не могу сказать, что мне это неприятно, скорее наоборот. Но я хочу, чтобы ты вспомнил, чтобы понял, почему это происходит с тобой. Сколько ты уже здесь? Больше года? А все без толку. Знаешь, я бы оставила тебя в покое, но ты сам не оставляешь мне выбора.

Она окинула взглядом палату. Синие сумерки вечера уже превратились в черную, глубокую ночь. Два кататоника на соседних кроватях застыли в одинаковых позах, вытянувшись на спинах и приподняв головы над подушками.

— Так получилось, что сегодня мы разговариваем в последний раз, —

сообщила Карина. — Тебя стоило бы убить. Передать, так сказать, в суд высшей инстанции, пусть уже там разбираются, что с тобой делать. Но знаешь, ведь всем нужно давать еще один шанс, даже таким, как тебе, Николай. Вот я и решила сегодня немного помочь, может, у меня получится освежить твою память. Ты готов?

Не дожидаясь ответа, она достала свечу, зажигалку, и подпалила фитиль. Серый дым, как джинн в образе змея, взлетел и яростно за клубился по тьме.

Николай заорал.

— А ну, тихо, — строго сказала Карина. — Еще ничего не случилось, что ты кричишь? Лежи себе смирно. Смотри. Вспоминай.

Карина встала со стула. За ней, как по команде, поднялись со своих коек больные и застыли, вытаращившись бельмами глаз, будто марионетки, в ожидании, когда кукловод тронет нити. Карина раскинула руки, прикрыла глаза и зашептала. Кататоники дернулись, шагнули вперед, и неровной походкой подошли к ней, встав справа и слева, словно почетный эскорт. Дым, за клубившись, наполнил палату и все внезапно переменялось: стены исчезли, растворившись в невнятном пространстве теней, вместо них из тумана соткались деревья, кусты, обступившие небольшую поляну, посередине которой стояла кровать Николая. Карина опять зашептала, открыла глаза и махнула рукой. Впавшие в транс пациенты снова задвигались и начали окружать Николая, не сводя с него белых, невидящих глаз. Лес вокруг потемнел, вместе с тьмой пришел страх, потом ужас, отчаяние, и Николай вдруг увидел, что один из безумцев, обступивших его с двух сторон — это он сам, только в юности: худая физиономия в россыпи подростковых угрей, глаза хищно прищурены, губы кривит язвительная усмешка, а руке — длинный прут или палка... Призрак прошлого сделал взмах, и Николай ощутил страшную, жгучую боль, рассекающую спину, и тут же, одновременно, будто белая вспышка осветила тот закуток памяти, где была запрятана старательно забытая тайна.

— Вспомнил! — закричал он. — Я вспомнил, вспомнил!

И зарыдал.

...Мальчишки изнасиловали Карину, когда ей было десять лет, а самому старшему из насильников — четырнадцать. Это произошло в начале июня, в большом, диком парке, примыкающем к детскому дому, где воспитанникам разрешалось гулять — разумеется, без присмотра. Карина эти прогулки любила: забиралась в самый глухой уголок и сидела там, подальше от однокашников, которых не слишком любила и которые с готовностью отвечали ей тем же. В тот раз она спряталась за кустами, на

вытоптанной полянке с пожухлой травой в окружении высоких деревьев, и возилась с палочками и камешками. Палочки в ее играх исполняли роль девочек, а камешки — мальчиков, хотя сейчас это были взрослые мужчины и женщины: они жили в домах из холмиков сухой грязной земли, говорили о серьезном, женились и ездили на машинах. Карина так заигралась, что не услышала приближенья мальчишек, а когда те с треском выбрались из кустов всего в двух шагах от нее, бежать уже было поздно. Вначале они и не собирались делать с ней ничего такого, просто она, как чумазый, мелкий, отталкивающего вида зверек вызывала желание издеваться, мучить и бить, от омерзения и ради забавы, испытывая при этом горячее, сладкое удовольствие. Мальчишки растоптали земляные дома палочек и камешков, смеялись, не давали бежать, тыкали в Карину длинными палками и гибкими прутьями — наверное, тоже до этого играли во что-то, может быть в рыцарей или кавалеристов — а она не плакала, только огрызалась и скалилась, как загнанная в угол крыса. Потом порвался подол короткого летнего платья, задранного сучковатой палкой, блеснуло белой кожей худое тельце и не по возрасту выпуклая, круглая попа, обтянутая измазанными в земле трусами. Мальчишки стали хлестать Карину прутьями, все большей и сильнее, до красных рубцов, потом решили сорвать с нее одежду, просто так, для еще большего унижения, а когда удары прутьев сменили пинки и шлепки по голому телу, между ног которого притаилась настоящая женская тайна, они так возбудились, что им захотелось с ней сделать еще что-нибудь. Молодые пенисы, подскочившие вверх как тонкие, бодрые весенние стебли, подсказали, что именно. Карина тогда промолчала, ничего не сказав воспитателям, она вообще не очень-то верила взрослым, да и вообще никому. Случившееся в парке повторялось снова и снова: в кладовке с постельным бельем, ночью в пустой душевой, в камерке за актовым залом; Карина стала их тайной, игрушкой, которую можно пинать, колотить, щипать, стегать ремнем и скакалкой, насиловать — игрушкой огрызающейся, противной, но отвратительно притягательной. Молчаливой и беспомощной, до поры и до времени.

Кошмары снились Карине давно, с того момента, как мать окончательно превратилась в алкоголичку и испытала первый приступ белой горячки: не узнавала дочь, заливала несуществующие пожары, караулила чужаков у дверей туалета, зажав в руке кухонный нож. Вскоре после того мать лишили родительских прав, а Карину направили в детский дом, и к девочке стали являться во сне странные и страшные гости: они разговаривали с ней, пугали, звали куда-то. Избавляясь от кошмаров, не дававших покоя и днем, Карина по наитию стала рассказывать свои сны

разным предметам, с которыми чаще всего играла, тем же камешкам-мальчишкам, и палочкам-девочкам. Потом перестала пугаться своих жутких ночных посетителей, а потом, много позже, когда ей исполнилось тринадцать, научилась и управлять ими.

Изнасилования и издевательства к тому времени прекратились. Мальчишки выросли: самый старший уже покинул детдом, а младшему было пятнадцать, и он потерял интерес к развлечениям с Кариной, начав встречаться с другими девчонками. Они забыли про свою маленькую, грязную тайну, про свой постыдный и жгучий секрет. Но у Карины была хорошая память.

В одну из летних ночей в детском доме случилось чрезвычайное происшествие: один из воспитанников умер во сне — его нашли под кроватью, закутанного с головой в одеяло, «сердечный приступ», как сказали врачи; другой проснулся, но совершенно безумным: не мог говорить, не понимал человеческой речи, не узнавал никого, только кричал постоянно, и беспрерывно мочился и испражнялся под себя. Третий сбежал, разбив окно табуреткой; его так и не нашли, сочтя пропавшим без вести. На фоне этих событий никто не заметил, как внезапно изменилась Карина: если раньше она вообще избегала общения с кем бы то ни было, то теперь начала хотя бы иногда разговаривать с одноклассницами, лучше успевать на уроках, и — вот странность! — даже шутить, хоть несколько странно, пугающе и без улыбки. А еще она стала настоящей звездой ночных страшных рассказов в палате летнего лагеря или в общей комнате детского дома. Ее даже стали уважать за это, но при этом бояться, так что друзей у нее не прибавилось. Впрочем, Карине друзья были не нужны.

Ей нужно было найти двоих пропавших обидчиков: одного, сбежавшего от ночного кошмара, и второго, благополучно окончившего обучение и отправившегося строить счастливую, взрослую жизнь. Самостоятельно это сделать не получилось, общих знакомых у них не было, поиск в Социальной сети не помог.

Зато помогла Валерия.

Первому удалось ускользнуть: достоверно установили, что его труп, истерзанный и искромсанный в клочья неизвестным злодеем, нашли через год после бегства из интерната в окрестностях Петербурга. Это было обидно. Зато с Николаем все вышло, как надо. К тому времени Карина уже освоилась с подаренной ей черной свечой: все было просто, как с камешками или палочками, нужно только наговорить на нее что-то из своих снов и видений, а потом поджечь фитиль и отправить ментальное сообщение по нужному адресу. Кстати, возможен был и обратный эффект:

свеча забирала кошмары и галлюцинации у некоторых пациентов, как будто копила на будущее. Николай, которому только перевалило за тридцать, был одиноким и пьющим, что облегчило задачу: не прошло и недели с момента, как сестры сказали Карине, где его можно найти, а он уже лежал, привязанный к койке, бился, орал и рвал ногтями лицо...

...Вот так же почти, как сейчас, когда из призрачной дымки морока к нему вышла девочка лет десяти: черные большие глаза на худом белом личике, растрепанные косички, порванное платье испачкано грязной землей, гольфы съехали, а по ноге бежит струйка алой крови. Стоящие рядом с ней исполинские тени подняли длинные прутья и палки.

— Я вспомнил! Я вспомнил! Вспомнил! Прости!..

— Что ты сказал? — произнес кто-то. Голос был женский, глубокий, но Николай не мог вспомнить, чей именно.

— Прости! За все, за то, что мы... что я сделал тогда, прости!

— У кого ты просишь прощения? Кто я? — спрашивал голос.

Николай посмотрел на девочку, на выросших до размеров мифических исполинов людей у его кровати, на прутья и палки; в голове замелькали обрывками киноленты образы: парк, колени его брюк испачканы в земле и траве, чья-то рука, держащая тонкую девичью лодыжку в белом гольфе, кладовка, где пахнет бельевой пылью, темно, его ладонь зажимает мокрый рот с маленькими зубами, раковина, он смывает туда слизь и кровь, голоса, они с друзьями вызывают ее с урока, говорят: «Карину в медкабинет, срочно!»... Карина!

— Карина! Я прошу прощения у Карины... у тебя!

Лисса кивнула и задула свечу.

Николай проснулся. Простыни насквозь промокли от пота. Стены, окна, пол, потолок — все было на месте. Два кататоника мирно лежали на койках, не шелохнувшись. На горячий, покрытый испариной лоб легли легкие, холодные пальцы.

— Прощаю, Коля.

Она подошла к двери, обернулась, посмотрела на Николая, тяжело дышащего, запрокинувшись на подушке, и негромко добавила:

— И ты прощай.

Огарок черной свечи был еще теплым, поэтому легко поддавался сильным, умелым пальцам. Карина скатала свечку в шар и утром, по окончании смены, подошла к перилам на набережной. Мойка все так же неспешно тянулась к Неве. За триста лет жизни города, и еще раньше, за сотни и сотни до него, местные реки повидали немало, и многое приняли в свои молчаливые воды, похоронили на дне или вынесли прочь,

в Маркизову Лужу. Вряд ли здешних анемичных, интеллигентных наяд можно чем-нибудь удивить, пусть даже и комком черного воска, на котором записано столько кошмаров, что хватило бы на тысячи готических сказок и страшных историй. Карина размахнулась и бросила; река флегматично, как повидавший виды старьевщик, только плеснула волнами и приняла ее сумрачный дар.

Глава 33

В ночь с четверга на пятницу сбываются сны. В ночь Белтайна, называемой иначе Вальпургиевой, сновидения бывают такими, что лучше бы им не сбываться. Каину явился во сне Богомаз: совсем грустный и не похожий на того Витю, каким его знал художник все время их продолжительной, странной дружбы. Он что-то пытался сказать, но не мог, только махал рукой вдаль: то ли звал за собой, то ли показывал место, куда он ушел, испуганный, одинокий, печальный. В руке Богомаз держал свой старый ремень, и присмотревшись, Каин увидел, что ремень завязан в петлю.

Художник вздрогнул, проснулся; в камерке без окон времени не ощущалось, но он чувствовал, что сейчас глубокая ночь. «Надо завтра позвонить этой женщине, судмедэксперту», — решил он. После того, как Каин впервые с нею связался, прошло уже более двух недель. За это время он еще раз ей позвонил, чтобы узнать, удалось ли найти Гронского и можно ли помочь его другу. «Да, с Гронским я говорила, — сказала Алина. — Он ответил, что возьмется за это дело. О результатах я Вам сообщу, ну, или Ваш друг появится сам и расскажет». И все. Ни звонка, ни привета. Только сон, и в нем грустный Витя, с петлей на старом ремне, то ли звал его, то ли пытался сказать, куда ушел сам.

Чтобы сон сбылся, его не нужно рассказывать; но еще важнее спать, когда вещие сновидения соберутся тебя навестить. Грядущий май будоражил пусть слабым, но долгожданным теплом, и спать не хотелось: шальные от наступившей весны пары, и группы, и одиночки слонялись по улицам и переулкам; ночные автомобили неслись по проспектам, вращая горящими глазами фар, будто не знали, куда везти своих седоков; во «Френсисе Дрейке» и других пабах и барах почти в полном составе собрались клубы полуночных пьяниц. Не только они пропустят сегодня послания из мира снов: еще несколько женщин готовились к бессонной ночи, понимая, что она будет особой.

Насколько особой, знали только Валерия и Карина.

Валерия заехала на Виллу Боргезе и убедилась, что все подготовлено должным образом: четыре баллона с пропаном были скрыты в углах подвального помещения, пропитанная горючей смесью черная ткань висела на стенах, обитых деревом и фанерой, которым предстояло стать дровами в коллективном погребальном костре. Двери главного входа в подвал

Валерия собиралась запереть на ключ, как только все соберутся, а когда появится Прима, то закроет и заднюю, после чего просто бросит одну из свечей на драпировку. Может быть, придется выдержать пару нелегких минут, когда у нее будут пытаться отобрать ключ, но долго это не продлится: огонь и дым в тесном подвале уже сами по себе могут погубить всех собравшихся, а взрыв баллонов доделает дело.

Петровна по случаю торжества вымыла сальные космы, которые жидкими желтыми прядками свисали до плеч, и приделась в какое-то дикое платье, черное, со множеством блесток, слишком узкое и короткое для ее бочкообразной, нескладной фигуры.

— Потрясающе выглядишь, Надежда Петровна, — сказала Валерия. — Просто принцесса.

Та захихикала, кокетливо потупив глаза.

— Ой спасибо, госпожа Альтера, спасибо. А младенчик-то? — вдруг всполошилась она. — Младенчика-то не будет?

— Все будет, Петровна, все будет, — заверила Валерия. — Это теперь не твоя забота. Ты сейчас о другом думай. Готовься, и в половине двенадцатого будь внизу, мы с сестрами подъедем к этому времени.

После смерти Керы и Терции с транспортом возникли проблемы: автомобиль был только у Примы, но она, разумеется, никого подвозить не собиралась. Впрочем, вопрос разрешился удачно: машина была у Алины, а сестер оставалось немного. Валерия на такси добралась от Виллы до дома Алины и поднялась на одиннадцатый этаж. Ее уже ждали: будущая сестра ковена госпожи Примы была серьезна и сосредоточена — даже слишком, как показалось Альтере.

— Ты же не возражаешь, если я поведу? — спросила Валерия. — На есбат все приезжают с завязанными глазами, для конспирации, особенно новенькие. Не волнуйся, если что, я знаю одно заклинание для выпрямления вмятин на кузове.

На неуклюжую шутку Алина не отреагировала; только кивнула, а в машине, сев на переднее кресло, сама завязала глаза куском темной ткани, наощупь достала маску из большой сумки и надела поверх повязки: «чумной доктор» зловеще таращился на Валерию черными, как смерть, глазницами. «Нос длинноват», — машинально отметила она, подумав о «поцелуе сатаны», но тут же вспомнила, что до этого дело вряд ли дойдет.

Водить Валерии приходилось нечасто, но «БМВ М5» Алины был снисходителен к неопытному водителю и казалось, что он много делает сам, без помощи со стороны. Класс машины не предполагал упорной борьбы за ряд, и к тому же, несмотря на ударивший всем в голову май,

поздним вечером буднего дня на дорогах было относительно свободно. Валерия и Алина заехали за Проксимой и Инфантой: те вышли из подворотни длинного темного дома, бледные, исхудавшие, одинаково долговязые и испуганные; едва поздоровались и уселись на заднем сидении, как на насесте, завязывая друг другу глаза и помогая натягивать маски. Карина присоединилась к ним по дороге, у станции «Черная Речка», и тоже забралась назад, потеснив угрюмых товарок. До Виллы ехали молча, будто бы не на праздник, а на погребение, и Валерии показалось, что они знают, все до единой, что ждет их сегодня на шабаше; знают — и готовятся драться.

Напряжение немного рассеялось, когда они добрались до места и вошли внутрь заброшенной старой больницы: знакомые запахи сырости и влажной пыли, эхо шагов, холод душного склепа подействовали успокаивающе — здесь они были в безопасности, здесь был их дом, их неприступная крепость. Зато у Валерии сердце начало биться сильнее. Она смотрела по сторонам: облупленные двери, заваленная мусором и хламом домовая церковь, иссохшие струпья плакатов на грязных стенах. «Это в последний раз. В последний». Сейчас она спустится вниз и больше уже никогда не поднимется к свету. Валерия внезапно захотела, последний раз взглянуть в небо. У тусклого окна в конце коридора она остановилась и посмотрела наружу, но стекло было грязным, в двух метрах перед окном находилась стена и увидеть небо не получилось. Валерия вздохнула, мотнула головой и двинулась дальше.

— Внимание, сейчас будет лестница!

Сестры с повязками на глазах, держась за руки, осторожно шли за ней следом, как слепые за поводырем, направляющим их в темную яму.

В подвале всех поджидала Надежда Петровна. Жадная комендантша не пожалела денег на маску, и ее лицо прикрывала белая с золотом, торжественная личина, украшенная вензелями и больших пучком пышных перьев, возвышающимся над макушкой. В сочетании с черным блестящим платьем, обтянувшим телеса Петровны, как сетка — батон колбасы, и поношенными ботами, надетыми без чулок, зрелище было немислимым. Впрочем, своих обязанностей Петровна не забыла: свечи ярко горели, предусмотрительно отодвинутые от стен немного дальше, чем прежде, в бочке пылали торфяные брикеты, и вода в баке начала закипать. В подвале уже было очень тепло, еще немного — и станет по-настоящему жарко, причем до того, как Альтера подпалит драпировку. К ароматам свечей и торфяного дыма отчетливо примешивался сладковатый, химический запах. «Как бы раньше не полыхнуло», — мелькнула тревожная мысль.

— Чем это тут воняет? — Проксима приняхалась и скривилась.

— Ароматизаторы, — коротко ответила Валерия. — Госпожа Прима велела.

Раздевались в унылом молчании: если раньше эта часть подготовки к есбату напоминала девичник в бане, то сейчас походила на медосмотр. Ни смеха тебе, ни подначек, ни возбужденного предвкушенья веселья; ни Белладонны, ни Керы, ни Терции; просто группа голых женщин в полутемном грязном подвале. Если раньше никто и не думал стесняться своей наготы, то теперь все развернулись друг к другу спиной и раздевались поспешно, стремясь поскорей накинуть на тело плащи. Одна только Надежда Петровна, которой стоило бы постесняться, как будто не замечала общего настроения: возбужденно хихикала, бормотала что-то под нос, а потом долго кутала безобразные тела в уродливо скроенный из куска драпировки плащ с капюшоном. «Хорошо, что Вика не видит всех в таком настроении, — подумала Валерия. — Она бы расстроилась». И тут же, поймав себя на этой мысли, одернула: это все уже не имеет никакого значения, никто отсюда не выйдет, включая Вику, и неважно уже, расстроится та или нет.

Очень сложно избавиться от привычек.

Валерия посмотрела на Алину. Та разделась, ничуть не смущаясь, как будто бы постоянно только и делала, что переодевалась в подвалах в обществе незнакомок, и сейчас затягивала на талии шнур блестящего черного одеяния из магазина карнавальных костюмов. «Чумной доктор» скрывал до половины лицо, но Альтера видела плотно сжатые губы и взгляд в прорезях маски, такой же сосредоточенный и серьезный. Заезжая за Алиной домой, Валерия опасалась, что увидит ее нетрезвой, чрезмерно взволнованной или близкой к истерике, как в их последнюю встречу во «Френсисе Дрейке», но вот эта решительность встревожила ее еще больше. Такую Алину она наблюдала впервые и в ней было нечто такое, что заставляло чувствовать себя неуютно. «В ней сила», — вспомнила Валерия. И теперь, похоже, эта сила готова была проявиться. Она перевела взгляд на Карину. Та чуть кивнула. Валерия глубоко вздохнула и кивнула в ответ. Все в порядке, это мнительность, ничего больше. Нужно взять себя в руки. Беспокоиться не о чем. Валерия незаметно взяла в левую руку большую связку ключей — главная дверь, боковая, здесь же, чтобы не потерять, запасные ключи от крипты в подвале Примы — и намотала на пальцы веревочную скакалку белой куколки. Сунула руку под плащ и громко сказала:

— Готовы? Рассаживаемся.

Так же молча они разбрелись и уселись: Карина напротив Валерии, Проксима, Инфанта, Алина и Надежда Петровна полукругом перед черным алтарем. Валерия выложила на него длинный кинжал, поставила чашу: все должно идти, как обычно, ни к чему тревожить сестер раньше времени. Близилась полночь. Теперь нужно было лишь ждать прибытия госпожи Примы.

* * *

Вечер не задался сразу, как только Виктория вышла из дома. Какой-то ржавый рыдван цвета сгнившего баклажана и с такой черной тонировкой на окнах, что ей позавидовал бы и катафалк, припарковался едва ли вплотную к переднему бамперу ее красного «Ауди А4», не давая отъехать. Разумеется, никаких записок под лобовым стеклом, типа «Простите, меня, идиота, если я Вам мешаю, звоните по такому-то номеру» не было. Позади стоял грузовик — уже не первые сутки — и Виктории ничего не оставалось другого, как трясти и пинать баклажановый драндулет, заставляя сигнализацию исходить стонами, воем и хриплым кваканьем. Через десять минут этой дьявольской какофонии, оглашавшей вечернюю улицу столь громогласно, что могла бы заставить проснуться и мертвых, из дома напротив вышли два типа с сальными головами и в кожаных куртках, яростно, но непонятно гомонящих на незнакомом наречии. Бросая на взбешенную Приму злобные и одновременно похотливые взгляды, они отогнали свой транспорт к соседнему дому, и Виктория рванула с места, возмущенно посигналив им напоследок. На все это ушло минут десять, а значит, она на десять минут опаздывала на есбат, что само по себе нежелательно, а учитывая обстоятельства и значимость сегодняшней ночи — и вовсе недопустимо. Виктория не любила являться раньше, но и опозданий не переносила, стараясь планировать свое время как можно точнее; она знала, что от ее дома до Виллы Боргезе путь занимает семнадцать минут, всегда выходила за двадцать, а теперь, благодаря двум кретинам, не знающих элементарных правил вежливости при парковке, ей нужно было добраться в два раза быстрее. Прима скрипнула зубами от злости. Надо было пустить в ход булавку, да только времени жалко.

Но на этом дорожные злключения не кончились, а только начались. На углу Гороховой и Садовой образовался нежданный для этого времени суток затор: три или четыре машины не смогли поделить перекресток, столкнулись, и теперь перегородили проезжую часть практически вовсе.

Водители и пассажиры бродили вокруг и с озабоченным видом осматривали им одним заметные повреждения, попеременно используя телефоны то для снимков, то для звонков — в страховые компании, полицию, друзьям, приятелям, женам, мамам и двоюродным братьям, делая вид, что не замечают матерной брани из окон и исступленных сигналов с трудом пробирающихся мимо них автомобилей. Виктория выругалась, вывернула на Фонтанку и понеслась по набережной, наплевав на ограничения скорости. Через считанные минуты она уже влетела на Троицкий мост, не глядя, перестроилась влево, и тут же сзади раздался резкий сигнал и засверкали, мигая, яркие фары. Виктория посмотрела в зеркало заднего вида: ее нагонял трясущийся от возмущения черный Х6, стремительный, мускулистый и грозный, который она, вероятно, неделикатно подрезала.

— Ну прости, прости, мужик, — пробормотала Виктория, тыкая пальцем в кнопку аварийного сигнала, но извинения, судя по дальнейшим событиям, приняты не были. Стоило ей съехать с моста и занять средний ряд, как Х6 поравнялся с ней и, неожиданно загудев, резко бросился вправо, словно идя на таран. Прима взвизгнула, крутанула рулем; «Ауди» ударился о поребрик с такой силой, что, казалось, перевернется, но машина пролетела еще пару метров вперед и врезалась в металлическое ограждение тротуара, пробив радиатор и смяв крышку капота точно посередине. Глаза вдруг застило белым, и Виктория ощутила, как что-то упругое и тугое с силой ударило ее по лицу, так что брызнули слезы: сработала подушка безопасности. Проскочивший вперед черный джип остановился, а потом внезапно поехал назад, протаранив своим мощным бампером левое крыло «Ауди».

— Ты что творишь! — заорала Прима, но джип еще раз зло засигналил и умчался, растворившись во тьме и огнях ночного проспекта. Красный «Ауди» остался стоять с лопнувшим и вбитым вовнутрь правым передним колесом, сломанной радиаторной решеткой и помятым капотом.

Двое прохожих покосились на разбитый автомобиль и пошли восвояси, прибавив шагу. По проспекту, как ни в чем ни бывало, проносились машины. Над передней панелью взвилось и растаяло облачко дыма от газогенератора. Виктория тупо смотрела на белый пластик сдувающейся подушки с нерукотворным наброском ее портрета: красные полоски помады, смазанные кровавые капли из разбитого носа и даже легкие штрихи туши с ресниц. На табло электронных часов светились цифры: 00.03.

— Вот сука, — прошипела Прима. — Сука! Сука!

Она открыла сумку, достала ручку и быстро записала на салфетке три цифры и буквы — номер черного джипа был простым и красивым, словно специально для тех, кто захочет его быстро запомнить. Прима вытащила еще одну салфетку, прижала к носу, запрокинула голову. Попыталась представить, что сейчас происходит в подвале Виллы Боргезе: эти курицы сидят уже там, одетые в плащи и маски, и ждут; наверняка, беспокоятся — госпожа Прима не опаздывала еще ни разу. Что будет дальше? Есть два варианта: первый — так и будут сидеть, как приколоченные, пока она не появится. Второй: Альтера будет проводить шабаш без нее. Маловероятно, но возможно, и в данном случае Прима не будет против. Лучше уж так, чем вообще пропустить ночь Белтайна. О том, что сестры посидят просто так и уйдут, и речи не может идти. Виктория вынула телефон и на всякий случай набрала номер Валерии: «аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети». Разумеется, в подвале нет сигнала сотовой связи. Прима убрала салфетки, пошмыгала носом, и снова взяла телефон. Она и так уже опоздала и лишние десять минут погоды не сделают, тем более, что тут по прямой до Виллы Боргезе минут семь, может, десять, не больше. Она бросит машину, поймает такси, а пока нужно сделать одно важное дело. Потому что есть вещи, которые не прощаются.

Виктория зашла в интернет, ввела в поиск номер сбросившего ее с дороги Х6, и через минуту нашла информацию о владельце на форуме, посвященном автомобильному хамству. Судя по количеству сообщений, сегодняшний подвиг был далеко не первым в списке впечатляющих достижений хозяина черного джипа. Еще минут через пять она нашла и его страницу в Социальной сети: небритая круглая рожа красовалась на фоне зеленой лужайки и большого загородного дома. Виктория извлекла булавку с цветочной головкой, сосредоточилась, нацелила острие в экран своего телефона и вложила в слова заклинания всю силу накопившейся за вечер злости.

* * *

Ожидание из томительного сделалось тревожным. Тишина сгустилась и давила, как низкий каменный потолок. Трещали свечи, гудело пламя в железной бочке, слышно было, как клокочет в баке вода. Сладковатый химический запах усилился. Шесть женщин в черных плащах, наброшенных на голое тело, и нелепых масках сидели в полумраке подвала старого дома и молчали, глядя перед собой. Время шло.

Надежда Петровна нетерпеливо заерзала и первой подала голос.

— Чего-то долго уже, — сказала она. — Пора бы.

— Видимо, что-то случилось, — натянуто отозвалась Проксима. — Наверняка. Прима никогда не опаздывает.

— Мама, давай уйдем, а? — заняла Инфанта.

— Сиди пока, я посмотрю, который час, — Проксима встала и направилась к сумке.

Все молча ждали.

Валерия лихорадочно соображала, что делать. Виктория действительно никогда не опаздывала, но если бы даже и имела такую привычку, то уж точно не опоздала бы сегодня: Вальпургиева ночь, Белтайн, прием в ковен Алины... Да, что-то случилось, и очень серьезное, но, черт побери, что?

— Уже почти четверть первого, — громко сказала Проксима. — Что будем делать?

Ангел, поняла Валерия. Да, это он, снова взял на себя все самое трудное, оставив ей лишь довести до конца их теперь общее дело: уничтожить те жалкие остатки ковена, что собрались сегодня, и разрушить их мерзкое капище.

— Я считаю, что нужно уйти, — плаксиво заговорила Инфанта. — Пятнадцать минут подождали и хватит, даже учителя столько не ждут...

Валерия встала.

— Никто никуда не пойдет, — твердо сказала она. — Шабаш проводить буду я.

Так, теперь закрыть обе двери. Изю всех сил стараясь не торопиться, Валерия подошла к задней двери в стене, достала связку ключей и выбрала нужный. Дважды клацнул замок. В тишине этот звук отозвался зловеще.

— Нет, знаешь, что, при всем к тебе, конечно, уважении, но ты никогда не была Госпожой Шабаша, — нервно заговорила Проксима. — С какой стати ты будешь его проводить? Сюзанна, детка, собирайся, мы уходим.

Инфанта вскочила с подушки и быстрым шагом направилась к матери, даже не заметив, что та от волнения назвала ее настоящим именем. Проксима дрожащими руками уже сорвала плащ и маску — еще одно вопиющее нарушение заведенного порядка.

«Паника, — поняла Валерия. — Наверное, чувствуют что-то». Она покосилась на Инфанту и Проксиму, торопливо переодевающихся в темном углу, и осторожно направилась к главной двери. Запереть замок, взять свечу, поджечь драпировку, и... молиться, наверное?

— А я вот тоже считаю, что надо все самим проводить, — неожиданно

подала голос Надежда Петровна. — Госпожа Альтера человек между нас не последний, справится, да, госпожа Альтера?

Валерия кивнула. До двери оставалось десять нешироких шагов.

— Да ты кто такая вообще? — Проксима сорвалась на крик. — Тебя кто сюда звал?!

Петровна подскочила с подушки и сдернула маску. Одутловатая физиономия искривилась в злобной гримасе.

— Я кто?! А ты сама кто?! Я этому дому хозяйка, вот я кто! Меня, между прочим, сегодня в ковен принимать будут! Давай-ка, сажай свою тощую задницу на подушку, нечего нам праздник портить!

— Мама, я домой хочу!

— Помолчи! — рявкнула Проксима на дочь и, воззрившись на комендантшу, расхохоталась язвительным смехом. — Тебя?! В ковен?! Да кто тебя примет?!

— Госпожа Альтера, вот кто! А ты думала, зачем здесь все это? Люди мои сутками работали, рук не покладали: портьеры пропитывали, чтобы пахло, вот, баллоны газовые для горелок расставили по углам...

— Газовые баллоны? Да что за бред?! — фыркнула Проксима и в ужасе осеклась.

Ключ провернулся со скрежетом в железном замке, запирая дверь на два оборота. Глаза Надежды Петровны, которыми она секунду назад с ненавистью сверлила Проксиму, округлились от внезапного понимания. Она охнула и обернулась.

Валерия стояла спиной к двери, сжимая в руке связку ключей и куколку в белом платье. Ближайшая к ней свеча горела метрах в двух — трех. Она сделала шаг, но в этот момент Надежда Петровна заголосила и кинулась на нее, протягивая руку к ключам. Валерия отшатнулась, комендантша споткнулась о складку ковра и упала навзничь, но к дверям уже неслась Проксима; по тощей спине хлестали белые лямки расстегнутого бюстгальтера, выпученные глаза смотрели куда-то за спину Альтеры, будто не видели ни ее, ни двери, а только спасительный выход.

— Стоять! — крикнула Валерия, вскинув руку с куколкой, но было поздно.

Проксима, как нападающий в регби, с разбега врезалась в нее всем худосочным телом и Валерия гулко ударилась спиной о железо двери. Скрюченные, будто когти, пальцы, вцепились Валерии в плащ, сдернули маску, полезли в глаза, потянулись к ключам. Истерически завизжала Инфанта и кинулась на помощь матери. Изрыгая проклятия, на ноги вскочила Петровна и схватила кинжал с алтаря.

— Карина! Поджигай! — отчаянно закричала Валерия, отбиваясь от рук Проксимы и Инфанты, рвущих волосы, кожу и черную тонкую ткань. — Поджигай!!!

Карина молча вскочила. Петровна крутанулась на пятках, сделала выпад кинжалом, но Карина, легко увернувшись, нагнулась и протянула руку к свече.

Грохнул выстрел. Стальная пуля в резиновой оболочке пробила черную драпировку и застряла в фанерной обшивке.

— Успокоились все, — громко сказала Алина. — И сели обратно.

* * *

Под красным сигналом на светофоре засветился желтый, и таксист, торопясь, недовольно просигналил мужчине, который спустился с моста и теперь медленно шел по переходу через Песочную набережную. Тот даже не обернулся и не прибавил шагу: он сильно прихрамывал на левую ногу, и в свете фар было видно, что поношенная одежда на пешеходе сильно измята, как будто уже много ночей он спал, не раздеваясь. Несмотря на теплую погоду, на голове у него была натянута черная вязаная шапка.

— Бродяга, мать его, — ругнулся таксист и пронесся мимо мужчины, загудев еще раз для остротки.

Мужчина перешагнул поребрик и на секунду остановился. Молчаливое здание пустого старого дома возвышалось в стороне от проспекта, как черная туча на фоне темно-синего ночного неба. Шаги заскрипели по влажному гравию пешеходной дорожки. Человек медленно прошел вдоль фасада, осмотрел заколоченную дверь главного входа, развернулся и направился за угол. В правой стене была еще одна дверь, похоже, запертая изнутри. Он толкнул ее, постоял, огляделся, и похромал дальше, свернув в темный двор. Тишина и тьма разом сгустились вокруг, поглотив звуки улиц и отблески фонарей. Человек окинул взглядом ряды темных, частично выбитых окон, вошел в арку и дернул ручку двери черного хода. Прислушался. В неподвижной тиши из-за двери едва слышно доносилось чье-то простуженное дыхание. Мужчина кивнул и начал стучать, все сильнее и сильнее, так что дверь затряслась, задрожала, а потом приоткрылась.

На пороге стоял угрюмый бродяга, сдвинув кустистые брови над заплывшими, злыми глазами. Он окинул взглядом незваного гостя: помятая серая куртка, шапка, мешковатые брюки — и строго спросил:

— Тебе чего?

— Мне бы...это...переночевать, если можно...

Бродяга окинул мужчину презрительным взглядом, плюнул сквозь зубы и ответил:

— Сегодня нельзя. Завтра приходи, поговорим.

— Ну, нельзя так нельзя, — покорно вздохнул ночной гость. — А закурить у тебя не найдется?

Хмурый страж заворчал, но все же оттопырил пиджак и начал копать за пазухой, на мгновение отведя взгляд от мужчины.

Этого мгновения оказалось достаточно.

В темноте что-то мелькнуло, и в следующий миг удар молотка обрушился сбоку на челюсть, заросшую грязной щетиной. Раздался хруст кости и суставов. Бродягу отбросило к стене, он выпучил глаза, зашатался, и следующий удар пришелся ему точно в лоб. Тело осело рядом с порогом грудой грязной одежды.

— Прости, дружище, — прошептал Инквизитор.

Он уже приходил сюда несколько дней назад, засветло, на разведку; кто-то из обитателей Виллы даже устроил ему нечто вроде экскурсии, правда, наотрез отказавшись вести на первый этаж: там мол, все завалено мебелью, темень, и вообще ничего интересного. Инквизитор не стал настаивать, но успел заметить отсутствие пыли на столах и стульях, закрывавших проход, и до блеска вытертый подошвами пол посреди уходящего вглубь первого этажа коридора. Очевидно, что этим проходом пользовались, причем довольно часто, и он не мог быть ничем иным, как тропой в святилище ведьм.

Теперь действовать нужно было быстро: никто не знает, как устроена система охраны у местных бродяг, а схватку с несколькими противниками вряд ли получится выдержать, хоть с молотком, хоть без молотка. Припадая на левую ногу и морщась от боли в колене — проклятая Жанна! — Инквизитор быстро поднялся по узкой лестнице без перил на второй этаж. Днем здесь было все по-другому; сейчас в углах медленно двигались призрачные тени, из черных проходов смотрели незримые, злобные очи, и вся Вилла как будто неслышно, но ощутимо гудела, будто под ней, в глубине, разгоралось подземное пламя. Инквизитор вошел в коридор: никого, все двери закрыты, туманные полосы неверного света из окон фасада по левую руку пересекают пустое пространство. Еще одно окно впереди, в торце коридора, светилось, как лунный камень. Ему туда: до конца и налево, на темную лестницу. Он сжал молоток, проверил, не выпал ли фонарь из кармана, и захромал, стараясь не топтать особенно громко.

Гулкая тишина огромного старого дома нарушалась то громким скрипом, то вздохами, то дальним звоном. Когда Инквизитор добрался до лестницы и приготовился спуститься на первый этаж, то услышал звук выстрела, долетевший откуда-то снизу.

* * *

Ведьмы замерли, будто в детской игре, как стояли: Альтера, подняв кверху руку с куколкой и связкой ключей; Проксима, прижавшись к ней, будто в танце; Инфанта, в сползших до колен расстегнутых брюках, вцепившись в сорванный с Валерии плащ; Надежда Петровна, застыв в фехтовальной позиции, согнув ноги и вытянув руку с кинжалом; Карина, почти прикоснувшись к черной свече.

Алина стояла рядом с распахнутой сумкой; в одной руке у нее был телефон, а в другой — пистолет. Ствол медленно перемещался слева направо.

Никто не двигался с места. Карина пошевелила рукой.

— Не трогать! — прикрикнула на нее Алина. — Дернешься — выстрелю в голову.

Карина, не сводя с Алины бесстрастного взгляда, убрала руку и села на пол. Надежда Петровна присела на корточки у алтаря, озираясь и облизывая губы. Проксима и Инфанта отошли от Валерии, помялись немного, и сели у края ковра. Сама Валерия осталась стоять у двери.

— Лера, прости, но ты тоже, — приказала Алина. — Не вынуждай меня снова стрелять.

— Ты можешь объяснить, что происходит? — спросила Валерия. Мысли кружились, как обезумевшие циркачи, все разом выскочившие на манеж.

— Конечно, — кивнула Алина. — Здание полностью заблокировано сотрудниками полиции. По моему сигналу будет предпринят штурм для последующего ареста всех присутствующих.

Инфанта захныкала.

— Ее арестуйте! — взвизгнула Проксима, тыкая пальцем в сторону Валерии. — Она хочет всех нас сжечь!

Сладковатая едкая вонь становилась невыносимой.

— Ты бы убрала свою пушку, гражданка начальница, — дружелюбно ощерилась Надежда Петровна. — А то, неровен час, подпалишь нас всех, да и себя тоже. Запах чуешь? Выстрелишь — и полыхнет все, синим

пламенем. Давай-ка мы лучше ключи заберем у этой вот...суки подколодной, да и выйдем все вместе.

Валерия посмотрела на ближайшую к ней свечу. Можно даже не трогать руками, просто шагнуть и ударить ногой... Она подняла глаза и встретила взглядом с Алиной: та смотрела внимательно, твердо, и сейчас ствол пистолета был направлен в сторону Альтеры.

— Никто никуда не пойдет, — спокойно сказала Алина и шагнула вперед. — Полиция будет здесь с минуты на минуту.

— А ты, гражданка начальница, не на понт ли нас берешь? — осведомилась Петровна, опуская вниз правую руку. Там, скрытый полый плаща, лежал прихваченный с алтаря длинный кинжал.

— Сейчас увидишь, — пообещала Алина, подняла повыше смартфон, так, чтобы видеть одновременно экран и не сводить взгляда с прицела, и нажала на кнопку вызова.

«Семен Опер».

Это имя помигало немного, погасло и на экране появились другие буквы: «Вызов прерван». Алина почувствовала, как сердце неприятно подпрыгнуло в груди. Она нажала снова, на этот раз поднеся трубку к уху. В динамике резко запищал сигнал: сбой связи.

— Здесь нет сети, — спокойно сказала Валерия.

Карина стремительно сорвалась с места и молча прыгнула на Алину. Та обернулась, но выстрелить не успела: медсестра сбила ее с ног и повалила на каменный пол, навалившись сверху. Проксима мигом вскочила и метнулась к Валерии, но получила в лоб мощный удар связкой ключей и безмолвно рухнула навзничь. Валерия оттолкнула налетевшую с визгом Инфанту, коротко разбежалась, как футболист, выполняющий одиннадцатиметровый удар, и с силой пнула свечу, направляя ее на ткань драпировки. Свеча взмыла в воздух, закрутилась, ударилась о портьеру, упала на пол и погасла. Валерия замерла на мгновение, шагнула к другой свече, повернулась, и успела увидеть оскал на лице Надежды Петровны, заносившей для удара кинжал.

Алина, у которой от удара о каменный пол вышибло воздух из легких, извернулась, схватила Карину за горло, но та вцепилась противнице в волосы и с силой ударила затылком об пол. В голове у Алины будто разом зазвенела сотня moskitov, в глазах потемнело. Карина вырвала у нее пистолет из руки, поднялась и увидела, как Надежда Петровна с силой вонзила острый длинный клинок в обнаженный живот Валерии. Та согнулась, открыв рот в беззвучном крике, и схватилась руками за комендантшу.

— Оп-па! — прохрипела Петровна и надавила на рукоять, как можно глубже загоняя кинжал снизу вверх.

Карина закричала и нажала на спуск. Первая пуля попала Петровне в бок, заставив ее завертеться от боли, выпустить нож и упасть; вторая угодила в голову некстати вскочившей на ноги Проксима, вновь уронив ее навзничь, а третья остановила Инфанту, кинувшуюся на Карину: та рухнула на бегу, врезалась в раскаленную бочку, упала, и котел, покачнувшись, опрокинулся, обрушив ей на плечи и голову двадцать литров кипящей воды. Алина, очнувшись от жуткого, нечеловеческого визга, обхватила Карину сзади за шею сгибом локтя, вцепилась другой рукой в запястье руки с пистолетом, и они снова упали, покотившись по полу на самом краю квадратной каменной ямы.

Боль была страшной; она пульсировала и толкалась внутри, как чудовищный, покрытый стальными шипами плод, разрывающий чрево, но Валерия усилием воли заставила себя открыть глаза, обводя взглядом поле боя, в которое превратился подвал: у стены неподвижно вытянулось долговязое тело Проксимы, ошпаренная Инфанта скулила и пыталась ползти, по полу катались, сцепившись, Алина с Кариной, а прямо напротив Валерии с трудом поднималась, растопырив кривые ноги, комендантша Виллы Боргезе. Черный халат, грубо скроенный из драпировочной ткани, распахнулся, открыв безобразное, все в красных пятнах и струпьях, бочкообразное тело с болтающимися, как сдутые бурдюки, морщинистыми грудями. Она встретила взгляд Валерии и, ослабившись, прошипела:

— Что, еще хочешь, госпожа Альтера?

Валерия сумела встать на колени. «Ты, Лерка, трусиха и плакса, — прозвучал в голове тоненький девичий голос. — Всего боишься и ничегошеньки не можешь!» Еще как могу, подумала Валерия, мотнув головой и разгоняя кровавый туман, застывший глаза. Могу. «Ну докажи, докажи, — подначивал голосок, такой знакомый и незнакомый одновременно. — Докажи, попробуй!».

Валерия сжала рукой куколку и подняла перед собой. Петровна стояла всего в двух шагах, и Альтере удалось поймать ее взгляд.

— Стоять, — негромко сказала она.

Петровна остановилась. На лице появилось удивленное выражение.

Валерия с трудом распрямилась, едва не потеряв сознание от боли, и села на пятки.

— Вот так, молодец, — сказала она комендантше. — Отойди на два шага.

Та повиновалась. Изумление на лице сменилось страхом. Валерия

сильней стиснула куколку.

— Знаешь, в чем беда твоя, Надежда Петровна? В жадности, — проговорила она. — Ты даже плащ себе из казенного материала скроила. Интересно, ткань была уже пропитана, или ты заранее себе отрез отмерила? Я думаю, что пропитана. Проверим?

Петровна открыла рот, но не сказала ни слова. В круглых глазах застыл ужас непонимания и абсолютной беспомощности.

— Возьми свечу и подойди к стене, — приказала Валерия.

Комендантша повиновалась.

— А теперь поджигай.

На физиономии Надежды Петровны отразилась борьба: она скривилась, заскрежетала зубами, закатила глаза, но рука с черной свечой поползла к черной ткани плаща.

— Поджигай, я сказала!

Комендантша заелозила спиной по драпировке, как будто пыталась отодвинуться от собственной руки, неумолимо приближающей пламя.

— Поджигай!!!

Куколка хрустнула и сломалась в руке. Надежда Петровна заорала и ткнула свечой себе в грудь. Валерия не ошиблась: пропитанная горючей смесью ткань вспыхнула, будто пух, пламя мгновенно перекинулось на драпировку и с гудением полыхнуло. Через мгновение все стены были объаты темно-красным, чадящим огнем, выжигающим из тесного помещения остатки воздуха, черный дым за клубился, как inferнальная тьма, опускаясь густым пологом от потолка к полу, яростный жар устремился в узкое отверстие вентиляции, вырываясь вверх, к далекому небу, и поджигая десятилетиями копившуюся копоть и сажу.

Горячая волна накатила, качнула, и Валерия упала лицом на толстый ковер. «Наверное, уже можно молиться», — подумала она, но не знала, как это делать.

В четырех пятидесятилитровых баллонах стремительно нагревался пропан.

* * *

— Без обид, — веско заметил Хмара, — но ты так погоришь. Вот на чем Макс погорел, на том же и ты.

— Это на чем же? — неохотно спросил Семен.

— На бабах, — назидательно ответил напарник. — Ты знаешь, как

теперь Макса прессуют из-за этой...как ее...Жанны, что ли. Ну, которая сутенерша. Конечно, о мертвых или хорошо, или ничего, но тварь была еще та.

Они сидели в машине Чекана напротив пустующего здания старой больницы уже четверть часа. Проезжали машины, спешили домой полуночники. Стекла были опущены, и салон наполняла бодрящая свежесть весенней ночи.

— Ты хоть знаешь, чего мы здесь ждем? — поинтересовался Хмара.

Семен покосился на него и в который раз пожалел, что не мог попросить Штольца поехать вместе с ним. Тот хотя бы не задавал идиотских вопросов и не резонерствовал.

— Алина попросила меня подъехать сюда и ждать, — в который раз ответил Чекан. — Она после полуночи позвонит и скажет, где именно в здании ее нужно искать.

— Какие-то ролевые игры, — хохотнул Хмара. — Говорю же, от баб все зло. Слушай, а может она из этих...как его...ну, которые лазают по заброшенным домам и по крышам? Решила с компанией сходить ночью сюда, ну, а тебя попросила подстраховать?

Чекан покачал головой.

— Нет, это на нее не похоже. Сказала, что это по делу.

— Ну да, по делу, — не унимался Хмара. — Ты сам себя слышишь? Судебно-медицинский эксперт с подружками забирается ночью в заброшенный дом и просит оперативника уголовного розыска сидеть в машине у этого самого дома и ждать ее звонка. Какое дело? От бродяг ее защищать? О, кстати, а вот и один из них!

Вдоль фасада старой больницы, прихрамывая и шатаясь, брел человек в серой куртке и вязаной шапке. Он потыкался в закрытую дверь парадного входа, постоял, и, покачиваясь, пошел в сторону двора.

— Ну точно, жилец, — прокомментировал Хмара. — Слушай, может ты сам ее наберешь? Сколько еще так сидеть?

«И в самом деле, может, позвонить самому?» — подумал Чекан. Ему было беспокойно. От черных окон старого дома, пустых, будто глазницы разложившегося трупа, веяло злом и угрозой.

Он набрал номер, послушал, и отложил телефон.

— Ну что там?

— Вне доступа, — ответил Чекан. Беспокойство усилилось.

— Прекрасно. Надо было почитать, что ли, взять что-нибудь, а то... Сёма, смотри!!!

Хмара вытаращился в сторону пустого дома. Над дальним концом его

крыши к иссиня-темному звездному небу поднимался столб густого черного дыма.

Они выскочили из машины одновременно, перебежали через проспект и устремились к боковой двери в темно-красной, покрытой пятнами плесени. Семен с размаху ударил плечом; дверь дрогнула, но устояла.

— Вызывай пожарных! — закричал он, отступил на шаг и ударил по двери ногой.

Хмара лихорадочно принялся набирать номер на телефоне. Первый удар деревянная дверь удержала, спружинив отставшим верхним слоем ветхой фанеры, но второй удар выбил хлипкий засов, и она распахнулась. Из темноты пахло удушливой сыростью и дымом. Лучи двух фонарей заплясали по стенам с обвалившейся штукатуркой, заваленным сором и ломом дверям, высветили лестничный марш, поднимающийся наверх.

— За мной!

Сумрак внутри ожил воплями, топотом ног и мельканьем теней. Оперативники выбежали в коридор второго этажа и увидели, что из открытых дверей, проемов лестниц и поперечных проходов выскакивают неясные силуэты, перекрикиваются хриплыми голосами и спешат в дальний конец коридора.

— Стоять на месте, полиция! — заорал Чекал, направляя луч света на мельтешащие во мраке фигуры и выхватывая пистолет.

— Всем стоять, не двигаться, полиция! — одновременно выкрикнул Хмара.

Ни один, ни другой не понимали, что тут творится, и не смогли бы сказать сейчас, что делать дальше, если мечущиеся в коридоре люди выполняют их приказ. Этот крик был чисто рефлекторным, продиктованный многолетним полицейским инстинктом — и, как ни странно, он подействовал. Движение замерло. Чекал перевел дыхание, поводит лучом фонаря: в коридоре было не меньше полутора десятка лохматых, оборванных, искривленных фигур. Он как раз лихорадочно пытался связать все воедино — Алина, дым, странные оборванцы — и решить, как действовать дальше, но тут застывшие неподвижно бродяги разом вдруг обернулись. Десятки глаз блеснули во тьме, как будто Семен заглянул в подземную нору с выводком хищных зверей. Снова раздался угрожающий скрежет голосов, а потом толпа пришла в движение, только бежали они теперь не в сторону от полицейских, а прямо на них, вздымая вверх руки с дрекольем, а перед ними катилась волна неопишемого, густого зловония.

— Сёма, это что за перформанс? — растерянно проговорил Хмара, отступая назад к лестнице.

Чекан не ответил и вскинул пистолет.
Ударили выстрелы.

* * *

Они расцепили объятия яростной схватки, как только первая волна злобного, жгучего жара прокатилась через подвал, и клубящийся под потолком черный дым стал опускаться вниз, словно погребальная пелена. Алина, измотанная дракой, еще не вполне понимающая, что случилось, сделала глубокий вдох — и в легкие будто засунули проволочную щетку трубочиста. Она стояла на четвереньках и пыталась откашляться, невольно снова и снова вдыхая ядовитую взвесь из сажи и газа.

На ее руку легла другая рука.

— Не дыши глубоко, — прохрипела Карина. — Лучше вообще не дыши.

Алина со скрежетом сгребла с каменного пола свой пистолет, кивнула, и они с Кариной вместе поползли вперед, как животные, чей бой не на жизнь, а на смерть, прервала беда куда горшая, чем взаимная ненависть.

Карина распласталась рядом с Валерией: та лежала на боку, поджав ноги, лицо было белым, глаза плотно прикрыты. Обе руки в последнем, неосознанном движении, стиснули засевшую в животе рукоять кинжала.

— Лера! Лера! — Карина трясла ее за плечо, схватила за руку, разжав хватку на смертоносном оружии, тянула, пытаясь то ли разбудить от смертельного сна, то ли утащить из подвала, превращающегося в огненную гробницу.

— Карина, хватит, ей не помочь! — Алина схватила лежащую рядом с Валерией связкой ключей. — Все, уходим!

Карина молча подалась вперед и прижалась лицом к обнаженной груди бывшей Альтеры, обвив ее руками в отчаянном, прощальном объятии. Алина тянула Карину к себе, гадая, что убьет их быстрее: удушье, огонь, взрыв проклятых баллонов с пропаном или все сразу.

Валерия открыла глаза.

Алина была готова поклясться, что Валерия умерла или, как минимум, находится в том состоянии, когда наступление смерти вопрос лишь технический и формальный, а сознание гаснет уже безвозвратно, и сейчас не понимала, происходит ли то, что она видит, на самом деле или у нее самой начинается бред от удушья и жара.

Раскрывшиеся глаза Валерии были чисты и блестели, как карие

звезды. Даже белки вокруг радужки не покраснели, как будто не было ни ножевого ранения, ни яростного пламени вокруг, ни черной копоти. Она слабо улыбнулась Алине и чуть заметно кивнула. Потом притянула к себе Карину и что прошептала ей на ухо. Несколько мгновений спустя ее глаза снова закрылись и рука, обнимавшая шею подруги, безжизненно упала на почерневший каменный пол рядом со сломанной куколкой.

Алина схватила Карину и с силой поволокла ее к двери. Жар становился невыносимым; Алина скинула раскалившийся, начинающий плавиться плащ и горячий воздух обжег ее голую кожу; волосы на голове начинали трещать, свиваясь в жуткие, обгоревшие кудри, и грозили вспыхнуть в любую секунду.

Они подползли к двери. На связке висело целых шесть ключей, и Алина, перед глазами у которой уже мелькали черные точки — то ли пепел, то предвестники неминуемого удушья, — а в ушах все быстрее колотился бешеный пульс, попыталась понять, какой из ключей нужный. Маленький, по-видимому, от навесного замка — в сторону, два ключа с одинарной бородкой: она бросила взгляд на дверь — замочная скважина была длинной, широкой, для другого типа ключей. Вот подходящий; Алина вдохнула обжигающий легкий воздух вместе с хлопьями сажи, поднялась и сунула ключ в замок.

Повернуть его она сумела лишь один раз: частый стук пульса в ушах превратился в кровавый гул, и Алина упала, уткнувшись лицом в горячий железный порог.

Она не слышала, как лязгает, поворачиваясь еще раз, ключ в замке, не почувствовала, как тонкие руки Карины подхватывают ее подмышками и выволакивают прочь из ревущего адского пламени.

* * *

Инквизитор ударом ноги распахнул дверь в подвал и закашлялся: черный дым вырвался ему навстречу, как злой джинн. Он отвернулся, вздохнул, вытер мгновенно выступившие на глазах слезы, и, освещая путь фонарем, нырнул в низкий каменный коридор. Желтоватый луч света дробился и плавал по дымной завесе, освещая путь не более, чем на два метра вперед. Мелькнула мысль о возвращении назад, но Инквизитор отменил ее: он пришел сюда завершить то, что начал, и отступить сейчас не собирался. Пальцы крепче стиснули рукоять молотка; он шел как можно ближе к стене, задевая погасшие, задохнувшиеся толстые свечи, освещаая

фонариком ниши, провалы за ржавыми решетками, и через десять метров луч света провалился в туманную пустоту — коридор поворачивал вправо, туда, откуда валил, становясь гуще и злее, отравленный дым.

Где-то впереди лязгнул металл, будто кто-то повернул в замке ключ. Инквизитор застыл и прислушался: звук не повторился, он снова шагнул вперед, и тут ключ повернули еще раз, раздался скрип петель, шорох, и в лицо разом ударило жаром и дымом, как будто из печной трубы, внизу которой растопили огромный камин. Мелькнула чья-то фигура; Инквизитор наставил фонарик, занес молоток, и чуть не закричал от внезапного страха: из клубящейся тьмы перед ним вынырнуло существо, в котором трудно было признать человека — космы свисали лохмотьями, на совершенно черном лице безумно сверкали глаза, обнаженное белое тело покрылось пятнами копоти, будто следами гниения. Инквизитор отшатнулся, но все же махнул молотком, целя чудовищному видению в голову, и промахнулся. Кошмарная ведьма метнулась обратно и исчезла из вида в темноте и густых клубах дыма. Инквизитор было рванулся в погоню, но наступил на что-то мягкое и едва не упал: внизу под ногами лежало еще одно обнаженное женское тело. Волосы под черной копотью были золотистого цвета.

Он быстро присел и перевернул женщину на спину. Она дышала, но была без чувств. Держа молоток наготове, Инквизитор всмотрелся в лицо, помедлил секунду, а потом решительно сунул оружие за пояс брюк, подхватил женщину на руки и понес ее вон из подвала.

Алина очнулась от ощущения долгого падения в пропасть: вернувшееся сознание за доли секунды создало подобие сна, в котором она летела, все ниже и ниже, во тьму, и вдруг упала на камни, которые разлетелись и загрохотали, как рухнувшая мебель. Она открыла глаза.

Голову сдавливала невыносимая боль, как будто череп зажали в тиски и изо всех сил закрутили. Алина лежала нагая на жестком, холодном полу, в окружении сломанных стульев, а рядом с ней, морщась и потирая колено, сидел Аркадий Романович Каль. Он увидел, что Алина открыла глаза и виновато сказал:

— Простите, я Вас уронил. Оступился. Колено травмировано.

Алина пошевелилась и попыталась сесть. Попытка отозвалась новым, жутким приступом боли и тошноты.

— Где мы? — обожженное, полное копоти горло сипело и скрежетало, как сухой наждак.

— На первом этаже, — ответил Каль. — В подвале пожар. Вы можете идти? Боюсь, мне не осилить подъем по лестнице с Вами на руках.

«Баллоны», — с ужасом пронеслось в голове. Сколько осталось до

взрыва? Минута? Секунда?

— Газ, — выдавила Алина и тут же зашлась сухим кашлем.

— Что? — переспросил Каль.

— Газовые баллоны в подвале! — Алина сама не могла разобрать своих слов, но Аркадий Романович понял. Он вытаращился на Алину, потом рывком поднял ее на руки и потащил мимо завалов из сломанной мебели к узкой лестнице, ведущей наверх.

Наверху отрывисто рывкнули выстрелы: раз, другой, третий.

— Кажется, мы тут не одни, — заметил Аркадий Романович.

* * *

На полу коридора осталось лежать несколько безжизненных тел. Остальные бродяги, едва Чекан с Хмарой открыли стрельбу, мигом брызнули в стороны, скрывшись в боковых проходах, на лестницах и в коридорах. Тьму заволакивал дым; из мрака неслись завывания, хриплые крики, всюду стучали шаги: за стенами, над потолком — насельники Виллы рассеялись по ее лабиринтам.

— Обходят, — в панике закрутил головой Хмара. — Слышишь, Сёма, обходят со всех сторон, им тут все ходы — выходы известны. Надо подкрепление вызывать, уходим!

Семен не ответил: где-то там, впереди, в пылающих каменных недрах огромного дома оставалась Алина.

— Если хочешь, иди, — процедил он и побежал вперед.

В сумраке полыхнуло короткой вспышкой и раздался гром выстрела. Пуля коротко свистнула у правого уха и с визгом срикошетила от стены. Семен мгновенно пригнулся, присел у распахнутой, покосившейся двери в какой-то большой зал и выстрелил наугад. Из мрака возникла огромная, косматая тень, шагнула вперед и Чекан увидел устрашающего вида бродягу, заросшего бородой до самых бешено вращающихся глаз. В руке у него был пистолет. Гигант увидел Семена и вскинул оружие. Два выстрела грянули одновременно. Бродяга покачнулся, получив пулю в плечо, но устоял. Чекан почувствовал, как что-то со страшной силой ударило его в грудь и бросило спиной на пол. Он попытался подняться, но не смог. В груди клокотало. Пистолет выпал из руки, и носок огромного грязного сапога отшвырнул оружие прочь.

— Я...офицер...полиции... — прохрипел Чекан.

Гигант возвышался над ним исполинской и смрадной тенью. Он

ощерил кривые, черные зубы и направил пистолет Семену в лицо.

«Тульский «Токарев», — подумал Чекан. — Откуда?..»

В следующий миг раздался удар и мокрый хруст. Бродяга качнулся, выронил пистолет, глаза закатились, как бельма, он упал на колени и завалился на бок. За ним с молотком в руке стоял человек в серой куртке и вязаной шапочке.

— Ты... — узнал Чекан.

Человек присел рядом на корточки, осторожно коснулся груди полицейского и спросил:

— Живой?

«Нет», — успел подумать Семен и провалился во тьму.

* * *

Сознание то возвращалось, то вновь затуманивалось. Алина смутно помнила длинный, заполненный дымом и людьми коридор, мелькание фонарей и крики во мраке, чьи-то руки, которые подхватили ее, понесли, потом передали кому-то другому, голос, повторявший «Прикройте, прикройте ее чем-нибудь», а потом сильный подземный толчок, такой мощный, что и тот, кто ее нес, и она сама снова упали на пол. Внизу гулко ухнуло, задрожали старые стены, послышались крики, лихорадочно замельтешили лучи, лестницы, коридоры, а потом в ее истерзанные легкие ворвался благословенный, свежий, как первый поцелуй, нежный, будто весенний цветок, прохладный живительный воздух. Вокруг мелькали огни: красные, синие, оранжевые, а позади грохотало, с вершины скалы низвергался вниз камнепад. Алина смогла обернуться и увидела, как рушится Вилла Боргезе: фасад над местом взрыва сполз вниз, словно кожа утопленника, и осел в густых клубках пыли, похожих на облако вулканического пепла; обнажившиеся перекрытия этажей искривились, просели, поперечные стены сложились, как домино, и мгновение спустя все крыло рухнуло, погребая под многотонным завалом из камня, дерева и железа объятые огнем подземелья.

Потом была машина «скорой помощи», голоса, задававшие ей вопросы, которых Алина не слышала или не понимала, сильные, умелые пальцы, натянувшие ей на лицо кислородную маску и вонзавшие в вену холодные иглы, звук сирены и писк электронных приборов. Алина закрыла глаза, на этот раз добровольно позволив беспомощности погрузить себя в темноту. Но даже если бы она не потеряла сознания, то все равно вряд ли

успела бы заметить из окна мчащейся машины высокую, светловолосую, хорошо одетую женщину с большой сумкой в руках, которая неподвижно стояла на тротуаре и смотрела, не отрываясь, как клубы дыма и пыли исчезают здание старой больницы.

* * *

1 мая, Genikeevka.ru

Сильный пожар произошел минувшей ночью на Каменноостровском проспекте в пустующем уже много лет здании, где раньше располагался городской туберкулезный диспансер. В результате пожара одно крыло старинного дома оказалось полностью разрушено, общая площадь обрушения составила не менее 500 квадратных метров. По свидетельствам очевидцев, пожару предшествовал мощный взрыв, вибрацию от которого ощутили даже жильцы окрестных домов. В МЧС факт взрыва подтвердили, высказав предположение, что его причиной могли стать газовые баллоны, оставленные рабочими несколько лет назад во время очередной попытки реконструкции здания. В ликвидации пожара принимали участие тринадцать пожарных расчетов. В течение двух часов движение по Каменноостровскому проспекту было полностью перекрыто. По некоторым данным, во время тушения пострадали несколько сотрудников пожарной охраны: свидетели утверждают, что видели отъезжающие от горящего здания кареты «скорой помощи» с включенными сиренами и световыми сигналами. Данная информация не получила пока официального подтверждения, как и сведения об обнаружении на месте происшествия нескольких множества сильно обгоревших, неопознанных трупов.

Напомним, что это уже не первый пожар, произошедший в бесхозном здании, расположенном на правительственной трассе в центре города. Ранее причинами возгорания называлось неосторожное обращение с огнем со стороны бездомных, населяющих дом, официально находящийся в ведении Фонда управления городским имуществом. Возможно, что наступление тяжелых последствий в результате происшествия этой ночи сдвинет с мертвой точки решение вопроса о приведении в порядок здания постройки середины XIX века, являющегося памятником архитектуры и исторической достопримечательностью нашего города.

1 мая, Genikeevka.ru

Авария на Приморском шоссе: этой ночью в районе поселка Лисий Нос произошло дорожно-транспортное происшествие с участием автомобиля «БМВ Х6» и грузовика МАН. По предварительной информации,двигающийся со значительным превышением скорости внедорожник выехал на полосу встречного движения и совершил лобовое столкновение с большегрузным автомобилем. В результате аварии водитель, 45-летний директор строительной фирмы, и его пассажирка, 20-летняя студентка одного из питерских ВУЗов, погибли на месте. Водитель грузовика не пострадал.

Глава 34

За окном было мокро и серо: мелкий настойчивый дождь начался рано утром, когда из отеля наверху на завтрак стали спускаться первые гости, да так и продолжался весь день, а потом и весь вечер, как будто бы перепутал октябрь и май, по ошибке войдя не в ту дверь. В городе расцвела черемуха, в меню «Френсиса Дрейка» появилась корюшка, на улице похолодало — впрочем, как всегда в эти дни в Петербурге. Истосковавшихся по утехам на лоне природы жителей города не удержали в каменных стенах ни холод, ни дождь, и вот уже больше недели как паб пустовал: все пили в загородных домах, на садовых участках, а те, у кого не было ни того, ни другого, выбирались на замусоренные берега какого-нибудь водоема, чтобы, оголив белые рыхлые телеса, жарить жирное мясо на самодельных мангалах, пить водку и пиво из пластиковых бутылок. Немногие гости, кто все же приходил по привычке вечером в паб, были печальны и казались чем-то разочарованы, будто обмануты маем, как всегда не сдержавшим обещание настоящей весны.

Дэн взял широкий бокал с толстым дном, тщательно протер его, посмотрел на свет, аккуратно влил из металлического мерного стаканчика порцию виски и поставил на темную деревянную поверхность, отполированную бесчисленными прикосновениями рукавов и ладоней. Пауль криво улыбнулся, кивнул и продолжал молча смотреть перед собой. Дэн немного потоптался рядом и пошагал к другому краю барной стойки.

— Вам повторить?

Женщина с золотистыми волосами отрицательно покачала головой. Как ее зовут? Кажется, Алина. Дэн не был уверен, что она когда-то представлялась ему, но разумеется, помнил в лицо, как и всех постоянных гостей паба, и, когда она полчаса назад вошла и села за свое обычное место, уже готовился предложить — как всегда — порцию «Джека». Но вопреки ожиданию, Алина попросила чай, и теперь сидела в странной задумчивости перед остывшим чайником и опустевшей чашкой. Лицо ее было бледным и немного осунувшимся, как будто после болезни, вокруг глаз залегли усталые тени. Что ж, видно такой уж сегодня выдался у всех день.

Кроме Алины и Пауля в пабе никого не было. Дэн уже собирался тихонько присесть на низенький стульчик в углу и почитать свежий комикс или поиграть в какую-нибудь игру на планшете, как в открытую на

мгновение дверь ворвался шум проспекта и порыв прохладного воздуха. В паб прихрамывая вошел мужчина в серой куртке и вязаной шапочке; он огляделся и сел за стойкой рядом с Алиной.

— Добрый вечер, — сказал он негромко.

— Здравствуйте, Аркадий Романович, — отозвалась Алина, не поворачивая головы, и обратилась к Дэну. — Пожалуй, вот сейчас можно и повторить: еще чайник черного чая и две чашки. Мы пересядем за столик, принесите нам туда, хорошо?

Дэн кивнул.

Алина и ее гость сели напротив друг друга за высокий стол у окна. За мокрым стеклом в серой хмари пролетали машины, подняв воротники и втянув головы в плечи, спешили прохожие, светились огни фонарей. Официантка Марина принесла свежий чай и две чашки, поставила на столе, пожелала приятного вечера и отправилась обратно за стойку, скучать и смотреть в экран телефона. Некоторое время Алина и Каль сидели молча.

— Как Ваше самочувствие? — спросил он, когда молчание затянулось.

— Спасибо, неплохо, — ответила Алина и добавила. — Хочу Вас поблагодарить. Вы спасли мне жизнь.

Аркадий Романович смущенно покачал головой.

— Что Вы, не стоит благодарности. Ведь я Ваш должник.

— Не могу понять, как Вы там оказались? — продолжала Алина. — В нужном месте и в самое нужное время?

Каль пожал плечами.

— На самом деле, ничего сложного. Немного догадок, немного везения. Видите ли, в тот раз...в последний...небезызвестная Вам некая Жанна случайно обмолвилась в ответ на мой вопрос о том, где собирается ковен: толком сказать ничего не успела, да и ситуация тогда не благоприятствовала разговорам, так что я услышал от нее одно только слово — «вилла».

— Не слишком много, чтобы строить догадки, — заметила Алина. — Это ведь могло означать что угодно: загородный дом, чью-то дачу, старинный особняк в окрестностях города...

— Ну, я же все-таки ученый, — скромно улыбнулся Аркадий Романович. — Историк. Свой ноутбук я успел взять с собой, рядом с моим временным убежищем нашелся передатчик беспроводной сети, так что я мог пользоваться поисковыми машинами в интернете. Требовалось только найти место, которое можно назвать «вилла» и которое подходит для проведения шабашей.

Алина посмотрела в окно.

— Это Санкт-Петербург, — сказала она. — Тут любое место подходит для шабашей.

— Очень тонкое замечание, — согласился Аркадий Романович. — Но тем не менее, есть ряд специфических свойств и параметров: например, наличие рядом заброшенного кладбища, а неподалеку от места, где находится здание старой больницы два столетия назад был погост Петропавловского собора — там хоронили покойников, которых невозможно было переправить с Аптекарского острова — или Березового, или Воронья Глушь, как он назывался в разное время. Де Ланкр в своих работах указывал, что шабашки часто проводятся у реки, озера или какого-либо другого водного источника — в нашем случае рядом, всего в нескольких десятках метров, протекает Малая Невка. Есть даже оскверненная домовая церковь и пораженное молнией дерево у парадного входа. Идеальное место. Ну, а когда я узнал, что в определенный период существования этого дома там располагалось развеселое заведение под названием «Вилла Боргезе», все встало на свои места. Можно было бы ограничиться, так сказать, заочным исследованием, но я решился на эксперимент и сходил туда однажды днем на разведку, и мои подозрения превратились в уверенность. Догадаться про время общего сбора на шабаш было еще проще: я был уверен, что Вальпургиеву ночь ведьмы ни при каких обстоятельствах не пропустят и непременно устроят Гранд Шабаш, так что оставалось только прийти в эту «Виллу Боргезе» после полуночи и застать разом всю их компанию, или, вернее, то, что от нее оставалось.

Алина внимательно слушала.

— Да, — кивнула она. — Действительно, звучит очень просто. Но Вы сильно рисковали: Ваш портрет украшал стены всех отделов полиции города. Повезло еще, что никто не знал о поврежденном колене, иначе стали бы проверять каждого, кто прихрамывает при ходьбе, и Вы вряд ли остались бы незамеченным, что ночью, что днем.

— Да, — улыбнулся Каль. — Мне везет.

— Что ж, значит, я благодарна еще и Вашему везению.

Каль махнул рукой.

— Право, не стоит. Я только пронес Вас немного по первому этажу, а по лестнице Вы вскарабкались сами: с моим коленом я бы не осилил подъем. Ну, и еще немного помог наверху, пока не увидел этого отвратительного громилу с пистолетом в руке...

Он помолчал и добавил:

— Неловко вышло с той девушкой, которая, кажется, и вытащила Вас из пожара. Она меня испугалась — нельзя сказать, что у нее не было для

этого оснований — и убежала куда-то вглубь подвала. Жаль, но очевидно, она погибла в завалах...

Алина посмотрела в глаза своему собеседнику.

— Удивительный Вы человек, Аркадий Романович. Деликатный такой. Я бы даже сказала, ранимый. Переживаете, что Карина погибла. Насколько я понимаю, Вы хотели убить ее молотком, разве нет? Попадись она Вам при других обстоятельствах, Вы бы замучили ее до полусмерти, а после сожгли. А теперь говорите, Вам жаль.

Каль пожал плечами. Если бы черная копоть полностью скрыла золотистые волосы сидевшей сейчас перед ним женщины, то их встреча в подвале закончилась бы одним ударом молотка. Собственно, он и присел тогда рядом с ней, чтобы добить выползшую из пламени ведьму, и можно считать чудом, что ему удалось узнать в бездыханной, покрытой сажей женщине Алину, которую до этого он видел только на фотографиях. Редкий, наверное, уникальный случай, когда фотография в интернете спасает кому-то жизнь: Инквизитор искал в интернете не только подходящее место для шабашей ведьм, но и информацию о начальнике отдела судебно-медицинской экспертизы трупов, Назаровой Алине Сергеевне, так неожиданно позвонившей ему поздним вечером, чтобы предупредить о грозящем аресте.

Аркадий Романович вздохнул, нагнул голову, а потом снова поднял взгляд на Алину.

— Почему Вы мне помогли? — спросил он. — Не думаю, что из личной симпатии или сочувствия к моей деятельности, так ведь? Я же, если честно, совершенно упустил из виду тот факт, что на обрезе ружья останется серийный номер, по которому установить владельца так же легко, как по номеру паспорта. Да если бы даже и вспомнил об этом, ничего бы не смог сделать: после падения в речку я и сам еле выбрался из машины, а потом, когда добрался домой, то находился в таком состоянии, что, скорее всего, и не пытался бы скрыться. Сидел бы и ждал, когда за мной придут. Куда мне было бежать? А Вы ведь не только предупредили, но и подсказали, где спрятаться: в той пустой квартире, на последнем этаже дома на Кировной. Так что Вы тоже, в определенном смысле, спасли мою жизнь. Но я не могу понять, почему?

— Потому что, хотя от этого и совершенно не в восторге, в этом деле мы с Вами оказались на одной стороне, — ответила Алина. — Понимаете?

Каль кивнул.

— Мне кажется, да. Но тогда еще удивительнее, как Вы поняли, что из себя представляет...так сказать...противоборствующая сторона?

— У меня есть некоторый опыт в делах, где не все можно объяснить рационально. Мне кажется, этот опыт кое-чему меня научил. Например, обращаться к источникам. После того, как на теле Лолиты (Алина чуть не сказала «избитой и задушенной Вами Лолиты», но сдержалась) нашлись следы воска и соли, я кое-что почитала: «Молот Ведьм», «Муравейник», «Историю ведьмовства»...

— Неплохой выбор для начала изучения темы, — одобрительно вставил Аркадий Романович.

— ...поэтому, когда в желудке погибшего в камере Ферта обнаружилось несколько сотен булавок, у меня не было сомнений в том, как они там оказались — пусть даже это объяснение абсолютному большинству показалось бы невероятным. Хотя лично для меня более невероятным казался бы любой сценарий, исключаяющий сверхъестественное, и предполагающий, что комок острого железа величиной с кулак мог пройти через пищевод, нисколько не повредив ни гладкую мускулатуру, ни даже слизистую оболочку. Так что у меня не было сомнений в том, с какой силой Вы вступили в борьбу. Хотя методы сомнение вызывали, и еще какое.

— Если говорить про методы, — заметил Каль, — то я пытался сообщить властям...

— Знаю, — перебила Алина. — Явились к дежурному поселкового отдела полиции под утро и протянули заявление, где написали что-то про ведьм и шабаши. Если хотите знать мое мнение, то это больше похоже на формальность, а не на реальную попытку о чем-то заявить. Можете не отвечать, я все останусь при своем мнении: на самом деле, Вы не хотели вмешательства полиции, потому что пришлось бы признаться в убийстве Лолиты.

— Я был готов признаться, — мрачно сказал Аркадий Романович. — У меня и явка с повинной была уже написана. И в последний раз, когда я уже сделал обрез, я тоже был готов сдать.

— Но не сдались ведь? Вы же историк. А история не терпит сослагательного наклонения. После этой истории с булавками я думала, как можно выйти на ковен без того, чтобы похищать и пытаться подозреваемых, и тут неожиданно они сами меня нашли. Не знаю, почему так случилось, но им явно было что-то от меня нужно, и я решила попробовать подыграть. Как видите, получилось.

— Вы серьезно рисковали.

Алина пожала плечами.

— Наверное. Но знаете...теперь я начала сомневаться в том, что эта

компания, собиравшаяся на Вилле Боргезе, действительно обладала какими-то магическими способностями. Единственное, что не поддается — почти не поддается объяснению — это смерть подозреваемого в камере следственного изолятора. Несомненно, эти женщины были убийцами: при разборе завалов на месте пожара и взрыва, в подвале, в его дальней части рядом с дренажной трубой, нашли десятки скелетированных останков. Сначала даже подумали, что ненароком раскопали старое кладбище. Но что касается потусторонних сил...не знаю, я ничего такого не ощущала.

— А Вы защищались? Использовали воск, соль и травы?

— Нет. И не собиралась. У меня просто не было для того оснований. Единственное, что я заметила, так это попытки внушения, что-то вроде трансовых техник, причем примененных довольно топорно. И все.

— Ни кошмарных снов, ни видений, ни навязчивых состояний? — недоверчиво спросил Каль.

Алина подумала о своем ощущении тревожной жути от того, что увидела на месте убийства Оксаны, о том, как иногда ей казалось, что она слышит, видит, чувствует загадочного Инквизитора; о несчастном художнике Каине и о том, как после его рассказа о таинственном заброшенном доме, в котором пропал его друг, ее интуиция не оставила и тени сомнений в том, что именно это и есть место, где собирается ведьминский ковен...Нет, обо всем этом рассказывать ни к чему.

— Ничего, — твердо сказала она.

— Как странно, — произнес Аркадий Романович, и Алине на миг показалось, что она увидела в его глазах нечто, похожее на подозрение. — Считается, что чары ведьм не действуют на тех, кто исполняет общественный долг — например, полицейских, палачей, судей, и на представителей Святой Инквизиции, хотя даже им рекомендовано защищать себя святынями...Правда, описаны некоторые случаи, когда от колдовства защищала святость, или напротив, более мощная, чем у пытающейся навести порчу ведьмы, темная сила...

— Что Вы хотите этим сказать?

— Ничего, — ответил Каль. — Извините.

И отвернулся.

Чай остыл. Вечер стал ночью. За окном почернело. Дождевые капли покрыли стекла окон сплошной сеткой оранжевых и голубых огоньков, сверкающих преломленным светом автомобильных фар и уличных фонарей. Дэн негромко разговаривал о чем-то с Паулем, уже, кажется, прилично напившимся. Официантка Марина выглянула из-за стойки, чтобы посмотреть на Алину. Та отрицательно покачала головой, и Марина

нырнула обратно в виртуальный мир телефона.

— Никто не выжил? — спросил Аркадий Романович.

— Из тех, кто был в подвале — никто, — сказала Алина. — И с опознанием трупов будут большие проблемы: огонь, взрыв, обрушение... Есть двое уцелевших из числа местных бродяг: одна совсем еще юная девушка, слабоумная, как удалось установить, сбежавшая из специального интерната; и какой-то старик, который, когда начался пожар, был у себя в каморке на верхнем этаже и успел выпрыгнуть из окна. Переломал себе кости, конечно, но остался жив.

— А молодой человек? Ну, которого подстрелил этот жуткий тип...

Алина чуть улыбнулась.

— Жить будет. Пуля пробила легкое, но сейчас уже все в порядке, идет на поправку. Кстати, передавал Вам привет. И благодарность.

Аркадий Романович снова смутился, наклонил голову и, как показалось Алине, даже немного зарделся. Она невольно посчитала в уме: бродяга, которому университетский преподаватель истории и культурологии раскроил молотком череп, был шестым по счету убитым, если не считать умершую в больнице Жанну.

— Значит, весь ковен погиб, — задумчиво произнес Каль. — Никого не осталось.

— Никого, — ответила твердо Алина. — Ваш крестовый поход завершен.

Она не стала говорить ему про Викторину; про то, что Княгини Ковена не было в тот роковой вечер в подвале Виллы Боргезе; что ее, Алины, личные попытки найти Хозяюку Есбата с использованием всех доступных средств и ресурсов, не увенчались успехом. Не стала рассказывать, что, как ей объяснили люди сведущие в этих вопросах, у Виктории Камской, бизнес-тренера, писательницы, Госпожи Примы, есть еще одна личность, исходная, оставленная в прошлом и прозябающая в неизвестности, пока две прочие ипостаси зловещей троицы пишут книги о пути к совершенству и режут младенцев на шабашах; что все документальные данные госпожи Камской — регистрация, паспорт, водительские права, университетский диплом, налоговый номер, карточка пенсионного страхования и прочее — к ее первой, настоящей личности отношения не имеют. Прима исчезла, как призрак, сбросивший маску и балахон, под которыми оказалась лишь пустота, и Алина не собиралась говорить это Инквизитору, потому сейчас собиралась сделать призраком его самого.

Она достала из сумки толстую папку и положила на стол.

— Вот, — сказала Алина. — Держите. Это Вам.

Аркадий Романович удивленно посмотрел на нее.

— Что это?

— Ваша новая личность. По официальной версии Вы погибли во время пожара в заброшенном здании: скрывались там от полиции среди бродяг и вместе с ними нашли свой печальный конец под завалами. Розыск и следствие прекращены за гибелью подозреваемого. Ваша жена уже опознала Вас в одном из до неузнаваемости изуродованных и обгоревших трупов. Вопросы с тестом на ДНК я решу.

Каль медленно раскрыл папку.

— Здесь все необходимые документы, — прокомментировала она. — Вся жизнь. Из старого — только фотография с прежнего паспорта и имя: я попросила по возможности его не менять, чтобы не пришлось привыкать к новому.

— Майзель Аркадий Леонидович, — прочел Каль и посмотрел на Алину. — Это что, я? Неужели я похож на Майзеля?

— Вылитый, — заверила Алина.

— Не знаю, что и сказать... Но как?..

— У меня есть хорошие связи, — сказала Алина.

И, конечно же, не стала уточнять, что теперь должна Кардиналу весомую «дружескую услугу» — а в том, что тот не забудет напомнить о долге, Алина не сомневалась.

— И что мне теперь с этим делать?

— Жить, — пожала плечами Алина. — Мне кажется, именно это от Вас и требуется.

— Я полагал, что, напротив, должен умереть, — задумчиво произнес Каль. — Если честно, то уже обдумывал способ, как...как уйти. Ждал только этой нашей встречи, и то, потому только, что Вы попросили.

— Вы могли умереть уже несколько раз, — сказала Алина, — и остались в живых только чудом. Я считаю, что нельзя задолжать Богу смерть — он может призвать нас к себе, когда Ему будет угодно. Но можно задолжать жизнь, достойную жизнь, понимаете? Достойную и счастливую. Я не знаю — да и знать не хочу — почему Вы взяли за молоток, но думаю, проблема в том, что Вы слишком зациклились на своем недовольстве окружающим миром, на брюзжании, ворчании, и возмущении тем, что происходит вокруг, а стоило бы заняться собой. Вы все равно не измените ничего из того, что Вас так возмущает, по крайней мере, теми методами, к которым Вы решили прибегнуть. Ничего. И я думаю, что вы это понимаете. Для всех Вы всего лишь очередной спятивший серийный убийца, маньяк, да еще и с опасной идеологией, угрожающей

гуманистическим ценностям. И глубоко несчастный человек при этом.

— Так что же делать? — снова повторил Каль, глядя невидящим взглядом в раскрытую папку.

— Постараться стать другим. Счастливым, к примеру. Говорят, что к таким людям тянутся. А вокруг некоторых, счастливых по-настоящему, даже спасаются тысячи.

Каль кивнул.

— «Стяжи дух мирный...», да, я помню.

— Ну вот. Почему бы не попытаться? Поезжайте куда-нибудь в тихий город, в провинцию. Устройтесь работать — в школу, например. Воспитывайте и учите детей, по мере сил и возможности. Женитесь, в конце концов, еще раз. И перестаньте себя мучить. Может быть, отпадет необходимость мучить других.

Некоторое время они сидели молча. Потом Каль расстегнул куртку и вытащил из-под нее какой-то сверток, замотанный в полиэтиленовый пакет.

— Вот, чуть не забыл. У меня тоже для Вас кое-что есть.

Сверток лег на стол с тяжелым металлическим стуком.

— Что это? — спросила Алина.

— Ваш пистолет, — ответил Каль. — Я его подобрал там, на Вилле.

— Очень мило. Спасибо.

Он встал, застегнул куртку, сунул папку подмышку, повернулся было, чтобы уйти, но обернулся и хлопнул по лбу ладонью.

— Чуть не забыл! Не знаю, имеет ли это значение, но... В той квартире, где я скрывался, был кто-то еще.

Алина замерла.

— В каком смысле?

— Кто-то приходил туда ночью. Я слышал, как открывается и закрывается дверь, очень тихо, почти бесшумно. Сперва я решил, что это ко мне: у меня бывают, точнее, бывали, несколько необычные ночные гости, поэтому просто лежал на кровати и ждал. Потом услышал шаги, осторожные и очень легкие, и увидел сквозь веки чью-то фигуру в проеме двери, довольно высокую и, как мне показалось, мужскую. Человек постоял немного, посмотрел на меня, а потом вышел и прошел дальше по коридору — Вы, наверное, знаете, в той квартире много комнат. И все. Дверь больше не открывалась, или я просто уснул и не слышал, но утром никого, кроме меня, там уже не было.

Алина молча кивнула. Каль внимательно посмотрел на нее, слегка улыбнулся и произнес:

— До свидания, Алина Сергеевна. И спасибо еще раз за все.

— Прощайте, Аркадий Романович. И будьте счастливы.

— Я постараюсь.

Он слегка поклонился и, прихрамывая, вышел из зала. Через секунду Алина услышала, как открылась и снова закрылась дверь паба. Вот и все.

Почему-то ей стало грустно.

Она запихнула сверток с пистолетом в сумку и пересела обратно за стойку. Дэн посмотрел в ее сторону.

— Еще чаю?

Алина покачала головой и усмехнулась.

— Нет, Денис. Сейчас, пожалуй, можно и выпить.

Будьте счастливы. Разберитесь в себе. Перестаньте самого себя мучить.

Нет ничего сложнее, чем следовать тем советам, которые так уверенно даешь другим.

* * *

Напиваться Алина не собиралась, да и не напилась вовсе, но тем не менее, когда Пауль предложил выпить «за любовь», она к этому тосту присоединилась. В конце концов, что тут такого? Дэн, заметно приободрившийся, тоже налил себе виски, объявив, что следующая порция для всех — за счет заведения. В паб так больше никто и не пришел, время перевалило за полночь и катилось дальше, как с горки, и все происходящее стало напоминать веселый междусобойчик старых знакомых, коротающих ночь в приятной компании. За первым тостом тут же последовал другой, тоже за любовь, но, как уточнил Пауль, «первую, единственную и настоящую».

— А бывает ненастоящая? — поинтересовалась Алина.

— Ну, как сказать, — задумался Пауль. Свой виски он махнул залпом и, похоже, уже не ощущал ни крепости, ни вкуса. — Конечно, любовь — это эмоциональное состояние души в данный момент. То есть если я говорю, что люблю, то так оно и есть, сегодня, сейчас, на данный момент. Вот, к примеру, сейчас я чувствую, что влюбляюсь в тебя.

— Не надо, — предостерегла Алина. — Это не к добру.

— Шучу! — засмеялся Пауль и кивнул Дэну, с готовностью плеснувшего в стаканы еще немного янтарного напитка. — Я говорю про то, что со временем все мельчает, понимаете? Тускнеет. Блекнет. Теряется искренность, радость уходит какая-то... Вот, погода, например. Видите?

Все посмотрели в окно. Там были мрак и дождь.

— Это май, — сообщил Пауль. — А теперь вспомните май во времена своего детства. Я на сто процентов уверен, что там, в воспоминаниях, будет солнце, синее небо, деревья — красивые такие, все в свежей молодой листве... И так со всем, что ни возьми. И с любовью. С первым поцелуем: его никогда не забудешь, а все, что происходит потом, это только попытки вернуть себе ощущение невероятного счастья, которое испытывал в первый раз. Да что там поцелуй! Первое прикосновение к руке, вот просто, когда взял девочку за руку. Этого чувства уже не вернешь, никогда. В нем больше счастья, чем во всех последующих годах занятий сексом.

— Протестую! — подал голос Дэн. — В сексе счастья больше.

— Ты так говоришь, потому что молодой еще, — назидательно произнес Пауль. — А я старый. Мне уже, между прочим, за сорок. Кстати, вот скажи, я выгляжу на свой возраст?

Алина подумала, что сейчас, во втором часу ночи и после длительных возлияний, Пауль выглядит даже старше, но дипломатично ответила:

— Нет, конечно! Ничего себе, сорок — я бы больше тридцати не дала!

Пауль довольно улыбнулся.

— Вот! Это потому, что я молод душой. Я все еще там, где солнце, небо, и первая любовь...

Впрочем, воспоминания о первой любви были, видимо, не слишком радостными: Пауль замолчал и изобразил на лице лирическую грусть.

— А кто был твоей первой любовью? — решила поддержать разговор Алина.

— Девочка одна, — ответил Пауль, не раздумывая. — Лера. Из нашего двора. Такая милая... я даже записки ей писал, когда летом уезжал на дачу. А потом мы с родителями переехали, как раз перед тем, как я в школу пошел, и все, больше не виделись.

Он помолчал и печально добавил:

— Но, если честно, в последние месяцы мы уже с ней не общались.

— Почему? — сочувственно спросила Алина.

Пауль помрачнел.

— У нее подруга была. Вика. Ты еще стерва. Я понимаю, конечно, что нам всем было по семь лет, и не очень хорошо так говорить о маленькой девочке, но стерва — она и есть стерва. Белобрысая.

Лера и Вика. Алина почувствовала, как сильнее заколотилось сердце, выгоняя из головы хмель.

— И что случилось? — осторожно спросила она. — Что такое эта Вика сделала? Поссорила вас?

— Можно и так сказать, — набычился Пауль. — Но нет. Она просто Лерку изменила, понимаешь? Та всегда была добрая девчонка, покладистая. Ну, а Вика этим пользовалась, как говорится, влияла на нее, постоянно впутывала во что-то. Один раз, например, потащила за собой в пустой дом — рядом с нашим двором был один такой, деревянный. Не очень хорошее место. Мне еще моя прабабушка рассказывала, что там какая-то старуха жила, вроде ведьмы, и когда та умирала, к ней даже «скорая помощь» не приехала, то ли боялись, то ли еще что. Старуха эта, говорят, кричала три дня так, что от страха поседеть можно было, а округе все животные попрятались, кто куда. В общем, жуткая история. Ну, я это все рассказал Лере, или не совсем это, может, придумал что-то от себя, но просто так, для интереса. А Вика рядом была и стала Лерке говорить: пойдём в тот дом, посмотрим. Ну та и согласилась. И все, с тех пор как подменили: не играла больше со мной, не разговаривала, не подходила даже. Только с этой Викторией ходили вдвоем и постоянно таскали с собой всякую дрянь, которую в том доме нашли. Я попросил как-то посмотреть, так они на меня наорали.

— А какую дрянь они с собой таскали?

Остатки алкогольных паров выветрились из головы окончательно.

— У Вики, вроде бы, что-то вроде иголки было, а у Лерки — куколка маленькая, в белом платье, на елочную игрушку похожа. И знаешь, что? Ерунда, конечно, но я помню, что меня эти вещи пугали. До дрожи.

Дэн собирался было подлить Паулю еще виски, но Алина остановила его решительным жестом.

— Пауль, ты же помнишь, где эти девочки жили, Лера и Вика?

— Конечно, — гордо ответил Пауль. — У меня вообще отличная память. Я прямо сейчас могу начать стихи читать наизусть и продолжать минут сорок, хочешь? Вот, слушай: «Я не знаю, зачем, ты вошла в этот дом...»

— Пауль, давай стихи потом, хорошо? — ласково попросила Алина. — Соберись, пожалуйста, и адрес вспомни, можешь?

— Могу, конечно. Я все помню. Только вот лица не очень. И еще забыл фамилию Леры. Так обидно. Вот Вики этой, поганой, фамилию помню, а Леры — забыл. Наверное, потому, что у Леры была какая-то обычная фамилия, нормальная: Семенова...или Спиридонова...или Свиридова...нет, не вспомнить. А у Вики и фамилия была дурацкая, как и она сама. Вештица. Представляешь?

Через две минуты Алина записала эту фамилию в блокнот рядом с продиктованными Паулем, с трудом и по слогам, адресами.

Виктория Вештица. Будем знакомы, госпожа Прима.

Пауль уже с трудом сохранял равновесие на барном стуле. Алина рассчиталась и положила на стойку перед Дэном купюру в пятьсот рублей:

— Будь другом, не выпускай его в таком виде на улицу. Вызови такси.

Дэн понимающе кивнул.

— Сделаем.

— Было очень приятно, спасибо за общение! — сказала на прощанье Алина. Пауль повернулся, моргнул и полез во внутренний карман пиджака.

— Вот, возьми, вдруг пригодится, — он протянул Алине визитку.

Она взяла маленький черный прямоугольник из будто резиновой на ощупь бумаги, на которой серебряными буквами было выведено: «ПАВЕЛ ОБЛЕЦКИЙ. Праздники, концерты, реклама».

— Знаешь, Павел Облецкий, — сказала Алина, — думаю, ты сегодня поставил точку в одной очень старой истории.

* * *

Вокруг Примы была пустота. Впервые в жизни она оказалась не просто в одиночестве, а в каком-то абсолютном, катастрофическом вакууме, словно окружающий мир и все, что его составляет — люди, события, звуки, голоса, движения — разом исчезли. Она чувствовала себя так, как, должно быть, чувствовал бы себя космонавт, оторванный от орбитальной станции и запертый в своем тесном спасательном модуле, летящем куда-то в безмолвном межзвездном пространстве. Для Виктории таким модулем стали ее квартира, парадная и подzemелье: последние восемь дней она не выходила за порог дома, ни с кем не общалась, никого не слышала, не занималась ничем и только обреченно ждала конца, как затерявшийся в космосе астронавт ждет, когда в его капсуле кончится воздух.

Телефоны молчали — даже из Университета почему-то никто не звонил, хотя на работе Виктория не появлялась; ни Валерия, ни остальные сестры не давали о себе знать, видимо, сгинув в огне под завалами старой больницы. Еще страшнее было то, что от Бабушки тоже не было ни вестей, ни посланий. Возвращаясь домой в обернувшуюся кошмаром праздничную ночь Белтайна, Виктория боялась неминуемого наказания, кары, куда более жестокой и немилосердной, чем та, которой она недавно подверглась. Но не было ничего: ни жутких инкубов, ни самой Бабушки, пышущей злобой и гневом, ни снов, ни видений. На третий день, преодолев страх, Виктория

спустилась в подвальную крипту и попыталась настроиться на ментальную связь со старой ведьмой, но и тут ничего не вышло: она только просидела три часа на холодных булыжниках пола, закрыв глаза и едва не уснув под конец — не Госпожа Прима, Княгиня Ковена, Хозяйка Шабаша, взывающая к своей патронессе в потаенном святилище, а женщина средних лет в заваленном хламом и сором подвале, зачем-то сидящая рядом с открытым люком в полу, из которого тянет плесенью и вонью стоячей воды.

Мысль о том, что ее бросили, лишили силы, покинули навсегда, предоставив самой себе, была слишком чудовищной, чтобы в нее поверить. Виктория сказала себе, что все это временно и скоро пройдет, а потом поднялась наверх, вошла в спальню, спряталась под одеяло и пролежала так весь вечер и всю ночь до утра.

Хуже пустоты вокруг и одиночества было только неведение и полное непонимание, что делать дальше. Ни разу за тридцать пять лет Виктория не оставалась без помощи и поддержки Бабушки или Леры, и теперь совсем растерялась. Она пыталась рассуждать логически: Госпоже Приме пришел конец; Виктории Камской тоже, ибо вряд ли она как ни в чем ни бывало сможет дальше жить так, как жила. Очевидно, весь ковен и Виллу Боргезе погубил Инквизитор, а значит, он знал достаточно, чтобы выследить и уничтожить всех прямо в их цитадели, которую они считали надежно скрытой и неприступной. Сама Виктория спаслась только благодаря счастливому случаю, а точнее, хамству и невоздержанности ныне покойного водителя черного «БМВ», но вряд ли стоит снова рассчитывать на везение, когда Инквизитор явится по ее душу — а в том, что он придет за ней рано или поздно, сомнений не возникало. Значит, нужно бежать: снова стать Викторией Вештицей, вытащив из забвения эту первую, настоящую личность, взять все наличные деньги, припрятанные в сейфе у нее под кроватью, и уехать подальше, в другой город, а может быть, и страну. План отличный, но имелся один нюанс. Для того, чтобы его воплотить, нужно было выйти из дома.

А она не могла это сделать.

За стенами квартиры, во внешнем, враждебном мире, ее поджидали враги: зловещий, решительный Инквизитор с окровавленным молотком и канистрой бензина в руках; полицейские с подозрительным прищуром и стальными наручниками, желающие задать ей вопросы о скелетах в подвале старой больницы и собственноручно заколотых ею младенцах; мрачные линчеватели, бродящие группами по улицам и проспектам в поисках Хозяйки Шабаша и горящие жаждой расправы. Нет, выходить ей нельзя. И Виктория оставалась в квартире, за закрытой дверью и плотно

задернутыми шторами, в полумраке, а в последние четыре дня и в тишине: голоса в телевизоре стали ее почему-то пугать, и к тому же, мешали прислушиваться — вдруг на лестнице раздадутся шаги или залязгают отмычки в замочной скважине.

На восьмой день Виктория не узнала себя в отражении: из подернутого легкой патиной старинного зеркала на нее посмотрела исхудавшая, бледная женщина с растрепанными волосами и затравленным взглядом покрасневших глаз.

Дальше так продолжаться не может. Она снова спустится в крипту и будет сидеть там, пока Бабушка не отзовется и не скажет, как ей быть дальше — и неважно, сколько времени это займет. Виктория решительно прошла в спальню, надела черное платье, причесалась, прихватила с собой булавку с цветочной головкой и вышла за дверь.

На лестнице было тихо. Она крадучись, осторожно, сошла по ступеням, замирая при каждом шорохе, стуке, звуках голоса из соседних квартир, и открыла висячий замок на первой подвальной двери. Миновала первую, низкую темную комнату с бесформенной кучей тряпья на широкой лежанке, прошла по узкому коридору мимо влажных, сочащихся горячей испариной труб, и спустилась в прохладную тьму.

В крипте все оставалось как прежде: запах плесени и затхлого воздуха, грибы и сухие стебли растений в углах, ножи, ленты, веревки, бумага и куклы на деревянных полках. Сейчас это все уже не казалось колдовским антуражем, а было больше похоже на простой старый хлам, собранный кое-как бродягами на помойке. Виктория подняла тяжелую круглую решетку, открыла отверстие люка и села, повернувшись спиной к двери и поставив рядом с собой жестяной сундучок. Закрыла глаза, сосредоточилась, пытаясь услышать Бабушкин голос. Ничего. Ни звука, ни даже слабого плеска внизу. Тишина.

Не беда, она подождет. Виктория откинула крышку сундучка и достала черную записную книжку. Надо было догадаться об этом раньше: обычно в книжке всегда находилось заклятие или рецепт, подходящие к конкретному случаю. Может быть, если Бабушка не хочет с ней говорить, ей удастся найти какую-то подсказку?

Она открыла обложку, непонимающе уставилась внутрь, пролистала несколько страниц, пробежала их взглядом и застонала.

Ветхие листы в записной книжке были покрыты неразборчивыми каракулями, совсем как тогда, тридцать пять лет назад, когда солнечным июньским днем они с Лерой впервые рассматривали содержимое найденного сундучка. Виктория принялась лихорадочно переверачивать

страницы: пару раз ей казалось, что она видит знакомые слова или буквы, но стоило задержать на них взгляд, как они становились какими-то закорючками и нечитаемыми, бессмысленными иероглифами. Она пролистала книжку от корки до корки, раз, другой, третий. Бесполезно: аккуратный, убористый почерк окончательно превратился в белиберду, нацарапанную на желтой бумаге химическим карандашом, чернила которого местами расплылись в неопрятные кляксы.

Издали донесся негромкий, ритмичный звук: кто-то осторожно спускался по железным ступеням лестницы сюда, вниз, к дверям крипты. Виктория сидела, не двигаясь, и считала: девять, десять, одиннадцать... Вот и тринадцатая, последняя ступенька. Шаги проскрипели по земляному полу и приблизились к железной двери.

Как это будет? Может, сразу удар молотком? Или все-таки будет сначала пытаться, а потом сожжет заживо? Интересно, если она скажет Инквизитору все, что тот потребует, он задушит ее перед сожжением, как Шанель?

Дверь открылась с легким, простуженным скрипом. Шаги зазвучали по бульжникам крипты — слишком легкие и звонкие для мужчины. Виктория продолжала сидеть неподвижно.

— Привет, — прозвучал знакомый женский голос.

— Привет, — ответила Виктория и все-таки повернулась.

Алина вошла и встала у стены слева, рядом с полками и высокой вазой, из которой торчали болезненно яркие, неживые цветы. Взгляд зеленых глаз был внимательный и спокойный. В согнутой правой руке Алина держала небольшой пистолет и ствол его был направлен на Приму.

— Как дела? — поинтересовалась Алина.

— Бывало и получше, — ответила Виктория, и добавила, — Хорошо выглядишь.

— Спасибо, — вежливо отозвалась Алина. — К сожалению, не могу сказать того же и о тебе.

Прима криво усмехнулась.

— Как ты сюда вошла?

Алина вынула из кармана левую руку и покачала связкой ключей.

— Взяла у Леры. К твоей квартире они не подходят, зато один из них открывает навесной замок на первой двери в подвал.

— А где сама Лера?

— Погибла, — сказала Алина. — Как и все остальные.

Виктория кивнула, отвернулась и стала смотреть перед собой, в черноту круглого отверстия открытого люка.

— Значит, это ты... — задумчиво произнесла она.

— Нет, не я. Кстати, если ты про Инквизитора, то его тоже больше нет. Прима удивленно воззрилась на Алину.

— Тогда зачем ты пришла? Судя по пистолету, явно не просто так, поболтать.

— Я пришла за тобой. Не люблю незаконченных дел.

— Убьешь меня? — любопытно спросила Виктория.

Алина покачала головой.

— Вообще, план был другой. Согласно ему, мы сейчас выйдем отсюда, поднимемся и поедem в полицию, где ты подробно и обстоятельно опишешь все то, что может заинтересовать органы правопорядка. Получится много, я понимаю, но времени у тебя будет достаточно. Могу подсказать некоторые ключевые моменты сюжета: например, происхождение скелетов в подвале старой больницы, или высокая младенческая смертность и оформленные с нарушениями отказы от новорожденных в больнице, где работала Лера. Можно даже добавить внезапную смерть предыдущей хозяйки твоей квартиры и ее сына.

— Мне не очень нравится этот план, — сообщила Виктория. — И что будет, если я никуда с тобой не пойду?

— У тебя нет выбора. Не хотелось бы усложнять, но боюсь, что тогда мне придется прострелить тебе ноги. Или выстрелить в голову: резиновая пуля тебя не убьет, но точно вырубит на какое-то время. Конечно, тащить тебя отсюда волоком будет непросто, но я как-нибудь справлюсь.

Виктория вздохнула и посмотрела Алине в глаза.

— Послушай, зачем тебе это нужно? Мне кажется, мы вполне могли бы поладить, разве нет? Жаль, конечно, что девчонки погибли, но ведь можно начать все заново, вдвоем, ты и я, что скажешь? Подожди, подожди, не отказывайся, ты просто не представляешь, какие у нас будут возможности!

— Я все очень хорошо представляю, — отрезала Алина.

— Ну ладно, тебя, наверное, смущает ритуальная часть, да? Ну, давай обойдемся без этого, я сама все буду делать! Главное — то, что ты сможешь с моей помощью получить. Помнишь, ты говорила про этого...как его... твоего кавалера?

— Он мне не кавалер.

— Да неважно! Но ты же хотела его вернуть! Я могу это сделать для тебя, или даже ещё лучше: научу, как ты сможешь сама все сделать, это просто, не успеешь оглянуться, как он сам позвонит, вот увидишь! Пойми, в моей власти дать тебе...

— Вика, хватит, — оборвала Алина. — Посмотри на себя, о какой власти ты говоришь?

— О настоящей! — воскликнула Прима. — О власти и силе, которая уже в тебе есть...

Она осеклась и замолчала. «В ней сила», — вспомнила она слова Бабушки. В ней сила.

В одно мгновение все встало на свои места: и молчание старой карги, и утрата собственных сил, и каракули в записной книжке, в которые превратились прежде так хорошо различимые молитвы и заклинания. Вот, значит, в чем дело! Как же она сразу не догадалась! Виктория почувствовала, как откуда-то снизу на нее накатывает волна мрачной, убийственной ярости. Она вскочила, злобно прищурилась и прошептала:

— Я поняла! Ах ты, дрянь...

Она сжала кулаки и шагнула к Алине. Та попятилась, натолкнувшись спиной на деревянную полку, с которой скатилась и упала вниз безглазая кукла. Щелкнул взведенный курок.

— Я буду стрелять, — предупредила Алина.

Виктория не услышала: в голове гудела неистовым смерчем черная злоба.

— Сука рыжая, — шипела Прима, раскачивая головой, будто разъяренная кобра, и наступая. — Решила занять мое место? Захотела все отобрать, да? Перебила сестер, сожгла Виллу, а теперь взялась за меня?! Что тебе Бабушка пообещала?! Собственный ковен?!

В глазах Примы, лихорадочно блестевших сквозь упавшие на лицо, спутанные светлые волосы, Алина увидела неистовое, абсолютное сумасшествие. Виктория завопила, вскинула руку с зажатым между пальцев блестящим острием длинной булавки и резко вытянула ее в сторону Алины.

Несколько секунд они стояли неподвижно напротив друг друга: одна с пистолетом, другая с булавкой в выпрямленной, дрожащей руке.

Откуда-то издали донесся звонкий звук упавшей на камень капли воды.

— Не получилось, — сочувственно констатировала Алина. — Попробуй еще раз.

Виктория выкрикнула что-то похожее на неразборчивое ругательство и снова ткнула булавкой.

Алина продолжала стоять на месте.

— Вика, — сказала она. — Ты совсем спятила.

Прима завyla, завертелась на месте, размахивая руками, как будто

вступив в схватку с незримым врагом, покачнулась и угодила ногой в отверстие открытого люка. Секунду она балансировала на краю, а потом упала, ударившись затылком о каменный пол. Алина одним прыжком оказалась рядом. Виктория застряла в круглой дыре, как будто неловко уселась на стульчак в деревенском сортире: голые ноги торчали вверх и в стороны из-под задравшегося, отчаянно мотающаяся голова упиралась в каменный пол, а пальца скользили по гладким булыжникам, тщетно пытаясь найти точку опоры. Задремал и опрокинулся задетый рукой жестяной сундучок; деревянный фасциум, старое зеркало, записная книжка, монетки, спичечный коробок посыпались в темную щель между краем отверстия и застрявшей в нем, судорожно бьющейся женщиной.

— Держись! — Алина нагнулась и потянулась к Виктории, но та дернулась, провалившись чуть глубже, и заорала. Голубые глаза округлились от ужаса. Тело Примы сложилось почти пополам, лицо прижалось к коленям, руки взметнулись, и она провалилась вниз, мгновенно исчезнув в непроницаемой тьме. Алине почудилось, что она на мгновение увидела две безобразные, распухшие руки, обхватившие талию ведьмы и утянувшие туда, где во мраке сырых подземелий застыли гнилые воды и зловонная грязь не живой, и не мертвой реки. Послышался густой, липкий всплеск, как будто лопнул болотный пузырь, и все стихло.

Алина молча стояла перед разверстым круглым отверстием в булыжном полу. Потом наклонилась, с усилием подняла железную, в пятнах ржавчины круглую крышку и с лязгом установила на место. На полу что-то тускло блеснуло. Булавка с головкой в виде цветка аконита лежала у самого края люка. Алина осторожно поддела ее носком туфли и сбросила вниз сквозь решетку. Обвела взглядом крипту, погасила лампочку под потолком, вышла и заперла железную дверь.

Дождь кончился, и омытый от духоты города влажный воздух был чистым, живым и бодрящим. Рваные облака в темном небе спешили за горизонт, как остатки разбитого воинства, открыв торжествующе мерцавшие звезды. Алина посмотрела наверх, вдохнула поглубже и улыбнулась.

В нагрудном кармане заерзал, вибрируя, и запел мелодичным звонком телефон. Алина вытащила аппарат: высветившийся на экране номер был ей незнаком.

— Я слушаю, — сказала она, рассеянно глядя в небо: обрывки туч, темные пространства и звезды.

— Алина привет. Это я.

Голос Гронского донесся издали, как будто с одной из невидимых

глазу планет.

— Привет, — отозвалась Алина.

В динамике зашуршали помехи. Наверное, пролетающий метеорит или комета нарушили хрупкую связь.

— Прости, что так долго не давал о себе знать. Был несколько занят. Мне нужна твоя помощь, мы можем встретиться?

Алина молчала, по-прежнему улыбаясь.

— Алина, ты тут? По-моему, что-то со связью...Алло! Ты меня слышишь?

Она опустила глаза и вздохнула.

— Да. Конечно, я тебя слышу.

ЭПИЛОГ.

Полустанок возникает на мгновение и пропадает во тьме: блестящая от дождя платформа, деревянный павильон с фонарем, пустая скамейка — как чья-то забытая, недожитая жизнь. Карина смотрит в окно, как исчезает во мраке пятно теплого золотистого света.

— Не заметили, что это была за станция? — спрашивает сидящий напротив мужчина.

— Нет, — отвечает она. — Не успела разглядеть.

Карина отодвигается от окна и откидывается на мягкую спинку над полкой, наслаждаясь уютным теплом и полумраком купе. Пахнет бельевой пылью, холодной едой, а еще разогретым железом и дымом от растопленного проводником бака с кипятком в коридоре. За мокрым стеклом в темноте извивается рваными силуэтами лес — черным на фоне темного неба. Иногда он расступается на минуту — другую, и тогда становятся видны поля до самого горизонта, пустыри с одинокими избами или целая деревенька, похожая на стаю сбившихся в кучку испуганных светлячков. Монотонный, ритмичный стук колес успокаивает, как деликатное седативное средство; с каждой минутой поезд все дальше уносит Карину от города, оставшегося позади, в холодной мгле и тумане, похожего на исполинского, потустороннего монстра, от которого ей удалось убежать. Карина чувствует, что может даже уснуть, спокойно и крепко, впервые за долгое время.

Мощный взрыв, положивший конец inferнальной Вилле Боргезе, застал ее в дренажной трубе, на половине пути к темным спасительным водам Малой Невки. Узкий лаз уже шел под уклон, и Карина пробиралась на четвереньках сквозь стусившиеся миазмы гнили и сырости в доходившей уже до локтей холодной маслянистой воде, когда позади ухнуло, гулко и страшно, и облако едкой пыли, ворвавшись в трубу, накрыло ее с головой. Со скрежетом сдвинулись камни и плиты, вода колыхнулась, и Карина подумала, что низкий сырой потолок сейчас похоронит ее здесь, в подземной безмолвной могиле. Но труба устояла; Карина, раздирая ладони, колени и локти, ползла все быстрее и дальше, пока вода не заполнила трубу полностью. Тогда она сделала вдох и нырнула, наощупь определяя путь среди осклизлых камней и молясь, чтобы решетка, закрывавшая вход со стороны речки, оказалась открыта.

Через минуту Карина уже вынырнула на поверхность, жадно хватая

ртом воздух, и, загребая руками, поплыла к низкой набережной — всего несколько метров, совсем близко, а в черной глади реки дрожали оранжево-красные отблески бушующего неподалеку пожара.

Весь следующий день она пролежала на койке в своей комнате в общежитии, а еще через день пришла на работу и подала заявление об уходе, попросив, в качестве исключения, о возможности не отрабатывать положенные две недели. Ее уговаривали, предлагали отпуск, отгулы, удобный график, даже повышение зарплаты — но уговорили только на то, чтобы Карина отработала перед уходом хотя бы несколько дней. Она согласилась, но лишь из чувства ответственности перед больными и уважения к главврачу: Арсений Виленович Отченаш всегда был добр к ней, почти как отец.

Николай, к удивлению всех, внезапно пошел на поправку и его перевели в другую палату. Карина видела его еще два или три — он смотрел провинившимся псом, пытался ей что-то сказать, но она его остановила: все, что нужно, уже было сказано ночью, когда Карина в последний раз зажигала черную свечку.

Через неделю Карина собрала в одну сумку все свои вещи, сдала ключ от комнаты и отправилась на вокзал. Она не выбирала, куда ехать, просто взяла билет в один конец на ближайший поезд, идущий в небольшой тихий город за три с лишним сотни километров от Петербурга.

Карина впервые в жизни уезжала так далеко. И впервые надолго. «Навсегда», — повторяла она про себя, чтобы свыкнуться с мыслью. Навсегда.

В поезде было все непривычным, и поначалу ей стало страшно. Карина уселась на нижнюю полку, выпрямив спину, и вцепившись в ручки своей большой сумки, которую взгромоздила себе на колени. Она так и сидела, когда проводник попросил провожающих выйти, поезд первый раз, как будто разминаясь перед дорогой, лязгнул вагонными сцепками, а дверь в купе вдруг открылась и внутрь вошел какой-то мужчина.

Карина напряглась еще больше, так, что заболели мышцы спины, а пальцы на сумке побелели от напряжения. Она не рассчитывала оказаться в тесном купе один на один с незнакомым мужчиной. Да что там: более, чем за десять лет, она вообще первый раз оказалась с каким бы то ни было мужчиной так близко, в общем пространстве, за запертой дверью, и первым ее побуждением было встать и уйти, но Карина подумала, что будет выглядеть глупо; к тому же там, в ее новой жизни, ей, возможно, придется привыкнуть и к новому образу поведения. На всякий случай Карина сделала строгое лицо, чтобы незнакомец не вздумал начать с ней

знакомиться. Конечно, она далека от образа легкодоступной девицы или роковой соблазнительницы: темные волосы гладко расчесаны на пробор и забраны в хвост, и без того тонкие губы поджаты, взгляд серьезный, длинный носик торчит, будто клюв, простая бежевая блузка под пиджаком застегнута до самого ворота — но мало ли, какие могут встретиться извращенцы. Может, он сексуальный маньяк или вовсе, серийный убийца?

Мужчина тем временем поздоровался, улыбнулся Карине, повесил на вешалку серую куртку, оставшись только в белой рубашке с длинными рукавами, поставил на багажную полку объемную дорожную сумку и уселся напротив. Его лицо показалось ей смутно знакомым, но Карина решила, что причиной тому полумрак, а может быть, лицо незнакомца было просто похоже на множество других лиц: спокойное, гладко выбритое, интеллигентное, с высоким лбом, переходящим в гладко выбритый череп. Мужчина достал из портфеля толстую книжку, еще раз слегка улыбнулся попутчице и погрузился в чтение.

Карина немного расслабилась. Поезд вздрогнул и тронулся с места. За окном понемногу сгущались тихие сумерки. Она подумала, убрала с колен сумку и тоже стащила пиджак. Взять книгу в дорогу Карина забыла и стала смотреть, как проползают мимо кирпичные стены, заросшие травой и деревьями развалившиеся корпуса каких-то заводов и складов, ангары, мосты и дороги, а потом, все быстрее и быстрее, проносятся пригородные поселки. В свои почти двадцать семь она чувствовала себя девчонкой, едва закончившей школу и впервые пустившейся в дальний путь, в конце которого ее ждет взрослая жизнь.

Разговорились они незаметно. Кажется, началось с того, что незнакомец помог засунуть на верхнюю, багажную полку ее сумку, после того, как Карина, краснея от неловкости и от натуги, дважды безуспешно попыталась это сделать сама.

— Наверное, Вы нечасто ездите в поездах? — спросил он.

— Нечасто, — коротко ответила Карина, и добавила — В первый раз.

— В гости или по работе? — поинтересовался мужчина.

Карина задумалась, не нашлась, что ответить, и честно сказала:

— Не знаю.

Незнакомец удивленно рассмеялся, но не обидно, а как-то очень весело и открыто. Он вообще располагал к себе, и это настораживало и привлекало одновременно. Карина подумала и тоже решила спросить:

— А Вы зачем едете?

Удивительно, но выяснилось, что он тоже переезжает: неприятный развод, трудности на работе, вот, решил начать новую жизнь подальше от

мегаполиса. Конечно, может быть поздно вато пытаться наладить все заново, когда тебе сорок девять, но все же...

— А выглядите моложе, — вырвалось у Карины, и она покраснела.

Мужчина опять рассмеялся, коротко и негромко.

— Я не представился, — спохватился он. — Аркадий. Леонидович.

— Карина, — сказала Карина, и добавила — Максимовна.

Получилось забавно. Она протянула руку, и мужчина легко пожал ее тонкие пальцы своими, сильными и теплыми.

Оказалось, что он историк, преподаватель; Карина сообщила, что она — медицинский работник, и оба согласились с тем, что врачи и учителя — самые важные в мире профессии.

Полустанки и деревушки мелькали, как загадочные планеты; ночные пространства разделяли иные миры, измерения, жизни; синеватые редкие вспышки прожекторов освещали купе, придавая всему загадочную многозначительность, словно здесь и сейчас происходило нечто просто и сложное одновременно: иногда можно почувствовать, как судьба приводит в движение скрытые механизмы вселенной, маскируясь мнимой случайностью событий. Разговор то тек плавно, то прерывался молчанием, но даже тогда Карине казалась, что беседа их продолжается и в тишине.

— Что Вы хотите найти? — спросила Карина после долгой, задумчивой паузы. — Там, в другом городе...на новом месте?

— Новую жизнь, — ответил ее собеседник. — Я иногда представляю, что человеческая жизнь — это книга, которую пишет неведомый автор. Иногда это скучная бытовая проза, или сентиментальный роман, или семейная сага. Моя жизнь в последние несколько месяцев была больше похожа на триллер, написанный помешанным графоманом. И сейчас я думаю, что мне пора сменить автора.

— Понимаю, — серьезно кивнула Карина. — Мне тоже кажется иногда, что я существую, как персонаж какой-то невеселой истории, словно все, что я испытаю, сделаю и переживу решено за меня. Но я не хочу менять автора. Я хочу написать свою книгу сама.

— Уверен, это будет бестселлер.

Аркадий Леонидович улыбнулся, и Карина почувствовала, как где-то внутри у нее рождается слабая искра, похожая на первую, чуть заметную глазу звезду на едва начавшем темнеть ночном небе; какое-то непривычное для нее, почти позабытое чувство, что-то оставленное в далеком детстве, в первых главах ее еще не оконченной повести. Ей понадобилось несколько долгих секунд, чтобы вспомнить название этому чувству: радость.

И она улыбнулась в ответ.

Санкт-Петербург,
2015 г.

notes

Примечания

1

Первые слова девяностого псалма: «Живущий под кровом Всевышнего под сенью Всемогущего покоится, говорит Господу: «Прибежище мое и защита моя, Бог мой, на Которого я уповаю!» (лат.)

Псалом 17, 1.12

Иов, 22.14

Якоб Шпренгер, Генрих Инститорис, «Молот ведьм»

Якоб Шпренгер, Генрих Инститорис, «Молот ведьм»

Якоб Шпренгер, Генрих Инститорис, «Молот ведьм»

Исход, 22.18

Начальные слова католической заупокойной молитвы: «Покой вечный даруй им, Господи, и свет вечный да светит им» (лат.)

Якоб Шпренгер, Генрих Инститорис, «Молот ведьм»

Исаия, 66.10: «Возвеселитесь с Иерусалимом и радуйтесь о нём, все любящие его» (лат.)

*«Светит мне пусть Крест Святой, древний змий да сгинет злой,
сатана пускай отыдет, суета в меня не внидет, злом меня да не искусит,
чашу яда сам да вкусит» (вольный перевод с латыни)*

Здесь и далее — молитва ритуала экзорцизма на латыни.

«Возлюбленная тень» (ит.) — название новеллы Э. Т. А. Гофмана и арии из оперы «Ромео и Юлия». По свидетельству современников, поселившийся в 1824 году на даче Аллеров поэт К. Н. Батюшков, находясь в состоянии психического расстройства, писал на окнах и стенах «Ombra adorata» и «Есть жизнь и за могилой». Дача Аллеров находилась на месте дома № 56–58 по Каменноостровскому проспекту в Петербурге, рядом с местом описываемых событий.

Обиходное название городской психиатрической больницы № 3 имени Скворцова — Степанова. Находится в Петербурге, на Фермском шоссе.

Психоневрологическая клиника имени Бехтерева. Находится в Петербурге, на 6-ой линии Васильевского острова

Старинное название Финского залива.

«Немецкими» называются двухэтажные дома характерной архитектуры, которые строились бригадами пленных немецких солдат после Великой Отечественной войны.

Здесь и далее: Яков Шпренгер и Генрих Инститорис, «Молот ведьм»

ИВС — изолятор временного содержания.

Якоб Шпренгер, Генрих Инститорис «Молот ведьм»

«Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь» (лат.)

Коринфянам, 3.19

Якоб Шпренгер, Генрих Инститорис «Молот ведъм».

Там же.

Якоб Шпренгер, Генрих Инститорис «Молот ведьм».

«Наше время» (лат.)

Кельтский праздник начала лета, традиционно отмечаемый 1 мая. Семантически связан с традиционными языческими праздниками различных народов, в том числе и с печально известной Вальпургиевой ночью.